СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

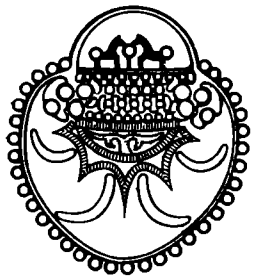
4

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1968

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
С. Н. Бибиков, *В. Д. Блаватский*, *М. К. Каргер*,
Е. И. Крупнов, *Б. Б. Пиотровский*, *Б. А. Рыбаков*,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *С. А. Плетнева*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

А. Я. БРЮСОВ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУР КАМЕННОГО ВЕКА В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

В моем докладе для VIII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, состоявшемся в Москве в 1964 г., я писал: «В археологических выводах, имеющих отношение к проблеме этногенеза, многие совершенно неприемлемы... Начнем с указания на широко распространенную манеру составления схем смены различных культур на одной и той же территории. Обычно такие схемы предлагаются в следующем виде: в эпоху «А» на данной территории существовала культура «а»; в последующую эпоху «Б» она сменяется на всей или части той же территории культурой «б», а затем, в эпоху «В» культурой «в» и т. д. Почему и как совершается эта смена, в большинстве случаев не указывается. Остается неизвестным, куда пропало жившее там ранее население или почему у нового сразу исчезли все признаки, характеризовавшие его как этническое единство. Ушло ли оно и куда? Истреблено ли оно целиком? Откуда и почему явилось на это место новое население, характеризуемое новой культурой? Попытки такого объяснения, иногда весьма убедительные, конечно, делаются, но они составляют меньшинство, в большинстве же случаев этого не делается. И тогда по существу такие схемы представляют собой явный отголосок пресловутой теории миграции, служившей отмычкой для решения таких вопросов» [1].

Чтобы положить конец этой чехарде культур, нужна огромная и очень трудоемкая работа, выполнить которую одному человеку, безусловно, не по силам. Но начать ее несомненно надо. Поэтому я рискую высказать в этой статье свои предположения по этому вопросу касательно средней и северной части Восточной Европы в эпоху верхнего палеолита, мезолита и неолита. Естественно, что этими соображениями не исчерпывается полностью поставленная проблема. Но я надеюсь, что в ближайшем будущем дальнейшие работы других археологов позволят, наконец, сменить археологические культуры конкретными этническими общностями и племенами.

Памятники среднего и нижнего палеолита в северной половине Восточной Европы до сих пор, как и в соответствующих широтах других континентов, неизвестны. Но за последние годы памятники верхнего палеолита обнаружены раскопками В. И. Канивца в низовьях Печоры [2], Н. Н. Диковым на Камчатке [3], О. Н. Бадером открыта стоянка Сунгирь на Клязьме; сюда надо добавить стоянку Талицкого на Чусовой и стоянку Золоторучье I на верхней Волге, раскопанную Д. А. Крайновым и датируемую финальным палеолитом; кроме того, давно известны Карачаровская сто-

---

[1] А. Я. Брюсов. Что надо понимать под этническими общностями в археологии и их значение для проблемы происхождения древних и современных народов. VII МКАЭН, М., 1964, стр. 3.

[2] В. И. Канивец. Исследования печорского археологического отряда в северном Приуралье. ВАУ, Свердловск, 1962, стр. 112 сл.

[2] Полевой отчет Н. Н. Дикова о раскопках в 1964 г. Архив ИА, Р-12923.

янка на Оке и Улянкская стоянка в Чувашии[4]. Весьма вероятно, что малое количество верхнепалеолитических стоянок на севере зависит от того, что здесь их трудно обнаружить вследствие слабой обследованности севера в этом отношении. Лично я думаю, что средняя полоса и север европейской части СССР был заселен в верхнем палеолите по тем временам достаточно густо, за исключением области, близкой к центральному леднику, т. е. за исключением Карелии, Финляндии и Скандинавского полуострова. При этом заселение не носило характера вынужденного вытеснения части населения какой-либо другой группой, а являлось следствием обычного расселения, т. е. добровольного ухода в новые места при возросшем населении или вследствие какого-нибудь стихийного бедствия. Подчеркну, что во всех случаях мы имеем дело с длительно существовавшими стоянками, а не со временными стойбищами, за исключением, может быть, Карачаровской стоянки под Муромом.

Тут уместно сказать о климатических условиях. В начале этого века австрийский археолог М. Мух выступил со статьей о климате в ледниковый период. Сейчас его статья забыта,— и напрасно. В этой статье доказывалось, что климат в ледниковый период был специально «ледниковым» климатом и ничего общего не имел с климатом полярным. Ведь солнечные лучи падали на земную поверхность под тем же углом, как и в настоящее время. Следовательно, климат в средних и южных широтах не мог становится таким же, как и полярный климат. Совершенно неправильно утверждение, что в ледниковый период «климатические и ландшафтные зоны в областях, лежащих вне оледенения, были сдвинуты далеко к югу»[5]. Да и представление о том, что в эпоху верхнего палеолита тундра заходила далеко на юг, более чем сомнительно. Достаточно обратить внимание на то, что вблизи от альпийского ледника простираются богатые луга — так называемые альпийские пастбища, чтобы найти основание для такого сомнения. Здесь не место входить в дальнейшее рассмотрение климатов ледниковых периодов или причин и времени образования тундры. Достаточно сказать, что в описаниях этого климата мы находим, как правило, не объективные доказательства делаемых заключений, а преимущественно субъективные предположения, основанные, главным образом, на фауне данного периода[6].

Как бы там ни было, человек достиг севера Европы и заселил его уже в верхнем палеолите, за исключением той части его, которая была скрыта под ледником и ближайших к ней областей. С этого момента я и начну свое исследование демографии северной половины европейской территории СССР.

На юге этой части СССР стоянки так называемой позднейшей поры палеолита, «финального палеолита», эпипалеолита, раннего мезолита (название каждый выбирает себе по вкусу) обнаруживают явную преемственность от верхнего палеолита[7]. Как же обстояло в этом отношении дело в северной половине европейской территории СССР? Здесь обстоятельства сложились несколько иначе. В связи с продолжавшимся непрерывно расселением человечества в конце палеолита и в мезолите почти вся территория Европы была уже заселена. В дальнейшем расселение шло в менее заселенные области, преимущественно на север, и главным образом из Азии. Это расселение не носило еще характера насильственных вторжений. Ни малейших следов больших изменений границ археологических культур вплоть до IV—III тысячелетий до н. э. не обнаружено. Это спо-

---

[4] А. Я. Брюсов. Следы палеолитической стоянки у сел. Улянк (Чувашская АССР). БКИЧП, 6—7, М., 1940, стр. 76—78.

[5] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 26.

[6] П. П. Ефименко. Ук. соч., для примера приведем главу «Природные условия в конце ледникового времени», стр. 266—271.

[7] Это прекрасно можно видеть из описания этой эпохи у П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 620—633.

собствовало смешению населения[8]. Экзогамия и обычай усыновления крупным племенем почему-либо катастрофически уменьшившегося в числе другого племени господствовали в первобытном обществе, во всяком случае, со времен сложения родового строя, что относится к эпохе верхнего палеолита, если не ранее. Возможно, что этими обстоятельствами объясняются факты обнаружения в погребениях этого времени негроидов[9] и метисное европеоидно-лапаноидное население севера СССР[10].

Сказанным я, естественно, не утверждаю, что в эту эпоху не было ни одного случая столкновения между племенами или, вернее, между частями племен из-за ссор и обид, из-за захвата охотничьих участков или рыбьих угодий, из-за многолетней враждебности, вроде ссоры «из-за бабушкиной верблюдицы» у арабов[11]. Но то не были войны для захвата территории. Такие войны возникли только в конце неолита при полном оформлении пастушеского хозяйства у части южных племен.

В статье о заселении севера европейской части СССР я изложил свою гипотезу о заселении этой части Европы с востока, из-за Урала[12]. Я относил это время к мезолитической эпохе, поскольку палеолитические памятники не были еще здесь известны, за исключением стоянки Талицкого. В настоящее время я не отказываюсь от мысли, что в мезолите шло интенсивное расселение на север европейской части СССР и притом из-за Урала. Это подтверждается теми фактами, которые были приведены в моей статье. Новые данные показывают только, что началось это заселение раньше, а в мезолите продолжалось, дойдя на западе до Скандинавии. Маловероятны сомнения в том, что заселение севера в палеолитическую эпоху происходило тем же путем, что и последующее заселение, т. е. из Сибири. К какой большой расе принадлежало это население, мы точно говорить не можем, но предположительно можно думать, что это были предки угро-финнов, палеоазиаты, лапаноиды, которых мы застаем на северо-востоке позднее, в мезолите.

В Карелии, не имевшей в последний ледниковый период населения, оно появляется только в мезолитическую эпоху[13]. Наиболее замечательным и лучше исследованным памятником здесь является Оленьеостровской могильник на Онежском озере. Антропологическое изучение останков людей из этого могильника показало, что памятник принадлежал представителям метисной расы, смешению поздних кроманьонцев с лапаноидами[14]. Судя по предметам, найденным в погребениях этого могильника, в частности по большому количеству наконечников стрел «свидерского» типа (Свидра I и II), неизвестных в других случаях для Карелии, и по такому же большому количеству наконечников стрел «шигирского»

---

[8] Экзогамия, которая господствовала в родовом обществе, предписывала брать жену из определенного рода, но вне своего племени мужчина мог взять в жены любую женщину или женщина взять в мужья любого мужчину.

[9] М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. Тр. ИЭ, нов. сер., XXVIII, М., 1955, стр. 390—393.

[10] В. И. Жиров. Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова. КСИИМК, VI, 1940; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу, стр. 296—320.

[11] По преданию, Амр ибн Кюльсум и Харис ибн Хыллизе были представителями племен, 40 лет воевавших (494—534 гг.) из-за бабушкиной верблюдицы. См. А. Крымский. Арабская литература. БЭНЭС, 3, СПб., 1911.

[12] А. Я. Брюсов. Заселение севера европейской части СССР по археологическим данным. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковед., 2, Л., 1948.

[13] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Тр. ГИМ, IX, М., 1940, стр. 17—34; Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. Л., 1964. Должен оговориться, что о стоянках с кварцевым инвентарем на севере Карелии и аналогичных «кремневых местах» на Кольском полуострове я судить в настоящее время за недостатком соответствующих данных не берусь. Замечу только, что с мнением Г. А. Панкрушева, относящего их к мезолиту, я не согласен, считая, что только часть их может быть отнесена к этому времени.

[14] См. прим. [10].

типа, можно сделать заключение о характере процесса метизации. Именно в это время племена свидерской культуры начали расселяться к востоку, и наконечники свидерского типа встречаются на стоянках до верхнего течения р. Оки [15]. Вполне возможно, что в то же время племена свидерской культуры проникли и в южную Карелию, поселились среди прафинно-угорских племен и были последними ассимилированы. Во всяком случае, в Карелии обнаружено только несколько стоянок с инвентарем типа, аналогичного Оленьеостровскому могильнику [16].

Одновременно и даже, может быть, несколько ранее на север европейской части СССР начинает проникать мезолитическое население юга, впрочем не заходя далеко на север. Свидетельством этого являются такие стоянки, как Елин Бор на р. Оке и ей подобные [17]. Северная граница их проникновения неизвестна [18]. Но на этой ступени развития общества, при редкости мезолитического населения на севере Европы, всякое такое расселение происходило мирным путем и различные племена легко уживались друг с другом.

Должен сказать несколько слов о мезолите, так как я сильно расхожусь с общепринятым взглядом на мезолитическую эпоху [19]. Сложилось мнение, что мезолит характеризуется микролитическими кремневыми орудиями геометрической формы, сегментами, трапециями и т. д., остриями и ножевидными пластинками. Нередко даже можно встретить утверждение, на основании находок на стоянке подобного комплекса кремневых орудий, что данная стоянка относится к мезолиту, хотя статиграфия культурного слоя противоречит этому; или, наоборот, отрицается мезолитический возраст стоянки на том основании, что на ней найден наконечник стрелы неолитического типа, ретушированный с обеих сторон и с ясно выделенным черешком, несмотря на то, что подобные наконечники встречаются даже на стоянках верхнего палеолита [20].

Кроме того, господствует всеобщее мнение, что в мезолите люди были еще незнакомы с керамическим искусством, с земледелием и что в мезолите не может быть и речи о поселениях городского типа и т. д. Эта выдуманная унификация общества мезолитической эпохи совершенно не соответствует фактам. В зависимости от внешних условий в различных местах в мезолите в разное время создались различные археологические культуры. Жители мезолитического Иерихона практиковали земледелие, окружили поселение стеною с башнями, но не знали керамики [21]. Представители культуры кьёккенмёддингов, стоявшие гораздо ниже по степени развития, уже выделывали глиняные сосуды, равно как и представители культуры Кампиньи (впрочем, некоторые археологи отрицают мезолитический возраст этой культуры). Для многих, особенно северных, стоянок в мезолите характерными были кремневые макролитические орудия. И, наоборот, многие племена дожили до позднего неолита, пользуясь микролитоидными орудиями. Некоторые соображения заставляют думать, что в конце палеолита, при полном оформлении родового строя, должны были сложиться племенные группы, т. е. отчетливо выраженные археологические культуры. И действительно, в мезолите выделяются такие непохожие друг на друга культуры, как культура Мас-де-Азиль и тарденуазская

[15] Ed. Sturms. Die Ursprung der Kamm- und Grubchenkeramik Osteuropas. «Commentaciones balticae», 3, Bonn, 1957.

[16] Г. А. Панкрушев. Ук. соч., стр. 40—42.

[17] Например, дюна Красные Кусты на Оке и др.

[18] Так как мезолитический возраст многих из стоянок, обычно принимаемых за таковые, стратиграфически не подтверждается, как, например, Коприно, Соболево и др. А. Я. Брюсов и Д. А. Крайнов. Проблема северного мезолита. Тр. КИЧП, I, М., 1961.

[19] А. Я. Брюсов. Мезолитическая неурядица. «Историко-археологический сборник МГУ к 60-летию А. В. Арциховского». М., 1962, стр. 24—30.

[20] См., например, J' Dechelette, Manuel d'archeologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. I, 1912, стр. 141, рис. 51.

[21] К. М. Кенуон. Digging up Jericho, London, 1957, стр. 51.

культура в Западной Европе. Как могли они возникнуть на единой основе западноевропейского финального палеолита? Все это заставляет предполагать, что уже в верхнем палеолите слагались различные варианты их. И действительно, к востоку от классически выраженной последовательности ориньяк — солютре — мадлен некоторые из этих стадий выпадают [22]. Естественно, что при дальнейшем развитии в этих областях археологические культуры начинают все более и более отличаться друг от друга. В связи с нашей темой нас должна особенно заинтересовать стоянка Ляпош (в Румынии), обнаружившая непрерывное развитие ориньякской культуры в течение всего верхнего палеолита и непосредственно затем перешедшая в верхних слоях в культуру Кампиньи [23]. Это, конечно, не культура Кампиньи, как предполагает автор раскопок Флорео Могошану, но на севере европейской части СССР имеется несколько таких стоянок [24]. Стратиграфически возраст некоторых из них безусловно подтверждается резкими следами солюфлюкции на почве, подстилающей культурные слои стоянки Золоторучье I, раскопанной на верхней Волге Д. А. Крайновым, и стоянки Бехово [25] на р. Оке. Интересно, что жители Бехова использовали для выделки орудий черный плиточный местный кремень, позднее залитый водами Оки и не применявшийся более в неолитическую эпоху. Сюда же надо отнести местонахождение около Тарусы, где М. М. Герасимовым, А. Н. Воронковым и другими был собран большой подъемный материал, привезенный с балластом откуда-то из окрестностей д. Велегожи; материал этот совершенно подобен беховскому [26].

Типичными орудиями для всех этих стоянок являются «транше» и пики, рубанкообразные крупные кремневые орудия, которые А. Альтин назвал «блок-скребками», клиновидные топорообразные орудия, в большинстве случаев обработанные сколами («транше» большого размера), а частично зашлифованные по лезвию, и, наконец, аморфные кремневые орудия с частичной ретушью. Такого рода мезолитические культуры интересны в связи с нашей темой, поскольку Бехово дает возможность точно установить происхождение окских неолитических культур (в данном случае белевской культуры) от находящихся в том же районе мезолитических культур. Ведь в 1945 г. я выделил белевскую культуру из других окских культур именно на основании наличия в ее инвентаре на всех этапах развития кремневых пик и «транше», хотя и не называл их этими терминами [27]. Из этого можно заключить, что часть окских неолитических

---

[22] См. П. П. Ефименко. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. СА, XXVI, 1956, стр. 28—53.

[23] Floreo Mogoşanü. Probleme noi in aşezareo de la Lapoş. SCIV, 1964, XV, 3 (2).

[24] Большое число мезолитических стоянок этого типа исследовал К. Альтин на Шёнене (C. A. Althin. The Chronology of the Stone Age Settlement of Scania, Sweden. I. The mesolithic settlement. AAL, Bonn-Lund 1954). Сюда же относятся стоянки, исследованные И. Рудинским на Украине,— Смячка, Старая Ушица и др., отнесенные им к раннему неолиту, но сопоставляемые по инвентарю с культурой Маглемозе (М. Рудинський. З матеріалів до предісторії Поділля. «Антропологія», 2, Київ, 1929). Сюда же я отношу стоянки культуры Кунда. Близкие формы дает также раскопанная В. М. Раушенбах мастерская Голый Камень, но уже в Среднем Зауралье, близ г. Нижнего Тагила (В. М. Раушенбах. Мастерская каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагилом. СА, 1961, 2). Некоторые соответствия в специфических формах орудий макролитической техники встречаются далеко на юге, например, на известной мезолитической стоянке Мойта Себастьяну, которую в русской археологической литературе принято, неведомо почему, объединять с другими стоянками на р. Мугем, считая все их за одну стоянку и называя общим именем «стоянка Мугем» (см. Abbé Jean Roche. Le gisement mésolithique de Moita de Sebastiio. Lisboa, 1960).

[25] А. Я. Брюсов, Д. А. Крайнов. Проблема северного мезолита. Тр. КИЧП, I, М., 1961.

[26] Все данные о стоянке Бехово на р. Оке не опубликованы. Частично сведения об этой стоянке имеются в отчете А. Я. Брюсова за 1962 г. Архив ИА, Р-12571.

[27] Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 год. Отд. ист. и филос. М., 1947, стр. 57, 58.

культур является продолжением автохтонных мезолитических культур, с соответствующим выводом о составе ранненеолитического населения.

Возвращаясь к вопросу о населении севера европейской части СССР в мезолитическую эпоху, мы имеем право констатировать его разношерстность: потомки палеолитического населения Азии, несомненно пришедшие сюда с востока, которых мы можем назвать палеоазиатами и которые были первыми обитателями этого края; с ними смешались более поздние, мезолитические пришельцы с того же востока, из Азии, по-видимому, откуда-то с Алтая, по заключению А. Кастрена [28]. Так образовался основной массив северного населения. На западе этой области в мезолите появились также европеоиды — племена свидерской культуры, а также некоторое количество мезолитических европеоидных племен, пришедших с юга, но не продвинувшихся, по-видимому, далеко к северу. Надо полагать, что за тысячи лет сожительства бок о бок друг с другом население это мало-помалу нивелировалось в том смысле, что основные обычаи и речь подавляющего большинства пришельцев с востока, праугро-финнов, возобладали, южные же пришельцы были ассимилированы. Так можно судить по позднейшим данным.

Позднее в неолите, а может быть в самом конце мезолита (что менее вероятно), положение несколько меняется. Судя по последующим событиям, приходится заключить, что в это время, вероятно в IV—III тысячелетиях до н. э., в Западной Сибири происходили большие передвижки населения. Угро-финские племена, издавна занимавшие области по нижнему течению Камы и Оби с их притоками и западное Заволжье (кроме его южной части), вынуждены были массами переселяться на запад, который, как говорилось, был заселен еще в палеолите. Но теперь масса финских племен устремилась на Оку с ее притоками и верхнюю Волгу, где население было еще довольно редко. Можно согласиться с М. А. Кастреном, когда он цитирует из работы В. Миллера такую фразу: «Именно финские народы дали самый большой импульс к передвижению народов, которое в Европе принято называть великим передвижением народов» [29].

Нам не известны причины этих передвижек в Сибири. Но возможно, что тут действовали те же причины, что и в Европе и в других частях Азии,— недостаток пастбищ при расширившемся скотоводстве: пастушеские народы вытесняли охотников и рыболовов с их насиженных мест. При позднейших движениях эта причина явственно обнаруживается. Как бы там ни было, в IV—III тысячелетиях до н. э. средняя полоса европейской части СССР, помимо обычного процесса заселения, начинает сразу пополняться крупными массами людей, вытесняемых с востока.

Но тут я сделаю оговорку. Не в качестве безусловного факта, но в виде весьма вероятного предположения надо сказать, что верхнее течение рек Оки и Клязьмы, по-видимому, было густо заселено уже в мезолите местными племенами и некоторым количеством пришлых племенных групп с запада (см. выше) из области распространения свидерской культуры. Во-первых, на ряде мезолитических стоянок верхней Оки используется только местный, впоследствии залитый водами реки черный плиточный кремень, и типы орудий из него имеют специфически местный, не встречающийся на востоке Оки макролитический облик: пики, «транше», «блок-скребки» и т. д., продолжающие преемственно употребляться в местной неолитической белевской культуре [30]. Во-вторых, керамика ранних стоянок

[28] Таков результат лингвистических и этнографических работ М. А. Кастрена, более 10 лет (с 1838 по 1849) проведшего в поездках от Финляндии до Алтая. M. Alexander Castren. Reiseerinnungen aus den Jahren 1836—1844. S-Petersburg, 1853; его же. Reiseberichte aus den Jahren 1845—1849. S.-Petersburg, 1856. Из последних работ см. также C. F. Meinander. Var bodde urfinnarna. «Nordenskiold samfundets tidskrift», 1954, стр. 79.

[29] M. Alexander Castren. Reiseberichte aus der Jahren 1945—1849, стр. 75.

[30] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 52.

льяловской неолитической культуры на верхнем течении р. Клязьмы в подавляющем большинстве имеет характерный для севера СССР ранний орнамент в виде глубоких круглых конических ямок [31], а среди кремневых орудий — те же пики и «транше», что дало повод Б. С. Жукову сопоставлять Льяловскую стоянку с памятниками мезолитической культуры Маглемозе [32].

И, наконец, прослеживая пути продвижения финских племен в начале неолита, мы видим, как это движение (и несколько позднее движение с юга племен культуры боевых топоров) сдвинуло и привело в движение на север значительную часть белевских и льяловских племен. Об этом говорит ранняя керамика племен Карелии и части Вологодской области. Уже начавшая распространяться с запада (и обозначающая движение племен из Финляндии, для которых характерна такая керамика) керамика типа «сперрингс» уступает место ранней северной ямочной керамике и типичной для белевской культуры ромбической керамике. В IV тысячелетии на северо-западе появляются стоянки волосовской культуры [33], в III же тысячелетии до н. э. мощное движение с юга племен культуры боевых топоров, о котором будет сказано ниже, усилило отток окских племен за Волгу, в результате чего возникли карельская, каргопольская и, вероятно, беломорская неолитические культуры [34].

Однако значительная часть племен белевской культуры, судя по большому числу стоянок, относящихся к этому времени на Верхней Оке, позволяет думать, что население здесь было многочисленным. Может быть, об этом свидетельствует и тот факт, что южные племена срубной культуры (возможно, на полтавскинском этапе), продвинувшиеся позднее на нижнее течение р. Оки, не проникли на ее верховье.

Вниз по течению Оки, ниже области, занятой племенами белевской культуры, находилась территория племен рязанской культуры. Эти племена, очевидно, автохтонного происхождения, потомки мезолитического населения, занимали тут большое пространство по притокам Оки. Приблизительно между левыми притоками Оки — Осетром и Мокшей — известно около 100 стоянок неолитической эпохи, относящихся к рязанской культуре. Культура эта преемственно развивалась на протяжении всего мезолита без признаков какого-либо притока нового населения извне вплоть до II тысячелетия до н. э. Но и то для начала этого тысячелетия мы имеем право говорить только о каких-то связях племен рязанской культуры с южными племенами срубной культуры. Об этом свидетельствуют находки срубной керамики на стоянках рязанской культуры, и только с середины этого тысячелетия на южной половине области, занятой этой культурой, мало-помалу возникает культура, называемая подборновской (или поздняковской) [35], имеющая близкое подобие срубной культуре.

---

[31] Ср. в группе сунских стоянок в Карелии наиболее древнюю Суну V или керамику в древнейшей части стоянки Караваиха. А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 98; его же. Караваевская стоянка. Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961, стр. 97.

[32] Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялова, Моск. уезда. «Русский антропологический журнал», 1925; прил. к № 14, 1; Б. А. Куфтин. Льяловская неолитическая стоянка на р. Клязьме в Моск. уезде и ее отношение к окскому неолиту Рязанской губернии и раннеолитическим культурам северной Европы. «Материалы по археологии Рязанского края», 5, Рязань, 1925.

[33] Большое Буньково на р. Клязьме, Николо-Перевоз на р. Дубне, стоянка на Бисеровом озере и др. См. А. Я. Брюсов, М. П. Зимина. Каменные сверленые боевые топоры на территории европейской части СССР. САИ, В. 4—4, М., 1966, стр. 17, примечание 40.

[34] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен...

[35] Б. А. Куфтин. Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на оз. Подборном близ гор. Касимова Рязанской губ. «Материалы по доистории Центрально-Промышленной области», М., 1927; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 69 сл.

Прослеживая неолитические культуры ниже по Оке, мы обнаружили широко известную волосовскую культуру. При первом же ознакомлении с ней бросается в глаза, что эта культура представляет собою нечто совершенно отличное от всех прочих неолитических окских культур, и даже от всех культур, распространенных на севере европейской части СССР в неолитическую эпоху,— культур с ямочно-гребенчатой керамикой. Появляется она довольно поздно, по-видимому, в IV тысячелетии до н. э., вполне оформленной, со всеми особенностями, отличающими ее от других северных и в частности окских культур: применением для орнаментации керамики рамчатого штампа; широким использованием узора, получившего название «шагающей гребенки». Узоры на сосудах волосовской культуры часто носят беспорядочный характер, чего никогда не бывает в культурах ямочно-гребенчатой керамики; к глиняному тесту обильно примешивается толченая раковина (позднее заменяемая растительной примесью); кремневые орудия получают специфическую форму («волосовский» тип), как, например, крупные и мелкие долота, или так называемые «жерлицы» (название, которое дал им А. С. Уваров и назначение которых до сих пор остается неопределенным); тип волосовских жилищ представляет собою большие и глубокие землянки с длинными выходами наружу — тип, несвойственный племенам севера европейской части СССР, но встречающийся на дальнем северо-востоке и в Западной Сибири. С полной уверенностью можно полагать, что ни одна из известных культур европейской части СССР не служила исходной областью племен волосовской культуры. Некоторые черты, характеризующие эту культуру, мы встречаем в Среднем Зауралье того же времени (шигирская или горбуновская культура): широкое применение в орнаментике глиняных сосудов шагающей гребенки. Но больше между ними различий. Таким образом, мы находимся в тупике: ни автохтонной, ни пришлой из определенной области признать ее нельзя. Но откуда-то она пришла! Ни с юга, ни с запада; на востоке же хотя бы есть намеки на ее появление оттуда. Остается одно — предположить, что волосовская культура возникла где-то недалеко от Среднего Зауралья, на западном или восточном склоне Урала.

Некоторым подтверждением этого предположения мог бы служить факт появления в Заволжье полтавкинской культуры, позднее распространившейся (на стадии срубной культуры) далеко на запад. Смею высказать предположение, что обе эти культуры — волосовская и полтавкинская — были также вытеснены (но в разное время) из-за Урала [36]. Причиной могла быть экспансия племен среднеазиатских степей. Так или иначе волосовская культура появилась в долине Оки, потеснив племена балахнинской культуры. Отношения между двумя этими культурами трудно уяснимы. Тот факт, что волосовцы пришли сюда тогда, когда эта область была уже обжита племенами балахнинской культуры, не подлежит сомнению, равно как и факт насильственного вторжения племен волосовской культуры. Об этом красноречиво свидетельствует нарушение волосовской землянкой погребения балахнинской культуры, что было обнаружено раскопками В. А. Городцова на Панфиловской стоянке [37]. Нарушить могилы предков какого-либо племени никогда не позволило бы себе племя, не находящееся с ним во враждебных отношениях. Но мы видим, что до позднего времени на памятниках волосовской культуры встречаются, и в достаточно большом количестве, черепки от сосудов балахнинского типа наряду с волосовской керамикой. Этот странный факт можно объяснить тем, что, веро-

[36] Я не решаюсь утверждать, как это делают некоторые археологи и антропологи, что волосовская культура принадлежит европеоидам. Во всяком случае, если это и так, то позже она оказалась метисной (европеоидно-лапаноидной) под воздействием окружающего населения.

[37] В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка (Владимирской губ. Муромского уезда). «Материалы по изучению Владимирской губернии». Владимир, 1926, стр. 3—20; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 75.

ятно, западная часть племен балахнинской культуры (область которых заняли волосовцы) была сильно децемирована в результате вторжения волосовцев и остатки этих племен (или племени) были адаптированы победителями. На вероятность этого указывает то обстоятельство, что находимая на волосовских стоянках балахнинская керамика относится исключительно к раннему ее типу [38].

Происходило это вторжение волосовских племен в III и IV тысячелетии до н. э., и далеко не в конце его. Об этом ясно говорят раскопки В. М. Раушенбах в местности Николо-Перевоз и у д. Сущево на р. Дубне [39]. Раскапывая эту стоянку, она обнаружила коллективное погребение в культурном слое, причем этот культурный слой залегал ниже и выше погребения. Погребение относилось к фатьяновской культуре и содержало 9 захороненных с оружием воинов, взрослых и подростков, убитых, вероятно, волосовцами, так как среди костей их находились кремневые наконечники стрел волосовского типа, непохожие на наконечники фатьяновского типа, лежавшие в погребении группой (по-видимому, лежали в несохранившемся колчане). Очевидно, фатьяновцы были убиты во время их движения на Верхнюю Волгу [40] из южнорусских степей, что происходило в конце III тысячелетия до н. э. Значительная толщина волосовского слоя, подстилающего это погребение, свидетельствует, что волосовские племена пришли сюда много раньше, по меньшей мере в первой половине III тысячелетия до н. э.

Появившись на Оке, волосовские племена не прекратили своего движения. Они проникли далеко на север, но в основном областью их расселения были низовья Оки и Клязьмы. Их поселения мы находим у оз. Станок в Костромской области и, как говорилось, на р. Дубне и в других местах. Причиной такого движения надо считать давление на волосовцев племен срубной культуры, стремившихся расширить пределы занимаемой ими зоны [41], тем более, что это происходило в эпоху продвижения степи к северу. Это движение степняков к северу отразилось не только на движении волосовских племен, значительно сильнее оно отразилось на племенах в верховьях Оки и Клязьмы. Начавшееся в III тысячелетии до н. э. переселение с востока скотоводческих племен полтавкинско-срубной культуры затронуло не только племена степи, которые, сами будучи скотоводами, вынуждены были искать себе новых пастбищ. Естественно, что прежде всего затронута была восточная часть их, оттесняемая на юг и на север, но главным образом к западу, в свою очередь создавая тесноту населения, особенно в конечном пункте поселений на западе, у Днепра. Теснимые в то же время племенами трипольской культуры с запада, они, со своей стороны, частью оттеснили трипольцев с Днестра, частью двинулись вверх по Днепру в поисках места для поселения. Часть их появляется в это время к северу от Карпат [42].

Более того, движение по Днепру сдвигает часть племен среднеднепровской и, вероятно, волыно-мегалитической культур. Для того чтобы представить себе огромное значение и силу этого движения, надо подумать, какая масса людей была вовлечена в него. До того племена ямно-катакомбной культуры занимали пространство степей от Волги до Днепра. Начавшееся продвижение племен полтавкинско-срубной культуры буквально вы-

---

[38] О раннем и позднем типах балахнинской керамики см. О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. Сб.: «Из истории родового общества на территории СССР», Л., 1935; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 88.

[39] В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. Тр. ГИМ, 37, М., 1960.

[40] А. Я. Брюсов и М. П. Зимина. Каменные сверленые боевые топоры; А. Я. Брюсов. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. СА, 1965, 2.

[41] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 82.

[42] Jan Machnik. Untersuchungen über schnurkeramische Kultur in Südpolen. «Archaeologia polona», 1961, 4, карта 1.

теснило их со всей этой территории; археологически не осталось ни малейших признаков ямко-катакомбной культуры во всей этой обширной области; ее многочисленное население ушло из нее вместе со своими стадами. Но степи, подобной той, которую покинули, они конечно не обрели. Вместо нее они заняли в европейской части СССР пространство по Верхней и части Средней Волги (правобережье от Горького до Казани) и правобережье в низовьях р. Вятки [43]. Конечно, для всей массы этого пастушеского населения этого было недостаточно. Поэтому они пошли далее и за пределами современного СССР заселили значительные площади в Финляндии, Скандинавии и Швейцарии. Но это выходит уже за рамки данной статьи.

Большая часть Поволжья оказалась заселенной этими племенами фатьяновской культуры, а население, занимавшее эти земли ранее, принуждено было уйти, главным образом на север. По пути следования переселенцев по Днепру, Оке, Волге, Западной Двине, Висле жившие там племена, несомненно, также пришли в движение.

В дальнейшем до позднего времени крайний Север не переживал каких-либо крупных изменений в составе населения. Бывали, конечно, столкновения между некоторыми племенами, которые иногда нам удается проследить археологически. Так, например, на северном берегу Белого озера стоянка у р. Водобы имеет два слоя: нижний слой относится к карельской культуре, верхний же —к каргопольской, без стерильной прослойки между ними. Очевидно, племени каргопольской культуры удалось почему-то, в силу какой-то распри, занять этот пограничный между обеими культурами участок. О столкновении между племенами карельской и беломорской культур можно судить по имеющей, очевидно, мемориальное значение сцене, изображенной на скале в низовьях р. Выга (на скале Залаврута) [44]. Здесь изображены две сражающиеся друг с другом группы людей. Одни из них изображены стоящими или идущими на лыжах (так называемые лыжники), другие сосредоточены около лодок (так называемые мореходы), одна из которых показана потопленной, т. е. изображена вверх килем. Обе группы осыпают друг друга стрелами. Раскопки тут же на берегу обнаружили кратковременную стоянку, на которой оказались предметы, характерные для беломорской культуры. Район же низовьев Выга входит в область распространения карельской культуры.

Что касается средней полосы, то там произошли большие изменения. Главными из них были прекращение экспансии племен волосовской культуры и расселение по Верхней и части Средней Волги и части Вятки племен фатьяновской культуры. При этом особо надо отметить, что, поселившись в окружении многочисленных праугро-финских племен, фатьяновцы почти не поддерживали с ними отношений. Во всяком случае, при раскопках неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой не встречается в инвентаре этих стоянок каких-либо характерных для фатьяновской культуры предметов, кроме редких находок сверленых каменных топоров, которые, скорее всего, могут быть военными трофеями. В погребениях же фатьяновцев никогда не находят предметов, характерных для культур ямочно-гребенчатой керамики. Между пришельцами и местным населением установились явно враждебные отношения, продолжавшие существовать до середины II тысячелетия, когда прекратила существование фатьяновская культура.

Сравнивая этот факт гибели по тому времени мощной культуры с более поздним фактом ассимиляции завоевателей болгар значительно превосходившими их в численности местными славянскими племенами в современной Болгарии, я предполагаю, что и здесь происходило то же самое.

---

[43] См. прим. [40].

[44] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Тр. ИААЭ, 2, Л., 1936.

И здесь завоеватели оказались, в конце концов, слишком слабыми, а главное, обладающими совсем иным строем языка, чем преобладающая масса населения. Характерно, что то же самое произошло и с той группой переселенцев, которые захватили юго-запад Финляндии; они приблизительно в это же время исчезают с карты Европы как носители археологической культуры ладьевидных топоров. Те же группы, которые попали на Запад, заселенный индоевропейцами [45], сохранились до современности, положив начало германо-балто-славянской ветви индоевропейцев [46].

Также во второй половине II тысячелетия до н. э. на территорию европейской части СССР проникают, по-видимому, племена индоевропейцев, исходная область которых в данный момент археологией не вполне выяснена. Я имею в виду так называемую абашевскую культуру. П. Н. Третьяков выводит ее с запада. «Не выходя за рамки предположения, мы высказались бы за попытку поисков одного из важнейших компонентов абашевской культуры,— пишет он [47],— на западе европейской части СССР в среде близких, родственных фатьяновской культуре средчеднепровских культур начала II тысячелетия до н. э.». Фатьяновскую же культуру, в которой П. Н. Третьяков пщет «один из источников абашевской культуры», он рассматривает как «восточную ветвь большой группы близких друг другу среднеевропейских и восточноевропейских племен, известных в археологии под названием племен культуры шнуровой керамики» [48]. Этот взгляд на фатьяновскую культуру, представление о среднегерманской культуре шнуровой керамики как о культуре, имевшей широкую экспансию и на восток, безнадежно устарел. Представляющая сугубо националистически-германскую точку зрения, особенно развитую Густавом Коссиной в «детской комнате археологии» [49], эта гипотеза в настоящее время оставлена почти всеми археологами. Да и П. Н. Третьяков, как видно из приведенной цитаты, высказывается за эту мысль с рядом оговорок («не выходя за рамки предположения»). Более решительно высказался по вопросу об абашевской культуре К. В. Сальников. Он также склонялся к мысли, что абашевская культура «преемственно связана с фатьяновской [50] и что на южный Урал она распространилась из европейской части СССР. Главным доказательством этого он считал то, «что по мере удаления на восток число элементов, связывающих керамику абашевской культуры с фатьяновской, уменьшается...» [51]. Решение это — чисто субъективное. Я помню, как некогда Б. С. Жуков, читая в Антропологическом институте при МГУ доклад о развитии ямочно-гребенчатой керамики, начертил на доске ряд орнаментальных мотивов последовательно упрощавшихся слева направо, по его мнению, от более древних к более поздним. Присутствовавший при этом Б. А. Куфтин законно задал Б. С. Жукову вопрос: «А не думаете Вы, Борис Сергеевич, что дело обстоит совсем наоборот и что надо этот ряд читать справа налево, полагая, что орнамент со временем усложняется, а не упрощается?» Такие предположения, основанные на анализе орнаментики керамики, и притом без статистических подсчетов, чаще все-

---

[45] Согласно утверждению В. Георгиева. В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 249.

[46] См. прим. [40].

[47] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97, 1961, стр. 96.

[48] Там же, стр. 82.

[49] Так охарактеризовал коссиновскую идею о многочисленных походах «индогерманцев» (G. Kossinna. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frügeschichtlicher Zeit. «Mannus Bibliothek», 6, Leipzig, 1928) И. Вернер в статье: Ioachim Werner. Neue Wege vorgeschichtlicher Methodik. «Forschungen und Fortschritte», 8, 1954.

[50] К. В. Сальников. Абашевская культура на южном Урале. СА, XXI. 1954, стр. 81.

[51] Там же, стр. 83.

го приводят исследователя к неверным выводам[52]. Можно согласиться с П. Н. Третьяковым, что фатьяновская культура была только одним из компонентов абашевской культуры, и притом, вопреки мнению П. Н. Третьякова, никак не одним из «важнейших». В таком случае на территории европейской части СССР нельзя назвать ни одной культуры, из которой непосредственно и преемственно могла бы возникнуть абашевская культура. Нечего и говорить, что в Западной Европе нет такой культуры. Отсюда следует, что, в противовес мнению К. В. Сальникова, приходится искать исходную область племен абашевской культуры на востоке, в Азии. Косвенным подтверждением этой гипотезы является большое количество и крупных кладов вещей, преимущественно бронзовых крупных орудий, типично абашевского типа на Южном Урале по ту сторону хребта: Верхнекизильский, Коршуновский, Ильдермековский, клад Веселовского. Известно, что клады зарывали в моменты особой опасности (а бронзолитейщикам эти клады не могли принадлежать, так как они состояли из набора самых различных вещей и притом совершенно целых). Поэтому я полагаю, что племена абашевской культуры, бывшие, как это видно по находкам костей домашних животных в их погребениях, племенами скотоводческими, были вытеснены, как и ряд других племен, из Азии в Европу. Характерно и то, что они нашли нужные им пастбища там же, где их искали другие переселенцы, на правом берегу Волги, в районе теперешних городов Горького и Казани. По-видимому, эта область была хорошо известна в древности, как имевшая хорошие пастбища, что подтверждается наличием там деградированного чернозема.

Но не только племена абашевской культуры нашли здесь себе пристанище. Мы видим, что сюда же в то же время передвигаются и племена так называемой сейминской культуры, которую не без основания выводят с верховьев Камы и также не без основания называют нередко сеймино-турбинской культурой[53]. И, наконец, племена фатьяновской культуры, разгромленные, в конце концов, местными неолитическими племенами, все время враждовавшими с ними, принуждены были искать себе нового убежища. Их остаткам не было иного пути, как на юг, в то же самое правобережье Волги. Здесь они объединились, очевидно путем адаптации, с одноязычными по системе языка индоевропейскими племенами абашевской и турбино-сеймино-сеймино-турбинской культур и находились вблизи от продвигавшихся с юга племен подборновской культуры, тоже индоевропейцев.

Такое понимание событий в этой области европейской части СССР объясняет многие недоразумения, которые возникают при изучении археологических памятников этого времени. Становятся понятными явления, давшие повод к выделению «чирковско-сеймино-сеймино-турбинской» культуры, «сохранившей позднеолитические и балановские традиции»[54]. Становится понятным образование так называемой культуры Хуласюч как механического смешения сеймино-турбинских традиций с привнесенными традициями адаптированных фатьяновцев в их балановском аспекте[55]. Становится понятной и шаткость их положения среди иноязычного населения: просуществовав несколько столетий, эти культуры угасают в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Очевидно, и здесь финно-угорская волна поглотила их. Един-

---

[52] Не привожу различных предположений других авторов о генезисе абашевской культуры: Н. Я. Мерперта, А. П. Смирнова, О. Н. Евтюховой, А. Х. Халикова. Статьи их см. в МИА, 97.

[53] О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.

[54] А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения среднего Поволжья и нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ, I, Йошкарола, 1962, стр. 74 сл.

[55] П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на средней Суре. КСИИМК, XXII, 1950, стр. 62 сл.; его же. Фатьяновские поселения в западном Поволжье. КСИИМК, 53, 1954, стр. 55 сл.; его же. Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР. СА, 1958, 4.

ственно что, может быть, осталось от того времени, это слабые намеки в языке, что давало повод Н. Я. Марру говорить о яфетидах на Волге [56].

Заканчивая на этом изложение сложившегося у меня представления о древней этнокарте северной половины европейской части СССР, я должен совершенно определенно сказать: я сам вижу отрицательные стороны этой концепции, так же как и значительные пробелы. Многие части территории севера европейской части СССР остались даже неупомянутыми: Прибалтика, Новгородская область, большая часть Архангельской, территория Удмуртии и др. Многие из моих положений весьма спорны и в будущем, может быть, должны быть изменены. Все это так, но цель моя заключается в том, чтобы предложить опыт переложения археологии на язык истории. Насколько удачен был этот опыт, предоставляю судить другим.

Конец II и начало I тысячелетия до н. э. служит для севера европейской части СССР как бы рубежом, во время которого складываются и развиваются конкретные финно-угорские единства, разработка последующей истории которых в значительной степени принадлежит уже историкам и лингвистам [57].

---

[56] Н. Я. Марр. Чуваши — яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926.
[57] Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Ф. А. МАХМУДОВ, Р. М. МУНЧАЕВ, И. Г. НАРИМАНОВ

О ДРЕВНЕЙШЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ КАВКАЗА

Кавказ является одним из древнейших очагов металлургии Старого Света. Отсюда понятен широкий интерес, проявляемый к исследованию проблемы металлургии Кавказа как в нашей стране, так и за рубежом. Как известно, особое место в разработке данной проблемы принадлежит А. А. Иессену, положившему начало подлинно научному изучению древней металлургии меди на Кавказе и убедительно доказавшему глубокую древность и самобытность кавказского металлургического очага. Его труды, получившие широкую известность и признание, дали сильный толчок к развертыванию углубленных исследований по разным вопросам, связанным с историей кавказской металлургии и металлообработки. В этой связи следует отметить работы Б. А. Куфтина[1], Е. И. Крупнова[2], Б. Б. Пиотровского[3], О. М. Джапаридзе[4], Д. Л. Коридзе[5], А. А. Мартиросяна[6], О. А. Абибуллаева[7] и других. Особо следует сказать о работах по химико-технологическому изучению древних бронз Кавказа. Выполненные в специальных лабораториях Института археологии АН СССР[8], Государственного музея Грузии им. Джанашиа[9] и особенно Института истории АН АзербССР[10] значительные серии спектральных анализов металла из памятников Кавказа III—II тысячелетий до н. э. позволили сделать ряд интересных выводов, касающихся истории древнейшей металлургии Кавказа. В частности, одним из наиболее важных заключений является вывод о том, что металлические предметы, обнаруженные в памятниках куро-аракской и майкопской культур и датируемые III тысячелетием до н. э., изготовлены не из чистой меди, а из искусственного сплава — медно-мышьяковистой бронзы. Это обстоятельство и многие другие данные, указывающие на развитие металлообработки на Кавказе в III тысячелетии до н. э., дали основание считать, что куро-аракская и майкопская культуры характеризуют не энеолит Кавказа, как это считалось до самого недавнего

[1] Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМГ, VII-Б, Тбилиси, 1944.

[2] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

[3] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949.

[4] О. М. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); его же. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на груз. яз. с русск. резюме).

[5] Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси. I, Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).

[6] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.

[7] О. А. Абибуллаев. К вопросу о древней металлургии в Азербайджане. МИА, 125, 1965.

[8] Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

[9] Ц. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали, О. Джапаридзе. К истории медно-бронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.); Ф. Тавадзе и Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959.

[10] И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960.

времени, а относятся к эпохе ранней бронзы. В этот период развитие металлургического производства на Кавказе достигает высокого уровня, и Кавказ становится ведущим центром металлопроизводства Юго-Восточной Европы.

В свете новых данных, полученных в минувшем десятилетии, устанавливается и другой важный факт: бронзовые предметы, обнаруживаемые в памятниках куро-аракской и майкопской культур, не являются самыми древними металлическими изделиями на Кавказе. При раскопках ряда памятников Закавказья, относящихся к IV и, возможно, V тысячелетиям до н. э., в частности в нижнем слое Нахичеванского Кюль-Тепе в Азербайджане и на поселении Техут в Армении [11], найдены отдельные медно-мышьяковые предметы. Это позволяет, с одной стороны, углубить на целое тысячелетие и даже более появление и использование металла на Кавказе, а с другой — объяснить предшествующим развитием тот высокий уровень металлургического производства, который наблюдается на Кавказе в III тысячелетии до н. э.

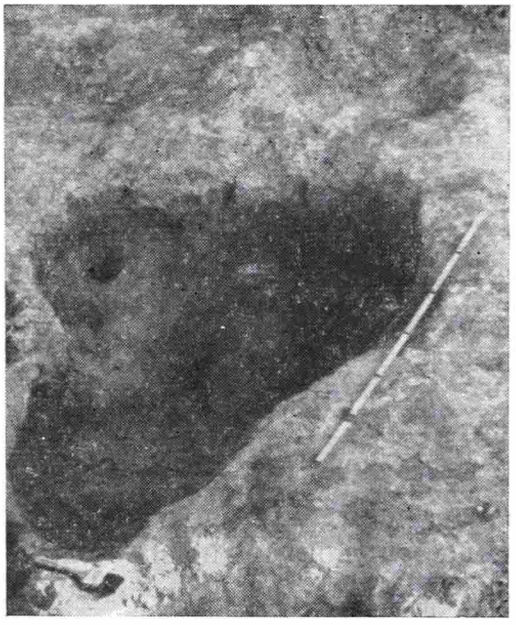


Рис. 1. Поселение Бабадервиш. Горн

Мы лишены пока возможности документировать все этапы металлургического производства на Кавказе в древности, в частности в III тысячелетии до н. э., начиная от добычи руды и первичной ее обработки и кончая изготовлением металлических предметов — орудий труда, оружия и украшений. До последнего времени для суждения о развитии местного металлопроизводства мы располагали значительной серией металлических изделий из памятников куро-аракской и майкопской культур и находками таких предметов, как льячки и особенно литейные формы, в том числе для отливки обушных топоров. Последние найдены, например, в Шенгавитском поселении [12], во втором слое Нахичеванского Кюль-Тепе [13] и других памятниках [14].

С точки зрения изучения древнейшего металлургического производства на Кавказе исключительный интерес представляют впервые выявленные в 1965 г. на памятнике куро-аракской культуры остатки медеплавильных горна и печей. Они открыты на поселении Бабадервиш (второй холм) в Казахском районе Азербайджана [15]. Здесь раскопаны остатки трех печей в виде ям, вырытых в грунте и несколько отличных друг от друга. Учитывая важность данного открытия, впервые конкретно доказывающего местное медеплавильное производство на Кавказе в III тысячелетии до н. э., мы даем ниже подробное описание каждого из них в отдельности.

Первый горн-печь имел в плане грушевидную форму (рис. 1). Он был

[11] И. Р. Селимханов, Ж. Р. Маршаль. О ранних этапах древней металлургии меди на территории Европы и Кавказа в свете новых понятий и результатов. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966, стр. 146.

[12] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 26, рис. 1.

[13] О. А. Абибуллаев. К вопросу о древней металлургии в Азербайджане, стр. 68, рис. 2, 3.

[14] А. А. Мартиросян. Ук. соч., стр. 28, рис. 3 (форма из Гарни).

[15] О поселении Бабадервиш см. И. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов. Акстафачанское поселение близ г. Казаха. СА, 1962, 4; и др.

вырыт в грунте на глубину 0,4 *м*. В широкой части диаметр его достигал 1 *м*. Узкая, передняя часть имела в длину 0,7, а в ширину 0,6 *м*. Дно и стенки печи под действием огня приобрели красно-кирпичный цвет. Вся внутренность ямы-горна оказалась заполненной золой, в которой отмечены угольки и небольшие куски производственных отходов сероватого цвета. Среди последних имелся сравнительно большой кусок шлака весом

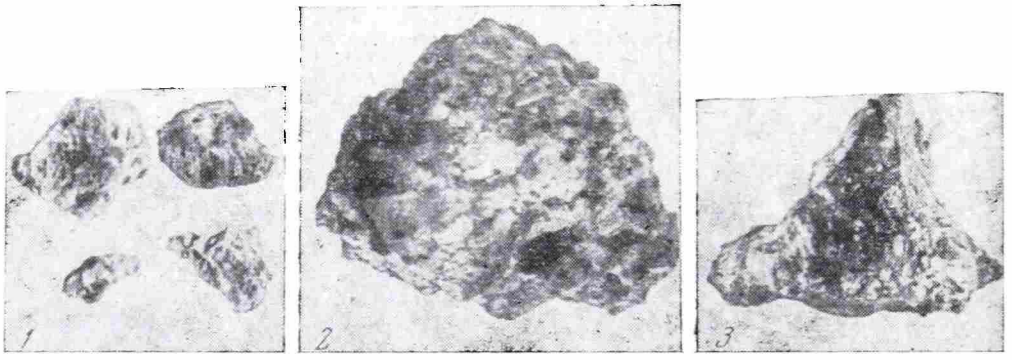


Рис. 2. Поселение Бабадервиш. Отходы металлургического производства

54 *г* (рис. 2, *2*). Спектральным анализом установлено наличие в его составе большого процента железа и алюминия, 0,1% мышьяка и следы меди[16]. На полу печи выявлены две ямки глубиной 6 и 8 и диаметром 10 и 12 *см*. Одна из них находилась ближе к стене, вторая — в 18 *см* от нее. Две такие же ямки оказались за пределами горна, у края ямы. Возможно, они связаны с устройством надземной части печи, от которой ничего не сохранилось. По всей вероятности, передняя узкая часть служила для топки, отсюда закладывали в печь дрова для завершения плавки руды.

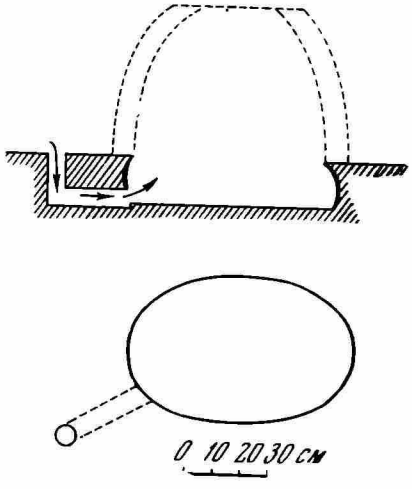


Рис. 3. Поселение Бабадервиш. Медеплавильная печь (план и разрез)

Это, несомненно, горн-печь для выплавки руды, что доказывается находками в ней кусочков металлургического шлака. Кстати, кусочек шлака весом 16,2 *г* найден и около горна (рис. 2, *3*). Анализ его дал следующие результаты: Cu+, Al — много, Mg — много, Si — много, Fe — много, Ni — 0,003.

Вторая печь, находившаяся рядом, в 0,25 *м* от первой, представляла собой овальную в плане яму с максимальным диаметром около 0,7 и глубиной 0,25 *м*. Она также была заполнена золой и кусочками древесного угля. По средней части пола проходила канавка, выходившая из ямы на дневную поверхность в виде отверстия диаметром около 10 *см*. У края этой печи также были отмечены ямки, по-видимому, для столбиков.

Третья печь. Подземная часть ее представляла овальную в плане яму диаметром 0,8 × 0,51 и глубиной 0,17 *м* (рис. 3), заполненную золой. Стенки ямы и пол имели красно-кирпичный цвет. В 24 *см* к северо-востоку от печи находилось отверстие диаметром 8 *см*, вертикально уходящее в грунт и затем заворачивающее в сторону ямы и соединявшееся, таким

[16] Анализы выполнены в лаборатории Института истории АН АзербССР под руководством И. Р. Селимханова.

образом, с дном печи. Несомненно, что это отверстие представляло собой поддувало.

Таким образом, в двух последних печах устанавливается применение техники дутья посредством специальных канавок-отверстий, четко прослеженных в процессе раскопок. Трудно переоценить значение впервые открытых на Кавказе в памятнике III тысячелетия до н. э. специальных медеплавильных печей, воздуходувное устройство которых восстанавливается с достаточной определенностью.

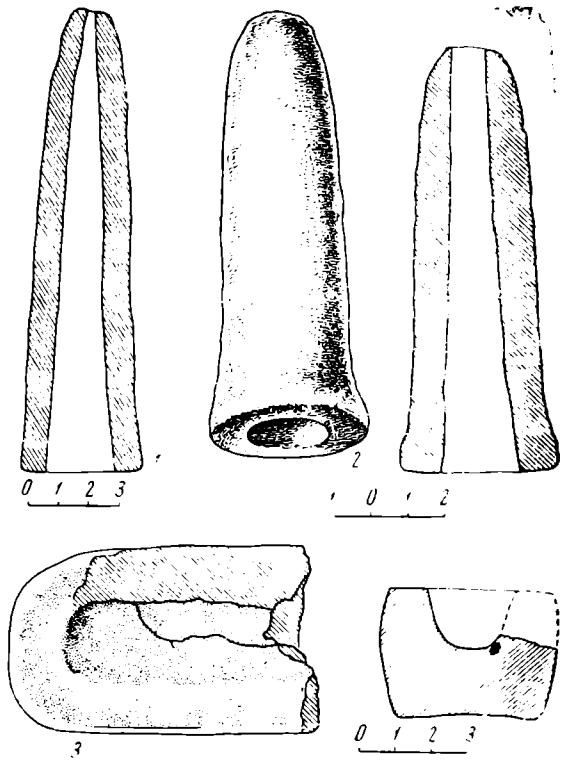


Рис. 4. Глиняные сопла из Бабадервишского (*1*) и Мишарчайского (*2*) поселений; форма для отливки из Бабадервишского поселения (*3*)

Несомненно, что на поселении Бабадервиш был налажен весь процесс металлургического производства — от плавки медной руды до изготовления бронзовых предметов. Об этом убедительно свидетельствуют и другие данные. Укажем прежде всего на находки в культурном слое, рядом с печами, кусочков земли с затвердевшими на них медными каплями, похожими на кусочки шлака (рис. 2, *1*). Анализ их дал такие результаты: Cu — основа, As — 0,5%, Al — много, фосфор — 0,8% и т. д.

В данной связи особо следует отметить находку в слое Бабадервишского поселения глиняного сопла (рис. 4, *1*). Оно длиной 15,5 *см*, изготовлено из хорошо отмученной глины и обнаруживает близкое сходство с соплами, широко представленными в материалах средневековых памятников многих стран. Такое же глиняное сопло, кстати, обнаружено в 1965 г. и на другом памятнике куро-аракской культуры в Азербайджане. Мы имеем в виду недавно открытое поселение Мишарчай I в Астраханбазарском районе, в Муганской степи [17]. Укажем также, что здесь вместе с соплом длиной 11,2 *см* (рис. 4, *2*) обнаружены также часть створки разъемной литейной формы для отливки топора (?) и обломки нескольких медно-мышьяковых изделий (четырехгранного шила, проволоки и неопределенного предмета). Эти данные могут указывать на наличие металлургического производства и на этом поселении куро-аракской культуры.

В связи с находками сопла на поселениях Бабадервиш и Мишарчай I нельзя оставить без внимания факты обнаружения подобных предметов в других памятниках куро-аракской культуры. Аналогичные сопла, в частности, найдены в типичных комплексах куро-аракской культуры соответствующих слоев поселений Яник-Тепе у г. Тебриза [18] и Геой-Тепе около

---

[17] И. Г. Нариманов, Ф. Р. Махмудов. Энеолитические памятники на Мугани. ИАН АзербССР, сер. ист., филос. и права, 1961, 2; Ф. Р. Махмудов. О памятниках раннебронзового периода юго-восточных районов Азербайджана. Тезисы докладов Второй научной сессии аспирантов Института истории АН АзербССР, Баку, 1966, стр. 5—7.

[18] C. A. Burney. Excavations at Tanik Tepe (North-West Iran). «Iraq», XXIII, 2, 1961, табл. XXIV, *63*.

оз. Урмия [19] в Иранском Азербайджане. Но по непонятным причинам эти предметы исследователями определяются в одном случае (Яник-Тепе) как фаллос, а в другом (Геой-Тепе) как носик от сосуда. Последнее тем более невероятно, что в средней толще слоя «К» Геой-Тепе, где найден данный предмет, сосуды с носиками отсутствуют.

Но вернемся к поселению Бабадервиш. Любопытно, что описанные печи находились недалеко друг от друга, на одном участке поселения, у края его. К сожалению, здесь открыты остатки только подземной части медеплавильных горнов, поэтому трудно реконструировать вид в целом каждого из них. Мы попытались дать реконструкцию и представить в разрезе горн № 3 (рис. 3). Верхняя глинобитная часть его имела, по-видимому, сводчатую форму. Остатки надземных частей бабадервишских печей не сохранились. Вероятно, они служили для одной плавки, после чего их разламывали и остатки сбрасывали вниз по крутому склону холма. Но независимо от того, как выглядела надземная часть бабадервишских печей, очевидно, что их конструкция в целом была довольно совершенна. В дальнейшем, когда будут открыты новые подобные медеплавильные сооружения, особенно в памятниках куро-аракской культуры, удастся восстановить как форму, так и конструктивные особенности выявленных в Бабадервише остатков горнов.

Говоря о развитии металлургического производства на поселении Бабадервиш, следует отметить еще одну находку, обнаруженную рядом с описанными печами. Это половина глиняного корытообразного предмета (рис. 4, *3*). Он точно повторяет форму аналогичного предмета, найденного в слое куро-аракской культуры Нахичеванского Кюль-Тепе [20]. Отношение этих предметов к металлургическому производству не вызывает сомнения. Это доказывается и химическим анализом кюльтепинской находки, сделанным И. Р. Селимхановым. Там медь составляет основное содержание, а мышьяк — 8,3%, железо — 2,4% и т. д. [21], а бабадервишский предмет содержит следы меди и 0,4% мышьяка. По всей вероятности, данные предметы служили для отливки заготовок металла.

Наконец, следует сказать также, что на поселении Бабадервиш найдены обломки различных металлических изделий, среди которых выделяется бронзовый предмет в виде крючка. Анализ металла, из которого он изготовлен, показал, что в его составе, кроме меди (основы), мышьяка (1,3%) и никеля (0,24%), содержится 1% олова. Следовательно, это наиболее древнейший металлический предмет на Кавказе, имеющий в своем составе олово [22]. Известно, что оловянистая (классическая) бронза получает более широкое распространение на Кавказе позже, во II тысячелетии до н. э.

Почти все исследователи, занимавшиеся изучением древнейшей металлургии Кавказа, обращали особое внимание на находки в Закавказье и на Северном Кавказе отдельных категорий бронзовых предметов, имеющих широкие аналогии в переднеазиатских комплексах IV и особенно III тысячелетий до н. э. Мы имеем в виду бронзовые топоры-тесла и особенно черенковые наконечники копий. Давать обзор всех подобных находок нет необходимости, ибо такие сводки уже имеются [23]. Мы хотим лишь дополнить их новыми данными. Речь пойдет о материалах, добытых недавно при раскопках кургана № 1 у с. Тельмана Астаринского района АзербССР [24].

---

[19] T. Burton-Brown. Excavations in Azarbaijan, 1948. London, 1951, стр. 48, рис. 13, № 1186.

[20] О. А. Абибуллаев. К вопросу о древней металлургии Азербайджана, стр. 68, рис. 2, *1*.

[21] Там же, стр. 71, табл. 3.

[22] И. Г. Нариманов, И. Р. Селимханов. Применение первых металлов в быту населения Восточного Закавказья. ДАН АзербССР, XXI, 4, 1965, стр. 80 (на азерб. яз. с русск. резюме).

[23] О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на груз. яз. с русск. и англ. резюме).

[24] Курган раскопан в 1965 г. Ф. Р. Махмудовым.

Курган представлял собой каменную насыпь, округлую в плане. Высота его 2,1, диаметр 14 *м*. Под насыпью в центре находилась погребальная яма прямоугольной формы 1 × 0,7 *м*, стены которой были сложены из небольших камней. Яму опоясывал кромлех в виде каменного круга диаметром 6,9 *м*. На дне ямы находился костяк в скорченном положении, на правом боку. Погребальный инвентарь состоял из обломков трех чернолощеных сосудов куро-аракского типа, глиняного колеса от модели повозки (рис. 5, *6*), точильного камня, каменной фигурки кабана (?), двух бронзовых черенковых наконечников копий, одного топора-тесла и двух четырехгранных шильев. Кроме того, под насыпью кургана, рядом с погребальной ямой найдено еще одно бронзовое тесло. Принадлежность данного комплекса к кругу памятников III тысячелетия до н. э. не подлежит сомнению. Но наиболее интересным и важным представляется сам факт обнаружения в погребальном комплексе этого времени бронзовых черенковых наконечников копий переднеазиатско-кавказского типа. Если в памятниках майкопской культуры такие наконечники встречены, то в синхронных комплексах Закавказья они до сих пор не были отмечены. Первый наконечник копья имеет в длину 27 *см*, в том числе длина лезвия 15,5 *см* (рис. 5, *8*). По середине лезвия, конец которого отломан, проходит ребро. Черешок длиной 11,5 *см* разделяется на две части — четырехгранный шип для насадки и утончающийся к основанию лезвия округлый стержень. Копье отлито, после чего шип подвергнут дополнительно ковке. Второй наконечник также литой, но по размеру, а также по форме отличается несколько от вышеописанного. Длина его 14 *см*. Он имеет короткое перьевидное лезвие и длинный стержень (рис. 5, *7*).

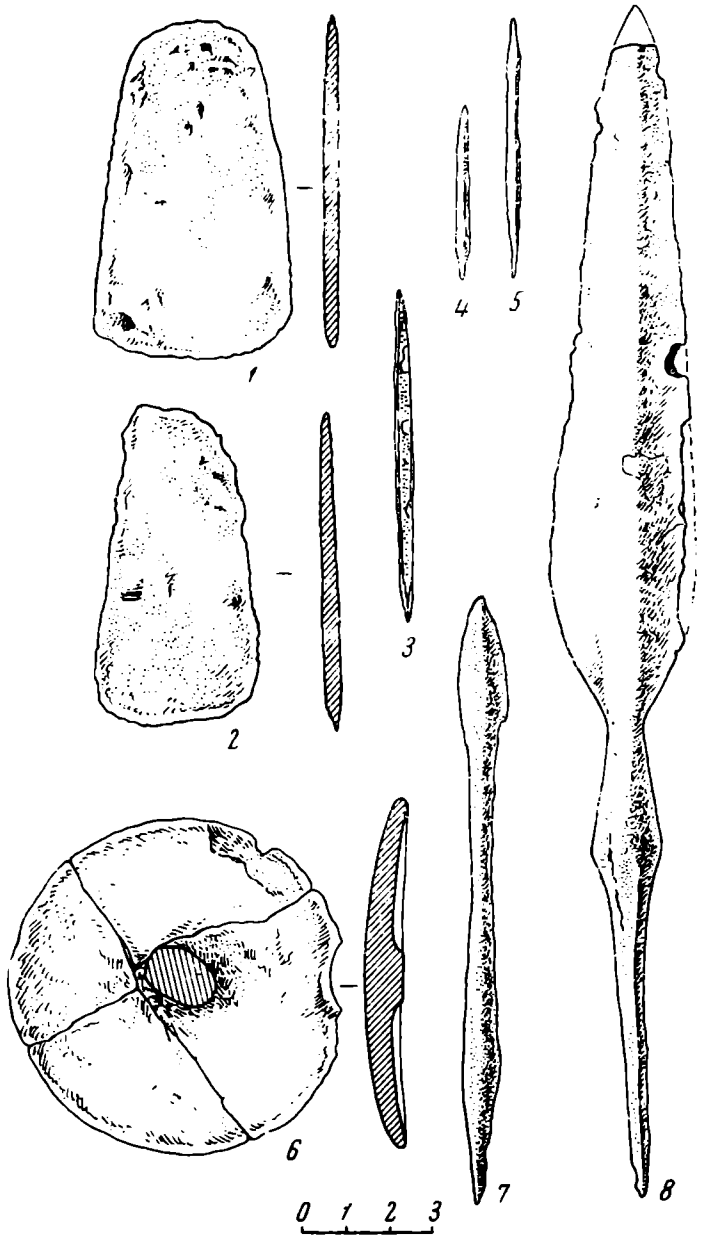


Рис. 5. Курган № 1 в Астаринском районе

1, 2 — бронзовые тесловидные орудия; *3, 4, 5* — бронзовые шилья; *6* — глиняное колесо от модели повозки; *7, 8* — бронзовые наконечники копий

Описанные наконечники копий относятся к одному типу оружия. Они находят близкие соответствия в материалах как Кавказа, так и сопредельных областей Передней Азии. Первый из них по форме и строению черенка полностью аналогичен наконечнику копья, опубликованному Б. А. Куф-

тиным[25]. К этому же типу относятся бронзовые копья из Ленинакана[26] и Новосвободненского кургана[27], а также наконечник, обнаруженный в 1965 г. в слое Чиркейского поселения в Дагестане[28]. В большом количестве этот тип оружия представлен в переднеазиатских памятниках, таких, как Тепе Гиссар (слои 2 и 3)[29], Сузы[30] и др. В царских гробницах Ура, как известно, обнаружены не только бронзовые, но серебряные и золотые наконечники копий данного типа[31].

Что же касается двух бронзовых плоских тесловидных топоров из описанного кургана (рис. 5, *1*, *2*), то они также имеют достаточно широкие аналогии. Тесловидный топор — один из древнейших типов металлических орудий. Появившись на заре бронзового века, по-видимому, как подражание обычным плоским каменным тесловидным топорам, он получает большое распространение в Передней Азии, Анатолии и других культурных центрах Старого Света. В известной сводке Ж. Десейе, посвященной исследованию металла IV—II тысячелетий до н. э. от Индии до Дуная[32], разработана типологическая классификация подобных тесловидных орудий и указано большинство памятников, в которых они обнаружены. Не касаясь данных вопросов, мы отметим лишь следующее: топоры, подобные обнаруженным в кургане в Астаринском районе АзербССР, в памятниках Закавказья мало известны, в то время как в комплексах майкопской культуры они представлены в значительном количестве (рис. 6, *1*). Больше того, можно уверенно говорить, что это одна из характерных форм металлического инвентаря Северного Кавказа раннебронзового века.

Остановимся в этой связи кратко и на бронзе майкопской культуры, тем более, что без этого в настоящее время нельзя составить полное и правильное представление о древнейшей металлургии Кавказа. Майкопский металл — древнейший на Северном Кавказе. В памятниках более раннего времени, за исключением Нальчикского могильника (погр. № 86), он пока не обнаружен. Мы не располагаем пока фактическими данными, указывающими на добычу здесь в III тысячелетии до н. э. руды и ее выплавку. Из памятников Северного Кавказа этого времени известны лишь отдельные находки льячек, литейных же форм еще не найдено. Это объясняется, по всей вероятности, недостаточной изученностью памятников майкопской культуры, особенно поселений. Несмотря на это, в настоящее время есть полное основание говорить о высоком уровне развития металлообработки у племен майкопской культуры.

В погребальных комплексах майкопской культуры (как в ранних, так особенно в поздних) представлена обширная серия разнообразных металлических, преимущественно бронзовых, предметов — орудий труда, оружия, посуды и украшений. Вопрос о происхождении металла из памятников раннего этапа майкопской культуры остается до сего времени не решенным. Раннего майкопского металла известно к тому же очень мало. Он происходит главным образом из самого Майкопского кургана, а также из нескольких связанных с ним погребальных памятников. Несомненно,

---

[25] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 11, 12, рис. 9*б*.

[26] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 29, 30, рис. 4*б*.

[27] Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, табл. XI, *1*.

[28] История Дагестана. I, М., 1967, стр. 63, рис. 16.

[29] E. F. Schmidt. Tepe Hissar Excavations. 1931. «The Museum Journal», XXIII, 4, Philadelphia, 1933, стр. 367, № 1040.

[30] R. de Mecquenen. Fouilles de Suse 1929—1933. MDP, XXV, 1934, стр. 192, рис. 25; I. de Morgan. Observations sur les Couches profondes de l'acropole a Suse. MDP, XIII, Paris, 1912, рис. 119.

[31] Последние недавно экспонировались в Москве (ГМИИ) и Ленинграде (Эрмитаж) на выставке «Сокровища Ирака». Они опубликованы во многих изданиях, посвященных Древнему Востоку вообще и Месопотамии, в частности.

[32] J. Deshayes. Les outils de bronse de l'Indus au Danube. I—II, Paris, 1960.

что все представленные в этих комплексах, прежде всего в Майкопе, золотые и серебряные предметы, и в особенности знаменитые сосуды с изображениями горного ландшафта и животных, не являются местными. К импортным предметам относится и большинство украшений, а также, вероятно, ряд вещей из меди и бронзы. К числу же местных предметов может быть с уверенностью отнесен бесчерешковый нож-кинжал из Майкопского кургана [33]. Совершенно такие же ножи найдены в курганах в «садках» в Нальчике [34] и других памятниках.

Что же касается большинства бронзовых предметов, представленных в поздних майкопских памятниках, то их местное производство сейчас не может уже вызывать сомнений. Мы не будем в данном случае касаться золотых и серебряных изделий, найденных в позднемайкопских памятниках, так как до сих пор не выяснено, где они изготовлены. Укажем также, что в майкопских памятниках наряду с медно-мышьяковыми предметами представлены (в большей степени, чем в куро-аракских) и медно-никелевые [35]. Последние являются импортными или, скорее всего, изготовлены на месте из привезенного сюда с юга металла. Любопытен в этой связи такой факт: котел из одного майкопского погребения в Бамутском могильнике оказался изготовленным из мышьяковистой бронзы, а заклепки, сделанные на нем позже, были из медно-никелевой бронзы.

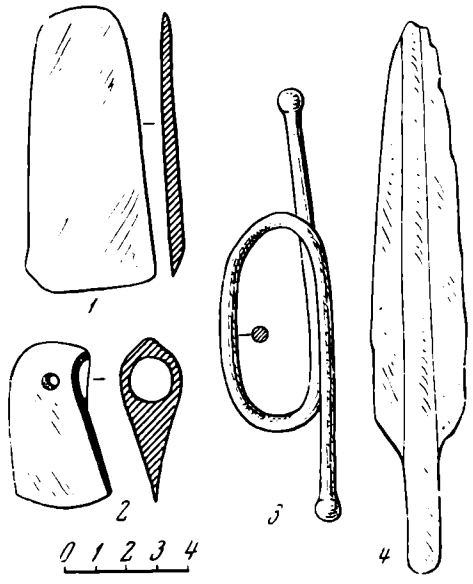


Рис. 6. Бамутские курганы. Бронзовые предметы из погребений майкопской культуры

Высокое развитие металлообработки у майкопских племен на позднем этапе их развития хорошо документируется серией специфических, распространенных почти исключительно на Северном Кавказе (в ареале майкопской культуры), бронзовых предметов. К ним относятся прежде всего ножи-кинжалы, вилообразные орудия с двумя крюками и котлы, а также отмеченные плоские топоры-тесла и другие предметы.

Ножи-кинжалы обнаружены во многих позднемайкопских погребениях, особенно в курганах у ст. Новосвободной в Прикубанье (8 экз.) [36] и у с. Бамут в Чечено-Ингушетии (6 экз.). Все они черенковые, плоские, имеют часто по два хорошо заметных продольных ребра (рис. 6, *4*). Длина их колеблется от 5—7 до 20 *см* и более. Они заметно отличаются как от ранних ножей-кинжалов, так и от найденных в памятниках II тысячелетия до н. э. Местное, северокавказское происхождение этих ножей-кинжалов довольно четко устанавливается при сравнении их с аналогичными предметами из памятников III тысячелетия до н. э. соседних областей Закавказья и Анатолии. В анатолийских памятниках обнаружено значительное количество металлических ножей-кинжалов, распадающихся на целую серию типов, однако они заметно отличны от северокавказских образцов [37]. В Закавказье же подобных предметов в памятниках куро-аракской культуры найдено сравнительно немного, но и они не могут быть прямо сопоставлены с майкопскими.

---

[33] ОАК за 1897 г.

[34] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3. 1941, стр. 18, рис. 2, 4, 5.

[35] Е. Н. Черных. Ук. соч.

[36] Т. Б. Попова. Ук. соч., рис. 11 и др.

[37] D. B. Stronach. The Development and Diffusion of Metal Tupes in Early Bronze Age Anatolia. AS, VII, 1957, рис. 1—2.

Весьма специфическими являются и бронзовые вилообразные орудия с двумя крюками и круглой втулкой. Они найдены как на северо-западе Кавказа (Прикубанье) [38], так и на юго-востоке, в Бамутском могильнике (рис. 7). За пределами Северного Кавказа нам известна всего лишь одна находка подобного орудия — из погребения III тысячелетия до н. э. в Крыму [39], но очевидно, что этот предмет является для Крыма чуждым, импортным, попавшим туда с соседней территории, т. е. Северного Кавказа. Что же касается бронзовых крюков, обнаруженных в причерноморских

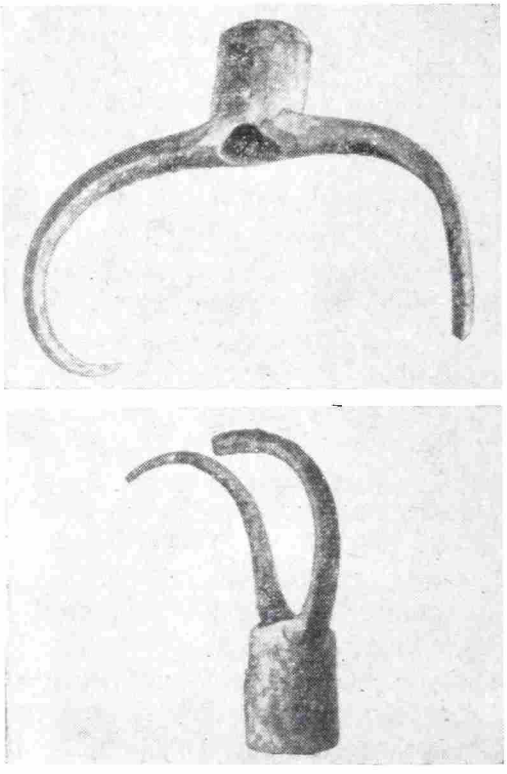


Рис. 7. Бронзовое вилообразное орудие из подкурганного погребения майкопской культуры в с. Бамут

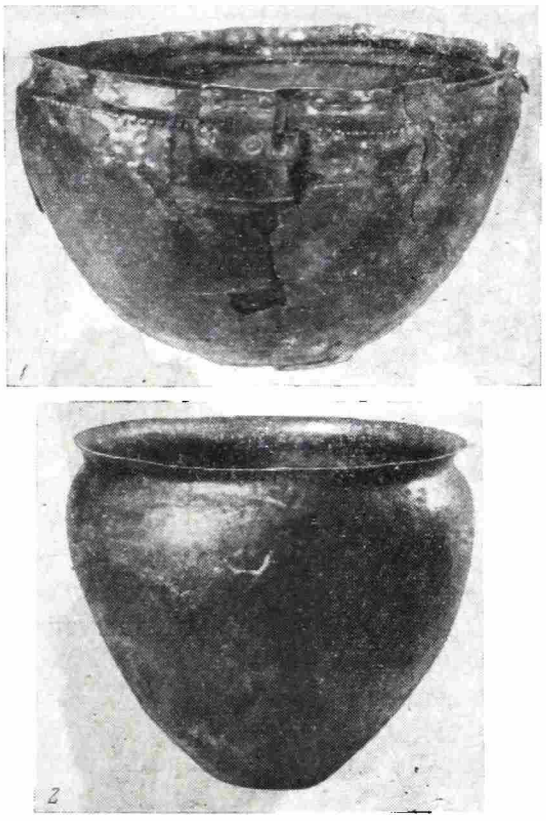


Рис. 8. Медные котлы из Бамутских курганов эпохи бронзы

дольменах [40], Кироваканском кургане триалетской культуры в Армении [41] и катакомбных погребениях в Чечено-Ингушетии [42] и Калмыкии [43], то они относятся ко II тысячелетию до н. э., значительно отличаются по форме и генетически с описываемыми связаны быть не могут. В переднеазиатских и анатолийских памятниках подобные орудия нам не известны вообще. Правда, в Восточном Средиземноморье, на Кипре, найдено близкое по форме бронзовое вилообразное орудие с тремя крюками, но оно проис-

---

[38] Т. Б. Попова. Ук. соч., табл. III и др.

[39] Об этой находке нам любезно сообщил А. А. Щепинский, за что приносим ему благодарность.

[40] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. I, Тбилиси, 1949, табл. XXX, *7*; табл. XXXII, *3, 8*.

[41] А. А. Мартиросян. Ук. соч., стр. 65, рис. 31, *1*.

[42] Р. М. Мунчаев. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ. Сб.: «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 95, рис. 3, *2*.

[43] И. В. Синицын, Ч. Э. Эрдниев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Тр. Калмыц. респ. краевед. музея, 2, Элиста, 1966, табл. 4, *3*.

ходит из комплекса эпохи поздней бронзы [44] и может быть сопоставлено скорее всего с нашими поздними (II тысячелетия до н. э.) образцами. Следовательно, рассмотренная категория бронзовых предметов — сугубо местная форма раннебронзового века Северного Кавказа.

Новейшие исследования дают основания утверждать, что к числу характерных местных образцов позднемайкопского металла относятся и медные котлы. Они встречены в ряде памятников майкопской культуры. Так, в Новосвободненских курганах найдены обломки от трех котлов и две чаши [45]. Два котла происходят из Бамутских курганов (рис. 8) и один — из кургана в г. Нальчике [46]. Обломки котла найдены также в кургане между станицами Тульской и Севастопольской [47]. Таким образом, они представлены как в Прикубанье, так и Кабардино-Пятигорье и Чечено-Ингушетии. Другими словами, металлическая посуда была распространена в эпоху ранней бронзы почти на всей территории Северного Кавказа. Все котлы кованые, изготовлены из листовой меди [48], имеют шаровидно-яйцевидное тулово, невысокий прямой венчик и округлое или плоское, слегка вогнутое днище. Местное производство этих котлов доказывается тем, во-первых, что они повторяют форму глиняной посуды. Во-вторых, отдельные котлы (из Новосвободной и Бамута) украшены «жемчужным» орнаментом, характерным для позднемайкопской керамики. И, наконец, следует указать на то, что подобных медных котлов нет нигде за пределами Северного Кавказа — ни в Закавказье, ни в Передней и Малой Азии. Производство котлов относится к числу наиболее ярких показателей высокого уровня развития металлообработки на Северном Кавказе во второй половине III тысячелетия до н. э.

Не рассматривая столь подробно остальные категории бронзовых предметов из комплексов раннебронзового века Северного Кавказа, укажем, что продукцию местной металлообработки составляют топоры-тесла, четырехгранные шилья, а также, вероятно, проушные топоры. Последние однотипны и довольно архаичны по форме. Среди них интерес представляет довольно известный топор из дольмена у ст. Новосвободной, украшенный в верхней части «жемчужинами», а также обнаруженный в 1965 г. в одном из майкопских погребений Бамутского могильника оригинальный вотивный топорик (рис. 6, *2*). Он проушной, но проушина не сквозная. На втулке с обеих сторон имеются круглые отверстия для укрепления рукояти. Это уникальный экземпляр, аналогии ему нам не известны ни в Закавказье, ни в Анатолии, ни в Передней Азии.

Еще более интересной находкой являются обнаруженные в том же Бамутском могильнике два бронзовых оригинальных предмета, удивительно напоминающие псалии (рис. 6, *3*). До сих пор подобные предметы не были обнаружены ни в одном памятнике майкопской культуры. Все наши попытки найти им какие-либо аналогии оказались безуспешными [49]. Хотя и вотивный топорик, и данные предметы изготовлены, судя по спектральному анализу, из медно-никелевой бронзы [50], считающейся для Кавказа

---

[44] A. W. Catling. Cypriot Bronzework in the Mycenaean World. Oxford, 1964, табл. 66, 4, 7.

[45] Т. Б. Попова. Ук. соч., табл. VII.

[46] Р. М. Мунчаев, И. М. Чеченов. Находка медного котла майкопской культуры в г. Нальчике. КСИА, 115.

[47] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 67; Коллекция ГИМ, № 42403.

[48] Спектральные анализы, выполненные И. Р. Селимхановым и Е. Н. Черных, указывают на близость всех котлов по составу металла (медь с небольшим содержанием мышьяка).

[49] Один из авторов обращался за консультацией к Ж. Десейе — известному знатоку древневосточного металла. Но и Ж. Десейе не сумел указать на какие-нибудь аналогии, ответив, что ничего подобного он не знает в материалах IV—II тысячелетий до н. э.

[50] Анализы выполнил в лаборатории ИА АН СССР Е. Н. Черных.

импортной, их местное производство едва ли может вызывать в свете приведенных данных серьезное сомнение. Несмотря на оригинальность топорика и предметов в виде псалий, их близость к бронзе майкопской культуры устанавливается по составу металла, из которого они изготовлены, и некоторым другим особенностям.

Нельзя кратко в данном случае не коснуться и вопроса о назначении этих оригинальных предметов в виде псалий. Все, кто смотрел эти предметы, считают, что они могли использоваться как псалии. Специальный просмотр через бинокуляр показал, что на них имеются следы остатков кожи. Тем не менее у нас нет пока твердой уверенности в том, что это действительно псалии, хотя использование их в иных целях трудно допустить. До детального и всестороннего изучения мы воздерживаемся от каких-либо категорических выводов.

Приведенные материалы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что уже на заре бронзового века Северный Кавказ, так же как и Закавказье, являлся крупным и самостоятельным очагом металлообработки. А все новейшие данные еще более убедительно доказывают, что Кавказ представляет собой один из основных и древнейших центров металлопроизводства Старого Света.

М. И. АРТАМОНОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФСКОГО ИСКУССТВА

В древнейших богатых комплексах скифской культуры, относящихся к первой трети VI в. до н. э., таких как Келермесские курганы и Мельгуновский клад (Литой курган), в искусстве преобладают переднеазиатские мотивы и формы. Так, на золотой чаше из Келермеса изображения животных даны в стиле ассиро-вавилонского искусства, известного по рельефам дворца в Куюнджике [1]. На золотых обкладках ножен мечей из Келермеса и Мельгуновского клада культовые композиции с «древом жизни» воспроизводят древнемесопотамский сюжет и стилистически не отличаются от урартских изображений того же рода. Изображения фантастических существ на обкладке ножен этих мечей, хотя и не имеющие точных аналогий в восточном искусстве, по своему характеру и стилю относятся к произведениям переднеазиатского происхождения. Даже на золотой обкладке рукоятки топорика из Келермеса преобладающее положение занимают формы ассирийско-урартского стиля с его двойным контуром и графической разделкой деталей [2].

Вместе с тем у некоторых фигур животных на обкладке рукоятки келермесского топорика, а в особенности у изображения оленя на лопасти для подвешивания у ножен келермесского и мельгуновского мечей, выступают стилистические черты, вовсе не свойственные переднеазиатскому искусству. Наиболее яркое выражение эти черты получили у таких замечательных произведений, как золотые нащитные бляхи в виде идущей пантеры из Келермеса и лежащего оленя из станицы Костромской [3]. Эти произведения представляют собой наиболее характерные образцы собственно скифского искусства, отличающегося жизненностью образов, выразительностью контуров, хорошо вписанных в форму украшаемого им предмета, и обобщенной светло-теневой моделировкой широкими плоскостями с четкими, как бы вырезанными гранями. Такими же стилистическими признаками отличаются олени на лопастях келермесского и мельгуновского мечей и многие другие произведения скифского искусства VI—V вв. У некоторых изображений они проявляются только частично, в сочетании с чертами переднеазиатского художественного стиля. Так, на рукоятке келермесского топорика типичные приемы скифской стилизации отчетливо выступают в трактовке шеи некоторых животных двумя плоскостями, разделенными слегка изогнутым ребром [4].

Ряд сюжетов, известных в скифской стилистической трактовке, восходит к переднеазиатским образцам. Так, изображения козлов и оленей, лежащих с подогнутыми под туловище ногами, издавна распространены на

---

[1] А. П. Манцевич. Золотая чаша из Келермесского кургана. Сб. «Omagiului George Oprescon». Bucureşti, 1961, стр. 331.

[2] Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Текст М. И. Артамонова. Прага, 1966, рис. 3, 4, табл. 1—3, 6—15, 17.

[3] Там же, рис. 9, табл. 22—24, 62, 63.

[4] Там же, табл. 7, 10, 12—15.

Востоке и могли оттуда перейти в скифское искусство[5]. Огромный, протянутый вдоль всей спины рог костромского оленя составлен из эсовидных фигур, воспроизводящих форму ветвей характерного урартского «древа жизни», что указывает на связь, казалось бы, специфического скифского образа с древним переднеазиатским культом, а следовательно, и на возможность происхождения его с Востока. В искусстве Урарту стилизованные ветки такой формы, как рог у костромского оленя, встречаются не только в изображениях священного дерева, но и в орнаментальной разделке поверхности пластинчатых бронзовых поясов на ромбические фигуры с изображениями животных в каждой из них[6]. Тот же мотив с вписанными в ромбы фигурками козлов и оленей с элементами такой же скифской стилизации, как у некоторых животных на рукоятке келермесского топорика, повторяется на золотой обкладке горита из Саккызского клада, найденного в 1947 г. в Иранском Курдистане близ с. Зивийе[7].

Примерно так же, как для оленя, ставится вопрос о происхождении образа пантеры (леопарда, барса), который в виде нащитной бляхи из Келермеса является одним из наиболее ярких примеров собственно скифского искусства. Этот распространенный в Азии кошкообразный хищник нигде в Восточной Европе, кроме Кавказа, не встречается. Но и в древнем искусстве Передней Азии несомненные изображения пантеры неизвестны, хищников в нем обычно представляет лев. Изображения пантеры впервые появляются в Саккызском кладе, на вещах которого имеются фигуры, близкие к келермесской пантере[8]. Вместе с тем келермесская пантера отличается от них не только своим стилем, но и необычайными для восточного искусства дополнительными изображениями того же, но свернувшегося кольцом зверя, помещенными на лапах и хвосте основной фигуры[9]. Так называемое «зооморфное превращение», т. е. придание тем или другим частям изображения животного самостоятельных звериных образов, является характерной особенностью скифского искусства.

Таким образом, оба произведения классического скифского художественного стиля — келермесская пантера и костромской олень — представляют сюжеты, местное происхождение которых, по меньшей мере, сомнительно. Скорее всего, это образы, заимствованные из искусства Востока, но воспроизведенные в скифской стилистической переработке.

Переднеазиатское происхождение скифского искусства документировано упомянутой находкой, так называемого Саккызского клада, состоящего из вещей расхищенного местными жителями богатейшего погребения конца VII в. Среди находок из этого погребения, разошедшихся по различным собраниям и впервые собранных в одно место на выставке иранского искусства в Лувре в 1962 г., имеются вещи ассирийского, урартского и манейского происхождения и вместе с тем произведения, близко сходные со скифскими как по сюжету, так и по стилю изображений[10]. Обычно считается, что сходные со скифскими элементы в художественных памятниках Саккызского клада привнесены скифами, вторгшимися через Закавказье в Переднюю Азию, обосновавшимися в районе оз. Урмия в стране, извест-

---

[5] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифского искусства. Сб. «Omagiu», стр. 31 сл.; Н. Л. Членова. Скифский олень, МИА, 115, 1962, стр. 167 сл.; P. Amandry. Un motif «skythe» en Iran et en Greece. «Journal of Near Eastern Studies», XXIV, 3, july, 1965.

[6] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство (Урарту). Л., 1959, стр. 249 сл., рис. 85—87.

[7] R. Girshman. Perse. Paris, 1964, табл. 143.

[8] Там же, табл. 147; R. G.[irshman]. 7000 ans d'art en Iran. Paris, 1961, табл. XXXVI; XLI.

[9] Сокровища скифских курганов..., рис. 9, табл. 22.

[10] A. Codard. le trésor de Ziwiyé (Kurdistan). Haarlem, 1950; R. Girshman. Notes iraniennes. IV. Les tresor de Sakkez, les origines de l'art mede et les bronzes du Luristan. «Arbitus Asiae», XIII, 1950, 3, стр. 181; R. D. Barnett. The Treasure of Ziwiye. «Iraq», XVIII, 2, 1956, стр. 111.

ной в древности под именем Сакасена или Сакашена, и предпринимавшими отсюда свои грабительские набеги почти на всю Переднюю и Малую Азию. Однако в действительности они свидетельствуют о том, что скифское искусство формировалось в Передней Азии среди иранских племен, в числе которых в это время, кроме скифов, находились мидяне, с которыми скифы состояли в тесных политических и культурных связях. Это было не скифское и не мидийское, а иранское искусство, возникшее на основе освоенного пришельцами древнемесопотамского художественного наследия. Скифы подключились к процессу, начатому мидянами, и создали искусство, хотя и сходное с мидийским, но отличающееся от него некоторыми особенностями.

Трудно допустить, что иранские племена, в искусстве которых господствующее положение заняли древневосточные мотивы, в период, предшествующий их вторжению в Переднюю Азию и тесному контакту с ассиро-вавилонской и урартской культурами, не имели своего собственного искусства. Тем не менее, никаких данных об этом искусстве не имеется. Ввиду этого Г. И. Боровка и Д. Н. Эдинг полагали, что мотивы и формы их древнего самобытного творчества представлены довольно многочисленными каменными, роговыми и деревянными изображениями животных, известными по находкам в лесной полосе Евразии и соответственно с этим представляющими лесных зверей — медведей и лосей, а также водоплавающих птиц [11]. Звеном, связывающим эти произведения лесных охотников и рыболовов эпохи неолита и бронзы с искусством степных скотоводов скифского времени, считались бронзы Минусинского края, которые Э. Миннз относил к бронзовому веку [12]. Дальнейшие исследования показали, что минусинские бронзы в подавляющем своем большинстве не предшествуют скифскому искусству, а в общем одновременны с ним и только в малой своей части относятся к доскифской карасукской культуре, датируемой поздним бронзовым веком [13].

В вопросе о происхождении карасукской культуры и карасукского искусства многое еще остается неясным, но зато определенно известно, что наследие этого искусства в течение некоторого времени сказывалось в искусстве минусинской тагарской культуры скифского времени [14]. Напротив, появляющиеся также в позднем бронзовом веке изображения животных — лошадей и баранов на бронзовых ножах сейминско-турбинской культуры Волго-Камья, не обнаруживают никакой связи со скифским искусством Восточной Европы, хотя ножи с этими изображениями той же формы, что и карасукские, и некоторые исследователи объясняют их появление распространением элементов карасукской культуры на запад чуть ли не до Днепра [15]. Однако значение карасукской культуры западнее Алтая было весьма ограниченным и нет решительно никаких оснований полагать, что карасукское искусство послужило основой для возникновения скифо-сибирского звериного стиля, а тем более собственно скифского искусства в Северном Причерноморье [16].

Исходные формы скифского искусства естественно было бы ожидать в составе срубной и андроновской культур эпохи бронзы, поскольку именно с этими культурами связываются иранские племена степной Евразии, а тазабагъябская ветвь этих культур в Средней Азии представляет ту волну иранской миграции, которая в конце II тысячелетия до н. э. перехлест-

---

[11] G. Borovka. Scythian Art. London, 1928; Д. И. Эдинг. Резная скульптура Урала. М., 1940, стр. 87.

[12] E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 241; ср. его же. Small Bronzes from Northern Asia. «The Antiquaries Journal», IX, 1, 1930, стр. 6 сл.

[13] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 172 сл.

[14] Там же, стр. 283 сл.

[15] С. В. Киселев. Там же, стр. 234 сл.; А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 201 сл.

[16] М. И. Артамонов. К предыстории скифо-сибирского звериного стиля. Melanges offerts A. R. Michalowski. Warszawa, 1966.

нула через Копет-Даг и разлилась по Иранскому плато, где, слившись с местным населением, пришельцы образовали сначала Мидийский племенной союз, а затем Мидийское царство [17]. В 70-х годах VII в. туда же пробились через Кавказ европейские иранцы, известные под именами ишкуза, ашкеназ или скифы. В Северном Иране они встретились с мидянами и то совместно с ними, то против них на стороне Ассирийского царства, до конца VII в. наводили ужас на всю Переднюю Азию, доходя в своих грабительских походах до Малой Азии и Палестины. Только в начале VI в. мидянам удалось изгнать их туда, откуда они пришли — в Северное Причерноморье [18].

У скифов, как и у других иранских племен до их контактов с культурами Древнего Востока, своего изобразительного искусства, действительно, не было. Во всяком случае, никаких следов его в археологических памятниках не обнаружено. Только усвоив за время пребывания в Передней Азии и тесных контактов с высокими древними цивилизациями деспотические замашки и любовь к роскоши восточных владык, разного ранга скифские вожди, как показывает Саккызский клад, обставляют свой быт художественно оформленными вещами ассиро-вавилонского, урартского и манейского происхождения или выполненными по их образцу применительно ко вкусам и потребностям заказчиков. С такими вещами скифы и увлеченные ими племена вернулись на родину, чем и объясняется преобладание восточных элементов в богатых погребениях раннего VI в. в Прикубанье и Поднепровье. За счет самих скифов в этих вещах можно отнести только немногие специфические формы, отбор излюбленных мотивов их украшений, да еще некоторые несвойственные искусству Востока сюжеты и черты стиля.

К числу последних принадлежит моделировка изображений широкими плоскостями, выработанная в технике резьбы по рогу и дереву, а в дальнейшем перенесенная в металлические изделья. Рог, и в особенности дерево, вероятно, наиболее широко применялись скифами для изготовления разнообразных украшений, которые, будучи обложены тонким золотым листком, вполне могли заменить изделия из драгоценного металла и создать видимость пышности и богатства, необходимых для поддержания социального превосходства своих обладателей.

Из сюжетов изображений скифского стиля наибольшее распространение в раннее время имели: схематизированная голова птицы, идущий, лежащий или свернувшийся в кольцо хищник — пантера и лежащие козел и олень. Все эти образы восточного происхождения, хотя и выступают в скифском искусстве в специфической стилистической переработке. Отбор именно этих, а не каких-либо иных сюжетов переднеазиатского искусства объясняется, вероятно, близостью их к иранской мифологии. Название среднеазиатских сородичей мидян и скифов саками связывается со значением слова «сак» — олень. Этот же корень встречается в племенных и личных именах иранского населения Восточной Европы [19]. Подобного рода мотивами мог быть обусловлен отбор и других изображений животных в скифском искусстве.

Появление изобразительного искусства в Скифии относится, по-видимому, все же еще ко времени, предшествовавшему возвращению основной группы скифов из Передней Азии, из-за закавказской реки Аракса, память о которой легла в основу приведенной Геродотом легенды о якобы вторжении скифов в Северное Причерноморье из Азии под натиском за-

---

[17] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 78 сл.; М. И. Итина. Степные племена среднеазиатского междуречья во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. СЭ, 1962, 3, стр. 109 сл.

[18] В. А. Белявский. Война Вавилонии за независимость (627—606 гг.) и гегемония скифов в Передней Азии. Сб. «Исследования по истории стран Востока», Л., 1964, стр. 93 сл.

[19] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.— Л., 1949, стр. 179.

падносибирских массагетов, потесненных в свою очередь исседонами [20]. На самом деле скифы заняли Северное Причерноморье не непосредственно перед своим походом в Переднюю Азию в VII в., а еще во II тысячелетии до н. э. в процессе распространения заволжской срубной культуры на запад, возможно действительно потесненной родственной андроновской культурой Западной Сибири [21]. Некоторые элементы скифской культуры возникают еще в VIII—VII вв., однако произведения изобразительного искусства появляются в ней не раньше конца VII в., причем число их весьма невелико [22].

Они представлены костяным или роговым наконечником в виде скульптурной птичьей головки с орнаментом из двойных спиралей по клюву и под нижней челюстью из мог. № 5 в кург. III близ с. Нижние Серогозы Запорожской области [23], роговыми пластинками с выгравированными на них изображениями животных и птиц, такими же бляшками, вырезаннымп по контуру не то лосей, не то козлов, и роговыми псалиями, украшенными выемчатой резьбой и скульптурными изображениями головки птицы и копыта, происходящими из кург. № 2 у с. Жаботин Черкасской области [24]. Эти вещи могут относиться еще к концу VII в. Роговая бляшка в виде свернувшегося кольцом животного и роговой же наконечник, представляющий скульптурную головку барано-птицы, т. е. барана с загнутымп по сторонам головы рогами и с птичьим клювом вместо морды, найдены в яме № 81 в Большом кургане на Темир-Горе на Керченском полуострове [25]. Кроме того, известна бронзовая бляха — пряжка в виде двух стоящих на задних лапах друг против друга хищников, возможно пантер, из погребения на берегу Цукур-Лимана на Таманском полуострове [26]. Оба эти погребения по находкам греческой керамики датируются концом VII или началом VI в. Сюда же, вероятно, надо присоединить пару замечательных бронзовых наверший с головой барано-птицы наверху. Загнутые по сторонам головы фантастического животного бараньи рога трактованы в виде фигурок животных так же, как на сходном по сюжету изображения роговом наконечнике из Темир-Горы. Эти бронзовые навершия происходят из кург. № 476 у дер. Великие Будки Роменского района Полтавской области [27]. Большой интерес вызывает бронзовое шаровидное, прорезное навершие, со скульптурной фигурой стоящего оленя наверху, из станицы Махошевской (по инвентарю Эрмитажа оно значится найденным в кургане у станицы Царской) на Северном Кавказе [28]. Этим и ограничивается число до сих пор известных произведений изобразительного искусства скифского типа, относимых к концу VII — началу VI в.

Стоящий олень на махошевском навершии представлен в своеобразном виде, нисколько не соответствующем образу этого животного, обычному в произведениях скифского искусства (рис. 1). Он с тонким туловищем, короткими ногами, длинной шеей, с большой тонкомордой головой с раскрытым ртом. У него длинные уши, круглые глаза в виде сквозных дырочек и трактованные реалистическими отростками рога. Мотив стоящего оленя, редкий в скифском искусстве, повторяется на усеченно-бикониче-

---

[20] Геродот. История, IV, 11, 13, 40.

[21] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, 3, стр. 44 сл.; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 155 сл.

[22] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 49 сл.

[23] Ф. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. ИАК, 19, 1906, стр. 84, 85, рис. 6.

[24] ДП, III, Киев, 1900, стр. 6, табл. LXI, *539—542*.

[25] ОАК, 1870—1871 гг., стр. XX сл.

[26] Е. О. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, 63, Пгр., 1917, стр. 31 сл.

[27] Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. СПб., 1908, стр. 150, 151.

[28] А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. III. СПб., стр. 66, рис. 20а.

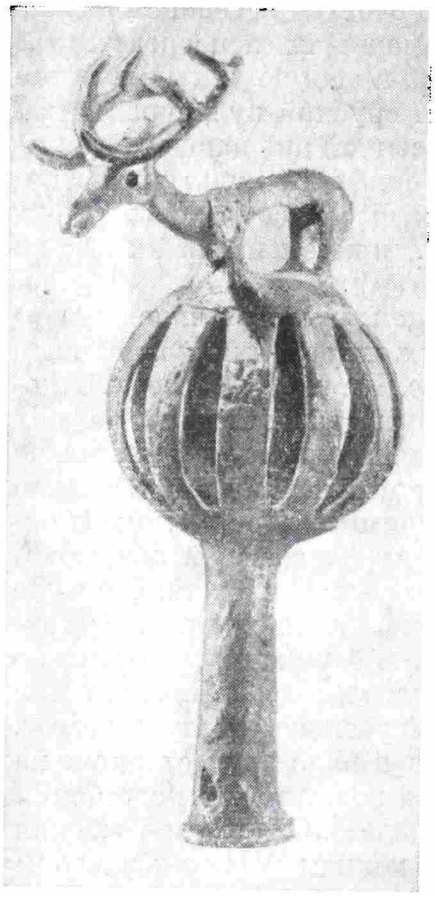


Рис. 1. Олень на бронзовом навершии. Станица Махошевская. Эрмитаж

ских навершиях из кург. № 1 у дер. Волковцы Роменского района, относящегося, однако, к значительно более позднему времени — V—IV вв.[29] Несмотря на то, что изображения на этих навершиях грубее и схематичнее махошевского, они содержат признаки обычной скифской стилизации, в особенности в форме рогов, тогда как рога махошевского оленя, как и весь он в целом, напоминают скульптурные бронзовые изображения оленей в кобанской культуре Горного Кавказа и еще больше хеттские образы этого животного, с которыми он, возможно, и связан своим происхождением[30]. Это обстоятельство выводит его из круга скифских сюжетов и позволяет относить к раннему времени. Сходное скульптурное изображение оленя, стоящего на шаровидном прорезном навершии, имеется среди ранних бронз Ордоса[31]. Туда оно могло попасть только из источника общего с Северным Кавказом, т. е. из Передней Азии.

Не вызывает никаких сомнений восточное происхождение геральдически противопоставленных зверей на бронзовой бляхе из Цукур-Лимана (рис. 2), аналогии для которого в кобанской и луристанской культурах давно уже указаны Е. О. Прушевской[32]. Этот мотив в сходном виде повторяется также на роговой пластинке из урартской крепости Кармир-Блур близ Еревана[33] и на наконечнике ножен мечей в Саккызском кладе, Келермесском и Мельгуновском курганах[34], где звери даны в облике львов, тогда как в других случаях они больше похожи на пантер. Обломок каменной литейной формы с изображением геральдических пантер, найденный в 1957 г. в Керчи в архаическом слое Пантикапея, свидетельствует о местном, северочерноморском производстве украшений с этим мотивом во второй половине VI в.[35], но проник он сюда с Кавказа, как свидетельствует бляха из Цукур-Лимана, много раньше.

Сложнее обстоит дело с изображением свернувшегося в кольцо животного на роговой подвеске из Темир-Горы близ Керчи (рис. 3). Этот мотив в скифском искусстве обычно представлен фигурой кошкообразного хищника — пантеры. В древневосточном искусстве из четвероногих хищников обычно изображался лев. Образ пантеры возникает, вероятно, там, где этот зверь имел наибольшее распространение, т. е. в горных областях Ирана и Кавказа. Замена льва пантерой произошла, по-видимому, именно в этих областях, хотя традиционный образ льва продолжал господствовать в них

[29] ДП, II. Киев, 1899, стр. 6—7, табл. XI, *224*.

[30] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. XVI; 3; XVII, 4; XXVIII, 3; XXIX, 1, 2; CXVIII, 4; Э. Ларош. Новая глава в истории древнего мира. «Курьер ЮНЕСКО», февраль 1963, стр. 14 сл. и рис. на обложке.

[31] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London, New York, 1941, рис. 293.

[32] Е. О. Прушевская. Ук. соч.

[33] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., рис. 88а.

[34] Сокровища скифских курганов..., рис. 8.

[35] И. Д. Марченко. Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея. КСИА, АН СССР, 89, 1962, стр. 51 сл.

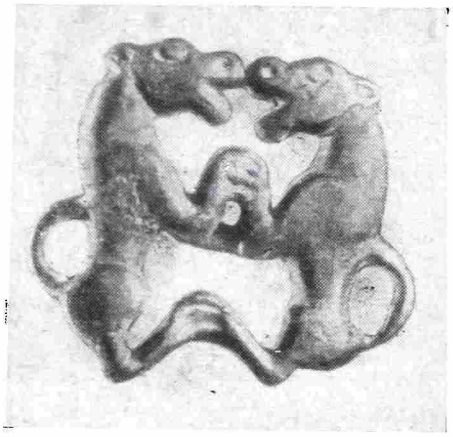


Рис. 2. Бронзовая бляха в виде двух геральдических пантер. Цукур-Лиман. Эрмитаж

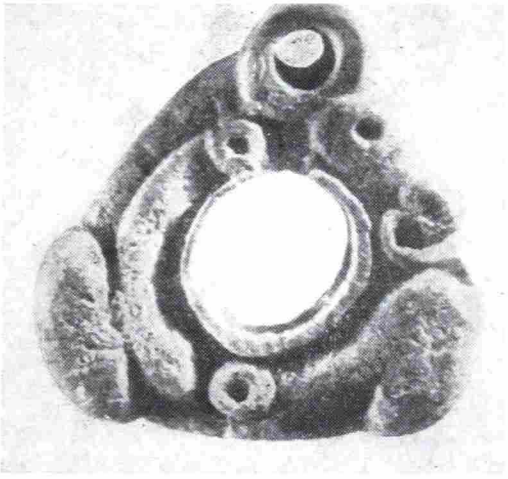


Рис. 3. Роговая подвеска в виде свернувшегося зверя. Темир-Гора. Эрмитаж

и в дальнейшее время. Изображение пантеры появляется на набалдашнике рукоятки меча в Саккызском кладе, где изогнутый в дугу зверь характеризован многими реалистическими деталями, в частности мускулистыми лапами с загнутыми когтями [36]. На подвеске из Темир-Горы животное изображено в значительно более схематизированном виде, к тому же без выраженных признаков хищного зверя. Такая же, как у козлов и оленей голова его с двумя углубленными кружками, означающими глаз и ноздрю, увенчана кружком большей величины с отверстием, служившим для подвешивания и вместе с тем изображающим ухо. Длинной шеей голова соединяется с удлиненным туловищем с резко выделенными плечом и бедром, к которым примыкают плотно прижатые к шее и брюху ноги с кружками на концах. Туловище оканчивается коротким хвостом, не имеющим ничего общего с хвостом кошкообразных хищников. Все изображение в целом представляет собой замкнутую, уравновешенную композицию вокруг центрального круглого отверстия, построенную по тому же принципу, что и другие скифские изображения свернувшегося в кольцо животного.

Хотя видовые признаки животного на подвеске из Темир-Горы не выражены, протянутые под шею, а не подогнутые под брюхо передние ноги его характерны для изображения лежащего хищника, а не травоядного животного. Стилизация уха, глаза и ноздри расположенными в один ряд кружками и такие же кружки на концах лап сближают его с лежащими зверями на золотой обкладке рукоятки топорика из Келермеса [37], со свернувшейся пантерой на роговой пронизке и пантерами на лапах и хвосте золотой нащитной бляхи из Келермеса же [38], а равным образом с такого же рода изображением в виде золотой нащитной бляхи в Сибирской коллекции Петра I [39].

Эта стилизация, как показывает сибирская золотая бляха, теснейшим образом связана с техникой инкрустации в золоте и в основе своей представляет ячейки для цветных вставок. Она, следовательно, является воспроизведением приема, выработанного не в роге, а в золоте, и могла появиться в Северном Причерноморье только в порядке заимствования. Ввиду этого изображение свернувшегося животного из Темир-Горы следует

[36] R. Girshman. Perse, табл. 158.
[37] Сокровища скифских курганов ..., табл. 17.
[38] Там же, рис. 7, 9, табл. 22.
[39] С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ, Д3-9, М.—Л., 1962, табл. VI, *1*.

Рис. 4. Роговой наконечник со скульптурной головкой барано-птицы. Темир-Гора. Эрмитаж

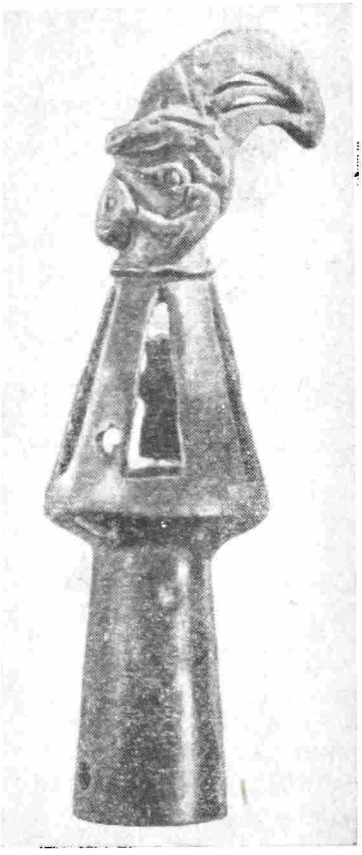


Рис. 5. Бронзовое навершие со скульптурной головкой барано-птицы. Великие Будки, кург. № 476. Эрмитаж. Второй экземпляр в Киевском Историческом музее

считать одним из вариантов сложившегося в Иране образа пантеры, которая с теми же чертами стилизации известна не только в скорченном или свернувшемся виде, но и по ряду идущих зверей в Саккызском кладе [40], повторенных затем на обивке горита из Келермеса [41] и на других произведениях скифского искусства в Северном Причерноморье и в Сибири.

Вместе с тем следует еще раз подчеркнуть, что в древнем восточном искусстве мотив свернувшегося зверя не известен. В Саккызском кладе это согнутый зверь, еще не имеющий той законченности построения по окружности, как в келермесских изображениях и на золотой сибирской бляхе. В наиболее близком к саккызскому виду свернувшийся зверь представлен на золотых бляшках из Майэмирской находки на Алтае [42], что указывает на их более раннее время даже сравнительно с роговой подвеской из Темир-Горы, у которой наиболее архаической чертой является неопределенный вид свернувшегося животного, что характерно для перерабатывавших иноземные образцы скифов Северного Причерноморья.

Еще более оригинальным является мотив барано-птицы, тоже не известный в собственно восточном искусстве. В скифских памятниках барано-птица раньше всего появляется на роговом наконечнике из Темир-Горы (рис. 4) и на паре бронзовых наверший из кургана у с. Великие Будки (рис. 5). Хотя и выполненные в разном материале и на предметах различ-

[40] R. G. 7000 ans d'art en Iran, табл. XLI.

[41] Сокровища скифских курганов..., табл. 21.

[42] А. В. Адрианов. К археологии Западного Алтая. ИАК, 62, Пгр., 1916, стр. 56, рис. 29; С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, рис. 3.

ной величины, эти изображения очень близки между собой, что и является основанием для их сближения в хронологическом отношении. На наконечнике из Темир-Горы шаровидная головка с круглыми глазами и массивным изогнутым клювом с продольными желобками обведена по бокам полукружиями бараньих рогов, составленных из двух пар животных с общими головками. Одна пара представлена лежащими животными в основании головы барано-птицы, а другая составляет изгибы обращенных вершиною к низу рогов по ее бокам и образована фигурками с длинной шеей и тонким удлиненным туловищем с выделенным плечом и протянутой под шеей передней ногой. Головки этих дополнительных животных характеризованы ушами — у верхних длинными, лежащими на шее, а у нижних короткими, овальными, торчащими над головой. Нижние фигурки, сливаясь друг с другом, сильно выступают за контур головы барано-птицы. Вдоль клюва барано-птицы с обозначенным бороздками ртом с обеих сторон на месте восковицы помещено по головке с длинными ушами.

Совершенно такая же фантастическая голова с клювом и зооморфными бараньими рогами увенчивает два конических прорезных навершия из с. Великие Будки. Рога у нее также составлены из фигурок маленьких животных, верхние пары которых тоже характеризуются удлиненными пропорциями головы и туловища, отличаясь от предыдущей короткими лапками. Головки у этой пары не сливаются в одну, а только мордами соприкасаются друг с другом. Нижняя пара животных сильно деформирована, и каждое из них представлено только передней частью туловища с длинной шеей. У этой пары общая уплощенная голова. Голова с двумя направленными в разные стороны туловищами является формой, издавна распространенной на Востоке, но могла появиться и совершенно независимо путем расщепления скульптуры по сторонам какого-либо предмета, в данном случае головы птицы. В отличие от сомкнутого клюва барано-птицы на наконечнике из Темир-Горы, на клюве великобудковских наверший, кроме короткой восковицы, прорезью обозначен приоткрытый рот с виднеющимся в нем длинным языком.

Соединение элементов барана и птицы в фантастическом образе трудно объяснимо. Возможно, оно было подсказано формой остренькой бараньей морды, легко превращающейся в птичий клюв. Головки баранов с такой мордочкой и закрученными по сторонам рогами находятся в раннескифских комплексах вместе с изображениями барано-птицы на роговых уздечных пронизках и на концах псалий. Но такое превращение едва ли могло произойти без влияния изображения орлиного грифона в том его виде, в каком он представлен, например, на серебряных зеркале и ритоне и на золотой диадеме из Келермеса [43]. Свешивающиеся по сторонам головы грифона, характерные для хеттских, урартских и греко-ионийских изображений этого фантастического существа, «локоны» [41] могли быть истолкованы как рога. Связь же барано-птицы с грифоном особенно ясно выражена у изображения на навершиях из с. Великие Будки, у которого в приоткрытом клюве показан длинный язык. Грифон с раскрытой пастью с изогнутым языком нередко встречается в ассиро-вавилонском, урартском и греко-ионийском искусстве. В скифской своей разновидности — с бараньими рогами — он представлен в схематизированном и упрощенном виде на сравнительно позднем навершии из Ульского кург. № 1, 1908 г. [45]

Еще более загадочна трактовка бараньих рогов у головок на наконечнике и навершиях фигурками животных. Восточное искусство ничего по-

[41] Сокровища скифских курганов..., табл. 21.

[42] А. В. Адрианов. К археологии Западного Алтая. ИАК, 62, Прг., 1916, стр. 56, рис. 29; С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, рис. 3.

[43] Сокровища скифских курганов, ..., табл. 10, 26, 33.

[44] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, табл. 6; Н. Н. Погребова. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 62 сл.

[45] Сокровища скифских курганов, ..., табл. 59.

Рис. 6. Роговой наконечник в виде головки птицы. Нижние Серогозы, кург. III, мог. 5. ГИМ

добного не знает, но зато такого рода «зооморфные превращения» характерны для скифов и в раннее время блестяще представлены золотой келермесской пантерой с ее лапами и хвостом, заполненными фигурками свернувшегося зверя[46]. Птичьими головками трактованы лапы одного из хищников на обкладке рукоятки топорика из Келермеса. Зооморфные рога барано-птицы оформлены по тому же принципу, только образованы они фигурками не одного, а двух животных со слабовыраженными видовыми признаками, но тоже, как у свернувшегося зверя, по крайней мере в верхней паре, сильно вытянутых и изогнутых. Значение таких зооморфных превращений могло заключаться в стремлении наделить образ животного, помимо его собственных качеств, еще и другими, дополнительными свойствами и тем самым увеличить его апотропеическую силу. С этой целью в данном случае баран оснащается мощным клювом, а его рога усиливаются свойствами каких-то еще других животных.

Изображения барано-птицы в скифском искусстве встречаются, главным образом, на уздечных пронизках и на концах псалий. Такого рода уздечные пронизки, имеющие вид головки барана или птицы, копыта и свернувшегося кольцом хищника, найдены в Келермесском кургане, раскопанном Н. И. Веселовским[47]. В Приднепровье встречаются псалии с головкой барано-птицы на конце[48]. Но во всех этих произведениях бараньи рога не превращаются в других животных. Уздечные пронизки с головками животных или птиц изредка находятся в Иране и Малой Азии, но изображений барано-птицы вне Восточной Европы известно всего два — одно на роговом псалии из с. Зивийе, откуда происходит и знаменитый Саккызской клад[49], другое на наконечнике из развалин урартской крепости Тейшебаини (Кармир-Блура), которой в конце VII — начале VI в. владели скифы. Они то и вырезали его из рога, о чем свидетельствуют найденные там же заготовки[50]. Ни в Средней Азии, ни в Сибири изображений барано-птицы не обнаружено, из чего следует, что этот образ создан северочерноморскими скифами.

Голова птицы на вырезанном из рога наконечнике, найденном в погребении у дер. Нижние Серогозы (рис. 6), своим раскрытым клювом с загнутым верхним концом и короткой нижней челюстью настолько живо напоминает образ орлиного грифона в типе, известном по находкам в Келермесе[51], что ее независимое от него происхождение представляется невероятным. Орнамент из двойных спиралей по клюву сходен с овалами, помещенными в ряд поперек восковицы у головок, в одном случае, барано-птицы, а в другом, только птицы на концах роговых псалий из кург. № 2

[46] Сокровища скифских курганов, ..., табл. 22.

[47] Там же, ..., рис. 7.

[48] А. А. Бобринский. Ук. соч., I, табл. XI, 10, 16; III, табл. VII, 5.

[49] E. Porada. The Art of Ancient Iran. London, New York, 1965, стр. 132, рис. 73.

[50] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур. 1. Ереван, 1950, стр. 96, 97. Скифы получили земли Урарту по разделу ассирийского наследства между ними, Вавилоном и Мидией, но потеряли их в результате мидийско-лидийской войны 590—585 гг. до н. э.

[51] Сокровища скифских курганов, ..., табл. 4, 8, 20, 26, 33.

у с. Аксютинцы и из кургана у хут. Грушевки. Того же рода декоративные фигурки имеются у птицы на роговом наконечнике из г. Шполы [52]. Возможно, что двойные спинали на наконечнике из дер. Нижние Серогозы воспроизводят схематизированные птичьи головки в том их виде, в котором они распространяются в скифском искусстве в порядке геометризации еще сохраняющих реалистические черты птиц из Саккызского клада [53]. Если это так, то эти элементы птичьей головки из дер. Нижние Серогозы вместе с дополнительными изображениями на наконечнике из Темир-Горы и навершиях из с. Великие Будки являются древнейшими примерами «зооморфных превращений» в скифском искусстве.

Наиболее сложные по содержанию и своеобразные по форме изображения находятся на роговых пластинках неясного назначения из кург. № 2 у с. Жаботин. На одной из них — длинной, с тремя расположенными по треугольнику дырочками на несколько суженных концах, выгравированы две фигуры лежащих друг за другом животных, отличающихся большими головами со свисающими мордами (рис. 7). Рог у одного из них длинный, протянутый вдоль спины, снабженный отростком с широкой лопаткой и завитком на конце. У другого с большим острым ухом рога короткие, серпообразные. На туловище каждого из этих животных обозначены плечо и бедро, а сзади показан короткий хвостик. Между этими фигурами помещается изображение такого же, но маленького и безрогого животного. Оно расположено поперек пластины и представлено с повернутой назад, лежащей на спине головой и с вытянутыми ногами. Перед мордой первого лежащего животного с рогами лося на конце пластинки выгравирована птица, состоящая из головы с длинным изогнутым клювом, выделенного бедра с частью ноги и не то крыла, не то хвоста в виде заштрихованного остроугольника позади.

На второй такой же, как первая, пластинке также изображены два лежащих друг за другом животных, но не с протянутой вперед, а с повернутой назад головой (рис. 8). Под головой первого из них вписана вторая голова несколько меньшей величины, шея которой сливается с общим для обеих голов туловищем. Эти головы повреждены и поэтому неизвестно, были ли у них рога или нет. Второе животное, помещенное вслед за фигурой с двумя головами, отличается короткими развернутыми в стороны рогами и торчащим сбоку острым ухом. Между этими фигурами как и на первой пластинке, находится изображение передней части маленького животного, расположенного в обратном положении, т. е. ногами кверху и вплотную примыкающего к первому большому животному. М. И. Вязьмитина с большой долей вероятности усматривает в этих изображениях сцены рождения, как она полагает, лосенка и считает, что они имели культовое, магическое значение, обеспечивая размножение тотемного животного [54]. Сцен рождения детенышей, кроме жаботинских, в скифском искусстве не известно.

На третьей более короткой роговой пластинке с такими же дырочками на концах, как и на двух предыдущих, представлены три обращенных влево птицы в том же виде, что и на одной из длинных пластин, где птицы изображены вместе с животными (рис. 9). Для всех их характерен небольшой круглый глаз, слегка выступающий за контур головы.

Прием совмещения в одном изображении двух животных, отмеченный у одной из фигур на второй длинной пластине, повторяется на паре роговых бляшек с выступающей петлей на обороте из того же кургана (рис. 10). Они вырезаны по контуру выгравированных на них фигур, пред-

---

[52] В. А. Іллінська. Скіфська вуздечка VI ст. до н. е. «Археологія», XIII, 1961, рис. 7, *4—5*; 10, *3*.

[53] R. G. 7000 ans d'art en Iran. табл. XLI—XLIII.

[54] М. И. Вязьмитина. Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 1963, 2, стр. 160 сл.

Рис. 7. Роговая пластинка с гравированными изображениями животных и птиц. Жаботин, кург. № 2. Киевский Исторический музей

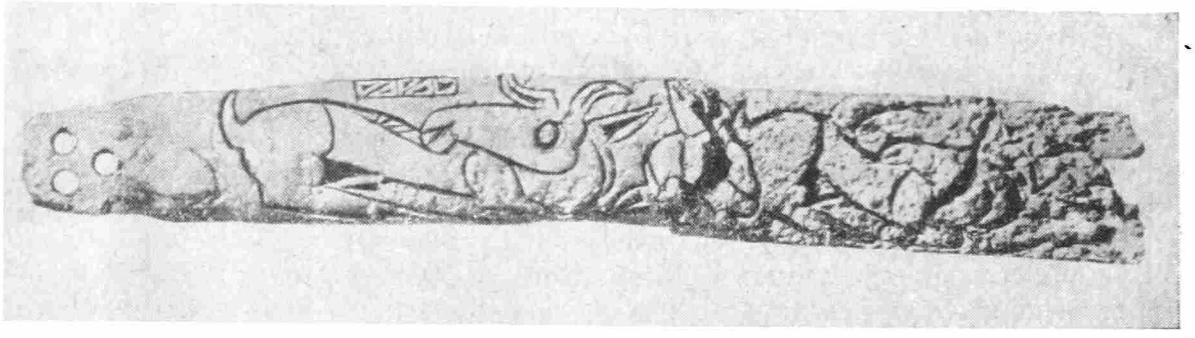


Рис. 8. Роговая пластинка с гравированными изображениями животных. Жаботин, кург. № 2. Киевский Исторический музей

ставляющих лежащее животное с отвисшей мордой и острым треугольным ухом. Ноги у него поджаты под туловище, а голова повернута назад. Между головой и туловищем у обеих фигур вкомпанована вторая такая же голова, но меньшей величины, а на фоне шеи основного изображения показана вторая шея, сливающаяся с общим для обеих голов туловищем. Короткий хвостик в одном случае загнут кверху, а в другом — опущен вниз. Фигуры на бляшках ориентированы в противоположные стороны, чем подчеркивается их парность. На одной из них, направленной вправо, на плече животного вырезан кружок с четырьмя крестообразно расположенными черточками по краям — солярный знак, какие нередко находятся у животных на вещах из Келермесских курганов [55]. На той же бляшке вдоль наружного контура шеи каждой из слитых друг с другом фигур от головы вниз отходит по серповидному рогу, заштрихованному косыми черточками. У фигуры на противоположной бляшке такой рог показан только контуром.

Жаботинские гравированные изображения содержат ряд черт, заслуживающих специального внимания. В них впервые в Северном Причерноморье появляются фигуры животных, лежащих с подогнутыми ногами так, что передняя нога оказывается наложенной на заднюю. Часть их представлена с повернутой назад головой. Кроме того, среди них имеются двухголовые изображения, состоящие как бы из двух совмещенных в одном туловище животных. Если последний мотив, не имеющий ничего общего с характерными скифскими зооморфными превращениями, не находит себе аналогий, то первые два имели широкое распространение и в скифском, и в древневосточном искусстве. Образ лежащего с наложенными друг на друга ногами животного, обычно козла, известен в Месопотамии еще в III тысячелетии до н. э. Это животное, как и другие животные в древневосточном искусстве, нередко изображается с повернутой назад головой, что вполне соответствует его роли в симметрических композициях, центрированных фигурой божества, героя или их символом [56]. В отдель-

[55] Сокровища скифских курганов, ..., рис. 7, табл. 17, 18.

[56] D. J. Wiseman. Götter und Menschen in rollsiegel Westasiens. Prague, 1958, табл. 50, 51, 63, 79, 86, 87, 93, 97; P. Amandry. Ук. соч.

Рис. 9. Роговая пластинка с гравированными изображениями птиц. Жаботин, кург. № 2. Киевский Исторический музей

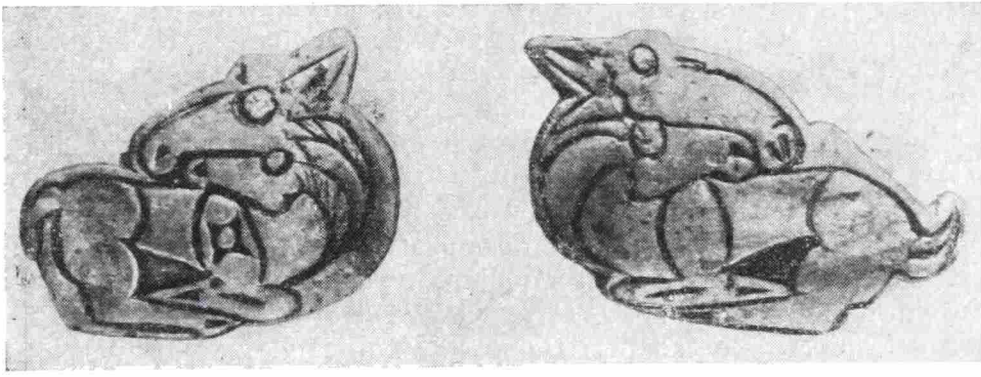


Рис. 10. Пара роговых бляшек в виде фигур животных. Жаботин, кург. № 2. Киевский Исторический музей

ных изображениях животные сохраняют выработанную в композициях форму и в таком виде попадают в скифское искусство Северного Причерноморья, где этот мотив самостоятельно не мог возникнуть, так как в скифском искусстве изображаются, как правило, отдельные, не связанные между собой животные. К тому же большинство жаботинских изображений представляет такого же, как в Азии, горного козла, не свойственного местной фауне.

М. И. Вязьмитина всех животных на роговых пластинках и подвесках считает лосями. Однако только одно из них, представленное с длинным широколопастным рогом, может быть по этому признаку признано лосем, у всех других рога вовсе не лосиные, так же как не лосиные и изображенные у всех коротенькие загнутые хвосты. Развернутые в фас, в одном случае луновидные, рога у двух фигур на длинных пластинах не имеют ничего общего с лосиными и скорее всего принадлежат быкам. Серповидный рог вдоль шеи изображается в скифском искусстве у козлов.

Один из самых ранних примеров изображения лежащего козла с повернутой назад головой и серповидным рогом представляет золотая бляшка из жаботинского кург. № 524[57] (рис. 11). Животное дано в высоком рельефе, образованном немногими четкими гранями и, несмотря на схематизм и иную технику, близко сходно с фигурами, выгравированными на роговых бляшках из кург. № 2. Серповидный рог его отчетливо отделен от шеи, вдоль которой протянут с наружной стороны. Совершенно такие же золотые бляшки найдены в кург. № 346 у дер. Теклино (Орловец) Киевской области[58]. Ряд других сходных изображений козлов относится к более позднему времени. Не лишне отметить, что в отличие от Северного Причерноморья лежащий с повернутой головой козел в Сибири почти не встречается. Там он обычно имеет голову, направленную вперед.

Принимая во внимание распространенность изображений козла и не-

[57] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1913 году. ИАК, 60, Пгр., 1916, стр. 1 сл., рис. 2, 3.

[58] А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки.... стр. 20—21, табл. VI, *1, 3.*

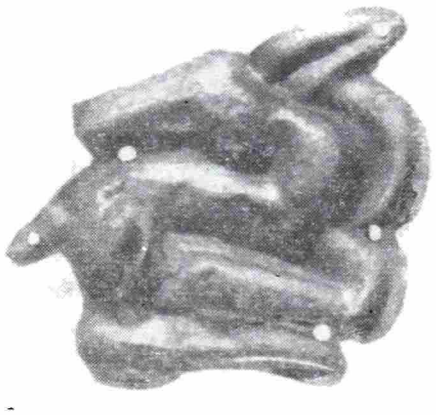


Рис. 11. Золотая бляшка в виде лежащего козла. Жаботин, кург. № 542. Киевский Исторический музей

достаточную определенность видовых признаков копытных животных в жаботинских изображениях, можно допустить, что образ восточного горного козла послужил основой, к которой добавлялись признаки местных животных, в первую очередь лося. Изображение быка не получило в скифском искусстве широкого распространения, лось же присоединился к образам, заимствованным с Востока. Изображения характерной горбоносой головы этого животного известны по ряду скифских рельефных бляшек, относящихся к концу VI—V вв. Встречаются и гравированные изображения лося. Близкой к жаботинской, хотя и более реалистической, является фигура этого животного, легко и уверенно прочерченная на обороте бронзового зеркала, найденного в мог. № 41 Ольвийского некрополя [59]. Животное представлено в профиль на полусогнутых коротких ногах. У него массивная задняя часть и характерная голова с утолщенной свисающей мордой и полураскрытым ртом. Ухо острое, короткое, над головой следы широколопастного рога с волютообразным завитком наверху; плечо обозначено четким контуром вместе с ногой; сзади туловища довольно длинный хвост. Такого типа зеркала считаются ольвийскими изделиями и датируются VI в. без более точного ограничения во времени. Хотя форма зеркала греческая, изображение оленя содержит признаки скифской стилизации, слабее выраженные в жаботинских фигурах животных.

Большим сходством с другими скифскими изображениями отличаются впервые появляющиеся на концах трехдырчатых роговых псалий из жаботинского кург. № 2 головка птицы и копыто (рис. 12, 13), в дальнейшем очень редко встречающиеся в таком сочетании на того же рода предметах. Впрочем, по одному концу у каждого из этих псалий утрачено и поэтому неизвестно, какие изображения соответствовали в одном случае головке птицы, а в другом — копыту. Голова птицы снабжена мощным загнутым в колечко клювом с восковицей и тремя изогнутыми линиями вдоль него. Большой, обведенный двумя концентрическими кружками глаз выступает за линию контура головы.

Исходя из наблюдения Э. Герцфельда, Н. Л. Членова полагает, что птичья голова с выступающим глазом представляет собой скифскую переработку непонятного образа льва на луристанских навершиях, при которой верхняя челюсть зверя превратилась в птичий клюв, круги возле глаз в заполняющий голову криволинейный орнамент, а возвышающееся над головой ухо в глаз [60]. Эта формалистическая конструкция не соответствует действительности, так как стилистически луристанские львы и скифские головки птиц не имеют ничего общего между собой. Скорее всего голова с выступающим глазом на месте лобного выступа, на котором помещается глаз у реалистических изображений, представляет собой промежуточное звено стилизации, ведущей к сокращенному образу птицы, состоящему всего только из клюва и большого круглого глаза и даже принимающего вид двойной спирали. Птичьи головки с выступающим глазом имеются в Саккызском кладе и часто встречаются в скифском искусстве

---

[59] В. М. Скуднова. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии. Тр. ГЭ, VII, 3, Л., 1962, стр. 8, рис. 4.

[60] Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 124; E. Herzfeld. Iran, стр. 173, табл. 292.

Северного Причерноморья, где имеются и изображения животных с той же особенностью [61].

В скифском искусстве копыто обычно сочетается с головой лошади на другом конце псалия, а форма его не столь остроконечна, как у жаботинского экземпляра [62]. Жаботинское копыто трудно признать за конское, хотя других однокопытных животных в скифском искусстве не изображалось. Изредка находятся псалии с остроконечным копытом и головкой барана или барано-птицы [63], но баран — животное парнокопытное, что в изображении копыта другими признаками не отмечалось. По нижней стороне жаботинского копыта прочерчена продольная линия, делящая его на две равные части, что, вероятно, и должно показывать его принадлежность парнокопытному животному. Изображения копыта вместе с головой птицы встречаются очень редко. Такое сочетание известно по роговому псалию из кургана у хут. Грушевки и по бронзовому псалию из Роменского района [64]. Судя по этому, обломанные концы жаботинских псалий тоже могли быть в одном случае головой птицы, а в другом копытом. Изображений копыта в восточном искусстве не встречается.

Рис. 12. Головка птицы на конце рогового псалия. Жаботин, кург. № 2. Киевский Исторпческий музей

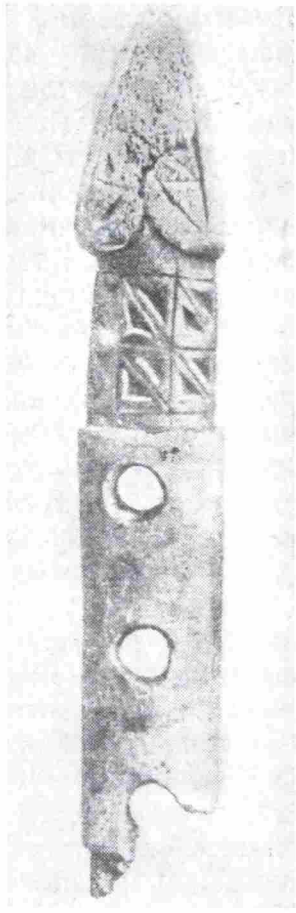


Рис. 13. Копыто на конце рогового псалия. Жаботин. кург. № 2. Киевский Исторпческий музей

Образ барана по своей распространенности в искусстве Древнего Востока не идет ни в какое сравнение с козлом. Он встречается очень редко и становится более обычным только с вторжением в Иран среднеазиатских и северочерноморских кочевников. Голова барана с закрученными по сторонам рогами хорошо представлена находками в Зивийе и Келермесе и при этом обнаруживает близкое сходство со скифскими изображениями этого животного [65]. Редки на Востоке и изображения головы лошади, которые зато постоянно встречаются на раннескифских роговых псалиях. Среди них различаются два типа — с длинными прижатыми и с короткими торчащими ушами, причем вторые отличаются еще и опущенной тупой мордой [66]. В отличие от В. А. Ильинской, я склонен думать, что эти две

[61] В. А. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, 1, стр. 103, рис. 13; R. G. 7000 ans d'art en Iran, табл. XLI.

[62] В. А. Ильинская. Некоторые мотивы..., стр. 89, рис. 1, 2; ДП, III, табл. XLIII.

[63] ДП, II, табл. XXXII, *518, 519*.

[64] В. А. Іллінська. Скіфська вузда..., рис. 7, *5*; 11, *2*.

[65] R. G. 7000 ans d'art en Iran, табл. XXXIII; XXXV; Сокровища скифских курганов..., рис. 7, табл. 8, 25, 30, 34, 37, 38, 52, 53.

[66] В. А. Ильинская. Некоторые мотивы..., стр. 89, рис. 1, 2.

формы различного происхождения и что первая из них — голова с длинными ушами — восходит к изображению распространенного на Востоке мула, представленного бронзовыми навершиями из Келермеса и, вероятно, Майкопа (последнее в ряде случаев ошибочно считается ордосским, так как оно опубликовано А. Зальмони вместе с вещами северокитайского происхождения) [67]. Во всяком случае несомненно, что изображения копыта лошади, и в особенности барана, если не происхождением, то распространением теснейшим образом связаны со скифами и другими ираноязычными народами.

Таким образом, из рассмотрения древнейших образцов скифского искусства следует, что еще до возвращения главного ядра скифов из Передней Азии в начале VI в. их остававшиеся в Северном Причерноморье соплеменники не были изолированы от восточных культур и по крайней мере с конца VII в. получали от переднеазиатских скифов некоторые усвоенные теми художественные сюжеты и формы. По всей вероятности, между скифами в Передней Азии и в Северном Причерноморье поддерживались регулярные связи: происходил обмен людьми и вещами. В Переднюю Азию прибывали пополнения, сформированные в Северном Причерноморье, а какие-то части скифов возвращались обратно еще до изгнания всех их мидянами. Переработка заимствованных на Востоке художественных форм в соответствии с потребностями и техническими возможностями скифов происходила, по-видимому, не только в Передней Азии, но и в Северном Причерноморье с широким использованием не столько металла, сколько дерева, рога и кости, что и наложило на скифский стиль особый отпечаток. Сюжетов местного происхождения, таких как свернувшийся в кольцо зверь, лось, баран, барано-птица, в скифском искусстве было немного, да и они, в конечном счете, в основе своей оказываются восходящими к древневосточным образцам.

Возвращение скифов из Передней Азии в начале VI в. ознаменовалось наводнением Северного Причерноморья сюжетами и формами древневосточного происхождения, только частично переработанными скифами в собственном стиле. В келермесском и мельгуновском комплексах, наряду с вещами ассирийского и урартского происхождения, такими, например, как упомянутая золотая чаша с изображениями животных или части парадных тронов [68], находятся предметы, украшенные изображениями смешанного стиля, в том или ином виде сочетающего восточные формы со скифскими. Остается не ясным, принесены ли эти предметы скифами из Передней Азии или созданы уже в Северном Причерноморье. Р. Барнет считает, что эти вещи представляют собой не скифское, а мидийское искусство и вместе со скифами в готовом виде попали на Северный Кавказ и в Приднепровье [69]. Другие исследователи местом изготовления их признают Урарту [70] и, наконец, третьи полагают, что они создавались в Прикубанье (в Фанагории), и именно таким образом объясняют сочетание в них переднеазиатских элементов с греческими и скифскими [71]. При решении этого вопроса необходимо учесть, во-первых, что элементы скифской стилизации проникали в этого рода произведения, как показывает Саккызский клад, еще в Передней Азии, а во-вторых, что в древнейших комплексах скифской культуры в Северном Причерноморье действительно находятся произведения греко-ионийского стиля.

---

[67] Сокровища скифских курганов, табл. 5; A. Salmony. Sino-Siberian Art. Paris, 1933, табл. V, *1*.

[68] Сокровища скифских курганов..., табл. 34, 36—39; А. П. Манцевич. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве. СА, 1958, 2, стр. 196 сл.

[69] K. D. Barnett. Median Art. «Iranica Antiqua», II, 1, 1958.

[70] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, стр. 252, 255.

[71] Г. И. Боровка. Бронзовый олень из Ульского кургана, ИРАИМК, II, 1922, стр. 201, сл.; М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса. СА, XXI, 1954, стр. 304.

Одним из наиболее замечательных памятников этого стиля является серебряное келермесское зеркало, с тыльной стороны украшенное гравированными изображениями, оттиснутыми затем на покрывающем ее золотом листке [72]. Это зеркало типичной скифской формы — с бортиком по краю и ручкой в виде бляшки на двух столбиках на обороте, но сюжеты и стиль изображений на нем греко-ионийские, лишь с немногими привнесениями, которые, как и тип зеркала, могут свидетельствовать об его изготовлении в скифской среде.

Хотя греческие вещи (керамика) встречаются в скифских погребениях с конца VII в. [73], маловероятно, что еще в первой трети VI в., которой датируются Келермесские и Мельгуновский курганы, скифы в Северном Причерноморье могли находиться в столь тесном контакте с греками, что мастера из только что возникавших там греческих колоний принимали участие в художественном оформлении вещей их парадного обихода. С другой стороны, связи скифов с греками могли иметь место еще в то время, когда скифы, хозяйничая в Передней Азии, доходили до греко-ионийского побережья Средиземного моря и имели возможность заполучить для выполнения своих заказов не только ассирийских или урартских, но и греческих мастеров.

Поэтому надо полагать, правы те исследователи, которые считают вещи келермесского и мельгуновского комплексов созданными в основной их части еще во время пребывания скифов в Передней Азии и принесенными ими в Восточную Европу при своем сюда возвращении. Недаром же появившийся вместе с ними древневосточный стиль не получает в искусстве Северного Причерноморья широкого распространения и быстро затухает. В противоречии с этим заключением находится датировка греко-ионийских художественных произведений Келермесских курганов 70—80 годами VI в., установленная М. И. Максимовой [74], в соответствии с чем датируются и сами эти курганы и Мельгуновский клад. Это — время, когда скифы находились уже в Северном Причерноморье. Однако хронология, предложенная М. И. Максимовой, не бесспорна, и изученные ею вещи могут относиться к более раннему времени, хотя погребения, в которых они найдены, судя по другим данным, едва ли более ранней поры. Аналогии греко-ионийским изображениям на келермесских вещах, которые привлекает М. И. Максимова, относятся не только к началу VI, но и к VII в.

Весьма примечательно нахождение вещей восточного происхождения или с преобладанием восточных элементов в предгорьях Северного Кавказа, на южной стороне Кубани, где античные авторы знают не скифов, а меотов, об участии которых в походах на Азию нигде не упоминается. Обряд погребения в кубанских курганах с этого рода вещами существенно отличается от скифского, известного в Приднепровье, и, поскольку, свойственная кубанским курганам раннескифского времени обрядность сохраняется и в последующее время, когда пребывание в Прикубанье меотов не вызывает никаких сомнений, трудно согласиться с предположением, что такие курганы как Келермесские или Костромской созданы не меотами, а скифами, задержавшимися на короткое время на Северном Кавказе при своем возвращении в Северное Причерноморье. Кубанские курганы с инвентарем скифского типа скорее всего оставлены не скифами, а меотами, участвовавшими в скифских походах в Азию или каким-то другим образом связанными с иранской культурой.

Может быть, это были киммерийцы, первыми открывшие дорогу в Азию и, по крайней мере, в какой-то своей части тесно связанные со ски-

---

[72] Сокровища скифских курганов ..., табл. 29—33.

[73] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых отношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, 104, 1934, стр. 90 сл.

[74] М. И. Максимова. Серебряное зеркало..., стр. 303.

фами, а вместе с тем сохранившие свою этническую самобытность и привязанность к родине в Прикубанье. Концепция Геродота, согласно которой скифы проникли в Азию, преследуя киммерийцев, не выдерживает критики, так как появление там тех и других разделено промежутком времени не менее чем в 50 лет, да и обосновались они в Азии в разных местах вовсе не потому, что скифы по дороге заблудились, а потому, что с самого начала направлялись в разные азиатские области. О непосредственном преследовании киммерийцев скифами не может быть и речи, и надо думать, что военные предприятия тех и других были вызваны не столько борьбой их за преобладание в Северном Причерноморье, сколько серьезными изменениями, происходившими в области экономики и социальных отношений внутри каждого из этих народов. После того, как в 594 г. мидийский царь Киаксар изменнически истребил их вождей, скифы бежали в малоазийскую Лидию. В результате между Мидией и Лидией разгорелась война за страны, находившиеся под властью скифов. По условию мирного договора 585 г., большая часть этих стран досталась Мидии[75], после чего уцелевшим скифам не оставалось ничего другого, как покинуть пределы Азии. Чем бы ни было вызвано вмешательство Лидии в отношения между мидиянами и скифами, какую-то роль в этом могли сыграть обосновавшиеся в Малой Азии киммерийцы. По мирному договору, владения Мидии простерлись на западе до р. Галиса, т. е. до области, занятой киммерийцами. Последние ввиду этого оказались в положении почти таком же, как и скифы, и могли вместе с ними удалиться к северу от кавказских гор — в Прикубанье, тогда как скифы направились в Поднепровье.

Вопрос о киммерийцах остается одним из самых темных в истории Восточной Европы, и наши предположения о связи их с Прикубаньем основываются исключительно на сохраненной Геродотом киммерийской топономике Керченского пролива. В археологических данных по этому вопросу много противоречивого, и в них еще предстоит разобраться. Во всяком случае, Прикубанье было одним из главных очагов формирования и развития скифской культуры. О том же, что эта культура распространилась в Северном Причерноморье именно со скифами, лучше всего свидетельствует Мельгуновский клад с его близко сходными с келермесскими вещами переднеазиатского стиля и такими же элементами греко-ионийского происхождения.

Одновременно с Северным Причерноморьем скифское искусство звериного стиля появляется в Сибири. Ранними образцами его там могут служить уже упомянутая золотая бляха в виде свернувшегося зверя, того же рода изображения на золотых пластинках из Майэмирской находки на Алтае и золотые же пластинки из кургана в долине р. Чиликты в Восточном Казахстане, где вместе со свернувшейся в кольцо пантерой имеются фигурки лежащего оленя, хищной птицы, кабана и других животных[76].

Близкое сходство северочерноморского и сибирского звериного стиля, с одной стороны, и некоторые различия в мотивах и в трактовке одинаковых сюжетов, с другой, не оставляют сомнений, во-первых, в общности происхождения, а во-вторых, в независимом друг от друга развитии искусства каждой из этих областей. И северочерноморское, и сибирское искусство звериного стиля одинаково восходят к искусству иранских племен, сложившемуся в Передней Азии на основе древневосточного наследия. В Северное Причерноморье это искусство пришло еще отягощенное месопотамско-урартскими сюжетами и формами, в Сибири же оно распространилось в том, свободном от собственно скифских привнесений виде, в котором оно сложилось у мидян и легло в основу искусства Ахеменидской Персии. В отличие от скифов ираноязычное население Средней Азии и Сибири не было непосредственно связано с древними культурами Вос-

[75] В. А. Белявский. Ук. соч., стр. 126.
[76] С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1965, табл. VIII—XXI.

тока и могло, следовательно, ознакомиться с их искусством только в тех формах, в каких оно было передано им иранцами, обосновавшимися в Передней Азии и входившими в Мидийское объединение.

Из принесенных скифами в Северное Причерноморье переднеазиатских сюжетов в собственно скифском искусстве остались очень немногие, но и совершенно новых оно почти не создавало. Часть сюжетов скифского искусства представляла собой переработку восточных образов путем замены чужеземных животных местными. Но все они получали иное сравнительно с восточным стилистическое оформление. Выше были уже указаны отличительные черты скифского художественного стиля, получившие наиболее яркое выражение в памятниках VI—V в., среди которых преобладающее положение занимали круглая скульптура и высокий рельеф. К сказанному, пожалуй, следует только добавить, что репертуар образов скифского искусства состоял из немногих многократно повторяющихся изображений животных и птиц в виде целых фигур или только частей — головы, уха, ноги и пр., а также немногих простейших композиций, связывающих их друг с другом. Ничего, кроме животных, в этом искусстве не изображалось. Животные представлялись в спокойных однообразных положениях — лежащими или стоящими с повторяющимися от одного к другому стандартными формами. Видовая характеристика их ограничивалась добавлением немногих наиболее характерных отличительных признаков. Композиции почти исчерпываются симметричными сопоставлениями двух фигур. Считающиеся характерными для скифского искусства сцены борьбы животных в раннее время не были распространены и появляются только в V в. на основе персидских и греческих образцов.

Тем не менее, скифское искусство отличается большой выразительностью и декоративным совершенством, высоким мастерством, свойственным традиционным формам народного творчества, что обеспечивает за ним почетное, непреходящее положение в истории мирового искусства.

Каноничность и повторяемость образов скифского искусства свидетельствует об их устойчивом идеологическом содержании, о том, что с каждым из них были связаны определенные представления и что каждый из них имел свое установленное назначение, о котором, в известной мере, можно судить, исходя из значения таких же или подобных образов в религиях Древнего Востока, и в особенности праноязычных народов, в письменности, фольклоре и быте которых сохранились следы соответствующих верований и обрядов. Это особая большая тема, требующая специальных исследований. В общем и целом, изображения животных и птиц, включая сюда и фантастические существа, играли роль оберегов, апотропеев и воплощали в себе добрые и злые космические силы, наполнявшие мир и так или иначе влиявшие на судьбу человека как при жизни, так и в загробном мире. С этим значением скифское искусство возникло, с ним же оно существовало до самого своего конца. А тот факт, что оно появилось у народа, до того не знавшего изобразительного творчества и довольствовавшегося геометрической орнаментацией и примитивными зооморфными фигурками из глины, очень важен для суждения о скифском обществе. Но это тоже особая тема, требующая специального рассмотрения.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ ИСКУССТВА АМУРСКИХ НАРОДОВ

(Петроглифы на р. Кия, Уссури)

Искусство амурских народностей, впервые описанное в фундаментальной монографии Бертольда Лауфера, а также в капитальном труде Л. И. Шренка, неизменно продолжает привлекать внимание исследователей и в наше время [1]. На протяжении более чем ста лет с начала исследований Л. И. Шренка и А. Ф. Миддендорфа, определивших эпоху в этнографии нашего советского Дальнего Востока, вплоть до работ Л. Я. Штернберга и исследователя искусства сибирских народов С. В. Иванова, ученых не перестает привлекать удивительное богатство старинной орнаментики племен Амура — нанайцев, гольдов, нивхов, гиляков, ульчей и других, ее своеобразие и красота [2]. Радует и то, с какой силой обнаруживается в наши дни связь старой, традиционной культуры амурских народностей с новой, социалистической. В нанайских, ульчских и нивхских селениях нашего времени можно видеть привычные и давно и хорошо знакомые нам по альбомам Шренка и Лауфера орнаментальные мотивы, но уже связанные с новыми идеями и новой жизнью [3].

Тем интереснее знать — в чем исторические корни этого искусства, кем оно было создано и какой путь прошло в своем развитии. Одна из наиболее актуальных проблем, связанная с этой тематикой,— это, конечно, проблема самобытности искусства и, в целом, культуры амурских племен, находившихся в бассейне одной из величайших рек земного шара — Амура. Реки, а тем более такие, как Амур, рассекающий огромные пространства азиатского материка, издавна служили дорогами народов, средством связи между ними и их культурами. Народы Амура соприкасались в разные исторические эпохи с тюрками и монголоязычными племенами, с тунгусами Севера, палеоазиатами. Этнографическими и археологическими данными и историческими письменными документами засвидетельствованы их контакты также с народами, заселявшими островной мир Тихого океана, начиная с Курильских островов, Сахалина и вплоть до более далеких областей. В первую очередь это относится к такому племени, как древнейшие обитатели Ялонских островов айны, чья историческая судьба и культура еще во многом остаются загадочными.

На Амуре и в Приморье, как мы знаем, веками развивалась собственная государственность тунгусских по происхождению племен. Была собственная письменность, существовали свои литературные языки, собственная литература, в том числе историческая. И в то же время носители этой высокой средневековой культуры находились в разнообразных связях

[1] Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края. II, III, СПб., 1899; B. Laufer. The Art of the Amur Tribes. Memoirs of the American Museum of the Natural History. VII, 1902.

[2] С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М.— Л., 1954; С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник. Тр. ИЭ, нов. сер., 81, М.— Л., 1963.

[3] Искусство народов Амура. Каталог выставки. Л., 1959; Ч. М. Таксами. Нивхи (Современное хозяйство, культура и быт). Л., 1967, стр. 252—258.

с другими государствами — Кореей, Китаем, Японией, с государствами монголов и тюрков Центральной Азии [4].

При выявлении культурно-исторических корней искусства амурских народностей особое и весьма важное место принадлежит своеобразным наскальным изображениям в долине Амура и Уссури. Они образуют, пожалуй, самый яркий и характерный комплекс памятников древней культуры амурских племен, но вместе с тем столь же загадочный. И каждый новый образец этих удивительных наскальных изображений позволяет полнее и глубже понять эти памятники как источники по древней истории и истории культуры населения Амура, тем более, что на Амуре известно еще очень немного местонахождений таких петроглифов. Во всяком случае, их несравненно меньше, чем писаниц в соседнем Забайкалье. Таковы, в первую очередь, самые обширные местонахождения наскальных рисунков на Амуре ниже Хабаровска в Сакачи-Аляне, а также в Шереметьево на Уссури [5]. Большой интерес поэтому представляют еще не нашедшие отражения в специальной литературе наскальные изображения вблизи Хабаровска, на р. Кия. Их характеристике и интерпретации и посвящена настоящая публикация [6].

Место, где обнаружены петроглифы, находится на правом берегу притока Уссури — Кии, у так называемого «Чертова плеса». Плес этот находится в 8—9 *км* от моста через Кию по трассе Хабаровск — Владивосток, у села Переяславка. Петроглифы расположены на скальных выходах у второго угла меандра изгиба реки Кии, на высоком правом ее берегу. Около начала изгиба расположена усадьба георгиевского совхоза, у конца — с. Екатеринославка. Недалеко от писаниц построена большая пасека.

Долина Кии в этом месте выглядит следующим образом. Правый берег представляет собой I речную, надпойменную террасу высотой около 20 *м*, без развитой поймы, в некоторых местах вода подходит к основанию террасы. Левый берег (около рисунков) имеет луговую пойму, частично заливаемую водой. Первая речная терраса поднимается плавным откосом, используется под посевы. Около Екатеринославки и Георгиевки, где Кия не имеет развитой поймы на левом берегу, берега высокие, обрывистые, крутые. Обрывы песчаные. Левый берег покрыт травой, кустарником, небольшими скоплениями деревьев. В целом левый берег безлесный до далеких сопок. Правый берег зарос лесом, богат дичью.

Начиная от Георгиевки, река течет с юго-юго-востока на северо-северо-запад между низкими, а на левом берегу заболоченными берегами. Около пасеки река упирается в высокий, скалистый берег и резко меняет направление на запад-юго-запад. У этого поворота две скалы. Первая высокая, почти во всю вышину террасы, заросшая лесом, вторая скала низкая (6—7 *м*), но длинная (250—300 *м*). На последней, от самого ее начала и на протяжении около 100 *м* имеются древние выбитые (кроме одного, выполненного охрой) рисунки (рис. 1). После этой скалы правый высокий берег отходит от русла реки. И далее река вниз по течению имеет на правой стороне развитую пойму со старицами и релками — гривами. Третий угол меандра слабо выражен. Около скал река образовала широкий, тихий плес, называемый Чертовым. Кия — река неглубокая, вода в ней чистая, течение спокойное. В этой части реки самым рыбным местом является Чертов плес, излюбленный хабаровскими рыбаками. Река богата щукой, окунем, сазаном, ершом. В лесу охотятся на коз, зайцев, лосей.

---

[4] А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток, 1959; Материалы по древней истории Сибири. Древняя Сибирь (макет I тома «История Сибири»). Улан-Удэ, 1964.

[5] А. П. Окладников. Олень Золотые рога. М.— Л., 1964, стр. 131—161.

[6] Рисунки на р. Кия были скалькированы и описаны сотрудником Института истории, филологии и философии СО АН СССР С. Глинским и сфотографированы Ю. Полумисковым осенью 1967 г.

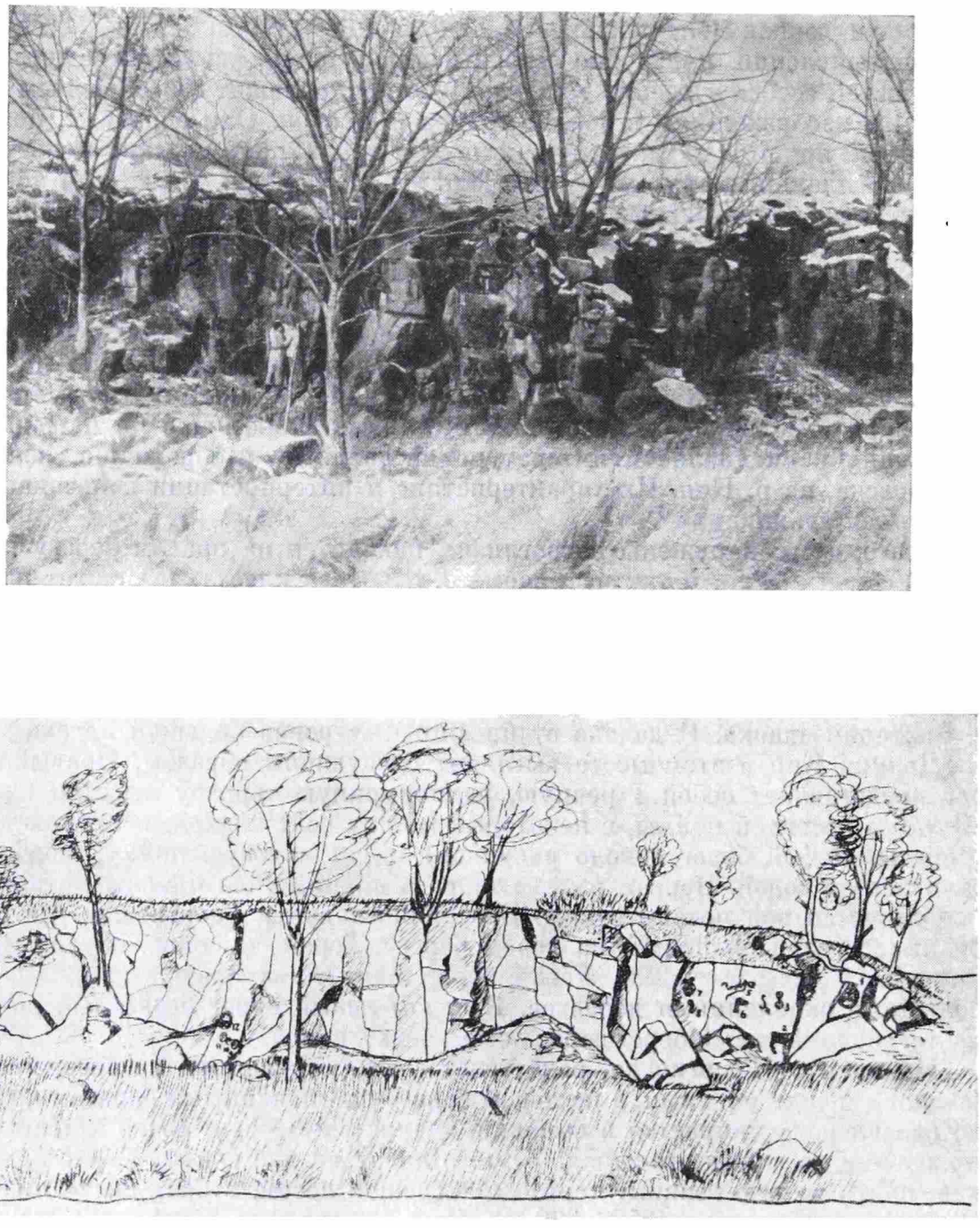


Рис. 1. Скала с изображениями на р. Кия

Скала с рисунками сложена базальтом. Она отвесная, порой нависает над низким берегом Кии. У основания крутая осыпь, поросшая травой. Берег заболоченный, кочковатый, поросший густой и высокой травой (осокой), в которой лежат отвалившиеся глыбы базальта. К краям высота скалы уменьшается до метра. Базальт темно-серый, шершавый, с глубокими вертикальными и наклонными трещинами. Из трещин вытекают минеральные растворы, оставившие на поверхности скалы осадок белого цвета. Этот осадок покрыл некоторые рисунки. Вправо от рис. № 5, например, такой потек оставил белый осадок. Получилась слабо выраженная рельефная поверхность. Возможно, что осадок заполнил здесь выбоины рисунка — личины.

Рисунков на Кии немного. Но они настолько выразительны, что могут дать вполне определенное представление о содержании и стиле всего того

идейного и художественного комплекса, к которому относятся. Расположены эти рисунки тремя группами. В первую группу входят рисунки № 1 — личина, № 2 — фигура оленя, № 3 — условный знак, № 4 — знак в виде латинской буквы S, напоминающий змею, № 5 — группа непонятных знаков, № 6 — голова водоплавающей птицы, № 7 — личина и № 8 — знак в виде петли. Вторая группа изображений (№ 9—11, 12) состоит из личин. Личины эти размещены компактной группой: вверху личина № 12, под ней на одном уровне и рядом друг с другом выбиты еще три личины — (№ 9, 10, 11). Отдельно, на значительном расстоянии от всех других расположены рисунки № 13 и 14. Рисунок № 13 выполнен, в отличие от всех других, красной краской. Это единственный известный мне рисунок краской на нижнем Амуре. На нем изображена лодка (рис. 2). Рисунок № 14 сделан в обычной для нижнего Амура технике, он выбит.

Первое место в серии рисунков на Кии принадлежит, бесспорно, личинам. Самая эффектная и наиболее тщательно выполненная из них личина № 12 (рис. 3 и 4, *8*). Очертания ее правильные, овальные. Она окружена «сиянием» в виде коротких прямых линий. Вверху эти линии прямые, вертикальные. Внизу они косые. Внутри личины, на ее лбу выбита поперечная полоска в виде крыльев птицы. Ниже отчетливо обозначены тем же способом брови в виде двух соединяющих дуг. Дуги бровей переходят в длинный нос с узким переносьем. Глаза переданы правильными и довольно широкими кружками. Ниже имеется нечто вроде усов, широких и энергично загнутых кверху. На их фоне выбиты две симметричные ямки. Они напоминают ноздри, но расположены ниже носа. Под ямками видны две дугообразные полоски, повторяющих по расположению и форме «усы». На рисунке (рис. 4, *8*) выбитые углубленные части изображения показаны черным цветом, скальный нетронутый фон оставлен белым.

Рис. 2. Изображение лодки, выполненное красной краской

Личина № 11 представляет собой почти точную копию предшествующей, но лишь обедненную деталями. Очертания личины такие же овальные. В лобной части у нее двойная дуга, напоминающая крылья птицы, распластанные в полете. Брови дугообразные, нос длинный с узким переносьем. Глаза даны в виде кружков с ямками внутри. Внизу выбита серповидная широкая дуга, обращенная острыми концами вверх. Сияние отсутствует (рис. 3; 4, *1*).

Личина № 10, соседняя справа от одиннадцатой. Сильно повреждена изломом скалы. Форма ее овальная, овал личины яйцевидно сужен внизу. На широком лбу личины две поперечные выпуклые полосы фона. Брови показаны в виде запятых, с кончиками, выгнутыми вверх. Глаза круглые, с ямками внутри. Внизу, на месте рта находится широкая серповидная дуга (рис. 3; 4, *2*).

К личине № 10 вплотную примыкает личина № 9. Контуры ее неправильно овальные. Внутри по середине две ямки. Они напоминают глаза. Над ними в верхней половине личины выбиты четыре поперечные полосы, слегка дугообразно изогнутые. В самом низу личины есть еще одна узкая поперечная полоса, тоже дугообразная. Личина с одной стороны, справа, окружена «сиянием» — ореолом из коротких линий (рис. 3; 4, *3*).

Личина № 7 имеет очертания в виде яйцевидного широкого овала. Овал оконтурен широкой полосой выбивки и разделен внутри на три малых окружности, каждая с круглыми ямками — пятнами внутри. Две верхних окружности — глаза, нижняя — рот личины. Нос личины длинный, в виде двух треугольников, соединяющихся вершинами. Такие же тре-

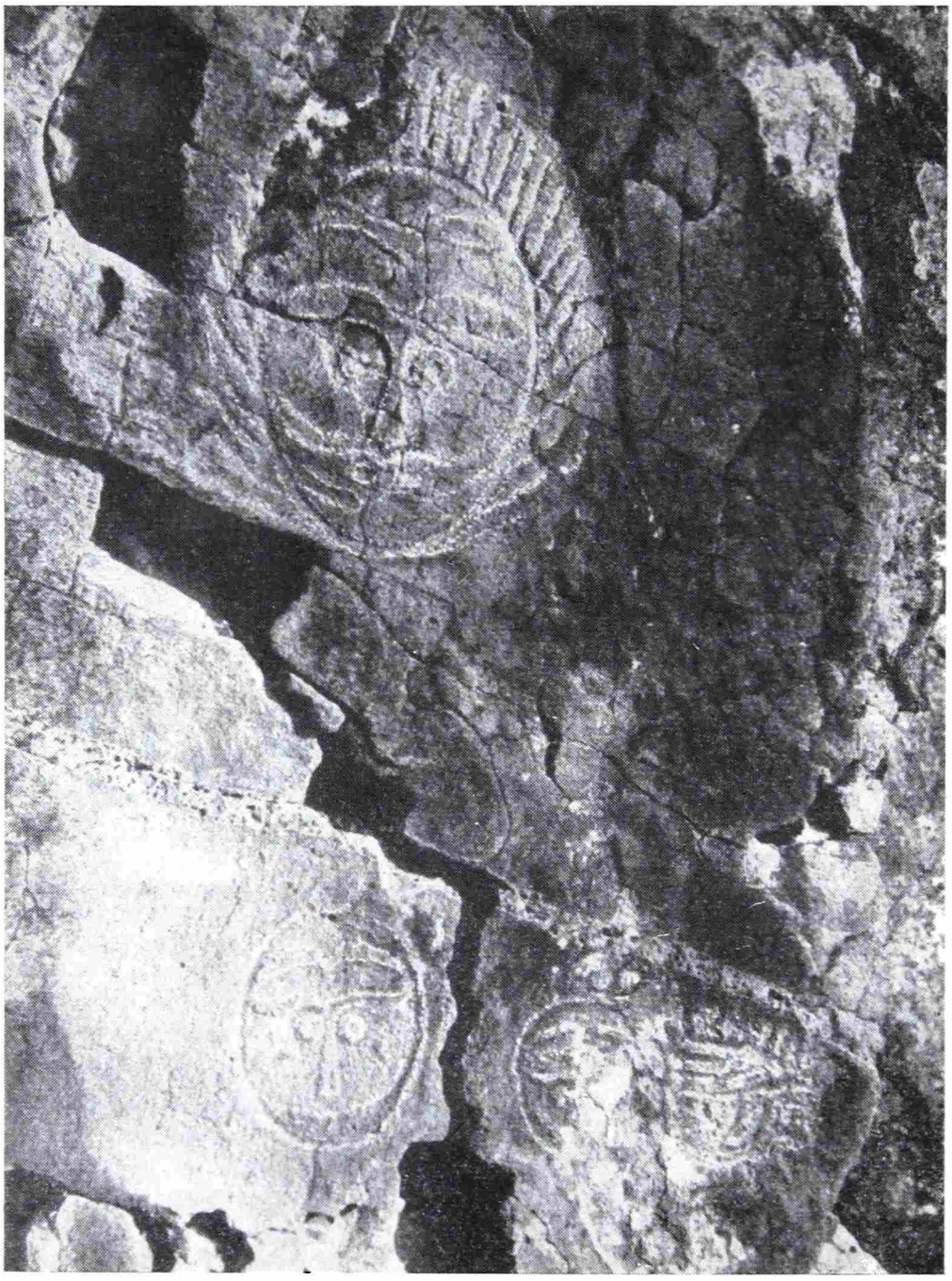


Рис. 3. Личины № 9—12

угольники находятся под глазами над ртом. Возможно, фигура № 8 связана по смыслу непосредственно с личиной, под которой эта фигура выбита (рис. 4, *6, 7*).

Личина № 1 самая большая по размерам среди всех других. Ее высота 55, ширина 45 *см*. Очертания личины овальные. Она обозначена двумя параллельными полосами, образующими, таким образом, не простой, как обычно, а концентрический овал. Снаружи, наверху овала, имеется пучок из трех коротких полосок в виде трезубца. Внутри личины, вверху ее, явственно выступают большие круглые глаза из двух концентрических кружков и ямки посредине. Под глазами, между ними, в верхней части личины помещается ромб, заполненный внутри симметрично расположен-

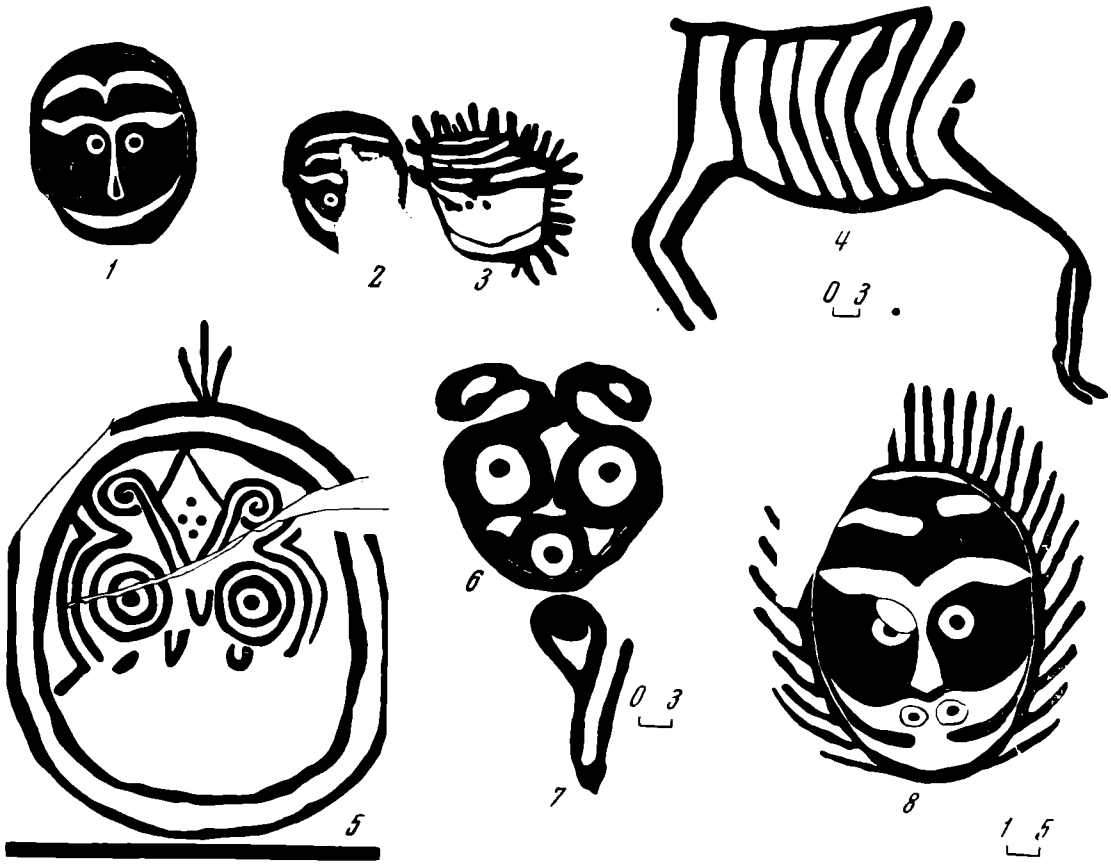


Рис. 4. Наскальные изображения на р. Кия

ными (крестообразно) ямками. Ромб с обеих сторон окаймлен спиралями, прямые концы которых опускаются вниз и образуют острый угол, разделяющий глаза. Огромные глаза личины окаймлены широкими двойными дугами, концы которых выгнуты к ее краям. Нижняя часть орнаментального внутреннего заполнения личины, к сожалению, пострадала от времени и не может быть восстановлена. В целом, при взгляде на это изображение создается впечатление овального широкого лица с огромными круглыми глазами, похожими на совиные, и щедро украшенным узором лбом. На голове личины находится как бы рудиментарный головной убор из перьев (рис. 4, *5*).

Изображение животного (№ 2) сохранилось только частично. Отсутствует передняя часть, голова утрачена. Туловище и ноги уцелели полностью. Туловище зверя короткое, спина слегка вогнута, брюхо выпуклое. Внутри туловище пересечено семью вертикальными полосами. Они могут означать ребра или шерсть животного. Сзади показана пара ног. Спереди одна нога, раздвоенная внизу. Сзади на туловище животного виден короткий хвостик, типично олений. Как этот хвост, так и общий облик фигуры показывают, что изображен олень, скорее всего, лось (рис. 4, *4*).

Рисунок № 6 изображает шею и голову водоплавающей птицы, гуся или утки. Шея широкая, дугообразно изогнутая, голова массивная, с большим округленным на конце клювом. Внутри головы оставлен просвет — часть невыбитого скального фона (рис. 5, *2*).

Рисунок № 4 означает, как сказано выше, скорее всего, змею. Он предельно схематичен, и его можно назвать не рисунком, а условным знаком (рис. 5, *4*).

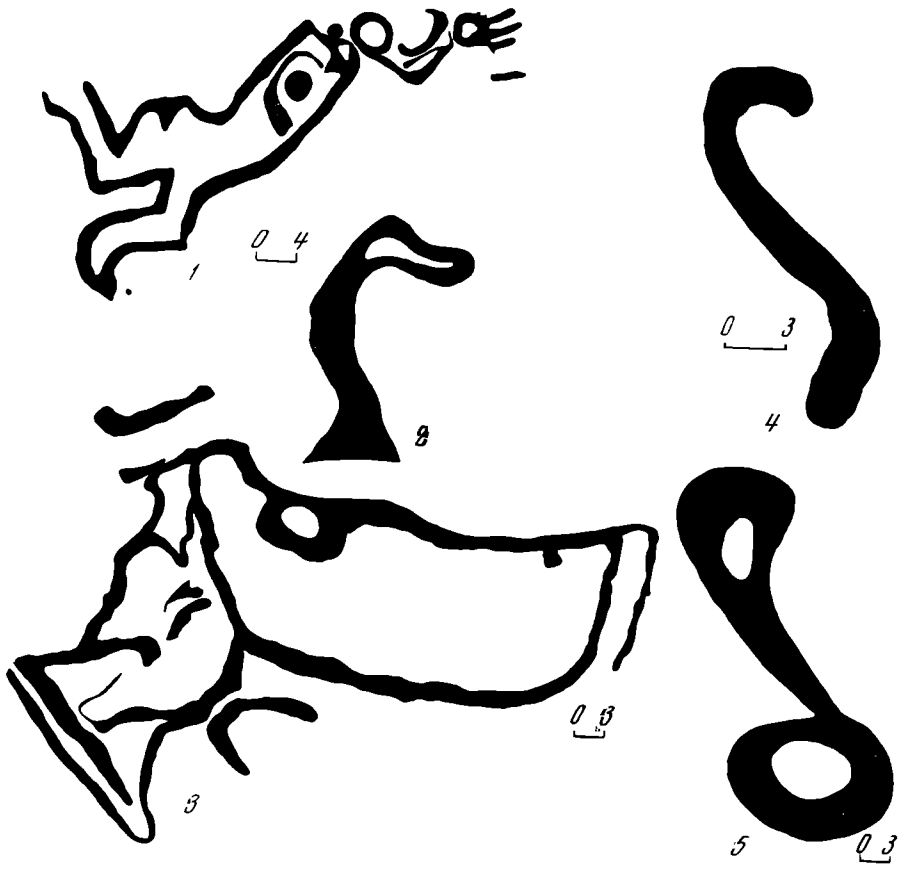


Рис. 5. Наскальные изображения на р. Кия

Рисунок № 3 состоит из кружка внизу и яйцевидного овала вверху, соединенных широкой полосой. Не исключено, что и этот рисунок условно изображает тоже пресмыкающееся — змею, в позе кобры перед нападением (рис. 5, *5*).

На рисунке № 13 изображена лодка в виде дуги, от которой вверх торчат короткие вертикальные полосы. Рисунок этот, как уже отмечалось, единственный здесь выполнен краской (рис. 2).

Рисунки № 5 и 14 не имеют видимого изобразительного смысла. Они состоят из запутанных полос, сочетающихся с кружками. Часть рисунка № 14 напоминает незаконченное изображение туловища животного (рис. 5, *1, 3*).

Уже при первом знакомстве с петроглифами на р. Кия становится ясным, что они имеют ближайшее родство с наскальными изображениями Сакачи-Аляна, а также Шереметьевских скал. Первый общий для них сюжет — загадочные личины. Сходна и трактовка личин: и там и здесь личины имеют овальные общие очертания, на них видно «сияние» — ореол из коротких торчащих в стороны линий. Еще одну общую их черту представляет головной убор — пучок коротких линий. Личины оформлены внутри характерным образом: на лбу выбиты поперечные полосы, часто в виде двойных или простых дуг. Глаза показаны одинаково — кружками, а иногда есть и рот, переданный тоже кружком. Можно указать среди личин в Шереметьево и Сакачи-Аляне даже и прямые аналогии личинам с Кия, личины-двойники. Фигура оленя на Кие представляет такую же близкую аналогию своим двойникам в Сакачи-Аляне и в Шереметьево не только по сюжету, но и по характерным особенностям ее трактовки. И там и тут мы видим аналогичную передачу ребер поперечными полосами. Есть в Са-

качи-Аляне и змеи, и условные, «нечитаемые» рисунки из полос, в которых можно встретить отдельные зооморфные черты. Не менее характерны для остальных двух важнейших амурско-уссурийских местонахождений фигуры водоплавающих птиц, уток или гусей, а может быть и лебедей. В Калиновке на нижнем Амуре есть и изображения лодок вместе с личинами.

Одним словом, перед нами проявления одного и того же художественного мировоззрения, один и тот же резко своеобразный художественный стиль — собственный очаг древней культуры амурских племен. Каково же его место среди всех других, известных нам сейчас художественно-культурных центров древности, каковы его отношения к искусству соседних областей и стран?

Для ответа на этот вопрос наиболее существенное значение имеют, прежде всего, загадочные личины. Личины эти на Амуре и Уссури представляют собой резко своеобразное и специфическое художественное явление. Таких, как амурско-уссурийские личины, антропоморфных изображений нет ни в соседней сибирской тайге, ни среди сотен рисунков на скалах Якутии, Прибайкалья, Забайкалья. Нет их на скалах и по верхнему Амуру, начиная с Нерчинска, кончая Биробиджаном и даже ближайшими к Хабаровску районами. Так, например, на красочных писаницах по Онону, Шилке, Ингоде, Селенге, Уде, Чикою и Джиде тоже известны антропоморфные фигуры, даже десятки и сотни таких фигур. Но все это фигуры полные, во весь рост, иногда «половинные» — без ног. Но всегда с туловищем. Здесь же мы видим, как правило, только лица, только головы, без намеков на туловище. Исключением из общего правила служат только две фигуры, высеченные на валунах Сакачи-Аляна, где крайне условно передано туловище, но в обеих случаях без рук и без ног. Все же остальные антропоморфные изображения, которые можно отнести к наиболее ранним, архаическим, следует назвать именно личинами.

Слово «личина» — старинный русский синоним слову «маска», является здесь наиболее подходящим уже по той причине, что из всей человеческой фигуры изображено одно лишь лицо и притом в определенном, резко стилизованном виде. Стилизация эта такова, что более всего напоминает не живое лицо, а орнаментальную роспись или татуировку, призванную скрыть реальные черты и передать какое-то иное, условное содержание. Столь же своеобразны и характерные внешние детали амурских личин: их «сияние», а также головные уборы, нередко весьма пышные и замысловатые.

Все это вместе взятое вызывает в памяти маски племен южных морей Тихого океана, а также Северо-Западной Америки и Алеутских островов. В таких масках выступали ряженые духами участники культовых церемоний, преимущественно обрядов посвящений в таинства мужских союзов [7].

Отсюда следует, что странные личины амурско-уссурийских петроглифов, и в том числе вновь описываемые личины с р. Кия, являются изображениями такого рода личин-масок и что они и на самом деле изображают тех же духов, те же сверхестественные существа, которых представляли в своих мистериях участники тайных мужских обществ и союзов.

Таким образом, эти личины могут служить косвенным свидетельством о существовании в древности такого рода общественного строя и подобных организаций у населения Амурского края. Вместе с тем, они дают основание связывать их в первую очередь с обширным кругом тихоокеан-

[7] См. обширный материал по маскам и их роли в социальной жизни отсталых племен, собранный А. Д. Авдеевым. А. Д. Авдеев. Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе. Л.— М., 1959; его же. Маска (опыт типологической классификации по этнографическим материалам). Сб. МАЭ, 17, Л., 1957; его же. Маска. Опыт типологической классификации по этнографическим материалам. Статья вторая. Сб. МАЭ, 19, Л., 1960.

ских культур, начиная с тлинкитов, алеутов и эскимосов на севере, кончая Индонезией, островами Фиджи и Новой Гвинеей на юге, иначе говоря, с теми областями, где наиболее развиты были тайные мужские союзы, маски и связанная с ними мифология и искусство, в том числе причудливые маски духов. Такие связи могут быть прослежены не только на этнографическом материале, но и на археологическом. Так, в неолите Амура обнаружены древнейшие образцы личин на глиняных ритуальных, по-видимому, сосудах. Это личины на уникальном сосуде из неолитического поселения у с. Вознесеновского на правом берегу Амура ниже устья р. Хунгари, против нынешнего г. Амурска [8]. Наиболее близкой аналогией таким неолитическим личинам Амура могут служить характерные для неолитической культуры дзёмон Японских островов личины-маски, украшающие глиняные сосуды, а также своеобразно стилизованные лица на глиняных антропоморфных статуэтках, представляющих характерную особенность инвентаря поселений эпохи дзёмон. Для неолита дзёмон на поздней его стадии характерна и сильно развитая спиральная орнаментика, во многом родственная амурской неолитической [9]. Вместе со спиральной орнаментикой, так щедро представленной в амурском неолите, личины на петроглифах, а также на неолитической керамике из Вознесеновки свидетельствуют о том, что в неолите и, вероятно, в более позднее время искусство древнего населения Нижнего Амура имело определенный «южный» характер.

Однако было бы неправильно объяснить эту связь искусства амурского неолита с другими культурами Тихоокеанского бассейна тем, что древние амурские племена заимствовали все эти элементы извне и в готовом виде. Напротив, на них лежит четкий отпечаток самобытности с самого начала и до конца. Так, нигде, ни на материке Азии, ни на островах Тихого океана, нет в таком обилии подобных личин, как амурские,— столь сложных по их орнаментальному оформлению, с «сиянием». Это, несомненно, чисто местное по происхождению явление. В других местах, например на Японских островах, личины имеют с амурскими все же только общее сходство, а в деталях совершенно различны.

Можно, следовательно, говорить о том, что в огромном тихоокеанском ареале существовали общие социальные условия, способствовавшие развитию масок и их фантастически богатой орнаментики. Этими условиями были, очевидно, такие формы общественной организации, как тайные мужские союзы и общества, достигшие здесь, следовательно, более высокой степени развития по сравнению с тем, что было в таежной Сибири.

Следует сказать в связи с этим и о конкретных функциях, которые такие мужские тайные объединения выполняли. Их мистическая сущность заключалась в ритуалах посвящения, в инициациях. Пройдя сложные обряды посвящения, мальчики и юноши становились взрослыми мужчинами, переходили на новую социальную ступень. Но вместе с тем мужские союзы выполняли и другую конкретную, практически существенную, задачу. Они терроризовали женщин, закрепляли господствующую роль мужчин в общине. Тайные мужские союзы, следовательно, могут служить индикатором развития социальных отношений внутри первобытной общины по патриархальному пути [10].

В этой связи заслуживают внимания и не менее загадочные, чем наши дальневосточные личины, каменные изваяния окуновской культуры на Енисее, в которых видят изображения матриархальных божеств бронзо-

[8] А. П. Окладников. Неолит Нижнего Амура. «Материалы по древней истории Сибири», стр. 211; А. П. Окладников. Поселение у с. Вознесеновка вблизи устья р. Хунгари. Сб. «Археологические открытия 1966 года», М., 1967, стр. 175—17?

[9] См., например: J. Edward, Kidder. The Jomon Pottery of Japan. Ascona, Swizerland, 1957, стр. 40—44.

[10] Интересны выводы о следах представлений, связанных с тайными мужскими союзами-обществами и обрядами инициаций в русском фольклоре в работе В. Я Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

вого века. Изображения на этих изваяниях-стелах во многом обнаруживают неожиданное сходство с нашими амурскими личинами. На них точно так же имеются фантастические антропоморфные личины, окруженные сиянием. Внутри енисейские личины, как и амурские, расчленены поперечными полосами. У них иногда видны и очень сложные головные уборы, нередко нечто вроде рогов [11].

Конечно, полностью отождествлять енисейские личины с амурскими невозможно. Тем более, что на Енисее они во многих случаях имеют в основе не человеческое лицо, а бычью или, может быть, лошадиную морду. На это, кстати, впервые обратил внимание и сделал отсюда ряд интересных выводов якутский этнограф Г. В. Ксенофонтов [12]. Но общее сходство енисейских личин с амурскими тем не менее остается фактом. Во всяком случае, они значительно ближе друг к другу, чем какие-либо иные памятники этого типа в Азии. В связи с этим особый интерес для нас представляет вопрос о смысле, о семантике енисейских личин. Как полагает Э. Б. Вадецкая, минусинские стелы с личинами изображают женщин, у которых на головах высокие шапки — «звероподобные головные уборы», украшенные большими рогами и ушами. Лица их раскрашены поперечными полосами, а на лбу изображен магический значок, «третий глаз» [13]. Если так, то енисейские личины представляют собой ближайшую аналогию тем маскам-изображениям и вместилищам духов, о которых говорилось выше. Можно полагать, что это маски-изображения духов наполовину антропоморфных, наполовину зооморфных (быков или коней), иногда женского пола, но не всегда и не обязательно женского. Поэтому вряд ли можно согласиться с таким категорическим, как это имеет место в работе Э. Б. Вадецкой, отождествлением этих личин и вполне реалистических скульптурных фигурок-идолов плодородия, «кукол» из могил окуневского этапа на Енисее. При частичном совпадении в отдельных случаях те и другие имеют принципиально различный характер, несут различную семантическую нагрузку. «Куклы» остаются талисманом плодородия — и только, никак не более. Монументальные же каменные стелы, несомненно, имели иное назначение и, скорее всего, представляли собой вместилища духов смешанной природы, связанные, возможно, с общественными ритуалами посвящения, с такими же тайными союзами мужчин, направленными против женщин, какие описаны этнографами. А личины на них изображают реальные маски, в которых выступали на тайных церемониях мужчины, изображавшие этих духов [14].

В целом же, как ни соблазнительна была бы мысль о прямом взаимодействии племен ранней поры бронзового века на Енисее с позднеолитическими племенами нашего Дальнего Востока, сходство между енисейскими личинами и амурскими антропоморфными изображениями следует объяснять действием давно известного закона конвергенции, а не культурными и этническими контактами. Но это нисколько не уменьшает значения отмеченного совпадения для понимания той исторической почвы, на которой выросли амурские личины. Напротив, этим сходством личин Енисея и Амура, разделенных тысячами километров, а может быть и тысячей лет, подтверждается та интерпретация смысла и социального их значения, которая дана выше.

---

[11] М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, IV, 2, 1929.

[12] Г. В. Ксенофонтов. Пастушеский быт и мифологические воззрения классического Востока. Иркутск, 1929. Г. В. Ксенофонтовым изданы также рисунки трех минусинских изваяний этого рода.

[13] Э. Б. Вадецкая. Древние идолы Енисея. Л., 1967, стр. 38.

[14] Этим, разумеется, не исключаются и представления, связанные с культом плодородия. О нем свидетельствуют женские груди, огромный, как у беременной женщины, живот, возможно, и фаллическая форма некоторых изваяний, о чем пишет А. Н. Липский (А. Н. Липский. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии. II в. до н. э. «Краеведческий сборник», 1, Абакан, 1956).

Однако этим не снимается проблема культурных контактов амурских племен неолитического времени и эпохи ранней бронзы, т. е. того времени, которым всего вероятнее датируются амурские личины. Выше речь шла о контактах древнего населения Амура с населением соседних Японских островов, конкретно айнами, как наиболее вероятными носителями культуры дзёмон [15]. Такие же контакты у неолитического населения долины Амура существовали и с Севером, с таежной областью Сибири, где обитали бродячие охотники тайги. В мифологии и культе последних центральное место принадлежало образу лося и связанным с ним охотничьим обрядам, имевшим целью размножение зверей, в первую очередь лосиного поголовья. Не менее важно было для лесных охотников обеспечить колдовскими средствами и успех охотничьего промысла. Изображения лосей на петроглифах Амура и Уссури, в том числе на р. Кия, показывают, что и здесь существовал охотничий культ лося. При этом на амурских петроглифах обращает на себя внимание такая же, как на многих таежных петроглифах в Прибайкалье и Якутии, манера передачи внутреннего строения тела зверя, конкретно его ребер, поперечными полосами. Эта мелкая, но специфическая по ее характеру деталь амурских изображений лосей может быть результатом прямого контакта таежных племен Восточной Сибири с их амурскими соседями.

Не менее интересно в этом плане и изображение лодки, выполненное на Кие красной краской. Техника выполнения рисунков красной краской характерна для рисунков бронзового века на Ангаре. Там же, на Ангаре, на писаницах Каменных островов обычны изображения лодок в той же манере, как и на Кии: в виде дуг, усаженных сверху короткими полосками — схематическими обозначениями их экипажа, человечков [16]. Из всего сказанного следует один общий вывод. Оригинальные петроглифы Амура и Уссури показывают, что в этой области существовал собственный мощный по тем временам очаг художественной культуры, культуры самобытной в ее основе и местной по происхождению, но вместе с тем находившейся в разнообразных и плодотворных контактах с культурами населения соседних областей азиатского материка и островов Тихого океана.

При этом в своей основе, по сравнению с художественной культурой своих ближайших северных соседей, заселявших таежные области Сибири, искусство древних амурских племен имело определенный «южный» или, точнее, тихоокеанский облик. Оно тем самым входило как компонент в обширную группу культур племен, населявших эту область.

К какой конкретной этнической группе из числа известных нам в настоящее время следует относить эти древние племена Нижнего Амура, пока неясно. При всей близости их культуры к древней, айнской как полагают, культуре дзёмон в целом она имеет резкий самобытный отпечаток. И, конечно, ничто не дает основания видеть на Амуре сколько-нибудь сильное влияние самих айнов. Напротив, имеются основания видеть в культуре дзёмон признаки влияния исходившего с материка, из области племен амурского неолита [17].

---

[15] О периодизации культур дзёмон и яей, об айнах как древнейшем населении севера Японских островов: С. А. Арутюнов. Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры. СЭ, 1957, 2; его же. Этническая история Японии на рубеже нашей эры. «Восточноазиатский этнографический сборник», II, М., 1961.

[16] А. П. Окладников. Петроглифы Ангары. М.— Л., 1966, стр. 130. Следует попутно заметить, что в Прибайкалье изображения лодок могут быть связаны с важным значением реки и речной ориентировки в погребальном культе глазковского времени. Это, вероятно, ладьи мертвых. А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 43, 1955, стр. 319—329.

[17] А. П. Окладников. Петроглифы Сакачи-Аляна. Сб. «Вопросы истории Советского Дальнего Востока», Владивосток, 1965, стр. 19.

Можно условно назвать аборигенов Амура в неолите «палеоазиатами», но, разумеется, пока лишь только в общем понимании этого слова, в том смысле, который ему придавал Л. И. Шренк, вводя это слово в научную терминологию.

Однако бесспорно, что в любом случае создатели высокой для каменного века и оригинальной культуры амурского неолита внесли свой вклад в культуру, в первую очередь искусство, современных амурских племен, как нивхов-палеоазиатов, так и тунгусо-маньчжурских по их языковой принадлежности племен: ульчей, нанайцев и других их сородичей [18]. Эти амурские племена, в особенности нивхи-гиляки, следовательно, являются не только преемниками культурного наследия, но в какой-то мере и потомками аборигенного населения Амура, создавшего свое богатое и яркое искусство еще в неолите, судя по результатам радиоуглеродного анализа около пяти-шести тысячелетий тому назад.

---

[18] А. П. Окладников. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья. СЭ, 1959, 2.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ЗАРУБИНЕЦКАЯ КУЛЬТУРА И ПОДНЕПРОВСКИЕ СЛАВЯНЕ

1

Мысль о зарубинецких племенах как раннеславянской группировке, высказанная впервые В. В. Хвойкой в последние годы прошлого века, долгое время оставалась серьезно не аргументированной. По моему мнению, лишь в последнее десятилетие, после выявления неизвестных ранее многочисленных данных по археологии Поднепровья I тысячелетия н. э., эта мысль приобрела более прочное основание. Вместе с тем, появились и новые точки зрения на зарубинецкие племена и их культуру, и ...дискуссия продолжается.

В. В. Хвойка, как известно, предполагал, что в Среднем Поднепровье славянские племена обитали начиная с глубокой древности. Прямым потомком зарубинецких племен рубежа и начала нашей эры, по его мнению, было черняховское население второй четверти I тысячелетия н. э., послужившее в свою очередь непосредственным предком поднепровских средневековых славян. Мнению В. В. Хвойки противостояли тогда соображения некоторых немецких археологов, полагавших, что зарубинецкие и черняховские древности принадлежали древним германцам, как и все другие европейские древности типа «полей погребальных урн». Эта точка зрения, не оставлявшая для древних славян места не только в Поднепровье, но и повсюду в Средней Европе, как известно, основывалась не столько на каких-либо определенных фактических данных, сколько на примитивных националистических концепциях того времени.

Но и генетические построения В. В. Хвойки, которые первоначально поддержал А. А. Спицын, оказались несостоятельными и не выдержали проверки временем. Выяснилось, что зарубинецкая, черняховская и средневековая русская культуры отнюдь не были звеньями единой генетической цепи. В отношении зарубинецкой и черняховской культур это стало очевидным еще на исходе 20-х годов, когда А. А. Спицын исключил зарубинецкие древности из раннеславянской проблематики, связал их со скифским миром и решительно отделил от древностей черняховской культуры. Последнюю А. А. Спицын продолжал рассматривать тогда в качестве славянской. По его мнению, широкое распространение черняховских памятников от поречья Днестра на западе и до Северского Донца на востоке исключало мысль о принадлежности их готам или каким-либо другим германским племенам. «Естественнее всего предполагать,— писал он,— что это были славяне» [1].

Представления о прямых генетических связях черняховского населения и средневековых славян продолжали фигурировать в трудах по археологии и в последующее время, а отдельные защитники этих представлений имеются и сейчас. Однако позиция их с каждым годом становится все более и более шаткой. Сокрушительный удар по этим представлениям был нанесен в 50-х годах, когда в Поднепровье и по его широкой периферии обнаружились многочисленные, неизвестные раньше, славянские древности третьей четверти I тысячелетия н. э., непосредственно пред-

[1] А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 53—70.

шествующие древнерусским и очень близкие синхронным славянским древностям Средней Европы. Древности эти существенно, коренным образом, отличаются от черняховских; в них обнаруживаются совсем иные культурные традиции. Это было отмечено многими исследователями. Об этом и мне уже неоднократно приходилось писать, и здесь нет необходимости повторяться [2].

После того, как генетическое построение В. В. Хвойки обнаружило свою несостоятельность, вопрос об отношении зарубинецких племен к восточным славянам казалось бы повис в воздухе. Стало представляться, что культуру зарубинецких племен и славянскую средневековую культуру ничто не может соединять; между той и другой зияет широкий хронологический разрыв, занятый черняховскими древностями, генетически не связанными ни с более ранней зарубинецкой, ни с последующей восточнославянской культурами. Некоторых археологов все это выбило из колеи и настроило на агностический лад. «Группа племен, которым принадлежала собственно зарубинецкая культура, исчезла еще в древности как исчезли, например, многие древние языковые диалекты, и отождествлять ее с какими-либо конкретными из исторически известных нам на этой территории в более позднее время племенами и народами невозможно»,— писал в 1964 г. Ю. В. Кухаренко, долгое время занимавшийся зарубинецкими древностями и некогда сочувствовавший «славянской точке зрения». Теперь его позиция по сути дела сомкнулась с взглядами тех исследователей, в частности И. И. Ляпушкина и В. В. Седова, которые считают, что древние славяне не были обитателями Поднепровья, что они появились здесь лишь накануне средневековья. В своей капитальной работе, посвященной археологическим памятникам днепровского Левобережья и имеющей подзаголовок «Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами», И. И. Ляпушкин, упомянув о зарубинецких древностях, исключил их из славянской тематики. По его мнению, мысль о зарубинецком населении как о раннеславянской группировке «находится в прямом противоречии со многими основными положениямия славянской археологии» [3].

Тем не менее, несмотря на все это, мысль о зарубинецкой культуре как культуре раннеславянской отнюдь не заглохла. Она стала прокладывать новые пути, идущие в обход черняховского «звена». Этому способствовали новые открытия, широким потоком хлынувшие в 50—60-х годах в археологический арсенал Поднепровья.

Прежде всего, это были уже упомянутые выше среднеднепровские славянские памятники — места поселений и могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. До их выявления древнейшими бесспорными остатками славянской культуры в Поднепровье являлись роменские городища Левобережья. Не так давно они рассматривались в качестве эталона древней восточнославянской культуры — предшественницы культуры Руси киевского периода. В связи с этим их пытались датировать не только последней, но также и третьей четвертью I тысячелетия, антским временем. Большой заслугой И. И. Ляпушкина было то, что он убедительно показал ошибочность такой хронологии. В настоящее время является бесспорным, что роменская культура относится к исходу I тысячелетия, к IX—X вв., может быть к концу VIII в., но никак не раньше. И она представляет собой не столько предшественницу культуры Древней Руси, сколько ее современницу — культуру восточных древнерусских областей IX—X вв.

---

[2] П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. Доклады на IV международном съезде славистов. М., 1958, стр. 27—35; его же. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, стр. 200—202, 223, 224, 242—248.

[3] Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, Д1-19, 1964, стр. 5; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 358.

Она пришла на смену хотя и очень близкой ей, но все же несколько иной, более древней культуре, теперь хорошо известной как во многих областях между Днестром и Средним Днепром, так и в Левобережье — на Десне и Сейме, в верховьях Сулы и Псла.

И любопытно, что исследователи этой культуры, начиная с первых шагов ее изучения, стали находить в ней зарубинецкие реминисценции, особенно в керамике и погребальной обрядности. До своей «измены» славянской точке зрения на зарубинецкую культуру (в 1955 г.) на это указывал Ю. В. Кухаренко, заново открывший тогда в материалах С. С. Гамченко раннеславянскую «культуру Корчак». Об этом же писал В. Н. Даниленко, первым высказавший предположение, что к северу от черняховского ареала имеются области, где зарубинецкая культура непосредственно «перерастает» в восточнославянскую культуру третьей четверти I тысячелетия. Когда П. И. Хавлюком были обнаружены раннеславянские поселения в среднем и верхнем течении Южного Буга, он также обратил внимание на зарубинецкие черты в керамике наиболее древней группы поселений [4]. Но всех исследователей естественно смущал большой хронологический разрыв между известными тогда зарубинецкими и раннеславянскими древностями — разрыв протяженностью в половину тысячелетия.

Но вскоре оказалось, что этот разрыв имеет тенденцию сужаться за счет позднезарубинецких древностей, впервые обнаруженных в 50-х годах, а в настоящее время исследованных уже во многих пунктах.

Выше была упомянута книга о зарубинецкой культуре, автором которой является Ю. В. Кухаренко. К сожалению, в 1964 г., когда эта книга вышла из печати, она представляла собой не более чем анахронизм, отражающий состояние науки в начале 50-х годов или даже несколько раньше. Ю. В. Кухаренко в своей книге прошел мимо новых материалов, свидетельствующих о наличии зарубинецких древностей в верхнем течении Южного Буга. Ему остались не известными позднезарубинецкие древности, открытые и исследованные украинскими археологами в Киевском Поднепровье, такие как Казаровичи, Лютеж (где были произведены большие раскопки), Грини, селища по р. Трубежу и др. Если бы Ю. В. Кухаренко рассмотрел эти древности, он не исключил бы из рамок зарубинецкой культуры и многочисленные поселения первых веков нашей эры, известные в бассейне р. Десны, материалы которых ничем не отличаются от находок, сделанных на поселениях поречья р. Трубежа [5]. Все эти новые материалы свидетельствуют о том, что в течение первых веков нашей эры ареал зарубинецких племен значительно сдвинулся в северо-восточном направлении. Ими были заняты области, принадлежавшие ранее племенам совсем с другой культурой — милоградским, в этническом отношении неясным, и юхновским, относящимся, как можно предполагать, к балтийской группе.

Середина I тысячелетия — время «великого переселения народов» и крушения Римской империи — ознаменовалась, как известно, большими изменениями в жизни и культуре племен Европы. Зарубинецкое население, жившее теперь в областях, далеких от беспокойного юга, было затронуто этими процессами лишь в слабой степени. Их культура, к счастью для археологов, эволюционировала более или менее плавно, долго сохраняя свои традиции. В южных частях Верхнего Поднепровья и в поречье Десны, занятых в начале I тысячелетия зарубинецким населением,

---

[4] Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья. КСИИМК, 57, 1955, стр. 37, 38; В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИА, 4, 1955, стр. 27—29; П. А. Хавлюк. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья. СА, 1961, 3, стр. 200.

[5] Материалы позднезарубинецких поселений Среднего Поднепровья и Подесенья находятся в печати (в серии МИА).

имеются места поселений и могильники не только позднезарубинецкие, но и еще более поздние — второй четверти и середины I тысячелетия — Обидня, Жуковка, Белокаменка, Посудичи,— материалы которых связывают позднезарубинецкую культуру со славянской раннесредневековой культурой поднепровского варианта (с реберчатой биконической керамикой), распространенной как в Верхнем, так и в Среднем Поднепровье.

Одним из главных результатов археологических исследований, произведенных мной в последнее время в Верхнем Поднепровье, я считаю расчленение древностей середины и третьей четверти I тысячелетия на славянские, принадлежавшие потомкам зарубинецких племен, и восточнобалтийские. Я указывал также, что это членение можно произвести далеко не всегда; во многих случаях нельзя сказать, кому принадлежал памятник — славянам или балтам. Таковы древности некоторых южных районов Смоленщины (Демидовское и Лахтеевское городища, Акатовские древности), таково, если судить по керамике, Колочинское городище и многие другие. И это обстоятельство является следствием не только неразработанности вопроса и малого числа фактических данных, а результатом того, что в то время в области Верхнего Поднепровья элементы культуры славян и балтов смешивались, шел процесс ассимиляции балтийского населения. Попытка нарисовать картину всех этих исторических процессов на основе новых археологических данных была сделана мной в 1966 г.[6]

Некоторые археологи пока что не разделяют моих взглядов по данному вопросу. Они считают, что в середине и третьей четверти I тысячелетия население Верхнего Поднепровья было этнически однородным. Но при этом, по мнению одних, это население было славянским. Л. Д. Поболь, например, считает славянскими даже такие древности, как верхний слой городища Банцеревщина[7]. По мнению других, это население являлось балтийским. Так думают, в частности, В. В. Седов и И. П. Русанова[8].

К сожалению, высказав свою точку зрения на верхнеднепровские древности середины и третьей четверти I тысячелетия, я не обосновал ее как следует фактическим материалом, находящимся пока что в процессе исследования и остающимся неопубликованным. Изучая археологические памятники южной и восточной частей Верхнего Поднепровья и Подесенья — селища с характерными квадратными землянками и не менее характерными колоколовидными ямами-погребами, которым соответствуют могильники и курганы с трупосожжением,— я не нашел какой-либо разницы между этими древностями и, скажем, древностями третьей четверти I тысячелетия в Киевском Поднепровье, в низовьях Тясмина у Пеньковки или древностями этого времени в поречье Южного Буга. И керамика у них одинакова — с «примесью» реберчатых форм. Теперь, после полевых работ последних двух лет, стало очевидным, что и территориально мои древности и среднеднепровские славянские древности составляют одно целое; они входят в единый ареал. Древности эти известны теперь не только на Среднем Днепре и на Брянщине, как это было совсем недавно, но и на Новгород-Северщине, на Гомельщине, на Черниговщине, на Сейме, в верховьях Сулы и Псла.

Носители этой культуры — потомки зарубинецких племен — первоначально обитали к северу от черняховских границ, но после середины I ты-

---

[6] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 220—230, 254—280.

[7] Л. Д. Поболь. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье. Сб. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 211.

[8] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Автореф. докт. дис., М., 1966, стр. 14, 15; И. П. Русанова. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии. Сб. «Древности Белоруссии», стр. 186—188.

сячелетия, когда черняховская оседлость рухнула, расселились по Днепру в южном направлении.

В связи с выявлением позднезарубинецких древностей, свидетельствующих о продвижении зарубинецких племен из Среднего Поднепровья в северо-восточном направлении, в нашей археологической литературе появилась, однако, и другая характеристика зарубинецких племен и попытка обрисовать их дальнейшую судьбу иными штрихами. Речь идет о работах В. В. Седова, который полагает, что зарубинецкие племена являлись не славянской, а западной балтийской группировкой, совершившей грандиозный поход от южных берегов Балтийского моря в междуречье Днестра и Среднего Днепра и далее на север в бассейн Верхней Оки. По его мнению, прямыми потомками зарубинецкого населения были не славянские племена поднепровской группы, а так называемые мощинские племена, жившие в середине I тысячелетия по Верхней Оке и ее притокам. Культура этих племен известна по материалам Мощинского и других городищ, а также курганов у деревень Шаньково, Почепок, Доброе и др., впервые исследованных в конце прошлого века Н. И. Булычевым. В. В. Седов согласен с тем, что славянские племена третьей четверти I тысячелетия распадались в Среднем Поднепровье на две группы — поднепровскую (с реберчатой, биконической керамикой) и волынско-днестровскую (Корчак, Рипнев и мн. др.). Но он не согласен с мыслью, что верхнеднепровское население третьей четверти I тысячелетия, оставившее квадратные землянки и могильники с сожжением,— это те же самые славяне, что и обитатели Среднего Поднепровья с такой же точно материальной культурой, что общим далеким предком всех славян поднепровской группы — и северных и южных — были позднезарубинецкие племена [9].

Мощинские племена, жившие в бассейне Верхней Оки, действительно были балтами, одной из их восточных группировок. Об этом свидетельствует состав их украшений, в частности вещи с эмалью, их домостроительство, их погребальная обрядность. Но никаких прямых генетических связей между зарубинецкими племенами и верхнеокскими балтами в археологических материалах не выявляется. Это были племена различные, хотя и оказавшиеся соседями.

Ошибка В. Б. Седова проистекает из того, что он в своих заключениях опирался лишь на один элемент культуры — на керамику. Действительно, лощеная мощинская посуда очень похожа на позднезарубинецкую, более того, именно от нее она и ведет свое начало. В 50-годах, во время археологических работ на Смоленщине, я и Е. А. Шмидт не раз обращали внимание на то, что верхнеднепровские балты, оказавшиеся соседями новых обитателей Верхнего Поднепровья — зарубинецких племен, заимствовали от них ряд элементов культуры, в частности некоторые формы керамики и искусство изготовлять сосуды с черной лощеной поверхностью. То же самое произошло и с верхнеокскими, мощинскими балтами.

Но большинство элементов культуры, такие важнейшие ее элементы, как поселение и жилище, погребальная обрядность и др., были у мощинских племен совсем иными, чем в зарубинецкой среде. В своей работе археологи должны руководствоваться не отдельными, вырванными из «контекста» признаками, а всей совокупностью признаков, характеризующих культуру.

Верхнеднепровские раннеславянские древности — позднезарубинецкие и последующие за ними — еще недостаточно хорошо известны. В большинстве случаев материалы не опубликованы; археологическая общественность знает о них из устных сообщений или кратких информаций в пе-

---

[9] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 12, 13; его же. Рецензия на книгу П. Н. Третьякова «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге», СА, 1967, 3, стр. 307—315; его же. Вивчення етногенезу слов'ян. «Народна творчість та етнографія», 1967, 4, стр. 41—47.

чати. В то же время вопрос о зарубинецкой культуре и ее отношении к славянскому населению Поднепровья является чрезвычайно важным. В настоящее время для археологов это один из центральных вопросов нашей древней истории, составляющий значительную часть проблемы происхождения славян. Имея все это в виду, я публикую здесь хронологическую таблицу поднепровских древностей (рис. 1), отражающую развитие культуры, начиная с зарубинецких времен и кончая третьей четвертью I тысячелетия, то развитие, которое началось в Среднем Поднепровье (1 ряд в таблице), продолжалось в верхнем Поднепровье (2 и 3 ряды), а в третьей четверти I тысячелетия, в послечерняховское время, охватило обе эти части Поднепровья (4 и 4а ряды).

Таблица представляет собой первый опыт классификации и сравнения данных древностей и является, конечно, далеко не совершенной. Во-первых, нужно отметить, что изображенные на ней материалы не отражают всех локальных особенностей культуры, которые были весьма существенными. Верхнеднепровские древности начала и середины I тысячелетия представлены на таблице в их левобережном, деснинском варианте. Во-вторых, на ней представлены далеко не все, а лишь опубликованные и некоторые другие хорошо известные мне материалы. В итоге дальнейших исследований эту таблицу, несомненно, можно будет значительно уточнить. Но мне представляется, что и в настоящем своем виде она вполне убедительна.

Нижний (1) ряд таблицы занимают зарубинецкие древности II—I вв. до н. э.— I в. н. э., происходящие из разных местностей — из Полесья, со Среднего Днепра и из Гомельского Поднепровья. Это, конечно, очень неполный набор форм изделий, не претендующий на бесспорность. Второй ряд снизу (2) отведен древностям позднезарубинецкой культуры I—II вв., известным в Левобережье Среднего и Верхнего Днепра. Здесь не получили отражения материалы II—IV вв., происходящие из раскопок Л. Д. Поболя на селище Обидня в могилевском Поднепровье, до сих пор неопубликованные. Однако известно, что жилищами у обитателей Обидни являлись прямоугольные землянки, что у них были в употреблении позднелатенские сильно профилированные фибулы и фибулы с подвязанной ножкой, биконические пряслица и посуда реберчатых очертаний. Их могильник не имел курганных насыпей; он содержал остатки трупосожжений. Материалы Обидни на нашей таблице должны были бы занять место во втором и отчасти в третьем ряду. Римская монета, найденная на Обидне, относится к началу III в., там найдены и другие свидетельства связей с югом: обломки краснолаковой керамики и римских бронзовых сосудов [10].

В следующем (3) ряду на таблице помещены материалы деснинских поселений середины I тыс.— Жуковки, Белокаменки и Посудичей. Они очень невелики и неполны, не известны, в частности, могильники, соответствующие этим поселениям. Но место этих материалов в эволюционном ряду представляется бесспорным.

Если же следовать гипотезе В. В. Седова и в третьем ряду таблицы дать мощинскую культуру, то преемственность сразу же исчезнет. Мощинские городища ничем не напоминали позднезарубинецкие открытые селища. То же самое следует сказать о домостроительстве: оно было совсем иным, чем у зарубинецких племен. Выше указано, что лощеная мощинская керамика была единственным элементом культуры, отражающим зарубинецкие традиции. Облик других находок, происходящих с мощинских городищ, обнаруживает больше различий, чем сходства, с позднезарубинецкими материалами.

---

[10] Л. Д. Побаль и А. Г. Мітрафанаў. Проблема рассяления славян на тэрыторыі Беларусі ў I тыс. н. э. «Весцы Акад. навук БССР», 1966, 2 (сер. грамад. навук), стр. 45—47.

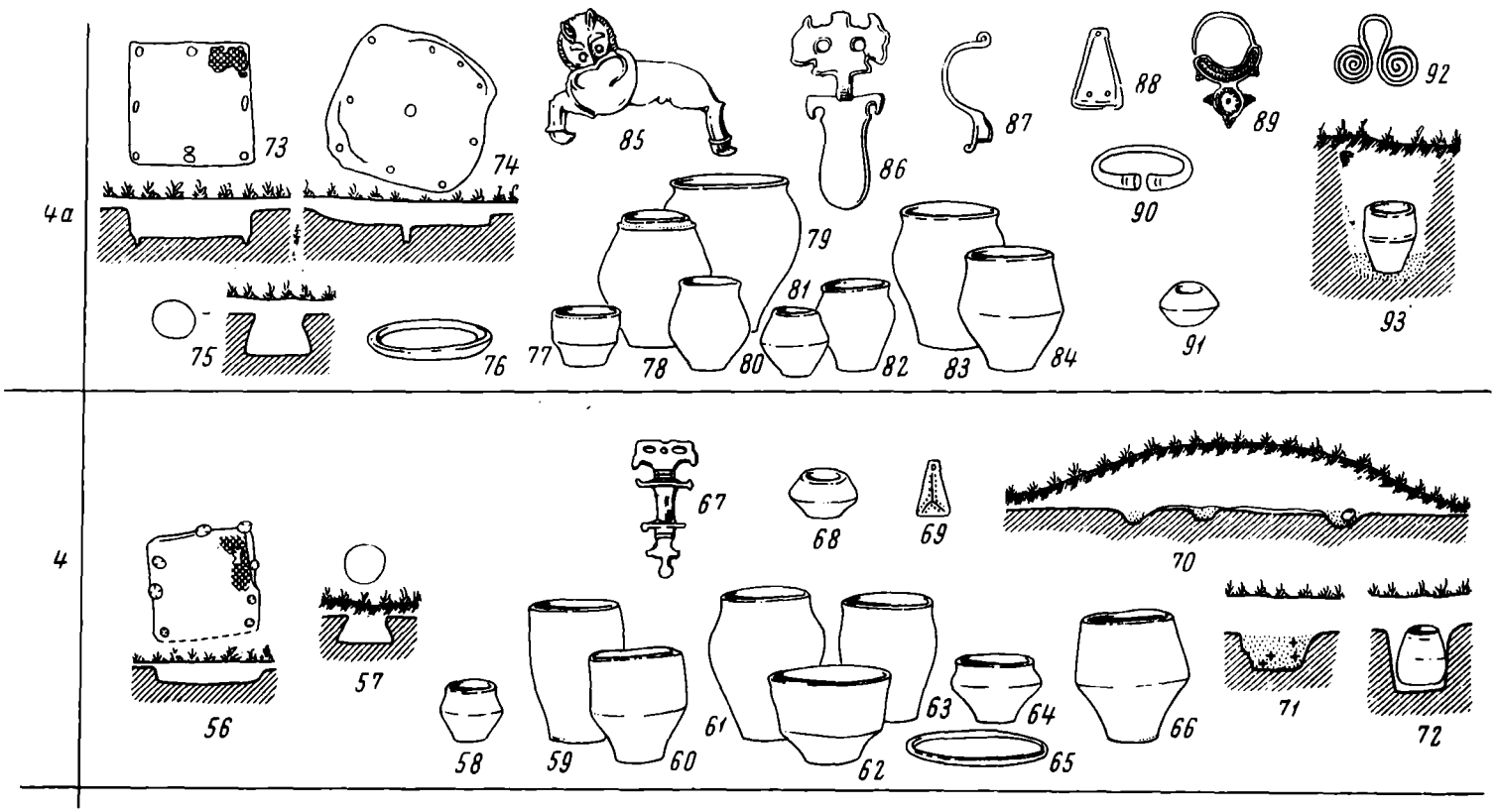
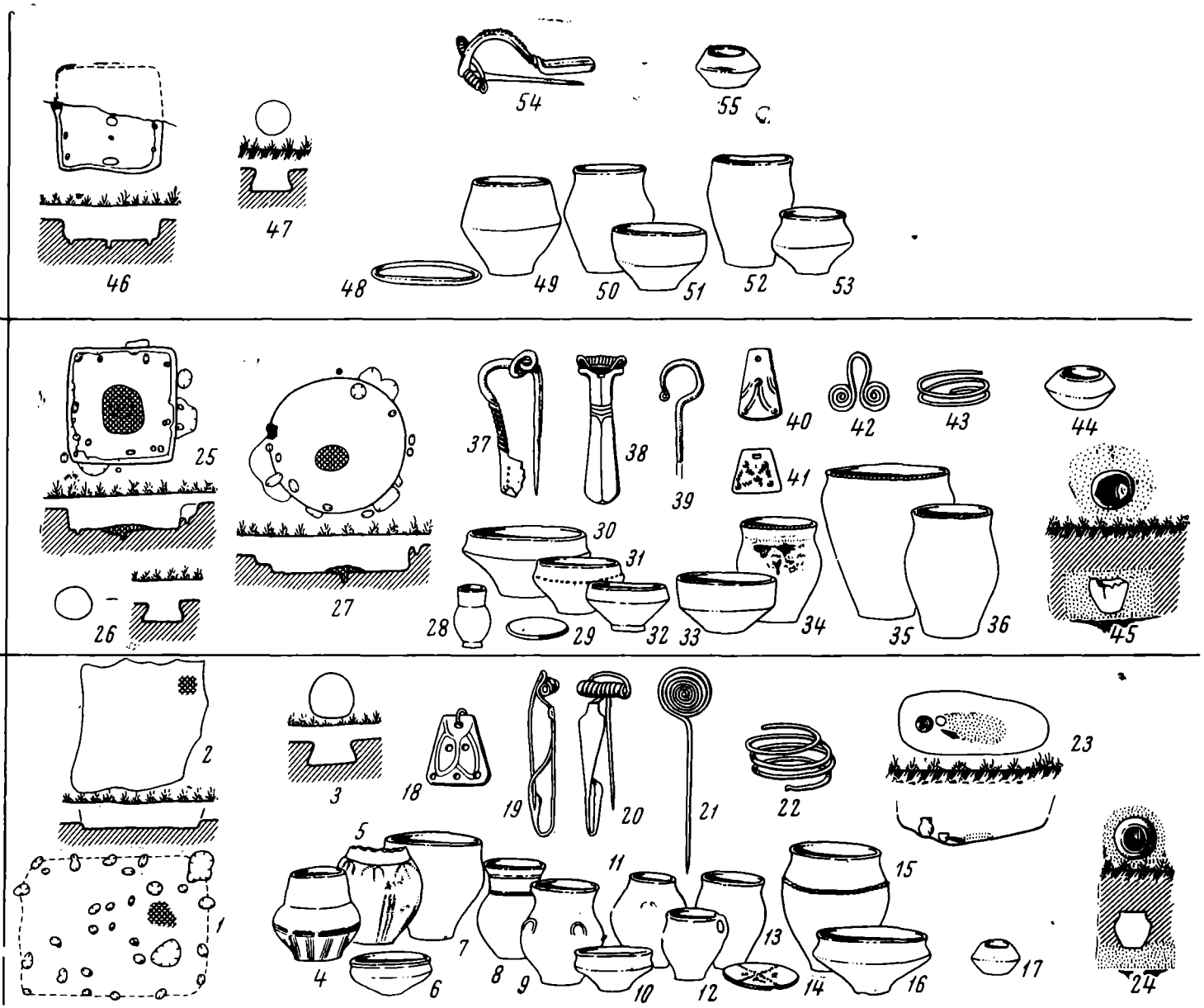


Рис. 1. Хронологическая таблица поднепровских древностей I тысячелетия

Нижний ряд: зарубинецкие древности II—I вв. до н. э. и I в. н. э., *1, 3, 13—16* — Чаплинское городище; *2, 12* — сел. Великие Дмитровичи; *4, 18, 20* — мог. Велемичи; *5* — мог. Пуховка; *6, 7, 10* — Корчеватовский мог.; *8, 9* — мог. Зарубинцы; *11, 17, 22, 28* — Чаплинский мог.; *19, 24* — мог. Воронино; *21* — мог. Отвержичи. Второй ряд: позднезарубинецкие древности первой четверти I тысячелетия, *25—28, 30—32, 34—37, 41, 43* — Почепское сел.; *29* — сел. Смяч; *33, 42, 44* — сел. Спартак; *38* — сел. Синьково; *39* — мог. Козичина; *40* — селища

на р. Трубеж; *45* — мог. Разлеты и Смяч. Третий ряд: деснинские древности середины I тысячелетия, *46* — сел. Белокаменка; *47—53*, *55* — сел. Посудичи; *54* — сел. Жуковка. Четвертый ряд: деснинские и верхнеднепровские древности третьей четверти I тысячелетия, *56*, *57*, *61—65*, *68* — сел. Смольянь: *58*, *67*, *70*, *71* — Кветуньский мог.; *59*, *60*, *69* — Колочинское гор.; *66* — гор. Макча; *72* — Новобыховский мог. Четвертый ряд «а»: среднеднепровские и побужские древности третьей четверти I тысячелетия, *73*, *74*, *77—80*, *88*, *91* — сел. Пеньковка — Луг I; *75*, *81—84*, *89* — сел. Семенки; *76*, *87* — сел. Пеньковка — Луг II; *85* — остров Мытковский; *86* — сел. Пеньковка — Молочарня; *90* — сел. Большие Будки; *92* — Суджанский клад; *93* — Артюховский мог.



Следующий (4) ряд таблицы составляют материалы деснинских и некоторых верхнеднепровских поселений и могильников третьей четверти I тысячелетия. Это материалы из раскопок на селище VI—VII вв. у д. Смольянь, городище Макча, Кветуньском и Новобыховском могильниках и других синхронных им археологических памятниках. Последний верхний (4а) ряд посвящен материальной культуре этого же времени — третьей четверти I тысячелетия, характеризующей племена Среднего Поднепровья и Верхнего Побужья, которые, как указано выше, генетически были связаны с населением Верхнего Поднепровья. Можно думать, что именно этому среднеднепровскому населению принадлежали древности (клады и многочисленные отдельные находки), которые в 20-х годах были названы А. А. Спицыным «древностями антов», а позднее Б. А. Рыбаковым справедливо переименованы в «древности русов» [11]. Но их богатый ассортимент не поместился бы на таблице. Хочется обратить внимание лишь на одно украшение из числа «древностей русов», особенно характерное, как полагает Б. А. Рыбаков, для среднеднепровского Левобережья. Это двуспиральная (очковая) подвеска. Оказалось, что такие точно подвески были широко распространены в этой области еще в позднезарубинецкое время. Они найдены на позднезарубинецком селище у д. Спартак на Верхней Десне и на трех селищах в поречье р. Трубеж.

На таблице нельзя было показать характер поселений. Но их общей особенностью, свойственной всем этапам развития культуры, представленным на таблице, являлось расположение в низких местах у воды, нередко в пределах или у края поймы. Лишь ранние зарубинецкие поселения в Среднем Поднепровье размещались иначе — на высоких, труднодоступных местах, удобных для обороны. Но позднезарубинецкие поселения в Среднем Поднепровье располагались уже преимущественно на низких местах, у воды. Так были расположены поселения у Лютежа и Казаровичей в устье Ирпеня, у Гриней в устье Тетерева, все поселения на р. Трубеж. В раннем средневековье кроме поселений, расположенных на низких местах, возникали отдельные укрепления-городища, служившие убежищами или замчищами. Таково, например, городище Макча около Трубчевска, нижний (дороменский) слой которого относится к третьей четверти I тысячелетия.

Вполне убедительной является преемственность в развитии жилища. Уже в зарубинецкое время в Среднем Поднепровье и на Припяти наряду с наземными жилищами столбовой конструкции появились полуземлянки. Их остатки обнаружены в Великих Дмитровичах, Велемичах, Отвержичах и других пунктах. В позднезарубинецкое время квадратное в плане жилище-полуземлянка господствует как в Среднем (Лютеж, Казаровичи, Грини), так и в Верхнем Поднепровье (Почеп, Смяч, Хотылево и др.). По своим размерам (3,5 × 3,5; 4 × 4 *м*, глуб. 0,5—0,8 *м*) и общему облику эти жилища не отличаются от хорошо известных средневековых славянских жилищ. К сожалению, землянки, открытые на деснинских поселениях Жуковке и Белокаменке, были сильно разрушены, но их форма была такой же, как у более древних — позднезарубинецких и более поздних — третьей четверти I тысячелетия. Особенностью большинства позднезарубинецких полуземлянок было то, что очаг располагался у них в средней части. Но имеется ряд позднезарубинецких жилищ с очагом в правом заднем углу. В последующее же время место очага прочно закрепляется за этим углом. На деснинском поселении Смольянь, относящемся к третьей четверти I тысячелетия, из четырех исследованных жилищ лишь у одного очаг располагался в центре жилища, у остальных же в углу. Как и в более раннее время, это были открытые очаги или примитивные печки-каменки. Хорошие глинобитные печи, обычные для средневековых славянских жилищ, появились лишь в последние века I тысячелетия. Следует здесь еще

[11] Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953.

указать, что у соседей славянского населения — верхнеднепровских балтов, живших нередко чересполосно со славянами, жилищ-землянок такого типа не было. Балты сооружали наземные постройки столбовой конструкции. Есть все основания думать, что остатки больших столбовых построек, открытые А. К. Амброзом на Синьковском селище, относятся не к основному позднезарубинецкому слою этого памятника, а принадлежат юхновскому селищу, возможно, непосредственно предшествующему появлению здесь позднезарубинецкого населения.

Рядом с жилищами на наших поселениях всех четырех этапов сооружались многочисленные ямы-погреба колоколовидной формы, облик и размеры которых существенно не изменялись в течение всего тысячелетия, охваченного таблицей. У верхнеднепровских балтов такие погреба, как правило, не встречались.

В центральной части Почепского позднезарубинецкого селища среди остатков жилых и хозяйственных построек Ф. М. Заверняевым было открыто основание углубленного в землю круглого сооружения со следами большего столба в центре. Второе такое сооружение было обнаружено во время раскопок в Белокаменке около Брянска. Оно синхронно почепскому или является несколько более поздним [12]. Ближайшей аналогией этим сооружениям являются, возможно, углубленные в землю круглые постройки, открытые на поселениях третьей четверти I тысячелетия на Тясмине у Пеньковки и Стецовки. Все эти сооружения — древние и раннесредневековые — представляли собой, по-видимому, языческие светилища, отдаленно напоминающие святилища верхнеднепровских балтов. В круглом сооружении Почепского селища была найдена необычная вещь — початка из голубой египетской пасты, изображающая фигурку льва.

Имеется, правда, и другое толкование круглых сооружений, открытых на тясминских поселениях. Некоторые археологи полагают, что это остатки юрт, с которыми связывается находимая среди материалов тясминских поселений керамика салтово-маяцкого типа. Но разве были где-либо юрты, значительно углубленные в землю?

Очень долго сохранялись в Поднепровье традиции зарубинецкого гончарства, не знавшего гончарного круга. Вплоть до третьей четверти I тысячелетия посуда разделялась на грубую кухонную и столовую (миски, кружки), более тщательно сделанную и нередко вылощенную, хотя качество столовой посуды и ее лощения в позднее время все более и более падало. Формы позднезарубинецких реберчатых мисок с цилиндрической верхней частью переживали как в середине, так и в третьей четверти I тысячелетия. Их разновидностью являлись высокие реберчатые сосуды, нередко, особенно в Среднем Поднепровье, приобретавшие биконические профили. Миски остроребериых очертаний, характерные главным образом для позднего этапа зарубинецкой культуры, также исчезли в Поднепровье далеко не сразу. Очень интересна эволюция зарубинецких глиняных дисков. В середине I тысячелетия у них появились чуть заметные бортики, которые со временем становились все выше и выше, пока глиняная посуда этой формы не приобрела облик «сковородок», обычных для славянских раннесредневековых поселений. В инвентаре поселений верхнеднепровских балтов, которые, как указано выше, заимствовали у зарубинецких племен некоторые формы сосудов и искусство их лощения, диски и сковородки никогда не встречаются. Посуда баночной формы, нередко имеющаяся на деснинских и днепровских славянских поселениях середины и третьей четверти I тысячелетия, восходит, по-видимому, к местным восточнобалтийским традициям. К концу третьей четверти I тысячелетия реберчатые, биконические формы посуды постепенно вымерли. Господствующее

---

[12] Белокаменка — поселение многослойное. Во время раскопок, произведенных А. К. Амброзом, там были открыты остатки построек трех периодов: позднезарубинецкого, середины I тысячелетия и начала II тысячелетия.

место среди керамики заняли высокие горшки, по форме обычные для славянского средневековья.

На таблице представлены и другие категории вещей, также свидетельствующие о преемственном развитии культуры. Таковы биконические пряслица, одинаковые на всех четырех этапах. Таковы трапециевидные бронзовые подвески, имевшие в древности специфическую орнаментацию. О двуспиральных (очковидных) бронзовых подвесках уже говорилось выше. Для всех четырех этапов были характерны фибулы, формы которых, естественно, изменялись со временем. Все эти предметы, как известно, были в ходе не только у поднепровских славян, они не были такой специфической чертой культуры, как жилище или формы керамики. Но о преемственности в развитии культуры они несомненно говорят.

Наконец, для всех четырех этапов в развитии культуры был характерен традиционный обряд трупосожжения умерших с последующим захоронением результатов кремации на «погребальном поле». В третьей четверти I тысячелетия в некоторых областях Поднепровья стал распространяться обычай насыпать курганы, внутри которых нередко сооружались деревянные камеры, куда помещали остатки сожжений. Возможно, что этот обряд зародился у славян не без участия погребальной обрядности их соседей балтов.

Таким образом, преемственность зарубинецких и раннесредневековых славянских племен в Поднепровье прослеживается по целому ряду существенных элементов материальной и духовной культуры. Задачей дальнейших исследований является углубленное критическое рассмотрение и проверка представленной на таблице этногенической гипотезы, касающейся важнейших вопросов далекого прошлого поднепровского славянства.

Представленную здесь таблицу можно было бы продолжить, добавив к ней сверху еще один ряд, представляющий днепровские древности VIII—IX вв., непосредственно предшествующие древнерусским. Это будут материалы более поздней группы поселений, исследованных на Тясмине у Пеньковки и Стецовки, находки из Андрусовского могильника, материалы Каневского поселения и др. Нужно лишь иметь в виду, что древнерусская культура в Правобережье формировалась на основе культуры не только поднепровских и побужских поселений, но и поселений «культуры Корчак», ранние этапы истории которой (до третьей четверти I тысячелетия) пока что далеко не ясны.

В области Левобережья в VIII—IX вв. распространилась роменская культура, сигнализирующая, по моему мнению, о появлении здесь новых славянских группировок, что несколько нарушило эволюцию в области культуры. Непосредственными потомками населения третьей четверти I тысячелетия в области Левобережья были, кажется, лишь те группировки, культуру которых украинские археологи называют волынцовской. Для нее характерны могильники типа «полей погребений», тогда как собственно роменцы практиковали погребения в курганах. Но это уже особая тема, к которой я предполагаю обратиться в другой статье.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

НИЗАМИ О ДРЕВНЕХАКАССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Кажется, никто из исторических деятелей древнего мира не приобрел столь широкой известности в последущие века, как знаменитый «завоеватель вселенной» Александр Македонский. В течение всего средневековья и в западных, и в восточных странах о нем было создано бесчисленное количество легенд и преданий, написано много романов и повестей, сложено огромное число стихов и поэм. Александр в равной степени оказался популярным героем как мусульманской, так и христианской разноязычной светской и духовной литературы. Ему приписывались необыкновенные подвиги и легендарные, часто фантастические походы в разные страны света и притом в различные периоды времени [1]. Но особое значение, естественно, этот образ полководца, завоевателя древних азиатских стран и народов от Малой Азии и до Индии, получил в восточной героической литературе, где широко распространены были повествования о подвигах знаменитого Искендера, называемого иногда Двурогим [2].

Среди крупнейших памятников культуры средневекового Востока достойное место занимает творение великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви (1141—1203 гг.) «Искендер-намэ» — «Книга об Александре», завершенная поэтом между 1198—1203 гг. «Искендер-намэ» состоит из двух книг: «Шараф-намэ» («Книга славы») и «Игбал-намэ» («Книга счастья»). В блестящем художественном воплощении излагается наиболее полная версия древнего сюжета о чудесных подвигах и необыкновенных войнах Искендера в далеких чужеземных странах. Неожиданным является то, что Низами в этом произведении воспел «страну Хирхиз» в верховьях Енисея, придав ей черты утопического государства всеобщего благоденствия, равенства, братства и счастья. Эту социальную утопию Низами уже отметили литературоведы [3], но она до сих пор не была замечена и оценена историками [4]. Даже такой крупный знаток средневековых мусульманских источников, как академик В. В. Бартольд, в трудах которого имеются ссылки на отдельные места «Искендер-намэ» и который к тому же

[1] А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. 1, СПб., 1886; В. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893; его же. История сербской «Александрии». «Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете», XVI, 1910; А. В. Банк. Моливдовул с изображением полета Александра Македонского на небо. Тр. ОВЭ, III, Л., 1940; А. П. Окладников. Первые известия об археологических памятниках нижнего Амура. ИВГО, 87, 4, 1955; «Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века». М.— Л., 1966.

[2] Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.— Л., 1948. Александру посвящены выдающиеся творения Фирдоуси (X—XI вв.) «Шах-намэ», Навои (XV в.) «Вал Искендера», Джами (XV в.) «Книга мудрости Искендеровой»; Традиция сохранилась вплоть до современности. А. Кунанбаев. «Искендер» (в кн. «Абай. Стихотворения и поэмы». М.— Л., 1966, стр. 241).

[3] Мариэтта Шагинян. «Утопия» Низами. ИАН СССР, отд. литер. и яз., VI. 4, М., 1947; Низами. Искендер-намэ. М., 1953.

[4] Первое использование см. Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. Автореф. докт. дис. М., 1966, стр. 24.

является автором сводного исторического очерка «Киргизы» [5], нигде не использовал этого чрезвычайного интересного факта.

В «Шараф-намэ» кыргызы упоминаются лишь однажды в качестве сильного народа, у которого, наряду с правителями Ферганы, Ташкентского и Кашгарского ханств, «китайский хакан» просил военной помощи, услышав о походе на него Искендера:

«Исфиджаба войска и Ферганской долины
Пограничные слали ему властелины.
И хырхызы к хакану, и Чач, и Кашгар
Направляли вождей, чтоб сильней был удар.» [6]

Основной рассказ о походе Искендера в «город счастливых», где ему, наконец, открылась подлинная истина праведной жизни, излагается в «Игбал-намэ». Завершив поход в Индию и испытав много различных приключений, Искендер прибывает в Китай, а оттуда направляется в «страну Хирхиз» на далекий север:

«В песьи дни, воздымавшие облако пара,
В дни, когда даже камни смягчались от жара,—
Царь, в бессонных мечтаньях влекомый в Хирхиз,
Все не спал под мерцаньем полуночных риз.
Он решил приказать снова двинуться стану.
Б час прощанья с хаканом вручил он хакану
Много ценных даров. И направил он рать
На безводной пустыни песчаную гладь.
В барабан громкой славы забил он, вступая
В дальний Северный край из Восточного края.» [7]

Далее излагается географически точное описание маршрута из западной части Китая на Енисей, лишь в небольшой степени украшенное поэтическими гиперболами. Целый месяц с большими трудностями войско переходило большую пустыню (очевидно, Гоби) и, наконец, пришло к плодородному краю, где находились высокие горы (очевидно, Алтай), за которыми лежала широкая степная равнина (очевидно, Западно-Сибирская низменность), населенная волосатыми дикарями, называемыми яджуджами. Так как горцы-скотоводы жаловались на постоянные грабежи и набеги со стороны яджуджей, то Искендер для их защиты от дикарей построил длинный «невиданный вал». Здесь мы имеем дело, вероятно, с литературным отражением сведений о реально существовавшей длинной оборонительной стене, построенной уйгурами в VIII—IX вв. в Туве [8]. Сооружение этой наиболее северной из всех известных длинных стен и приписано, очевидно, в поэме Александру Македонскому.

Месяц спустя после строительства вала Искендер отправился дальше на север (от Алтая и Тувы) и, пройдя новые горы и степи (Саяны и южную часть Хакасско-Минусинской котловины), он оказался в счастливой стране:

---

[5] В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927.

[6] Использую довольно точный поэтический перевод К. Липскерова, опубликованный дважды: Низами. Искендер-намэ, стр. 306 и Низами Гянджеви. Искендер-намэ, I—II, Баку, 1953 (далее ссылки даю лишь на московское издание); М. Шагинян. Ук. соч., использовала буквальный подстрочный перевод А. К. Аренда, которым воспользовался и К. Липскеров.

[7] Низами. Искендер-намэ, стр. 665.

[8] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 14; его же. Средневековые города Тувы. СА, 1959, 3; его же. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). Уч. зап. ТНИИЯЛИ, VIII, Кызыл, 1960; его же. Этапы средневековой истории Тувы. ВМУ, сер. IX, история, 1964, 4; М. Шагинян. Ук. соч., стр. 276, 279 видит в этом «отголосок строительства Китайской стены», что не может быть согласовано ни с маршрутом, ни со временем похода.

«И открылся им дол, сладким веющий зовом,
Обновляющий души зеленым покровом.
Царь глазами сказал приближенным: «Идти
В путь дальнейший — к подарку благого пути!»
И порядок, минуя и рощи, и пашни,
Встретил он и покой,— здесь, как видно, всегдашний:
Вся дорога в садах, но оград не найти.
Сколько стад! Пастухов же у стад не найти.
. . . . . .
И, помчавшись, лугов миновал он простор,
И сады, и ручьев прихотливый узор.
И увидел он город прекрасного края.
Изобильный, красивый — подобие рая.»

Описание этого маршрута несомненно не вымышлено Низами. Многие характерные детали свидетельствуют о том, что ему были хорошо известны сочинения персидских и арабских географов, подробно описавших, со слов среднеазиатских купцов, караванные пути из Средней Азии и Восточного Туркестана на Енисей в страну древних хакасов (в мусульманских источниках называемых хырхызами или хирхизами) [9]. Но интенсивные торговые связи были установлены лишь после середины IX в., когда в 840—847 гг. хакасам удалось разгромить уйгурское государство, находившееся в 745—840 гг. на современных территориях Тувы и Монголии и препятствовавшее их связям со Средней Азией и Китаем.

Общеизвестно, что со второй половины IX и особенно в X—XII вв. древнехакасское государство вело оживленную торговлю со Средней Азией, Восточным Туркестаном и даже Афганистаном, что с регулярными караванами на Енисей прибывали не только мусульманские купцы-посредники, но и послы разных стран, а также ученые путешественники Согласно их собственным сообщениям, на Енисее побывали географ Абу-Дулаф (X в.) и лингвист-тюрколог Махмуд Кашгарский (XI в.), описавшие страну и языки населения [10]. Особенно значительные сведения о древнехакасском государстве содержат анонимное персидское сочинение Худуд ал-Алам (X в.) [11], работа персидского географа XI в. Гардизи «Украшение известий» и труды арабских авторов XII в. Марвази и ал-Идриси [12]. Сведения Гардизи и Марвази до известной степени сходны, ибо, кроме собранных ими оригинальных данных, каждый из них (в том числе и ал-Идриси) многое позаимствовал из недошедшего до нас географического сочинения хорошо информированного арабского автора ал-Джейхани (X в.), собравшего реальные рассказы послов и торговцев, посетивших Южную Сибирь [13].

Трудно определенно сказать, какими трудами пользовался Низами, воссоздавая реальную обстановку вымышленного похода Искендера на Енисей. В его распоряжении несомненно находились различные источники, из которых он почерпнул свои знания о далекой, но широко известной в средневековой Азии «стране Хирхиз». Многие черты маршрута, описан-

---

[9] О взаимоотношении терминов «хакас» и «кыргыз» см. Л. Р. Кызласов. К вопросу об этногенезе хакасов. Уч. зап. ХНИИЯЛИ, VII, Абакан, 1959.

[10] Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. Уч. зап. ХНИИЯЛИ, VIII, Абакан, 1960; его же. История Тувы в средние века, стр. 19—24.

[11] V. Minorsky. Hudud āl-'Alam. «The Regions of the World» a persian Geography. London, 1937.

[12] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. СПб., 1897, приложение; В. Храковский. Шараф аль-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках. Труды сектора востоковедения АН КазССР, I, Алма-Ата, 1959; V. Minorsky. Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazi on China, the Turks and India. London, 1942; P. A. Jaubert. Geographie D'Edrisi. I, Paris, 1836.

[13] В. В. Бартольд. Сочинения. I, М., 1963, стр. 57, 58.

ного Низами, сходны, например, с описанием «пути к киргизам» в сочинении Гардизи. По Гардизи, этот путь начинался «из страны тогузгузов», т. е. из страны уйгуров, находившейся в X—XI вв. уже в Восточном Туркестане. После одного или двух месяцев пути по степям и пустыне караваны приходили к высоким горам (отроги Алтая) с водными источниками и обширными лесами, наполненными разнообразными пушными животными и антилопами. Далее говорится о переходе к Кёгмену, как тогда назывались Саянские горы (очевидно, через современную Туву). Наконец, сообщается: «От Кёгмена до киргизского стана семь дней пути; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, так что враг не может проникнуть туда; вся дорога подобна саду, до самого стана киргизов. Здесь военный лагерь киргизского хакана, главное и лучшее место в стране». В сообщении Гардизи говорится также, что где-то севернее «живут дикие люди, ни с кем не имеющие сношений» [14]. Близкие сведения, со многими дополнительными подробностями, содержатся в Худуд ал-Алам. Там также сказано, что в этой стране «находится город Кемиджкет, где живет Киргиз-каган» [15]. Кемиджкет — это «город на Кеми», т. е. «Енисейский город» (от «Ким» или «Кем» — Енисей по-хакасски). Ал-Идриси сообщает о четырех городах «страны киргизов». Они большие, «окруженные стенами и фортификационными сооружениями и обитаемые трудолюбивыми, храбрыми и мужественными народами» [16].

Следует указать, что все основные факты о хозяйственных и культурно-бытовых особенностях страны древних хакасов, которые сообщаются в поэме Низами, совершенно реальны для периода расцвета древнехакасского государства в X—XII вв. Они полностью соответствуют современным данным нашей исторической науки о государстве древних хакасов, основанным не только на различных письменных источниках, но и на обширных археологических материалах [17].

По Низами, как и было в действительности, это страна не только горожан, ремесленников и купцов, но и страна скотоводов, имеющих огромные стада овец, коров и быков; страна землепашцев и садоводов [18], а также охотников.

«Столько дивных садов, но они без оград!
И без пастырей столько кочующих стад!
Сотни тысяч овец на равнине отлогой
И в горах! Но людей не встречал я дорогой»,

— удивляется Искендер. Отвечая ему, жители страны сообщают:

«Не в чести ни замки, ни засовы у нас.
Без охраны быки и коровы у нас...
Сеем мы семена в должный день, в должный час
И вверяем их небу, кормящему нас.
Что ж нам делать затем? В этом нету вопроса.
В дни страды ячменя будет много и проса:

---

[14] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью, стр. 109—111. «Дикие люди» описаны и Марвази (V. Minorsky. Ук. соч., стр. 31).

[15] V. Minorsky. Hudud āl-'Alam, стр. 97.

[16] P. A. Faubert. Ук. соч., стр. 501.

[17] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948; В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939; Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.

[18] Наличие плодовых садов из яблонь и ягодников на Среднем Енисее в IX—XII вв., при учете постоянных связей со Средней Азией, вполне вероятно. Общеизвестно, что в климатических условиях Хакасско-Минусинской котловины русское садоводство и бахчеводство известно уже со времени присоединения этих земель в начале XVIII в.

С дня посева полгода минует, и знай,
Сам-семьсот со всего мы сберем урожай...
Серн, онагров, газелей сюда иногда
Мы из степи берем, если в этом нужда.
Но пускай разной дичи уловится много,
Лишь потребная дичь отбирается строго.
Мы ненужную тварь отпускаем. Она
Снова бродит в степи, безмятежна, вольна.» [19]

По Низами, древнехакасские горожане принимали Искендера в лазурном дворце, где на пышном столе блистали сосуды, очевидно сделанные из ценных металлов [20]:

«Угощали они Искендера с мольбой,
Чтоб от них он потребовал снеди любой.
Принял царь угощенье. На светлые лица
Он взирал: хороша сих людей вереница!»

«Светлые лица» здесь не случайны, ведь и Гардизи подчеркивал, что у «киргизов» Енисея «красные волосы и белая кожа» [21]. Общеизвестно, что древние хакасы имели в VI—XIV вв. смешанный антропологический тип с преобладанием европеоидных признаков (рыжие волосы, белая кожа и голубые глаза) [22].

Очевидно, что основные представления Низами о древнехакасском государстве покоятся на прочном фундаменте реальных сведений об этой стране, содержавшихся в многочисленных историко-географических или естественно-научных трудах тех ученых восточного средневековья, которые в X—XII вв. писали свои сочинения на персидском или арабском языках. Поэтому в отношении приводимого конкретного фактического материала поэма Низами «Искендер-намэ» в известной мере сама может служить для нас историческим источником.

Таким образом, историческая эпоха, избранная Низами для описания похода на Енисей, вполне определенна — это период X—XII вв., т. е. эпоха расцвета древнехакасского государства. Можно ли уточнить дату этого похода? Казалось бы, она должна определяться «по сооружению» Искендером длинной оборонительной стены в Туве. Но следует принять во внимание, что хотя сооружение этой стены уйгурами было закончено в первой половине IX в. (до 840 г., когда их разгромили древние хакасы) [23], сама обстановка похода и его маршрут, совпадающий с реальным маршрутом, записанным Гардизи, соответствуют времени после середины X в., когда ставка древнехакасского кагана уже была перенесена из Тувы на север от Саянского хребта [24].

Тува в это время, после освобождения от уйгурского засилья, входила в древнехакасское государство, которое вступило в эпоху расцвета. Память о строителях длинной стены уже была сглажена, а сама глинобитная стена была полуразрушена (после почти тридцатилетней войны хакасов с уйгурами) и превратилась местами в вал. Поэтому проезжавшие здесь среднеазиатские купцы вполне могли, по аналогии с древними длинными валами Средней Азии, приписать ее сооружение великому Искендеру.

На этом кончается зафиксированная историей действительность в ис-

---

[19] Низами. Искендер-намэ, стр. 671—673.

[20] Ср. древнехакасские золотые и серебряные сосуды, найденные при раскопках на Енисее. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. 55, 56.

[21] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью, стр. 109.

[22] Л. Р. Кызласов. К вопросу об этногенезе хакасов.

[23] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I, М., 1950, стр. 334—339 и 350—357.

[24] Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.

следуемой части «Искендер-намэ» и начинается не менее замечательная социальная утопия ее автора, которая далеко опередила его время. По Низами, в «стране Хирхиз» существовало идеальное общество, совершенное в отношении морали, культуры и социальной организации. Оно изумило «вечного скитальца» Искендера, обошедшего почти весь мир и только на склоне лет, в далекой северной стране познавшего истину праведной жизни:

«В мире благо живет. Ты о благе радей.
К миру благо идет лишь от этих людей...
Если правы они, ложь свою ты пойми!
Если люди они, нам ли зваться людьми?
Если б ведать я мог о народе прекрасном,
Не кружил бы по миру в стремленье напрасном...
Сей страны мудрецов я проникся бы нравом,
Я бы мирно дышал в помышлении правом.»

Оказывается, сила жителей утопического «древнехакасского государства» не в вере, пророком которой являлся Искендер, а в новой общественной этике, в особом социальном устройстве их жизни. У них нет ни царя, ни правителей, ни насилия, ни рабства, ни частной собственности, ни стражи, ни воров. Люди счастливой страны все равны в правах и богатстве. Их общество зиждется на коллективном труде, дающем им всеобщее благосостояние. У них общественные пашни и, очевидно, общие орудия труда. Отношения между членами этого идеального общества основаны на братской взаимопомощи, верности долгу, правдолюбии и полном отсутствии обмана и лжи. Старейшины справедливой страны объясняют Искендеру:

«Если кто-то из нас в недостатке большом
Или малом и если мы знаем о том,
Всем поделимся с ним. Мы считаем законом,
Чтоб никто и ни в чем не знаком был с уроном.
Мы имуществом нашим друг другу равны.
Равномерно богатства всем нам вручены.
В этой жизни мы все одинаково значим,
И у нас не смеются над чьим-либо плачем.
Мы не знаем воров; нам охрана в горах
Не нужна. Перед чем нам испытывать страх?
Не пойдет на грабеж нашей местности житель.
Ниоткуда в наш край не проникнет грабитель...
Не научены мы, о великий, злословью.
Мы прощаем людей, к ним приходим с любовью.
Коль не справится кто-либо с делом своим,
Мы советов благих от него не таим.
Не укажем дорог мы сомнительных людям.
Нет смутьянов у нас, крови лить мы не будем.
Делит горе друг с другом вся наша семья,
Мы и в радости каждой — друг другу друзья.
Серебра мы не ценим и золота — тоже.
Здесь они не в ходу и песка не дороже...»

Секрет долголетия в «стране мудрецов» совпадает с требованиями медицины нашего XX века и состоит он в умеренном приеме пищи и питья:

«Угождения чрева не чтя никакого,
Мы не против напитков, не против жаркого.
Надо есть за столом, но не досыта есть.
Этот навык у всех в нашем городе есть.
Юный здесь не умрет. Нет здесь этой невзгоды.

Здесь умрет лишь проживший несчетные годы.
Слез над мертвым не лить — наш всегдашний завет —
Ведь от смертного дня в мире снадобья нет.
Мы не скажем в лицо неправдивого слова,
За спиной ничего мы не скажем иного.
Мы скромны, мы чужих не касаемся дел.
Не шумим, если кто-либо лишнее съел.
Мы и зло и добро принимаем не споря:
Предначертаны дни и веселья и горя.» [25]

Пораженный Искендер возвращается от «прекрасного народа» с мыслью устроить подобные порядки на всей земле, но неожиданная смерть героя не позволила осуществить благие устремления.

Такова вкратце утопическая часть поэмы, еще нуждающаяся в специальном исследовании. Мы видим, что Низами в своей философской концепции о справедливом обществе поднялся выше наивных потребительских утопий древности, перешагнул через догмы ислама и явился непосредственным предтечей социалистов-утопистов нового времени.

Следует остановиться на вопросе, который вызвал справедливое недоумение М. Шагинян. Как случилось, что «мы столкнулись у Низами с совершенно оригинальной трактовкой древнего сюжета, не имеющей аналогов в других письменных источниках: Низами, резко порвав с существовавшими в его время традициями, перенес географический центр «утопии» из Индии на север» [26]. Почему именно на Енисее в земле древних хакасов Низами поместил идеальную страну? На этот вопрос трудно ответить. Безусловно, ни в древности, ни в средневековье «золотого века» на Енисее не было. В VI в. здесь возникло классовое общество и зародилось государство древних хакасов. К IX в. в нем уже сложились феодальные отношения. В X—XII вв. это было государство с высоким уровнем экономического и культурного развития, имевшее обширные торговые и посольские связи [27]. Вероятно, слава о необыкновенных земледельцах и скотоводах, создавших на далеком севере своеобразную высокую цивилизацию, породила идеализацию этого общества. Ведь, по представлениям ученых мусульманского мира, эта страна процветала где-то почти на краю света, за далекими пустынями и многочисленными горными хребтами. Дальше в северных плоских равнинах бродили в полутьме лишь дикари-яджуджи, кровожадные и схожие с дикими зверями:

«За грядой этих гор, за грядою высокой
Страшный край растянулся равниной широкой.
Там народ по названию яджудж. Словно мы
Он породы людской, но исчадием тьмы
Ты сочтешь его сам. Словно волки, когтисты
Эти дивы, свирепы они и плечисты.
Их тела в волосах от макушки до пят,
Все лицо в волосах. Эти джины вопят
И рычат, рвут зубами и режут клыками.
Их косматые лапы не схожи с руками.»

Можно предположить также, что Низами натолкнули на местоположение утопической страны какие-то сюжеты, дошедшие до него непосредственно из древнехакасской литературы или же фольклора. Мы мало знаем о самобытной литературе и фольклоре средневековых хакасов и потому нередко не принимаем их во внимание. А ведь именно в них могли содержаться сказочные сюжеты, в которых были выражены утопические

[25] Низами. Искендер-намэ, стр. 672—675.
[26] М. Шагинян. «Утопия» Низами, стр. 273.
[27] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири; Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.

чаяния народа о счастливом обществе равноправных людей. Благодаря анализу сохранившихся древнехакасских эпитафий, написанных на тюркоязычной енисейской письменности, было доказано, что у древних хакасов существовала самобытная поэзия и своя литературная традиция. Сохранившиеся тексты оказались образцами эпитафийной лирики [28].

С другой стороны, известны некоторые, к сожалению до сих пор еще не собранные и не исследованные, фрагменты из произведений древнехакасской литературы или фольклора, сохранившиеся в записи иноязычных средневековых авторов. Ближайший пример — описание фантастического путешествия на лодке одного хакаса («кыргыза») в страну великанов, содержащееся в книге среднеазиатского арабоязычного автора Шарафа Марвази (начало XII в.) [29].

Если древнехакасское сказание дошло до Марвази, то аналогичное произведение, но с иным сюжетом могло дойти в записи и до Низами. Ведь вся его поэма «Искендер-намэ» пропитана фольклорными сюжетами, часть которых безусловно заимствована из устных преданий или письменных литератур других народов, особенно в описаниях тех отдаленных стран, до которых доходил в своих походах его герой Искендер.

---

[28] И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М., 1965. Датировка автора для енисейских текстов неточна. см. Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности. СА, 1965, 3; его же. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, 1960, 3.

[29] V. Minorsky. Sharaf āl-Zamān Tāhir Marvazi on China, the Turks and India. London, 1942, стр. 30. Запись этого же рассказа повторена автором XIII в. Ауфи. (В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 24).

А. В. ЦИРКИН

О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ МОРДВЫ С ВЯТИЧАМИ В VIII — XII вв.

Проблема культурных связей между народами имеет большой интерес, так как эти связи позволяют понять истоки духовных ценностей народа. Предлагаемая статья ставит задачей осветить историю взаимоотношений между мордвой и вятичами. Для доказательства мы привлекаем только археологический материал, который показывает, что культурные связи между мордвой и вятичами имели древнюю основу и дает возможность проследить процесс взаимовлияния и взаимообогащения двух соседних культур.

Связи славян с финно-угорским миром вообще и с мордвой, в частности, давно привлекали внимание русских историков [1]. Из советских исследователей изучением данной проблемы занимались А. П. Смирнов [2], А. Л. Монгайт [3] и др.

На раннем этапе вятические вещи в земли мордвы проникали с юго-запада, по-видимому, с верховьев Дона, где до X в. обитали вятические племена [4]. Позднее, в связи с падением Хазарской державы, обстановка на юге сложилась таким образом, что вятичи под давлением кочевников, вероятнее всего печенегов, были вынуждены двинуться на северо-восток в глухие леса, оседая по среднему течению р. Оки. Археологические данные свидетельствуют о том, что вятичи не строили своих городов на новых местах, а в большинстве случаев занимали мордовские поселения, легко уживаясь с местным населением. Таким образом, когда вятичи сидели в верховьях Дона, их северо-восточным соседом было мордовское племя мокша; а когда вятичи пришли на среднюю Оку, их восточным соседом также оказалось мордовское племя, вероятно эрзя.

Походы киевских князей Святослава и Владимира на восток с целью включения волжского пути в сферу политического влияния Киева несколько нарушили вятиче-мордовские отношения. Как вятичам, так и мордве приходилось вести борьбу против киевских князей. Однако до XII в. вятичи, по летописи, были самостоятельным племенем [5]. Мордва также отчаянно сопротивлялась. Попытки Ярослава, князя муромского, подчинить в 1103 г. мордву окончились неудачей [6].

---

[1] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. I, 1, М., 1959, стр. 76; Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 3—10; С. В. Ешевский. Сочинения. 3, М., 1900, стр. 608—644; В. О. Ключевский. Сочинения. I, М., 1956, стр. 294—307; Н. Б. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885; И. Н. Смирнов. Мордва. Казань, 1895; В. Н. Майнов. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885; И. И. Дубасов. Очерки из истории Тамбовского края. 4, Тамбов, 1887.

[2] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952.

[3] А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961.

[4] А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей. ИАН, 16, 1907, стр. 724; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., стр. 131.

[5] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 159.

[6] ПСРЛ, I, стр. 280.

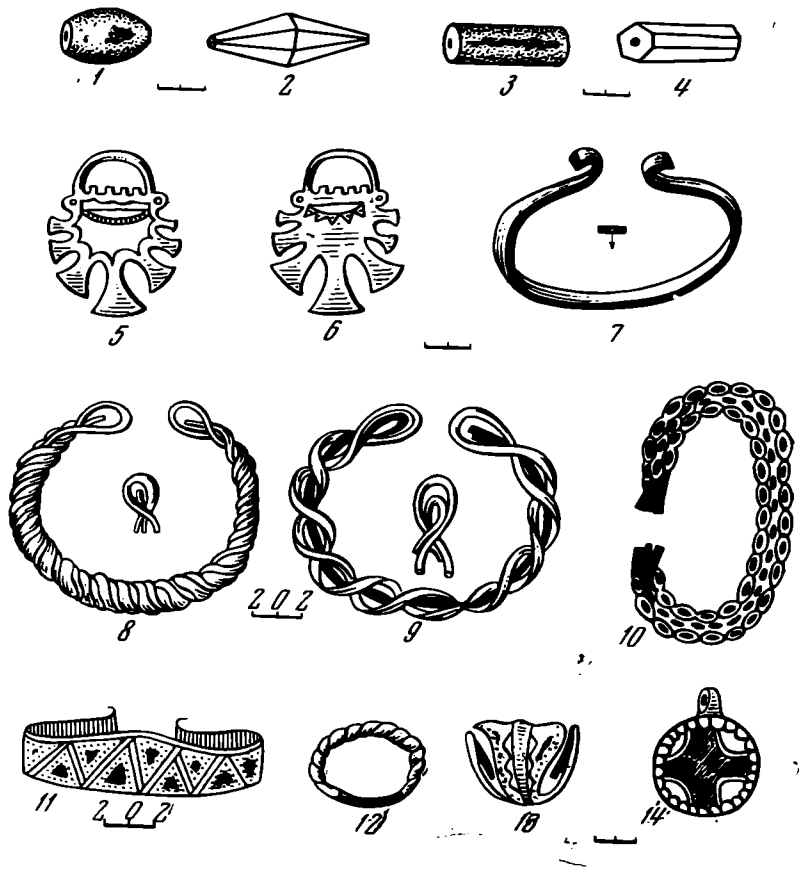


Рис. 1. Вятические украшения из мордовских могильников

Связи вятичей с мордвой в конце I тысячелетия ясно документируются археологическим материалом ряда мордовских могильников, расположенных по Цне (правый приток р. Оки), исследованных в прошлом столетии В. Н. Ястребовым[7], а в советский период — П. П. Ивановым[8]. Этот материал дает бесспорные доказательства того большого влияния, которое оказали вятичи своей культурой на аборигенов края. А. П. Смирнов пишет: «Несомненно, что отдельные весьма редкие и немногочисленные группы славян могли проникать и ранее, но с половины I тысячелетия они поселяются в гуще мордовского населения и сливаются с аборигенами края. Несомненно, и чудь (мордва) проникала в славянские земли. Этому процессу взаимной ассимиляции в значительной степени содействовало разложение родового строя у мордвы и замена его территориальной общиной, значительно облегчавшей прием иноземцев»[9].

В Томниковском могильнике, датируемом IX в., в вещевом комплексе погребений встречаются вещи вятического производства. Был найден бронзовый витой браслет (рис. 1, *8*) четверного плетения. Такие типы браслетов — нередкая находка в вятических древностях[10]. В том же могильнике были найдены два широкосерединных перстня, которые, согласно А. В. Арциховскому, очень часто встречаются у вятичей (рис. 1, *13*), а также перстень с ажурным ободком. По способу украшения он напоминает ажурный перстень, найденный в Московской области[11]. Здесь же была встречена одна сердоликовая бусина (рис. 1, *2*). Сердоликовые бусы, как доказал А. В. Арциховский, изготовлялись у славян и центрами их изготовления были села Протопопово и Русавино под Москвой[12]. Этот

[7] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, 10, СПб., 1893.
[8] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952.
[9] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 155.
[10] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 11, рис. 3.
[11] А. В. Арциховский. Там же, стр. 75, рис. 57.
[12] А. В. Арциховский. Сердоликовые и бипирамидальные бусы. Тр. СА РАНИОН, 1, М., 1925, стр. 52.

вывод исследователя, по нашему мнению, очень интересен и не оставляет сомнений в местном производстве сердоликовых бус [13]. К этому же периоду относится и Крюковско-Кужновский могильник, раскопанный П. П. Ивановым. В вещевых комплексах этого памятника достаточно отчетливо прослеживаются вятические вещи. Наибольшее количество находок падает на бусы. Здесь мы встречаем не только сердоликовые бипирамидальные бусы, но и бусы самых различных форм, сделанные из стекла; биконические, цилиндрические, бочкообразные, шаровидные. Всего найдено 37 экземпляров (табл. 1). Большой интерес среди находок пред-

Таблица 1

Находки вятических (славянских) вещей в мордовских памятниках VIII—XIII вв.

Дата. Могильники		Украшения										
		бусы				браслеты			перстни			
		бипирамидальные (сердолик)	шаровидные (стекло)	цилиндрические (сердолик)	призматические и биконические (стекло)	витые	плетеные	пластинчатые загнутоконечные	широкосерединные	рубчатые	семилопастные височные кольца	шиферные пряслица
VIII—XI	Кузьминский	—	1	--	1	—	--	1	--	1	--	--
VIII—XI	Борковский	2	—	--	2	1	--	--	1	1	5	5
IX	Томниковский	1	—	--	—	1	--	1	2	1	--	--
VIII—XI	Крюковско-Кужновский	4	13	19	1	3	--	4	--	--	--	8
X—XI	Лядинский	2	—	--	—	—	--	2	1	--	--	--
X—XII	Елизавет-Михайловский	—	1	—	—	1	--	--	2	—	--	3
XII	Пановский	—	—	--	--	2	--	--	1	—	--	5
XI—XIII	Куликовский	2	2	3	2	2	3	--	1	—	--	6
XI—XIII	Кельгининский	4	5	--	1	13	4	4	18	—	--	10
XI—XIII	Ефаевский	3	2	1	—	14	1	--	8	—	--	--
	Итого	18	24	23	7	42	8	12	34	3	5	37

ставляют витые проволочные браслеты, найденные в ряде погребений. Сплетенные из двух, трех, четырех проволок они во всех деталях повторяют курганные вещи вятической земли (рис. 1, *8*). Кроме витых в могильнике были обнаружены пластинчатые загнутоконечные браслеты, также характерные для вятического деревенского ремесла (рис. 1, *7*). Следующий могильник, в вещевом комплексе которого встречаются вятические вещи,— Лядинский. К сожалению, комплексы могильника перепутаны. Вятических вещей мало: два пластинчатых загнутоконечных браслета и две сердоликовые бипирамидальные бусины (рис. 1, *11*, *13*). Лядинскому могильнику синхронен Елизавет-Михайловский. Публикации по этому памятнику, к сожалению, пока нет [14]. К числу вятических вещей здесь следует отнести одну стеклянную бусину шаровидной формы, витой браслет, два широкосерединных перстня (табл. 1). В Пановском могильнике, датированном XII в., вятических вещей обнаружено мало: наиболее показательны два витых бронзовых браслета и один широкосерединный перстень (рис. 1, *9*, *13*).

Из других вещей, найденных в цнинской группе мордовских памятников, интерес представляют шиферные пряслица. Однако это уже продукция не вятического ремесла, а киевского. Это свидетельствует о том, что

[13] В последнее время М. В. Фехнер пришла к совершенно противоположному выводу: «Основная масса сердоликовых бус,— пишет исследовательница,— проникла в древнерусскую деревню в результате восточной торговли, главным образом из Средней Азии». М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ, 33, М., 1955, стр. 162—164.

[14] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 129, 153. Мы пользуемся кратким сообщением.

экономические связи мордва поддерживала не только с ближайшими соседями — кривичами, радимичами, но и с древним Киевом, а также с более отдаленными племенами, населявшими Восточную Европу.

К X в. вятичи продвинулись на север и северо-восток, осев в среднем течении р. Оки, на ее левых и частично правых притоках. С этого времени налаживаются связи вятичей с населением, которому принадлежали среднеокские могильники.

В настоящее время существует несколько точек зрения на датировку среднеокских памятников. Еще А. А. Спицын считал, что некоторые вещи из Борковского могильника относятся к периоду, когда на среднем течении осели славяне. Эти вещи он датировал VIII—X вв.[15] П. П. Ефименко, давая культурно-стратиграфический анализ рязанских могильников[16], наметил четыре хронологические стадии, из которых первая стадия «А» датировалась исследователем I—III вв.[17], а последняя стадия «Д» — VI — VII вв. В этом большая заслуга П. П. Ефименко. Однако следует заметить, что вопрос о времени исчезновения среднеокских могильников им решен неверно. В могильниках, расположенных по рязанскому течению Оки, встречаются вещи, которые никак нельзя отнести к VII в. Их следует датировать гораздо более поздним временем. А. Л. Монгайт[18] пришел к выводу, что наличие в рязанских могильниках (Борковском, Кузьминском, Шатринском и др.) славянских вещей дает основание их позднюю дату отнести к X в.

Автор данной статьи на основании анализа мордовско-вятических вещевых комплексов, а также учитывая, что на большинстве мордовских поселений, расположенных по среднему течению реки Оки, прослеживается достаточно отчетливо славянский культурный слой (Вышгородское, Казарское, Старо-Рязанское городища, Борковское селище), присоединяется к выводам А. Л. Монгайта о более поздней дате существования рязанских могильников. По-видимому, следует считать вполне доказанным, что население, оставившее среднеокские могильники, было автохтонным, генетически связанным с местным населением, культура которого развивалась до X в. включительно.

Мордовско-вятический материал позволяет расширить дату рязанских могильников, определяя время исчезновения некоторых памятников XI и даже XII в. Показателен в этом отношении Борковский могильник, в погребениях которого обнаружены браслет и пять пряслиц из розового шифера (погр. 26, 38, 44, 77 и 87). Известно, что производство изделий из розового шифера широко было поставлено на Руси в X—XIII вв.[19] На Борковской дюне в 1963 г. были найдены несколько вятических семилопастных височных колец, распространение которых падает на X в., т. е. на тот период, когда вятичи довольно компактной группой осели на среднем течении Оки, а наибольшее число их приходится на XI—XII вв., как раз на то время, когда устанавливаются тесные мордовско-вятические культурные отношения[20].

Большинство исследователей отмечают недостаточность археологических данных для того, чтобы окончательно решить вопрос, какую ветвь мордвы представляли племена, оставившие рязанские могильники, хотя ни у кого не вызывает сомнения связь этих могильников с мордвой в целом. Поэтому материалы Борковского и Кузьминского могильников нами привлекаются для освещения вопроса мордовско-вятических культурных связях.

---

[15] А. А. Спицын. Древности бассейнов реки Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901.

[16] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. МЭ, 3, 1, Л., 1926, стр. 6.

[17] Впоследствии А. П. Смирнов, работая над вопросом о дате могильников правобережья Волги, на основании разбора вещевых комплексов сузил хронологические рамки стадии «А», определяя их I—II веками.

[18] А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 78.

[19] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 190.

[20] А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1955, стр. 228.

Известный интерес представляют материалы Кузьминского могильника, в котором найден ряд типично вятических вещей. К их числу относятся две бусины (рис. 1, *1*, *4*), пластинчатый браслет (рис. *1*, *11*) и рубчатый перстень (рис. *1*, *12*). Все эти предметы проникли к мордве не только в результате торговых связей, но и, по-видимому, могли быть принесены самими вятичами. Одновременен Кузьминскому Борковский могильник. В вещевом комплексе этого памятника интерес представляют бусы, витой браслет, широкосерединные перстни. Всего в вещевых комплексах мордовских памятников этого периода обнаружено 34 широкосерединных перстня (табл. 1). Особого внимания заслуживает погр. № 83 данного могильника, где был найден комплекс вятических вещей: шестигранные сердоликовые бусы, бронзовый витой браслет, пять семилопастных височных колец, перстень с рубчатой передней частью (рис. 1, *5*, *9*, *12*). Эти вещи, несомненно, проникли из вятического ремесленного центра и могут быть датированы XI—XII вв.

Семилопастные височные кольца — характерная племенная вятическая вещь. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наибольшее число их было найдено именно в этом могильнике, расположенном в непосредственной близости от вятического городища Старая Рязань. В связи с этим представляют известный интерес находки И. П. Милонова в Борках под Рязанью в 1963 г. В числе находок оказались две вятические семилопастные височные привески и одна семилучевая радимическая, а также кольцо, представляющее собой переходную форму от радимического к вятическому [21]. Следующий памятник — Куликовский могильник. В вещевом комплексе (исследовано 14 захоронений) указанного памятника наибольшее число находок падает на бусы (табл. 1). Заслуживают особого внимания плетеные браслеты на каркасе, найденные в могильнике (табл. 1). Браслеты этого типа очень сложны по изготовлению, образуют снаружи как бы бронзовую сетку с причудливым переплетением. Способ изготовления их весьма трудоемок, и, очевидно, шли они для продажи на внешнем рынке. Описываемые браслеты встречены в Куликовском, Кельгининском и Ефаевском могильниках (рис. 1, *10*).

Витые браслеты встречаются всевозможных разновидностей. Всего их найдено в памятниках мордвы VIII—XII вв. сорок два экземпляра (табл. 1). Отдельные типы витых браслетов доживают у мордвы до XVII в. При раскопках Старо-Яблоновского могильника XVI—XVII вв. было найдено два браслета, один из них плетеный. Следует думать, что отдельные экземпляры витых браслетов, сделанные наиболее грубо, являлись подражанием вятическим и могли быть изготовлены мордовскими ремесленниками. Центром изготовления витых браслетов были вятические ремесленные городища. Именно там их найдено наибольшее число.

В XII в. наибольший наплыв вятических вещей наблюдается в могильниках мордвы, расположенных по р. Парца, Виндрей и среднему течению р. Мокша. В женских погребениях этих памятников обнаружено большое количество вятических украшений. В одном только Кельгининском могильнике найдено 18 экземпляров витых браслетов, в Ефаевском — 14. Общее количество вятических перстней в Кельгининском, Ефаевском и Куликовском могильниках составляет 27 экземпляров (табл. 1).

Влияние вятичей мы наблюдаем и в более поздних и удаленных мордовских памятниках XIII—XIV вв., как, например, в Младшем Кужендеевском [22], Паньжинском [23], Старосотенском могильниках [24].

---

[21] Сведения об этой находке любезно сообщил А. П. Смирнов, за что автор выражает свою искреннюю признательность.

[22] М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша. Младший Кужендеевский могильник. Сб.: «Из древней и средневековой истории мордовского народа», Саранск, 1959, табл. 35, *15*.

[23] П. Д. Степанов. Паньжинский могильник. Там же, табл. 80—14, 18.

[24] А. Е. Алихова. Старосотенский могильник. Археологический сборник. I. Саранск, 1948.

Весь рассмотренный выше вятический материал приобретает особый интерес, если его сопоставить с обрядом захоронений. Как указывает А. В. Арциховский, «вятичи дольше всех племен сохранили обряд трупосожжения, и лишь в XII в. у них распространился общерусский обряд курганного трупоположения» [25]. Этот факт заслуживает пристального внимания, так как у мордвы мы наблюдаем следующую картину: из 1237 захоронений VIII—XII вв. 165 оказались с кремацией трупов. Эти захоронения, по нашему мнению, могут быть объяснены влиянием вятичей (табл. 2). В большинстве захоронений соблюден местный погребальный

Таблица 2

Характеристика захоронений в мордовских могильниках VIII—XIII вв.

Дата, века	Могильники	Всего исследовано захоронений	С трупосожжением	Подкурганные захоронения	Ориентация костяков: связываемые с русским обрядом: З	Ю-З	С-З	Ю	связываемые с мордовским обрядом: Ю-В	В	С-В	С	Скорченные захоронения	Неопределенное положение костяков
VIII—XI	Кузьминский	92	7	—	—	5	5	—	—	6	17	1	—	51
VIII—XI	Борковский	113	14	1	2	3	6	5	7	4	38	1	1	28
IX	Томниковский	58	9	—	5	1	1	16	2	1	—	3	—	20
VIII—XI	Крюковско-Кужновский	586	95	—	60	30	15	176	—	136	40	9	—	95
X—XI	Лядинский	143	16	4	—	—	—	81	4	1	2	3	—	32
X—XII	Елизавет-Михайловский	130	24 (5,5%)	—	3	—	—	10	—	—	—	—	—	—
XII	Пановский	14	—	—	1	1	1	—	11	—	—	—	—	—
XI—XIII	Куликовский	72	—	—	4	5	1	17	38	4	3	—	—	4
XI—XIII	Кельгининский	29	—	—	—	—	—	21	5	—	—	—	3	—
	Ефаевский	1237	165	5	75	48	29	326	67	152	100	17	4	230
	Итого:													

обряд, но встречаются погребения с трупоположением, в которых вещи носят не местный характер.

Перед нами достаточно отчетливо выступают элементы культурного заимствования. Могли ли аборигены воспринять чуждый им обряд захоронения в условиях кратковременного этнического контакта? Нам кажется, нет. Только при условии длительного и мирного сожительства мог протекать положительно процесс культурного взаимовлияния. Иначе вряд ли могла бы мордовка отказаться от своего традиционного погребального ритуала и к тому же еще положить в могилу «чужие» вещи.

В XII в. трупосожжение изживает себя. Отдельные случаи кремации трупа у мордвы еще наблюдаются в конце XII в. Так, в Пановском могильнике они составляют 5,5%. Позднее, как показывают материалы мордовских могильников, трупосожжение не встречается нигде. На смену кремации приходит старый погребальный обряд — трупоположение. Причем ориентировка покойника сохраняется в ряде случаев западная, характерная для приднепровских славян.

В целом наблюдается довольно интересная картина славянизации края вятичами, которой соответствовал и приток населения. Позднее, в Куликовском и Кельгининском могильниках, вещевые комплексы которых в большинстве случаев датируются XII—XIII вв., трупосожжение исчезает, но зато возрастает число захоронений с западной ориентировкой. В связи с этим следует согласиться с мнением А. П. Смирнова, рассматривавшего западную ориентировку некоторых погребений Крюковско-Кужновского могильника как результат славянизации края [26].

---

[25] А. В Арциховский. Основы археологии, стр. 228.

[26] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 154, 155.

Раскопки, проведенные в Старой Рязани, дали интересный материал, позволяющий определенно говорить о том, что Рязань как центр вятической земли возникла на месте древнемордовского поселения, очевидно являвшегося ремесленным центром. Находки в славянском слое городища заготовок для производства мордовских спиральных браслетов и перстней свидетельствуют о мирных связях мордвы с пришельцами [27]. «Первые вятические поселки в IX в. возникли на Рязанской земле, в среде этнически чуждой,— отмечал А. Л. Монгайт,— но, очевидно, сохранившей мирные отношения со славянами и, судя по все возрастающему проникновению славянских вещей, поддерживающей со славянами торговые связи» [28]. Этот вывод подтверждается археологическим материалом из древнемордовских памятников.

Следует заметить, что обряд кремации в мордовских могильниках возникает одновременно с появлением вятических вещей. Очевидно, такое совпадение не случайно. Эти два момента, следует сопоставить и признать в трупосожжениях влияние вятичей, проникших на территорию мордвы задолго до того, когда приднепровские славяне колонизовали районы верхней и средней Волги. Восприятие культурных элементов осуществлялось двумя путями: в результате браков и торговых связей между мордвой и вятичами.

Движение вятических поселенцев в VIII—IX вв. носило первоначально спорадический характер. Эти немногочисленные колонисты подготовили почву к окончательному освоению края. Последующие колонизационные волны вятичей оседали в гуще мордовских племен, и, осев на мордовских городищах, они в значительной степени ассимилировали аборигенов края. Из 75 вятических городищ, зарегистрированных по среднему течению р. Оки, в 25 оказался ранний мордовский культурный слой. На некоторых городищах вятичи поселились спустя несколько веков после того, как здесь прекратили жизнь мордовские племена. Таким образом, древние вятичи были первыми представителями славянских племен на реках Цна, Вад, Парца и средней Оке. Позже, когда процесс феодализации у славян зашел далеко вперед, русские князья явились в мордовские земли в роли колонизаторов. Захватывая древние мордовские поселения, они восстанавливали заново систему оборонительных укреплений, которые стали опорными пунктами захвата мордовских земель. С XII в. начинается новый период в истории колонизации древнемордовских земель — феодально-княжеский.

При рассмотрении вятиче-мордовских культурных связей естественно возникает вопрос: оказала ли какое-нибудь влияние мордва на соседние племена? На такой вопрос археологический материал отвечает положительно.

С выходом мордвы на историческую арену она не была изолированным народом. Наоборот, ее территория довольно близко подходила к важнейшим торговым путям. О ранних культурных связях мордвы со славянами говорит фраза из известного рассказа Ибн Фадлана о похоронах Руса: «она сняла два ножных кольца». Ножные бронзовые украшения во всей Восточной Европе носила только мордва [29]. Для XI—XII вв., когда хозяйство мордвы сделало значительные успехи, список предметов мордовского ремесла расширился. Среди ремесленных изделий появились не только ножные бронзовые украшения, но и различного вида застежки-сюльгамы, спиральные бронзовые перстни, спиральные браслеты, трапецевидные привесочки и другие ажурные проволочные украшения.

Среди народов Средней Волги вятичи больше других были заинтересо-

---

[27] А. Л. Монгайт. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953, стр. 186, рис. 16.

[28] А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 85, 86.

[29] Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. ИКДР, М., 1948, стр. 321.

ваны в связях с мордвой и в получении ее местных товаров. Поэтому с ними и были установлены наиболее ранние связи.

Особое внимание привлекают трапецевидные привески с отверстиями в верхней части (рис. 2, *4*, *5*), найденные на верхнеокских памятниках [30]. Такой тип привесок входит как необходимый элемент в состав шейных украшений мордвы. При раскопках вятических курганов близ Бисерово и Вишняково на р. Клязьме С. К. Богоявленским были найдены бронзовые застежки-сюльгамы и ажурные пряжки с подвешенными к ним снизу

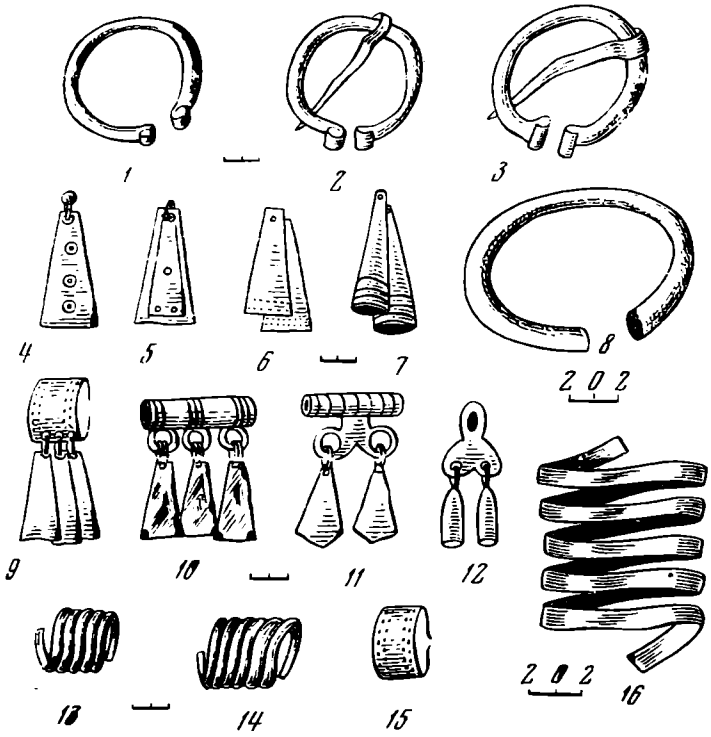


Рис. 2. Мордовские украшения из вятических могильников

бутылочнообразными привесочками (рис. 2, *1*, *12*). Подобные вещи весьма характерны для мордвы. У с. Елизарово б. Волоколамского уезда Ю. В. Готье в 1900 г. раскопал вятический памятник, в вещевом комплексе которого были найдены трапецевидные привески [31]. В б. Можайском уезде у с. Воскресенка, на территории Тушкова городища был найден многоспиральный пластинчатый браслет [32] (рис. 2, *16*). У с. Чернево Московской области А. Я. Поляковым был раскопан вятический курган, в котором наряду с типичными вятическими семилопастными кольцами находилась бронзовая сюльгама [33], очень напоминающая мордовский тип застежек. Точно такую же застежку-сюльгаму обнаружил П. А. Дмитриев при раскопках им вятических курганов у с. Битяково б. Подольского уезда [34]. Здесь среди вятических вещей находились типичные мордовские привески (рис. 2, *10*). В 1939 г. был раскопан вятический курган близ с. Черемушки [35]. В круг. № 2, где костяк был ориентирован головой на юго-запад (положение костяка тяготеет к мокшанской южной ориентировке), был найден комплекс славянских вещей, среди которых находились семилопастные кольца и бронзовый спиральный перстень, характерный для мордовской культуры (рис. 2, *14*).

[30] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959, стр. 82.

[31] ГИМ, инв. № 44738.

[32] ГИМ, инв. № 44738.

[33] ГИМ, инв. № 54746.

[34] ГИМ, инв. № 46607.

[35] И. В. Савков. Курганы с. Черемушки. Сборник научных студенческих работ. 11, М., 1940, стр. 65, 66.

Особый интерес представляют материалы раскопок городища Старая Рязань. Среди вещей, относящихся к славянскому слою XI—XII вв., на этом памятнике обнаружены бронзовые сюльгамы-застежки, пронизки, трапецевидные привески, пряжки и другие мордовские вещи (рис. 2, *3, 9, 11, 15*). На этом городище были найдены и другие изделия, аналогичные мордовским. Открытая в 1950 г. землянка ремесленника дала литейные формы для изготовления шумящих привесок и накосников, широко бытовавших у мордвы вплоть до XII в.

Подобную же картину мы наблюдаем на раскопках Казарского городища, расположенного в Солотченском районе Рязанской обл. Нижний и средний слой городища датируется I—X вв. Из мордовских вещей, найденных в нижнем слое, следует отметить трапециевидные привески, входящие в состав более сложных украшений (рис. 2, *4, 5*) [36].

В некоторых вятических курганах встречаются вещи, сходные с мордовскими этого же периода. Так, анализируя вещевой материал вятичей А. В. Арциховский отметил наличие толстоконечных браслетов (рис. 2, *8*). Они определены автором как вятические древности. Эти браслеты продолжительное время бытовали у мордвы. В Кошибеевском могильнике они обнаружены в 14 захоронениях [37]. Что касается вятичей, то такой тип браслетов был найден один раз в б. Московском уезде. По нашему мнению, толстоконечные браслеты эволюционно развивались из кованых браслетов, концы у которых первоначально напоминали шляпку гвоздя. В процессе своего развития они принимали различные формы, достигнув наиболее законченной, представленной в могильниках Лядинском [38], Борковском [39], Кузьминском [40], у пос. Заря [41] и Волчиха [42].

Таким образом, имеются основания полагать, что и мордва в свою очередь оказала влияние на культуру вятичей. Это влияние, разумеется, было не столь сильным, что объясняется целым рядом причин политического и экономического характера.

Отгороженная от остальной части России непроходимыми лесами и болотами мордва вела преимущественно торговлю с ближайшими соседями — вятичами и Волжской Булгарией. Основными речными путями, по которым шла торговля с западным соседом, служили Ока и ее многочисленные притоки. В ту эпоху мордва, видимо, широко использовала реки Мокшу, Вад, Парцу. На Оку к рязанским вятичам, как отмечал Д. Ходоковский, можно было попасть, используя р. Цну [43]. К концу X в. особенно видную роль в сообщении мордвы с вятичами получил путь Цна — Мокша — среднее течение Оки — р. Москва. К мордве можно было попасть по рекам Яузе, Всходне, по Уче и Клязьме [44]. Торговые пути стали впоследствии теми дорогами, по которым двинулись волны русских вольных поселенцев, убегавших от неограниченного произвола и феодального гнета. Многочисленные ответвления Оки являлись превосходными путями сообщения не только с другими областями, но и в пределах ее бассейна; они сближали вятичей с народами и племенами, обитавшими по Волге, Каме, Вятке. Помимо речных путей, существовали и сухопутные, по которым шел оживленный торговый обмен.

---

[36] А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 62, рис. 28, *8, 9, 10, 11.*

[37] Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941, табл. VII, *4.*

[38] Там же, табл. II, *1.*

[39] Там же, табл. XXIII, *7.*

[40] Там же, табл. XXIII, *8.*

[41] М. Ф. Жиганов. К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э. СА, 1961, 4, рис. 3, *45.*

[42] Могильник «Волчиха». Погр. № 16, 20. Раскопки М. Ф. Жиганова. Коллекция хранится в Республиканском краеведческом музее гор. Саранска.

[43] Д. Ходаковский. Пути сообщения в древней Руси. «Исторический сборник», I, 1, М., 1837, стр. 1—7.

[44] Ю. Евгеньев. Повесть о Москва-реке. М., 1964, стр. 19.

В XIII в. на территории вятичей образовался ряд княжеств, в том числе Московское. К началу XIV в. исчезло и само название «вятичи».

Отношения мордвы с вятичами на протяжении почти пяти столетий носили мирный характер. Итогом культурного общения явилось развитие производительных сил у мордвы, специализация ремесла, появление целого ряда усовершенствованных орудий, ранее неизвестных. Мордва в культурном отношении шла почти в ногу со своими соседями, и в частности с вятичами. Ни у мордвы, ни у вятичей не прослеживается сколько-нибудь существенных различий в уровне культуры.

Встреча вятичей с аборигенами края не повлекла за собой упорной борьбы, не повела к развитию этнографического антагонизма. Результатом этой встречи оказалось взаимное культурное проникновение, нашедшее отражение в погребальном обряде, а также в наборе украшений.

М. А. ИЛЬИН

О ЕДИНСТВЕ ДОМОНГОЛЬСКОГО РУССКОГО ЗОДЧЕСТВА

Периодизация истории древнерусского каменного зодчества, принятая ныне в нашей науке, предусматривает три основных раздела: 1) эпоха Киевской Руси, 2) эпоха феодальной раздробленности и 3) эпоха русского централизованного государства. Считается, что если во времена Киевского государства каменное зодчество было более или менее единым, местные особенности лишь намечались, то в последующий период, т. е. с XII по XV в. русская архитектура как бы распалась на ряд самостоятельных областных «школ» и лишь с образованием единого русского государства, т. е. с конца XV в., русское зодчество обретает единые для всей страны характерные черты. Местные различия если и существуют, то их отличительные особенности уже не столь существенны.

Подобная периодизация отвечает действительности, опираясь на изученные памятники, социально-экономическую и политическую историю страны. Вместе с тем в этой периодизации существует один элемент, беспокоящий, если так можно сказать, наших историков искусства. Он заключается в следующем. За последние годы в литературе, посвященной древнерусскому зодчеству, было уделено большое внимание его национальным особенностям. Даже тогда, когда рассматривались только киевские храмы, как Десятинная церковь или собор Софии, построенные византийскими мастерами, то в первую очередь говорилось об отличающих их от византийской архитектуры чертах.

В эпоху феодальной раздробленности эти отличительные элементы необычайно усилились, что привело к образованию местных архитектурных «школ», наделенных яркими и своеобразными чертами. Зодчество Владимир-Суздаля, Рязани, Смоленска, Новгорода стало рассматриваться даже несколько обособленно друг от друга тем более, что каждая «школа» претерпела то или иное самостоятельное развитие. Подобный характер рассмотрения областных «школ» древнерусского зодчества за период с XII по XV в. привел к негласной точке зрения об их разобщенности и обособленности. Достаточно, скажем, было сопоставить такие почти одновременные памятники, как Дмитровский собор во Владимире и церковь Спаса на Нередице, как их отличительные особенности становились особенно яркими.

Именно благодаря этим особенностям в литературе указывалось на быстроту освоения феодальными центрами киевского наследия, на его оригинальное претворение в соответствии с местными условиями и вкусами того или иного княжества. Отдельно подчеркивалось то, что Новгород и Псков, избежавшие татарского разгрома и порабощения, продолжали идти самостоятельным путем, на который они встали еще в XII в. Черты их своеобразия были особенно яркими [1].

Однако логика подобной точки зрения на развитие древнерусского ис-

[1] История русского искусства. II, М., 1954, стр. 381 и 383.

кусства и в особенности его зодчества, вопреки желанию авторов, приводила к тому, что его национальное своеобразие и отличительные черты утрачивали ясность. Поэтому естественно возникали вопросы: в чем же именно заключается тогда национальное своеобразие русской архитектуры этого времени; где его искать — во Владимире или в Новгороде, Смоленске или другом феодальном центре; какая же из областных школ архитектуры более русская? и т. д.

Правда, в столь «обнаженном» виде подобные вопросы на страницах научной печати не ставились, но о них невольно думали, их все же имели в виду, когда говорили о памятниках этого времени. Авторы как бы спохватывались, что они зашли слишком далеко в своих рассуждениях о своеобразии местных «школ», а потому тут же добавляли, что при всех их различиях они имели и много общих черт, обусловленных общностью исторических условий периода феодальной раздробленности [2].

Эти попытки сочетать «отличия» и «единство» на деле привели к своего рода коллекционированию верных, но частных наблюдений. Так, к признакам, объединяющим областные архитектурные «школы», были отнесены четвертные своды, трехлопастные арки, пучковые пилястры, притворы и т. п. Вместе с тем как бы ни были близки друг к другу и обильны эти детали и приемы, они все же не могли создать подлинного единства архитектуры. Количество не переходило в качество. К тому же следует иметь в виду, что даже на основе одинаковых планов можно возвести совершенно различные здания. Поэтому архитектурные детали и приемы, как бы ни были они родственны между собой, не могут играть приписываемой им роли. Достаточно назвать как пример килевидную арку, применявшуюся и в западноевропейской готике, и в русской архитектуре средневековья. Тем не менее мы вряд ли будем склонны утверждать единство обеих архитектур, несмотря на наличие в их произведениях названной формы. Подобный же подход в определении единства, преемственности и даже зависимости сказался на характеристике раннемосковского зодчества, якобы почти полностью зависящего от Владимиро-Суздальской архитектуры, что вряд ли можно считать верным.

В поисках признаков единства древнерусского зодчества эпохи феодальной раздробленности родилась мысль о ведущей роли в этом процессе деревянного зодчества. Известно, что взаимоотношения дерева и камня в древнерусском зодчестве, даже вплоть до архитектуры послепетровского времени, следует считать почти что извечной исследовательской темой. Не отрицая роли дерева в формировании каменных форм, я все же считаю, что глубоко был прав Ф. Горностаев, писавший полвека назад: «Первые деревянные церкви, появившиеся еще до каменных, могли быть срублены иначе, ибо не было еще образцов, к которым местные плотники должны были приноровиться... С появлением каменных храмов плотники получили образцы, которым могли следовать, и, естественно, с этого времени они начали воспроизводить в дереве те из каменных форм, которые поддавались хотя бы приблизительному воспроизведению» [3]. Эта верная мысль нашла весомое подтверждение в наши дни в интереснейшем докладе П. Н. Максимова на сессии, посвященной 200-летию Преображенской церкви в Кижах (1964). П. М. Максимов с большой убедительностью показал общность архитектурно-художественных композиционных и декоративных приемов каменного и деревянного зодчества XVI—XVII вв. Следовательно, если говорить о единстве в древнерусском зодчестве эпохи феодальной раздробленности, а о нем нужно говорить, то суждения в этой области должны основываться не на внешних признаках, а на более существенных архитектурных элементах.

---

[2] Там же, стр. 381.

[3] И. Грабарь. История русского искусства. I, б. г., стр. 333—346.

* * *

Для определения «различий» или «единства» архитектуры в первую очередь следует обратить внимание на систему построения архитектурного пространства и объемов.

Вряд ли можно думать, что наши далекие предки не понимали и не чувствовали архитектурного пространства. Все древнерусское зодчество от его первых памятников и кончая произведениями «московского барокко» — яркий пример великолепного понимания места и положения здания в пространстве. Но когда мы переходим к внутреннему архитектурному пространству, то перед нами возникает совершенно иная картина. Наши летописи всего лишь дважды отметили остро почувствованное современниками внутреннее архитектурное пространство. В первый раз об этом сказано в рассказе летописи о выборе веры. Послы князя Владимира, попав в храм Софии в Константинополе, «идеже служать Богу... и не свемы на небеси ли есьмь были или на земле. Несть бо на земли такого вида или красоты такоя...». Впечатление от внутреннего архитектурного пространства Софии было настолько сильным и захватывающим, что послы пришли к выводу, что именно тут «...Бог с человеки пребываеть»[4]. Подобное могло быть сказано только потому, что архитектура собора Софии Константинопольской, как и византийская архитектура в целом, есть архитектура тонко разработанного и необычайно воздействующего на человека внутреннего пространства. Второй раз о внутреннем архитектурном пространстве было упомянуто в летописи в связи с завершением московского Успенского собора. Летописец, перечисляя его высокие архитектурные качества, отметил «звонность» его внутреннего пространства. Вновь русского человека поразило то свойство архитектуры, которое, как увидим ниже, не находило должного развития в русском зодчестве.

Мы много и охотно говорим о переработке русскими мастерами византийской крестовокупольной системы храма, обычно указывая на отказ от подпружных арок и на введение ступенчатых арок, подымающихся к центральному куполу. Как бы ни была важна эта переработка, она все же была лишь частностью в процессе существенного изменения внутренней структуры храма. Внутренняя пространственность — это сильнейшее воздействующее свойство византийской архитектуры — была не столько переработана, сколько почти полностью исключена из арсенала творчества русского зодчего. Изменение внутреннего пространственного построения русских храмов наметилось очень рано. Его легко заметить, сопоставив Софию Киевскую с Софией Новгородской. Нам трудно сейчас достаточно полно представить себе, что ощущал, что чувствовал рядовой киевлянин столь отдаленной от нас эпохи, когда он попадал из своего низкого жилища — полуземлянки в грандиозный кафедральный собор столицы Киевского государства. Однако можно с уверенностью сказать, что он несомненно был захвачен видом центральной части храма. Ее воздействие было тем более сильным, что ей предшествовали относительно невысокие, темноватые галереи. Миновав их, он должен был безусловно остановиться, пораженный внезапно раскрывшимся перед ним огромным, торжественным и величественным пространственным объемом, сформированным плоскостями и линиями стен, плавно изгибающихся арок и сводов. Криволинейным очертаниям последних вторила грандиозная поверхность алтарной конхи, словно выгнутой невидимой сплой внутреннего действенного пространства. Вместе с тем ее изгибающиеся навстречу вошедшему стены словно стремились обнять, охватить, заключить его в свои могучие объятия. «Нейтральный» золотой фон мозаик погашал желание рассматривать оболочку внутреннего пространственного объема как некую материальную среду, призванную его ограничивать, служить преградой между

[4] Ипатьевская летопись под 987 г. ПСРЛ, II.

внутренним и внешним миром. Пространственность храма усиливалась еще и потому, что за пролетами арок, в проемах между крещатыми столбами, глаз легко улавливал находящееся за ними архитектурное пространство обширных хор. Оно служило как бы продолжением центральной части и могло быть уподоблено замирающему аккорду пространственного хорала собора. Вследствие такого построения Софии Киевской она производила и производит огромное впечатление, завладевает сознанием человека, надолго западает в память.

Высокие пространственные свойства киевского собора, его «пространственное видение» было достигнуто благодаря тому, что взгляд охватывал его открытую центральную часть почти целиком. Иными словами, угол ее обозрения почти совпадал с человеческим углом зрения, как известно, равным 35—36°. Кстати, уничтожение одного звена, хор в центре западной части храма, возможно, было продиктовано желанием шире раскрыть вид на алтарь и на весь храм в целом. Оно улучшило восприятие внутреннего пространства собора. Однако основной прием, позволявший охватить взглядом значительную часть центра собора, заключался в соотношении ширины центрального нефа — диаметра главы к максимальной высоте (от уровня пола до замка свода центральной главы). В Софии Киевской эти соотношения обобщенно выглядят так 1 : 3,75. Конечно, не меньшую роль играл общий достаточно большой масштаб здания.

В Софии Новгородской, композиционное построение которой близко к киевскому храму, как будто сохраняется то же качество. Внутренний пространственный объем воспринимается достаточно легко. Однако следует отметить, что его восприятие основывается не на действительной архитектурной пространственности, а скорее на общей величине здания. Глаз не столько улавливает торжественность и величавый ритм пространственных объемов и членений, сколько закрепляет в сознании возросшую силу и материальность пилонов, столбов, стен, арок и сводов. Эти изменения произошли из-за увеличившегося угла зрения. Глаз уже не может охватить пространственное построение собора, даже его основную центральную часть. Многие элементы пространственного построения по существу выпадают из поля зрения, а выпадая, они так или иначе умаляют внутреннюю пространственность собора. Показателем происшедших изменений во внутренней структуре новгородского собора являются упомянутые выше соотношения между диаметром центральной главы и высотой собора. Здесь, в соборе Софии Новгородской, они уже равны 1 : 5.

Какими бы высокими качествами ни обладала внутренняя архитектурная пространственность византийских храмов, какой бы ни была она впечатляющей, надо откровенно сказать, что она не нашла признания и отражения в творчестве русских зодчих. Во всяком случае, именно эта сторона византийской архитектуры претерпела существеннейшие изменения уже в первых произведениях, построенных после Софии Новгородской.

Переработка пространственной системы крестовокупольного храма, отчетливо наметившаяся в главном новгородском соборе, обрела еще большую силу в соборе Юрьева монастыря. Большую роль в этом процессе сыграл переход от пятинефного плана к трехнефному при сохранении общей продольной ориентации здания, благодаря применению шести столбов. Однако видимые за ними стены как бы «сдавили» внутреннее пространство, заставили его с силой устремиться вверх, а не вширь. Этому же способствовало соотношение ширины центрального нефа к его максимальной высоте, равное 1 : (5—5,5). Общие большие размеры здания позволили сохранить чувство внутренней пространственности, ощутимой даже и сейчас при нарощенных в XIX в. крещатых столбах. Первоначально она, естественно, должна была ощущаться сильнее.

Высокое совершенство собора Юрьева монастыря было достигнуто благодаря гармоническому соотношению между его общей внешней формой и внутренней архитектурной пространственностью. С последней, в свою

очередь, была согласована материальность столбов-опор и стен, прорезанных проемами высоких узких окон. Внутренняя архитектурная пространственность монастырского собора сильнейшим образом отличается от пространственности Софии Киевской. Взамен торжественно величавого, все охватывающего пространства последней, здесь, на берегу Волхова, с большей силой сказывается нарастание динамического начала. Спокойствие и мерность пространственных ритмов заменяются напряженностью. Однако ни она, ни сами огромные размеры здания, ни бег неудержимых гигантских линий, устремленных ввысь к сводам, не подавляют человека. Наоборот, он черпал здесь, в этой динамике форм и объемов, силы, подымавшие его духовное «я» для борьбы с суровой и жесткой действительностью тогдашней жизни.

Переход в XII в. к четырехстолбному типу крестовокупольного храма, с одновременным уменьшением его реальных размеров, еще сильнее сказался на изменении внутреннего архитектурного пространства. Забегая вперед, можно даже сказать, что внутренняя пространственность как определенная и высокая архитектурная категория не столько игнорируется, сколько изживает себя. Этот процесс, как увидим ниже, стоит в зависимости и от понимания самого организма храма, и от его уменьшившегося размера (вернее площади), и от увеличившихся вышеназванных пропорциональных соотношений. Изменение последних в особенности знаменательно. Уже к середине XII в. эти соотношения стали заметно отличаться от практики начала столетия. Так, собор Спаса-Ефросиньева монастыря в Полоцке 1156 г. имел соотношение 1 : 7,5; церковь Покрова на Нерли 1165 г. — 1 : 6; Свирская церковь Михаила Архангела в Смоленске 1191—1194 гг.— 1 : 7; Пятницкая церковь в Чернигове рубежа XII—XIII вв.— 1 : 6,2; церковь Перынского скита начала XIII в. 1 : 5,5; церковь Николы на Липне 1292 г.— 1 : 5,5. Иными словами, внутренняя архитектурная пространственность если и развивалась, то не вширь, а лишь ввысь.

Из этого перечня видно, что процесс роста, вытягивания вверх внутреннего архитектурного пространства, наметившийся с собора Софии Новгородской, стал в XII—XIII вв. повсеместным, захватив в свою орбиту северо-восточные, северо-западные и центральные области древней Руси — Владимиро-Суздальское, Смоленское и даже Черниговское княжества, не говоря о самом Новгороде. Однако следует тут же оговориться, что параллельно продолжали существовать храмы с более умеренными соотношениями, колебавшимися от 1 : 3,5 и до 1 : 4 или 1 : 4,5. В своем большинстве они относятся к южной группе памятников, встречаясь в качестве исключения в названных выше областях (например, собор Мирожского монастыря в Пскове, построенного по образцу храмов Херсонеса).

К чему же привел рост этих соотношений? Если глаз охватывал внутреннее пространство Новгородской Софии уже с известным трудом, если восприятие внутреннего облика — пространства собора Юрьева монастыря было относительно возможным лишь с одной точки — со стороны его западного входа, то в перечисленной группе храмов XII—XIII вв. вследствие отсутствия пространственной глубины и значительного уменьшения площади зданий обозреть, почувствовать, воспринять внутреннее пространство по существу становилось почти невозможным. Лишь сильно закинув голову, мы удивляемся высоте зданий и стремительности подъема ввысь архитектурных форм и их линий — опор, арок, сводов, но не пространству как таковому.

Нетрудно заметить, что сами архитектурные материальные формы — элементы здания — предстают перед нами в совершенно ином виде, чем это имело место первоначально — в Софии Киевской. Там перспективный разворот опор, лопаток, арок был сравнительно невелик. Внутренний пространственный объем собора — его ширина, глубина и высота — были таковы, что материальность отдельных архитектурных форм сильно скрадывалась. Они выглядели порой плоскостными, чуть ли не лишенными объем-

ности, что во многом объясняется известной дальностью точек зрения. Видная же и ощущаемая трехмерность не бросалась в глаза. Объемными воспринимались не столько архитектурные формы, сколько пространство собора.

В XII в. же благодаря отмеченным изменениям внутреннее архитектурное пространство храмов и их материальные элементы как бы обменялись местами. Стены, опоры, лопатки, своды и арки сильнейшим образом придвинулись к вошедшему в храм человеку, они оказались рядом с ним, они обступили его со всех сторон так, что он увидел себя окруженным не пространством, а материальными архитектурными формами. Он их видел в первую очередь, они теперь играли основную роль внутри здания, их материальная масса, весомость, зримость, плотность становились основными определяющими элементами, в первую очередь воздействующими на сознание. А зажатое со всех сторон пространство как бы перестало существовать, оно больше не ощущалось, а если его и можно было усмотреть, то только устремив взор вверх, к аркам, поднимавшимся к световой главе. Однако и здесь перспективно сильно сдвинутые своды и арки утверждали примат материальных форм, а не воздушность и «глубокое дыхание» архитектурного пространства.

Именно благодаря этим новым общим свойствам архитектуры русского храма XII—XIII вв.— трактовке и построению их внутреннего облика можно говорить о близком родстве между такими разными по внешнему виду памятниками, как церковь Покрова на Нерли и храм Перынского скита близ Юрьева монастыря.

Принципиальная общность и единство построения и понимания внутреннего облика русского храма этой поры находит себе поддержку в постройке во второй половине XII в. серии пятинефных храмов соборного типа. Таковы соборы Старого Галича около 1157 г., Благовещения в Чернигове 1183—1186 гг. и Успения во Владимире 1185—1189 гг. Построенные в самостоятельных удельных центрах они, при всем безусловно существовавшем отличии друг от друга, стремились к определенному единству, повторяя композиционную схему пятинефных храмов древнего Киева.

* * *

Отказ от внутренней пространственности византийской архитектуры привел к примату внешнего архитектурного объема и его декоративной разработки. Если храм внутри отдавался в руки фрескистов и иконописцев, то зодчему и работавшим под его руководством каменщикам, резчикам по камню и керамистам предоставлялись внешние стены храма. Зодчий усложнял объем, усиливал декоративные свойства его деталей. Этот процесс усиливался с уменьшением площади храма, в котором могли разместиться далеко не все пришедшие сюда. Мы можем не сомневаться в том, что одобрение и признание получили те зодчие, которые с наибольшей полнотой проявили свой талант именно в этой области — во внешней архитектуре храма. Его внешний облик ценился в первую очередь, о чем красноречиво говорит Московский летописный свод под 1479 г. Отметив высокие архитектурные свойства новопостроенного Успенского собора, летописец выделил то его качество, которое, по его мнению, было основным: «яко един камень». Хотя эти слова относятся уже к концу XV в., тем не менее они ярко характеризуют отношения русского человека к архитектуре — его оценку качества и свойств храма. Подобное отношение к организму храма охватывает все областные «школы» эпохи феодальной раздробленности. Его легко проследить в памятниках Владимира, Смоленска, Новгорода и ранней Москвы.

Естественно также, что новое понимание архитектуры храма существенно изменило отношение к нему как к архитектурному объекту. Если София Киевская, нет сомнения, провлекла к себе внимание в первую оче-

редь своим внутренним обликом, то в Софии Новгородской и особенно в соборе Юрьева монастыря устанавливается своеобразное равновесие между их внутренним и внешним видом.

Внутренней пространственности отвечает соответствующая внешняя архитектурная форма, хотя уже тут можно отметить отдельные черты приоритета последней. С середины же XII в. внешний объем здания — архитектурная форма храма — становится ведущей. Благодаря этому можно сказать, что храм из места моления как бы превращается в объект поклонения как «дом Бога» (вспомним привычку религиозных людей креститься на храм).

Развитие отмеченных свойств русского каменного храма эпохи феодальной раздробленности — его внутреннего пространства и внешнего объема — находят свое завершение в XVI в. в памятниках шатрового зодчества. Собор Василия Блаженного стал кульминационной точкой этого пути. Однако тут нас интересует не столько путь развития, сколько генезис подобного восприятия архитектуры храма.

Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к языческой архитектуре древних славян. Правда, мы очень мало знаем о ней. Тем не менее, если вспомнить об известном языческом храме Арконы, о языческих континах западных славян, о раскопках языческих святилищ на территории славянских племен Восточной Европы, то можно утверждать, что их внешняя форма играла первенствующую роль, будучи усилена декоративными элементами. Все эти сооружения были рассчитаны в первую очередь на внешнее их восприятие. Они приковывали к себе основное внимание, становясь объектом поклонения[5], в то время как внутри святилища были местом хранения священных реликвий и священнодействий лишь одних жрецов.

Можно думать, что введение на Руси христианства не изменило отношение к сакральному сооружению. Именно по этой причине внутренняя пространственность византийского храма, взятого за образец, утратила свои свойства, в то время как внимание к внешней архитектурной форме сильнейшим образом возросло. Иными словами, в XII в. наши предки как бы вернулись к древнему пониманию архитектуры культового сооружения. Правда, христианский храм был рассчитан уже на внутреннее богослужение, он стал доступнее для рядовых прихожан, но все же в его архитектуре продолжала сказываться идея, восходящая к глубокой древности — идея храма как объекта поклонения, как местопребывание божества. Подобное отношение к храму и определило известную безучастность и равнодушие зодчих к разработке внутреннего пространства и, наоборот, их повышенное внимание к внешней архитектурной форме. Последняя, как конкретная материальность, была ближе практическому мышлению русского человека эпохи средневековья, нежели достаточно абстрактное, скорее ощущаемое, нежели видимое, внутреннее пространство храма, отвечавшее абстрактному пониманию божества византийскими схоластами и мистиками.

Говоря об архитектурном единстве эпохи феодальной раздробленности, я не стремлюсь снизить роль отличающих признаков областных «школ». Обычно эти особенности рассматриваются как отражение местных художественных вкусов. Однако ограничиваться лишь этим объяснением невозможно, поскольку по существу оно ничего не объясняет. Хорошо известно, что при политической раздробленности русских земель этого времени народ хорошо осознавал свое национальное единство, что запечатлено во многих литературных источниках. Поэтому проблемы возникновения и развития местных «школ» — проблема трудная, далеко не решенная, еще ждущая своего исследования.

---

[5] История Русского искусства. I, М., 1953, стр. 87 сл.

В своей известной статье «У истоков русского национального зодчества»[6] Н. Н. Воронин показал разработку одной архитектурной темы, владевшей умами зодчих несколько веков. На этом примере им была раскрыта общерусская основа их творчества. Приведенные выше наблюдения посвящены этой же проблеме, но последняя рассмотрена с несколько иной точки зрения, что позволило дополнить наши представления об эпохе, когда в отдельных центрах Русской земли развертывалась деятельность ее талантливых зодчих. Они создавали оригинальные произведения, но связанные друг с другом теснейшими узами единых в своей основе представлений.

---

[6] Ежегодник Института истории искусств. М., 1952, стр. 257—316.

Н. М. БУЛАТОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ КАШИННОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ

(По материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ)

В данной работе мы рассматриваем один из наиболее многочисленных отделов поливной керамики золотоордынских городов — керамику из кашинного теста. Основная масса кашинной керамики в золотоордынских городах производилась на месте. Об этом говорят и употребление различных вариантов полив для их покрытия, и наличие бракованных изделий, и, наконец, существование керамических мастерских по производству этой керамики (например, городище Селитренное). Типы, формы и расцветка кашинных изделий довольно строго выдерживались мастерами-керамистами в разных золотоордынских городах, хотя и добивались они этого различной технологией варки стекол и изготовления кашина, используя в каждом конкретном случае доступное им сырье.

Вопрос о классификации золотоордынской поливной керамики неоднократно поднимался в разное время исследователями. Один из первых классификаторов золотоордынской керамики К. Н. Папа-Афанасопуло выделила три группы, но эта классификация отличается большим схематизмом. К. Н. Папа-Афанасопуло пропустила много типов, встречающихся в золотоордынских городах [1]. Другой работой, посвященной керамике, является статья А. Ю. Якубовского «Хорезм в керамике Сарая», в которой автор высказывал мысль о влиянии на сложение золотоордынского керамического производства хорезмских мастеров, переселенных Джучидами в Золотую Орду. Эту мысль А. Ю. Якубовский проводил и в ряде других своих работ [2]. А. Ю. Якубовский насчитал пять керамических типов, общих гончарному ремеслу Сарая-Берке и Хорезма. Причем первые три группы охарактеризованы им как сделанные из пористого бело-серого теста, т. е. кашина.

Нужно сказать, что цвет кашина в золотоордынских городах Поволжья и Кавказа может иметь самые различные оттенки. Кашин бело-серого цвета, встречающийся как на городищах Хорезма, так и Поволжья, все же более типичен для поливной керамики Хорезма. Для кашинных изделий с городищ Селитренное и Царевское более характерен красноватый оттенок, получающийся в результате добавления в состав теста мелко дробленой красноглиняной керамики. Кашинные сосуды с городищ Маджарское и Азак имеют в изломе чаще желтоватый цвет. Тот или иной цветовой оттенок кашина в золотоордынских городах, на наш взгляд, может указывать на место его производства и зависит от наличия того или иного вида производственного сырья.

К группам поливной керамики, выделенным А. Ю. Якубовским и об-

---

[1] К. Н. Папа-Афанасопуло. Золотоордынская керамика. Уч. зап. СГУ, III. 3, Саратов, 1925.

[2] А. Ю. Якубовский. Столица Золотой Орды — Сарай-Берке. Л., 1932.

щим для Сарая-Берке и Ургенча, Б. Б. Жиромский добавил шестую группу керамических изделий, тоже кашинных с кобальтовой ультрамариновой поливой по внешней стороне и бирюзовой поливой на внутренней[3]. Схема А. Ю. Якубовского не представляла собой полной классификации поливной керамики Золотой Орды или Хорезма. Это было только выделение общих групп керамики, характерных для обеих этих областей. О сходстве хорезмийской и золотоордынской поливной керамики писала и Э. К. Кверфельд. Хорезмийские типы в керамике Сарая-Берке она считала привозными[4]. Ею было отмечено наличие в материале из Сарая-Берке (в коллекциях Терещенко) также люстровых сосудов, сосудов с росписью «минаи» и китайской керамики из фарфора и селадона. И лишь некоторые виды поливной керамики (в основном красноглиняной) Э. К. Кверфельд считала возможным отнести к местному, сарайскому производству. Ф. В. Баллод[5] также пытался дать классификацию золотоордынской поливной керамики. Однако рассматривать его художественные описания в качестве научной систематизации трудно.

Особый интерес представляет работа Н. Н. Вактурской, в которой подверглась изучению и классификации хорезмийская поливная керамика[6]. В ее классификационной схеме нас в первую очередь интересует керамика XII—XIX вв., среди которой имеются общие с Золотой Ордой типы. Сосуды она делит по поливе на свинцовые, поташные и оловянные, с более дробной классификацией по цвету глазурей и по характеру росписи сосудов. Кашинные сосуды подразделяются на сосуды с поташной поливой (1 — сосуды с бесцветной поливой и двухцветной зеленовато-черной и синей росписью, 2 — с бирюзовой поливой и черной подглазурной росписью, 3 — с синей поливой и черной росписью) и сосуды с оловянной поливой (1 — с молочно-белой поливой, 2 — бирюзовой, 3 — синей, 4 — зеленой). Классификация Н. Н. Вактурской особенно важна, так как ее объект наиболее близок разбираемой нами поливной керамике. Нужно сказать, что основная идея этой классификации, т. е. выделение групп сначала по тесту (кашин — глина — селадон — фарфор), затем по составу поливы, а затем по цвету и характеру росписи, может быть принята как наиболее верная.

Однако не нарушая основной принцип классификации поливной керамики, принятой Н. Н. Вактурской, мы считаем необходимым после выделения изделий по тесту ввести в качестве последующих ступеней классификации такие определения, как прозрачность или непрозрачность поливы, их цвет, и уже только внутри этих цветовых групп разбирать их состав по данным спектрального анализа. Такой выбор классификации для золотоордынской поливной керамики вообще и для кашинной, в частности, объясняется тем, что прозрачность или отсутствие ее в поливах четко определяет только один фактор — наличие или отсутствие в составе стекла глушителя — окиси олова. Последующее подразделение всех кашинных изделий по цвету дает возможность избежать повторения в описании тех или иных сосудов, которое было бы неминуемо, если бы следующая ступень классификации определялась составом поливы, так как один и тот же основной состав стекла встречается в поливах разного типа (см. табл. 1). По этой же причине состав поливы вообще не может служить в качестве единицы классификации поливной керамики и является скорее определителем уровня развития керамического ремесла и истоков его в тех или иных золотоордынских городах. Хотя, разумеется,

---

[3] Б. Б. Жиромский. Ага-базар. МИА, 42, 1954, стр. 334.

[4] Э. К. Кверфельд. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, стр. 86—90.

[5] Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды. Казань, 323; его же. Приволжские Помпеи. М.— Пг., 1923.

[6] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Тр. ХЭ, IV, М., 1959, стр. 315—326.

как будет видно из дальнейшего изложения, между поливами того или иного состава и цветом существовала определенная связь.

В результате спектрального и микроскопического анализов поливных кашинных изделий, произведенных Ю. Л. Щаповой на кафедре археологии МГУ, удалось определить природу этого материала. В его составе обнаружено 17 элементов в следах и на пороге чувствительности прибора

Таблица 1

Данные спектрального анализа составов полив на кашинной керамике

Цвет полив	Городища						
	Царевское			Селитренное		Маджарское	
	состав полив						
	Na–Ca–Mg–Si	Na–K–Ca–Mg–Si	Na–K–Si	Na–K–Ca–Mg–Si	Na–K–Si	Na–Ca–Mg–Si	Na–Si
Прозрачные							
Бесцветные	16	4	35	1	7	7	9
Бирюзовые	7	15	7	3	1	3	2
Ультрамариновые	3	5	—	1	—	1	—
Опаковые							
Белые	4	—	2	—	—	1	—
Бирюзовые	7	10	1	1	—	1	—
Ультрамариновые	2	3	2	—	—	1	—
Зеленые	4	2	—	1	—	1	1

(ИСП-22). Однако содержание большинства этих элементов в сумме не превышает 1—2%. Основу этого материала составляют Si, Ca, Mg. В виде заметных примесей обнаружены Al и Ti. Оба этих элемента являются наиболее частыми примесями в песке, который и составляет основную часть кашина: механического соединения песка с известью, замешанного на специальном клее и затем обожженного.

Изделия из кашина появились на нашей территории впервые около XII в. в Средней Азии[7]. Появление их тесно связано с историей развития поливной керамики в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Один из авторитетнейших исследователей восточной керамики, Артур Лейн, объяснял появление кашинной керамики на территории Ближнего Востока и Средней Азии влиянием гончарного ремесла Китая, а именно результатом подражания белоснежной керамике «тинг»[8]. Однако было бы неверным объяснять появление кашинной керамики только бессознательным стремлением восточных керамистов к копированию китайских образцов. Были и другие причины, одной из которых являлось желание подобрать подходящую основу для вновь входящих в употребление щелочных глазурей, которые в свое время (VIII в.) из-за отсутствия такой основы и сложности приготовления качественной, хорошо проваренной глазури вынуждены были уступить место свинцовым поливам. Но со временем высокий уровень техники плавления глазурей и дешевизна сырья щелочных глазурей вновь приводят к поискам широкого применения и этого вида полив, наряду со свинцовыми. Выбор высококремнистой основы черепка, т. е. кашина, и специального ангоба не случаен, так как такая основа позволяла производить более качественный обжиг при температуре, необходимой для получения прозрачных, щелочных глазурей[9]. Выгода от при-

[7] Э. В. Сайко. Глазури керамики Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1963, стр. 21

[8] A. Lane. Early Islamic Pottery. London, 1947, стр. 29.

[9] М. А. Безбородов. Мозаичные резные изразцы средневекового Анау. ДАН СССР, 51, 5, 1946, стр. 82.

менения кашинной массы под щелочной глазурью выражалась и в том, что повышенное содержание кремнезема в кашине способствует обогащению глазури кремнеземом и тем самым увеличивает ее твердость [10]. Кроме того, именно на фаянсовую основу все глазури ложатся ровно. Образование значительного промежуточного стекловидного слоя при соединении кашина с щелочной поливой делало кашинный черепок, по своей природе весьма хрупкий и сыпучий, более твердым, а его белая основа под прозрачными бесцветными глазурями служила отличным фоном для богатой и пестрой росписи среднеазиатской керамики. Все эти причины, на наш взгляд, и обусловили широкое распространение кашинной керамики с XII по XV в.

Слово «кашин» произошло, очевидно, от имени иранского города Кашан, где изготовлялись в XII в. [11] белоглиняные сосуды из разряда фаянсов и полуфаянсов, предназначенные для люстровой росписи.

Вся кашинная керамика с Царевского, Селитренного и Маджарского городищ делится нами на два отдела: с прозрачной поливой и непрозрачной, с последующим выделением внутри этих отделов групп по цвету поливы и типов по характеру росписи, способу орнаментации.

Отдел А. Прозрачные поливы

По данным спектральных анализов полив [12] на кашинные сосуды наносились только бессвинцовые глазури двух основных типов, ведущими стеклообразующими которых являются щелочные материалы (окись натрия и калия), щелочные земли (окиси кальция и магния) и кремнезем. По наличию в составах полив тех или иных компонентов они делятся на содовые (натриево-кальциево-магниево-кремнеземные) и золистые или поташные (натриево-калиево-кальциево-магниево-кремнеземные). Кроме того, на кашинной посуде с бесцветной прозрачной поливой встречаются натриево-калиево-кремнеземные и натриево-кремнеземные поливы. Среди керамики с исследуемых городищ эти четыре типа полив распределяются следующим образом: содовые поливы преобладают на Царевском и Маджарском городищах, поташные — на Селитренном. Натриево-калиево-кремнеземные поливы встречены только на сосудах с Царевского и Селитренного городищ, а натриево-кремнеземная — только на Маджарском.

Содовые и поташные поливы с наличием щелочных земель в своем составе имеют широкие аналогии в поливах Средней Азии на керамике средневековых городищ Нисы, Хульбука и Афрасиаба — Самарканда [13]. Натриево-кремнеземные и натриево-калиево-кремнеземные поливы также встречаются на кашинной керамике Средней Азии. Например, на сосудах с городища Шахр-Ислам [14], в слоях XII—XIV вв. Таким образом, рассмотрение составов бессвинцовых глазурей позволяет предполагать, что они заимствованы из среднеазиатской керамической индустрии, развивавшейся в течение многих столетий. В то же время, сохранив рецептурную основу бессвинцовых глазурей, золотоордынские мастера в каждой отдельной местности при варке стекла использовали, очевидно, местное сырье, особенно при изготовлении поташных полив, которые сваривались из кремнезема (песка) и золы солончаковых растений. На это указывают отличия в характере щелочного сырья, в количественном соотношении натрия и калия, часто зависящем от природных условий в той или иной

[10] Ф. А. Бурнашева. Методика изучения древних глазурей. Сб.: «Археология и естественные науки», М., 1965, стр. 184.

[11] Э. К. Кверфельд. Ук. соч., стр. 67.

[12] Все спектральные анализы полив, использованные в данной работе, были сделаны в спектральной лаборатории кафедры археологии МГУ канд. ист. наук Ю. Л. Щаповой.

[13] Э. В. Сайко. Ук. соч., приложения.

[14] Анализы 346 : 20; 346 : 21; 346 : 18 и др.

местности [15]. Обесцвечивание глазурей на керамике этой группы достигалось в большинстве случаев путем введения в состав полив окиси марганца (Селитренное, Царевское), а на керамике с городища Маджары — путем добавления окиси марганца и сурьмы [16].

Группа I. Керамика с бесцветной поливой

Среди кашинной керамики с прозрачной бесцветной глазурью нами выделяются по способу и характеру орнаментации пять основных типов.

1. Керамика с подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом (рис. 1, *1*). Из табл. 2 видно, что кашинная керамика на золото-

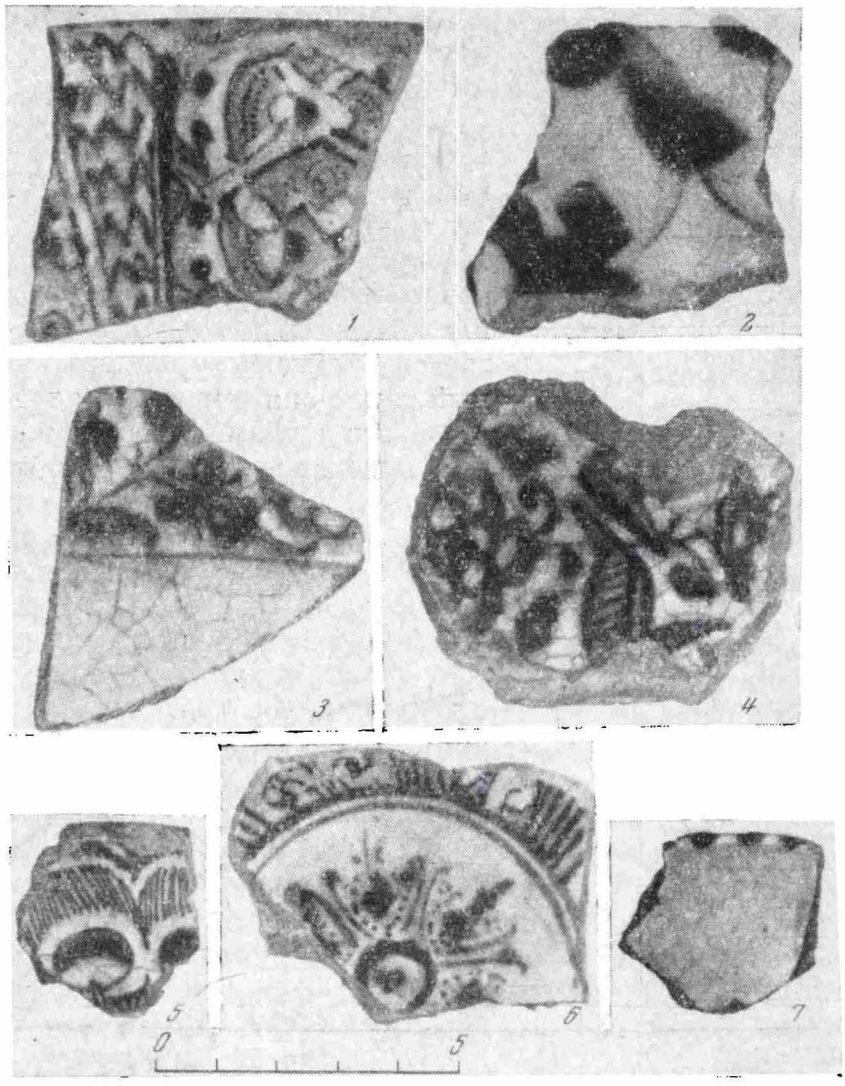


Рис. 1. Кашинная поливная керамика

1, 5 — фрагменты поливной полихромной керамики с Царевского городища; *2* — фрагмент керамики типа «кобальт» с Маджарского городища; *3, 4* — фрагменты керамики типа «кобальт» с Селитренного городища; *6* — фрагмент поливной полихромной керамики с Селитренного городища; *7* — фрагмент сосуда с полихромной подглазурной росписью без рельефа с Царевского городища

ордынских городищах лучше всего представлена этим типом. Поражает удивительная схожесть этой посуды как в формах, так и в орнаментации на всей огромной территории Золотой Орды.

При полихромной расцветке применялись окислы меди, дающие зеленый цвет всех оттенков, и кобальт, дающий цвет от темно-синего до бледно-

[15] См. анализы 325 : 1—20.
[16] Анализы 283 : 1—24.

Таблица 2

Процентное соотношение типов полив на кашинной керамике

Городище	Количество	Прозрачные поливы													Опаковые поливы									
		бесцветные					бирюзовые				ультрамариновые				белые			бирюзовые			ультрамариновые		зеленые	
		полихромная с рельефом	полихромная без рельефа	с синими точками	тимуридская	без росписи	с черной росписью	с зеленой подглазурной росписью	с рельефом без росписи	без рельефа и росписи	сочетание ультр. с черной росписью	и бирюзовой полив	с рельефом подглазурным	без рельефа и росписи	без росписи	с росписью «под люстр»	с полихромной росписью	без росписи и рельефа	с рельефом	с полихромной росписью	без росписи	с полихромной росписью	без росписи	с гравировкой
Селитренное	8344	18,6	23,1	3,2	9,5	0,2	12,4	4,7	2,3	10,1	0,4	0,2	0,5	1,2	2,1	0,4	3,4	1,9	0,4	1,2	0,3	3,1	4,2	—
Царевское	2768	26,2	17,7	1,4	0,1	0,7	16,9	2,2	2,1	5,5	0,2	0,1	0,6	4,0	1,8	0,1	3,2	1,4	—	1,2	0,1	1,3	2,4	—
Маджарское	180	14,3	15,7	2,5	11,2	—	12,5	—	1,2	12,5	2,5	2,5	—	5,3	1,2	—	2,1	3,1	0,6	0,6	0,3	1,4	1,8	0,6

голубого. Кобальт при подглазурной росписи является здесь важнейшей краской. Рецепты его добывания и приготовления для росписи дошли до нас в письменных источниках [17]. Основным поставщиком кобальта в разные страны был, очевидно, Иран [18]. Не исключено, что кобальт мог добываться и в других землях средневекового Востока. Таким образом, полихромная кашинная керамика, как правило, состоит из трех цветов: зеленого всех оттенков, синего и белого, являющегося фоном для двух других и образуемого кашином под прозрачной бесцветной глазурью.

Из раскопок А. В. Терещенко на Царевском городище известно несколько целых чаш типа пиалы. Поверхность этих сосудов имеет рельеф, которым выделяются наиболее важные детали орнамента. На внешней поверхности пиалообразных сосудов всегда располагается арочный орнамент, расцвеченный темно-синими, беспорядочно размещенными точками. Роспись же внутренних поверхностей этих чаш отличается исключительным разнообразием, особенно их донца. Принцип орнаментации — деление внутренней поверхности на несколько поясов, каждый из которых имеет свой рисунок. Поясной способ орнаментации завершается, как правило, своеобразным украшением днища сосуда. Здесь мы наблюдаем большую пестроту в изображениях и характере рисунка. Это чаще всего окружность, разделенная на 4, 6, 8 и 10 частей, либо розетка, либо изображение колеса, а также какого-либо растительного орнамента, замкнутого тем же кругом, изображение шестиугольной звезды и т. д. Особый интерес представляют изображения на днище таких сосудов уток сасанидского типа. Такие изображения встречены в Шемахе-Кале [19], Сарае-Берке [20] и при раскопках Белореченских курганов на р. Белой (приток

[17] H. Ritter, I. Ruska, R. Winderlich. Eine persische Beschreibung der Fayanstechnik von Kaschan aus dem 700 h (1300 a). «Istanbuler Mitteilungen», 3, Istanbul, 1935.

[18] Э. К. Кверфельд. Ук. соч., стр. 39.

[19] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., стр. 318, рис. 29, *1*.

[20] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. ИГАИМК, VIII, 2—3, 1931, стр. 28, рис. 1.

Кубани) из коллекции Н. И. Веселовского [21]. Шемахе-калинское изображение находилось на фрагменте пиалообразного кашинного сосуда, царевские — на двух сосудах той же формы. А на целиком сохранившейся чаше из Белореченских курганов на дне имеется изображение сразу двух уток. Несмотря на то, что все эти изображения выполнены в одной технике и сходны между собой, в деталях рисунка и в раскраске их заметны существенные различия, которые ставят под сомнение предположение Э. К. Кверфельд о том, что сосуды с изображениями уток на дне являются привозными в городах Золотоордынского Поволжья и происходят из какого-то одного определенного центра, а именно Хорезма [22]. Кроме описанного поясного орнамента встречается роспись в виде многократно повторяющихся павлиньих глазков с синим и голубым заполнением. Иногда внутренняя сторона чаш расписана секторами, по разному орнаментированными, повторяющими в основном те же мотивы, что при поясном способе.

Все вышесказанное относится к сосудам определенной формы — полушаровидным пиалам на кольцевом поддоне, со слабо отогнутым венчиком. Однако имеется еще один целый сосуд из коллекции А. В. Терещенко с Царевского городища — высокий узкогорлый кувшин с раздутым шаровидным туловом, плавными плечиками и кольцевым поддоном [23]. Поверхность кувшина разделена на четыре пояса ультрамариновыми двойными горизонтальными линиями. Верхний пояс покрыт крупными синими кругами и коричневыми тонкими косыми крестиками. Второй, самый широкий пояс заполнен рельефными стилизованными побегами, спускающимися вниз и в верхней части образующими арочки. Побеги кончаются трилистниками. Сверху и снизу этот орнаментальный пояс окаймлен полосой из коричневых вытянутых ромбов. Третий пояс разбит двойными синими вертикальными полосами на ряд прямоугольников, каждый из которых покрыт стилизованным белым листом на заштрихованном зелеными линиями фоне.

Огромное количество дошедших до нас мелких фрагментов дает те же элементы орнамента. Однако существуют некоторые варианты. Так, например, есть фрагменты венчиков чаш, у которых имеются характерные синие рельефные точки по краю, а крайний пояс росписи внутренней стороны украшен не косой синей сеткой, а смазанными синими точками. Другие фрагменты стенок имеют тот же точечный орнамент по краю, а также растительный орнамент на точечном фоне в первом с краю орнаментальном поясе на внутренней стороне чаши. Внешняя поверхность этих фрагментов украшена радиально расходящимися линиями, расцвеченными синими точками. Имеются фрагменты венчиков чаш, у которых внешняя поверхность, видимо, украшалась радиальными мазками и расцвечивалась беспорядочно расположенными синими пятнами, а внутренняя поверхность, в отличие от большинства чаш этого типа, имела не точечный рельефный край, а целый пояс синих точек, перемежающихся серо-зелеными косыми линиями. Этот орнаментальный пояс отделялся от остальной поверхности широким синим ободком.

2. Керамика с полихромной подглазурной росписью (рис. 1, *5—6*). Этот тип отличается от предыдущего отсутствием рельефа при орнаментации сосудов. Кроме того, при росписи пиалообразных чаш, миниатюрных сосудов, ваз и тарелок в гораздо большем количестве применяется синяя кобальтовая краска. Из орнаментальных мотивов встречаются косые сетки, круги, горизонтальные и вертикальные линии. Изменяется и стиль росписи. Орнамент становится мельче, чаще растительный мотив в виде «яблок», листьев, кустов; крупные, выделенные рельефом надписи заменяют-

[21] Гос. Эрмитаж, инв. № 12461.

[22] Э. К. Кверфельд. Ук. соч., стр. 90.

[23] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950, табл. 4.

ся мелкими, выполненными беглым письмом (насхом), зачастую беспорядочно расположенными по поверхности пиалообразных чаш на высоких кольцевых поддонах, тарелок и ваз.

Такая керамика также многочисленна на золотоордынских городищах. Но в количественном отношении она преобладает на тех городищах, которые продолжали существовать после тимуровского нашествия, например на Селитренном и Маджарском.

3. Керамика с синими точками. На всех золотоордынских городищах встречаются немногочисленные фрагменты и целые чащи с прозрачной бесцветной поливой (рис. 1, *7*). Они всегда украшены мелкими синими пятнами по поверхности венчика и, как правило, пятью-шестью синими точками в центре донышка чаши. Сосуды с такой расцветкой имеют две формы: полусферическую и сегментовидную с чуть отогнутым наружу краем.

4. Керамика тимуридская (рис. 1, *2—4*). Роспись кобальтом обычно образует сложный растительный орнамент. Эта керамика появилась в конце XIV в. и процветала в течение всего XV в. в эпоху Тимуридов. Она возникла как подражание китайскому фарфору типа «кобальт», который также расписывали подглазурным синим рисунком по белому фону.

На Царевском городище за все время было обнаружено всего несколько фрагментов керамики этого типа. Это связано с тем, что в XV в., когда керамика этого типа распространяется особенно широко, город после тимуровского разгрома 1395—1396 гг. перестает существовать.

Раскопки, произведенные на Селитренном городище в 1966—1967 гг., дали большое количество фрагментов. Это в основном толстостенные кашинные блюда, тарелки, сегментовидные чаши на кольцевых поддонах. Обилие этой керамики, своеобразная манера росписи и большое количество бракованных изделий говорят о местном производстве тимуридской керамики в Сарае-Бату. Примечателен тот факт, что декор сосудов часто подражает орнаментальным мотивам росписи китайского фарфора периодов Сун и Мин.

В XV в. керамика тимуридского типа становится преобладающей среди кашинной керамики, хотя само производство кашина в этот период резко сокращается [24].

5. Керамика без росписи. Фрагменты сосудов с прозрачной бесцветной поливой, дополнительно никак не украшенные, встречаются весьма редко. Это типичные полусферические пиалообразные чаши и миниатюрные бочонкообразные сосуды.

Группа II. Керамика с бирюзовой поливой

В этой группе встречаются те же четыре состава поливы, что и в предыдущем случае. Однако преобладают глазури, содержащие в своем составе калий. Как видно из табл. 1, исключение составляет лишь городище Маджары. Такое предпочтение золистым глазурям объясняется, очевидно, причинами технологического характера. Получение поташа из золы растений — весьма трудоемкий процесс, состоящий из многократных очищений золы от загрязняющих примесей с последующим обесцвечиванием полив окисью марганца. Не очищенная поташная полива плохо поддается обесцвечиванию, и в случае окрашивания глазури окисью меди в бирюзовый цвет экономился труд мастера-керамиста.

1. Керамика с черной росписью (рис. 2, *1—3*). Этот тип чрезвычайно широко представлен в поливной керамике Царевского и Селитренного, Маджарского, Увекского, Дубовского и других городищ золотоордынского Поволжья. В большом количестве она известна и на территории Средней Азии, Армении, Ирана, по всем странам огромного мусульманского мира.

---

[24] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., стр. 339.

Такое широкое распространение керамики этого типа определяется исключительно удачным и эффектным подбором цветов для раскраски сосудов. Как правило, под бирюзовой поливой роспись производилась только кобальтом (под поливой этого цвета он имеет черный цвет).

Прообразом для создания керамики этого типа в Средней Азии, а позже и в городах золотоордынского Поволжья, возможно, явились так называемые «сикуло-арабские» люстровые фаянсы, широко известные с XII в.

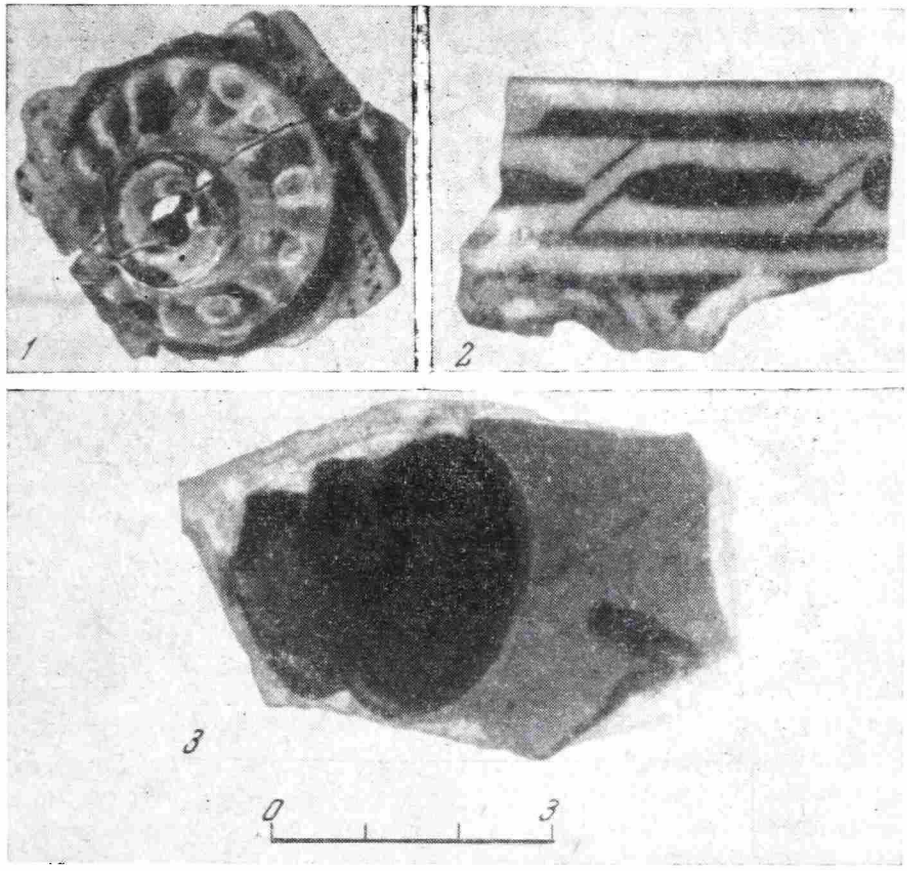


Рис. 2. Кашинная поливная керамика

1, 2 — керамика с черной росписью под прозрачной бирюзовой поливой с Селитренного городища; *3* — фрагмент сосуда того же типа с городища Маджары

в мусульманском Египте, Иране, Сирии, Армении[25]. На этих сосудах по синей или голубой поверхности размещались надписи, изображения птиц и орнамент арабескового характера, исполненные люстром, который, так же как и кобальт, на голубой глазури давал эффект игры красок черного и голубого. Однако если люстровая роспись на сосудах была дорогостоящей, то роспись черным под бирюзовой глазурью отличалась доступностью, простотой изготовления. Этим, возможно, объясняется тот факт, что при раскопках Сарая-Берке на отдельных площадях количество керамики этого типа составляет до 44 общей массы всей кашинной керамики. И в Хорезме, и на других городищах Средней Азии, а также и в городах золотоордынского Поволжья характер орнамента остается тем же — изображения птиц, арабески, геометрические рисунки, растения.

Рисунки нанесены обычно без рельефа. Лишь изредка отдельные элементы узора даны легким рельефом, обведенным черной краской, т. е. в той технике, которая характерна для керамики с полихромной расцветкой.

---

[25] Э. К. Кверфельд. Ук. соч., стр. 63.

К этому типу кашинной керамики относятся две чаши из коллекции Терещенко. Одна из них на внешней стороне имеет три ряда наклонных мазков, на внутренней — крупный стилизованный цветок. На другой чаше с внешней стороны имеются беспорядочно разбросанные четырехлепестковые цветы, на внутренней стороне такой же орнамент, как и у первой чаши. Обе они имеют характерную пиалообразную форму с кольцевым поддоном, со слабым отгибом венчика, по которому с внутренней стороны проведена черная полоса. Край чаши покрыт небольшими рельефными черными шишечками. Между центральным цветком и краем на внутренней стороне имеется поле, покрытое расположенными в шахматном порядке, уменьшающимися с приближением к краю трехлепестковыми стилизованными цветочками. Фон в центре заполнен точками. В этих двух чашах присутствуют все характерные элементы орнамента чаш этого типа.

В ГИМе имеется из коллекции А. В. Терещенко экземпляр сосуда, по форме относящегося к типу альбарелло, с цилиндрическим вверху и раздутым внизу туловом. Верхняя часть тулова окрашена черными полосами, внизу тулово разделено черными полосами на квадраты, внутри которых имеются черные крестики. Из этой же коллекции известна чернильница, имеющая вид цилиндра на кольцевом поддоне, с ребрами в верхней и нижней части. Этот сосуд украшен черными кругами с завитками посредине и растительным орнаментом по крышке сосуда. Такой же тип поливы и росписи встречаем на ряде миниатюрных сосудов из той же коллекции. Орнаменты здесь состоят из параллельных вертикальных полос, стилизованных растений на точечном фоне и крестиков, расположенных в шахматном порядке [26].

По характеру орнамента фрагменты и целые сосуды с территории Хорезма дают полную аналогию сарайской керамике. А. Ю. Якубовский приходит к выводу, что вся эта керамика завезена в золотоордынские города из Хорезма [27].

Бытовая керамика с черной росписью под бирюзовой прозрачной глазурью имеет аналогии и в архитектурной керамике, но только в тех городах, где широкое строительство велось в первой половине XIV в. (в Болгарах, Сарае-Бату).

2. Керамика с подглазурной зеленой росписью. Несмотря на то, что мы выделяем ее в особый тип, нужно отметить, что эта керамика является лишь испорченным вариантом классической для средневекового Востока керамики с бирюзовой поливой и росписью черным. Такая замена одного цвета росписи другим может быть объяснена либо отсутствием в какой-то период у керамистов необходимого для росписи черным кобальта, либо упадком керамического ремесла в золотоордынских городах. Второе объясняет, очевидно, и появление на керамике этого типа таких орнаментальных мотивов, как белые рельефные точки под глазурью и неожиданные полосы синих подтеков по поверхности сосудов.

3. Бирюзовая полива без росписи с рельефом. Имеются только фрагменты сосудов этого типа. Рельеф образовывался либо путем нанесения на поверхность сосуда специально сформованной кашинной детали, или путем утолщения слоя кашина при формовке сосуда в формах. Особенно часто попадаются бирюзовые конусы с граненными краями от вазообразных сосудов с рельефным орнаментом. Встречаются они и среди керамики средневекового Хорезма.

4. Керамика с бирюзовой поливой без росписи и рельефа. Она хорошо известна на всех золотоордынских городищах и далеко за пределами границ Золотой Орды. Материал с Царевского городища хорошо представлен в коллекции А. В. Терещенко. Здесь имеются сосуды в виде альбарелло,

---

[26] Гос. Эрмитаж. Сар. № 508, 533, 534.

[27] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке, стр. 39.

с вогнутыми к середине высоты стенками и выступающими гранями сверху и снизу. Дно этих сосудов завершается высоким кольцевым поддоном. Два сарайских альбарелло имеют точную аналогию в материалах Хорезма [28], один в материале с городища Шареный Бугор под Астраханью [29]. Фрагменты сосудов этого типа обнаружены также на городищах Маджары и Селитренном. Третий сосуд — кувшин с длинной, плавно переходящей в тулово шейкой и горлом с округлым венчиком, низким раздутым туловом тоже имеет кольцевой поддон. Формы альбарелло и кувшинов повторяются в миниатюрных сосудах, которые широко представлены в Эрмитажной коллекции. Сосуды как с Царевского городища, так и с других золотоордынских городищ покрыты поливой неравномерно, с темными сгустками и светлыми растекающимися пятнами.

Кроме того, среди керамики этого типа часто встречаются кашинные чираги — светильники и маленькие луковицеобразные сосуды, названные А. Ю. Якубовским чернильницами.

Группа III. Керамика с ультрамариновой поливой

Ультрамариновый цвет поливы достигался путем введения в ее состав кобальта. Группа немногочисленная. Ультрамариновая полива часто встречается в сочетании с бирюзовой: если одна сторона покрыта ультрамариновой поливой, то другая — бирюзовой, с росписью или без нее.

1. Керамика с черной подглазурной росписью, которая представляет собой схематические значки и растительный орнамент. Роспись на керамике этого типа производилась жидким цветным стеклом по кашинной поверхности. До нанесения верхнего слоя поливы изделие предварительно обжигалось: хорошо видны в изломе два слоя стекла. Сосуды этого типа встречены лишь во фрагментах. Формы сосудов этой группы представлены чашами с небольшим изгибом на середине их высоты, вазами с широким выпуклым туловом и рельефными конусообразными выступами на верхней внешней плоскости и изредка невысокими сосудами баночной формы.

2. Керамика, сочетающая покрытие поверхностей сосуда бирюзовой (внутри) и ультрамариновой (снаружи) поливами.

3. Керамика с подглазурным рельефом. Отличие их от предыдущего типа в том, что сосуды на внешней стороне под ультамариновой поливой имеют рельеф. Углубленные места дают более темный цвет поливы за счет ее сгущения. На выпуклых местах под прозрачной поливой просвечивает светлый кашин.

4. Керамика без росписи и рельефа. Тип, известный лишь по отдельным фрагментам на всех городищах золотоордынского времени Нижнего Поволжья и Кавказа.

Отдел Б. Опаковые поливы

Основное отличие керамики с опаковыми поливами от керамики с прозрачной поливой состоит в том, что при росписи сосудов рисунок наносится по глазури, а не под ней.

Керамика этого отдела покрывалась поливами того же состава, что и на керамике первого отдела, с последующим заглушением их окисью олова. При этом, если нужно было получить глухую глазурь белого или зеленоватого цвета, применялась преимущественно содовая полива. Для получения непрозрачных бирюзовых и ультрамариновых чаще пользовались поташными поливами. Как в первом, так и во втором случае в состав стекол добавляли соответствующие красители (окись меди или окись кобальта, так же как и в прозрачных поливах). Такая закономерность в выборе

[28] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., стр. 323, рис. 33.
[29] Астраханский музей. Коллекция из сборов Н. М. Новикова, 1915 г.

рецепта для изготовления стекол определенного цвета характерна только для Царевского городища. На Селитренном городище применялись, очевидно, только поташные поливы, а на Маджарском — содовые (табл. 1). Только столичные ремесленники (из Сарая-Берке) имели возможность выбирать тот или иной состав поливы при глазуровке кашинных изделий.

Группа I. Керамика с белой поливой

Эта керамика идентична керамике первой группы первого отдела, т. е. керамике с бесцветной прозрачной поливой. После введения в состав этих поливы окиси олова они преобретают белый цвет с матовым блеском.

1. Керамика без росписи. Из материалов раскопок Царевского, Селитренного и других золотоордынских городищ известны фрагменты чаш, кувшинов и тарелок, покрытых с обеих сторон молочно-белой поливой (рис. 3, *2*). Целых форм пока не найдено.

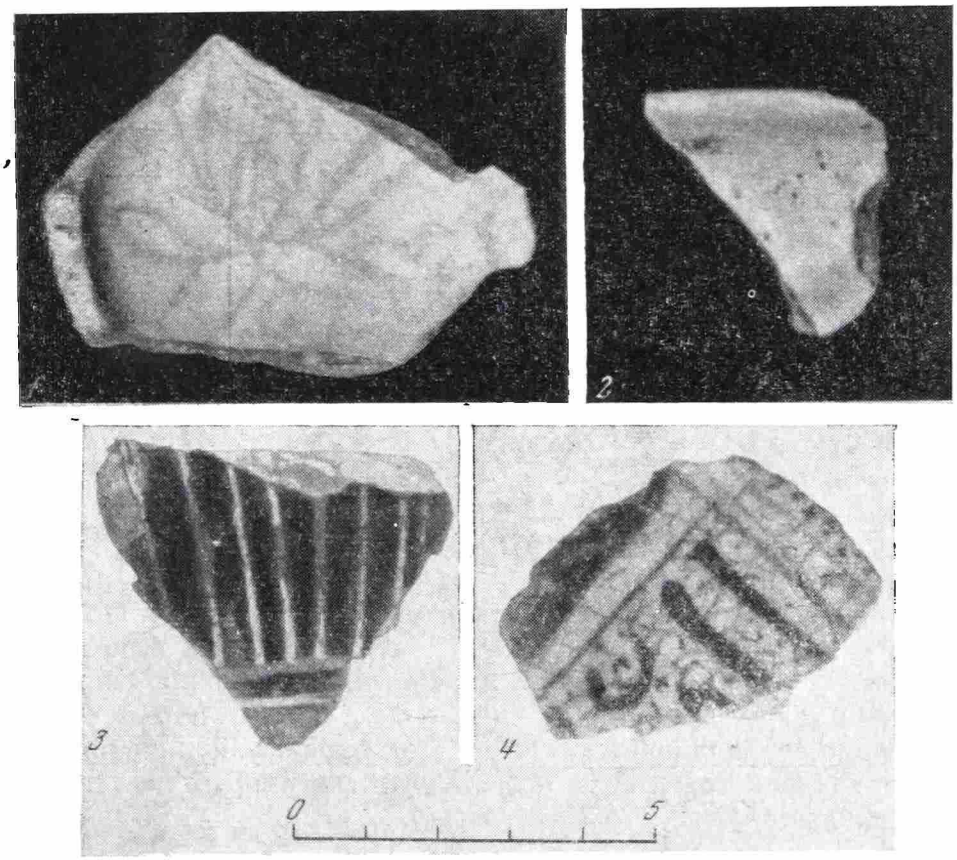


Рис. 3. Керамика с опаковой поливой

1, 3 — с городища Селитренное; *2, 4* — с Царевского городища

2. Очень редко встречаются на золотоордынских городищах фрагменты кашинных сосудов с росписью «под люстр» по белой опаковой поливе (рис. 3, *4*). К сожалению, мы не располагаем данными спектрального анализа для поливы этой керамики, но и без этого можно, судя по цвету и составу кашина, говорить о том, что это не больше, как подражание люстровым сосудам Ирана, хотя имеются образцы и настоящих привозных люстровых сосудов [30].

3. Керамика с полихромной росписью по белой опаковой поливе. Эта керамика является результатом влияния иранской керамики «минаи». От-

[30] Гос. Эрмитаж. Сар. № 307.

личие здесь наблюдается в технике нанесения орнамента [31]. Но некоторые детали орнамента настолько сходны с деталями орнаментации керамики «минаи», что это дало основание Э. К. Кверфельд считать эту керамику привозной из Ирана [32]. Однако анализы составов полив с этой керамики показывают, что глазури, применяемые для покрытия сосудов этого типа, не выходят за пределы общераспространенных в золотоордынских городах классов бессвинцовых стекол, нанесенных на кашин красноватого цвета, столь характерного для Царевского и Селитренного городищ. Чаще керамика этого типа покрывалась содовой поливой [33]. Роспись на поливы, заглушенные окисью олова, наносилась разноцветными эмалями.

Фрагменты керамики этого типа встречаются на многих золотоордынских городищах, но пока не найдено ни одного сохранившегося целиком сосуда. На одном фрагменте из коллекции Поволжской экспедиции изображен пятилепестковый цветок с желтыми лепестками и красной сердцевиной, причем контур обведен синей линией. Рядом помещен ультрамариновый лист, обведенный красной линией. По краям чаши идет ряд ультрамариновых точек, окаймленных красной линией. Стебель, на котором держится цветок, показан двумя параллельными красными линиями. Такова внутренняя поверхность этого сосуда. С внешней стороны фрагмент орнаментирован красными линиями с какими-то синими деталями, выходящими за границы фрагмента. Сочетания таких же цветов на бело-молочном фоне дают и другие фрагменты из Царевского городища. Характерно, что желто-золотистый цвет всегда сопровождается здесь красной мастикой — прием хорошо известный на Востоке [34].

Группа II. Керамика с бирюзовой поливой

1. Керамика без росписи и рельефа. Из коллекции Терещенко известны два сосуда, покрытых оловянной опаковой бирюзовой поливой. Один из них — кувшин с кольцевым поддоном, широко раздутым туловом и плавными плечиками. Другой — кувшин с высоким узким горлом, воронкообразно расширяющимся к венчику, и с ручкой, прикрепленной к верхней части горла и к тулову. В 1962 г. на поверхности культурного слоя Царевского городища были найдены крышка, покрытая непрозрачной бирюзовой глазурью, и фрагменты сосуда, покрытого такой же поливой с обеих сторон. Кроме того, часто встречаются светильники и сосуды цилиндрической формы разной высоты с горизонтально откинутыми венчиками.

2. Керамика с подглазурным рельефом. Рельефный рисунок на сосудах этого типа достигался путем утолщения слоя кашина под глухой лазурью. Орнамент почти всегда носит эпиграфический характер. И лишь изредка встречаются растительные мотивы и геометрический орнамент в виде круга, разделенного на части, или концентрических кругов. Иногда встречаются вертикально спускающиеся по тулову ваз и кувшинов канеллюры. Находки керамики этого типа на Селитренном и Маджарском городищах крайне редки и встречены только во фрагментах.

3. Керамика с надглазурной полихромной росписью по глухой бирюзовой поливе так же, как и по белой, являлась, очевидно, результатом подражания «минаи». До недавнего времени такая расцветка встречалась только на архитектурной керамике. Однако за последние годы на городищах Маджары и Царевском найдено несколько фрагментов от бытовой кашинной керамики. Роспись на таких фрагментах сделана белой и красной красками.

---

[31] Э. К. Кверфельд. Ук. соч. стр. 69. На золотоордынских фрагментах часто отсутствует «мертвый край».

[32] Там же, стр. 46.

[33] Анализы 286 : 19 и др.

[34] Э. К. Кверфельд. Ук. соч., стр. 46.

Группа III. Керамика с ультрамариновой поливой

1. Керамика без росписи. Известны только фрагменты сосудов этого типа. Однако есть фрагменты настолько большие, что, учитывая обычай покрывать довольно мелким орнаментом всю поверхность сосуда, можно предположить наличие сосудов без росписи. Часть фрагментов, покрытых ультрамариновой поливой и без орнамента, имеет легкий рельеф в виде вертикальных канеллюр. Этот тип поливных изделий встречается редко.

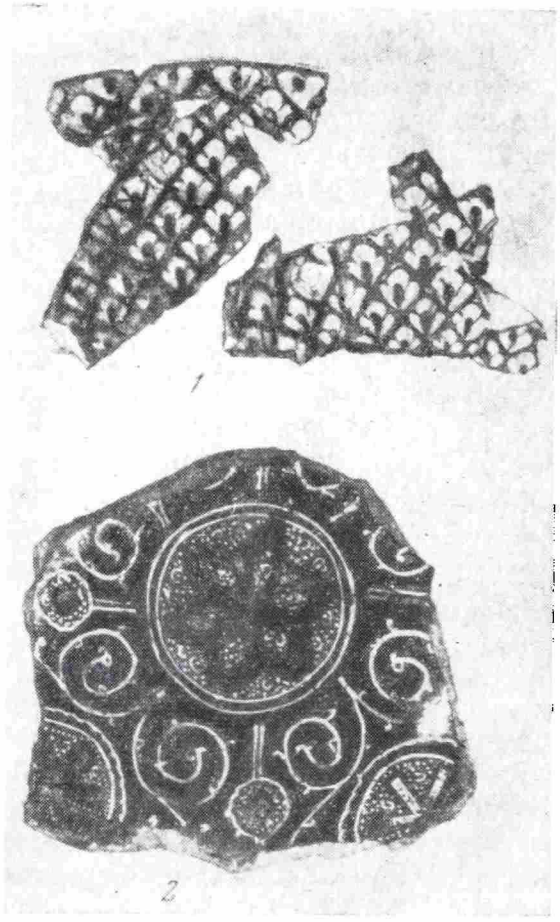


Рис. 4. Кашинная поливная керамика

1 — фрагмент сосуда с полихромной подглазурной росписью, Царевское городище; *2* — донце и фрагменты стенок пиалообразной чаши с надглазурной полихромной росписью по ультрамариновой поливе, Царевское городище

2. Керамика с полихромной надглазурной росписью по глухой ультрамариновой поливе представлена в основном фрагментами (рис. 3, *3*; 4, *2*), и лишь одна ваза с Царевского городища из коллекции А. В. Терещенко сохранилась целиком [35]. Она имеет колбообразную форму с высокой узкой шейкой и широко раздутым приземистым туловом, посередине которого идет широкий орнаментальный пояс, состоящий из ряда стилизованных шестилепестковых цветов. Лепестки окрашены золотистой краской и обведены красными линиями. Стебель цветка и круг, ограничивающий цветок, нанесены белой краской. Вообще мотив росписи по поливе этого цвета золотистой, красной и белой красками встречается повсеместно. Спектральный анализ полив нескольких образцов показывает, что кашин и в этом случае покрывался глазурью золотоордынского круга [36].

Группа IV. Керамика с зеленой поливой

1. Керамика без росписи. Этот тип по цвету поливы подражает знаменитым китайским селадонам. Эффект такого подражания достигался путем введения в состав содовых полив окиси меди с последующим заглушением их окисью олова. При покрытии сосуда поташными поливами после очищения их окисью марганца схожесть с краской селадоновых чаш также достигалась путем введения окиси меди и окиси олова [37]. Возможно, этим и объясняется, что одна часть псевдоселадоновых чаш покрыта сочной зеленой поливой, другая — имеет голубоватый дымчатый оттенок, так как окись меди в разных поливах ведет себя по-разному. Первые преобладают на Маджарском городище, вторые — на Царевском и Селигренном.

Нужно сказать, что подражание китайским селадонам у золотоордынских керамистов носило чаще всего поверхностный характер, ибо ни по

---

[35] Гос. Эрмитаж. Сар. № 253.
[36] Анализы 288 : 11; 287 : 22 и др.
[37] Анализы 286 : 2—6; 284 : 8.

составу теста, ни по форме сосудов кашинные изделия и близко не подходят к оригиналам. Форма псевдоселадоновых чаш, как правило, полусферическая, а полива, подражающая цвету селадонов, часто имеется только на одной, внешней стороне.

2. Керамика с подглазурной гравировкой. Иногда для достижения большей схожести с селадоновыми чашами золотоордынские керамисты ограничивались тем, что в состав поливы вводили недостаточное количество окиси олова, добиваясь тем самым получения полупрозрачной зеленоватой глазури, под которой на кашине выводился узор глубокой врезной линией. Эти линии при покрытии сосуда поливой выглядели более темными и создавали игру света и тени, что характерно и для орнаментики китайских селадонов (рис. 3, *1*). Фрагменты керамики этого типа встречены пока только на Маджарском городище.

Мы рассмотрели все основные типы поливной кашинной керамики с городищ Царевского, Селитренного и Маджарского. Выбор материала именно с этих городищ определялся тем, что только здесь в настоящее время в течение нескольких раскопочных сезонов ведется статистический подсчет поливной керамики с выделением всех его групп, типов и подтипов [38], и только для полив с керамики вышеназванных городищ мы имеем пока данные спектрального анализа.

В то же время данная нами классификация кашинной керамики вполне применима и для керамики с других золотоордынских городищ, таких как городище Болгары золотоордынского периода, Водянского (золотоордынский город Бельджамен), Увекского городища и т. д. Этот отряд керамики (из кашинного теста), несмотря на обилие ее типов, вообще везде по своему составу одинаков.

---

[38] Статистическая обработка поливной керамики велась на городище Селитренном в течение 1965—1967 гг., на Царевом городище — в течение 1962—1967 гг. С городища Маджары обработан материал раскопок 1967 г.

И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГ

НОВГОРОДСКИЙ ВОЩАНОЙ БЕРКОВЕЦ XV в.

I

В настоящей работе сделана попытка вычислить в современных метрических единицах величину вощаного берковца, применявшегося новгородцами в их торговле с Западом в XV в., и связать эту величину с целями метрологической политики новгородского купечества [1].

В опубликованных документах, относящихся к ливонской и ганзейской торговле Новгорода, встречаются указания на отношение новгородского вощаного веса XV в. к весовым единицам, бывшим в ходу в ливонских городах, в том числе и в крупнейшем из них — в г. Риге. Так как рижская метрология достаточно хорошо изучена [2], а результаты ее исследования говорят о том, что величина рижских весовых единиц не изменилась за время от XV до XIX в., то представляется вполне возможным вычислить на основе рижских единиц величину новгородского вощаного берковца международной торговли XV в. Для этого необходимо в первую очередь разобрать данные, позволяющие нам определить величину рижской марки, служившей для взвешивания серебра на особых весах, и рижского шиффунта, применявшегося на больших весах с двумя платформами или чашами, подвешенными на концах равноплечного коромысла. Такие весы назывались по-русски скалвами, и на них взвешивался воск, а также и другие крупногабаритные товары.

Прежде чем приступить к самому расчету, несколько слов о точности, которой можно достигнуть при подобных вычислениях средневековых весовых единиц. Если результаты расчетов единиц, начиная со второй половины XV в., обнаруживают лишь небольшие колебания, то при оценке результатов расчета единиц, применявшихся до XV в., следует вспомнить старый, впрочем, часто забываемый принцип исторической метрологии, на который ссылается А. Л. Монгайт в своей статье о рязанских гирьках [3]. Принцип этот состоит в том, что древние и средневековые весовые единицы следует рассматривать не как точные величины, выражаемые цифрами с большим количеством десятичных знаков, а как зоны колебания между двумя предельными точками. Причин для такого положения много, главная из них — уровень развития математики и весоизмерительной техники тех веков. Так, например, соотношения между разными мерами, указываемые в средневековых источниках, часто приблизительны с современной точки зрения, ибо в те времена для упрощения расчетов предпочитали отношения, выраженные целыми числами, пренебрегая даже до-

[1] О метрологической политике корпорации купцов-вощников при церкви св. Ивана на Опоках см. И. Э. Клейненберг. Унификация вощаного веса в новгородско-ливонской торговле XV в. «Археографический ежегодник», М., 1965.

[2] Результаты изучения рижской метрологии феодального периода подытожены в работе Я. К. Земзарис. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XVI вв.). «Проблемы источниковедения», IV, М., 1955, стр. 177—222, где в подстрочных примечаниях дана очень полная библиография источников и литературы по данному вопросу.

[3] А. Л. Монгайт. Рязанские гирьки. КСИИМК, XIV, 1947, стр. 67.

вольно крупными ошибками при сравнении мер, между которыми не было рационального соотношения.

У единицы серебряного веса, марки, дело усугубляется еще тем, что под одним и тем же названием понимаются разные величины: марка чистого серебра (lötige marc, marca argenti puri), марка легированного серебра (marca usualis argenti) и счетная марка (marca denariorum). По всем этим причинам разные авторы и получали при своих расчетах веса марок до XV в. величины, колеблющиеся в известных пределах; так, например, долго шел спор о кельнской марке — 229 или 234 *г* (округленно); польская марка определялась в пределах от 183, 5 до 197,5 *г*, а прусская — между 187,5 (М. Лесников) и 190,8 *г* (Э. Вашинский). В Новгороде теоретической единице серебряного веса 204,756 *г* противостоял вес платежных слитков из переплавленного, т. е., по понятиям того времени, чистого серебра — 197—198 *г*.

На основании изложенного мы считаем, что цифры, полученные при наших расчетах, отнюдь не претендуют на то, чтобы по современному точно выражать значение той или иной измерительной единицы. Десятичные знаки в них являются лишь следствием математических действий, и везде, где это возможно, следует производить округление до целых чисел. Значения для периода от второй половины XV в. и далее нужно считать значительно более точными, чем для предшествующих периодов.

II

Рижская марка применялась не только в Риге, но также имела значение и общеливонской марки, так как ею отвешивали серебро во всех городах Ливонии и на ее основе чеканилась монета во всех денежных дворах страны [4]. Термину «марка» (на языках средней и северной Европы — marc) соответствовал в Новгороде периода феодальной раздробленности сперва русский термин «гривна», а позже «гривенка рублевая» [5]. По величине рижская марка должна была совпадать с готландской маркой XIII в., которая была введена в Риге жалованной грамотой епископа Альберта в 1225 г. [6]. Но так как о величине готландской марки существуют в науке различные мнения [7], то для определения веса рижской марки XV в. мы не можем ими воспользоваться и должны с этой целью обратиться к указаниям на соотношение рижской марки к кельнской марке, которую метрологи считают очень стабильной и вес которой определен для периода от XV в. до наших дней в 233,855 *г*, округленно 234 *г* [8]. Источники говорят о том, что отношение веса рижской марки к весу кельнской было одним и тем же как в начале XIV, так и в XVI в. Так, в грамоте от 26 мая 1305 г., излагающей условия продажи монастыря Дюнамюнде Ливонскому ордену, сказано, что если орден захочет дать в уплату серебро не кельнским весом, а рижским, то необходимо к весу каждой рижской марки добавить еще половину четверти марки (рижской.— *И. К.*). Таким образом, в этом источнике устанавливалось соотношение рижской марки к кельнской как 8 : 9 [9]. Такое же соотношение мы находим и в од-

---

[4] Решение ливонского ландтага 1422 г. о чеканке монеты. Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch (далее — LUB), V, Riga, 1867, № 2632.

[5] «...дал ...Новугороду мерила торговаа, скалвы вощаныи, пудъ медовый и гривенку рублевую...» (Устав князя Всеволода Мстиславовича. Памятники русского права, 2, М., 1953, стр. 162—163).

[6] LUB, I, Reval, 1853, № 75.

[7] Существуют следующие определения величины готландской марки: 204 *г*; 208 *г*; 210,5 *г*; 213,6 *г*; 216,4 *г* (Я. К. Земзарис. Ук. соч., стр. 210).

[8] F. v. Schrötter. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin — Leipzig, 1930, стр. 371.

[9] «...Dicti antem magister et fratres dabunt nobis in instanti mille marcas argenti puri ad pondus Coloniense, et si (испорченное место) ad pondus Rigense dare voluerint, ad pondus marcae Rigensis addent dimidium fertonem argenti...». LUB, II, Reval, 1855, № 614.

ном документе 1532 г. Это экспертиза рижского гуманиста Буркгарда Вальдиса по вопросам чеканки ливонской монеты, где сказано, что 72 рейнских гульдена весят одну кельнскую марку, а 64 гульдена — одну ливонскую (рижскую) марку [10]. Г. Паукер, разбирая документальные данные 1561 г., приходит к выводу, что 18 рижских лотов соответствовали одной кельнской марке, а это также приводит нас к соотношению 8 : 9, так как марка подразделялась на 16 лотов [11].

Если из соотношения 8 : 9 вычислить вес рижской марки, принимая кельнскую за 234 *г*, то получим вес 208 *г*. Этот вес рижской марки для XV—XVI вв. можно считать в настоящее время несомненным. И если еще в 1955 г. Я. К. Земзарис выдвигал гипотезу, что рижская марка весила 204,6 *г*, иными словами, что в Риге применялся русский вес северной системы, но тут же осторожно оговаривал, что «вопрос о мерах веса древней Риги все-таки нельзя считать решенным» [12], то в своей последней работе, принятой к печати Академией наук Латвийской ССР, он уже принимает величину рижской марки в 208 *г* как достаточно твердо обоснованную [13]. Четкое определение рижской марки в 208 *г* позволяет нам также принять эту цифру за наиболее вероятный вес готландской марки, так как среди разных определений последней встречается и величина 208 *г*.

Весовой единицей, которая юстировалась по эталону марки и представляла собой сдвоенную марку, был марковый фунт (средненижненемецк.— marcpunt). Вес его, следовательно, равнялся в Риге 416 *г*. Марковый фунт представлял собой связующее звено между единицами системы серебряного веса и крупными единицами, применявшимися на скалвах. Марковый фунт служил на скалвах для измерения тех количеств взвешиваемого товара, которые выходили за пределы крупных весовых единиц, бывших в употреблении на этих больших торговых весах. В русском языке термину «марковый фунт» соответствовал термин «большая гривенка».

Главной весовой единицей на скалвах как в Риге, так и в других местах, прилегавших к Балтийскому морю, был в XV в. шиффунт (средненижненемецк.— scheppunt), что значит корабельный фунт, т. е. единица веса, зародившаяся и применявшаяся в заморской торговле. На Руси шиффунту соответствовал берковец. Этот термин первоначально был прилагательным, о чем говорит его древнее написание «бьрковъскъ», которое было первоначально составной частью сочетания «бьрковѣскъ поудъ» [14]. Если учесть, что бирками (швед.— biärkö) в XII в. называли те места на островах и берегах Балтийского моря, где встречались для обмена товаров заморские купцы Востока и Запада и где действовало особое право, называемое бирковым правом (biärkörätt) [15], то становится ясным, что семантика терминов «шиффунт» и «берковец» одна и та же: оба обозначали единицу веса международной морской торговли. Ближайшим к Новгороду бирком был о. Койвисто (Березовый), недалеко от современного Выборга. Термином «biärkörätt» позже в Скандинавии стали называть вообще городское право в противоположность земскому [16].

[10] «... myne grundt wil ick stellen up den gulden, de dar helt 18 crat 3 grein und 18½ crat, unde der 72 ene Kolnsche marck weghen, oft der 64 ene Liflantsche lodege marck weghen...». Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. III, Riga, 1910, № 308, 11.

[11] G. Paucker. Metrologie Russlands und seiner deutschen Provinzen nach Quellen bearbeitet. 1831. Рукопись, Архив Академии наук СССР, ф. 2, оп. 5а, № 5, л. 38 и об.

[12] Я. К. Земзарис. Ук. соч., стр. 210.

[13] J. Zemzaris. Latviias feodālisma laika metrologijas pārskats (рукопись), хранится в Институте истории АН ЛатвССР. Личное сообщение автора.

[14] А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. I, М., 1910—1914; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. I, М., 1964, стр. 156—157.

[15] Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. I, København, 1956, стр. 655—659.

[16] Ад. Стендер-Петерсен в своей монографической статье о берковце непосредственно связывает этот термин и называемую им весовую единицу с именем швед-

Фракцией шиффунта в Риге, как и в других ливонских городах, был лисфунт (нижненемецк.— lyvespunt, lispunt), т. е. ливский фунт, древняя местная единица измерения. Русские использовали для названия лисфунта термин «пудок». Во всех городах Ливонии шиффунт делился на 20 лисфунтов, а лисфунт приравнивался к 20 марковым фунтам. Шиффунт, следовательно, считали равным 400 марковым фунтам.

Но если система подразделения шиффунта в Ливонии была единой, то реальная величина шиффунта была еще там полностью обусловлена феодальной раздробленностью: каждый город имел свою собственную величину шиффунта. Разница между ними могла быть даже очень значительной: пярнуский шиффунт был, например, на 24 маркфунта тяжелее таллинского [17].

Унификационные мероприятия съездов ливонских городов и ландтагов не шли дальше установления обязательных соотношений между шиффунтами отдельных городов и сличения и исправления на этой основе городских эталонных гирь. Первое известие о таком соглашении относится к 1460 г., что не исключает существования более ранних аналогичных конвенций. В 1460 г. на съезде в Валга ливонские города определили, что таллинский шиффунт должен быть легче рижского на 8 марковых фунтов, тартуский — на 4; пярнуский шиффунт должен быть на 16 марковых фунтов тяжелее рижского, а вильяндиский на поллисфунта [18].

Следующее известие об аналогичном мероприятии относится к 1519 г. Из протоколов происходившего тогда в Риге съезда городов мы узнаем не только то, что соотношения шиффунтов Риги, Таллина и Тарту за прошедшие 59 лет не изменились, но также и некоторые важные подробности о технике сличения эталонных гирь (нижненемецк.— sleper — спящий, ср. аналогичное название эталонов на французском языке — dormant). Эталонами служили гири в пять лисфунтов, т. е. четвертую часть шиффунта. Рижский эталон должен был уравновешиваться тартуским эталоном с добавкой гири в один марковый фунт и таллинским эталоном с добавкой гирь в два марковых фунта [19].

Эти данные имеют большое метрологическое значение. Во-первых, мы видим, что за основу определения правильного веса шиффунтов отдельных городов бралась величина рижского эталона как принадлежащего самому большому и авторитетному торговому городу Ливонии. Во-вторых,

---

ского торжища Бирка, бывшего в X в. центром балтийской торговли и прекратившего свое существование около 975 г. (Ad. Stender-Petersen. La livre de Birca. Сб. «Varangica», Aarhus, 1953, стр. 165—179). Этот автор обосновывает свою гипотезу лишь этимологически, исходя из звукового сходства слов «берковец» — «Бирка»; других доказательств он привести не может, так как нет еще пока свидетельств тому, что в Бирке применялись большие торговые весы, для которых такая крупная величина, как берковец, была бы естественной весовой единицей. Нет также никаких известий о торговле Новгорода с Биркой. Фонетическое же сходство с одинаковым правом позволяет нам связать термин «берковец» с хорошо засвидетельствованным доганзейским периодом активной торговли Новгорода в XII — первой половине XIII в. на бирках Балтики, когда новгородские купцы еще плавали к берегам Дании и Швеции, когда центром балтийской торговли был крупнейший бирк — о. Готланд. Мы склонны возникновение весовой единицы и русского термина берковец связывать именно с этим периодом заморской торговли Новгорода. Возможно, что словом «берковец» первоначально называли по-русски весовую единицу, которую применяли на о. Готланде и в других бирках при покупке новгородского воска, в противоположность внутриновгородским русским весовым единицам, как капь, пуд и др. Но это, конечно, только предположение.

[17] «Hanserezesse», cep. 2, IV, Leipzig, 1883, раздел 18. См. также Я. К. Земарис. Ук. соч., стр. 213.

[18] Там же.

[19] «Item de Dorpatsche sleper van vyff lispunden darby gesettet eyn markpunth is den Rigeschen vyff lispunden geljck, wyll dat Rigesche schippunt swarer syn dan dat Dorptesche veer markpunth... Item de Revelsche sleper vyff lispunth darby gesettet twe markpunth is den Rigeschen vyff lispunth gelick; wyll das Rigesche schippunt swarer sin dan dat Revelsche achte marckpunt». Akten und Rezesse der livlandischen Ständetage. III, № 89, Punkte 67 u 68.

что величина шиффунта строилась не как многократное веса эталона наименьшей измерительной единицы, применяемой на данном типе весов (в нашем случае маркового фунта), а исходя из довольно крупной эталонной гири — 5 лисфунтов. По этой гире определялся лисфунт, как вес ее пятой части, а шиффунт, как сумма веса четырех таких гирь. В-третьих, что, собственно говоря, фунта как фракции шиффунта, выводимой из эталонных гирь скалвовой системы, не существовало. Для выражения разницы между весом шиффунтов отдельных городов использовался марковый фунт — единица, юстируемая по эталонам другой весоизмерительной системы, а именно по марке серебряного веса. В связи с этим также и при торговом взвешивании на скалвах количества товаров менее лисфунта или его половины довешивались марковыми фунтами [20].

При таком положении, т. е. при наличии на одних весах гирь разных систем, нельзя ожидать, чтобы величина маркового фунта точно совпадала с величиной фунта, которая получается, если эталонную гирю в 5 лисфунтов разделить на 100. Приравнивание шиффунта к 400 марковых фунтов, а лисфунта к 20 марковым фунтам было приблизительным и включало в себя расхождение, которым пренебрегали. Этим мы объясняем тот факт, что когда в 1761 г. впервые была точно определена величина рижского торгового фунта по существовавшим тогда эталонам, то он не совпадал с марковым фунтом в 416 *г*, а оказался несколько тяжелее, его вес был установлен в 9425,743 русских долей, т. е. в 418,821 *г* (округл.— 419 *г*) [21]. Если вычислить на основании этого определения величину рижских шиффунта и лисфунта XVIII в., то получается соответственно 167,528 *кг* и 8,376 *кг*.

Возникает вопрос: можно ли считать, что реальный вес рижских весовых единиц не изменился с XV в. до момента введения в Риге в XIX в. русских мер веса? Мы полагаем, что на этот вопрос можно дать положительный ответ. Неизмененность рижских весовых единиц подтверждается следующими данными. Во-первых, соотношение рижского шиффунта и таллинского, каким мы его впервые узнаем из документа 1460 г., остается тем же и по данным 1519 г., и по данным 1560 г. [22]. Следовательно, в XV—XVI вв. рижский шиффунт не менял своей величины. Во-вторых, Г. Паукер, очень глубоко изучивший историческую метрологию Прибалтики, пришел к выводу, что величина рижского фунта не изменилась также и с XVI до первой трети XIX в., когда Г. Паукер производил свои исследования [23]. Этот вывод до сих пор еще никем не опровергнут. Он согласуется также с общим наблюдением, что меры крупных торговых центров, какими мы их находим в начале XIX в., сложились к XV в. и, как правило, с тех пор не менялись без соответствующих законодательных актов.

В-третьих, среди гирь-экспонатов Рижского государственного исторического музея, датируемых XIV—XVI вв., имеется и гиря в 5 лисфунтов, т. е. именно той величины, которая использовалась в качестве эталона. Конечно, неизвестно, служил ли этот экземпляр эталоном, но несомненно, что гиря такого номинала точнее всего должна была передавать вес эталона. Эта гиря [24] хорошей сохранности и весит по определению, произве-

[20] Обычай применять на одних и тех же весах для крупных количеств товаров гири одной системы, а для мелких количеств гири другой системы известен не только в Ливонии, но и в феодальной Франции. Ж. Савари сообщает, что в Руане в XVII в. количества товаров весом более чем 13 фунтов измерялись гирями виконтской системы, а количества менее 13 фунтов — гирями маркового веса, соотношение веса этих систем было 100 : 104 (J. Savary. Le parfait négociant. I, 2, Paris, 1721, стр. 189).

[21] Я. Земзарис. Ук. соч., стр. 211.

[22] «Hanserezesse», сер. 2. IV, № 757, раздел 18 (1460); Akten und Rezesse der livländischen Ständetage, III, № 89, Punkt 67 (1519); E. Schulte. Das Danziger Kontorbuch des Jakob Stöve (Hansische Maße, Münzen, Waren, Wege und Zölle um 1560), «Hansische Geschichtsblätter», 62, 1938, стр. 50 и 52, прим. 122.

[23] G. Paucker. Ук. соч., № 5, л. 39.

[24] Другие гири Рижского музея, как правило, дают вес торгового фунта на 1—2 *г* ниже, чем вычисленный из гири в 5 лисфунтов. Если это незначительное расхож-

денному в 1948 г., 41,900 *кг*. Это дает вес рижского торгового фунта в 419 *г* и вес шиффунта в 167,600 *кг*. Эти цифры совпадают с результатами определения единиц рижского веса в XVIII и XIX вв. Мы считаем, что все эти вышеприведенные данные являются достаточным основанием для того, чтобы признать неизменность веса рижского шиффунта для периода с XV по XIX в.

Таким образом, мы получаем следующие величины для рижских весовых единиц второй половины XV в., которые могут нам служить основанием для расчета новгородского вощаного берковца международной торговли: рижская марка весила 208 *г*, марковый фунт — 416 *г*, шиффунт — 167,600 *кг*, лисфунт — 8,380 *кг*.

III

Переходим теперь к разбору ливонских известий о новгородском вощаном весе. Из переписки ливонских городов известно, что в 1396 и в 1423 гг. новгородцы вели с этими городами переговоры, на которых обсуждался вопрос о заключении весовой конвенции, так как из-за отсутствия таковой русские купцы терпели в ливонских городах большие убытки при продаже воска [25]. Из этих источников нельзя узнать, каким весом новгородцы продавали ливонцам и ганзейцам воск, из них только видно, что русская сторона была существующим положением недовольна и что ливонцы предлагали новгородцам сравнять свой вес с весом одного из ливонских городов — Таллина или Тарту, на что Новгород не соглашался, обещая дать по этому предложению письменный ответ [26]. Этот ответ до нас не дошел. Затем источники около полвека не касаются вопросов вощаного веса, и только во время переговоров о введении в Нарве новгородского веса в 1468 г. говорится как о давно известном факте, что Новгород и Тарту пользуются одним и тем же весом, юстируемым по эталонам Тарту [27]. И действительно, когда в этом же году в Нарве был введен вощаной вес по новгородским эталонам, то нарвский вес стал одновременно равным тартускому, в то время как до того он должен был быть равным таллинскому [28]. Следовательно, когда-то, между 1423 и 1468 гг., была заключена весовая конвенция между Новгородом и Тарту, магистрат которого в данном случае действовал не только от своего имени, но и от имени других ливонских городов, членов Ганзы, так как на него в это время была возложена обязанность управления ганзейским подворьем в Новгороде.

Мы полагаем, что договор об унификации веса между Новгородом и Тарту был заключен вскоре после переговоров 1423 г., ибо как раз в период между 1416—1423 гг. в Новгороде происходил процесс укрепления

дение не отнести за счет несовершенной техники изготовления гирь того времени, то его можно объяснить и тем, что в течение веков, когда гири не употреблялись, пробки их были вскрыты и было изменено количество юстировочного свинца в их полостях. Ведь эти гири принадлежат к типу литых бронзовых полых гирь, с отверстием, закрываемым специальной пробкой. Гири отливались с несколько заниженным весом, а окончательная юстировка производилась путем добавки в полость кусочков свинца. Целость пробки эталонной гири в 5 лисфунтов не нарушена, в то время как у гири той же серии в 10 лисфунтов пробка утеряна, содержимое полости отсутствует. Поэтому понятно, что фунт, вычисленный на основании последней гири, имеет вес только 416.250 *г*.

[25] LUB, VI, Reval, 1859, № 1512 (1396).

[26] «Item so is mid den Russen gesproken van der waswage, umme de to voreffende geliik ener wichte in den Dudeschen steden Darpte edder Revele. Hir van willen de van Nougarden den van Darpte een antworde scriven». Hanserezesse, cep. 1, VII, Leipzig, 1883, № 568, раздел 61 (1423).

[27] Нарвцы предлагали в ходе переговоров новгородцам сличить новгородские гири с тартускими, «поскольку они (новгородцы) свой вес имеют от Тарту» (nademe se ere wichte von Darpte hedden). LUB, XII, Riga — Moskau, 1910, № 558. Подробнее о нарвских переговорах и их результате см. И. Э. Клейненберг. Ук. соч., стр. 91.

[28] A. Süvalep. Narva ajalugu, I, Narvas, 1936, стр. 292.

государственной власти, сосредоточившейся в Совете господ[29]. Одним из результатов этой консолидации был также ряд мероприятий, направленных на создание условий для развития новгородской зарубежной торговли. К таким действиям относятся денежная реформа, усиление борьбы с привилегиями Ганзы и меры для освоения ливонского рынка, как, например, восстановление русских прав на акваторию р. Наровы, строительство новой церкви и подворья в Таллине, торговый договор с Ливонским орденом[30]. Мы предполагаем, что и весовая конвенция входила также в серию этих торгово-политических мероприятий. Она было подготовлена и заключена представителями новгородского купечества с согласием и поддержкой архиепископа и боярской власти.

Из протоколов съезда ливонских городов мы знаем, что тартуский шиффунт был на 4 марковых фунта легче, чем рижский, а так как тартуский вес и новгородский были едины, то мы, вычислив в метрических единицах вес тартуского шиффунта, узнаем одновременно и величину новгородского берковца международной торговли, которая, таким образом, оказывается равной 165,936 *кг*, округленно 166 *кг*. Одна четырехсотая часть веса этого берковца была равна 415 *г*, что представляет собой величину новгородской вощаной большой гривенки. Новгородский пудок (лисфунт) соответственно должен был весить 8,300 *кг*. Правильность этих цифр подтверждается свидетельствами 1635 и 1736 гг. В 1635 г. граждане г. Выборга просили шведское правительство разрешить им пользоваться и впредь весовыми единицами, которыми они исстари пользовались при торговле с русскими. Это ходатайство[31] касалось сохранения в Выборге величины лисфунта в 8,33 *кг*. В таллинском учебнике арифметики И. Д. Интельмана, изданном в 1736 г., имеются сопоставления величины местных весовых единиц с русскими. Расчет показывает, что под русским весом И. Интельман[32] понимает вес, построенный на фунте в 415,85 *г* при весе таллинского фунта в 437,755 *г*.

IV

После того как мы установили величину новгородского вощаного берковца, которая засвидетельствована с 1468 г. и применялась еще в Выборге в первой трети XVII в., а в Таллине в начале XVIII в., возникают вопросы о том, что же было до заключения новгородско-тартуской конвенции, какими весовыми единицами продавали тогда новгородцы свой воск ганзейцам и ливонцам, почему использование этих старых мер оказалось новгородским купцам невыгодным и какие преимущества им предоставляла новая конвенционная величина берковца в 166 *кг*. Для того чтобы найти точку отправления для попытки ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к уникальному памятнику, к счетоводным книгам Кенигсбергского управления хозяйством Тевтонского ордена 1402—1404 гг., содержащим много указаний на соотношения мер и веса разных городов по торговому пути из Новгорода во Фландрию[33]. Данные этих записей еще мало изучены, можно указать лишь на работы К. Коппманна, М. П. Лесникова и А. Л. Хорошкевич, где только некоторые из этих данных подвергаются

---

[29] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 270.

[30] Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. ИЗ, 47, 1954, стр. 259—290; И. Э. Клейненберг. Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV веке. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1960, № 2, стр. 140—151; его же. Из истории русского торгового двора в Таллине в XV—XVI вв. (на эстонск. яз., резюме на русск. и немецк. языках). ИАН ЭстССР, XI, сер. обществ. наук, 1962, 3, стр. 241—257; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, № 60.

[31] Kulturhistorisk leksikon for nordisk meddelalder. I, København, 1956, стр. 642

[32] Joh. Dan. Intelmann. Arithmetischer Wegweiser oder Erstes Revalsches Rechenbuch. Halle, 1736, стр. 9.

[33] C. Sattler. Die Handelsrechnungen des Deutschen Ordens. Leipzig, 1887.

разбору[34]. Ниже мы используем из материала орденских счетоводных книг только те указания, которые относятся к соотношению вощаного веса в Пруссии, Новгороде, Риге, Тарту.

В книгах орденских экономов записано, что «четыре шиффунта воска в городе Риге составляют здесь в стране (т. е. в прусских владениях ордена.— *И. К.*) полных пять шиффунтов», что «четыре шиффунта воска в городе Великом Новгороде составляют в стране пять шиффунтов плюс шесть марковых фунтов» и что «четыре шиффунта воска в городе Тарту составляют здесь пять шиффунтов плюс пять марковых фунтов»[35]. Далее там имеется еще запись, в которой сообщается, что «в Великом Новгороде 24 лисфунта составляют один шиффунт, а 20 марковых фунтов составляют там один лисфунт»[36]. Следовательно, весовая единица, которой новгородцы продавали немцам на рубеже XIV—XV в. воск и которая автором записей названа «новгородским шиффунтом», делилась на 480 марковых фунтов, иначе говоря, больших гривенок.

Последняя запись позволяет нам сделать важный вывод. Оказывается, что «новгородским шиффунтом» орденский счетовод называет не берковец, который, как известно, делился на 400 фунтов, а другую единицу измерения, применявшуюся русскими при торговле воском. Эта единица хорошо известна из более поздних источников, относящихся к XVII в., она действительно распадалась на 480 больших гривенок (фунтов) и называлась вощаной четвертью[37]. Русское название этой измерительной единицы для XIV—XV вв. не засвидетельствовано. Ни И. И. Срезневский, ни Г. Е. Кочин не приводят в своих словарях этого термина. Мы условно будем называть новгородский шиффунт в 480 марковых фунтов орденских записей «вощаной четвертью». Итак, не берковец был весовой единицей, которой в Новгороде продавали в начале XV в. западным купцам воск, а вощаная четверть, которую немцы называли новгородским шиффунтом.

Чтобы вычислить вес вощаной четверти в метрических единицах, нужно обратиться к первой записи в орденских книгах, где дается соотношение между прусским, новгородским и ливонским шиффунтами. Так как за основу там взят прусский вес, применявшийся в Кенигсберге, то и мы должны в наших расчетах исходить из прусского (кенигсбергского) шиффунта. Мы предполагаем при этом, что речь идет о шиффунте, который подразделялся на 400 марковых фунтов, т. е. о наиболее древнем и распространенном в восточной половине Балтики типе вощаного шиффунта. Так как вес такого прусского шиффунта из литературы не известен, то нам необходимо его реконструировать, исходя из веса прусской, так называемой кульмской марки, расчетом которой занимались многие ученые. Обзор этих исследований и библиография вопроса даны Э. Вашинским, ко-

---

[34] K. Koppmann. Das Gewichtsverhältnis zwischen Thorn, Flandern und Lübeck. «Hansische Geschichtsblätter», Jg. 1893, Leipzig, 1894, стр. 117; М. П. Лесников. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV в. и начале XV в. ИЗ, 1952, 39, стр. 259—278; Л. А. Хорошкевич. Иностранное свидетельство 1399 г. о новгородской денежной системе. Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского. М., 1962, стр. 302—307.

[35] «Item in der stadt czu Ryge 4 schiffpfunt wachs machen hir im lande volkomen 5 schyffpfunt ...czu Grossen Nawgarden in der stadt 4 schiffpfunt wachs, die machen hyr in dem lande 5 schiffpfunt unde 6 marcpfunt ... 4 schiffpfunt wachs in der stadt czu Darbite, die machen hir 5 schiffpfunt und 5 marcpfunt» (C. Sattler, Ук. соч., стр. 173).

[36] «Item czu Grossen Nawgarden machen 24 lysspfunt 1 schiffpfunt und 20 marcpfunt machen do 1 lysspfunt». Там же.

[37] Л. В. Черепнин. Русская метрология. М., 1944, стр. 67. Н. М. Карамзин указывает на то, что во всех старинных русских арифметиках четверть вощаная в 12 пудов отождествлялась с капью (Н. М. Карамзин. История государства Российского. III, СПб., 1842, стр. 103, прим. 252); Д. М. Прозоровский высказывает несколько предположений о происхождении вощаной четверти как весовой единицы (Д. М. Прозоровский. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. ЗАО, XII, 2, СПб., 1865, стр. 581).

торый определяет величину прусской (кульмской) марки в 190,08 *г* и считает ее почти равной польской марке [38]. Последнее по времени определение польской монетной марки мы находим у С. Суходольского, который установил ее вес, правда, для XI—XII в., в 191,52 *г*, что хорошо согласуется с результатом Э. Вашинского [39]. Определения польской марки более ранними авторами [40] различны и колеблются от 183,5 до 197,98 *г*.

М. П. Лесников вычислил вес прусской марки в 187,5 *г*, при этом он основывался на ее сравнении с тройской маркой и исходил из данных орденских счетоводных книг [41]. Мы согласны с расчетом М. П. Лесникова и считаем вычисленный им вес действительно весом одной из марок, применявшихся в Польше и Пруссии при торговле серебром, но мы не считаем величину этой марки той величиной, которая лежала в основе маркового фунта, используемого в Пруссии при взвешивании воска. Для наших расчетов прусского вощаного шиффунта более приемлема величина прусской марки в 190,08 *г*, установленная Э. Вашинским [42], так как этот автор собрал много доказательств, что прусский марковый фунт, который нам в первую очередь важен как единица при взвешивании воска, весил в XV в. около 380 *г* [42]. К этому можно добавить, что еще в начале XVIII в. в Кенигсберге употреблялся фунт розничного веса в 380,342 *г* — величина, несомненно, не случайная, а восходящая к марковому фунту XV в. [43].

Приняв, таким образом, вес прусской марки в 190,08 *г* за исходную величину для расчетов вощаных шиффунтов на основании отношений, сообщенных в орденских счетоводных книгах, мы в первую очередь вычисляем величины прусского маркового фунта и шиффунта. Первый весил, следовательно, 380,160 *г*, а второй при четырехсотфунтовом составе 152,064 *кг*.

Новгородский шиффунт орденских книг (т. е. вощаная четверть) весил 5 прусских шиффунтов плюс 6 марковых фунтов, что дает его вес в 190,650 *кг*. Разделив это число на 480, получаем вес новгородской вощаной большой гривенки 397,187 *г*. Половина этой гривенки представляла собой величину 198,593 *г*.

Полученные цифры интересны, особенно последняя, так как она приближается к цифре, выражающей вес, которым обладали платежные серебряные слитки в Новгороде того же периода. Если мы обратимся к весовой диаграмме слитков северного веса XIV в., опубликованной В. Яниным, то увидим, что большинство этих слитков имеют вес в пределах от 195 до 200 *г*. В. Янин также наглядно показывает, что норма слитков оставалась неизменной на протяжении всего периода их применения от XI до XV в. Их средний вес колеблется по векам от 197,30 до 198,21 *г*, наблюдаемая разница менее чем в 1 *г* никакого значения при уровне измерительной техники тех времен иметь не может [44]. То, что полученная нами величина для единиц вощаного веса сближается с величиной, хорошо обоснованной в древнерусской метрологии, подкрепляет правильность наших расчетов.

Вычисленная нами величина новгородской вощаной большой гривенки позволяет нам сделать следующие выводы: во-первых, что система вощa-

---

[38] E. Waschinski. Die Münz- und Währungspolitik des Deutschen Ordens in Preußen, ihre historischen Probleme und seltenen Gepräge. Göttingen, 1952; S. Suchodolski. Grziwna i stopa mennicza w Polsce w XI—XII w. «Wiadomosci numismaticzne», Warszawa, IV, 1960, 1—2.

[39] E. Waschinski. Ук. соч., стр. 50.

[40] F. v. Schroetter. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin — Leipzig, 1960, unter «Mark».

[41] М. П. Лесников. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV в. и начале XV в. ИЗ, 39, 1952, стр. 262—263.

[42] E. Waschinski. Ук. соч., стр. 53.

[43] H. J. Alberti. Maaß und Gewicht. Berlin, 1957, стр. 376.

[44] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 46, 48.

ного веса в Новгородской международной торговле не строилась на основе традиционного русского фунта в 409,512 *г* или малой гривенки серебряного веса северной системы в 204,756 *г*, развитие которой прослежено В. Л. Яниным; во-вторых, что новгородская система вощаного веса совпадала с нормой веса новгородских платежных слитков. Таким образом, величину 197—198 *г* в новгородской метрологии следует рассматривать не только как обычный вес слитка чистого серебра, полученного от переплавки количества 204,756 *г* легированного серебра, но и как норму весовой единицы, существовавшей если и не в системе серебряного веса, то, во всяком случае, в системе вощаного веса в качестве половины большой гривенки [45].

Обратимся теперь к записям в орденских счетоводных книгах, где зафиксировано отношение прусского веса к весу в Тарту и Риге. Сразу бросается в глаза, что немецкие купцы скупали воск как в Новгороде, так и в ливонских городах одним и тем же весом. Локальные варианты: разница между Новгородом и Тарту в 1 марковый фунт и между Новгородом и Ригой в 6 марковых фунтов на 4 шиффунта, метрологического значения для таких крупных весовых единиц, как шиффунт, иметь не могли. Если расчет новгородского шиффунта нам дал величину 190,650 *кг*, то закупочный шиффунт в Тарту должен был соответственно весить 190,270 *кг*, а в Риге 190,080 *кг*. Практически для тех времен это была одна и та же весовая норма.

Для того, чтобы установить происхождение этой нормы, разделим вычисленные значения для шиффунтов на 400 и получим, таким образом, величину маркового фунта, лежащего в основе этих крупных единиц. Оказывается, что этот фунт весил в Новгороде 476,625 *г*, а в Риге 475,02 *г*. Эти величины приближаются к весу фунта города Любека, главы Ганзейского союза. Вес 477 *г* любекский фунт имел, по Э. Вашинскому, «в конце средних веков», т. е. в XV в. [46].

Любек, возникший как немецкий торговый город сравнительно поздно (основан в 1143 г., до этого на его месте было славянское поселение), первоначально заимствовал свой вес от более древнего и наиболее авторитетного рейнского торгового города Кельна (марка — 234 *г*, марковый фунт — 268 *г*). Но со временем кельнские марка и фунт становились в Любеке все тяжелее и тяжелее. По архивным данным, любекская марка к концу XV в. была уже на полтора квентина (5,475 *г*) тяжелее кельнской и соответственно был тяжелее и марковый фунт в Любеке [47]. Но тем не менее любекский вес продолжал традиционно считаться производным от кельнского веса.

Связав величину 475,02—476,625 *г* с величиной любекского фунта, можно сделать вывод, что немецкие купцы при закупке воска в XIV в. в Новгороде и в ливонских городах пользовались единым весом, а именно шиффунтом в 400 марковых фунтов любекского варианта кельнского веса.

Такое положение можно считать вполне естественным, так как немецкие купцы приезжали в ганзейское подворье св. Петра в Новгороде, в Полоцк и в ливонские города из самых различных городов северной и западной Германии, входивших в Ганзу. В их родных городах употреблялись самые различные местные единицы измерения. Но в ганзейских подворь-

---

[45] Сходные цифры мы встречаем и у других исследователей, которые исходили из совершенно иных материалов. Так, например, Г. Б. Федоров оперирует с весовой нормой рубля XIV — XV вв. 195 *г* (Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества времен Дмитрия Донского и Василия I (1359—1425). МИА, 12, 1949, стр. 148—153); Н. П. Бауер высказывает предположение о существовании в XIV—XV вв. более легкого русского фунта, чем традиционный в 409,512 *г*, причем в качестве теоретической нормы он упоминает величину 397 *г* (N. Bauer. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. 2. «Numismatische Zeitschrift», Wien, Jg., 64, 1931, стр. 98).

[46] E Waschinski. Währung, Preisentwicklung und Kaufkraft des Geldes in Schleswig-Holstein von 1226—1864. Neumünster, 1952. стр. 20.

[47] Там же, стр. 10—11, 19.

ях в странах восточной Балтики они должны были пользоваться дворовыми общественными весами и гирями, которые должны были быть едиными для всех, так как иначе нельзя было бы решить никаких торговых конфликтов, так часто связанных с обмером и обвесом. Устав двора св. Петра (скра) содержит важные статьи о пользовании и хранении общественных весоизмерительных приборов двора [48]. Естественно также, что в XIV в., когда Любек был гегемоном Ганзы, ганзейские купцы в заморских областях своих закупок пользовались любекскими весовыми единицами.

Следующий вывод, который мы можем сделать, это тот, что новгородская вощаная четверть на рубеже XIV—XV в. совпадала по величине с четырехсотфунтовым шиффунтом любекского веса. То, что новгородская весовая единица, распадающаяся на 480 мелких фракций, состояла в таком идеальном рациональном соотношении с любекским шиффунтом, либо случайность, либо результат длительной обоюдосторонней адаптации. Мы склонны видеть здесь адаптацию любекской нормы к величине новгородской четверти. Подкрепить эту точку зрения можно тем фактом, что новгородская вощаная четверть хорошо согласуется с новгородской же метрологической величиной весом в 197—198 *г*, которая, как это твердо установлено наукой, оставалась неизменной с XI до XV в., т. е. существовала еще во времена, когда немецкого Любека не было. Любекский же вес, первоначально равный кельнскому, испытал изменение (увеличение) как раз в смысле приближения к рациональному соотношению с новгородской вощаной четвертью. Весовая норма четверти, следовательно, древней любского шиффунта, и можно предположить, что когда немецкие купцы прибыли в Новгород со своим шиффунтом, то новгородцы не заимствовали его величину, а противопоставили ему свою собственную, наиболее близкую шиффунту по величине единицу измерения воска — четверть, с оригинальной системой подразделения на 480 мелких фракций — больших гривенок. Так как торговля новгородским воском для Любека в XIII — XIV вв. имела первостепенное значение, то немцы, естественно, были заинтересованы подогнать величину своего шиффунта к величине новгородской вощаной четверти [49].

V

Установив на основании анализа данных орденских счетоводных книг, что на рубеже XIV—XV в. ганзейские купцы скупали воск в Ливонии и Новгороде, измеряя его четырехсотфунтовым шиффунтом на основе любекской разновидности кельнского веса, можно перейти к выяснению причин, вызвавших в XV в. смену весовых единиц, международной вощаной торговли в восточной части Балтики. Нам представляется, что эти метрологические изменения тесно связаны с той борьбой, которая велась в прибалтийских странах против монополистического положения Ганзы. Эта

[48] В. Шлютер. Новгородская скра в семи редакциях. Юрьев, 1911. стр. 133.

[49] Между прочим, величина любекского фунта в 477 *г* не чужда и древнерусской метрологии. При раскопках в Старой Рязани на южном городище была найдена железная восьмигранная гиря весом 478 *г*. К сожалению, А. Л. Монгайт, описавший эту находку, оставил ее недатированной (А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА. 49, 1955, стр. 162, рис. 125, *3*). Для XVII в. и начала XVIII в. Д. И. Прозоровский вычислил величину «московского нормального фунта», как он его называл, в «112 нынешних злотников», что соответствует 477,792 *г* (Д. И. Прозоровский. Ук. соч., стр. 417 и 699). Можно предположить, что употребление этой весовой нормы русскими купцами ведет свое начало со времен ганзейской торговли Новгорода, но вероятнее, что она проникла на Русь в XVI—XVII вв., когда любекские купцы вели систематическую торговлю с Московским государством. (И. П. Шаскольский. Жалованная грамота Михаила Федоровича любекским купцам 1636 г. Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка, М.— Л., 1964, стр. 58 и сл.). Рязанская гиря, возможно, относится также к этому времени, так как городище, на котором найдена гиря, было заселено и в XVII в.

борьба в разных географических районах принимала разные формы. Цели и ход этой борьбы в Новгороде подробно описаны Н. А. Казаковой [50]. Несмотря на то, что ливонские города являлись членами ганзейского союза и продолжали ими оставаться, в их стенах также росли антиганзейские тенденции. В их торговой политике все яснее проступала цель — вытеснить в торговле с русскими купцов заморских ганзейских городов и стать единственными посредниками в товарообмене между русскими землями и Западом.

Особенно преуспевала в этом Рига на торговом пути вверх по Двине, где в XIV в. главную роль в русско-немецкой торговле стал играть Полоцк. Если в XIII в. Смоленск заключал торговый договор не только с Ригой и Готландом, но и с городами Любеком, Бременом, Дортмундом, Зостом, Мюнстером и Гронингеном [51], то договоры Полоцка XV в. имели противной стороной уже одну только Ригу [52]. Мы имеем свидетельства, что Рига, вытесняя из торговли в двинском бассейне заморских ганзейских купцов, одновременно добивалась также замены кельнского фунта, применявшегося ими, рижскими весовыми единицами.

Еще в 30-х годах XIV в. Рига заключает с Полоцком специальный договор о порядке взвешивания товаров и взымания весчей пошлины [53]. Этот договор вводил в Полоцке взвешивание воска, меди и олова на скалвах, сохраняя взвешивание на весах типа пуд, названных в тексте договора «пудный ремень» (безмен с подвижной гирей), лишь для соли. Поскольку этот договор регламентировал взвешивание только в пределах рижско-полоцкой торговли, совершенно не упоминая заморских ганзейских купцов, то естественно предположить, что в его статьях, где устанавливается соотношение веса рижского шиффунта и полоцкого берковца, речь идет о применении на скалвах уже рижского веса, а не кельнско-любекского, засвидетельствованного в Риге записями в орденских счетоводных книгах. Это, конечно, только предположение, так как из текста договора не видно, какая величина подразумевается в нем под рижским шиффунтом. Но то, что кельнский фунт продолжал употребляться в рижско-полоцкой торговле на весах типа пуд и дальше и был окончательно отменен лишь в самом конце XIV в., мы узнаем из переписки полоцкого немецкого подворья с рижским магистратом, так как в ней кельнский фунт назван своим собственным именем.

Из письма немецкого двора от 5 октября 1938 г. видно, что рижане требовали у полочан замены старых весов типа пуд (средненижненемецк.— punder) новыми, которые обязывались поставить рижане. Что речь шла не просто о замене весоизмерительного прибора, но и о смене весовых единиц, видно из ответа полочан, которые противились замене, мотивируя это тем, что «желают остаться при своем старом весе» [54]. Для улаживания конфликта и окончательного введения в полоцко-рижской торговле рижского веса были откомандированы в Литву два члена рижского магистрата, один из которых, Герман Бадинк, 31 января 1399 г. мог сообщить в Ригу, что «полоцкие граждане приняли новый пуд, и кельнский фунт отменен», далее он просит прислать из Риги гири также для скалв [55]. Таким образом, прекратилось применение кельнского фунта в рижско-полоцкой торговле также и на весах типа пуд.

---

[50] Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. ИЗ, 28, 1949, стр. 111—131.

[51] Памятники русского права. II, стр. 70 и 85.

[52] Е. Муравская. Организация торговли Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII—XV вв. Уч. зап. Латв. ГУ. 40, 3, Историч. науки. 1961, стр. 299—330.

[53] Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868, № 74.

[54] «...wolden by erer olden wichte blyven». Hansisches Urkundenbuch. V, Halle, 1899, № 345, сравни № 349.

[55] «...dat de borghere tho Ploskau untfangen hebben den nyen punder, unde dat Coelsche punt is aff.». Там же, № 364; см. также LUB, VI, № 2946; Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868, № 126.

В Копысском торговом договоре 1406 г., который создал правовую основу для торговли Полоцка с Ригой на весь XV в., взвешивание на пуде отменялось совсем, соль должна была взвешиваться на скалвах тем же весом, что и воск, и Рига брала на себя обязанность поставлять в Полоцк и ремонтировать весы и гири [56]. Этим актом окончательно закреплялось в двинской торговле вытеснение применявшегося здесь раньше кельнско-любекского (ганзейского) веса местным рижским.

Экономическая подоплека рижской метрологической политики прозрачна. Дело было не только во взятии весового хозяйства в свои руки, в освобождении от заморских эталонов, в унификации, но еще в большей мере в вытеснении с полоцкого рынка своих конкурентов, ганзейских купцов. Ведь рижский шиффунт был на 22—23 *кг* легче кельнско-любекского, что заставляло полоцких купцов при продаже воска отдавать предпочтение покупателям-рижанам, учитывая средневековую стабильность цен за одноименные весовые единицы, даже если последние сильно разнились между собой [57].

VI

Главной целью торговой политики Новгорода в XV в. была борьба против монополии ганзейских купцов [58]. Новгород пытался создать своим купцам условия для активной торговли помимо ганзейского подворья в самом городе, а также и за рубежом, в первую очередь в ливонских городах и в подчиненной Швеции Финляндии. Исходя из этой главной цели, следует и понимать метрологическую политику новгородского купечества. Если в XIV в. во время господства монополии Ганзы, когда западная торговля Новгорода сосредоточивалась в ганзейском подворье св. Петра, новгородских купцов могла устраивать продажа воска «вощаной четвертью» в 480 больших гривенок, равной любекско-кельнскому шиффунту, то с конца XIV в., когда новгородские купцы все больше и больше стали осваивать ливонский рынок, а также начали посещать финляндский Выборг, положение сильно изменилось и возникла метрологическая проблема, мешавшая нормальному развитию новгородской торговли за рубежом. Ведь в Ливонии русские купцы встретились с метрологической раздробленностью: каждый город имел там свой собственный вес, и величины одноименных весовых единиц разных городов сильно отличались друг от друга, кроме того, русские купцы часто сталкивались с обвесом со стороны ливонских весовщиков, которых иногда побуждали к этому сами городские власти, как это было в Нарве [59]. В случае конфликтов на этой почве было трудно найти их справедливое разрешение, так как отсутствовала весовая конвенция с указанием на то, какие эталоны следует считать контрольными.

Как было уже выше сказано, с конца XIV в. начались переговоры Новгорода с ливонскими городами об обоюдовыгодном решении весовой проблемы. Эти переговоры привели к тому, что между 1423 и 1468 гг. (мы полагаем, что ближе к первой дате) была заключена конвенция, которая отменяла любекско-кельнский вес и вводила при продаже русскими купцами воска как в Новгороде, так и в Ливонии применение единого четырехсотфунтового берковца-шиффунта, построенного на большой гривенке в 415 *г*. Одновременно мы узнаем, что такая же величина шиффунта была

---

[56] Русско-ливонские акты..., № 160 и № 164.

[57] Об этой характерной для западного средневековья особенности соотношения «цена — единица измерения» см. K. Th. v. Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. III, Leipzig, 1901, стр. 359.

[58] Подробнее о ходе этой борьбы см. Н. А. Казаков. Ук. соч.

[59] LUB, XII, № 558.

принята и в Тарту, в котором в начале XV в., по данным орденских торговых книг, воск еще покупался кельнским весом.

Какие же преимущества представляла величина конвенционного берковца новгородским купцам за рубежом?

Во-первых, величина 415 *г* сходилась с общеливонским марковым фунтом в 416 *г*, который юстировался по единственной действительно общеливонской весовой единице — рижской марке серебряного веса. Разницу в один грамм мы относим за счет неизбежного рассеивания при расчетах средневековых весовых единицах, на которые мы указывали в начале нашей статьи. Правильность веса берковца, построенного на марковом фунте, можно было проверить во всех ливонских городах, если это требовалось из-за возникшего конфликта.

Во-вторых, унификация веса и систематическое сличение эталонов Новгорода и Тарту давали возможность продавать воск одним и тем же весом как в Новгороде в подворье св. Петра, надзор над которым в XV в. осуществляли власти г. Тарту, так и во всей Ливонии, где высшей инстанцией при разрешении весовых конфликтов между русскими и ливонцами мог служить тартуский магистрат, хранивший эталоны конвенционного веса.

В-третьих, величина фунта в 415 *г* совпадала также с величиной одного из самых распространенных шведских торговых фунтов, что создавало для новгородских купцов в Выборге и других шведских владениях те же метрологические удобства, как и в Ливонии[60]. Когда Нарва стала играть важную роль в новгородской торговле, то специальное посольство во главе с купеческим старостой Марком Панфильевым явочным порядком ввело конвенционный вес также и на нарвской важне.

Следовательно, величина берковца, выбранная новгородцами, позволяла им продавать свой воск единым весом как в своем родном городе, так и во всех зарубежных портах, посещаемых ими.

Кроме перечисленных преимуществ не следует забывать также и удобство, которое вызывалось тем, что берковец и шиффунт одинаково распадались на 400 более мелких фракций, что не имело места у вощаной четверти. Конвенционный берковец был также значительно легче вощаной четверти, что имело большое значение для средневековых купцов, предпочитавших всегда продавать свой товар легкими одноименными весовыми единицами, а покупать его тяжелыми.

Последнее, для этой эпохи не менее важное преимущество, состояло в том, что введение конвенционного берковца не было абсолютным новшеством, а фактически представляло собой восстановление «старины», существовавшей до того, как ганзейцы стали монопольными посредниками в балтийской торговле, до того, как они навязали своим торговым партнерам выгодную им систему скупки воска любекско-кельнским шиффунтом и вощаной четвертью. Ведь берковец как весовая единица существовал и применялся в Новгороде и в русских городах по двинскому торговому пути Смоленске и Полоцке значительно раньше его признания новгородско-ливонской конвенционной весовой единицей. Древнейший сохранившийся оригинальный документ с упоминанием слова «берковец» — это рекламация смоленского князя Федора к рижскому архиепископу 1284 г.[61] Берковец назван также в «Рукописании» новгородского князя Всеволода Мстиславовича в качестве единицы измерения воска при торговле между собой русских купцов разных земель[62]. По датировке

---

[60] Шведский скалвовый фунт (skålpund) в средние века был равен двум стокгольмским маркам и весил 415,4 *г*. Стокгольмская серебряная марка, следовательно, сближалась по своей величине с готландской маркой, если не совпадала с ней. (Sam Owen Jansson. Mått, mal och vikt i Sverige till 1500-talet. «Nordisk kultur», XXX, Stockholm, 1936, стр. 17).

[61] Ad. Stender-Petersen. Ук. соч., стр. 168.

[62] Памятники русского права, 2, стр. 165.

В. Л. Янина, «Рукописание» было составлено также в конце XIII в.[63] Но по этим сохранившимся первым упоминаниям в документах нельзя судить о действительном времени проникновения берковца в русскую торговлю. Оно произошло значительно раньше. Величина этой весовой единицы построена на фунте в 415—416 *г*, а это позволяет нам установить происхождение берковца и время его принятия русскими купцами. Ведь этот фунт, а следовательно, и берковец построены на марке весом около 208 *г*, а эту величину имела в начале XIII в. готландская марка, как это вытекает из твердо установленного веса рижской марки, которая была равна готландской. Расцвет доганзейской балтийской торговли с центром на Готланде падает на XII — первую половину XIII в. К середине XIII в. готландской торговлей уже завладели немецкие города с Любеком во главе. Следовательно, в XII в., когда Готланд был еще наиболее авторитетным торговым центром, в международной торговле на балтийских бирках и распространился шиффунт-берковец в 400 марковых фунтов, образуемых сдвоенной готландской маркой. От готландских единиц измерения веса, таким образом, произошли и новгородский берковец, и стокгольмский шиффунт и рижский, только последний в силу его определения по крупным эталонам со временем отошел больше всего от маркового веса и дал более тяжелый торговый фунт в 419 *г*.

Замену берковца вощаной четвертью с большей долей вероятности можно датировать 1262/63 г., когда на основании торгового договора с немецкими городами и Готландом были отменены при взвешивании воска в Новгороде весы типа пуд и заменены скалвами: «Пудъ отложихомъ, а скалви поставихомъ по своей воли и по любви»[64]. В этом договоре представитель Любека уже назван перед представителем Готланда, что свидетельствует о том, что к этому времени купечество города Любека захватило в свои руки руководящую роль в деле организации немецкой торговли с Новгородом. О том, что смену весовых единиц в те времена удобнее всего было проводить в связи со сменой типа весоизмерительных приборов, мы видели уже при обсуждении смены веса в рижско-полоцкой торговле. Через несколько лет в проекте договора 1269 г. в новую систему вощаного веса включалась капь. Проект уточнял, что капь должна быть равна восьми лисфунтам, т. е. она приравнивалась к одной трети вощаной четверти[65].

После замены берковца в новгородской торговле с Западом вощаной четвертью, равной шиффунту любекско-кельнского веса, берковец не исчез, а остался в употреблении в Новгороде и других русских городах как единица измерения воска внутренней торговли наряду с капью и другими местными единицами и в связи с этим перестал ощущаться как заимствованная извне мера, т. е. органически включился в русскую весоизмерительную систему.

Естественно, что и в Тарту, который был с XI в. новгородским пригородом Юрьевым, также применялись новгородские весовые единицы, в том числе и берковец. В Тарту ганзейцы также ввели, как мы видим, покупку воска любекско-кельнским шиффунтом. Но берковец и там, несомненно, продолжал существовать как внутригородская и областная весоизмерительная единица.

Поэтому новгородскому купечеству и городским властям, когда возник вопрос о весовой конвенции между Новгородом и Ливонией, было легко остановить свой выбор на величине берковца в 166,000 *кг*. Этим, кроме прочих выгод, восстанавливалась «старина», нарушенная ганзейской монополией, как в Новгороде, так и в Тарту, а также не причинялся моральный ущерб ни одной из договаривающихся сторон, так как ни одна из

---

[63] В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 93.
[64] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, № 29.
[65] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 31, стр. 61.

них не принуждалась в результате конвенции к принятию новой, чужой ей измерительной единицы, обе должны были только сличить и выравнять имевшиеся у них эталоны употребительных на их территориях весоизмерительных единиц общего происхождения.

Может быть, в XV в. в сознании людей связь берковца с Готландом была уже забыта. Но достоверно то, что в XVII и в начале XVIII в. берковец на основе фунта в 416 *г* уже определенно связывался только с Россией и противопоставлялся ливонским весовым нормам как русский вес.

VII

Подводя итоги анализа скупых известий, которые сохранились в источниках о вощаном весе в торговле Новгорода с Западом, можно установить следующую последовательность смены величины весоизмерительных единиц.

1. В период, когда Новгород вел активную торговлю с Готландом (примерно до середины XIII в.), воск измерялся четырехсотфунтовым берковцем-шиффунтом, построенном на готландской марке весом около 208 *г*. Величина этого берковца была равна 166,000 *кг*.

2. Когда к середине XIII в. города северо-западной Германии с Любеком во главе (будущая Ганза) захватили монополию в посреднической торговле между Русью и Западом, они ввели в городах восточной Балтики закупку воска шиффунтом на основе любекско-кельнского веса. Этот четырехсотфунтовый шиффунт весил на рубеже XIV—XV вв. 190—191 *кг* при фунте в 475—477 *г*.

Новгородцы противопоставили этой немецкой весовой единице сходную ей по величине вощаную четверть, называемую немцами новгородским шиффунтом, которая делилась на 480 больших гривенок по 397,187 *г*. Половина такой большой гривенки имела величину 198,593 *г*, что сближает новгородский вощаной вес с серебряным, так как новгородские серебряные платежные слитки этого времени весили в среднем столько же.

3. В результате борьбы с монополией ганзейцев любекско-кельнский вес был вытеснен из употребления при покупке русского воска в Новгороде и ливонских городах. В ходе освоения ливонского рынка Новгород заключил между 1423 и 1468 гг. с ливонскими коммунами конвенцию, которой восстанавливалось в Новгороде и во всех ливонских городах, членах Ганзы, измерение продаваемого русскими купцами воска четырехсотфунтовым берковцем весом в 166,000 *кг*. Эта величина новгородского вощаного берковца международной торговли сохранилась в городах восточной Балтики под именем «русского веса» до первой половины XVIII в.; она упоминается последний раз в 1736 г.

К. К. ШИЛИК, Б. Г. ФЕДОРОВ

ГЕОАКУСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДВОДНОЙ ОЛЬВИИ

В последние годы в археологии все шире начинают применяться методы различных естественных и технических наук. Приходят они и в полевую практику. Самым молодым в ряду уже применяющихся является метод геоакустического зондирования акваторий, который широко используется при изучении отложений и тектонических структур дна водоемов, а также в инженерных работах, связанных со строительством гидротехнических сооружений.

В феврале 1963 г. на Всесоюзном совещании, посвященном применению методов естественных и технических наук в археологии был прочитан доклад Е. Ф. Дуброва и К. К. Шилика «Применение метода звуковой геолокации для поисков и исследования объектов, погребенных грунтами на дне водоемов» [1]. В докладе описывался метод геоакустического зондирования, выражалась уверенность в его применимости для целей археологии и говорилось о задачах, которые могут быть решены при применении этого метода.

В октябре 1964 г. по инициативе Лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР и Всесоюзным научно-исследовательским институтом методики и техники разведки (ВИТР), насколько нам известно, впервые в Советском Союзе было проведено опробование на затопленном археологическом объекте [2] звукового геолокатора ЗГЛ-1, обычно применяемого в геологии. В качестве объекта исследования была избрана подводная Ольвия.

В литературе об Ольвии имеется немало страниц, посвященных ее затопленной части. Из-за отсутствия средств исследования все ранние работы об этой части городища носят либо чисто умозрительный характер, либо основаны на косвенных соображениях. Это отражено даже в названиях. Так, каменное сооружение, находящееся в лимане напротив раскопа НГФ, до сих пор по традиции, идущей от А. С. Уварова [3], называется «пристанью», хотя всем давно уже ясно, что оно было наземным. Много интересных соображений по поводу основания Ольвии и Нижнего города, в частности, высказывает Б. В. Фармаковский. Под его же руководством впервые проведены промеры дна Бугского лимана напротив «пристани» и сама она нанесена на «Генеральный план» 1915 г., составленный В. И. Деренкиным [5]. Наиболее интересные работы, дающие материал к пониманию вопросов, связанных с затопленной частью городища, были проделаны уже в советское время. Первую попытку непосредственного изучения подводных остатков Ольвии предпринял в 1937 г. с помощью водола-

[1] Археология и естественные науки. М., 1965. 279—281.

[2] В работе принимали участие: от ЛО ИА К. К. Шилик, от ВИТРа А. Г. Линьков, Б. Г. Федоров, В. Б. Замараев и А. Г. Григорьев. Работа проходила при участии и консультациях А. Н. Карасева.

[3] А. С. Уваров. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851, стр. 40.

[4] Б. В. Фармаковский. Ольвия, Птг., 1915, стр. 21—23.

[5] Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 году. СГАИМК, Л., 1, 1926.

зов ЭПРОНа инициатор создания советской подводной археологии Р. А. Орбели[6]. Кратковременность работы (всего два дня) не позволила ему получить достаточное количество фактического материала, и его выводы были слишком поспешными. В нескольких работах обращается к этому вопросу А. Н. Карасев[7]. Л. М. Славин в одной из работ[8] повторяет выводы Б. В. Фармаковского о причинах, побудивших милетцев основать город именно в этом месте, а С. И. Капошина[9] касается причин частичного затопления Нижнего города. В конце 50-х годов, с появлением серийных отечественных акваланго подводная археология в Советском Союзе начала быстро развиваться. Возглавил это направление В. Д. Блаватский. В 1961 г. группа под его руководством провела исследование в Ольвии[10]. Двумя годами ранее там работала самодеятельная группа подводников из Одесского института глазных болезней. Интересные данные, касающиеся подводной Ольвии, получены в 1958 г. непосредственно на пляже городища экспедицией В. В. Лапина[11].

Общеизвестно, что относительный уровень моря в районе Днепро-Бугского лимана за время, истекшее с момента основания Ольвии, поднялся на несколько метров. Вследствие этого наиболее пониженная часть Нижнего города оказалась затопленной. Но она не просто ушла под воду. В ходе наступления моря разрушающее действие лиманных волн смыло верхнюю часть (4—6 *м*) культурного слоя, переотложив рыхлые частицы. Камни же построек, заключенных в размываемом слое, хаотически падали из обрыва на пляж, попадая затем на дно, и могли сдвигаться при ветровых подвижках льда в любом направлении, поскольку течение в лимане отсутствует. Камни небольшой величины могли перемещаться волнением во время штормов. Но, как показали работы в Нижнем городе[12], фундаменты классического и эллинического, а тем более архаического периодов могли остаться не разрушенными в нижней части культурного слоя, которая в настоящее время находится на дне и покрыта слоем песка. Поскольку на данной акватории ранее уже была проведена разведка аквалангистами, мы имели возможность сравнить свои результаты с результатами этой разведки.

Исходя из изложенного, перед геоакустической группой первоначально ставились следующие задачи: а) определить возможность применения прибора ЗГЛ-1 для поисков остатков стен на дне лимана, б) разработать методику поиска, в) провести геоакустическую съемку затопленной части городища. Но затем, в процессе работы, задачи были расширены. Решено было исследовать геологическое строение ольвийского «амфитеатра» (склонов и территории Нижнего города), чтобы разобраться в процессе его затопления.

Сущность метода геоакустического зондирования заключается в следующем[13]. В воде с помощью направленного излучателя возбуждается короткий импульс упругих колебаний звукового диапазона частот. Импульс достигает дна и последовательно отражается от ряда акустических границ, иначе границ сред с различной акустической жесткостью. Акустические границы в общем случае совпадают с литологи-

[6] Р. А. Орбели. Исследования и изыскания. М.— Л., 1947.

[7] А. Н. Карасев. К вопросу о водоснабжении Ольвии. СА, VII, 1941; его же. Оборонительные сооружения Ольвии. КСИИМК, 1948, XXII; его же. Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города. МИА, 50, 1956.

[8] Л. М. Славин. Ольвия как город в VI—I вв. до н. э. СА, XXVIII, 1958.

[9] С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации нижнего Побужья. МИА, 50.

[10] В. Д. Блаватский. Подводные разведки в Ольвии. СА, 1962, 3; Б. Г. Петерс. О подводных археологических работах в Ольвии. КСИА АН СССР. 1963, 95.

[11] В. В. Лапин. Раскопки 1958 г. в прибрежной части Ольвии. МАСП, 4, Одесса, 1962.

[12] В. В. Лапин. Ук. соч.

[13] Е. Ф. Дубров, О. Н. Соколов. Метод геоакустического зондирования. «Советская геология», 1964, 3.

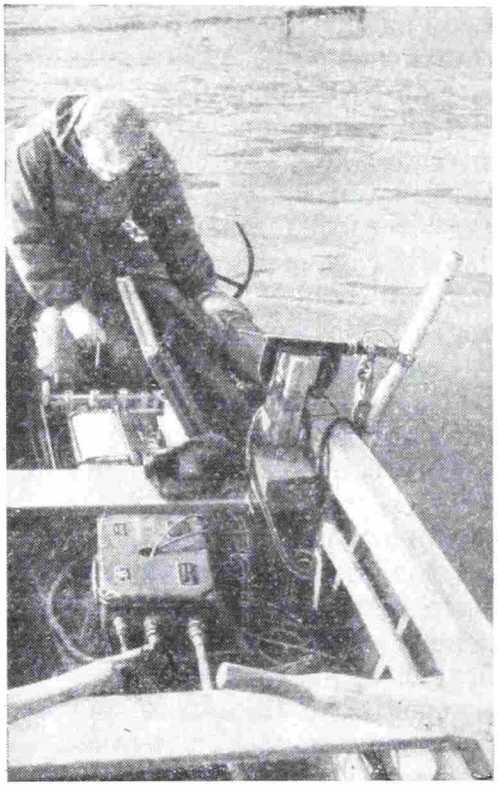


Рис. 1. Звуковой геолокатор ЗГЛ-1, установленный в лодке. Виден регистратор с лентой и подвесная система излучателя, который находится за бортом

ческими границами пород и осадков. Такой же границей является и дно водоема. Все последовательно отраженные сигналы принимаются электроакустическим преобразователем-приемником, усиливаются и регистрируются на электротермической бумажной ленте. Регистрация сигналов, приходящих после излучения данного единичного импульса, ведется поперек ленты. Начало регистрации строго синхронизировано с началом излучения импульса. По окончании цикла излучение — прием лента перемещается на несколько сотых долей миллиметра (в нашем случае на 0,12 *мм*) и начинается новый цикл. Циклы следуют один за другим с постоянной частотой. При движении лодки, на которой установлена аппаратура, на ленте-эхограмме записывается непрерывный профиль дна и поддонных слоев. Аппаратура позволяет, кроме того, делать на ленте временные отметки в виде поперечных линий.

Горизонтальный масштаб эхограммы определяется скоростью протяжки электротермической бумаги и скоростью движения лодки и может быть легко вычислен. Вертикальный масштаб для грунта искажен по сравнению с масштабом для слоя воды, так как скорости распространения акустических колебаний в воде и в грунте могут заметно отличаться. Зная акустические свойства осадков, масштаб можно пересчитать. Глубинность зондирования зависит от конструкции геолокатора, его мощности, частоты излучения и ряда внешних факторов. Решающая роль среди последних принадлежит в первую очередь литологическим свойствам пород и осадков. Конструкция звукового геолокатора ЗГЛ-1 (рис. 1), имеющего две рабочих частоты (10 и 15 *кгц*), обеспечивает в оптимальных условиях зондирование на глубину до 15 ÷ 20 *м* от поверхности дна при глубине воды от 1 до 200 *м*. Точность измерения глубины слоя воды составляет 5 *см*. При этом надо учитывать заглубление излучателя-приемника.

Вес всех блоков приборов ЭГЛ-1 вместе с питанием составляет 130 *кг*. Источниками питания служат две батареи аккумуляторов по 12 *в*. Излучающе-приемная система, заключенная в единый обтекатель, крепится за бортом, так чтобы излучатель и приемник были заглублены в воду не менее чем на 0,3 ÷ 0,5 *м*, а оси их были вертикальны. Самописец, блок питания и аккумуляторы устанавливаются в лодке.

Поскольку объекты исследования (городские стены) невелики по площади, работа по ольвийской акватории велась с весельной шлюпки, что позволяло двигаться с очень малыми скоростями, но мешало выдерживать скорость постоянной, особенно при сильном ветре и волнении.

На участке работ площадью около 1,5 *км*^{2} было проложено 87 профилей длиной от 150 *м* до 1,5 *км* каждый (рис. 2). Отдельные сооружения прослеживались непрерывным ходом по меандрообразной линии. С целью получения поперечного профиля лимана был проделан широтный ход от его западного берега до восточного. Для прокладки профилей на воде устанавливались створные линии из буев. Линии створов начинались на берегу у каких-либо заметных местных предметов, обозначенных на пла-

не. Топографическая привязка створов осуществлялась при помощи геодезической буссоли БС. Расстояния между буями на створе измерялись капроновой жилкой, размеченной через 10 *м*. Для контроля азимуты на каждый из буев брали с других точек при помощи буссоли. Топоосновой служил детальный «План заповедника Ольвии» масштаба 1 : 500, составленный «Укрпнтизом» в 1958 г. Можно считать, что точность привязки

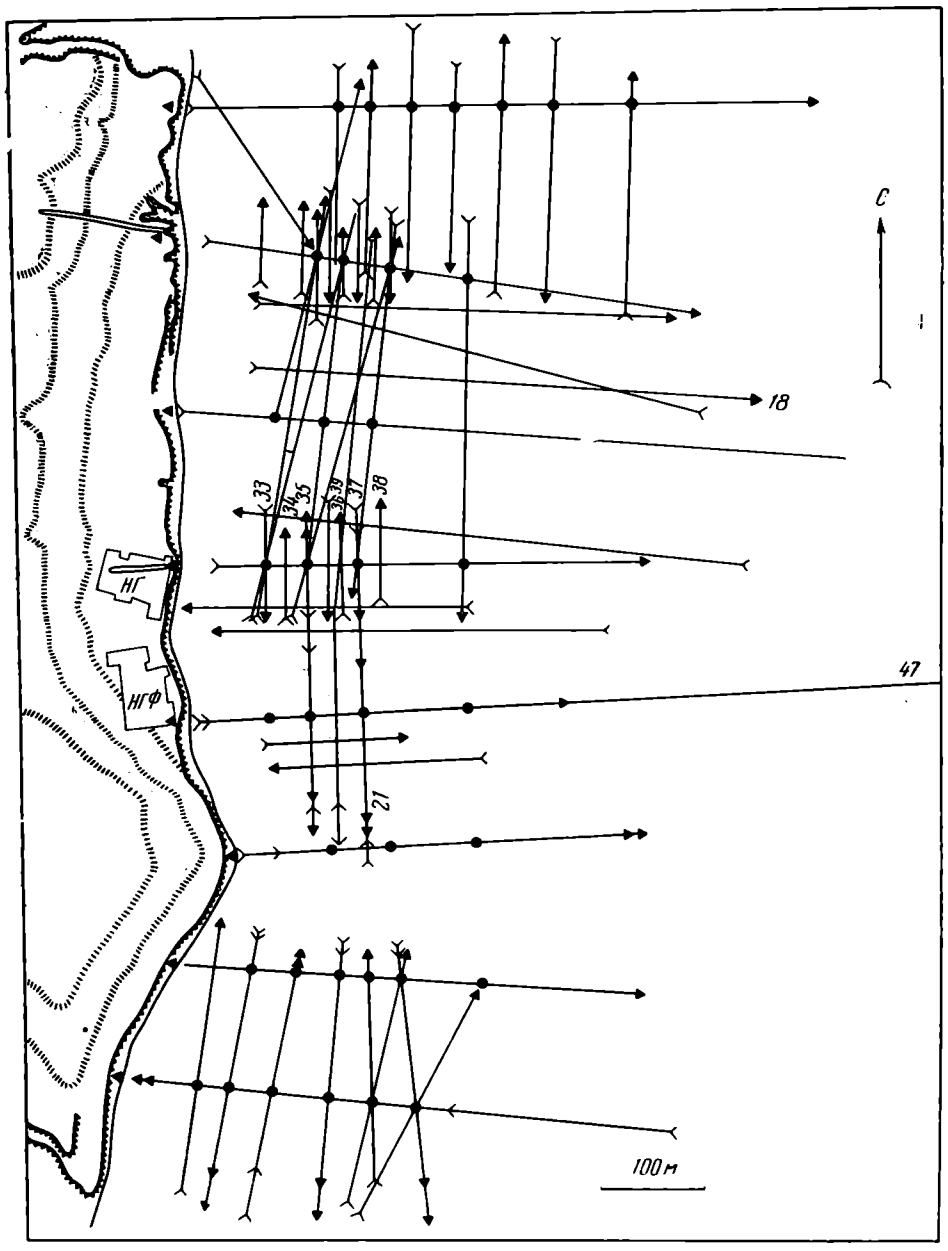


Рис. 2. Схема расположения створов и профилей, пройденных прибором ЗГЛ-1 на ольвийской акватории

тех профилей, которыми прослеживались сооружения, была около ±1—2 *м*, так как они были короткими и далеко от фиксированных буев не удалялись. Точность же привязки длинных профилей, особенно широтных, уходящих далеко за буи, была, естественно, ниже. Поскольку работа была опытной, в ней участвовало пять человек. В дальнейшем же вполне достаточно трех.

Во время предварительного обследования дна Бугского лимана в районе городища выявились весьма неблагоприятные природные условия для применения звукового геолокатора. Бо́льшая часть подводной Ольвии характеризуется глубинами до 2—3 *м*, т. е. минимальными — наиболее неэффективными глубинами. Значительная ширина штриха при записи излу-

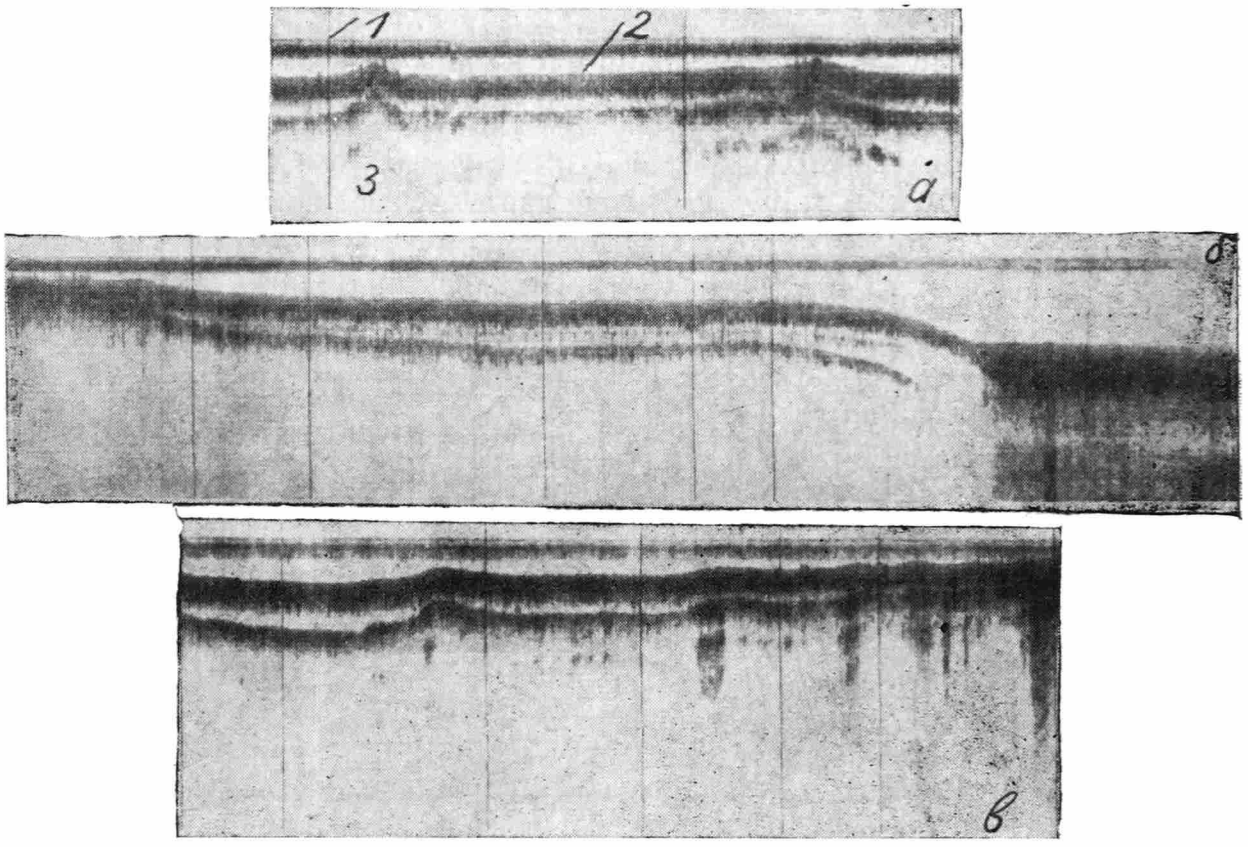


Рис. 3. Эхограммы профилей

а — эхограмма профиля № 21, видны возвышения в рельефе и усиленные кратные отражения (*3*), показывающие наличие камней, *1* — уровень лимана, *2* — поверхность дна; *б* — эхограмма широтного профиля № 18, прослеживается поддонный слой, видны два уступа в рельефе дна; *в* — эхограмма широтного профиля № 65, пройденного у Заячьей балки, многократные отражения свидетельствуют о наличии большого количества камней, наблюдается асимметрия гряд

чаемого сигнала, соответствующего поверхности воды, создает затемненную, или недешифруемую, зону (у прибора ЗГЛ-1 она соответствует глубине около 1 *м*).

При отборе донных проб, проводившемся с помощью конического черпака и дюралевой трубы диаметром в 60 *мм*, выяснилось, что дно исследуемой акватории сложено в основном ракушечным песком, обломками раковин и целыми створками, а в глубинной части — мощными илами. Как в песках, так и в мощных илах коэффициент поглощения звука весьма высок. В ракушке и песке происходит сильное рассеяние звуковой энергии. Помимо того, значительная часть звуковой энергии рассеивается в воде, сильно насыщенной взвешенными очень мелкими обломочными частицами и крупными сгустками (до 7 *см* в диаметре) фитопланктона.

Эти факторы обусловили малое проникновение звука в поддонные слои при работе в районе Ольвии. Практически на эхограммах оказались зарегистрированными рельеф дна и основные различия в литологии грунтов — ракушечный песок, песок, ил и строительный камень, представленный в основном органогенным известняком. Строительный камень (даже будучи захороненным слоем ракушечного песка) отмечался на эхограмме в виде усиленных многократных отражений, не свойственных рыхлым породам (рис. 3, *а*). Обычно это явление (так называемая поверхностная реверберация, заключавшаяся в регистрации многократно проходящих от дна поверхности отраженных сигналов) [14] бывает помехой в работе. В нашем же случае оно помогало отмечать камни. Камни, выступающие над уровнем дна, выделялись на эхограмме, кроме того, и пиками. Крупные

[14] Ю. Н. Петров. Устранение кратных отражений методом обратной периодической фильтрации. Сб. «Методика и техника разведки», 40, Л., 1962.

строительные остатки, например, стены, выделялись в рельефе дна пологими возвышениями от 10 до 50 *см* высотой. Несмотря на все неблагоприятные факторы, часть звуковой энергии все же проникала в подводные слои: почти все поперечные профили, пройденные против амфитеатра Нижнего города, зарегистрировали на глубине около 2 *м* ниже уровня дна заметный отражающий горизонт.

Кроме перечисленных выше факторов неблагоприятно сказывалась на работе и осенняя штормовая погода. Сильные ветры переменных направлений, сгоняя и нагоняя воду в лимане, не позволяли получать стабильную глубину даже на одном и том же профиле. Учесть эти колебания очень трудно. Кроме того, волнения, возникающие при ветре, раскачивают лодку, а вместе с ней и систему излучатель-приемник, а это мешает четкой записи глубины, так как луч рыскает по дну. И, наконец, ветер и волны мешали точно выдерживать направление профилей и поддерживать постоянную скорость на профиле, что затрудняло интерпретацию.

Интерпретация полученных данных проводилась на «Плане заповедника Ольвии». После пересчета масштабов все профили наносились на план, на котором были отмечены все створы и буи. После этого на каждом из профилей в соответствующем масштабе отмечались все особенности, имеющиеся на эхограммах: изменения рельефа, пики, кратные отражения, наличие подводных слоев, глубины в метрах и характер дна. Затем были рассмотрены возможные варианты корреляции особенностей дна, что позволило выделить некоторые сооружения из массы пиков и кратных отражений, имеющихся на эхограммах.

Между северной и южной оконечностями городища от очень неглубокой бухты, где расположен Нижний город, берег амфитеатром поднимается к поверхности плато. Амфитеатр представляет собой обширный цирк, вероятнее всего, оползнево-абразионного происхождения. В самой нижней части берегового обрыва амфитеатра, а также в раскопе НГФ шурфами и расчисткой вскрыт слой кварцевого песка мощностью не менее 1,5—2 *м*. Песок светло-желтый мелко- и тонкозернистый со значительным количеством переотложенных оолитов и содержит фауну древнечерноморских видов, среди которых встречены Mytilus galloprovincialis Lah., Cardium edule L. и Nassa reticulata L. (определения Б. Г. Федорова). Местами среди песка встречаются кости животных и обломки керамики, но на отдельных участках на севере горизонт песка не нарушен деятельностью человека. Ложем для плаща отложений кварцевого песка служит размытая поверхность меотических глин. Культурный слой, расположенный на песчаном горизонте и частично в нем (а выше по склону последовательно на всех горизонтах), представлен рыхлыми отложениями со следами незначительных временных потоков и огромным количеством строительных и других культурных остатков.

О происхождении и формировании «амфитеатра» и современной бухты можно судить не только по непосредственным наблюдениям на берегу, но и по геоакустическим характеристикам дна Бугского лимана в районе затопленной части городища. На приведенной эхограмме (рис. 3, *б*), полученной широтным ходом от берега через затопленную часть городища, отчетливо прослеживаются типы записи, показывающие характер дна, виден отражающий слой, расположенный на глубине около 2 *м* под поверхностью дна [15], и два уступа в рельефе.

Тон и интенсивность записи зависят от вещественного состава донного осадка. На эхограмме можно прочесть три типа записи: 1) в мелководной части лимана (до 3 *м*) — средняя ширина штриха, четкое второе отражение; 2) на втором подводном уступе — штрих у́же, второе отражение более слабое; 3) в глубокой части — широкое зачернение с отчетливыми

[15] Второй (нижний) поддонный слой, видимый на донной эхограмме, является записью второго эхо (явление поверхностной реверберации).

кратными отражениями. Отбор донных проб, о котором говорилось выше, показал, что первый тип записи характерен для песков с большим содержанием ракушки и ракушечного детрита, второй тип связан с наличием более чистого, слабозаиленного песка, третий характеризует мощную толщу илов, выполняющих ложе лимана.

На эхограмме видно, что запись зафиксированного поддонного горизонта внешне соответствует второму типу записи, или чистым пескам. Горизонт залегает под более молодыми ракушечными песками. Мощность последних несколько убывает в сторону лимана. Поверхность поддонного горизонта слабонаклонна и продолжается на расстоянии 300—500 *м* от берега. Ближний к берегу уступ имеет высоту 0,5—0,8 *м*. Бровка уступа расположена на глубине от 1,2 до 1,5 *м*. И выше и ниже уступа залегает ракушечный песок. Уступ имеется и на восточном берегу лимана и выражен там более четко (рис. 4). На ольвийском же берегу он не везде выражен отчетливо. Дальний от берега уступ обрывается к илам глубоководной части лимана. Высота уступа от поверхности илов до бровки составляет 2—3 *м*. Бровка расположена на глубине 2,2—3 *м*.

Анализ всех профилей, полученных звуколокацией, и приведенных наблюдений позволяет прийти к некоторым выводам палеогеографического, археологического и методического характера.

1. Песок поддонного слоя, отмеченного на эхограммах, и относящийся к этому же слою песок шурфов на пляже принадлежат террасе новочерноморского времени, которая выделена работами П. В. Федорова [16] и прослеживается в других местах Северо-Западного Причерноморья. Эта принадлежность подтверждается как высотой тылового шва террасы над современным уровнем моря (около 2—2,5 *м*), так и составом галлофильной фауны, найденной в шурфах. На песке этой террасы, образовавшейся в доольвийское время, и был построен Нижний город. На восток новочерноморская терраса тянется до второго уступа дна, отмеченного на эхограммах. Этот уступ является началом коренного склона долины древнего Буга.

2. По данным локации, достоверная граница городища нигде не выходит за изобату 2,5 *м*. Для закладки фундаментов и сооружения подвалов, характерных для ольвийских построек, необходим был необводненный слой мощностью не менее 2—2,5 *м*. Следует учесть, что постройки возводились не на уровне современного дна, а на поверхности новочерноморской террасы, погребенной на глубине 4 *м* от уровня лимана. Следовательно, уровень моря в VII—VI вв. до н. э. должен был находиться ниже современного не менее чем на 6—6,5 *м*.

3. Учитывая это, можно сказать, что к началу застройки Ольвии западный берег лимана против Нижнего города был восточнее современного своего положения примерно на 300 *м*, против южного мыса — на 400 *м* и против Северной балки — на 500 *м*. Бухта несколько заметнее вдавалась в сушу, а амфитеатр был надежнее защищен от ветров. Место было удачным и в инженерно-геологическом отношении. Наличие оползневого цирка, отпрепарированного абразией и выполненного песками новочерноморской террасы, гарантировало дальнейшую безопасность от развития оползневых процессов. Близость коренных пород под слоем террасового песка обеспечивала прочную основу для фундаментов, а с другой стороны, пески над водоупорным горизонтом при соответствующем дренаже гарантировали сухость подвальных помещений.

4. На рубеже нашей эры началась новая трансгрессия, продолжающаяся до наших дней. Сведения о ней можно найти в борисфенитской речи

---

[16] П. В. Федоров. Четвертичные террасы Каспийского и Черного морей и их возможная корреляция с террасами Средиземного моря. Тр. Ин-та геологии АН Эст. ССР, VIII, Таллин, 1961, стр. 33—44; его же. О современной эпохе в геологической истории Черного моря. ДАН СССР, 110, 5, М., 1956, стр. 839—841.

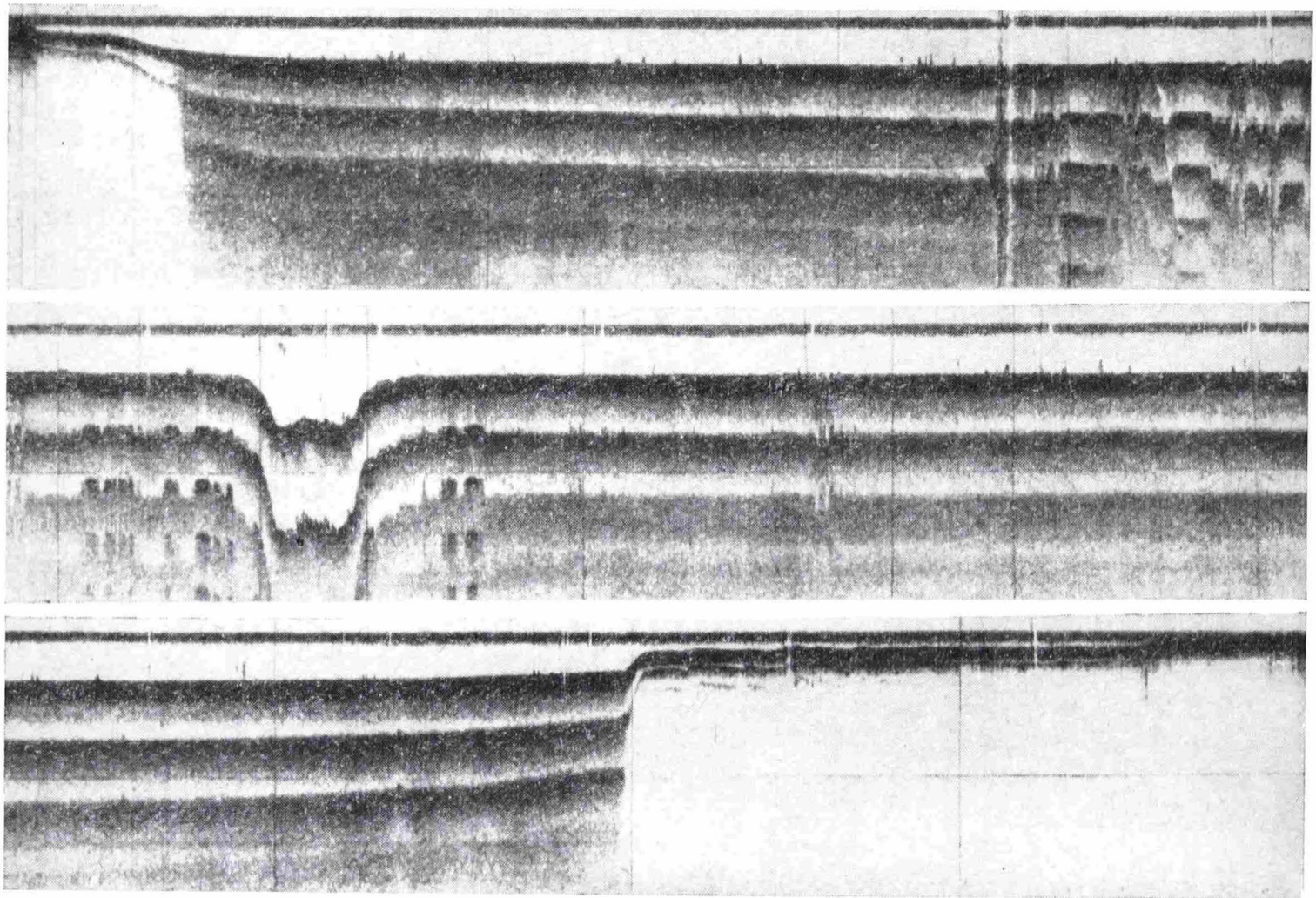


Рис. 4. Эхограмма широтного профиля № 47, пересекающего весь лиман. Хорошо видны оба уступа на обоих берегах. Слева можно различить так называемую пристань. Углубление посередине лимана — искусственный фарватер

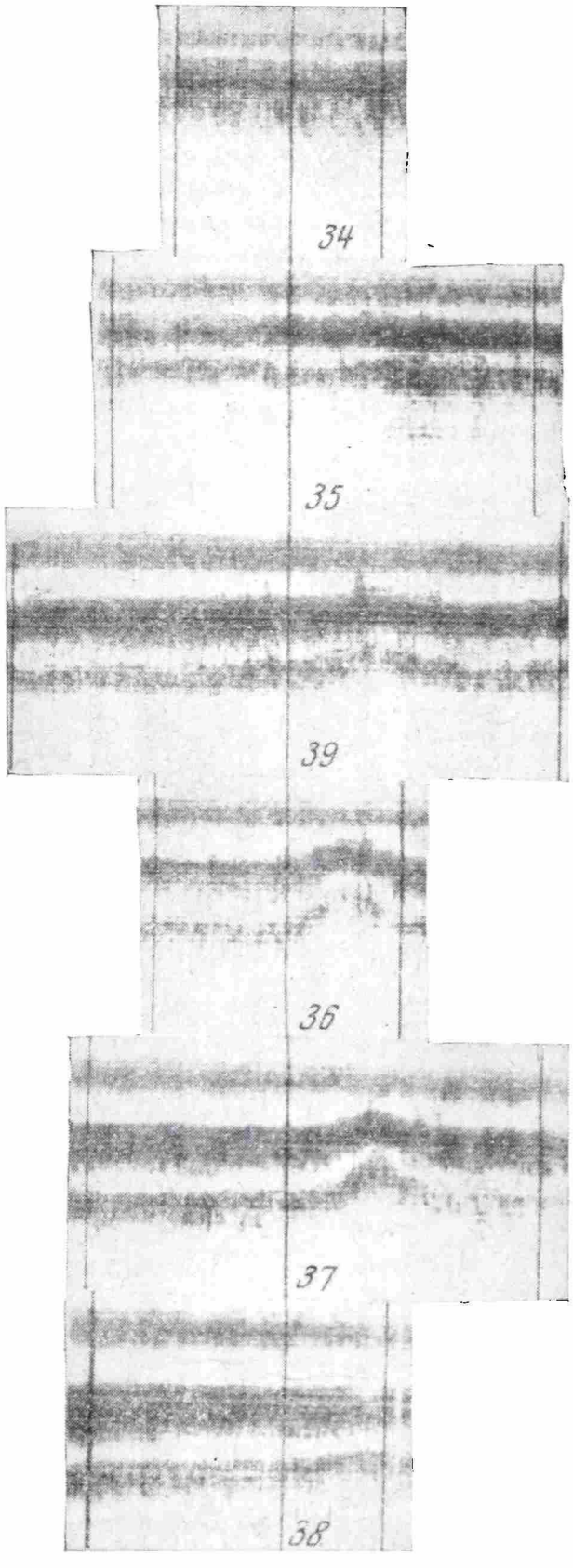


Рис. 5. Эхограммы профилей № 34—39, пройденных вкрест простирания продолжения послегетской стены.

На профиле № 34 стены не наблюдается. На № 35 она выражена кратными отражениями. На № 36, 37, 39 стена выражена в рельефе, на № 38 она едва видна в рельефе

Диона Хрисостома. По данным Е. Н. Невесского и Л. А. Невесской [17], в начале нашего тысячелетия трансгрессия активизировалась, и клиф, образовавшийся при медленном подъеме уровня, ушел под воду. Порядок глубин, установленный указанными авторами для этого ускорения трансгрессии, совпадает с глубинами ближнего к берегу уступа подводной Ольвии. Вполне вероятно, что данный уступ представляет собой остатки клифа, образовавшегося в послеольвийское время, когда какая-то часть заброшенного городища уже была захвачена водами лимана. Затем этот клиф был частично размыт и погребен позднейшими отложениями представленными раковинами современных солоноватоводных видов, характерных для Бугского лимана и не встречающихся в песке новочерноморской террасы. Современное опреснение лимана, видимо, связано с ростом Кинбурнской косы, затруднившей проникновение морской воды в лиман.

5. Материал, собранный в результате геоакустического зондирования, неоднороден по степени достоверности. Рельеф дна на всех профилях, за исключением прибрежной части с изобатами 0—1 *м*, зарегистрирован с точностью около 5 *см* (без учета влияния ветровых колебаний уровня лимана). Мала вероятность ошибки при интерпретации литологического состава донных отложений. Археологические объекты охарактеризованы на глубинах от 1 до 2,5 *м*. На более мелководных участках линия поверхности и линия дна на эхограммах сливаются, и эти места дешифровке не поддаются.

В результате работы с геоакустической аппаратурой удалось выявить два крупных ар-

[17] Е. Н. Невесский, Л. А. Невесская. К вопросу о строении и истории формирования толщ прибрежных морских отложений в голоцене. Тр. Ин-та геологии АН Эст. ССР, VIII, стр. 11.

хеологических объекта, несомненно являвшихся оборонительными стенами города. Первая из этих стен является продолжением раскрытой на суше (раскоп НГ) северной городской стены послегетского времени. Несмотря на то, что она разрушена и местами прикрыта рыхлыми отложениями, ось ее, выраженная в рельефе, прослежена 12 поперечными профилями (пять из которых дублированы) на отрезке между 80 и 180 *м* от берега. На рис. 5 видно, что стена выражается на эхограмме поднятием в рельефе и появлением третьего эхо. Стена сохраняет общее направление своей береговой части, незначительно уклоняясь к западу. Точка излома находится в лимане недалеко от современного берега. Еще более четко, 14 профилями в восьми точках, зафиксирована стена в северной части городища, прослеженная на отрезке между 80 и 200 *м* от берега с изобатами от 1 до 2,2 *м*. Она представляет собой продолжение длинной выемки на суше, протягивающейся через весь склон и служившей границей раздела земель помещичьего имения Мусиных-Пушкиных и крестьянской общины с. Парутино [18]. Предполагаемой северной городской стены в районе Северной балки обнаружить не удалось, хотя на расстоянии около 30 *м* от берега в этом месте четко зарегистрирован широкий каменный развал, свободный от рыхлых наносов.

Не удалось обнаружить и южной оборонительной стены города. Хотя между Южным мысом и Заячьей балкой и зарегистрировано множество отражений, отмечающих камни, но эти камни вряд ли являются остатками оборонительных или иных стен. Это известняковые и песчаниковые глыбы Южного мыса, свидетельствующие о прошлых грандиозных оползнях.

Не удалось обнаружить никаких следов и восточной стены. Весьма вероятно, что она полностью уничтожена трансгрессией.

6. Высокая степень точности определения глубины водоемов и очень высокая производительность прибора позволяют при достаточной густоте сети профилей и точности привязки быстро получать батиметрические карты крупного масштаба. Густота сети, примененная в нашем случае, позволила построить такую карту и для подводной Ольвии (рис. 6). В основных чертах рельеф полученной карты совпадает с рельефом карты, приведенной в работе В. Д. Блаватского [19]. Надо сказать, что мы не стремились получить такую карту, она явилась побочным результатом, полученным при изучении эхограмм. Вообще же говоря, получить достаточно точную батиметрическую карту мелководного участка лимана практически невозможно. После каждого шторма рельеф дна сильно меняется, поскольку на дне вырабатывается временный профиль равновесия для данного типа волн. Меняется после шторма и сама береговая линия. Меняется все это, разумеется, и при ветровых изменениях уровня лимана, учесть которые может только специальная геодезическая партия.

7. При изучении рельефа дна обращают на себя внимание широкие (до 10 *м*) и длинные гряды, параллельные берегу, отмеченные на крайних южном и северном створах на некотором удалении от берега. С поверхности они покрыты ракушечным песком. В северной части — это, вероятнее всего, результат действия энергии волн. На поперечных профилях, пройденных между Южным мысом и Заячьей балкой, наблюдаются три гряды (рис. 3, *б*). Ближайшая из них находится в 80—100 *м* от берега, наиболее удаленная — в 200 *м*. На каждой из гряд, судя по эхограммам, имеются крупные каменные глыбы. Это свидетельства тех грандиозных оползней, которые некогда происходили на ольвийском побережье. Характер распо-

---

[18] А. Н. Карасев. Планы Ольвии XIX в. ....

[19] Базовая линия, примененная при составлении плана места работ, была неудачно разбита на изменчивом пляже, тогда как на клифе имеется система постоянных реперов «Украинтиза», к которым очень удобно привязываться.

ложения глыб соответствует тому, что можно наблюдать в районе оползневых берегов Одессы [20].

В заключение хочется напомнить, что работа в Ольвии была опытной. Основной задачей было установление возможности использования ЗГЛ-1 для целей археологии. Отсюда некоторая некритичность в отношении привязки отдельных профилей, недостаточная густота сети и другие недостат-

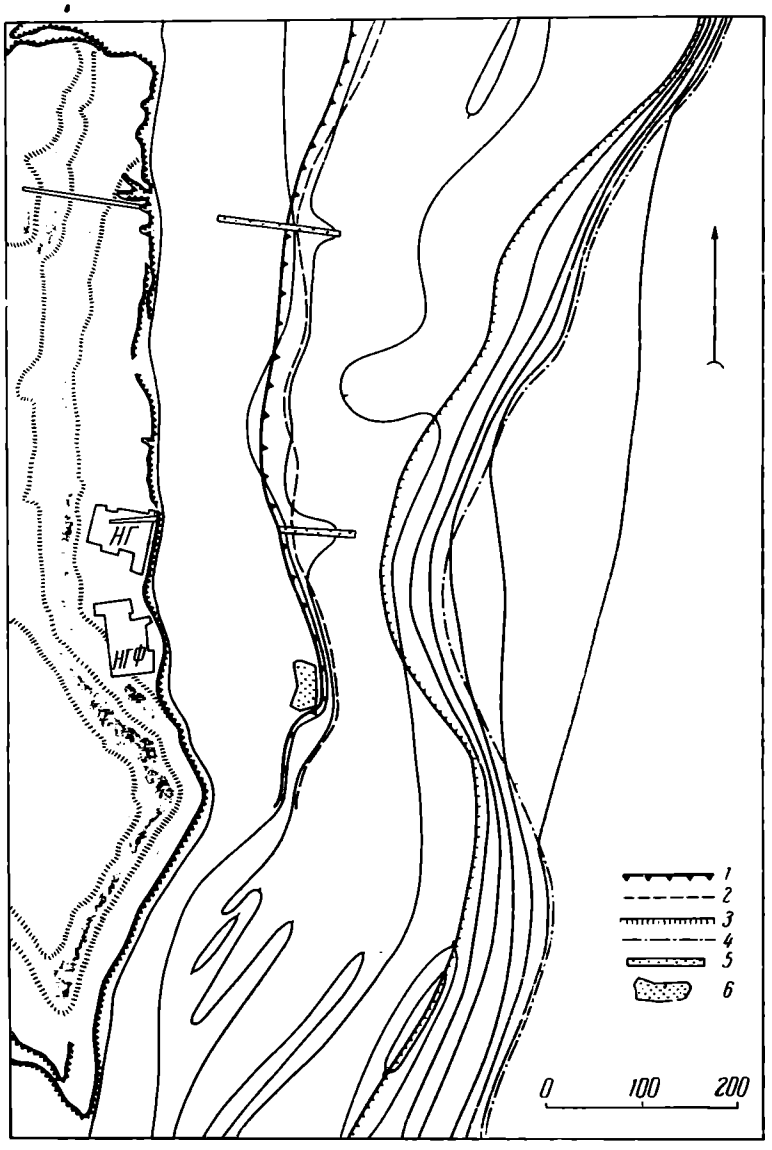


Рис. 6. Схематическая карта подводной Ольвии, построенная по результатам геоакустической разведки
1 — бровка верхней подводной террасы; *2* — подножье верхней подводной террасы; *3* — бровка нижней подводной террасы; *4* — подножье нижней подводной террасы (граница илов)

ки методического характера. Надо сказать, что и сам прибор, с точки зрения применения его в подводной археологии, обладает рядом недостатков.

Так, у него слишком большая ширина нулевой линии (т. е. велика длительность звукового импульса), что мешает исследовать минимальные, археологически, пожалуй, наиболее интересные глубины. Прибор не имеет независимой регулировки скорости протяжки ленты и вертикального масштаба. У него ограничена частота следования зондирующих звуковых импульсов, что не позволяет увеличить скорость плавсредства и в конечном счете отражается на производительности. И, наконец, у данной кон-

[20] В. П. Зенкович. Морфология и динамика советских берегов Черного моря, II. М., 1960.

струкции очень часты поломки стального пера — электрода, прожигающего графитизированную бумагу. Но все эти недостатки не являются недостатками метода и в серийном приборе, надо надеяться, будут устранены.

Очень важно в дальнейшем использовать прибор на археологических памятниках не отдельно, а работать совместно с подводниками. После предварительной приборной разведки уточнение деталей, подробная разведка и раскопки должны вестись аквалангистами-археологами. Насколько это важно, показывает такой пример. Экспедиция В. Д. Блаватского исследовала довольно большую площадь дна лимана в створе λ и обнаружила там «довольно бледную картину» (наносы песка, россыпи рваного камня от 30 до 60 *м* от берега и единичные рваные камни). А в 10 *м* южнее этой площади прибор обнаружил остатки, скорее всего, оборонительной стены, прослеженные на расстоянии 120 *м*. Они четко выражены возвышением в рельефе и наличием камней. Кроме того, в створе α экспедиция обнаружила обширные россыпи камней, а прибором удалось выявить в рельефе четкие остатки стены. Это и естественно: подводник не может заметить повышение рельефа на 15—20 *см* протяженностью в 6—10 *м* при видимости в воде равной 10—30 *см*.

В дальнейшем необходимо совершенствовать методику применения прибора, работать на моторных судах, а главное, в составе комплексной экспедиции.

Считаем нужным сказать, что всем экспедициям, работающим в прибрежной части Черного, Азовского и Каспийского морей, совершенно необходимо привлекать для участия в полевой работе геоморфологов. Такой контакт будет полезен обеим сторонам.

Надеемся, что метод геоакустики, экономичный, надежный и эффективный, найдет свое место в арсенале средств подводных археологических исследований и удачно дополнит уже используемые методы.

Л. С. КЛЕЙН

О ТИПИЧНЫХ ПРИЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ МАРКСИЗМА В АРХЕОЛОГИИ

За все время существования марксистской археологии не было недостатка в выступлениях западных ученых против марксизма в археологии, однако в последние годы эта деятельность заметно активизировалась и приобрела особые черты. Причины этой активизации и этого своеобразия заключаются главным образом в двух обстоятельствах. Во-первых, в последние десятилетия в западноевропейской и американской археологии стали особенно заметно ощущаться признаки какого-то идейного кризиса, симптомы и причины которого марксистские и немарксистские ученые видят в разных явлениях, но констатируют этот кризис и те и другие. Во-вторых, неизмеримо возросший в послевоенное время авторитет марксизма как политической силы и как победоносного общественного учения, естественно, повышает его акции как научной методологии. Именно в послевоенное время такой крупный английский научный лидер, как Гордон Чайлд, открыто объявил о своем убеждении в плодотворности марксистского метода для археологии и начал осваивать этот метод в применении к археологическому материалу, особенно Шотландии [1].

Ясно, что такая обстановка потребовала значительной интенсификации выступлений против марксизма в археологии. В сложившихся условиях и самый характер таких выступлений должен был измениться.

Ранее нередко было достаточно лишь указать на марксистскую принадлежность автора, на наличие марксистских положений в его работе или хотя бы на близость ее к марксизму, на какие-то подобия марксистских идей, чтобы тем самым автоматически снималась необходимость дальнейшей критики, работа исключалась из разряда научных. Достаточно было просто «разоблачить» автора как «красного» или «розового». На работу ставилось нечто вроде клейма или дорожного знака: «Осторожно, марксизм!» — и все сворачивали в объезд. Еще в 1947 г. в рецензии на книгу Чайлда Стьюарт Пиготт считал возможным выразить лишь надежду (подразумевалось, тщетную), что марксистские увлечения Чайлда «не повредят его репутации» среди коллег [2]. Эта академически сформулированная угроза, видимо, действительно отражала общее настроение археологов Англии. Когда же в наши дни некоторые американские и западногерманские этнографы и археологи попытались применить тот же старый прием, то на это тотчас последовали весьма резкие отповеди во французском, американском и западноберлинском научных журналах.

Так, западногерманский журнал «Saeculum» специально подготовил к XI Международному конгрессу историков в Стокгольме целый том (№ 11, 1960), посвященный критике советской исторической науки, главным образом по проблемам археологии, первобытной и древней истории.

---

[1] V. G. Childe. Scotland before the Scots. London, 1946, стр. V; Гордон Чайлд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 132—134 (см. также предисловие А. В. Арциховского, стр. 6—8).

[2] S. Piggot. Review. «Man», 47, 1947, 2.

В том вошли статьи: Ф. Витингофа «Теория исторического материализма об античном рабовладении», Г. Нейгебауера «Греческая колонизация Северного Причерноморья», Б. Стаевского «Происхождение и развитие христианства в советском изображении», Ф. Ганчара «Из трудов советских археологов» и др. Основной способ критики во всех статьях кроме, пожалуй, статьи Ф. Ганчара, вообще наиболее сдержанной и осторожной в выводах, сводится к отказу от рассмотрения конкретных аргументов советских ученых, поскольку их труды отражают лишь «политические директивы» партийного руководства и обосновываются почти исключительно цитатами из классиков марксизма-ленинизма [3]. Французский историк Р. Мандру в парижских «Annales» расценил этот «судебный процесс», затеянный в Западной Германии против исторического материализма, как отрицательную инициативу, а полемические приемы, примененные «обвинителями»,— все эти «отлучения» и «анафемы» — как несостоятельный метод критики [4].

Другой пример. Этнограф Морис Оплер три года подряд выступал с обвинениями по адресу ряда американских ученых в принадлежности их к «неоэволюционизму» — научному направлению «Лесли Уайта и Гордона Чайлда», которое находится под влиянием марксизма — идей «Маркса, Энгельса, Бухарина, Плеханова, Лабриола и других» (кстати, весьма пестрый набор имен). Отметив это ужасное обстоятельство, Оплер призвал к проверке размаха этого бедствия и к расследованию исторических истоков американских научных концепций 1960-х годов, ибо он увидел на них «ярлычок с серпом и молотом». Возмущенный этими нападками другой американский этнограф Роберт Мэннерс поместил в одном из наиболее влиятельных американских научных журналов письмо, в котором резко осуждает подобную манеру критики: исследования можно оценить как «хорошую науку или плохую, но не из-за влияний на нее со стороны Плеханова, Суворова, Уайта, М. Э. Оплера или кого бы то ни было еще». От имени читателей Мэннерс потребовал от Оплера «объяснить нам, почему мы должны проверять наши истоки». И Оплер был вынужден оправдываться, доказывая, что он вовсе не имел в виду сказать, что учение Уайта «ошибочно потому, что вытекает из марксизма», а лишь что «эта доктрина неверна и она вытекает из марксизма». И пусть Мэннерс не занимается такими расследованиями, раз они его раздражают. «Меня вовсе не раздражают научные расследования истории идей,—возразил в новой отповеди Мэннерс.— Меня раздражает только, когда побудительным поводом к такому расследованию оказываются ненаучные попытки атаковать идеи указанием на их одиозные связи (to attack the ideas through the company they keep)» [5].

Пример третий. Работающий в Бонне археолог Екабс Озольс, эмигрант из Латвии, в книге о происхождении фатьяновской культуры сходу отверг работу восточногерманского археолога А. Хойслера, поскольку она «хоть и дает объяснение материала, но сделана под влиянием марксистского учения о развитии общества и в своей аргументации обходит саму постановку вопроса» [6]. В резко отрицательной рецензии на книгу Озольса, напечатанной в западноберлинском археологическом ежегоднике, А. Керндль специально останавливается на этой фразе, которая его «просто расстроила». Как отмечает рецензент, «Озольс не разъясняет ни что он понимает под влиянием марксистского учения, ни как далеко из-за этого, может

[3] «Saeculum», 11, Freiburg im Breisgau — München, 1960, 1—2.

[4] R. Mendrou. «Annales. Economies — Sociétés — Civilisations». Paris, 16-e année, 3, Mai — Juin, 1961, стр. 518—520; Г. Г. Дилигенский. Французский историк о тенденциозном выступлении западногерманского исторического журнала. ВИ, 1962, 1, стр. 181, 182.

[5] См. дискуссию: R. A. Manners vs. M. E. Opler. «Current anthropology», 6, 1965, № 1, стр. 1. 2, № 3, стр. 319, 320; 7, 1966, № 3, стр. 355.

[6] J. Ozols. Ursprung und Herkunft der zentralrussischen Fatjanowo-Kultur. Berlin, 1962, стр. 74.

быть, зашло искажение фактов. Надо надеяться, что Озольс коренным образом заблуждается в своем представлении о верноподданном читателе, который обоими словечками «но» и «марксистское» тотчас будет испуган и отвергнет это блюдо. Без объяснения и вторая часть фразы ни к чему» [7].

Рецензент высказался осторожно — «надо надеяться», вероятно, имея в виду, что такие «верноподданные читатели» все же не совсем повывелись. Но, конечно, теперь не они составляют общий фон западной науки. Поэтому теперь недостаточно «разоблачать» и «пугать», нужно спорить, опровергать, доказывать.

У современных критиков марксизма в археологии есть пять главных методов спора.

Первый мало отличается от «пугания марксизмом» и сводится к простым указаниям на то, что советские археологи пишут свои работы по прямому или косвенному приказу сверху для целей политической агитации и поэтому вся эта продукция не имеет научного значения. Для демонстрации приводятся изменения доминирующих трактовок того или иного вопроса в советской археологической науке и прослеживаются перемены в политической конъюнктуре, которые могли бы послужить причинами этих изменений. Конечно, наибольшим вниманием таких критиков пользуется тот период советской науки, когда «волевые решения», связанные с культом личности, подменяли иногда подлинно марксистский научный анализ фактов. Изживание этой практики в науке критики стараются не замечать.

Это самый грубый метод критики, и он нередко встречает осуждение среди более академически настроенных немарксистских ученых и даже среди активных противников марксизма, указывающих на то, что мотивы, по которым советские ученые выдвигают и аргументируют ту или иную точку зрения, не определяют автоматически степень достоверности этой точки зрения и не избавляют ее противников от необходимости конкретного разбора предъявленной аргументации. Особенно затрудняют позицию такого рода критиков указания на борьбу самих советских ученых с конъюнктурщиной. И все же этот метод критики весьма популярен.

Примером его может послужить статья Кристена Мёленхуса, напечатанная в норвежском журнале «Викинг» в 1965 г. [8] Исходным пунктом для своего обзора автор избрал 1950 г.— время дискуссии по языкознанию — и почти все работы, попавшие в обзор, относятся к нескольким последующим годам. «На основе статьи Сталина,— пишет Мёленхус,— советские археологи тотчас отказались от своих старых теорий и приняли новые доктрины Сталина... С помощью новопринятой доктрины советские археологи увидели возможность открывать не только культурное, но и этническое происхождение русского народа. Можно сказать, что отныне изучение славянской и особенно русской преистории вошло в контакт с националистической атмосферой» [9]. Далее излагается в этом свете содержание работ П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова и др. Совершенно игнорируется тот факт, что и до известных статей Сталина многие советские археологи стояли в стороне от идей Н. Я. Марра (А. В. Арциховский, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, И. И. Ляпушкин, Г. Ф. Корзухина, Б. А. Рыбаков и др.), и ссылки ряда археологов на идеи Н. Я. Марра носили скорее декларативный характер [10], а в конкретных исследованиях даже у тех археологов, которые пытались активно внедрять идеи Марра

---

[7] A. Kerndl. Besprechung in: Berliner Jahrbücher für Vor- und Frühgeschichte. 4, Berlin, 1964, стр. 260.

[8] R. Møllenhus. Språk, etnogenetikk og arkeologi. Nøen principielle synspunkter i Sovjetrussisk arkeologi. «Viking» (Oslo), 1965, стр. 191—199.

[9] Там же, стр. 198, 199.

[10] А. В. Арциховский. Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии. Сб.: «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953, стр. 60.

в археологию, многие вопросы этнического происхождения русского и других народов ставились и решались отнюдь не по принципам марризма [11].

С националистическим подходом к археологическому материалу могла бы в принципе быть сопоставима (и действительно иной раз, к сожалению, сопровождалась формулировками такого рода в советских журналах [12]) только так называемая автохтонная концепция происхождения восточных славян, говорящая об их «исконности» и «приоритете» на Украине, но уж никак не противоположная — миграционная (вислодерская) концепция.

В связи с этим не мешало бы припомнить, однако, что и после появления упомянутых статей Сталина ряд археологов выступал против «автохтонной» концепции [13] и, что особенно любопытно, это часто были те же ученые, которые и до лингвистической дискуссии придерживались в основном тех же взглядов [14]. А основными приверженцами «автохтонной» концепции оставались те ученые [15], которые и ранее придерживались ее [16]. Налицо, таким образом, не только смена некоторых идей, но и определенные стойкие научные традиции в советской археологии.

Наконец, никак не способствует объективному историографическому анализу советской археологии то, что К. Мёленхус сосредоточил свое внимание на литературе, десяти- и пятнадцатилетней давности и притом всего на нескольких работах представителей одной из двух упомянутых концепций. А ведь в последующие годы в советской археологической науке прошел ряд плодотворных дискуссий по облюбованной К. Мёленхусом проблеме, и это нетрудно проследить по археологической литературе [17]. В этих дискуссиях высказывались разные точки зрения и подвергались острой критике всевозможные натяжки [18].

Второй метод критики марксизма в археологии по сути близок к первому, но несколько академичнее. Выводы марксистских археологов дискредитируются вежливыми ссылками или намеками на то, что марксистские археологи вместо непредвзятого анализа материала и извлечения

---

[11] М. И. Артамонов. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе. ВЛГУ, 1946, 2, стр. 70—86; его же. К вопросу о происхождении восточных славян. ВИ, 1948, 9, стр. 97—108; его же. Происхождение славян. Л., 1950; Н. Я. Мерперт. Против извращений хазарской проблемы. Сб.: «Против вульгаризации марксизма в археологии», стр. 180—183.

[12] А. Югов. Родина Ахиллеса. «Крым», 1949, 3, стр. 178—191; В. Шевченко. Патриотическая проблема «Крым», 1949, 4, стр. 238, 239.

[13] М. И. Артамонов. Венеды и лужицкая культура. ВЛГУ, 1951, 1, стр. 153—176; И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. ВЛГУ, 1956, 20, стр. 45—60.

[14] М. И. Артамонов. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе, стр. 70—86; его же. К вопросу о происхождении восточных славян, стр. 97—108; его же. Происхождение славян; И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, XII, 1946, стр. 117, 118; его же. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 121—136.

[15] Б. А. Рыбаков. Древние русы, СА, XVII, 1953, стр. 23—104; П. Н. Третьяков. О происхождении славян. ВИ, 1953, 11, стр. 69—82; его же. Восточнославянские племена. М., 1953.

[16] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, 1, стр. 319—337; его же. Ранняя культура восточных славян. ИЖ, 1943, 11—12, стр. 75, 76; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.— Л., 1948.

[17] Г. И. Зикеев. Дискуссия по вопросам происхождения и древнейшей истории славян. ВЛГУ, 1951, 7, стр. 119—121; Обсуждение вопроса о генезисе феодализма в России и о возникновении древнерусского государства. ВИ, 1956, 3, стр. 302—305; Е. В. Максимов. Обсуждение вопросов ранней истории восточных славян в Институте археологии АН УССР. КСИА, 6, 1956, стр. 72—78; Л. А. Голубева. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. СА, 1957, 4, стр. 274—277.

[18] М. И. Артамонов. Славяне и Русь. Научная сессия ЛГУ 1955—1956 гг. Тезисы докладов по секции исторических наук. Л., 1956, стр. 3—6; Б. А. Рыбаков. Место славяно-русской археологии в советской исторической науке. СА, 1957, 4, стр. 55—65.

из него объективных выводов стараются подогнать материал под имеющуюся у них заранее готовую, априорную схему, навязывают теорию фактам. Разумеется, особое внимание критиков, прибегающих к этому методу, привлекают те этапы истории советской археологической науки, когда такой подход действительно играл в ней определенную роль, и затушевываются последующие этапы. Борьба самих советских ученых с догматизмом и начетничеством, марксистская критика схоластических схем, противопоставление им марксистского объективного анализа фактов и изживание цитатнического подхода к теоретическому наследству классиков марксизма в настоящее время, а особенно развитие марксистской теории, замена устаревших частей концепции новыми, отвечающими новым фактам,— все это весьма затрудняет применение указанного метода критики марксизма в археологии.

Рассмотрим, как характеризует советскую археологию Майкл Томпсон — видный административный работник английской археологической службы и переводчик советских археологических изданий на английский язык. В статье «Марксизм и культура», помещенной в 1965 г. в одном из наиболее авторитетных археологических журналов Англии [19], он пишет: «Если Морган и Энгельс наметили историю дописьменного человечества, то функция археологии оказывается довольно скромной: поставить точки над i и черточки в t (to dot the i's and cross the t's) — иллюстрировать результаты, которые уже бесспорны... В марксистской теории культурные остатки интересны главным образом тем, что иллюстрируют априорно установленную форму общественного развития...» [20]. Говоря об английской «географической школе» Фокса, М. Томпсон отмечает: «Это не столько теория, сколько метод, выросший из самого материала, в то время как главная слабость всей советской теории (имеется в виду — в археологии.— *Л. К.*) как раз в том, что это теория, внесенная извне». И. М. Томпсон определяет это как «основное различие в интерпретации культуры между английскими и советскими археологами» [21].

Между тем, в каждой крупной археологической концепции можно найти важные вклады и влияния других наук, относительно «географической школы» Фокса это хорошо показал Даниел [22]. В то же время концепция первобытного общества, созданная Марксом и Энгельсом, была построена с учетом всех основных результатов современной им археологии и этнографии, которые, как свидетельствуют ссылки и конспекты Маркса и Энгельса, были им известны [23]. В последующее время эта концепция не раз подвергалась проверке и пересмотру с учетом новых фактов, и некоторые важные части были в ней перестроены или заменены другими, а если в целом она все же сохранилась, то потому что факты ее не опровергают [24]. Называть марксистскую концепцию первобытного общества априорной, значит игнорировать ту огромную массу фактов, которая приводилась и приводится в ее подтверждение в марксистской литературе, начиная от «Капитала» и «Происхождения семьи...» и кончая современными археологическими работами. В современной советской археологической науке факты используются не для иллюстрации, а для проверки теоретических положений: для доказательства или опровер-

---

[19] M. W. Thompson. Marxism and Culture. «Antiquity», XXXIX, 154, 1965, стр. 108—116.

[20] Там же, стр. 109.

[21] Там же, стр. 111.

[22] G. Daniel. The Personality of Wales. В кн.: «Culture and Environment». London, 1964, стр. 7—23.

[23] В. И. Равдоникас. История первобытного общества. 1, Л., 1939, стр. 61—73, 80.

[24] Ф. Энгельс и проблемы современной этнографии. СЭ, 1959, 6, стр. 3—15; Ю. И. Семенов. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современные данные этнографии. ВФ, 1959, 7, стр. 133—147; его же. Учение Моргана, марксизм и современная этнография. СЭ, 1964, 4, стр. 170—185.

ния. Противопоставление концепции Фокса марксизму как метода теории совершенно несуразно. Да, в концепции Фокса есть определенный методический подход, кстати достаточно однобокий: объяснение общественных исторических явлений воздействием географической среды. Здесь можно не рассматривать степень правомерности объявления этого метода главным и решающим — слабости и противоречия географического детерминизма общеизвестны. Важно то, что, как показал Даниел, этим методом была построена жесткая теоретическая схема, которая быстро оказалась канонизированной и застывшей (знаменитые «законы Фокса») [25]. В противоположность этому в марксистской концепции истории — историческом материализме — теоретические конструкции в принципе не рассматриваются как догмы, ибо исторический материализм это не только теория, это прежде всего метод исследования. «...Наше понимание истории,— писал Ф. Энгельс,— есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства» [26]. То, что это действительно так, подтверждает не только вся история творческого развития марксистской концепции истории, но и высказывания западных археологов о плодотворности исторического материализма именно как метода выявления основных связей между историческими фактами. «Наши советские коллеги,— писал Гордон Чайлд,— ...показали, как внутреннее развитие обществ может объяснить обширную область археологических фактов... Поэтому, когда Общество антикваров пригласило меня прочесть лекции имени Райнда за 1944 г., посвятив их шотландской доистории, я решился применить к ней метод, так успешно примененный Е. Ю. Кричевским, А. П. Кругловым, Г. В. Подгаецким, П. Н. Третьяковым и другими марксистами к русской доистории» [27]. Более того, подобные признания вынуждены делать, хотя и в другом тоне, сами же критики марксизма в археологии. Тот же М. Томпсон от имени англичан признает, что «мы слишком игнорировали технологию в палеолитических исследованиях, и нет сомнений, что труд Семенова (имеется в виду «Первобытная техника» С. А. Семенова.— *Л. К.*) будет иметь решительное влияние на этот предмет» [28]. Из дальнейшего контекста явствует, что «технология» здесь имеется в виду именно в роли фактора, объясняющего историю.

Таким образом, применение этого приема критики марксизма в археологии наталкивается на противоречия, из которых самим критикам нелегко выбраться.

Третий прием, тесно связанный с предыдущим, гораздо тоньше: из советских исследований выбираются те частные проблемы, в которых предложенные советскими исследователями решения оказались неудачными, опровергнутыми в ходе дальнейшего накопления фактов, и эти решения, иной раз связанные с вульгаризацией марксизма, объявляются сутью марксизма в археологии, необходимым и единственно возможным результатом применения к археологии марксистских принципов. Надо сказать, что эту задачу облегчают встречающееся у нас стремление некоторых ученых обеспечить за своей иной раз весьма гипотетичной точкой зрения исключительное право представлять марксизм, стремление канонизировать ее как ортодоксальную. Наоборот, научные дискуссии, расхождение мнений, столкновение разных точек зрения марксистских ученых, борьба гипотез в советской археологической науке затрудняют такую критику.

Пример такой критики можно видеть в одной статье 1962 г. уже упоминавшегося Е. Озольса, сотрудника Балтийского исследовательского ин-

---

[25] G. Daniel. The Personality of Wales, стр. 21.

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма Ф. Энгельса к разным лицам. Конраду Шмидту в Берлин. Соч., т. 37, М., 1965, стр. 371.

[27] V. G. Childe. Scottland before the Scots, стр. V.

[28] M. W. Thompson. Ук. соч., стр. 111.

ститута в Бонне [29]. Рассматривая происхождение катакомбной культуры и справедливо объявляя неосновательной автохтонную гипотезу ее происхождения, одно время господствовавшую в советской науке, Озольс допускает при этом неприятные передержки историографического характера.

Подчеркнув отличие катакомбной культуры от предшествующей ямной, Е. Озольс с этакой укоризной отмечает: «Тем удивительнее, что русская наука хочет видеть генетическую связь между обеими этими культурами» [30]. То, что Е. Озольс приписывает всей нашей науке приверженность одной гипотезе в этом вопросе, можно было бы объяснить просто недостаточным знанием советской археологической литературы — и только. Но из тона и контекста явствует, что Озольс весьма прозрачно намекает на организованную тенденциозность современной советской науки в данном конкретном вопросе, ее нежелание считаться с фактами и на то, что это является прямым и закономерным следствием применения марксизма к археологии. Е. Озольс представляет дело так, будто тезис о происхождении катакомбной культуры из ямной был впервые выдвинут только в 1935 г. А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким с целью подгонки материала под «учение Маркса и Ленина» и был тогда разработан в духе чистейшего «теоретизирования», а О. А. Кривцова-Гракова в своей «основополагающей и повсеместно цитируемой статье» 1938 г. попыталась обосновать этот тезис археологическим материалом; с тех пор этот тезис проводится «во всех работах по раннеметаллической эпохе России и не оспаривается (unangefochten)» ни в советской науке, ни в зарубежной [31]. Таким образом, получается, что именно Е. Озольс, первый и единственный, мужественно поднял голос против автохтонного тезиса происхождения катакомбной культуры, столь коварно подсунутого Западу советскими археологами и с такой близорукостью принимаемого на Западе...

Достаточно, однако, хотя бы бегло просмотреть литературу по данному вопросу, чтобы убедиться, что эта весьма лестная и желательная для Е. Озольса картина не соответствует фактам и представляет собой тенденциозное упрощение. Да, автохтонная гипотеза о происхождении катакомбной культуры слабо обоснована и противоречит многим фактам. Да, А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий в 1935 г. полагали, что она-то и выражает марксистскую трактовку данного вопроса, а многие археологи тогда этому верили. Да, статью О. А. Кривцовой-Граковой повсеместно цитируют... Но тезис об автохтонном происхождении катакомбной культуры был выдвинут впервые не в 1935 г., а гораздо раньше, и не А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким, а другими исследователями, и даже вовсе не адептами «учения Маркса и Ленина» (ни М. И. Ростовцев, ни Г. Чайлд, по крайней мере ранний, таковыми не являлись) [32]. И был сей тезис у А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого разработан не только в плане теоретизирования, но и на материале с аргументацией фактами («ямные погребения катакомбного типа» как промежуточные звенья) [33], которую затем О. А. Кривцова-Гракова расширила и модернизировала [34]. И оспаривался этот тезис до Е. Озольса неоднократно как в зарубежной [35], так

[29] J. Ozols. Zur Herkunft der Katakombenkultur. Berliner Jahrbücher für Vor- und Frühgeschichte. 2, 1962, стр. 84—104.

[30] Там же, стр. 94.

[31] Там же, стр. 84, 85.

[32] М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Прг., 1918, стр. 9, 10; V. Gordon Childe. The Aryans. A Study in Indo-European Origins. London, 1926, стр. 183—200.

[33] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства. ИГАИМК, 119, М.— Л., 1935, стр. 33—38.

[34] О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. Тр. ГИМ, 8, М., 1938, стр. 33—38.

[35] См., напр., F. Hančar. Kreuzförmige Räucherschalen aus dem Tale des Manyč. Ihre kulturelle Verbindung mit Ocker und ältesten Schädeldeformation. SMYA, 45, Helsinki, 1945, стр. 78—80.

и в советской науке. В последней, в частности, М. И. Артамоновым, С. С. Березанской и О. Г. Шапошниковой, В. П. Шиловым [36]. И детальная критика указанного тезиса на материале была впервые предпринята именно в советской науке (автором этих строк) также до Озольса, а полученные выводы об отсутствии генетической связи между ямной и катакомбной культурами (а также относительно возможного исходного очага катакомбной культуры) были и опубликованы раньше [37]. Вот как обстояло дело!

И самое главное: нигде в сочинениях классиков марксизма-ленинизма не найдется подтверждения или марксистского обоснования тезиса об обязательной автохтонности. Он вовсе не вытекает с непреложностью из марксистской концепции. Более того, он противоречит прямым выводам Маркса о неизбежности миграций в первобытных обществах с экстенсивным скотоводством [38].

Таков третий метод критики марксизма в археологии на конкретном примере.

Четвертый метод можно рассматривать как развитие и усиление предшествующего. Он заключается в прямой критике основных положений марксизма в археологии, но эти положения — по причине ли чрезмерной эмоциональности критиков или по недостатку у них знаний, безразлично — представлены не во всей полноте и чистоте, а в карикатурном, огрубленном и вульгаризованном виде, словом, искаженными. Это, конечно, весьма упрощает для критиков их задачу, но и отвести такую критику не так уж трудно: достаточно лишь напомнить и раскрыть подлинные марксистские положения, показать, как они в действительности выглядят в марксистской теории и как в действительности реализуются в научной практике советских археологов.

Как, например, выглядит марксистская трактовка роли географической среды в истории в изображении М. Томпсона? «Марксист видит человека, овладевающего природой, а не природу, овладевающую человеком, а также он считает, что форма общества зависит не от прямого влияния географической среды, а от уровня производительных сил, от способа производства. Советская критика увлечения ряда английских преисториков географической средой рождает любопытный парадокс: отъявленные материалисты осуждают названных идеалистов за то, что те уделяют слишком много внимания материальной среде» [39]. О нет, мистер Томпсон, совсем не за то! Вся эта картина сильно искажена.

Во-первых, марксист рассматривает преодоление природы человеком не в статике, а в динамике — как процесс: чем ближе к современности, тем больше власть человека над природой, чем глубже в первобытные времена, тем больше власть природы над человеком. В. И. Ленин отмечал, что «...первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой» [40]. Во-вторых, «форма общества» — явление сложное, и роль географической среды в сложении этой формы

---

[36] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, 2, стр. 42; С. С. Березанская и О. Г. Шапошникова. Рец. на книгу Т. Б. Поповой «Племена катакомбной культуры». СА, 1957, 2, стр. 270—275; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 1959, стр. 415, 416.

[37] Л. С. Клейн. Новые данные о хронологических взаимоотношениях ямной и катакомбной культур. ВЛГУ, 1960, 20, стр. 144—148; его же. О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры. В кн.: «Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь профессора М. И. Артамонова». Л., 1961, стр. 69—79; его же. О так называемых ямных погребениях катакомбного типа. СА, 1961, 2, стр. 49—65; его же. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры. ВЛГУ, 1962, 2, стр. 74—87 сл.

[38] К. Маркс. Вынужденная эмиграция. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8. М., 1957, стр. 568.

[39] M. W. Thompson. Ук. соч., стр. 111.

[40] В. И. Ленин. Аграрный вопрос и «критики Маркса». Соч., т. V, М., 1959, стр. 103.

отнюдь не отрицается марксизмом. Суть дела в том, что главным в этой «форме» признается общественный строй, а так как смена общественного строя происходит и при неизменяющейся географической среде, то марксизм вправе видеть причину смены и основу общественного строя не в ней, а в развитии производительных сил общества. Географическая же среда во многом определяет те конкретные разновидности, в которых выступает один и тот же общественный строй в разных странах, обусловливает темпы развития и т. п.[41]. Ученых, которые видят главные причины развития общества в изменениях географической среды, мы не считаем идеалистами, они, конечно, материалисты, но неглубокие, нелогичные, непоследовательные. Вот за это их и критикуют последовательные материалисты, и в этом нет ничего парадоксального.

Очень принято среди западных критиков марксизма обвинять марксизм в биологизации общественных явлений. «С Энгельса,— пишет американец Дж. Грин,— начался процесс дарвинизации марксовой теории посредством выпячивания технологии как животного способа приспособления человека к природной среде. Это направление трактовки общества и культуры прекрасно видно в писаниях Чайлда и Уайта, которые оба надеются построить сугубо объективную, беспристрастную социальную науку на базе биологически-технологической интерпретации истории»[42]. Противопоставляя традиционному европейскому делению наук о человеке на биологические и социальные американскую «супер-науку» антропологию, в которой доминирует биологический подход к изучению человека, швейцарский археолог Г. Мюллер-Бек добавляет: «Это сказывается в том значении, которое в Америке придается публикациям Дарвина и работам, составляющим базу также и для концепции Маркса и Энгельса о происхождении и законах культуры. Сегодня ощущается много влияний от других отраслей биологии, ... но контакт с историей в классическом смысле, пожалуй, невелик. Большой процент британской антропологии близок к этому американскому типу и к почти всей диалектической «марксистско-ленинской» антропологии, которая происходит из тех же самых корней»[43].

Вот уж поистине с больной головы на здоровую! Производство орудий вовсе не рассматривается в марксизме как животный способ приспособления человека к природной среде, а именно как коренное отличие человека от животного. «Ни одна обезьянья рука,— говорит Энгельс,— не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа»[44]. Констатацией качественного скачка от обезьяны к человеку (а в современной интерпретации — двух скачков) марксистская концепция резко отличается от трактовки Дарвина[45]. От дарвинизма марксистское учение об определяющей роли способа производства не происходит в целом хотя бы потому, что появилось на много лет раньше!

Безусловно прав один из критиков марксизма в археологии — Грегуар Фрумкин, когда признает: «Многие западные археологи склонны критиковать марксистскую идеологию, но, вероятно, немногие из них имеют точное представление об учении Маркса, Энгельса и Ленина»[46].

Утонченной разновидностью рассмотренного метода критики является пятый метод. Его суть — обвинение марксизма в преувеличениях и упрощениях. Критики готовы признать справедливость основных положений исторического материализма, но как частных объяснений некоторого ко-

---

[41] А. Л. Монгайт. Археология и современность. М., 1963, стр. 57—64.

[42] J. C. Greene. Darwin and the Modern World View. Baton Rouge, Louisiana State University Press, 1961, стр. 104.

[43] H. Müller-Beck. European vs. American Anthropology. «Current Anthropology», 6. 3, 1965, стр. 308.

[44] Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, М., 1961, стр. 487.

[45] Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966, стр. 65—68.

[46] G. Frumkin. Archaeology in Soviet Central Asia and its ideological Background. «Central Asian Review». London, X, 4, 1962, стр. 335.

личества материала, значение которых сильно раздуто. При этом охотно признается и наличие преувеличений и упрощений в концепциях западных археологов, не только в концепциях советских ученых. Пусть будут неправы и те и другие. Истина окажется где-то посредине. Иными словами, на месте монистического объяснения истории в духе исторического материализма окажется хоть и не монистическое объяснение противоположного плана (в духе идеализма или географического детерминизма и т. п.), но в достаточной мере антимарксистское объяснение — нечто вроде «теории многих факторов».

Г. Фрумкин выражает эту идею в следующих словах: «Хоть люди Запада, как правило, не могут согласиться с советской проповедью непогрешимых марксистских законов, по-видимому, многие из них (людей Запада.— *Л. К.*) слишком упирали на политические, художественные и хронологические аспекты истории и археологии, за счет их экономических и социальных аспектов, на которые делают как раз ударение советские ученые» [47]. Выше уже приводилось признание М. Томпсона касательно того, что английские археологи в изучении палеолита «слишком игнорировали технологию», т. е. технику производства как фактор, объясняющий историю. Но, добавляет М. Томпсон, советские археологи, например С. А. Семенов, преувеличивают значение «технологических стадий», строя на них всю преисторию. «Вряд ли можно считать, что очень четко выделенная, возможно даже одна из наиболее хорошо выделенных культур,— мадленская — может быть объяснена целиком или хотя бы преимущественно в терминах технологии» [48].

Что, однако, имеется в виду под словом «объяснена»? «Объяснить» культуру — значит ли это «охарактеризовать» ее или это значит «выявить движущие силы ее развития»? Если первое, то обвинение просто отпадает: разве советские археологи пытаются охарактеризовать ту или иную палеолитическую культуру «целиком или хотя бы преимущественно в терминах технологии», если в наличии оказывается и другой материал помимо орудий и отходов производства? Известны работы советских археологов по палеолитическому искусству, по палеолитическим погребениям, по реконструкции палеолитических жилищ (последняя тематика наиболее разработана в сущности именно советскими археологами). Книга С. А. Семенова «Первобытная техника» представляет монографическое исследование именно техники, и нельзя выдавать ее за труд общеисторического и общекультурного охвата, к тому же некоторые взгляды С. А. Семенова на сравнительное значение технологического и типологического методов исследований не разделяются остальными советскими археологами. Что же касается выявления движущих сил исторического и культурного развития, то главной из них, определяющей, археологи-марксисты действительно считают способ производства, развитие производительных сил и прежде всего — развитие орудий. Но возражений против этой идеи можно встретить много, а вот опровержения ее у критиков не найти.

Смешно было бы утверждать, что в марксистской археологической литературе не встречаются преувеличения и упрощения, попытки прямолинейного и наивного выведения всего и вся из экономики и технологии. Такие попытки предпринимались, особенно на ранних этапах развития советской археологической науки, когда первые советские археологи с энтузиазмом реализовали новые идеи, не имея еще большого опыта ни в марксизме, ни в археологии. Но и борьба с подобными попытками как с вульгаризацией марксизма имеет давние традиции в марксистской науке — у истоков этой традиции стоят сами основоположники марксизма. Достаточно припомнить слова Ф. Энгельса, написанные в 1890 г.: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе

---

[47] G. Frumkin. Ук. соч., стр. 337.
[48] M. W. Thompson. Ук. соч., стр. 110, 111.

определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую абстрактную, бессмысленную фразу»[49]. Энгельс не только отвергал этот упрек марксизму как учению, но и признавал наличие подобной вульгаризации в среде молодых марксистов и показывал некоторые причины этого явления: «Маркс и я,— писал он,— отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. И в этом я могу упрекнуть многих из новых «марксистов»; ведь благодаря этому также возникала удивительная путаница»[50].

Через всю историю советской археологической науки красной нитью проходит стремление освободиться от неизбежной вначале вульгаризации, от упрощений и преувеличений, борьба за чистоту марксистских идей[51]. Без учета всей литературы, отражающей эту работу и без глубокого изучения основных произведений марксизма, критика становится беспредметной. Стоит ли умножать «удивительную путаницу»?

Таковы пять основных, наиболее часто применяемых методов критики марксизма в археологии. На комбинации тех или иных приемов из этой пятерки обычно и строятся статьи западных ученых, специально посвященные критическому обзору истории и современного состояния советской археологической науки.

Наиболее честным, но, увы, не самым распространенным, надо признать иной метод спора — прямые возражения против объективно и четко представляемых основных положений марксизма в археологии и всей марксистской концепции в этой науке, попытки опровергнуть их с позиций других философских и археологических учений и школ. Выступления такого рода в современной западной археологической литературе просто трудно назвать. Между тем, с такими возражениями наиболее интересно спорить, потому что борьба на главной трассе и с открытым забралом всегда красивее, а победа почетнее; именно такой спор лучше всего способен послужить пробным камнем прочности и жизненности концепций, быстрее выявить степень их соответствия научной практике, новым фактам. По опыту идеологической борьбы в археологии мы знаем, что в прямом столкновении обычно наиболее ярко выступает превосходство марксистского диалектического материализма как научного метода познания в применении к археологическому материалу[52], но бывает (это тоже не

---

[49] Письма Ф. Энгельса к разным лицам. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, М., 1965, стр. 394.

[50] Там же, стр. 396.

[51] [В. И. Равдоникас]. Задачи «Советской археологии». СА, I, 1936, стр. 1—6; В. И. Равдоникас. Наши задачи в области археологических исследований, в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории. СА, II, 1937, стр. 1—15; Сб.: «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953; О задачах журнала «Советская археология». СА, 1957, 1, стр. 3—6; Б. А. Рыбаков. Место славяно-русской археологии в советской исторической науке. СА, 1957, 4 и др.

[52] Можно напомнить, например, подтвержденный расшифровкой письменности вывод советских ученых о рабовладельческом характере минойского общества. Т. М. Шепунова. В Академии наук СССР. Дисскусия об эгейской культуре. ВДИ, 1940, 2, стр. 204—218; ее же. ИЖ, 1940, 7, стр. 135—139. Аналогичным образом в антропологии спор о достоверности пильтдаунского черепа закончился разоблаче-

исключается), что именно в таком столкновении особенно остро выявляется необходимость срочной переработки или замены какой-то части марксистской концепции, особенно когда самоуспокоенность и почивание на лаврах приводит к отставанию на каких-то участках от развития мировой археологической науки [53]. Мы заинтересованы в таком споре.

Нельзя не отметить еще один прием, нередко употребляемый в борьбе идей противниками марксизма в археологии, хотя этот прием, собственно говоря, не является ни методом критики, ни методом спора. Но это тоже метод борьбы идей, только борьбы скрытой, замаскированной. Он состоит в том, что всячески подчеркивается близость тех или иных новых взглядов и выводов советских ученых западной науке, и эта растущая близость расценивается как отход советских ученых от марксизма, как свидетельство неспособности марксистского метода разрешить современные проблемы археологической науки (подобный прием отмечался и у историков [54]). Доказательства отхода от марксизма добиваются также биографическими разысканиями и «чтением между строк». В военных терминах этот метод можно было бы охарактеризовать как дезориентацию противника и «психическую атаку», а отчасти, быть может, и как ...утешительный самообман.

Грегуар Фрумкин выражает свои надежды в сослагательном наклонении: «Если даже мы предположим, что не все советские археологи с верностью поддерживают марксистский детерминизм, тем не менее партийные аргументы повторяются ad nauseam (до тошноты) в их работах, которые должны быть однообразно представлены в стандартной марксистской одежке» [55]. М. Томпсон академичнее, но увереннее в своих диагнозах. Отметив, что в советской археологической науке к «первоначальному марксизму» прибавился «новый интерес к расе и национальности», к «этнической интерпретации», английский критик приветствует это добавление: оно нравится ему больше, чем то, к чему добавлено. «Мотивом (этого добавления.— *Л. К.*) является отчасти отождествление исследователя с расой, которую он изучает; русские ищут славян и так далее. Жажда выяснить свое происхождение — это безусловно законный, может быть, поистине первоначальный мотив в археологии. Во-вторых, неизбежно этническая интерпретация позволяет людям, ответственным за культуру, играть более значительную роль, чем... чисто детерминистские интерпретации. Общий результат сводится к тому, что советские идеи станут намного более понятными для людей Запада» [56].

Неужели М. Томпсону не видно, сколь нелогично рассматривать этническую интерпретацию как нечто чуждое марксизму, как добавку к марксистской археологии, как плацдарм антимарксистской науки? Этническая интерпретация — одна из необходимых задач археологического исследования вообще. Наряду с хронологической, экономической, социальной и другими, она необходима для всестороннего, полного изучения исторического процесса. Исторический же материализм — это методология истории, требующая именно полного и всестороннего изучения исторического процесса и предлагающая принципы и средства для его точного изучения и объяснения. Если на первых порах внедрения марксизма в археологию у советских археологов существовало увлечение социологическими схема-

---

нием этой находки как фальсификации, что давно предсказывали советские ученые (М. А. Гремяцкий. Разгадка одной антропологической тайны. СЭ, 1954, 1, стр. 154—157; П. И. Пузанов. Новые данные о возрасте пильтдаунского человека. КСИЭ, 1952, 15, стр. 57—61).

[53] В частности, у нас с запозданием стали внедряться статистические методы в изучение палеолита, задержано было изучение ряда конкретных миграций и т. п.

[54] Г. Г. Дилигенский. Марксистско-ленинская теория и конкретно-историческое исследование (по поводу статей А. Момильяно и П. Росси). ВИ, 1963, 3, стр. 88—100.

[55] G. Frumkin. Ук. соч., стр. 336.

[56] M. W. Thompson. Ук. соч., стр. 111.

ми в ущерб конкретным характеристикам (кстати, не только этническим, но и хронологическим и даже экономическим и социологическим), то изживание этого схематизма вовсе не означает отхода от марксизма или приращения к марксизму чего-то чуждого ему. Оно означает лишь расширение и совершенствование марксистской археологической науки, распространение ее принципов на новые сферы явлений.

Взгляды советских ученых, нам думается, действительно будут становиться все более понятными для людей Запада, но совсем не по тем причинам, на которые уповают Г. Фрумкин и М. Томпсон. Кризис «идей археологии» и идейный вакуум на Западе, столь наглядно выступающий в примечательной книге Г. Даниела [57], рост авторитета марксизма как научной методологии в мире и успехи советской археологической науки — вот те факторы, которые действительно способствуют интересу западных археологов к марксизму и советской археологии.

В статье Г. Фрумкина содержатся некоторые признания на сей счет. «Не может быть никаких сомнений,— пишет он,— относительно заметного импульса развития археологии в СССР и его выдающихся результатов. Средняя Азия — особенно яркий пример в этом отношении. Было бы и несправедливо и неумно преуменьшать достижения, обусловленные революционным взрывом энергии и фанатической атмосферой «государственного интереса» («reason of State»). Самое время отбросить всякие традиционные и эгоцентрические иллюзии, которые, пожалуй, все еще присущи комплексу превосходства людей Запада в этой сфере. Это относится не только к археологии. Маркс, Энгельс и Ленин еще сохраняют всю полноту своего авторитета, и их атеистические писания показали себя более долговечными, чем позднейшие культы личности и их монументы из бронзы» [58]. Г. Фрумкин завершает свою статью указанием на то, что «стереотипные идеологии или предвзятые идеи, применяемые в духе запретов. вредны для научных исследований», а в конце помещает двустишие древнего среднеазиатского ученого Ибн Сины (Авиценны): «Будь же ослом среди ослов, страшись открыть свой лик; кто не имеет ослиных ушей, тот для ослов — еретик». Чтобы продемонстрировать свою беспристрастность, Фрумкин отмечает, что этот афоризм «применим как к Востоку, так и к Западу» [59]. Надо полагать, Запад Г. Фрумкин знает лучше, чем Восток, и в этой части сентенции мы можем ему поверить. Но несмотря на отдельные самокритичные признания критика, все же с точки зрения «стереотипной идеологии или предвзятых идей» Запада в его статье, так же как и в выступлениях других критиков марксизма в археологии, разумеется, нет ничего еретического...

---

[57] G. D a n i e l. The Idea of Prehistory. London, 1961.
[58] G. F r u m k i n. Ук. соч., стр. 337.
[59] Там же, стр. 342.

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ М. И. АРТАМОНОВА

Среди тех, кто строил советскую археологию, почетное место принадлежит Михаилу Илларионовичу Артамонову.

Вторая половина 20-х и первая половина 30-х годов (1926—1935) — вот то десятилетие, которому суждено было впервые увидеть каркас нового научного здания. Если попытаться отобрать десять работ, опубликованных в это десятилетие и сыгравших наиболее значительную роль в формировании новой научной школы, то среди них, наряду с работами А. В. Арциховского, А. Я. Брюсова и С. В. Киселева, посвященными социологической интерпретации орудий, жилищ и поселений и отражению социально-экономических формаций в археологическом материале, наряду с работой П. П. Ефименко о женских статуэтках как показателе определенных общественных отношений и работами В. И. Равдоникаса и Е. Ю. Кричевского, направленными против миграционизма, наряду с книгами П. Н. Третьякова и А. П. Круглова — Г. В. Подгаецкого, давшими первые марксистские концепции исторического развития первобытного общества крупных районов нашей страны, необходимо назвать статью М. И. Артамонова «Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками» (1934).

В этой статье М. И. Артамонов впервые использовал материалы первобытных могильников для реконструкции форм семьи и этапов родового строя с помощью этнографических параллелей и на базе марксистского учения о путях и законах развития первобытного общества. Дискуссия, порожденная этой статьей, продолжается по сей день. В ходе этой дискуссии некоторые выводы М. И. Артамонова были поставлены под сомнение, но основные принципы разработанного им подхода к проблеме оказались плодотворными и воздействие их можно проследить в работах многих советских и иностранных ученых [1]. Статья принесла Артамонову широкую известность в археологическом мире. Через несколько месяцев ему без защиты диссертации была присвоена ученая степень кандидата наук.

[1] См., напр., J. Maringer. Menschenopfer, ein Bestattungsbrauch Alteuropas. «Anthropos», Freiburg (Schweiz), 37—40 (1942—1945), 1945, 1—3, стр. 1—112; В. С. Сорокин. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. СА, 1959, 4, стр. 10—18; L. S. Klejn. Reiche Katakombengräber. EAZ, 1967, 4.

Ко времени выхода в свет этой статьи, всего восьмой по счету в списке его научных работ и всего пятой, если считать только археологические, исследователю шел 36-й год. Это уже никак не первая молодость. За плечами пролегла бурная жизнь, наполненная событиями и делами, из которых на археологию приходилась, пожалуй, не самая яркая и заметная доля.

М. И. Артамонов родился 23 ноября (5 декабря по новому стилю) 1898 г. в деревне Выголево Весьегонского уезда Тверской губернии (ныне Калининская область) в крестьянской семье. Девяти лет переехал в Петербург, где отец устроился работать на заводе. Учился уже в городе — окончил начальную школу, затем четырехклассное училище, а к экзаменам на аттестат зрелости готовился на общеобразовательных курсах. По тем временам это было незаурядное образование для сына рабочего, недавнего крестьянина; оно позволило шестнадцатилетнему юноше поступить на «чистую» работу — конторщиком в страховое общество. Школьная дружба ввела Михаила Артамонова в круги прогрессивной петербургской интеллигенции, и эта среда немало способствовала формированию его интересов. Едва Михаилу Артамонову исполнилось 18 лет, он был призван в армию — шла первая мировая война. Февральская революция застала его в Гдове. Очень уж, правда, молодого, но образованного и энергичного питерского солдата однополчане избирают членом Совета солдатских депутатов (это была его первая выборная должность, а их ему предстояло немало в последующие 50 лет). Вскоре восемнадцатилетний солдат является уже секретарем дивизионного комитета на Северном фронте и фактически вместе со своими товарищами по комитету командует полками в тяжелых боях с немцами: идет Октябрь 1917 г., солдаты изгоняют офицеров и берут власть в свои руки. Первая руководящая должность Михаила Артамонова, пожалуй, была самой беспокойной, а первыми его твердый характер и организаторский талант оценили его товарищи — солдаты. Вскоре, однако, новому государству способности Артамонова понадобились на другом участке.

В конце 1917 г. Артамонова отзывают в Петроград: Советская власть национализировала банки, надо сломить саботаж старых служащих — фронтовик Артамонов направляется в бывший Международный банк. Вот где пригодился опыт скромного конторщика страхового общества!

В конце 1918 г., переболев тифом, Артамонов уезжает на родину, в Тверскую губернию, и вскоре там, в городе Красный Холм в уездном Совете становится заведующим внешкольным образованием. Он создает там Бюро по изучению местного края, входит в контакт с этнографом Д. А. Золотаревым и увлекается древнерусским искусством, особенно архитектурой и живописью.

В 1919 г. Артамонов становится в том же районе учителем и заведующим школой II ступени в селе Рашково. 50 лет назад в сельской школе началась педагогическая деятельность будущего профессора М. И. Артамонова. Но сразу же стало ясно: чтобы учить, надо еще много учиться. Среднего образования явно не хватало.

В 1921 г. сельский учитель возвращается в Петроград и поступает сразу в два вуза: ВХУТЕМАС (пробует свои силы в живописи) и в Археологический институт. Когда же институт присоединяют к университету, Артамонов оказывается студентом университета. Особенно много он занимается в семинарах профессоров Н. П. Сычева, Д. В. Айналова, А. А. Спицина, А. А. Миллера. Года через два оставляет ВХУТЕМАС и сосредоточивает свои усилия на археологии.

В 1924 г. Артамонов получает диплом об окончании Ленинградского университета по факультету общественных наук (отделение археологии и истории искусств). На сей раз его оценили уже ученые и прежде всего научный руководитель Н. П. Сычев. Способного выпускника оставили в университете младшим ассистентом, а вскоре перевели на работу в

ГАИМК. В 1926 г. он поступил в аспирантуру ГАИМК, по окончании которой в 1930 г. был зачислен в штат Академии старшим научным сотрудником.

Первый раз в научную экспедицию Артамонов попал еще студентом в 1922 г., но это была не археологическая, а этнографическая экспедиция (с Д. А. Золотаревым на Верхнюю Волгу), в археологической же экспедиции он оказался впервые только в 1927 г. уже 30-летним аспирантом, а первую самостоятельную экспедицию провел в 1929 г.

Таков был человек, который в 1934 г. опубликовал статью о совместных погребениях и вошел с нею в число основоположников советской археологии. Он был уже не молод, а основные свершения ждали его впереди. Впрочем, не его одного. Время было такое, что у людей, которым на роду было написано лидировать в науке, долго не доходили руки до такой науки, как археология. А. Я. Брюсов вошел в археологию 40 лет от роду, А. Ю. Якубовский — 38 лет...

Право быть названным в ряду созидателей советской археологической науки М. И. Артамонов заслужил не только тем, что положил один из краеугольных камней в фундамент ее теоретического здания, но и своей последующей деятельностью — организаторской и научной.

С 1938 г. он стал руководителем головного археологического учреждения страны — Института истории материальной культуры (впоследствии Институт археологии) АН СССР и работал на этом посту до 1945 г., в 1940 г. он вступил в ряды КПСС. Именно в этот период институтом были основаны два из трех главных продолжающихся изданий по археологии, существующих ныне в нашей стране: к «Советской археологии» (выходящей с 1936 г.) присоединились «Краткие сообщения...» (с 1939 г.), «Материалы и исследования по археологии СССР» (с 1940 г.). Тогда же под его редакцией был подготовлен двухтомный труд «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», в котором им были написаны многие главы. Это был первый опыт создания советской академической истории нашей страны. Издать эту книгу массовым тиражом помешала война, но небольшое количество экземпляров было отпечатано (макет), разослано по научным учреждениям и долго служило читателям.

С 1951 по 1964 г. М. И. Артамонов был директором Эрмитажа — крупнейшего музея страны. За это время многие эрмитажные экспозиции были модернизированы и стали образцами, по которым реорганизовывались экспозиции других музеев; при Эрмитаже было создано издательство и налажен выпуск «Археологических сборников» (с 1959 г.) вдобавок к «Сообщениям» (выходившим с 1940 г.).

В 1948—1951 гг. М. И. Артамонов был проректором Ленинградского университета и исполнял обязанности ректора. С 1949 г. по настоящее время заведует кафедрой археологии в Ленинградском университете. Сейчас это один из нескольких университетов СССР, где есть кафедры археологии, и единственное учебное заведение, в котором археология преподается с I курса по наиболее широкой программе, как основная профессия.

Научные интересы М. И. Артамонова в археологии чрезвычайно широки. Изучение палеолита — вот, пожалуй, единственная отрасль археологии, которой М. И. Артамонов не занимался. Среди тем, которые он разрабатывал, и вопросы методики исследований, и история средств передвижения, и проблема происхождения и расселения индоевропейцев, и, конечно, степные курганы, материалам которых была посвящена упомянутая статья. Исследователь проводил и раскопки таких курганов (на Маныче в 1935 и 1937 гг.). Эти раскопки по сути открыли предкавказскую катакомбную культуру и ввели в науку материалы, к изучению которых затем не раз обращались советские и зарубежные археологи.

Но больше всего увлекали М. И. Артамонова три крупные проблемы.

Первая из них, вошедшая в круг его интересов со времени первой экспедиции на Дон и ставшая темой его первой монографии,— это история хазар и других поздних кочевников, населявших степи юга европейской части СССР: болгар, аваров, венгров, половцев и т. п. Монография была опубликована в 1937 г. («Очерки древнейшей истории хазар»). С этой темой были связаны полевые исследования Волго-Донской (Саркелской) экспедиции под начальством М. И. Артамонова (1934—1936, 1939, 1949—1951). По размаху работ эта экспедиция в послевоенные годы была самой крупной в СССР и одной из крупнейших в мире. В ней впервые начались в широком масштабе опыты по применению землеройных машин на раскопках. Три тома работ Волго-Донской экспедиции уже вышли в свет, еще один запланирован. Тем временем М. И. Артамонов опубликовал серию статей по результатам полевых исследований и историко-археологических изысканий, завершившуюся изданием в 1962 г. фундаментального труда «История хазар». М. И. Артамонов создал и обосновал оригинальную концепцию истории хазарского каганата — одного из первых государственных образований на территории Восточной Европы, установил его границы и открыл культуру хазар. Основные выводы М. И. Артамонова, подвергавшиеся ожесточенной критике в 50-х годах, выдержали проверку временем и новыми фактами [2].

Вторая из трех проблем — история скифов — вошла в круг интересов М. И. Артамонова позже, в предвоенные годы. Ее разработка стала докторской диссертацией исследователя, которая была защищена в 1941 г. и опубликована в виде серии статей уже после войны — в конце 40-х — начале 50-х годов. М. И. Артамонов предложил новую карту расселения скифских племен, разработал идею о происхождении скифов от носителей срубной культуры и дал интересную социологическую интерпретацию Геродотовых известий о скифах в связи с археологическими материалами. Широкий отклик нашла выдвинутая М. И. Артамоновым гипотеза о сложении скифского звериного стиля в странах Передней Азии во время скифских походов. Скифское искусство служит объектом неутомимых изысканий М. И. Артамонова до сих пор. Недавно в Праге вышла его монументальная исследовательская публикация «Сокровища скифских курганов» (1967), переведенная на многие европейские языки. М. И. Артамонов проводил и раскопки памятников скифского времени, но не в степной Скифии, а в лесостепных районах, где жили оседлые племена (Немировское и Григоровское городища). Этот выбор связан с попытками отыскать среди скифских племен Геродота возможных предков восточных славян.

Происхождение славян и их расселение — вот третья из проблем, привлекших к себе наибольшее внимание ученого. Интерес к древнерусской культуре, к славянским древностям был присущ М. И. Артамонову с самого начала его работы в науке: первая научная статья М. И. Артамонова, опубликованная в 1926 г. и связанная с участием в Верхневолжской этнологической экспедиции, называлась «Постройки Краснохолмского района», за ней последовали статья о фресках XII—XIII вв. и анализ миниатюр Кенигсбергской летописи. На этом этапе в интересе М. И. Артамонова к славянским древностям преобладала тяга к предметам изобразительного искусства — архитектуры и живописи. Иногда он и позже возвращается к этой тематике («Мастера Нередицы», 1939), но с течением времени в его занятиях славянскими древностями ставятся более общие исторические вопросы («Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе», 1935; «Средневековые поселения на Нижнем Дону», 1935; «Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси», 1940). После войны, с 1946 г. все более заметное место

[2] См. рец. В. В. Мавродин. ВЛГУ, 1963, № 2, стр. 145—148; Я. А. Федоров. ВИ, 1963, 3, стр. 146—150; С. А. Плетнева. СА, 1963, 3, стр. 279—283; С. Станчев. Археология (София), год 5, 1963, 3, стр. 93—95; J. F. Archeologické rozhledy, 14, 1962 6, стр. 867—868.

в научной продукции М. И. Артамонова начинают занимать работы, специально посвященные вопросам происхождения и расселения славян («Венеды, невры и будины в славянском этногенезе», 1946; «К вопросу о происхождении восточных славян», 1948; «Происхождение славян», 1950; и др.). Эта серия завершилась недавно большой обобщающей статьей «Расселение восточных славян и советская археология», напечатанной в сборнике «Проблемы всеобщей истории» (Л., 1967).

С самого начала непосредственного обращения к этой проблеме М. И. Артамонов занял особую позицию среди советских ученых, выступая — чем дальше, тем более резко и отчетливо — против доминировавшей у нас точки зрения об автохтонном однолинейном развитии славян от энеолита на землях Поднепровья и о раннем заселении лесной полосы славянами. Вначале М. И. Артамонов отказался от принятого тогда у нас изолированного изучения этногенеза в границах Украины и обратился к анализу генетических связей древних культур Украины с очагом становления западного славянства — Повисленьем. Затем он подверг развернутой критике аргументы автохтонного развития славянства на Украине. Далее М. И. Артамонов одним из первых отказался от включения черняховской культуры в славянский этногенез и первым восстановил в правах вопрос о ее преимущественно готской атрибуции. Наконец, показал необоснованность утверждений о славянской принадлежности зарубинецкой культуры и вообще о достоверности славянских памятников ранее VI в. н. э. Имея в виду проблему происхождения славян, в сборнике, посвященном 60-летию М. И. Артамонова, я писал, что «позиция М. И. Артамонова по этому вопросу в ходе острой научной дискуссии приобретает с каждым годом все большее число сторонников среди ученых» [3]. Ныне, десять лет спустя, это стало еще более очевидным, ибо один из ведущих научных противников М. И. Артамонова в этом вопросе выступил в печати с признанием краха старой концепции.

Научные работы М. И. Артамонова легко узнать, даже не глядя на подпись автора. Ex ungue leonem. У него нет аморфных, рыхлых, пустых статей — статей по случаю, без стержня, без новой мысли, без нового результата. В основе каждой статьи непременно лежит свежая, яркая идея, вытекающая из редкостного наблюдения незамеченной другими связи явлений. Изысканная, изящно отточенная аргументация, веская и лаконичная, изложена всегда простым и немного старомодным в своей серьезной обстоятельности языком. Трудности не скрыты, не обойдены, сомнениями автор откровенно делится с читателем. В работах исследователя нет места для личных выпадов, обид, внимания к мелким уколам самолюбия, но нет и снисходительности к ложным взглядам, коль скоро выяснено, что они таковы, нет оглядки на чье-либо возможное недовольство, на угрозу неприятностей, нет боязни резкого научного конфликта. Бывало, что исследователь заблуждался, но от искреннего и горячего увлечения. Ему всегда были чужды сторонние для науки расчеты. В исследованиях им руководит благородное стремление открыть историческую истину, ибо он уверен, что именно метод исторического материализма обеспечивает это и обязывает к этому и что только этот результат нужен народу. Широта и смелость взглядов М. И. Артамонова, его прямота и принципиальность всегда привлекали к нему симпатии молодежи, и, несмотря на внешнюю холодность, сдержанность и неприступность, он по сей день окружен учениками.

Возможно, что виновато исключительное многообразие его интересов и занятий, но он не создал своей школы, если под школой иметь в виду единый отряд исследователей, разрабатывающих в одном направлении по одним принципам идеи своего учителя. Однако учеников он воспитал мно-

---

[3] Научная деятельность М. И. Артамонова. «Исследования по археологии СССР». Сборник статей в честь профессора М. И. Артамонова, Л., 1961, стр. 6.

жество, и они работают, пожалуй, во всех отраслях археологии, которыми занимался сам М. И. Артамонов.

Историю хазар и других поздних кочевников разрабатывают доктора исторических наук Л. Н. Гумилев и С. А. Плетнева, скифские и сарматские памятники изучают кандидаты исторических наук В. А. Ильинская, В. П. Шилов. Доктор исторических наук И. И. Ляпушкин известен своими фундаментальными исследованиями культуры ранних славян и детальным обоснованием тезиса об отсутствии преемственности между полями погребений и культурой исторических славян. Культуру древнерусских городов изучают кандидаты исторических наук В. Д. Белецкий, З. А. Львова и др. Культуры энеолита и бронзового века исследуют кандидаты исторических наук А. Д. Столяр, Г. И. Смирнова, В. Д. Рыбалова и др. В Болгарии работает А. Иванов, в Венгрии — И. Эрдейн и Д. Газдапустаи.

Профессору М. И. Артамонову, действительному члену Польской академии наук, почетному члену Шотландского общества антикваров, действительному члену Германского археологического института и т. д., исполняется 70 лет. В подобных случаях принято говорить, что юбиляр встречает эту дату в полном расцвете творческих сил, и это всегда неправда. Я не хочу и не могу унижать своего учителя такой неправдой; он в ней не нуждается. Расцвет был поздним и сильным, но он позади. Сделаны главные труды всей жизни. Правда же заключается в том, что в свои 70 лет М. И. Артамонов работает. Он трудится много и упорно в своем кабинете, не доделывая и перелицовывая старые разработки, а поднимая новые темы, прорабатывая новые материалы. Он регулярно, без скидки на возраст, читает лекции в университете, неся полную нагрузку — все, что положено профессору. Он ведет заседания кафедры и после многочасового прослушивания студенческих отчетов о практике закрывает заседание близко к полночи все тем же звучным и бодрым голосом, лишь нехотя уступая жалобам вконец обессиленных коллег. Он каждое лето выезжает в экспедицию.

Мы ждем от М. И. Артамонова новых работ, мы знаем, что они будут, как всегда, богаты мыслями, важны и интересны. И как прекрасно, что это можно сказать о человеке, который вместе с другими корифеями создавал нашу науку, который трудился полвека и которому сегодня — 70 лет!

Л. С. Клейн

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ А. П. ОКЛАДНИКОВА

В 1968 г. исполняется 60 лет одному из крупнейших и известнейших советских археологов, ученому исключительной энергии и работоспособности, члену-корреспонденту Академии наук СССР, доктору исторических наук, профессору Алексею Павловичу Окладникову.

А. П. Окладников родился 3 октября 1908 г. в Иркутской губернии, в глухой таежной деревне Тыпта на реке Илге, в семье сельского учителя. Заниматься археологией он начал в 1924 г., будучи одним из организаторов краеведческого кружка в сельской школе-семилетке. Уже в 1924 г. им было открыто несколько стоянок каменного века по течению Верхней Лены. В 1925 г. А. П. Окладников переехал в Иркутск. Идут годы учения в Педагогическом техникуме и в Педагогическом институте, а затем работы ассистентом Педагогического института и научным сотрудником Иркутского краеведческого музея. Все эти годы Алексей Павлович продолжает археологические разведки и раскопки на Верхней Лене. Археологическая полевая работа неразрывно связана с массовой атеистической работой, с чтением лекций, устройством выставок. Мы видим Алексея Павловича среди делегатов Первого всесоюзного съезда Союза воинствующих безбожников, состоявшегося в 20-х годах в Москве.

В 1934 г. начался новый, ленинградский период жизни и деятельности А. П. Окладникова. Он — аспирант Государственной Академии истории материальной культуры (1934—1938), старший научный сотрудник ГАИМК, реорганизованной в Институт истории материальной культуры, а впоследствии в Институт археологии Академии наук СССР (1938—1949), заместитель директора Института и заведующий его Ленинградским отделением (1949—1951), заведующий Сектором палеолита Института (1951—1961). С каждым годом все шире размах работ археологических экспедиций, организуемых и возглавляемых Алексеем Павловичем, все шире и значительнее проблематика его исследований. Вслед за разведками и раскопками на Верхней Лене (1924—1932) идут разведки и раскопки на Амуре (1935) и на Ангаре (1932—1940). Открыто и раскопано огромное количество памятников эпохи палеолита, неолита и бронзового века, они исторически освещены, впервые создана хронология и периодизация неолита и бронзового века Прибайкалья. Хорошо известные теперь каждому археологу этапы — исаковский, серовский, китойский, глазковский — бы-

ли впервые выделены и определены А. П. Окладниковым свыше 30 лет назад. Итоги этих многолетних систематических исследований подведены двухтомной капитальной монографией «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», ч. I—II, М.— Л., 1950; ч. III, М.— Л., 1955. Но Алексей Павлович не ограничивается прибайкальской археологической проблематикой. В 1938 и 1939 гг. в горах Южного Узбекистана им открыт и раскопан палеолитический грот Тешик-Таш и в гроте — погребение мальчика-неандертальца. За монографию, посвященную этой находке, одному из самых блестящих открытий советской археологической науки («Тешик-Таш. Палеолитический человек». М., 1949), А. П. Окладников вместе с Н. А. Синельниковым и М. А. Гремяцким, обработавшими антропологические материалы был удостоен в 1950 г. звания лауреата Государственной премии.

В 1940—1945 гг. А. П. Окладников организовал и возглавил большую Ленскую историко-археологическую экспедицию, которая систематически исследовала все течение Лены от верховьев до ее впадения в Северный Ледовитый океан. Раньше обширные пространства Якутии представляли собой белое пятно на археологических картах. В результате же работ А. П. Окладникова и его сотрудников в Якутии были обнаружены и тщательно изучены многочисленные археологические памятники, относящиеся к палеолиту, неолиту, бронзовому и железному веку, создана первобытная история Якутии. Эти исследования подытожены докторской диссертацией А. П. Окладникова, защищенной в 1947 г. («Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству», 1-е изд., Якутск, 1949, 2-е изд., М.— Л., 1955), а также тремя выпусками его книги «Ленские древности» (в. I, Якутск, 1945; II, Якутск, 1946; III, М.— Л., 1950). Работы по течению Лены дополняются в 1945 г. раскопками на п-ове Таймыр («Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра». 1-е изд., М.— Л., 1948; 2-е изд., М.— Л., 1957), а в 1946 г. разведками и раскопками по течению Колымы и на побережье Охотского моря.

В послевоенные два десятилетия А. П. Окладников, продолжая исследовать памятники Лены и Ангары, большое внимание уделил археологии и древней истории Средней Азии, Забайкалья, Дальнего Востока и Монгольской Народной Республики.

В 1947—1958 гг. им проведены многочисленные экспедиции в Туркмении, Таджикистане, Киргизии и Узбекистане, в результате которых открыто и раскопано большое число стоянок и пещер каменного века. Особенно следует отметить систематические раскопки многослойной пещеры Джебел в Западной Туркмении, позволившие сделать важные общеисторические выводы, связывающие древние культуры Прикаспия с культурами Переднего Востока и других стран («Пещера Джебел. Памятники истории культуры Прикаспийских племен Туркмении». Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956). Открыты новые мустьерские памятники в Узбекистане (Ходжикентская пещера, Капчигай). Открыта совершенно новая и своеобразная гиссарская культура каменного века в Таджикистане («Исследование памятников каменного века Таджикистана». МИА, 66, 1958). Примерно в те же годы большие археологические экспедиции, руководимые А. П. Окладниковым, работали по течению Ангары в зонах сооружения Иркутской и Братской ГЭС, а также на территории Бурят-Монгольской АССР. Начиная с 1958 г. А. П. Окладников, его сотрудники и ученики развернули широкие археологические работы на Дальнем Востоке. Эти работы, продолжающиеся и по сей день, охватили Приморский край, берега Амура, Сахалин и Курильские острова, а частично и Чукотку. В результате было доказано, что берега Амура были заселены людьми начиная с палеолита, была выявлена последовательность основных культур древнего Дальнего Востока. История народов Дальнего Востока, еще недавно малоизученная и во многих отношениях загадочная, оказалась наполненной многочисленными фактами и материалами, тесно связанными с фактами и материалами древней истории соседних стран. Часть этих работ подытожена мо-

нографиями А. П. Окладникова «Далекое прошлое Приморья» (Владивосток, 1959) и «Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока» (М.— Л., 1963).

Первые полевые работы в Монгольской Народной Республике А. П. Окладников провел в 1949 г. В 1960—1968 г. им ежегодно, совместно с монгольскими учеными, осуществляются в МНР большие археологические разведки и раскопки, которыми охвачена значительная часть страны. Цель этих экспедиций — изучение древней истории Монголии в ее связях с древней историей народов Сибири и других территорий. В ходе этих работ сделаны важные открытия, особенно в области проблемы древнейшего человека и его культуры в Центральной Азии, подготовлены кадры монгольских археологов.

Алексея Павловича, как археолога, характеризуют исключительно широкий научный кругозор, чувство нового и подлинный историзм. Эти его качества в полной мере проявились в написанных им обширных разделах первого тома «Всемирной истории» (М., 1955). Он всегда живо интересуется общими теоретическими, методическими проблемами первобытной истории и археологии, участвует во многих теоретических дискуссиях. Он много сделал для разработки проблем становления человека и человеческого общества, периодизации первобытной истории, этногенеза, происхождения религии, истории первобытного сознания.

Предметом особой любви и особого внимания Алексея Павловича всегда была история первобытного искусства. Им открыты и изучены палеолитические женские статуэтки в стоянке Буреть на Ангаре, а также образцы резьбы и скульптуры в могильниках Сибири, относящихся к неолиту и бронзовому веку. Но особенно много сделал Алексей Павлович для изучения наскальных изображений берегов Лены («Шишкинские писаницы». Иркутск, 1959; «Ленские писаницы». М.— Л., 1959, написано совместно с В. Д. Запорожской), берегов Ангары («Петроглифы Ангары». М.— Л., 1966) и Монгольской Народной Республики. Им не только открыты, тщательно зафиксированы и опубликованы многочисленные наскальные изображения и их группы, но и поставлены и разрешены многие общие, принципиальные вопросы происхождения и развития первобытного искусства и идеологии. Научная репутация А. П. Окладникова-искусствоведа столь же высока, как и научная репутация А. П. Окладникова-археолога.

В 1961 г. ленинградский период деятельности А. П. Окладникова закончился. Он переехал в Новосибирск, где в настоящее время является директором вновь созданного Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. К этой работе фактического главы всей сибирской археологии и истории Алексей Павлович был подготовлен предшествующими десятилетиями своих широких и напряженных исследований. Ведь именно эти исследования ликвидировали множество белых пятен в археологии и древней истории Сибири. Здесь, в Сибирском отделении Академии наук СССР, научная и научно-организационная деятельность Алексея Павловича развернулась особенно широко. Он является главным редактором многотомного издания «История Сибири», председателем Научного совета по истории Сибири и Дальнего Востока, членом Высшей аттестационной комиссии, по-прежнему организует и возглавляет многочисленные археологические экспедиции.

Таким образом, историко-археологическими исследованиями А. П. Окладникова освещены огромные территории: Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Монгольская Народная Республика. Его исследованиями охвачены и огромные эпохи: палеолит, мезолит, неолит, эпоха бронзы, железный век. В изучение каждой из этих территорий и каждой из этих эпох Алексей Павлович внес первостепенный вклад. Но круг его интересов не ограничен первобытной историей и археологией. Выше уже упоминалась его работа, посвященная мореходам XVII в., рисующая в новом свете историю освоения русскими крайнего севера Сибири. Крупный вклад

в историческую науку представляет книга А. П. Окладникова «Очерки по истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.)» (М.— Л., 1937), по-новому поставившая коренные проблемы истории бурят-монгольского народа, показавшая исторические корни дружбы трудящихся России и Бурятии.

Эта книга основана на самостоятельном изучении архивных документов XVII в. из сибирских архивов. Автор овладел для этого трудными навыками чтения древнерусской скорописи.

Вообще научная разносторонность Алексея Павловича поразительна. Будучи крупнейшим специалистом по палеолиту, что вообще почти никогда не совмещается с изучением поздних эпох, он стал в то же время лучшим знатоком русской материальной культуры XVII в. Повод для этого дали упомянутые выше находки инвентаря русских мореходцев у берегов Таймыра. Они исследованы им подробно и тщательно. Особое внимание Алексея Павловича привлекло бронзовое русское зеркало с изображением кентавра. Статья А. П. Окладникова об этом зеркале посвящена выяснению сложного вопроса о русских кентаврах-китоврасах. Примеров такой разносторонности в истории науки нет.

Во всей деятельности А. П. Окладникова исследовательская работа неразрывно связана с массовой, популяризаторской. Алексей Павлович — блестящий мастер популяризации, блестящий лектор и стилист. Его перу принадлежит множество интересных, ярко, образно написанных статей, брошюр и книг. Прекрасным образцом такой популяризации, несущей настоящую, большую науку в широкие массы, является его книга «Олень золотые рога» (М.— Л., 1964).

Всего же А. П. Окладникову принадлежит более 380 печатных научных работ по археологии и истории, в том числе 12 монографий.

Много сделано А. П. Окладниковым и для подготовки кадров археологов, историков, востоковедов. В течение ряда лет он читал курсы по археологии Сибири и Дальнего Востока на историческом и восточном факультетах Ленинградского университета. В настоящее время он является профессором Новосибирского университета, руководит там кафедрой истории. Живая, общительная, благожелательная натура Алексея Павловича, его высокий научный авторитет предопределили то, что он всегда окружен молодежью, что у него много учеников: студентов, аспирантов, уже сложившихся ученых. Ученики Алексея Павловича работают в Новосибирске, Москве, Ленинграде, Иркутске, Владивостоке, Якутске, Улан-Удэ, Ташкенте, Душанбе, Улан-Баторе и во многих других городах.

Научная деятельность А. П. Окладникова получила высокую оценку. Он удостоен званий заслуженного деятеля науки РСФСР и заслуженного деятеля науки Якутской АССР, награжден орденом Ленина, тремя орденами «Знак Почета» и медалями. Широкой известностью пользуется Алексей Павлович не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Ряд его книг и статей переведен на иностранные языки. Ему неоднократно приходилось представлять советскую науку в Японии, ОАР, Дании и в других странах.

В заключение этого краткого очерка хочется отметить, что научные достижения А. П. Окладникова не были бы столь выдающимися, если бы не повседневная помощь, в подлинном смысле слова соавторство, его жены и друга Веры Дмитриевны Запорожской. Прекрасный художник, мастер археологических разведок и раскопок, чертежник, фотограф, бухгалтер и землекоп — Вера Дмитриевна была рядом с Алексеем Павловичем и в горах Южного Узбекистана, когда он открыл Тешик-Таш, и в якутской тайге, и на берегах Ангары. Ею выполнена значительная часть рисунков, чертежей и фотографий, опубликованных в книгах и статьях Алексея Павловича.

Друзья, ученики, коллеги, так же как и широкие круги читателей и слушателей, желают Алексею Павловичу Окладникову в день его юбилея здоровья, бодрости, новых открытий, новых научных трудов.

П. И. Борисковский

Публикации

В. Д. ВИКТОРОВА

СОСНОВЫЙ ОСТРОВ — СТОЯНКА ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

В настоящее время утвердилась точка зрения, что для наиболее ранних неолитических памятников Среднего Зауралья характерны полуяйцевидные сосуды, украшенные «отступающей палочкой», гребенчатая орнаментация появляется на сосудах более позднего времени [1].

Зауральские памятники, как правило, многослойны, и на них керамика, украшенная «отступающей палочкой», встречается совместно с обломками сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом. Авторы расчленяют материал главным образом путем типологического анализа. В работах Е. М. Берс и Г. Н. Матюшина есть ссылки на стратиграфию, но они, к сожалению, не раскрыты, не подтверждены ни графически, ни статистически.

При археологических исследованиях Свердловского отряда Уральской археологической экспедиции в 1960—1967 гг. разведгруппами В. А. Швечиковой, С. Б. Данилевич было обнаружено 15 новых неолитических памятников в бассейне рек Туры и Тавды. Наибольший интерес представляет исследование стоянки Сосновый остров, где две различные типологические группы неолитической керамики залегали в определенной стратиграфической последовательности.

По своей топографии стоянка Сосновый остров хорошо сопоставляется с памятниками Андреевского озера, которые обследованы И. Я. Словцовым [2], П. А. Дмитриевым [3] и В. Н. Чернецовым [4] и являются опорными при изучении древнейшей истории лесной полосы Среднего Зауралья.

Стоянка Сосновый остров занимает северо-западную часть Соснового острова — песчаной дюны, возвышающейся на 2 *м* над уровнем заболоченной части озера Малый Тарман. Тарманские озера представляют собой остатки древнего русла р. Иски. Андреевские озера, расположенные на 30 *км* южнее Тарманских, являются остатками древнего русла р. Пышмы.

Так же, как и на стоянках Андреевских озер, нижние культурные напластования стоянки Сосновый остров залегали на глубине 2 *м*, на материке, представлявшем собой плотный крупнозернистый песок с включением железистых конкреций. Последние сцементировали песок на глубину от 170 до 230 *см*. Очертания всех древних построек на этом уровне очень хорошо сохранились. При раскопках памятника летом 1966 г. на глубине 210 *см* проступала грунтовая вода.

---

[1] Е. М. Берс. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья. ВАУ, Свердловск, 1958, стр. 8; Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, 2, стр. 9; К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, 1961, 2, стр. 38; В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования уральской общности. «Congressus internationalis fenno-ugristarum», 1963, стр. 407; Г. Н. Матюшин. Стоянка Мурат на озере Узгун-Куль. СА, 1965, 1, стр. 147.

[2] И. Я. Словцов. О находках предметов каменного периода близ Тюмени, РГО, Омск, 1887, VII, 1.

[3] П. А. Дмитриев. Вторая Андреевская стоянка. Тр. ГИМ, VIII, М., 1938.

[4] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953.

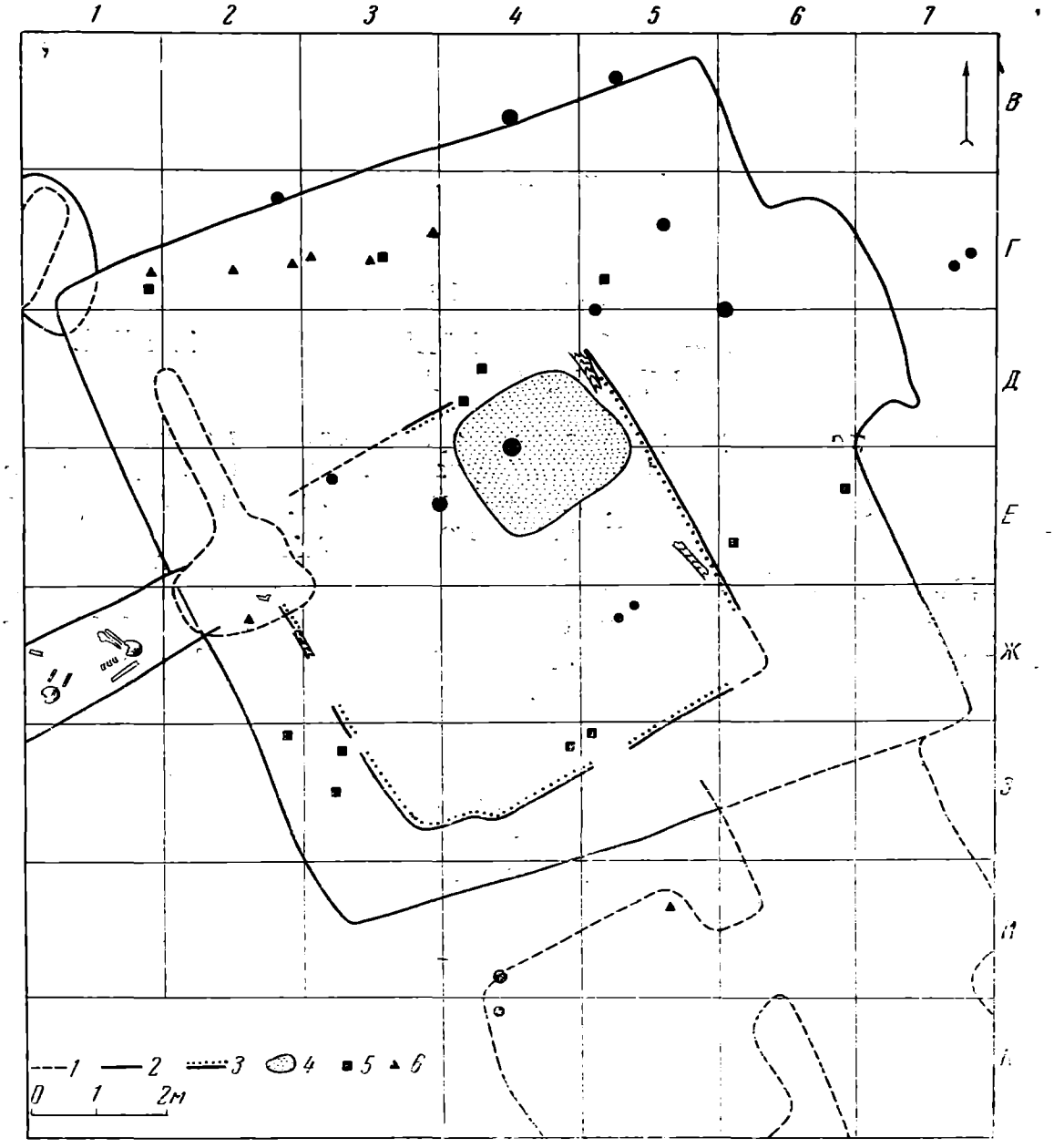


Рис. 1. План раскопа стоянки Сосновый остров

1 — очертания на глубине 190—200 *см*; *2* — очертания выемки на уровне 170 *см*; *3* — очертания верхнего жилища на уровне 150 *см*; *4* — очаг; *5* — находки каменных орудий на глубине 180 *см*; *6* — находки раздавленных сосудов на уровне 180—200 *см*

На задернованной поверхности памятника хорошо заметны семь впадин диаметром 5—10 *м*, глубиной 50—70 *см*. Раскоп размерами 288 $м^2$ был наложен на крайнюю северную впадину (рис. 1). Раскопки велись горизонтами в 10 *см*, выемка материалов производилась в соответствии с этими горизонтами и цветностью пластов. Первоначально были исследованы участки за пределами впадины. Центральные участки вскрывались широкой площадью на одном уровне с тем, чтобы можно было четче проследить очертания жилища в плане.

Раскопки позволили установить, что в исследуемой части памятника сохранилось пять пластов, четко разграничивающихся по цвету, а также прослойки золы, угля, песка. Верхний гумусированный слой (рис. 2, *8*), как правило, не содержал никаких находок. Пласт желтого песка находился за пределами построек, в нем найдено небольшое число разновременных предметов. Остальные слои: серый с коричневым оттенком, серый с оранжевым и красноватым оттенком, серый с розовым и желтым оттен-

ками залегали последовательно снизу вверх и содержали определенные типы сооружений и находок, составляющих единовременные комплексы.

Комплекс I

Стратиграфически самым ранним был слой серого цвета с коричневым оттенком (рис. 2, *1*). Он зафиксирован в двух местах раскопа. На уровне 180—200 *см* в юго-восточных участках он заполнял остатки жилищной впадины, ориентированной с юго-востока на северо-запад. Длина раскопанной части впадины составляла 5,6, ширина — 3,5 *м*. Северная часть постройки разрушена жилищем комплекса II. С запада к постройке через коридор длиной 60—100 *см* примыкала камера. На уровне 180 *см* она имела подпрямоугольные очертания со скругленными углами и размеры 3,8×3,6 *м*. На этом же уровне в северо-западном углу камеры зафиксированы две ямки, заполненные песком с угольками. На глубине 200 *см*, на полу у северной стенки жилища найдены крупные обломки раздавленного сосуда, украшенного узором «отступающей палочки» (рис. 3).

Второй объект комплекса I выявлен на северо-западных участках. Он представлял собой яму, верхние неясные очертания которой были отмечены на уровне 140 *см*. На глубине 150—160 *см* она имела овальную форму. Дно ямы неровное, на нем залегала прослойка угля мощностью 2—3 *см*. В серо-коричневом заполнении ямы найдено несколько фрагментов сосудов, украшенных «отступающей палочкой» и резными линиями.

Рис. 4 позволяет судить о том, что именно с нижним, серо-коричневым пластом связаны находки фрагментов, а также раздавленный сосуд типа, выделенного нами в первый.

Комплекс II

Нижний пласт серого цвета с коричневым оттенком был перекрыт выемкой жилища, заполненной слоем серого песка с оранжевым или красноватым оттенком. Тонкий пласт этого же цвета прослежен и за пределами котлована. На дне жилища, в северной и восточной его части, сохранилась прослойка черной плотной земли, по всей вероятности представляющей собой остатки пола. Выемка жилища размером

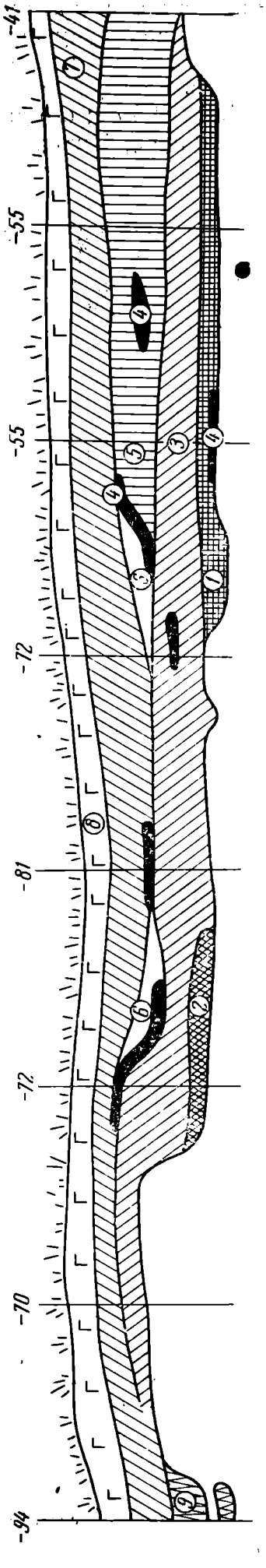


Рис. 2. Разрез раскопа по бровке между линиями Ж и З

1 — серо-коричневый слой; *2* — черная прослойка; *3* — серый слой с красноватым и оранжевым оттенками; *4* — углистые прослойки; *5* — прослойка серого песка; *6* — прослойка розовой золы; *7* — серый слой с желтым и розовым оттенками; *8* — гумус; *9* — прослойка коричневого цвета

в 96 *м*² имела подквадратную форму. Она прорезала яму первого комплекса и разрушила северную часть постройки этого же раннего времени. Верхние очертания выемки появились на уровне 140 *см*, но наиболее четко она обозначилась на глубине 170 *см*. Жилище было врезано в грунт на глубину до 180—190 *см*; его дно сравнительно ровное, с небольшим наклоном к югу. Жилище ориентировано с юго-востока на северо-запад. В централь-

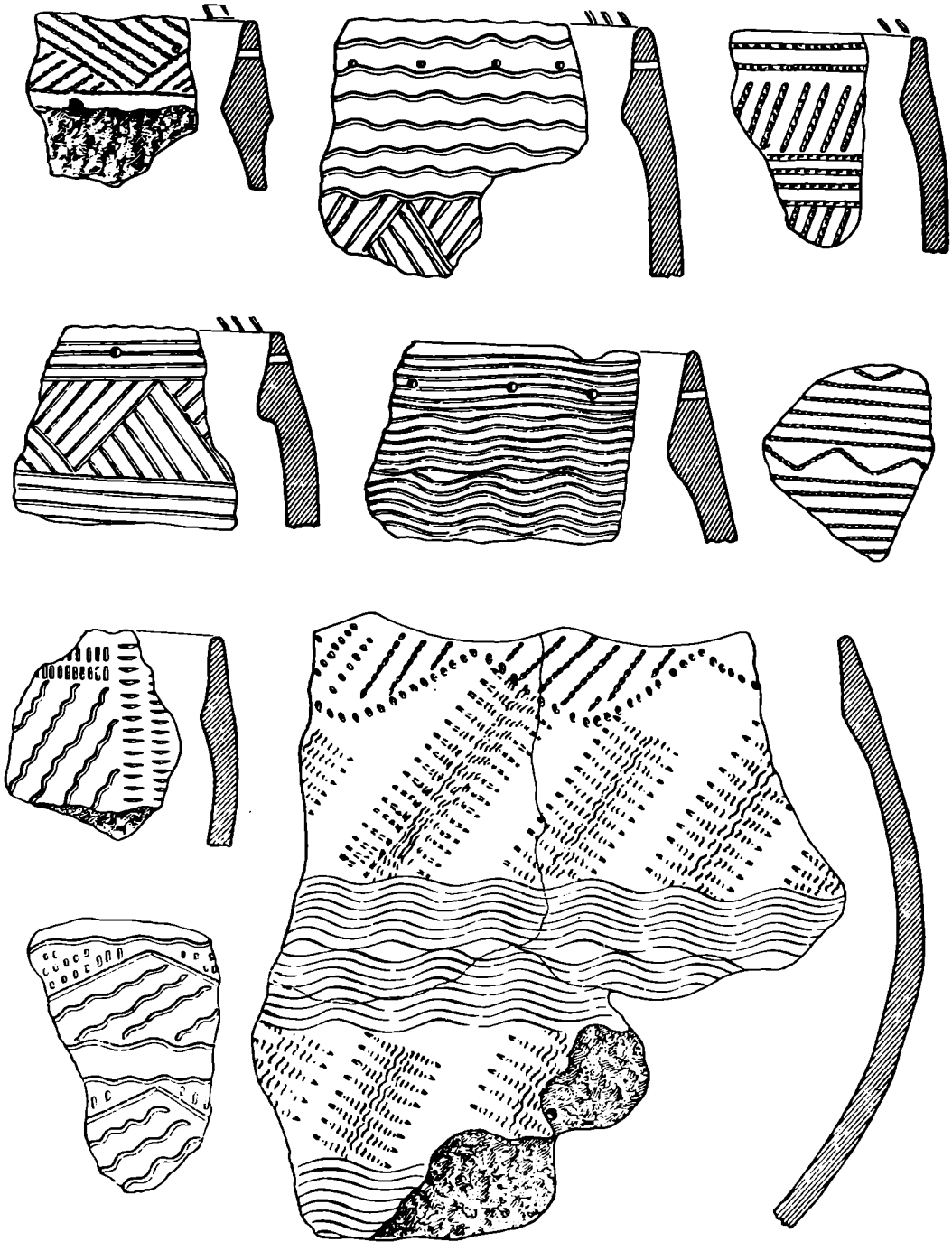


Рис. 3. Обломки сосудов из комплекса I стоянки Сосновый остров

ной части восточной стенки, по-видимому, находился выход в виде коридора шириной около 3 *м*, постепенно повышавшийся от уровня пола.

Лучше всего сохранилась северная часть жилища. Его южная часть была нарушена жилищем более позднего, третьего комплекса. Кроме того, южные границы жилища слабо различаются по цвету от сооружений первого комплекса. В юго-западной части жилище прорезала яма погребения.

В юго-восточном углу жилища, на глубине 180 *см* расчищены обломки сгоревших бревен. На дне коридора и котлована вскрыты ямки от стол-

бов, заполненные темной землей с угольками. Две ямки расчищены на полу выхода на уровне 150 *см*. На полу жилища (уровень 180—190 *см*) обнаружено десять ям от столбов, две из них расположены по центральной оси жилища, три — вдоль северной его стенки.

В центральной части жилища находилось зольное скопление мощностью 10 *см*, возможно от очага. Прокал на грунте под золой не просле-

Глубина в см	Слои	Число фрагментов			То же в процентах		
		I тип	II тип	III тип	I тип	II тип	III тип
120		24	50	44	20	43	37
130		23	43	61	18	33	49
140		27	75	103	13	38	49
150		62	117	133	19	37	44
160		44	80	43	27	47	26
170		37	98	110	15	40	45
180		28	115	15	13	77	10
190		24	61		28	72	
200		12			100		

Рис. 4. Соотношение керамики трех типов по слоям и горизонтам

1 — серо-коричневый слой; *2* — черная прослойка; *3* — серый слой с красноватым и оранжевым оттенками; *5* — прослойка серого песка; *6* — прослойка розовой золы; *7* — серый слой с желтым и розовым оттенками

живается. В северной части жилища, в черном пласте на уровне пола, найдено пять раздавленных сосудов полуяйцевидной формы с гребенчатым орнаментом и большое число фрагментов таких же сосудов (72%), выделенных нами во второй тип (рис. 5). Количество фрагментов сосудов первого типа, найденных на глубине 190 *см*, составляет только 28% (рис. 4), причем залегали они преимущественно в южной части раскопа, в серо-коричневом слое.

Помимо керамики, в черном пласте обнаружено восемь орудий, изготовленных на ножевидных пластинах, отщепы зеленого камня, два шлифованных тесла, обломки шлифовальных плит и абразивных пил.

Комплекс IIа

При раскопках жилища комплекса II в центральной части его западной стенки на уровне 140 *см* было прослежено пятно от ямы, длиной 4 *м*, шириной 130 *см*. Это углубление четко прослеживалось до 180 *см*. Яма была заполнена землей коричневого цвета. На глубине 170 *см*, в центральной части ямы, были найдены остатки человеческого черепа, полуистлевшие и мелкие кальцинированные косточки, возможно, от его скелета. У южной стенки ямы был обнаружен шлифованный молот из зеленого камня. На глубине 190 *см* за пределами жилища яма выклинивается, а на участках, совпадающих с площадью жилища, уменьшается до размеров 1,4 × 1,75 *м*. Перпендикулярно яме отходит канавка шириной 40, длиной 270 *см*. В яме на уровне 190 *см* найдена человеческая челюсть и маленький целый сосудик, вкопанный на глубину до 200 *см*. По всем признакам (фактуре, форме, орнаментации и узорам) он аналогичен большим сосудам, найденным на дне жилища второго комплекса (рис. 6).

На глубине 200 *см* яма, на первый взгляд, исчезла, начался грунтовой песок (рис. 2). Однако, когда вдоль южной и западной стенки раскопа была прокопана контрольная канавка, оказалось, что на уровне 215—230 *см* снова залегает пласт серого песка с включением мелких угольков. При дальнейшей расчистке на глубине 220 *см* появились очертания ямы длиной 210, шириной 80 *см*. С южной стороны яма ограничивалась угли-

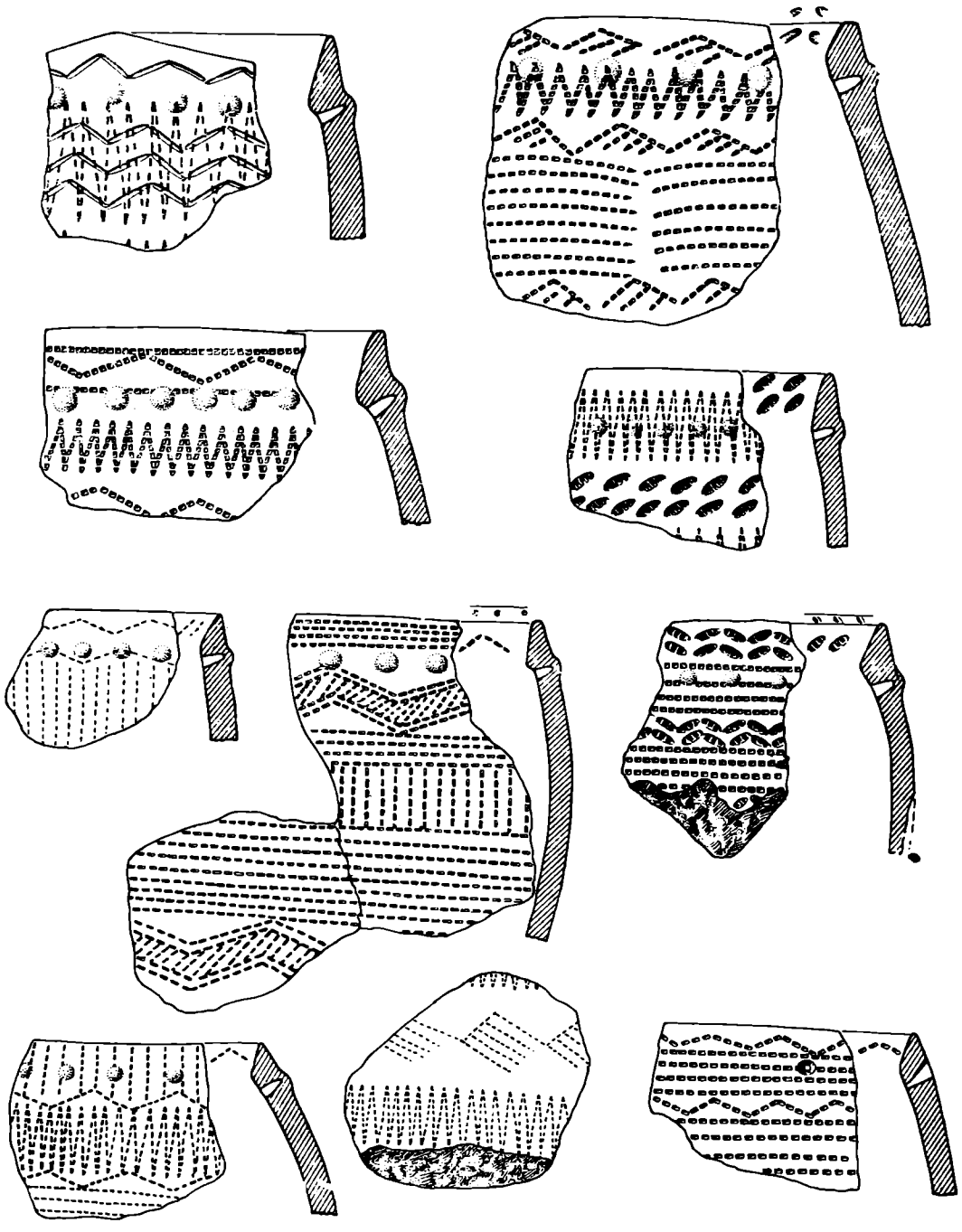


Рис. 5. Обломки сосудов из комплекса II стоянки Сосновый остров

стой полосой длиной 1 *м*. Именно в этой части ямы были обнаружены остатки третьего погребения: череп, кости рук, лежащие поперек могильной ямы, и прослежены очертания ребер. Соотношение черепа и ребер позволяют предположить, что погребенный был ориентирован головой на восток-северо-восток. В засыпке этой ямы найдено два мелких фрагмента сосудов комплекса I.

Встает вопрос о соотношении погребений и жилища комплекса II. Погребения нельзя отнести ко времени бытования комплекса I, так как погребальный сосудик аналогичен сосудам комплекса II. Погребения не могли быть совершены до строительства жилища, потому что очень хорошо сохранились прямые углы, обозначившие врез могилы в котлован жилища, и не был раздавлен погребальный сосуд. Нам представляется, что погребения были совершены вскоре после гибели жилища. Такое предположение позволяет объяснить и наличие сосудика, и прямые углы вреза, и находки керамики первого типа в заполнении могильной ямы.

Комплекс III

После разрушения жилища комплекса II прошел какой-то период времени, о чем свидетельствуют тонкие прослойки чистого песка, а также образование сравнительно мощной (30—40 *см*) прослойки серого песка (рис. 2, *5*), местами перекрывающей заполнение котлована жилища комплекса II.

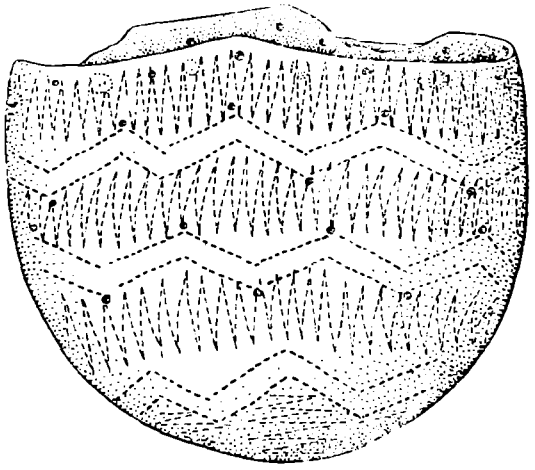


Рис. 6. Сосуд из комплекса IIа стоянки Сосновый остров

Третий, основной пласт был серого цвета с розовыми и желтыми оттенками (рис. 2, *7*) и повсеместно перекрывал слои I и II комплексов. Им же заполнена выемка верхнего жилища. Профиль жилища хорошо выделяется по углистым прослойкам (рис. 2, *4*), прекрасно контрастирующим с прослойками розовой золы (рис. 2, *6*) у краев выемки. Котлован этого жилища был выкопан во впадине от жилища II комплекса. Очертания верхнего жилища в плане очень нечетки. Это объясняется тем, что стенки его пологи, они находились выше твердого грунта там, где песок легко рассыпается. Это жилище было заполнено напластованиями розового, серо-розового и серо-желтого цвета, как в профиле, так и в плане слабо отличающимися от основного слоя нижнего жилища. Единственным способом обнаружения очертаний верхнего жилища послужила тщательная расчистка всех углистых скоплений. Таким путем была зафиксирована восточная стенка жилища. На глубине 160 *см* от нее сохранилась углистая полоса шириной 50 *см*, длиной 3,7 *м* и обломки массивных бревен. Северная стенка хорошо улавливалась в бровке, ее дальнейшее продолжение отмечала столбовая яма, расчищенная на уровне 160 *см*. Западная часть стенки опять-таки была прослежена в профиле. Южная стенка намечается по двум профилям и остаткам сгоревших бревен на участке 3-3. Таким образом, устанавливается, что жилище могло иметь прямоугольные очертания и примерные размеры 5,6×5,4 *м*. В северо-восточном углу жилища обнаружено скопление угля в виде подпрямоугольной ямы, возможно, здесь находился очаг. Основная часть находок (скопление рыбьих костей в яме, крупные обломки сосудов с разрешенным гребенчатым и псевдоверевочным орнаментом, сигарообразные грузила, орудия, изготовленные на отщепах черного сланца) была найдена в розовом и серо-розовом пластах на глубине 160—170 *см*.

Незначительное число фрагментов сосудов, которые мы относим к третьему типу, было найдено на глубине 100 *см* — 10% (рис. 4). На уровне пола верхнего жилища, на глубине 170 *см* керамика третьего типа составила 45%, причем она была найдена только на центральных участках раскопа, совпадающих с границами верхнего жилища (рис. 7). За его пре-

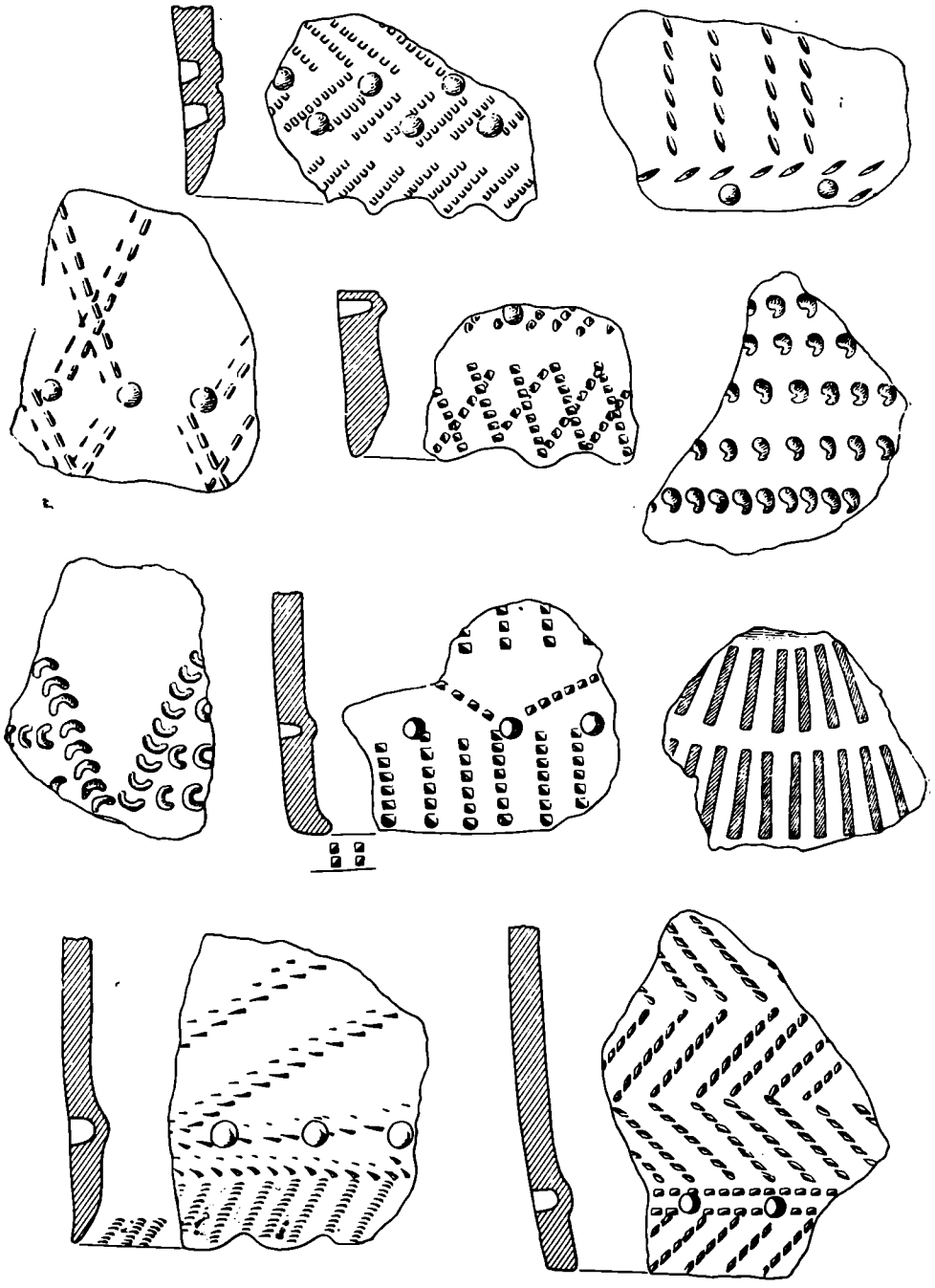


Рис. 7. Обломки сосудов из комплекса III стоянки Сосновый остров

делами найдены фрагменты сосудов первого и второго типов. Любопытно отметить, что на следующем уровне (160 *см*) сосуды третьего типа составляли только 26%. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что горизонт от 150 до 160 *см* на центральных участках представлял собой выкид из котлована нижнего жилища и остатки крыши верхнего жилища. Крыша, по всей вероятности, была утеплена землей, взятой поблизости и содержавшей обломки сосудов преимущественно первого и второго типов.

* * *

Находки каждого из трех комплексов в типологическом отношении не представляют собой ничего принципиально нового для уральской археологии.

Сосуды первого типа изготовлены из глины с примесью песка и мелкой гальки. Внутренняя поверхность сосудов тщательно заглажена, их форма полуяйцевидная, дно приостренное. На внутренней стороне сосудов под плоским венчиком хорошо заметен скос, переходящий в утолщение.

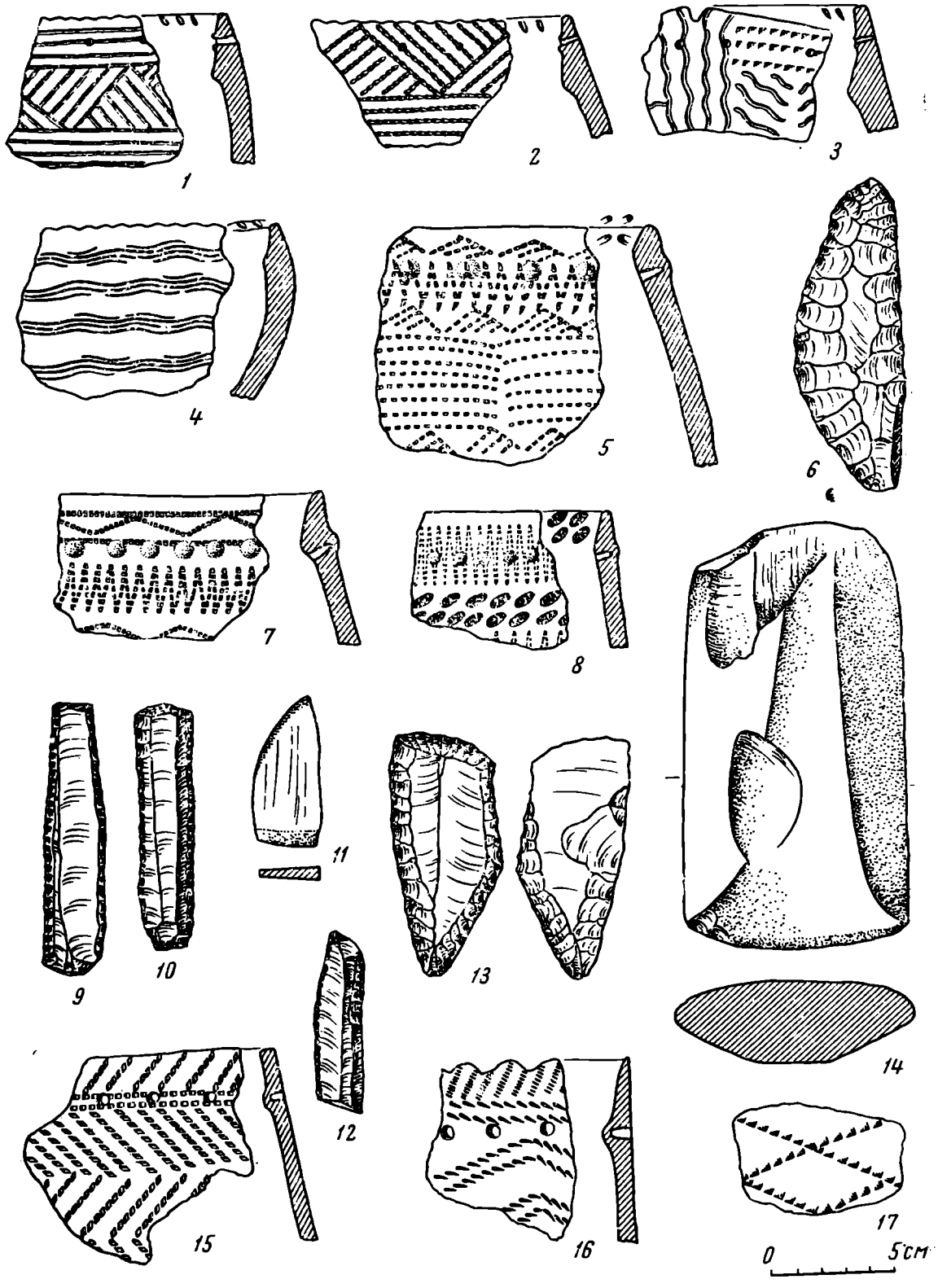


Рис. 8. Керамика и изделия из камня со стоянки Сосновый остров

Орнамент сплошь покрывает внешнюю поверхность сосудов, он нанесен «отступающей палочкой», прочерченными линиями и узкоструйчатыми волнами (рис. 8, *4*). Изредка встречаются сосуды, украшенные гребенчатым штампом и пояском глубоких ямочек (рис. 3). В узорах на сосудах можно выделить три элемента: линейный, волнистый и взаимопроникающие треугольники. Чаще всего узоры составляют горизонтальные зоны (рис. 3). В девяти случаях сплошное орнаментальное поле, заполненное горизонтальной или диагональной штриховкой, прорезалось надвое узкой вертикальной лентой (рис. 9).

В настоящее время разведочными работами Свердловского отряда УАЭ в бассейне р. Тавды обследовано восемь стоянок с подобной керамикой [5].

Наиболее близкие аналогии описанной керамике мы находим в коллекциях со стоянок Андреевского озера [6]. Форма сосудов, принципы орнаментации и узоры соответствуют керамике юрьинско-горбуновской фазы неолита Зауралья по периодизации В. Н. Чернецова [7].

Помимо равнинной части Среднего Зауралья, памятники с сосудами полуяйцевидной формы, с наплывом на внутренней стороне, орнаментированными «отступающей палочкой» и прочерченными линиями, широко известны в горной части Среднего Зауралья [8], лесостепной полосе Среднего Зауралья [9] и относятся к эпохе развитого неолита. М. Н. Комаровой [10], А. П. Окладниковым [11], В. И. Матющенко [12] и М. Ф. Косаревым высказывалось мнение о том, что со

Тип	Форма венчика	Элементы орнамента											Узоры									
I		40	63	72	28	5	13	15	53	75	8	9	39	15	3							
II		7				1	9	136	31		6			20	1	58	72	12	2			
III			22	21	25	9	46	102	65	77	33	21		93	4	8				41	39	

Рис. 9. Характеристика сосудов трех типов со стоянки Сосновый остров

[5] Стоянки Тыня II, Урай, Рыбацкая, Шайтанский мыс, Носовская, Волчимье, часть керамики со стоянки Махтыли и Усть-Вагильского городища.

[6] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, табл. IX, *3—5*.

[7] В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита. М., Сб. ИЭ АН СССР, 1968.

[8] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Тр. ГИМ, 29, 1956, рис. 6, *1—5*; Е. М. Берс. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья, табл. I, *5*; II, *10*, стр. 42.

[9] Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья, рис. 1, *3*, *4*, *5*, *9*; К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья, стр. 38; Л. Я. Крижевская. Новая стоянка каменного века в лесостепном Зауралье. ВАУ, 6, 1964, стр. 29.

[10] М. Н. Комарова. Неолит верхней Оби. КСИИМК, 64, 1956.

[11] А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1957, 1.

[12] В. И. Матющенко. Некоторые вопросы связи племен Урала и Западной Сибири. ВАУ, 1, Свердловск, 1961.

среднеуральским неолитическим кругом памятников тесно связана часть посуды, украшенной «отступающей палочкой», происходящей с неолитических памятников таежной кромки и лесостепи Западной Сибири вплоть до верхнего течения Енисея.

Сосуды второго типа со стоянки Сосновый остров по составу теста и характеру обработки поверхности не отличаются от сосудов первого типа. Различия намечаются в форме и орнаментации. Значительный процент здесь составляет посуда с прямыми стенками, часто, наряду с приостренным, встречается круглое дно, наблюдается постепенное исчезновение наплыва внутри сосуда под венчиком. Самым распространенным становится способ нанесения орнамента гребенчатым штампом (рис. 9). Обязательной чертой украшения является поясок жемчужин по верхнему краю сосудов (рис. 8, *5*, *7*, *8*). Узоры на сосудах весьма однообразны: горизонтальные пояски «шагающей гребенки» отделялись друг от друга двумя-тремя рядами горизонтальных линий, зигзагов (рис. 8, *7*) или поясков из мелких треугольников и ромбов (рис. 5).

Ближайшие аналогии керамике второго типа можно наблюдать на стоянках Андреевских озер [13], а также на памятниках андреевской культуры горной части Среднего Зауралья, по классификации Е. М. Берс.

Если подходить к анализу сосудов второго типа с точки зрения их формы и элементов орнаментации, то по ним наблюдается стремление расширить границы урало-сибирской культурной общности на север (Нижняя Обь) и запад (Прикамье), на это неоднократно указывал целый ряд авторов [14]. Вместе с этим нельзя не отметить другую тенденцию — выделение локальных районов на этой обширной территории. Основанием для их выделения служат виды узоров и композиция узоров на сосудах. В пределах Среднего Зауралья этот процесс локализации был прослежен Е. М. Берс и Н. П. Кипарисовой. Е. М. Берс [15] выделила для позднего неолита три группы памятников: шигирскую, андреевскую и полуденскую.

На наш взгляд, это деление подтверждается материалами из разведочных обследований УАЭ в бассейне Тавды, где в последние годы открыто шесть стоянок полуденского типа [16], и в бассейне Туры, где обнаружено две стоянки андреевского типа.

Сосуды с памятников полуденского типа отличаются от андреевских тем, что на них, наряду с применением гребенчатого штампа, сохраняется прием орнаментации концом палочки. Посуда полуденского типа украшалась пояском глубоких ямочек, горизонтальными поясками из оттисков наклонно поставленного гребенчатого штампа, здесь реже, чем на андреевской посуде, встречается орнаментация «шагающей гребенкой».

Н. П. Кипарисова усматривала особенность гребенчатого орнамента неолита челябинской группы в наличии поясков небольших заштрихованных треугольников и ромбов, в подчеркивании орнаментального мотива мелкими круглыми ямками [17].

Помимо керамики, к комплексу II стоянки Сосновый остров относятся пластины и орудия на пластинах из розовой яшмы. В коллекции с памятника содержится 34 ножевидных пластины и три скребка на отщепах. Интересно отметить отсутствие следов изготовления кремневых орудий (по крайней мере, на раскопанной части стоянки).

Пластины со стоянки не очень правильного огранения, довольно крупного размера. Обращает внимание отсутствие стандартных форм и вели-

[13] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, табл. IX, *8*, *9*.

[14] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, 1966, стр. 31.

[15] Е. М. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963, стр. 28, 29, 55.

[16] К полуденскому типу принадлежит часть коллекций с селища Туманского 1, со стоянок Урай, Рыбацкой, Усть-Вагильского городища, Стоянок Махтыли и Носовской.

[17] Н. П. Кипарисова. Ук. соч., стр. 10, 11.

чин. Орудия представлены тремя проколками, тремя сверлами, концевыми скребками, долотом, скобелем, обломком пилки, шестью ножами (рис. 8). Три пластинки имеют микролитический облик. Следы ретуши имеются на четырех пластинах и трех сечениях пластин. Остальные пластины не подправлены ретушью, но на их лезвиях видны зазубрины и выщерблены, свидетельствующие о том, что пластины употреблялись в работе.

Шлифованные орудия изготовлялись непосредственно на стоянке. Об этом можно судить по находкам шлифовальных плит из серого песчаника, фрагментам абразивных пил, кускам зеленого сланца со следами распиловки, сланцевым отщепам. Большая часть этих находок собрана со дна и из заполнения жилища II комплекса. Шлифованные орудия представлены теслами различных размеров, но одинаковой прямоугольной формы с трапециевидным сечением (рис. 8, *14*). От шести найдены обломки, два сохранились целыми. Тесла подобной формы известны на неолитических памятниках Восточной Европы конца III — начала II тысячелетия до н. э. под наименованием тесел русско-карельского типа [18]. Аналогичное тесло в Зауралье известно со стоянки Полуденка [19].

Помимо тесел, к описываемому комплексу относятся два шлифованных сланцевых ножа (рис. 8, *11*), сланцевая проколка на отщепе с пришлифованной рабочей частью и сланцевое долото.

Характер шлифованных орудий, а также кремневого инвентаря подтверждают датировку II комплекса в пределах позднего этапа неолита.

Сосуды третьего типа со стоянки Сосновый остров имеют примесь песка в тесте, более тонкие стенки, сравнительно с керамикой первого и второго типов. Внутренняя поверхность сосудов обработана щепкой или гребенчатым штампом. Сосуды прямостенные с круглым дном, плоскими или приостренными венчиками. Венчики часто имеют волнистый обрез. Посуда украшалась преимущественно гребенчатым штампом двух видов: коротким штампом с крупными, вертикально нарезанными зубцами и длинным штампом с косо нарезанными зубцами (рис. 9). Часто встречаются сосуды, украшенные псевдошнуровыми штрихами. Обязательным элементом украшения верхнего края сосуда является поясок из ямочек правильной круглой формы. Ямочки неправильной овальной или подтреугольной формы нередко составляли широкую орнаментальную зону на сосудах.

Для узоров характерно зональное расположение и разреженность. Узоры представлены поясками из оттисков наклонно поставленных штампов, горизонтальными и вертикальными зигзагами (рис. 8, *15*, *16*), изредка — поясками «шагающей гребенки» или ромбической сетки (рис. 8, *17*). Описанная посуда по форме, принципам орнаментации и узорам весьма близка керамике, обнаруженной П. А. Дмитриевым на Липчинской стоянке в среднем течении Туры [20]. В настоящее время разведгруппами Свердловского отряда УАЭ в бассейне Туры найдено еще восемь стоянок с аналогичными находками [21], в бассейне Тавды — девять стоянок [22].

Н. П. Кипарисова убедительно показала, что памятники типа Липчинской стоянки (дмитриевской культуры) относятся к раннему этапу эпохи бронзы и локализуются в бассейне рек Туры и Исети. Н. П. Кипа-

---

[18] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 40.

[19] О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, XVI, 1947, рис. 50, *2*.

[20] П. А. Дмитриев. Липчинская неометаллическая стоянка. Тр. СА РАНИОН, 2, М., 1928.

[21] Стоянки Верхний Бор IV и VI, Филиппова, Саматова, Хуторская, Татарская, Субботинская, Малахова.

[22] Стоянки Туманская I, V, VI, Тыня I, Пелымская, Сотникова, материалы из коллекций с Мишинского селища, Тавдинского и Западно-Урайского городищ.

рисова выделила три локальных варианта памятников дмитриевской культуры: тюменский, северный и юго-западный. Если сопоставить территориально эти три группы с поздненеолитическими, то окажется, что тюменский и северный вариант памятников совпадает с андреевским, юго-западный с челябинским[23]. Такое территориальное совпадение неслучайно, оно связано с преемственностью в материальной культуре, особенно хорошо заметной в западных районах. Некоторые черты преемственности можно установить и по материалам стоянки Сосновый остров.

Уже среди сосудов второго типа встречаются прямостенные, с круглым дном и разнообразной формой венчика (рис. 9). Эти черты становятся ведущими в силуэте сосудов третьего типа. Гребенчатый способ орнаментации преобладает как на керамике второго, так и третьего типа. Только в последнем случае, помимо гребенчатого штампа с прямой нарезкой, употреблялся штамп с косой нарезкой, имитирующей шнур. Подобную же имитацию под шнур или гребенчатый штамп представляют штрихи «отступающей палочки». Новой чертой, присущей только тюменской группе, следует считать способ орнаментации посуды неглубокими ямочками различной формы и подковками.

В узорах посуды второго и третьего типа также можно усмотреть общие черты (рис. 9). Новым и весьма распространенным элементом узора становится вертикальный зигзаг.

Стоянка Сосновый остров — памятник, на котором хорошо прослеживаются этапы развития древнего уральского населения: этап развитого неолита, когда зауральская историко-культурная общность представляется слабо дифференцированной; этап позднего неолита, когда внутри общности намечаются локальные районы.

II комплекс находок со стоянки Сосновый остров входил в андреевский район зауральской культурной общности. III комплекс находок со стоянки принадлежит к дмитриевской группе памятников эпохи бронзы

---

[23] Н. П. Кипарисова. Ук. соч., стр. 22, 23.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ, А. В. ЦИРКИН

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В МОРДОВИИ

Западные районы Мордовии богаты археологическими памятниками различного времени, начиная с эпохи неолита [1]. Это не случайно. Удобное географическое положение, близость к Оке и чрезвычайно благоприятная для жизни долина р. Вад издавна привлекала первобытных людей.

Поселение, исследованное нами, расположено в 2 *км* юго-восточнее с. Журавкино Зубово-Полянского района Мордовской АССР. Следует отметить, что население Журавкинской стоянки, находясь вблизи оживленного водного пути, было связано с соседними племенами как на западе, так и на востоке. Это нашло отражение в археологическом материале.

В пределах Журавкинского поселения встречаются материалы различных культур, взаимоотношения которых, к сожалению, пока слабо изучены. К числу нерешенных вопросов относится взаимовлияние племен так называемых поздняковской и примокшанской культур, время исчезновения срубной культуры из Примокшанья, появление текстильной и рогожной керамики в этом районе.

В 1965 г. экспедиция Мордовского научно-исследовательского института при Совете Министров МАССР и Республиканского краеведческого музея обследовала группу поселений у с. Журавкино (рис. 1). В том же году экспедицией были предприняты раскопки поселения № 2 у этого села, давшие интересный материал, относящийся к эпохам бронзы и раннего железа.

Поселение № 2 расположено на ровной площадке мыса коренного берега р. Вад и ограничено с севера поймой реки, с востока — небольшой лощиной, отделяющей поселение № 2 от поселения № 3, с юга — лесозащитной полосой, с запада оно отграничено небольшим оврагом. Площадь, занятая поселением, равняется 8800 $м^2$. Всего было вскрыто 220 $м^2$. Мощность культурного слоя, залегавшего непосредственно под дерном, колебалась от 40 до 60 *см* (2 штыка в среднем). Под культурным слоем залегал материковый слой темно-сероватой супеси, его подстилал светло-серый материковый песок. Каких-либо прослоек, делящих культурный слой, не прослеживалось: он представлял однородную массу. Нижняя поверхность культурного слоя имела несколько волнистый вид, создаваемый небольшими углублениями, врезающимися в материк. Углубления заполнены черным культурным слоем, содержащим кости животных и обломки посуды.

Многочисленный материал, полученный в результате раскопок (свыше 4000 предметов), указывает, что это сравнительно небольшое поселение было обитаемо человеком в течение продолжительного времени. Однако

[1] На правом берегу р. Вад в непосредственной близости от с. Журавкино в 1957 г. была открыта и частично исследована Иморская стоянка периода раннего неолита (М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Тёша. В кн.: А. Е. Алихова. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, стр. 55, 56).

отсутствие в культурном слое стерильных прослоек не позволяет четко разделить слои. Это привело к некоторому смешению материала при его распределении по штыкам.

По распределению различных типов керамики в культурном слое выяснилось, что наибольшее количество керамики, типичной для эпохи брон-

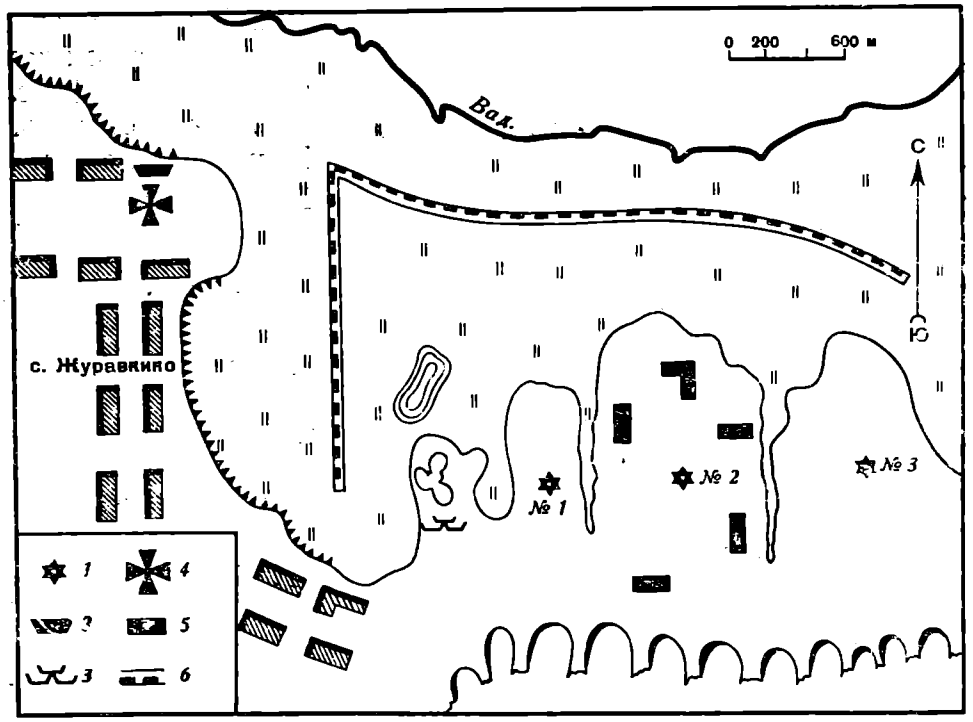


Рис. 1. Схема расположения археологических памятников у с. Журавкино

1 — поселение; *2* — могильник VIII—X вв.; *3* — кладбище XVIII в; *4* — современная церковь; *5* — раскопы на поселении; *6* — современные осушительные канавы

зы, залегает в нижней части культурного слоя. Более поздние предметы и керамика, характерная для городецкой культуры,— в верхней части слоя. В этот верхний пласт культурного слоя, однако, попала некоторая доля керамики бронзового века. Для иллюстрации распределения керамики в штыках культурного слоя приведем табл. 1.

Таблица 1

Штык культурного слоя	Общее количество керамики	Керамика культур эпохи бронзы				Керамика эпохи раннего железа					
		прикокшанская		срубная		текстильная		рогожная		гладкая	
		количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
I	672	25	3,7	10	1,5	6	0,9	4	0,6	627	93,3
II	384	37	9,6	32	8,5	3	0,7	10	2,6	302	88,6
Ямы в материке	69	6	8,7	10	14,5	—	—	—	—	53	76,8

Наиболее ярко (судя по орнаменту) и достаточно выразительно представлена посуда срубной культуры, наибольший интерес вызывают два сосуда.

Первый крупный сосуд широкогорлый, баночной формы со слегка скошенными к днищу стенками имел прямой срез по краю. Дно снаружи окружено небольшим выступом. Толщина стенок сосуда 0,5—0,6 *см*, обжиг равномерный. Внутри стенки слегка сглажены и не носят следов

огня. Орнамент в виде зигзагов нанесен по верхнему краю неглубоким зубчатым штампом. Поверхность сосуда хорошо сглажена (рис. 2, *1*).

Второй более мелкий сосуд горшковидной формы находился внутри первого. Шейка сосуда слабо выражена, дно плоское. Поверхность сосуда слегка сглажена. В качестве примеси употреблялся шамот и, по-видимому, небольшое количество песка. Украшен второй сосуд оттисками продолговатой палочки (рис. 2, *2*).

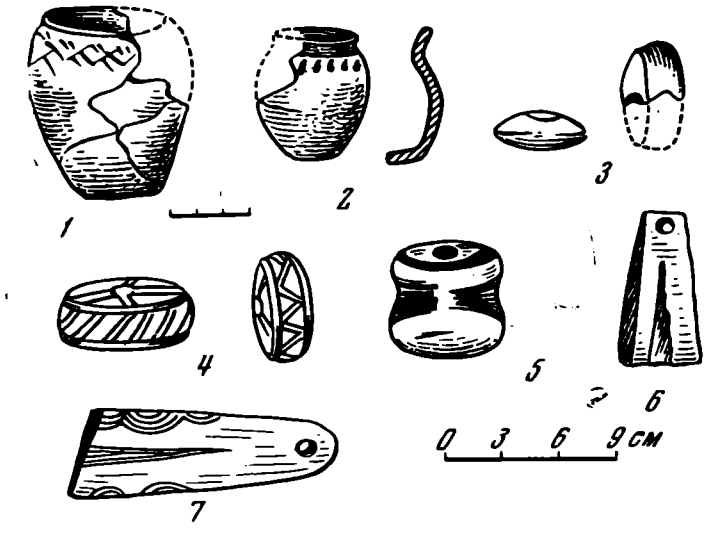


Рис. 2. Вещи и керамика с Журавкинского поселения

1, 2 — сосуды; *3* — пряслица; *4* — пряслица с орнаментом; *5* — грузила; *6, 7* — точильные бруски

Нужно сказать, что на Журавкинском поселении редко встречаются сосуды, орнамент на которых был бы исполнен одним каким-либо узором. В большинстве случаев рисунок состоит из комбинации различных элементов орнамента. Встречаются такие элементы орнамента, как зигзаги, параллельные линии и оттиски крупнозубчатого штампа.

Несмотря на то что большая часть керамики бронзового века с Журавкинского поселения сильно фрагментирована, удается приблизительно восстановить формы сосудов. Это были баночные сосуды, встречались также и широкогорлые горшки. Размеры их были примерно такими: диаметр горла 12—15, высота 10—12 *см*. У горшков был отогнутый наружу венчик.

Стенки сосудов имели сильно заглаженную поверхность. У некоторых сосудов шейка снаружи была украшена треугольными вдавлениями. Срез венчика у таких сосудов обычно был во внутрь. Толщина стенок была примерно 8—10 *см*.

В качестве примеси применялся шамот, дресва, песок, реже толченая раковина. Обжиг керамики равномерный. Цвет черепка в изломе черный, а снаружи черепок имел серый или темно-серый цвет. Судя по характеру орнамента и по форме сосудов, можно их отнести, с учетом некоторых местных деталей орнамента, к группе срубной керамики (рис. 3, *4*, *10*, *12*).

Наиболее близка, к обнаруженной на Журавкинском поселении, керамика с помещений правобережья Волги, расположенных у с. Ягодного[2], у с. Пиксяси[3], у дер. Воскресенской[4], у с. Хрящевки[5] и в других пунктах Западного Поволжья.

Датировка вышеуказанных памятников не выходит за пределы третьей четверти II тысячелетия до н. э. Этим временем, по-видимому, следует датировать и поселение эпохи бронзы на месте Журавкинской стоянки, хотя некоторые элементы в керамике имеют более ранние аналогии.

На Журавкинском поселении встречено несколько фрагментов сосудов, орнамент которых не будет понятен, если не обратиться к материалам поздняковской культуры. На некоторых сосудах имеется орнамент в виде

---

[2] Н. Я. Мерперт. Курганы эпохи бронзы у с. Ягодного. КСИИМК, XLIV, 1952.

[3] П. Д. Степанов. Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР. КСИИМК, 59, 1955, стр. 74—79.

[4] Н. В. Трубникова. Поселение эпохи бронзы у деревни Воскресенской. КСИИМК, L, 1953, стр. 25, рис. 9, *11*, *12*.

[5] Н. Я. Мерперт. Археологические памятники у с. Хрящевки. КСИИМК, L, стр. 20—22.

отпечатков изогнутых, пересекающихся под прямым углом линий перевитой веревки и крученого шнура. Эта посуда по форме и орнаменту близка к срубной. Тем не менее, как отметил А. Я. Брюсов, «она отличается от последней главным образом орнаментом того типа, который является прямым продолжением и развитием орнамента керамики рязанской культуры» [6].

Этот орнаментальный мотив специфичен для керамики поздняковской культуры, основная территория которой простиралась к северо-западу от Журавкинского поселения. Среди керамического материала Малоокуловских курганов, раскопанных А. В. Збруевой, встречается орнамент в виде отпечатков веревки и крученого шнура. Создается впечатление о присутствии какого-то поздняковского компонента в керамике Журавкинского поселения. Отмеченная выше керамика Малоокуловских курганов датирована А. В. Збруевой ранним периодом эпохи бронзы [7]. Какая-то часть поздняковских племен, обитавших в районе Касимова, также, вероятно, имела контакт с обитателями Журавкинского поселения, что и нашло отражение в керамике [8] (рис. 3, *3*, *6*, *9*, *11*).

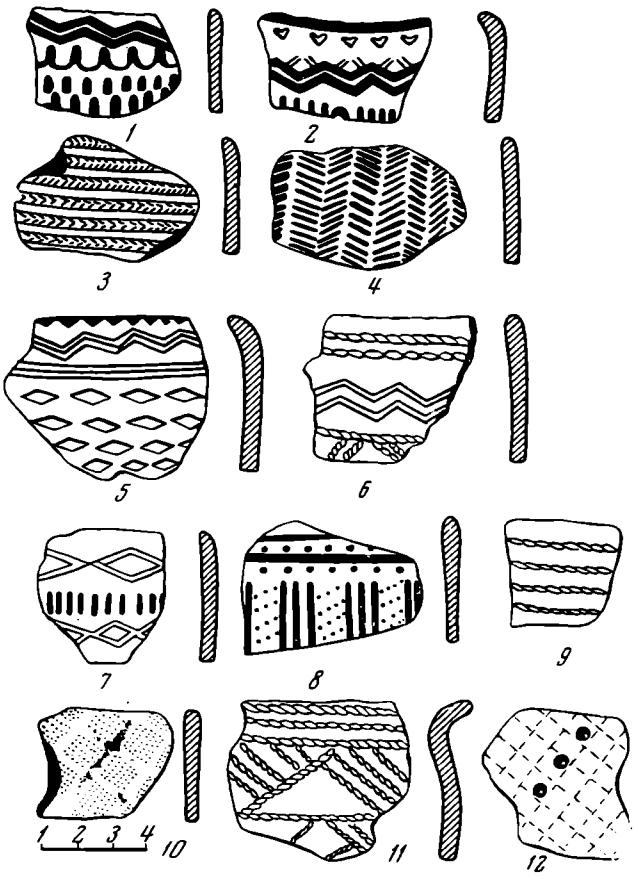


Рис. 3. Керамика эпохи бронзы с Журавкинского поселения

В нижней части культурного слоя Журавкинского поселения встречаются фрагменты посуды, которую можно отнести к особой группе керамики. Это прежде всего обломки сосудов, имеющие типичную для примокшанской культуры орнаментацию, состоящую из ромбов, подтреугольных вдавлений и крупнозубчатого штампа.

В свое время П. Д. Степанов, изучая керамический материал из некоторых памятников эпохи бронзы, расположенных по р. Мокше, отмечал, что эта посуда резко выделяется по форме и орнаментации среди известных материалов культур эпохи бронзы. Глиняное тесто таких сосудов содержало примесь песка, обжиг сосудов коричневато-красный, днища сосудов плоские. Характерной особенностью примокшанских сосудов являлся орнамент, выполненный в виде ромбического штампа в комбинации с елочным и зубчатым рисунком [9]. Точно такую же керамику мы встречаем

---

[6] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 70, 71.

[7] А. В. Збруева. Мало-Окуловские курганы. СА, IX, 1947, стр. 198, 199. Есть мнение, что Малоокуловский могильник раннесрубный.

[8] Б. А. Куфтин. Новая культура бронзовой поры в бассейне реки Оки на озере Подбороном близ Касимова. Сб. «Материалы к истории ЦПО», М., 1927, стр. 45—48.

[9] П. Д. Степанов. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши. КСИИМК, 59, стр. 66—72, рис. 21, 22.

в нижней части культурного слоя Журавкинского поселения. Следовательно, есть все основания предполагать, что нижние слои данного памятника одновременны с памятниками Примокшанской культуры, которые датируются второй половиной II тысячелетия до н. э. (рис. 3, *1*, *5*, *7*).

Кроме того, следует заметить, что некоторые сосуды с Журавкинского селища имеют ряд аналогий с посудой, найденной на поселениях Костромского Поволжья. К этой керамической группе следует причислить несколько фрагментов сосудов, сделанных из более грубого теста, стенки которых украшены горизонтальными линиями и отпечатками гребенчатого штампа. Тесто, из которого они изготовлены, имеет небольшую примесь песка и только в очень редких случаях — какую-то растительную примесь. Толщина стенок этой группы сосудов не превышает 0,5—0,7 *см*. Обжиг сравнительно слабый [10].

Большую часть керамики Журавкинского поселения составляет керамика, характерная для раннего железного века. Она представлена некоторым количеством фрагментов с отпечатками ткани, т. е. относится к группе текстильной керамики. Индивидуальными чертами этой группы являются не только своеобразный рисунок, но и незначительная толщина стенок сосудов (примерно 0,5 *см*). По степени обжига и по орнаментации большая часть фрагментов не выделяется из общей массы текстильной керамики городецкой культуры. В некоторых случаях обломки сосудов с отпечатками сетки имеют также неглубокую штриховку, нанесенную в различных направлениях. Такая обработка поверхности сосудов встречается на памятниках раннегородецкого типа [11]. На отдельных фрагментах отпечатки ткани и штриховка являются фоном, по которому нанесен узор, состоящий из ямок неправильно округлых или овальных очертаний. Тесто, из которого изготовлены сосуды,— в изломе черное с примесью песка, толченой раковины и дресвы; обжиг средний. Края сосудов большей частью прямые или слегка утолщенные на венчике (как бы с небольшим наплывом). Сосуды этой группы керамики имеют слабо профилированные венчики. Днища плоские, иногда с выступающим бортиком. Цвет в изломе черный, снаружи серый или темно-серый.

Рассматривая текстильную керамику Журавкинского поселения, можно заметить, что она обладает рядом общих черт: сравнительно слабый обжиг, незначительная толщина стенок сосудов, простота орнаментального узора, размещенного по всей поверхности сосуда, выступающий бортик у днища. Эти черты заставляют этот керамический материал отнести к ранней фазе развития городецкой культуры.

Отдельные фрагменты сосудов имеют рогожный орнамент, состоящий из мелких подпрямоугольных и ромбических ячеек. По цвету и обжигу эта посуда однородна. Поверхность сосудов сохранила следы сглаживания. Обычная форма сосудов с рогожной орнаментацией — широкогорлый горшок с короткой, слегка отогнутой шейкой.

Подобный тип керамики встречается на хорошо известных памятниках, таких как Теньгушевское городище [12], Чардымское [13], Каргашинское [14] и на других городищах и селищах Волго-Окского междуречья, датируемых 1 тысячелетием до н. э.

Большую группу составляют фрагменты сосудов с гладкими стенками. К сожалению, ни одного сосуда полностью восстановить не удалось. Однако, если судить по дошедшим до нас обломкам, это были средней величины

[10] Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110, 1963, рис. 8, *10*, рис. 9, *3*.

[11] А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. М., 1965, табл. 6, *23*, табл. 7.

[12] Е. И. Горюнова. Теньгушевское городище. Зап. МНИИ, 9, Саранск, 1947, стр. 174, 175.

[13] П. С. Рыков. Чардымское городище. Изв. НВИК, 6, Саратов, 1930.

[14] А. Е. Алихова. Некоторые древние городища Мордовской АССР. В кн.: А. Е. Алихова. Из древней и средневековой истории..., стр. 106—111.

невысокие сосуды, имевшие от 12 до 20 *см* в диаметре. По всей вероятности, это были сосуды с выпуклыми боками, отогнутым венчиком и плоским дном. Толщина стенок обычно колеблется в пределах 0,6—0,8 *см*. Дно плоское с выступающим бортиком. Обрез венчика некоторых сосудов орнаментирован насечками и изредка зубчатым штампом (рис. 4).

Известно, что ранние селища городецкой культуры имели мало гладкой керамики, а на памятниках более позднего времени аналогичная керамика встречена в большом количестве [15]. Но распределение керамики в слое Журавкинского поселения не дает в нижней части слоя преобладания сетчатой или рогожной керамики. В нижнем пласте вместе с керамикой бронзового века найдено 302 фрагмента гладкой городецкой керамики, что составляет более 88% всей керамики из этого пласта.

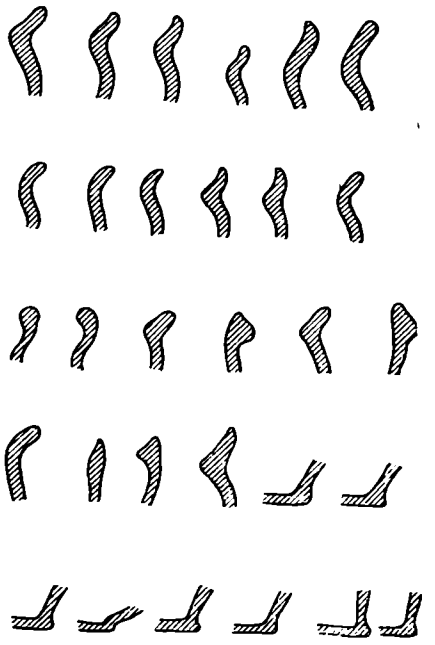


Рис. 4. Профили венчиков и днищ гладкой городецкой керамики с Журавкинского поселения

В верхней части слоя процент гладкой керамики действительно возрастает (до 93,3%). Но вместе с тем как в нижнем, так и в верхнем штыках слоя обнаружена текстильная и рогожная керамика, хотя и в малом количестве. К сожалению, ранний слой городецкой культуры на селище неотделим от более поздних напластований той же культуры. Но можно предполагать, что и в ранний период обитания носителей городецкой культуры на Журавкинском селище, тогда, когда у них была рогожная и сетчатая керамика архаического облика, в быту была широко распространена и гладкая керамика.

В связи с изучением Журавкинского поселения уместно заметить, что А. Е. Алихова, изучая материалы Ново-Пшеновского городища, установила, что первоначально обитатели городища имели в употреблении гладкую с ямками керамику, а затем и гладкую, и сетчатую керамику. Присутствие на одном поселении керамики двух типов, по ее мнению, свидетельствует о том, что какие-то финно-угорские племена, владеющие текстильной керамикой, пришли со средней Оки не ранее конца VI в., распространились по ближайшим рекам, в том числе и по Ваду, заняв частично свои старые земли, с которых они были оттеснены в конце эпохи бронзы срубными племенами [16]. Возвращение из бассейна Оки финно-угорских племен, оттесненных в бронзовую эпоху срубными племенами, подтверждается рядом материалов и наблюдений, сделанных в последние годы [17].

Из других находок, сделанных на городище, интересны пряслица, битрапецпевидные в сечении и плоские, со слегка выпуклым краем. Они сделаны из глины и хорошо обожжены. Диаметр их обычно примерно 4 *см*, толщина около 2 *см* (рис. 2, *3*, *4*). Такой тип пряслиц известен по коллекциям из памятников городецкого времени в Чувашской АССР и датировался исследователями первой половиной 1 тысячелетия [18]. На поселении был также найден обломок глиняного пряслица диаметром 5, и толщиной

---

[15] А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Ук. соч., стр. 11.

[16] А. Е. Алихова. Некоторые древние городища Мордовской АССР, стр. 98—116.

[17] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА. 95, 1961, стр. 75.

[18] А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Ук. соч., табл. 14, 19, стр. 17.

3,5 *см*. По внешнему ободку это пряслице было орнаментировано крупным зубчатым штампом (рис. 2, *4*). Встречаются массивные грузила с овальным отверстием. По характеру они очень близки к городецким. Все эти вещи могут быть датированы в пределах первой половины 1 тысячелетия.

Из подъемного материала, собранного на поселении, обращают на себя внимание обломки жерновов, сделанных из сланцевого камня, и каменная мотыжка. На поселении найдены железный нож и несколько каменных точильных брусочков со следами точки (рис. 2, *6*, *7*).

Из найденных на поселении 76 обломков костей животных удалось определить, что крупному рогатому скоту принадлежала одна кость, лошади — 3, лосю — 4, мелкому рогатому скоту — 8, свинье — 2, собаке — 1 и птице — 1 [19].

Сопоставление материала рассматриваемого поселения с уже известными памятниками заставляет признать, что керамика из нижней части культурного слоя имеет, в сущности, много общего с керамикой эпохи бронзы, находя наиболее близкие аналогии в памятниках срубной, а также так называемой примокшанской и так называемой поздняковской культур. На рубеже бронзового и железного века у обитателей Журавкинского поселения получает распространение керамика с текстильным орнаментом в виде узких параллельных рядов, как бы оттисков отдельных веревочек. Этот вариант текстильного орнамента типичен для древних слоев памятников городецкого времени.

На рубеже нашей эры у обитателей Журавкинского поселения господствующей посудой становится гладкая, у которой в некоторых случаях венчики были орнаментированы насечками и неглубоким зубчатым штампом. В верхнем горизонте культурного слоя такой тип доминирует, хотя встречается еще небольшое количество рогожной керамики.

Более определенная датировка и интерпретация материалов с Журавкинского поселения, особенно в связи с находками на нем керамики примокшанского и поздняковского типов, станет возможна лишь в результате дальнейших работ на этом памятнике и на памятниках прилегающих территорий.

---

[19] Анализ произведен сотрудниками кафедры анатомии животных Мордовского университета П. П. Голышенковым, А. П. Мачинским, И. Сарычевым и Г. М. Шияновой, за что авторы приносят им свою благодарность.

Н. П. СОРОКИНА

ФИГУРНЫЙ СТЕКЛЯННЫЙ СОСУД ИЗ КЕП

В 1965 г. при работах Таманской экспедиции ИА АН СССР на некрополе Кеп был найден редкий стеклянный фигурный сосуд (рис. 1 и 2), представляющий большой интерес для изучения культуры Боспора и античного стеклоделия первых веков нашей эры.

Производство изделий из стекла хорошо засвидетельствовано в Египте уже в период XVIII династии [1]. Однако Древний Восток никогда не знал такого широкого развития стеклоделия, какое оно получило значительно позднее в связи с изобретением выдувной трубки. Это техническое нововведение произошло на исходе I в. до н. э.[2] и оно значительно упростило производство стеклянной посуды. Именно поэтому с I в. происходит бурный рост стеклоделия во многих странах античного мира. Плиний Старший [3] говорит о древнем стеклоделии на Сирийском побережье Средиземноморья и называет в числе стран, производящих уже в его время стекло, Испанию, Галлию, Италию. Стеклянные мастерские, изготовлявшие посуду, появляются в долине Рейна, в Англии [4], на территории Северного Причерноморья [5]. В истории античного стеклоделия и особенно его первого этапа (I в.) немаловажное место занимала Сирия. С этой страной связаны имена таких прославленных мастеров, как Эннион, который работал не только у себя на родине, но и за ее пределами [6]. Его продукция, а также изделия других сирийских стеклоделов широко расходилась по различным областям обширной Римской империи и по центрам, с ней связанным. Свое значение сирийские мастерские не утратили и позднее с возникновением других стеклодельческих центров, которые, конечно, во II—III вв. были для них серьезными конкурентами на рынках по сбыту стеклянных изделий.

Сирийские мастерские делали посуду из стекла посредством свободного дутья и с применением форм. Последний способ, практиковавшийся широко уже в I в., позволял мастерам выпускать продукцию с рельефными украшениями и придавать сосудам разнообразные формы. Рельефные

---

[1] А. Лукас. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958, стр. 289 сл.; H. C. Beck. Glass Before 1500 b. c. «Ancient Egypt and the East», 1934, 2; R. W. Smith. Mediterranean Glass from the Beginnings to the 1-st Century b. c. «Annales du 1-er congrès des «Journées Internationales du Verre». Liege, 1959, стр. 35 сл.

[2] D. B. Harden. Ancient Glass. «Antiquity», VII, 28, December, 1933, стр. 421.

[3] Plin. Nat. hist., XXXI, 65, 66.

[4] D. B. Harden. Glass-Making Centers and the Spread of Glass-Making from the First to the Fourth Century A. D. «Annales du 1-er congrès des «Journées Internationales du Verre». Liege, 1959, стр. 47 сл., стр. 52 сл.

[5] Г. Д. Белов. Стеклоделие в Херсонесе. СА, 1965, 3, стр. 237 сл.; Т. М. Вп сотська. Про виробництво скла в пізньоантичном Криму. «Археологія», XVI, 1964, стр. 7—19; Н. П. Сорокина. Стеклянные сосуды из Танаиса. Сб.: «Древности Нижнего Дона». М., 1965, стр. 217 сл.; Е. М. Алексеева, Т. М. Арсеньева. Стеклоделие Танаиса. СА, 1966, 2, стр. 176 сл.; B. D. Harden. Glass-Making Centres..., стр. 54.

[6] D. B. Harden. A Roman Sports Cup. «Archaeology», 11, 1, spring, 1958, стр. 5.

Рис. 1. Стеклянный сосуд из Кеп

Рис. 2. Стеклянный сосуд из Кеп

и фигурные сосуды составляли славу сирийских мастерских на всем протяжении развития сирийского стеклоделия, но лучшие образцы их относятся к I в.[7] Однако изготовление сосудов с применением форм не являлось монополией стеклодувов Сирии. Этот способ производства стеклянной посуды в виде головы Медузы, персонажей греческой мифологии и др. был распространен со II в. в Галлии, мастерских рейнской долины и в других областях Римской империи, западных и восточных[8]. Поэтому дошедших до нас фигурных сосудов первых веков нашей эры насчитывается не один десяток. К этой многочисленной группе и относится сосуд, найденный в могиле № 333 некрополя Кеп.

Сосуд из Кеп представляет собою кружку или ритон[9] с туловом в виде головы юноши с асимметричными чертами лица, выражающими особое настроение созерцательности и грусти. Лицо юноши обрамлено пышными волосами, локонами, спускающимися на шею, служащую основанием сосуда. Дно сосуда неравномерно заглублено. В его центре имеется след от понти диаметром 1,2 *см*. Голова юноши в верхней части переходит в цилиндрическую горловину сосуда с отогнутым венчиком, край которого обработан путем оплавки. Ниже венчика, почти у основания, горловину опоясывает рельефная тонкая стеклянная нить. На затылке юноши слегка намечены пряди волос, здесь прикреплена ручка из плоской стеклянной ленты неравной ширины (1,2—1,8 *см*).

Сосуд выдут из прозрачного, слегка голубоватого, стекла, в котором наблюдаются мелкие пузырьки. Для изготовления сосуда была использована двустворчатая форма, ее след четко прослеживается по бокам головы, на шее. Все рельефные детали хорошо проработаны, что свидетельствует о высоком качестве формы, а также о большом мастерстве стеклодува, сумевшего довести стенки фигурного сосуда местами до тонкости, равной 0,5 *мм*, не испортив при этом своего изделия. Надо думать, что при заполнении сосуда красным или золотистым вином, для которого он

---

[7] D. B. Harden. A. Roman Sports Cup, стр. 5.

[8] A. Kisa. Das Glas im Altertume. III, Berlin, 1908, стр. 751 сл.

[9] Высота сосуда 11,8—12 *см*. Диаметр устья 6,5, диаметр дна 4.8 *см*. Сохранность сосуда в целом хорошая. Утрачен только небольшой кусочек кончика носа, толщина стекла на котором достигала 0,5 *мм*. Поверхность иризирована. Сосуд хранится в ГИМ, инв. № 99549.

безусловно предназначался, рельефность всех деталей приобретала большую выразительность.

Голову юноши украшают плющевые листья и гроздья винограда. На линии соединения волос и лба проходит повязка с двумя коримбами. Эти атрибуты позволяют видеть в изображенном молодого Диониса.

Сюжет сосуда из Кеп не представляет исключительного явления. В греческом искусстве известны две иконографии Диониса. На памятниках VII—V вв. до н. э. он изображался бородатым. С V в. до н. э. появляются изображения молодого безбородого Диониса [10], иконография которого стала особенно популярна в искусстве периода эллинизма и римского времени. Поэтому Дионису кепского сосуда мы находим многие аналогии в изображениях этого бога на разнообразных памятниках, в том числе и на стеклянных сосудах. Но изображения Диониса и персонажей дионисийского круга использовалось стеклодувами не столь широко, как, например, Медузы. Из Средиземноморья [11] и Северного Причерноморья нам известны несколько сосудов типа бальзамариев с туловом в виде головы Диониса. Из наиболее близких аналогий последнему можно назвать найденный в Пантикапее небольшой обломок нижней части лица Диониса от стенки сосуда [12], но форму его в целом, к сожалению, восстановить невозможно. Несмотря на небольшие размеры обломка этого сосуда, сделанного из стекла сиреневого оттенка, все же отчетливо видна прекрасная работа мастера, что сближает оба сосуда как по качеству исполнения, так и по тематике изображения. В сюжетном отношении сосуду из Кеп близок также стеклянный сосуд из Херсонеса (рис. 3, 7) [13]. Тулово его также было сделано в виде головы молодого Диониса, увенчанного повязкой, листьями винограда и плюща. Однако у них различна венчающая часть сосуда, по иному оформлено дно. У херсонесского экземпляра оно украшено рельефной маской Медузы, у Кепского — дно гладкое. Херсонесский сосуд, кроме того, сильно уступает кепскому по тонкости исполнения и художественным достоинствам.

Таким образом, наиболее близкими аналогиями сосуду из Кеп являются два сосуда, происходящие из Северного Причерноморья. Они близки не только тематикой изображения, но и размерами. Такие относительно крупные сосуды из стекла в виде головы Диониса из Средиземноморья нам не известны. Средиземноморские сосуды с изображением Диониса представлены главным образом бальзамариями. Они отличаются довольно грубой работой, слабой моделировкой деталей, их, очевидно, делали довольно посредственные ремесленники, выпускавшие рядовую продукцию на широкий рынок. Ремесленность исполнения этих сосудов проявляется, кроме того, и в небольших размерах сосудов. Известно, что выдувание сосудов в формах вообще требовало большого мастерства, практического навыка, и эти требования особенно возрастали при изготовлении сосудов более крупных размеров. Надо полагать, что в связи с этим некоторые из стеклянных сосудов, отличающихся хорошим исполнением и размерами, имеют надпись мастера, их изготовлявшего. К ним относится, например, сосуд в виде головы негра с подписью сирийского или александрийского мастера Трифона, найденный в Палестине [14]. С большим мастерством выполнен и кепский сосуд, что позволяет считать его изделием очень опытного мастера с большим художественным вкусом, не уступающем Трифону.

---

[10] E. Thraemer. Dionysos. RL. I, Leipzig, 1884—1890, стр. 1126.

[11] G. Eisen. Glass. New York, 1927, табл. 74; W. Froehner. La verrerie antique discription de la collection Charvet. Paris, 1879, табл. IX, *55*.

[12] Собрание Одесского археологического музея, инв. А. 56140.

[13] Собрание Государственного Эрмитажа. Инв. Х. 1902, 14, К. К. Косцюшко-Валюжинич. Раскопки в Херсонесе в 1902 г. ИАК, 9, СПб., 1904, стр. 13, рис. 6, 7.

[14] W. Froehner. Collection H. Hoffmann. Paris, 1899, № 401; A. Kisa. Ук. соч., стр. 757. Аналогичный экземпляр издан G. Richter. The Curtis Collection of Ancient Glass. «Art in America», 1913, рис. 6.

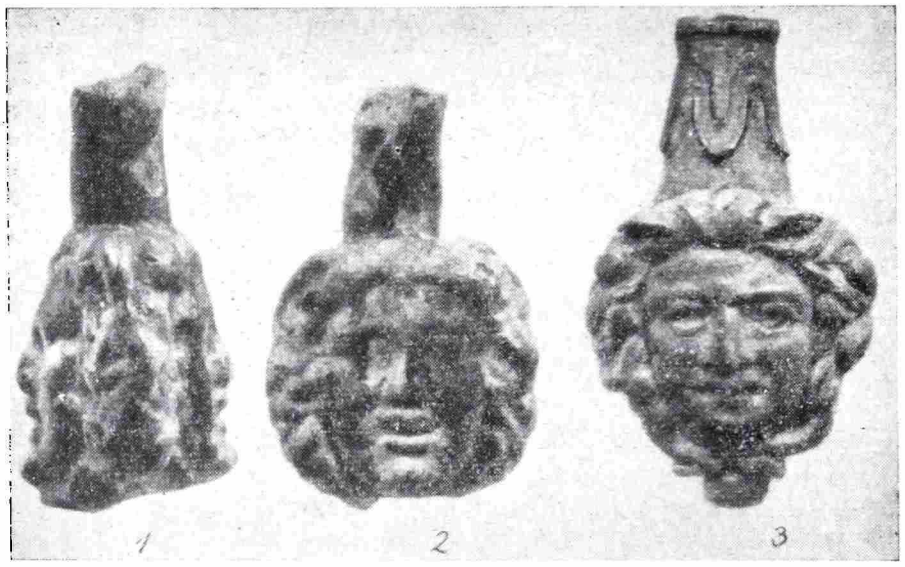


Рис. 3. Стеклянные сосуды из Северного Причерноморья и бронзовая ручка сосуда

1—2 — стеклянный бальзамарий, ГИМ; *3* — бронзовая ручка сосуда, ГИМ; *4* — стеклянный кувшин, с акварели М. В. Фармаковского; *5* — стеклянный флакон, с акварели М. В. Фармаковского; *6* — стеклянный сосуд, с акварели М. В. Фармаковского; *7* — стеклянный сосуд, Херсонес, ГЭ; *8—9* — стеклянный двусторонний сосуд, Херсонес, ГЭ

Сосуд из Кеп имеет довольно оригинальную форму, выделяющую его среди огромного количества фигурных сосудов из стекла в форме бальзамариев, флаконов, лекифов, арибаллов, кувшинов. Иногда они делались в виде целой фигуры человека, животного, рыбы. Встречаются сосуды в форме плодов. В этом отношении стеклодувы первых веков нашей эры, работая с новым материалом, продолжили традицию коропластов [15], ювелиров и мастеров по металлу [16], с глубокой древности знавших искусство производство фигурных сосудов.

Форме кепского сосуда нет точных аналогий среди стеклянных сосудов. Можно указать только на два-три экземпляра, у которых верхняя часть имеет форму невысокого широкого горла, немного расширяющегося кверху [17]. Но у всех этих сосудов нет ручки, имеющейся у сосуда из Кеп. У них менее высокое горло и отсутствует тонкая нить, опоясывающая его. Наличие ручки и цилиндрического горла с отогнутым венчиком позволяет определить форму стеклянного сосуда из Кеп как кружки или ритона, ближе всего напоминающего ритоны позднечернофигурного стиля [18] и золотые ритоны конца IV — начала III в. до н. э. Панагюриштинского клада [19]. Обращение мастера первых веков нашей эры, изготовившего кепский сосуд, к формам греческих сосудов более древнего времени представляет очень интересный факт. Однако он не удивляет, поскольку хорошо известно, что художники и скульпторы Римской империи нередко обращались к наследию греческого искусства, а также копировали произведения греческих мастеров [20].

Нам представляется, что использование мастером, создавшим кепский сосуд, формы сосудов греческого времени не является случайностью, а служит отражением определенного направления в римском искусстве II в. Это может способствовать определению времени изготовления публикуемого сосуда. Отсутствие точных аналогий составляет известную трудность в вопросе его датировки. В этом отношении помогает анализ стиля изображения головы Диониса и совместные с ним находки из могилы № 333. Однако погребальный инвентарь оказался разновременным, и поэтому он помогает установить только время, когда сосуд был поставлен в могилу, т. е. то время, позднее которого он не мог быть сделан.

Инвентарь при захоронении женщины состоял из одноручного сосудика (рис. 4, *2*), ребристого сосуда типа кастрюли (рис. 4, *1*), кувшина (рис. 4, *3*), двух светильников (рис. 4, *4—7*). Все сосуды, в том числе и и стеклянный, стояли группой в ногах погребенной. На одном из пальцев левой руки женщины был надет бронзовый перстень со стеклянной вставкой на овальном щитке (рис. 4, *8*). За щекой покойной была положена монета.

Наиболее ранним предметом среди погребального инвентаря является монета, чеканенная при Аспурге-Рискупориде I около 14—38 гг. [21] К близкому времени относится и бронзовый перстень. Перстни подобной формы со стеклянными вставками, происходящие из рейнской области, датируются раннеимператорской эпохой [22]. Весь остальной инвентарь более по-

---

[15] М. И. Максимова. Античные фигурные вазы. М., 1916.

[16] И. Венедиков. Панагюриштинский клад. София, 1961; W. Eroehner. Collection 1 Greu. Paris, 1885, № 387, 388, 391.

[17] W. Froehner. Ук. соч., № 401; A. Kisa. Ук. соч., стр. 756, рис. 301; G. Eisen. Ук. соч., табл. 75.

[18] E. Buschor. Griechische Vasenmalerei. München, 1913, рис. 98.

[19] И. Венедиков. Ук. соч., рис. 17—21.

[20] K. Blümel. Romische Kopien griechischer Skulpturen. Berlin, 1931; E. Schmidt. Archaistische Kunst in Griechenland und Rom. München, 1922; М. М. Кобылина. Искусство Древнего Рима. М.— Л., 1939, стр. 55 сл., 58; В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. СА, 1960, 2, стр. 183, рис. 14.

[21] Монета определена Н. А. Фроловой.

[22] F. Henkel. Die romische Fingerringe der Rheinlande. Berlin, 1913, табл. XLIV, 1132, *a — b*, 1131; LVI, 1461; стр. 105, 135.

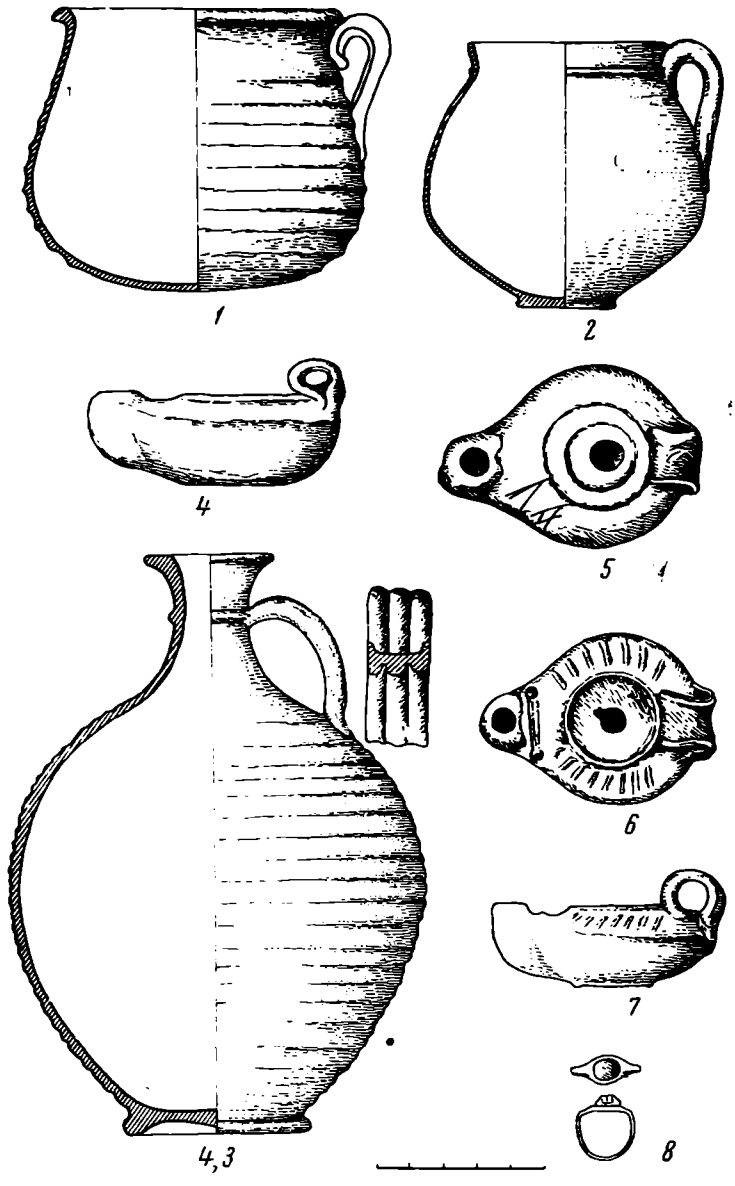


Рис. 4. Инвентарь из могилы № 333. Некрополь Кеп

1 — кастрюля; *2* — одноручный сосуд; *3* — кувшин; *4—7* — светильники; *8* — бронзовый перстень

зднего времени. Особенно показателен в этом отношении один из светильников (рис. 4, *6—7*). Подобные, наиболее хорошо датированные экземпляры относятся ко II в.— первой половине III в.[23]. Палеографические особенности граффити в виде «ЛА» на втором светильнике (рис. 4, *4—5*) указывают на его бытование во второй половине II в. до начала III в.[24] К концу II в. может быть отнесен сосуд с одной ручкой (рис. 4, *2*), такие очень характерны для Херсонеса и часто встречаются в могильниках II—III вв. Юго-Западного Крыма. В качестве примера укажем на один сосуд II в. из Херсонеса[25] и на сосуды второй половины II в. из погребений у с. Скалистое 3 (раскопки 1964 г.)[26].

Хорошая фактура и тщательное изготовление всей керамики обнаружено в могиле № 333 Кепского некрополя, а также приведенные аналогии позволяют отнести его к концу II в. Случаи нахождения монет, а также предметов украшений более ранних, чем само погребение, в античных некрополях хорошо известны[27], они могли передаваться из поколения в поколение, часто являясь лишь интересной деталью погребального обряда, они не всегда могут служить надежным основанием для датировки по ним погребений.

Стеклянный ритон из могилы № 333, таким образом, бытовал до конца II в. Трудно допустить мысль, что такой хрупкий сосуд с тонкими

[23] М. А. Наливкина. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960—1961 гг.). Сб.: «Древности Нижнего Дона», рис. 18, стр. 146, 150 сл.; И. Т. Круглико ва. Итоги семилетних раскопок поселения у деревни Семеновки. КСИА АН СССР, 95, 1963, рис. 17, *1*.

[24] Приношу большую благодарность Э. И. Соломоник за оказанную мне помощь в определении даты граффити.

[25] Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. АГСП, М.— Л., 1955, рис. 25, стр. 390.

[26] Н. А. Богданова, И. И. Гущина. Новые могильники II—III вв. н. э. у села Скалистое в Крыму КСИА АН СССР, 112, 1967, рис. 46, *8*.

[27] Например, в могиле 308 (120) Пантикапейского некрополя имелась индикация с оттиском монеты Фофорса (279—309 гг.) и бронзовая монета Рескупорида II (69—93 гг.); А. Киса отмечает целый ряд случаев нахождения ранних монет в более поздних могилах (A. Kisa. Ук. соч., стр. 376).

стенками мог служить своим хозяевам очень долгое время. Самым максимальным допуском может быть 30—50 лет. Поэтому, скорее всего, временем изготовления сосуда следует считать середину — вторую половину II в. Действительно, художественные особенности этого памятника находят ближайшие аналогии в искусстве Адриана (113—138 гг.) и Антонина Пия (138—161 гг.). Искусство этого времени отличалось наиболее интенсивным использованием наследия греческого классического искусства, обращением к портретам греческих мастеров, особенно V—IV вв. до н. э., но оно было насыщено новым содержанием, в котором отражался надвигающийся упадок римской культуры, связанный с назреванием социального кризиса Римской империи. Отсюда в портретах этой эпохи все больше появляются тенденции передачи тихой грусти, созерцательности и самоуглубленности, которые сочетаются с идеализацией портретных черт, изображенных в духе классического искусства Греции [28]. Эти особенности римского искусства нашли наиболее яркое отражение в портретах Антиноя, прослеживаются они и в портретах второй половины II в. Для Диониса на сосуде из Кеп характерно такое же сочетание передачи определенной психологической характеристики с тяжелыми формами лица классического типа, обрамленного шапкой волос, какое мы находим на портретах Антиноя, изображавшегося не только в образе атлета, но также и Диониса [29]. Близок Дионису из Кеп по выражению созерцательности портрет мальчика из Эрмитажа конца II в.[30].

Не исключена возможность, что мастер, изготовивший стеклянный сосуд из Кеп, использовал для него форму, снятую с какого-то памятника, может быть керамического или металлического сосуда, исполненного в стиле искусства времени Адриана и Антонина Пия.

К сожалению, пока неизвестны все стороны организации работ и степень разделения труда в мастерских, изготовлявшие стеклянные сосуды. В частности, мы не знаем, делали ли сами стеклодувы формы для своих изделий или они пользовались отливками с готовых памятников из других материалов [31]. Последнее значительно упростило бы их работу и позволило выдувать сосуды с заранее известным им репертуаром и стилем, которые были наиболее популярны в данное время, без затраты сил на изготовление специальных новых образцов. На такую возможность указывает, например, бальзамарий с туловом в виде двусторонней маской Медузы из Северного Причерноморья [32] (рис. 3, *1—2*) и аналогичное рельефное изображение того же персонажа на бронзовом кувшине (рис. 3, *3*) [33]. Нельзя не отметить, что размеры головы кепского сосуда и целого ряда голов как глиняных, так и металлических сосудов очень близки. Они колеблются от 6,5 до 8 *см*. Кроме того, некоторые общие приемы прослеживаются и в трактовке деталей как на стеклянном сосуде из Кеп, так и на многих металлических сосудах II—III вв., представляющих собой бюсты сатиров и юношей. К ним относятся, например, передача волос на тыльной стороне, которые изображались менее детально, чем там, где они обрамляли лицо [34].

---

[28] О. Ф. Вальдгауер. Римская портретная скульптура в Эрмитаже. Петербург, 1923, стр. 57 сл.; его же. Античная скульптура в императорском Эрмитаже. «Аполлон», 1913, 3, стр. 15; А. И. Вощинина. Очерк истории древнеримского искусства. Л., 1947, стр. 77; ее же. Античное искусство. М., 1962, стр. 363.

[29] А. И. Вощинина. Очерки истории древнеримского искусства, табл. XXXV.

[30] Ее же. Античное искусство. М., 1962, табл. 129.

[31] В этом плане интересны сигнатуры мастера Энниона. Но как рассматривать его подпись: как мастера, сделавшего форму, или мастера, выдувшего сосуд, или он выступал одновременно создателем того и другого?

[32] ГИМ. Собрание А. А. Уварова. Инв. № 54791.

[33] ГИМ. Инв. № 28737. Керчь.

[34] А. Вощинина. Фигурный сосуд из Добруджи в собрании Эрмитажа. «Omagiu lui George Oprescu cu prilejul implinirii A 80 de Ani. Editura Academiei Republicii populare Romine», стр. 591, сл., рис. 4, 5.

Таким образом, общие приемы отделки, наблюдаемые на предметах, сделанных из различных материалов, форма самого сосуда из Кеп (о которой мы говорили выше, сходная с золотыми ритонами) заставляют склониться к предположению о возможности использования мастером в качестве образца какого-то памятника, привлекшего его внимание своими художественными особенностями. Такая практика хорошо известна в работе, например, керамистов [35]. К этому еще надо добавить, что в древности было распространено изготовление гипсовых отливок с серебряных сосудов [36], которые тоже могли использоваться как формы для их воспроизведения в глине и в стекле.

Особенности качества стекла, сюжет фигурного сосуда из Кеп, связанного с греческой мифологией, позволяют считать его изделием стеклодува из Восточно-Римских провинций, а точнее Сирии. Большинство фигурных сосудов, выдутых в формах, относится к сирийской продукции. У них основным сюжетом были голова Медузы и персонажи дионисийского круга, чем они отличаются от группы фигурных сосудов с территории Западно-Римской империи, для которых более характерно изображение гротесков. Ни один из сосудов этой группы не известен в Северном Причерноморье, где импорт стеклянных сосудов с Запада вообще был меньше, чем из областей Восточного Средиземноморья. Из всех областей Понта в этом отношении выделяется только Танаис [37], но и там среди довольно большой группы стеклянных сосудов западного импорта фигурных сосудов нет. Среди многих сотен экземпляров стеклянной посуды, происходящих из Северного Причерноморья, фигурных сосудов очень мало, нам известны всего десять: из Ольвии — 1 [38], из Херсонеса — 2 [39], с Боспора (Пантикапей [40], Кепы) — 2, из Северного Причерноморья — 2 [41]. Три фигурных сосуда — два в виде бальзамариев (рис. 3, *5—6*) и один кувшин (рис. 3, *4*) — известны по акварелям М. В. Фармаковского, хранящимся в Киевском музее западного и восточного искусства. Сами сосуды пропали в годы Великой Отечественной войны [42]. Все эти сосуды, за исключением двух херсонесских, не имеют точных данных об обстоятельствах их находки. Один из херсонесских сосудов (рис. 3, *8—9*) относится, судя по совместным находкам в склепе 982, ко II—III вв. [43], второй — в виде Диониса (рис. 3, *7*), найденный в могиле 1386, не имел сопутствующего инвентаря, и поэтому его точная датировка затруднена. В связи с этим кепский стеклянный сосуд приобретает особую важность для вопроса хронологии фигурных сосудов из стекла не только Северного Причерноморья, но и сосудов этой группы первых веков вообще. Из всех северопричерноморских стеклянных сосудов кепский выделяется, кроме того, и художественными до-

---

[35] Эллинистическая техника. М.— Л., 1948, стр. 224, 228; В. К. Мальмберг. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг. МАР, 7, СПб., 1892, стр. 1, 7, 13, 19.

[36] O. Pubensohn. Hellenstisches Siebergerat in antiken Gepsabgussen. Berlin, 1911.

[37] Н. П. Сорокина. Стеклянные сосуды из Танаиса. Сб.: «Древности Нижнего Дона», стр. 236 сл.; Д. Б. Шелов. Италийские и западно-римские изделия в торговле Танаиса первых вв. н. э. ААН. XVII, 1965, стр. 251 сл.

[38] Glass from the Ancient World. The R. W. Smith Collection. New York. 1957, № 280, стр. 141. Автор датирует его I—II вв. и относит предположительно к сирийским, точнее сидонским, изделиям.

[39] I — ОАК за 1897 г., СПб., 1900, рис. 92*а* и *б*. Склеп № 982; рис. 3, *8—9*, II — ИАК, 9, СПб., 1904, рис. 6, могила 1386; рис. 3, *7*.

[40] Собрание ОГАМ 56140.

[41] Собрание А. А. Уварова. ГИМ, 54791; рис. 3. *1—2*; Boehlau. Samlung A. Vogell. Griechische Altertümer Südrussischen Fundsorts. Kassel, рис. 47, стр. 76, № 957.

[42] Приношу благодарность Ф. М. Штительман за любезное предоставление мне фотографий с этих акварелей.

[43] Этот сосуд представляет почти точную аналогию ольвийскому сосуду из Корнинг-музея (Glass from the Ancient World. R. W. Smith Collection, № 280), который датируется I—II вв. Однако прочная датировка херсонесского экземпляра, видимо, позволяет отнести его к более позднему времени.

стоинствами, представляя в этом плане пока уникальный экземпляр. Публикуемый памятник важен и для характеристики культуры II в. одного из небольших городов Боспора, каким являлись Кепы, а также для истории экономических связей Боспора с Восточным Средиземноморьем в первых веках нашей эры. Из всех археологических памятников этого периода изделия из стекла наиболее полно позволяют проследить тесные торговые взаимоотношения между античными городами Северного Причерноморья и такими центрами стеклоделия, какими являлись Тир, Сидон и другие нам пока точно неизвестные места концентрации стеклодельческих мастерских Сирии. Эти связи в I в. хорошо засвидетельствованы продукцией Эннион а, рельефными сосудиками сидонских мастерских и другими изделиями [44]. Для II в. они прослеживаются по кепскому стеклянному сосуду и по значительному количеству более рядовых экземпляров посуды из стекла [45]. Связи с Сирией не прекращались и в IV—V вв., о чем свидетельствуют сосуды из стекла с рельефными изображениями из репертуара христианской символики, а также некоторые другие сосуды [46].

---

[44] D. B. Harden. Roman-Syrien Glasses with Mould-Blown Inscriptions. IRS, LXXV, 1935, 2, стр. 163; Н. З. Кунина. О группе стеклянных сосудов с греческими надписями. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам научной работы Гос. Эрмитажа за 1965 г. Л.— М., 1966, стр. 30; Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1949 гг. МИА, 103, 1962, стр. 221 сл., 231.

[45] Н. П. Сорокина. Там же, стр. 222.

[46] Н. П. Сорокина. Три стеклянных сосуда IV в. н. э. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья. Материалы з археології Північного Причорномор'я. Одеса, 1960, III, стр. 228 сл.; ее же. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. Сб.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 154, 162 сл.; И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 207.

Г. А. ТИРАЦЯН

ЗОЛОТАЯ ПЕКТОРАЛЬ ИЗ АРМАВИРА (АРМЕНИЯ)

В 1962 г. во время раскопок Армавирского холма (Октемберянский район, примерно в 50 *км* к западу от Еревана), производившихся под руководством Б. Н. Аракеляна, под северными оборонительными стенами был найден смятый предмет из золота, который, как выяснилось впоследствии, представлял собой нагрудное украшение — пекторaль. По выпрямлении пекторaль оказалась месяцевидной или серповидной формы (длина 9 *см*, ширина 2,7 *см*) (рис. 1). Концы ее изображают обращенных в противоположные стороны птиц, с наклоненными вперед головами, с опущенными на грудь клювами. Между фигурами птиц имеются схематизированные изображения трех деревьев, окаймленных сверху и внизу двумя узкими полосами, состоящими из маленьких треугольников. Вся нижняя часть пекторали окаймлена рядом цветков лотоса, чередующихся с бутонами. Примечательно, что все эти изображения были инкрустированы. Контуры изображений на пекторали, обведенные тонкими золотыми пластинками-перегородками высотой 2 *мм*, прикреплены на металлическую основу. В ячейках, образованных перегородками, местами сохранились камни синего и белого (вернее бледно-серого) цвета и остатки цветной пасты. Между отдельными деталями изображений имеются врезы, придающие предмету также ажурный характер (рис. 1).

Как по своей форме, так и по способу украшения инкрустацией армавирская пекторaль напоминает прежде всего сходные предметы древнего Египта, однако при их сопоставлении выявляется ряд существенных различий, указывающих, по-видимому, на отсутствие прямых непосредственных связей.

Пекторали известны также на территории, более близкой к месту находки рассматриваемого предмета [1]. В Ассирии военно-защитный вариант пекторали встречается уже в начале I тысячелетия. Она была прямоугольной или трапециевидной формы [2]. На ассирийских рельефах VIII—VII вв. имеются пекторали месяцевидной формы. Они свисают на груди у царя или придворных и отличаются сравнительно большими размерами [3]. Большая золотая пекторaль трапециевидной формы, украшенная в свое время инкрустацией, изображена на статуе ассирийского царя. Некоторые исследователи считают эту статую урартской [4].

---

[1] R. Ghirshman. Perse. Paris, 1963, стр. 102—104, 308—314; его же: Arte dell'Iran pre-sassanide (Le civiltà dell'Oriente). IV, Roma, 1962, стр. 336—337; G. Garlini. Pettorale. Asia Anteriore. Enciclopedia dell'Arte antica classica e Orientale. VI, Roma, 1965, стр. 107.

[2] E. Strommenger, M. Hirmer. The Art of Mesopotamia. London, 1964, рис. 196—197.

[3] M. E. L. Mallowan. Nimrud and its Remains. London, 1966, I, рис. 45, 46, 49 и 260 (на фигурке из слоновой кости); II, рис. 420—421 (пластины из слоновой кости); фото рельефов ассиро-вавилонских древностей Британского музея (Библиотека Отдела Востока Гос. Эрмитажа), № 370, 373, 391.

[4] R. Ghirshman. Ук. соч. Табл. 360, стр. 309.

Самое большое число месяцевидных пекторалей в Передней Азии как в виде самих вещей, так и их изображений, известны с территории Урартского государства.

Серебряная пектораль, происходящая из Топрах-Кале, была недавно обнаружена в запасах Берлинского Переднеазиатского музея [5] (рис. 2, *1*). Бронзовая пектораль с петельками для подвешивания была обнаружена на территории города Эребуни, вблизи холма Арин-берд, и хранится в Историческом музее Армении [6] (рис. 2, *2*).

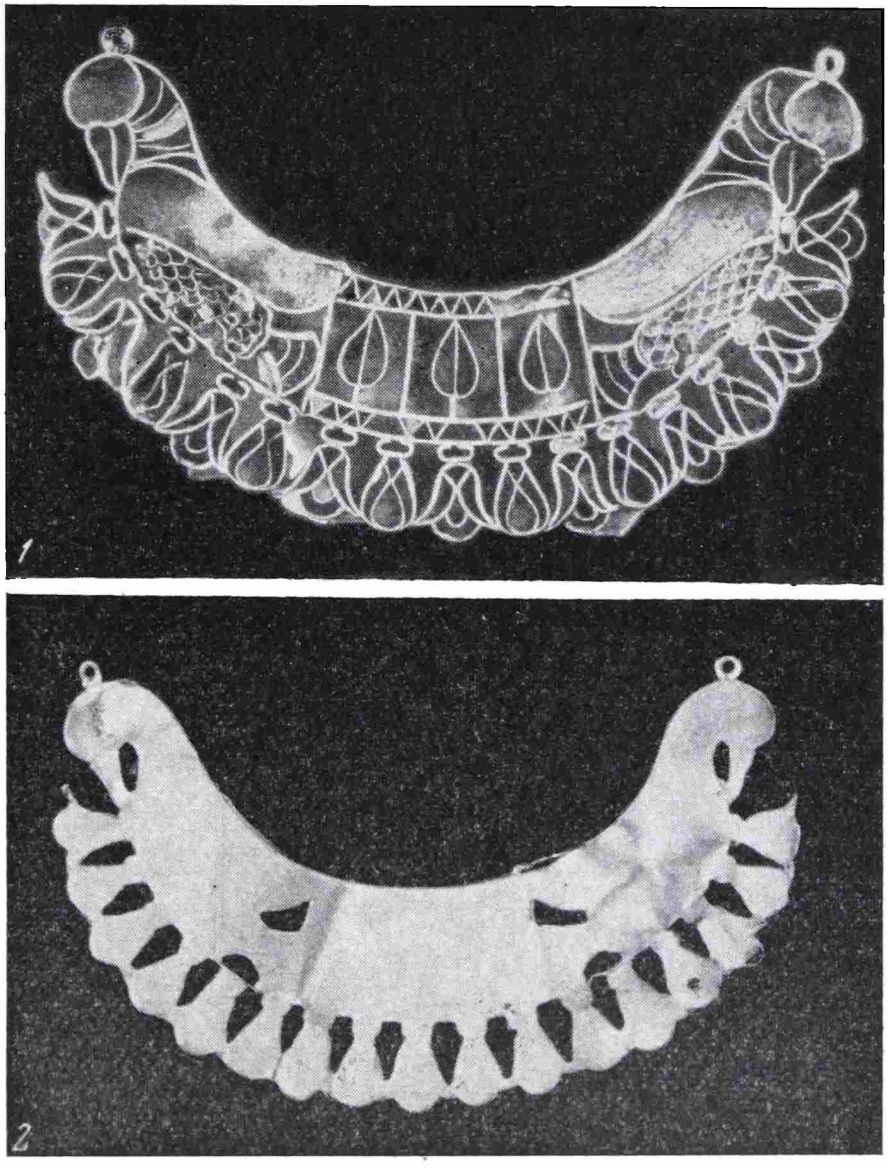


Рис. 1. Пектораль из Армавира

1 — лицевая сторона, *2* — оборотная сторона

Пекторали выгравированы также на двух бронзовых статуэтках — частях трона, изображающих фигурки крылатого льва или быка с человеческим торсом (рис. 2, *3*, *4*). Они происходят из Топрах-Кале около Вана и хранятся одна в Гос. Эрмитаже, другая — в Британском музее [7]. Пятая

[5] G. R. Meyer. Altorientalische Denkmäler im Vorderasiatischen Museum zu Berlin. Leipzig, 1965, табл. 137.

[6] А. Мартиросян, А. Мнацаканян. Нор-Арешский урартский колумбарий. ИАН АрмССР (сер. Обществ. наук), 1958, 10, табл. 1.

[7] Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1962, табл. II, III; R. D. Barnett. The Excavations of the British Museum at Toprak-Kale, near Van. «Iraq», XII, 1, 1950, табл. VI, VII.

пектораль изображена на бронзовой части трона в виде человеческой фигуры бога на лежащем быке и происходит, по-видимому, из Топрах-Кале, ныне она хранится в Гос. Эрмитаже [8] (рис. 2, *5*). Шестая пектораль выгравирована на бронзовой статуэтке (тоже часть трона), изображающей фигуру стоящего человека в длинной одежде, найдена на Топрах-Кале и хранится в Берлинском музее [9] (рис. 2, *6*).

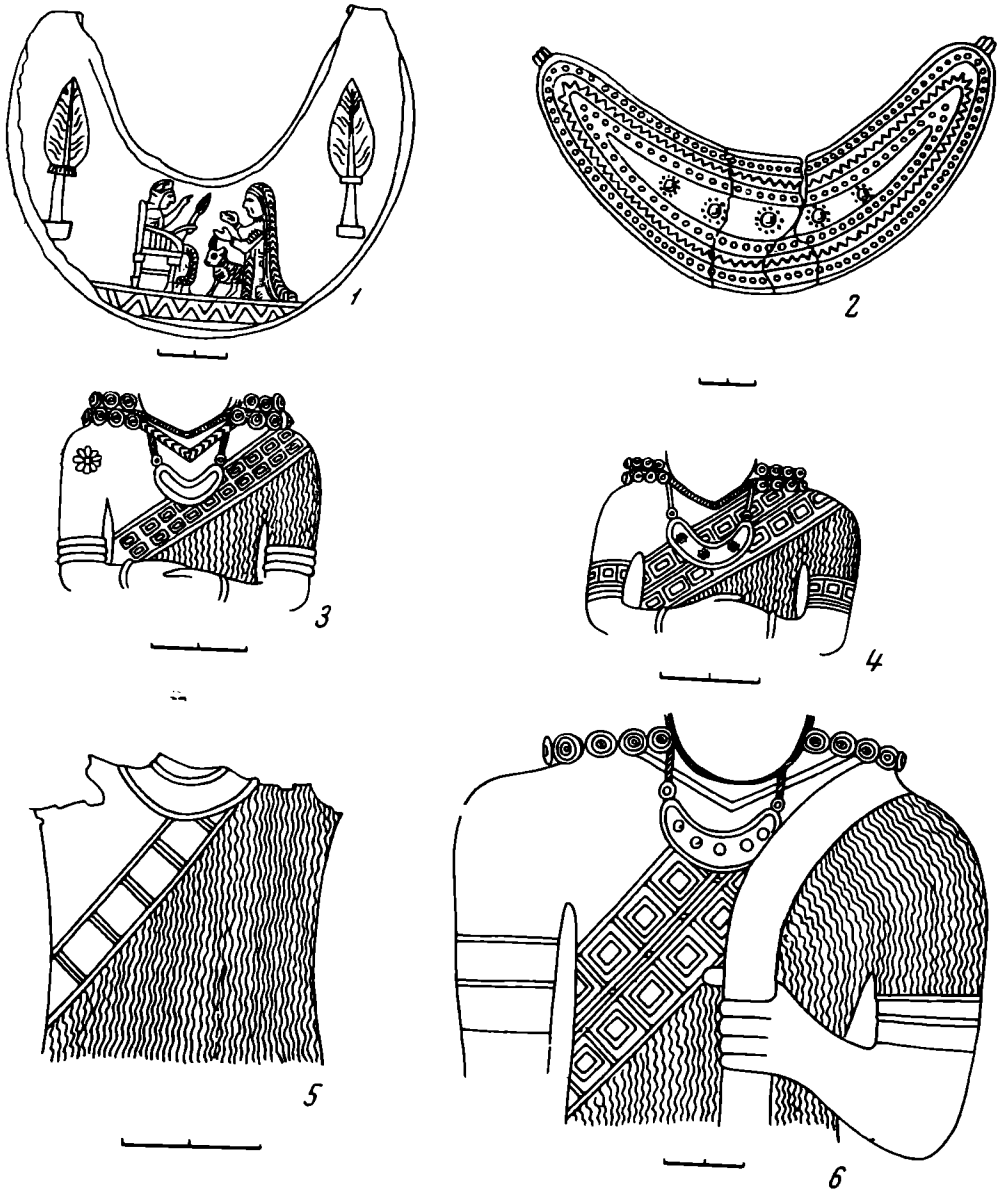


Рис. 2. Урартские пекторали и их изображения на урартских статуэтках

Известны также пекторали из Зивие — района, находящегося под перекрестным влиянием ассирийской и урартской культуры. Они изготовлены из золота и представлены двумя стандартными для материальной культуры Древнего Востока формами в виде трапеции и месяца [10]. Датировку предметов из Зивие трудно установить окончательно, но, по-видимому, они относятся к концу VII в. до н. э. Локализация находок переднеазиатских пекторалей, в том числе месяцевидных, в таких соседних между собой странах, какими являлись Ассирия, Урарту и Манна [11], не являет-

[8] Там же, табл. VIII, IX.
[9] Там же, табл. XII, XIII.
[10] R. Ghirshman. Ук. соч., табл. 137, 377, 379.
[11] Близкие по форме лунницы известны из Луристана, Северного Двуречья (Тель-Халаф) и Северного Кавказа (Бештау) и датируются VIII—VII вв. до н. э. R. Ghirshman. Ук. соч., рис. 380; B. Hrouda. Tell-Halaf. IV, Berlin, 1962, табл. 18, 30.

ся случайной, и это обстоятельство следует принимать во внимание при попытке определения места изготовления армавирской пекторали.

Несмотря на общее сходство форм армавирской пекторали с такими же предметами из Урарту, Ассирии и Манны, а также на развитость инкрустационной техники в Урарту и Ассирии, отсутствие каких-нибудь убедительных аналогий между узорами и мотивами армавирской пекторали с памятниками, входящими в круг названных стран, позволяет отнести эту пекторали к другому времени и к другому кругу.

Тем не менее считаем необходимым упомянуть ряд возможных древневосточных, но доахеменидских, параллелей некоторым мотивам изображений на нашей пекторали. Цветок лотоса с двумя расходящимися, сравнительно широкими лепестками, правда, встречается в ассирийском искусстве, но редко, например на предметах из слоновой кости, найденных в Нимруде [12]. Для искусства Ассирии характерным является больше цветок лотоса («египетского») типа, с узкими многочисленными лепестками [13]. Сходный ряд чередующихся цветков и бутонов лотоса встречается на ассирийских памятниках [14].

Изображения дерева имеют некоторые параллели в урартском искусстве, как например, на пекторали из Топрах-Кале [15] и на печати из раскопок Армавирского холма (1964 г.). Напоминают они также изображения кипарисов на ассирийских рельефах [16].

По сравнению с единичными точками соприкосновения отдельных деталей армавирской пекторали с ассиро-урартским культурным миром связи с памятниками последующего, ахеменидского, времени более разносторонни и тесны, и, как нам кажется, их можно лучше обосновать.

Ювелирные изделия ахеменидского времени принято подразделять на произведения монументального и орнаментального стиля [17]. Имеющие декоративное значение, украшенные инкрустацией предметы относятся, как правило, ко второй орнаментальной группе произведений ювелирного искусства. Простой перечень этих предметов говорит о степени распространения этой техники и в древнем Иране. Ювелирные изделия, украшенные инкрустацией, известны среди вещей Амударьинского клада [18], в инвентаре захоронения в Сузах [19], среди находок в Персеполе и Пасаргадах [20] и среди предметов, обнаруженных в свое время в Сибири [21]. Золотые бляхи в виде льва ахеменидского происхождения, со специальными ячейками для вставок из камня или пасты, найдены в Греции [22], а сходные предметы происходят из Хамадана [23]. Известен медальон, купленный в Те-

---

[12] R. D. Barnett. A Catalogue of the Nimrud Ivories. London, 1957, табл. IX.

[13] A. Parrot. Assur. Paris, 1961, рис. 108, 110, 224, 342—343.

[14] H. Schaefer, W. Andrae. Die Kunst des alten Orients. Berlin, 1942 (Propyläen Kunstgeschichte, II), табл. 543.

[15] G. R. Mayer. Ук. соч., табл. 137.

[16] Assirian Sculptures. A. Paterson. Palace of Sinacherib. Hague, табл. 24—25; фото рельефов ассиро-вавилонских древностей Британского музея, № 430.

[17] D. Rice. Achaemenid Jewellry. SPA, I, New York, 1938, стр. 380; P. Amandry. Orfèvrerie achéménide. Antike Kunst, 1958, 1. стр. 22.

[18] O. Dalton. The Treasure of Oxus. London, 1964, табл. 1, *116* и рис. 64, табл. XIX, *133* и рис. 67, табл. XX, *132, 136*, табл. XXI, *37*. В данном перечне ахеменидских ювелирных изделий, украшенных инкрустациями, упоминаются только те предметы, на которых вставки из камня или пасты помещались в ячейках, сделанных из тонких металлических (золотых) перегородок (пластины или проволоки).

[19] J. de Morgan. Découverte d'une sepulture achéménide à Suse. МДР, III, Paris, 1905, табл. IV, *1—3*; табл. V, *1—4*, рис. 70, 76, 77.

[20] E. Schmidt. Persepolis, II, Chicago, 1957, табл. 41, *2, 3*, 43, *8, 10*; D. Stronach. Excavations at Pasargadae. «Iran», III, 1965, табл. XI, *d*.

[21] С. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ, М.— Л., 1962, табл. XVII, *1—6*, табл. XIX, *1, 2*, табл. XXII, *11*.

[22] BCH, 80—1, 1956, стр. 300, рис. 2; и BCH, 90—11, 1966, стр. 896, рис. 10; P. Amandry. Ук. соч., стр. 10.

[23] H. Kantor. Achaemenid Jewellry in the Oriental Institute. JNES, XVI, 1, 1957, табл. IV, V; P. Amandry. Ук. соч., стр. 10, табл. 7.

геране, изображающий инкрустированную розетку с двумя козерогами по сторонам[24]. Украшения инкрустацией этих предметов как по своим техническим, так и по своим художественным признакам полностью перекликаются с украшением армавирской пекторали. Иранские местные истоки этой техники пока трудно определить. Предметы, иллюстрирующие наличие этого способа украшения в древний период (фигура сокола из Суз, рукоять ножа из Хасанлу и золотой диск из Марлика[25]), слишком малочисленны для каких-нибудь решающих выводов, тем более что в соседнем Двуречье этот прием был развит с древнейших времен. Несмотря на неясность вопросов, связанных с генезисом этой техники на территории Ирана, не подлежит сомнению, что эта техника украшения пережила значительный расцвет в Иране именно в ахеменидское время. Вкус и стремление к полихромии, характерные для украшения инкрустациями в самом Иране, выступают также в манере отделки дворцовых стен многоцветными глазурованными кирпичами, этому же принципу на Алтае в ахеменидское время соответствовали работы по войлоку, засвидетельствованные находками в пазырыкских курганах.

Перейдем теперь к изучению армавирской пекторали в связи с произведениями ахеменидского искусства, выделив при этом общие мотивы и некоторые стилистические детали. Сначала о птицах, изображенных на армавирской пекторали. Ахеменидское искусство охотно обращалось к изображению птиц как хищных, так и домашних. Среди последних встречаются изображения уток, гусей, павлинов, петухов, лебедей, попугаев, голубей и ряда неопознанных пород пернатых[26]. Изображенные на армавирской пекторали птиц — вероятнее всего, голуби. В этой связи особенно важными кажутся напрашивающиеся параллели между отдельными деталями изображений птиц на армавирской пекторали и хорошо известными предметами ахеменидской торевтики и ювелирного дела. Так, головы грифов и грифонов на концах браслетов, гривен и ручек амфор, высеченных на персепольских рельефах, представлены в сходной с изображенными на армавирской пекторали птицами в геральдической позе, т. е. противостоящие друг другу, с наклоненными головами[27] (рис. 3, *1*). Чешуйчатая на первый взгляд поверхность тулова птиц, выполненная из мелких подковообразных перегородок и изображающая, по-видимому, покровные, короткие перья, встречается на браслетах из Амударьинского клада, на гривне и бляхе с изображением грифонов и на фигурке орла из Сибири[28]. Веерообразный хвост голубей — очень характерная деталь изображения птиц ахеменидского времени. Такого типа хвост встречается на предметах Аму-

---

[24] P. Amandry. Ук. соч., стр. 14, табл. 12, № 30, 31.

[25] E. Porada. Alt-Iran. Baden-Baden, 1962, стр. 110, рис. 46; E. Negahban. Marlik. Teheran, 1964, рис. 67.

[26] Я. Смирнов. Ахалгорийский клад. Тбилиси, 1934, табл. VII, *57*; O. Dalton. Ук. соч., табл. VI, *15*; XIII, *47*; XIX, *142*; XXI, *147*; P. Amandry. Argenterie achéménide. Coll. Stathatos, III, Strassbourg, 1963, табл. 38, рис. 173; A. M. Tallgren. Caucasian Monuments, The Kazbek Treasure. ESA, V, Helsinki, 1930, рис. 4, стр. 117; J. de Morgan. Ук. соч., табл. IV, *8, 9*, рис. 86, 87; L. Legrain. Seale cylinders. Ur. exc. T. X. New York, 1951, № 711—715, 719—721, 723, 724, 814, 815; E. Porada. Corpus of Ancient Near Eastern Seals. The Bollingen Series, XIV, Washington, 1948, табл. CXXIII, № 828; CXXIV, № 825, 826; E. Schmidt. Persepolis, I, Chicago, 1953, табл. 28, 50, 52, 57, 64, 71, 84, 87, 121; его же. Persepolis, II. Chicago, 1957, табл. 13, 16—19, 41, 53, *1—5*, 69, *F*, 82; R. de Mecquenem, L. de Breton, M. Rutten. Archéologie Susienne. Paris, 1947, табл. VI, *5*; M. Dieulafoy. L'acropole de Suse. IV, Paris, 1892, табл. V—VII; Сокровища скифских курганов. Текст М. И. Артамонова, Прага — Ленинград, 1966, рис. 35, 50, табл. 85, 86, 106.

[27] E. Schmidt. Persepolis, I, табл. 28*B*, 32*B*; R. Ghirshman. Ук. соч., рис. 174, 179; P. Amandry. Toreutique achéménide. Antike Kunst. 1959, 1, табл. 20, 1. Эта схема, широко распространенная в ахеменидский период, известна в искусстве Ближнего Востока с древнейших времен.

[28] O. Dalton. Ук. соч., табл., *116*; E. Porada. Alt-Iran. Baden-Baden, 1962, стр. 171; С. Руденко. Ук. соч., табл. XVII, *3, 4*; XIX, *1, 2*; XXII, *11*.

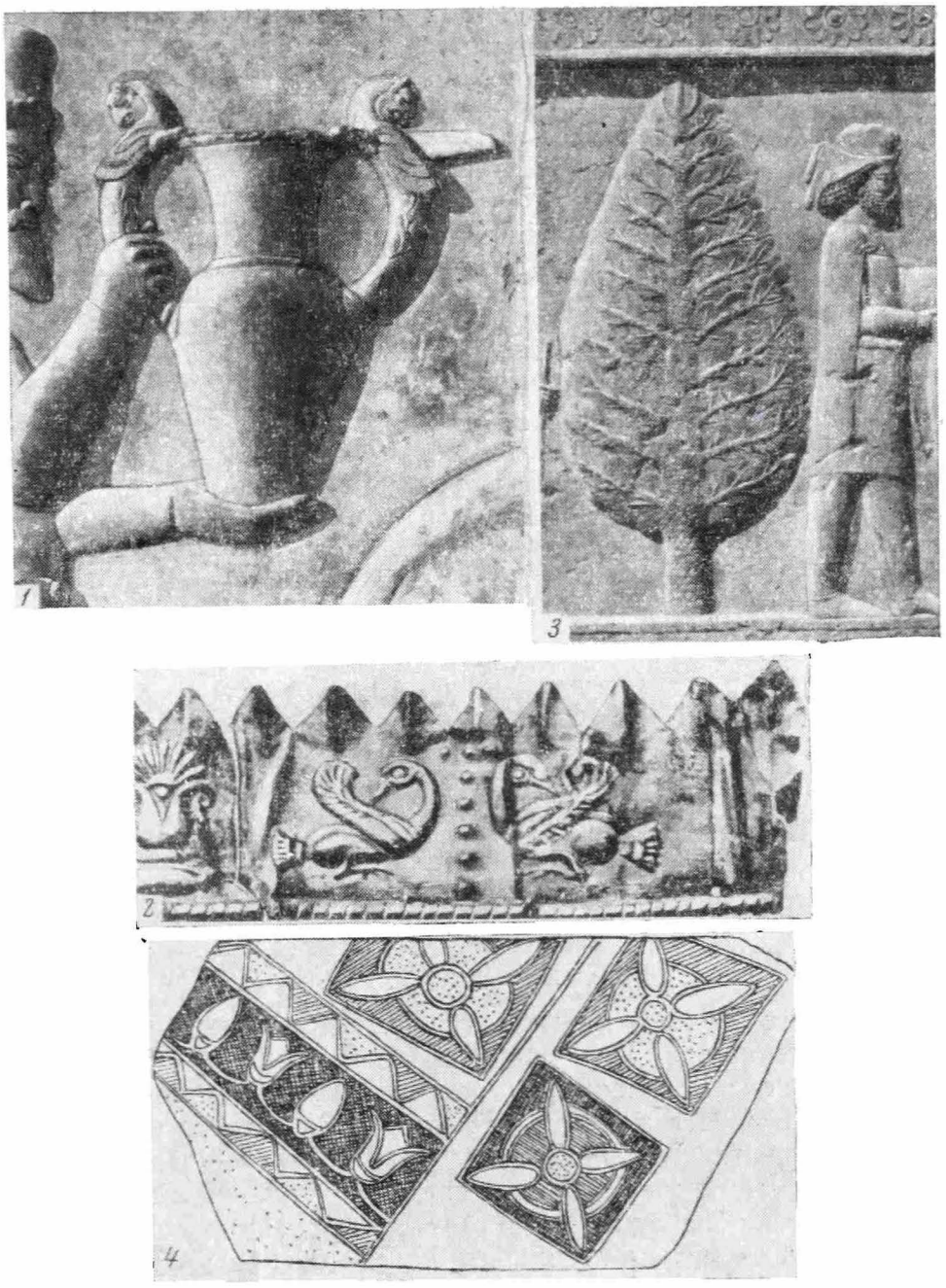


Рис. 3. Аналогичные мотивы, представленные на ахеменидских изделиях

дарьинского и Ахалгорийского кладов на ручке в виде львиного грифона амфоровидного сосуда из Дуванли [29] (рис. 3, *2*).

К сожалению, ничего определенного нельзя сказать о трактовке оперения крыльев, если оно вообще имелось на пекторали. Однако по аналогии с памятниками ахеменидского ювелирного искусства, украшенными инкрустациями, можно предположить, что маховые перья на крыльях армавирской пекторали должны быть переданы системой продолговатых и остроконечных ячеек [30].

Примером отражения стилистических особенностей ахеменидского искусства и ювелирного дела может служить и форма крыльев, некоторая

---

[29] O. Dalton. Ук. соч., табл. XI, *25*; XII, *33*; XIII, *47*; Я. Смирнов. Ук. соч., табл. VII, *57*; P. Amandry. Ук. соч., табл. 21, *1*.

[30] O. Dalton. Ук. соч., табл. 1, *116*.

их изогнутость. Среди сосуществующих в ахеменидском искусстве двух иконографических схем крыла с прямым или с загнутым кверху концом — более близкой аналогией для пекторали можно считать последнюю форму, которая, как известно, является характерной именно для ахеменидского искусства. Интересно отметить, что крылья такой же формы можно встретить также на предметах торевтики и ювелирного дела, изображенных на персепольских рельефах[31] (рис. 3, *1*).

Следующий мотив, украшающий пекторали,— схематизированные изображения трех деревьев, помещенных в серединной ее части. Они имеют аналогии в некоторых орнаментах, украшающих предметы искусства скифского времени, которые датируются первой половиной VI в. до н. э. (золотые обкладки мечей и секиры из Литого и Келермесского курганов)[32], но особенно они близки изображениям деревьев, встречающихся в большом количестве на персепольских рельефах[33]. Как известно, там изображения кипарисов разделяют друг от друга делегации и группы данников, помещенных на рельефах рядами у входа, вдоль внешних стен парадных лестниц. Деревья, точнее их крона, на персепольских рельефах имеет коническую или листовидную форму, с узким коротким стволом (рис. 3, *3*). Этим своим признаком они напоминают изображения схематизированных до предела деревьев на армавирской пекторали.

Мы уже касались отличительных черт цветов лотоса на армавирской пекторали. Они, правда с незначительными изменениями, сплошь и рядом встречаются на самых различных произведениях искусства ахеменидского Ирана, на архитектурных деталях и рельефа, на стенах из глазурованных кирпичей, в произведениях торевтики[34]. Особого внимания заслуживает золотое яблоко от копья, по всей вероятности, ахеменидского времени[35]. Поверхность этого предмета украшена перегородчатыми ячейками, изображающими цветы лотоса с вставными красными и зелеными камнями. По своей форме они очень близки к цветкам армавирской пекторали. На армавирской пекторали видно, что цветы лотоса чередуются с их бутонами. Ряды, состоящие из сочетания этих элементов, нередки на памятниках ахеменидского искусства. На серебряных блюдах V—IV вв. до н. э. из Ахалгори и Суз среди гравированного орнамента помещены ряды чередующихся цветов лотоса и бутонов[36], правда, несколько иной, чем на армавирской пекторали, формы. Зато довольно близкой аналогией можно считать изображение чередующихся цветов и бутонов на узорах одежды телохранителей, изображенных на стенах из глазурованного кирпича в царском дворце в Сузах, на отдельном фрагменте глазурованного кирпича из того же места (рис. 3, *4*), а также на узоре, идущем по верхнему краю серебряного сосуда, по-видимому, относящегося к ахеменидскому времени[37]. Это сочетание, конечно, не является нововведением ахеменидского

---

[31] См. работы, указанные в примеч. 27, а также С. И. Руденко. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961, табл. XV; E. Porada. Рец. на E. Schmidt. Persepolis II. JNES, XX, Jan., 1961, № 1.

[32] М. Артамонов. Ук. соч., табл. 1, *2*; *6*, *7*; *17*, *19*.

[33] E. Schmidt. Persepolis I, табл. 19, 29, 50, 53, 54, 59, 61.

[34] E. Schmidt. Ук. соч., табл. 50, 59, 62, 71, 72, 120, 121; The Tokyo University Iraq — Iran Archaeological Expedition, Report 4, Fahlian K. Atarashi, R. Horiuchi. The Excavations at Tape suruvan. 1959, Tokyo. 1963, табл. VIII (Various patterns of lotos and palmette in the Palace of Persopolis) XIII, XXV; M. Dieulafoy. L'acropole de Suse. III, IV, Paris, 1893, рис. 170, 204, 173, табл. VIII; R. de Mecquenem, L. de Breton, M. Rutten. Ук. соч., рис. 16, 17, 26; P. Amandry. Toreutique achéménide. Antike Kunst, 1959, 2, табл. 20, *3*; 24 и 25.

[35] R. Barnett. A Review of Acquisitions 1955—1962 of Western Asiatic Antiquities. «British Museum Quarterly», XXVI, 3—4, табл. XLIX.

[36] Я. Смирнов. Ук. соч., табл. IX, *62*; J. de Morgan. Ук. соч., стр. 41, табл. III.

[37] M. Dieulafoy. L'acropole de Suse. IV, 1892, табл. V—VII; R. de Mecquenem, L. de Breton, M. Rutten. Ук. соч., рис. 26, *6*; R. Barnett. Ук. соч., табл. XLIX.

искусства, и оно встречается и раньше, но изображение этих же сюжетов в более раннее время отличается от изображенных цветов и бутонов на армавирской пекторали [38].

Наконец, такой (имеющий уже второстепенное значение) орнамент, как заходящие друг на друга треугольники в виде двух узких полос, окаймляющих сверху и внизу изображения деревьев на пекторали, также часто встречается на памятниках искусства ахеменидского времени [39].

Таким образом, мы видим, что многие из приведенных аналогий являются характерными для искусства ахеменидского времени, которым и можно датировать армавирскую пекторали. Известно, что сложившееся ко времени Дария ахеменидское искусство в дальнейшем не претерпело органических изменений. В силу консервативности этого искусства более точная датировка отдельных предметов только на стилистической основе представляется трудной, поэтому для армавирской пекторали можно определить лишь общую дату — VI—IV вв. до н. э.

Если по своему облику и стилю, не взирая на наличие некоторого общего для ювелирных изделий ахеменидского Ирана влияния Египта, рассматриваемая пекторали может войти в круг ахеменидской культуры, то это не означает, что она изготовлена на территории самого Ирана.

В этой связи некоторый интерес представляет и вопрос о производственных центрах ювелирных изделий и торевтики на Армянском нагорье и в прилегающих районах. Количество найденных на территории Армении, Грузии и Южного Причерноморья предметов ювелирного ремесла и торевтики было внушительным уже в конце прошлого и в начале этого столетия [40]. Оно значительно возросло в последние годы [41]. Несомненно, что часть этих вещей могла быть привезена из западных центров Империи.

Особый интерес могут представить в этой связи имеющиеся для ряда предметов Закавказья довольно точные аналогии среди произведений торевтики и ювелирных изделий Египта, Кипра, западной Малой Азии ахеменидского времени [42].

---

[38] R. Barnett. Ук. соч., рис. 249; A. Godard. L'Art de l'Iran. Paris, 1962, рис. 130; С. И. Руденко. Ук. соч., рис. 5, *30*.

[39] M. Dieulafoy. Ук. соч., рис. 152, 160, 174, табл. IV—VII; R. de Mecquenem, L. de Breton, M. Rutten. Ук. соч., рис. 25, 27. Этот орнамент имел хождение и раньше, например, в Вавилоне, там же, рис. 29.

[40] O. Dalton. Ук. соч. (Silver Vessels from Armenia), стр. 42—45, рис. 71, 72, *XXII*, *XXIII*; G. Migeon. Les Arts. 1, 1902, стр. 18; Е. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, рис. III, *13, 14*, рис. CX; его же: Ахалгорийский клад. Тбилиси, 1934; А. А. Иессен. Ранние связи Приуралья с Ираном, СА, XVI, 1952, рис. 3, *2*; Г. Тирацян. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. СА, 1964, 3, стр. 64.

[41] Б. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 30 сл.; Ю. Гагошидзе. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси, 1964; Н. Хоштария. Археологические раскопки в Вани. «Кавказско-ближневосточный сборник», II, Тбилиси, 1962, стр. 65—80; P. Amandry. Argenterie achéménide; Г. Тирацян. Ук. соч., стр. 64, 65.

[42] Для чаши из Ксанского ущелья (Ю. Гагошидзе. Ук. соч., табл. XII, XIII) см. E. Vernier. Bijoux et orfévrerie. Le Caire, 1927, табл. CIX, CXI; A. Lansing. A Silver Bottle of the Ptolemaic Period. Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. XXXIII, 9, 1938, рис. 1, стр. 199; для блюда из Ахалгори (Я. Смирнов. Ук. соч., № 62, табл. IX, X) см. E. Vernier. Ук. соч., табл. CXIII; серьги из Ахалгори (Я. Смирнов. Ук. соч., табл. III, *25*) напоминают изделия, найденные в Египте, см. H. Schäfer. Ägyptische Goldschmiedearbeiten. Berlin, 1910, табл. 1*a*, 14; G. Möller. Die Metallkunst der alten Ägypter. Berlin, 1924, табл. 15; чаша из Казбека (Восточное серебро. СПб., 1909. табл. 13, 14) сходна с чашами, найденными в Иалиссе на Родосе. См. Clara Rhodos, 8, 1936, рис. 168, 169; ср. P. Amandry. Argenterie achéménide, стр. 269, прим. 1; Л. Г. Цитланадзе. Культура племен горной части центрального Кавказа в VI—I веках до н. э. по археологическим памятникам. Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1967, стр. 4, 5; полихромная нагрудная бляха или пектораль из Вани (Н. В. Хоштария. Ук. соч., рис. 4) напоминает египтизирующие изделия

Однако данные о высокоразвитом уровне урартской металлургии, славившейся своей торевтикой и, по-видимому, производством ювелирных изделий, а также не заключающее в себе ничего невероятного мнение о продолжении деятельности некоторых из урартских мастерских в ахеменидское время позволяют ставить вопрос о местном производстве хотя бы части найденных на рассматриваемой территории предметов [43]. В этой связи можно высказать предположение об изготовлении золотой пектorали из Армавира на Армянском нагорье, где месяцевидное нагрудное украшение и техника инкрустации были широко распространены в предшествующий период.

западной Малой Азии (Лидия), Родоса, Кипра; золотые браслеты из Вани (Н. В. Хоштария. Ук. соч., стр. 72) сходны с браслетами, найденными в Вуни, на Кипре, см. P. Amandry. Orfévrerie achéménide, табл. 11, 19, 21; его же. Argenterie achéménide, стр. 270, прим. 6; для подвесок в виде плода граната (Н. В. Хоштария. Ук. соч., рис. 4) см. G. Möller. Ук. соч., табл. 15.

[43] H. Luschey. Die Phiale, Bleicherode am Harz, 1939, стр. 51, 56; P. Amandry. Orfévrerie achéménide, стр. 18; его же. Toreutique achéménide, стр. 53—54; Ю. Гагошидзе. Ук. соч., стр. 96.

Р. Б. АХМЕРОВ

СКАЛА ТАМГА-ТАШ В БАШКИРИИ

В 1959 г. в республиканский краеведческий музей Башкирской АССР поступило сообщение от ученика М. Самойлова о том, что возле марийской дер. Ново-Кульчубаево Бахтыбаевского сельсовета Бирского района Башкирии имеется скала с какими-то древними знаками. Позднее, по нашей просьбе, Самойлов прислал некоторые зарисовки знаков и фотоснимки скалы.

Чтобы проверить достоверность сообщения, автор настоящей статьи с фотографом Г. П. Шуваловым в том же году предприняли поездку в Ново-Кульчубаево. Но только в июне 1965 г. музеем была организована экспедиция с целью изучения памятника [1].

Скала Тамга-Таш находится в 2 *км* южнее дер. Ново-Кульчубаево, расположена в основании правого коренного склона долины р. Белой, где обнажается песчаник зеленовато-серого цвета. Песчаник мелкозернистый, полимиктовый; он относится к отложениям уфимского яруса пермского возраста.

Гора «Имянле-Тау» (гора с дубняком), у подножия которой находится наш памятник, является частью длинной цепи отрогов, тянущихся от уфимского плато до правого берега р. Белой. Она окаймляет широкую пойму реки и покрыта густым лесом и кустарником. Во время весеннего паводка пойма сплошь заливается водой. В пойме расположены большие и малые озера, богатые рыбой и дичью. Так что в хозяйстве обитавших здесь древних племен это могло играть большую роль.

Скала, выбранная древними жителями для нанесения рисунков и знаков, самая мощная в окружающей местности. Она имеет вид трапеции, усеченной с двух сторон расщелинами. Длина ее удобной и гладкой плоскости 5,5 *м*, высота с правой стороны 2 *м*, в середине 1,5 *м*, с левого края 0,60 *м* (рис.1).

Склон горы над скалой, хотя и покрыт лесом, но в результате выветривания и под действием атмосферных осадков почвенный покров его постепенно разрушается и засыпает подножие. В силу этих причин нижняя часть скалы с изображениями оказалась засыпанной примерно на глубину 1,5 *м*. Кроме того, вплотную к скале выросли большие деревья. Для выявления всех изображений пришлось произвести расчистку земли и удалить деревья.

Знаки были очищены от глины и мха. С целью облегчения копировки на кальку знаки были покрыты раствором мела в чистой воде (мел можно в дальнейшем легко удалить путем простой промывки). Затем производились копировка знаков и фотографирование памятника.

Прежде чем перейти к характеристике памятника, упомянем о некоторых относящихся к нему легендах, бытующих среди местных жителей.

---

[1] В составе экспедиции кроме автора этих строк участвовали фотограф А. Д. Сухарев и группа учащихся 99-й школы г. Уфы.

Рис. 1. Общий вид скалы Тамга-Таш

Так, местный житель А. Я. Ярмушкин, которому теперь 85 лет, говорит, что дер. Ново-Кульчубаево основана 285 лет тому назад, но надписи на Тамга-Таш существуют с незапамятных времен и были известны его дедам и прадедам. По его словам, в старину, во время какого-то боя, башкиры стреляли из лука с горы Кала-Тау, что находится в 10 *км* от нашего памятника, около г. Бирска, и на месте падения стрелы оставили свои метки на память потомкам. Другие жители утверждают, что знаки оставлены воинами Салавата Юлаева во времена боев с царскими войсками. Очевидно, чтобы подтвердить такую версию, на скале написано имя Салавата Юлаева. Несомненно, это сделано в более позднее время.

Изображения на скале сделаны при помощи острого металлического инструмента, что заметно простым глазом. По-видимому, они наносились в течение более или менее продолжительного времени, так как разнохарактерны по содержанию и по форме исполнения. К первому, или более раннему периоду, относится изображение, напоминающее солнце (рис. 2, *а*) и расположенное в центре скалы в виде большой округлой выемки, уже разрушенной с правой стороны и сглаженной. Позднее на контуре солярного круга высечен другой знак, о чем речь ниже. Быть может к тому же времени относится сильно стилизованная схема человеческой фигуры, с выделенным фаллусом и с неопределенным предметом на правой руке (рис. 2, *б*).

На скале сохранились совершенно неясные следы других изображений, их следует отнести к более раннему времени, так как на их фоне размещены другие, очевидно, поздние знаки.

Некоторые из высеченных знаков, в ряде случаев повторяющие друг друга, вероятно, выполнены в более позднее время, так как некоторые из них размещены на поверхности только что упомянутого, предположительно солярного знака (рис. 2, *а*).

Несколько забегая вперед, заранее скажем, что поскольку автор считает башкир автохтонным населением Южного Урала, то надписи Тамга-Таш мы находим возможным отнести к деятельности древних родо-племенных групп, составивших в дальнейшем один из компонентов племен, из которых формировался башкирский народ.

Как известно, в старину башкирские святилища находились в горах и глухих лесах. Об одном таком святилище XVII в. вблизи Ирдяшева озера,

Рис. 2. Расположение знаков на скале Тамга-Таш

где башкиры постоянно собирались на «мольбище» [2], мы знаем по сообщению П. П. Пекарского. Акад. И. И. Лепехин в дневниковых записях своего путешествия отмечал, что гору Тура-Тау близ г. Стерлитамака башкиры почитали как священное место [3]. Интересные сведения о пережитках языческой веры у башкир оставил писатель Г. Белорецкий. Он писал, что башкир Хайретдин вспоминал, как в прошлые годы зимой он приходил в лес на священное место, много и много плакал от горя и уста-

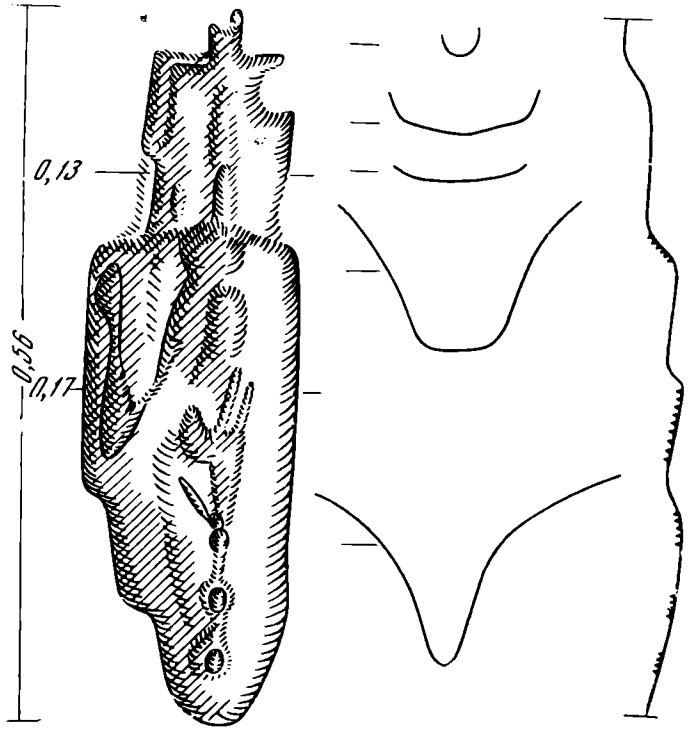


Рис. 3. Схематическое изображение человека

лости, долго и усердно молился, прося заступничество у бога [4]. Сведения о языческих воззрениях башкир мы знаем и по других источникам.

Не случайно, в центре описываемого памятника высечено изображение солнечного круга (диаметром до 0,66 *м*), которое имеет аналогию в наскальных писаницах Урала [5] и петроглифах Карелии [6].

Многочисленные археологические находки в Башкирии, а также другие памятники Урала и Прикамья свидетельствуют, что солярный культ занимал ведущее место в религиозных представлениях древних племен.

С этим интересно сопоставить сообщение Ибн-Фадлана о том, что в начале X в. башкиры почитали культ 12 богов и в их числе самого могущественного «господина неба», который якобы объединял всех остальных богов и жил в согласии с ними [7].

Исследователь XVIII в. Георги писал, что башкиры по своей вере «...не последние невежды и наблюдают не мало и языческих обрядов». Далее он отмечал: «Ежели они во время какого на есть празднества убьют животное, то ставят на приборе (Каштак) уваренное мясо против солнца,

---

[2] П. П. Пекарский. Старинное известие о золоте и серебре, добываемом в Уфимском уезде. ИИАО, V, 1865, 4, стр. 256, 257.

[3] И. И. Лепехин. Дневные записи путешествия по разным провинциям Российского государства. IV. СПб., 1822, стр. 35.

[4] А. Пермяков. Уральские очерки и рассказы Григория Белорецкого, «Советская Башкирия», 1956, 21 октября.

[5] В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. М., 1964, см. таблицы.

[6] А. Я. Брюсов. Карельские петроглифы. ВДИ, 1937, 1, стр. 169—192.

[7] И. Ю. Крачковский. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 66.

творя при этом много поклонений и прочие во всем подобно шаманским язычникам» [8].

С левой стороны солярного знака имеется вертикальное углубление высотой в 0,56 *м*, напоминающее человеческую фигуру (рис. 2, *б*). Оно высечено глубоко (до 0,17 *м*), но его схематичные и условные очертания с трудом поддаются расшифровке (рис. 3). Наиболее четко выделяются часть головы, правая рука и средняя черта, возможно изображающая фаллос. Быть может, перед нами изображение антропоморфного божества, наподобие петроглифов Карелии [9]. Человеческие фигуры характерны и для наскальных изображений Урала, хотя они несколько иного содержания [10]. Бронзовые антропоморфные амулеты с подчеркнутым фаллосом найдены среди материалов Бухмутинского и Турбаслинского могильников. Среди башкир культ фаллоса существовал до конца первого тысячелетия нашей эры. Ибн-Фадлан был удивлен, увидев, что некоторые башкиры носят на шее деревянные амулеты в виде фаллоса. Когда он спросил, почему башкиры почитают фаллос своим господом, т. е. богом, то один башкир дал следующий ответ: «Потому, что я вышел из подобного этому и не знаю относительно себя самого иного творца, кроме этого» [11].

Таким образом, данный культ как бы олицетворял самого человека, как главного производителя материальных и духовных ценностей и всего человеческого рода.

На скале Тамга-Таш, вверху с правой стороны, отчетливо высечены фигуры крупных рыб — осетра или щуки (рис. 2, *в*). Внизу, с левой стороны скалы, вырезаны еще две фигуры. О них можно лишь предположительно сказать, что это лошадь и лось, так как они изображены слишком схематично (рис. 2, *г—д*).

Среди археологических материалов Башкирии нередко встречаются бляшки и подвески с изображением подобных животных. Ибн-Фадлан отмечал, что у отдельных групп башкир существуют культы змей, рыбы, журавлей и пр. [12]

В знаменитой пещере Шулган-Таш (Капова) в Башкирии найдены сосновые доски, на которых были вырезаны рыбы и различные геометрические фигуры — квадраты, параллелепипеды, пятиконечная звезда и др. [13] Эти находки как бы повторяют образы деревянных рыб, использовавшихся манси и ханты с магической целью для обеспечения удачи в рыбной ловле [14]. Укажем еще на удивительное сходство изображения рыбы на Тамга-Таше с родовыми тамгами остяков, тоже имеющими вид рыбы [15].

Среди разных изображений Тамга-Таша встречаются различные черточки и точки, о значении которых едва ли можно сказать что-либо определенное.

Ниже фигуры рыбы вырезан круг неправильной формы с расходящимися снизу концами (рис. 2,*ж*). Он напоминает петлю, свитую из конского волоса, применявшуюся башкирами для ловли крупных рыб. Петлю же, но из мочалы, башкиры приспосабливали для ловли тетеревов во время весенних токов [16].

В двух местах рассматриваемого памятника встречаются полукруглые углубления (рис. 2,*з*). Можно полагать, что они являются схематичным изображением капканов.

---

[8] Георги. Описание всех обитающих в русском государстве народов. 1, СПб., 1799, стр. 107.

[9] А. Я. Брюсов. Ук. соч., стр. 169—192.

[10] В. Н. Чернецов. Ук. соч., табл. XIV, XV, и др.

[11] И. Ю. Крачковский. Ук. соч., стр. 66.

[12] Там же.

[13] Г. В. Вахрушев. Загадки Каповой пещеры. Уфа, 1960, стр. 18, 19.

[14] В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 28—29.

[15] Ю. Б. Симченко. Тамги народов Сибири XVII в. М., 1965, стр. 125.

[16] С. И. Руденко. Башкиры. М.— Л., 1955, стр. 81, 93.

Большинство знаков Тамга-Таша имеют приблизительную или точную аналогию с башкирскими тамгами (рис. 4). Сопоставление даже небольшого количества знаков и башкирских тамг обнаруживает связь между ними. Например, знак 1 Тамга-Таша (рис. 4) совпадает с башкирскими тамгами 1—2, а с наскальными знаками 2 однотипны башкирские тамги

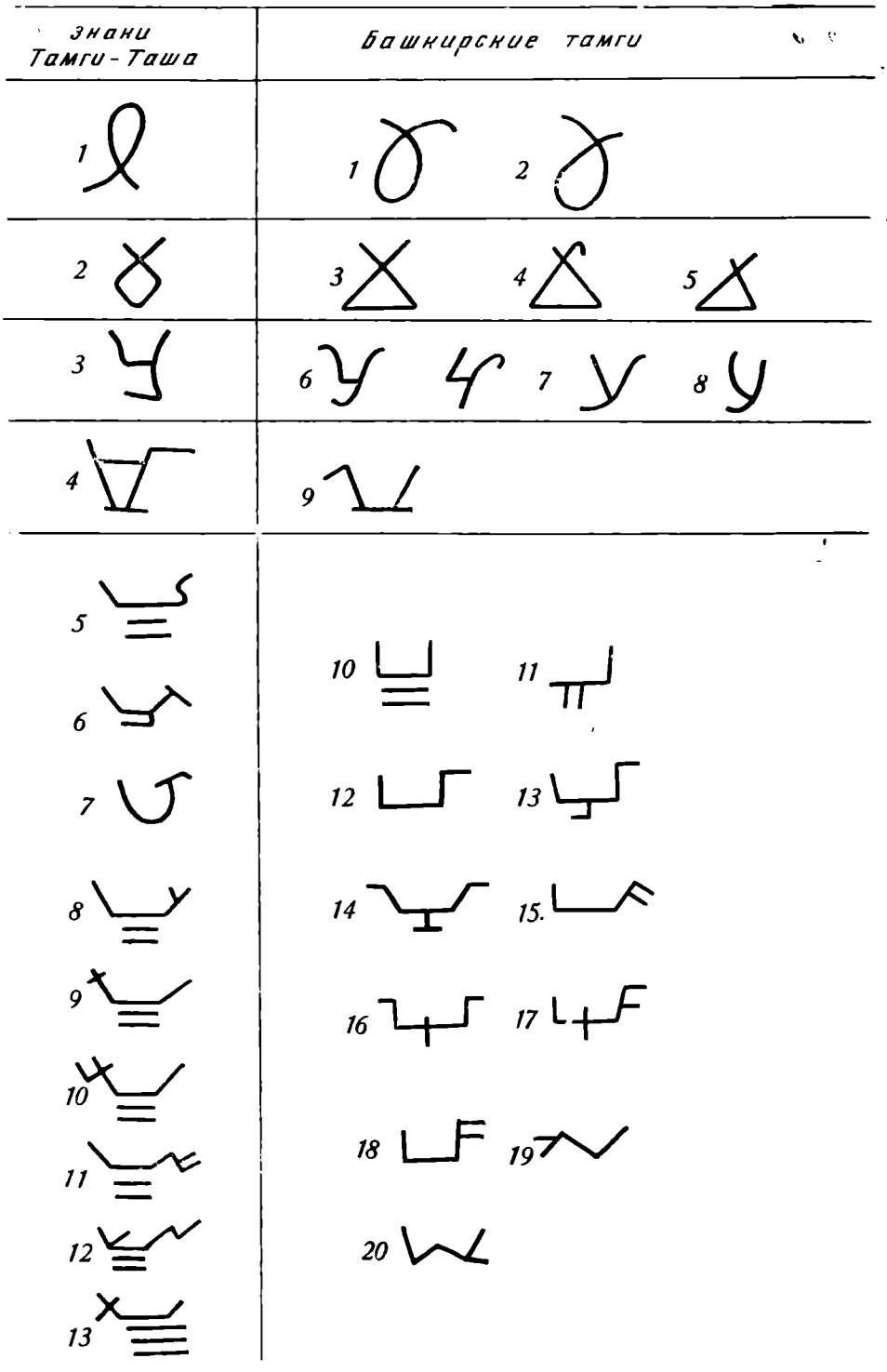


Рис. 4. Сравнительная таблица знаков Тамга-Таша и башкирских тамг

3—5 [17]. Одной из последних тамг пользовались башкиры бывшей Курманаевской волости Бирского уезда, располагавшейся на территории того же сельсовета, где находится наш памятник. Тамга 4 аналогична тамгам башкир Енейской волости Казанской дороги, находившейся в том же районе. Близкую по виду тамгу мы встречали на скалистом берегу р. Белой

[17] Материалы по истории Башкирской АССР, М.— Л., 1936, табл. II.

около башкирской деревни Лачен-Тау. Знак 3 имеет сходство с башкирскими тамгами 6—8, которые принадлежат башкирам Белярской и Гирейской волостей Северо-Западной Башкирии.

Особый интерес представляют знаки 5—13 (рис. 4). Если первые четыре знака почти полностью совпадают с башкирскими тамгами, то знаки 5—13 можно лишь приблизительно сопоставить с башкирскими тамгами 10—20. Большинство этих тамг принадлежали башкирам Казанской и Осинской дорог, родо-племенные группы которых жили в близком контакте. В свою очередь некоторые башкирские тамги имеют однотипность с тамгами вогулов и татар?, живших по рекам Сылве, Ирены, Шакве и др. [18].

Отмеченное сходство между башкирскими тамгами и знаками Тамга-Таша вряд ли случайно, так как территориальное совпадение дает основание подозревать генетическую и историческую взаимосвязь. Впрочем, здесь могла сказаться и общая закономерность развития самих тамг, так как прежде чем стать знаками родовой и семейной собственности, они первоначально имели обозначения, связанные, как отмечал Н. А. Аристов, с родовыми богами или духами-покровителями родов [19].

Что же представляют собой знаки 5—13, изображенные на рис. 4. Не вызывает сомнения, что первые три фигуры являются схематичным изображением птицы. В знаке 6 можно различить все основные части ее тела: голову, ноги, туловище и хвост. В знаках 5 и 7 части эти хуже выражены, но все же складываются в схематичный профиль птицы. Нам кажется, что остальные знаки 8—13 также являются условными изображениями птиц. Основа всех этих знаков одинакова, но они отличаются друг от друга в деталях, связанных, возможно, с принадлежностью отдельным семьям одной родовой группы. Но знаки 1—4 (рис. 4) по типу не могут быть сопоставлены со знаками 5—13. Возможно, они принадлежат выходцам из других родовых групп или они были нанесены на скалу в более позднее время, чем знаки 5—13.

У шести знаков (5, 8—12) снизу имеются по две горизонтальные черточки, у знака 13 — три черточки. Кроме того, на скале имеется еще один знак с одной горизонтальной черточкой снизу (рис. 2).

Некоторые исследователи считают, что такими черточками в древности отмечали количество, то есть они обозначали счет.

В. Н. Чернецов, говоря о значении охотничьих затесов манси, отмечает, что сверху охотник ставил свою тамгу и зарубками обозначал число людей, участвовавших в охоте, если у них тамга была общая, а внизу — число собак [20].

На охотничьих затесах вогулы помещали пиктограммы, содержавшие изложение событий, происходивших в данном месте. Горизонтальными черточками они обозначали мужчин, косыми — собак, длинными — лодки [21].

Не сходны ли по некоторым признакам знаки Тамга-Таша с вогульскими пиктограммами? Здесь, вместо собак, возможно, изображены соколы. Если так, то наскальные изображения Тамга-Таша представляют как бы пиктограмму о соколиной охоте на тетеревов или уток, которая так широко была распространена среди башкир с древнейших времен. Разумеется, в таком плане можно говорить лишь предположительно и только в отношении части наскальных знаков.

Возможна, однако, и несколько иная трактовка.

У некоторых башкирских родов парные черточки употребляются в качестве тамги. Так, «Куш-Тамга» высечено на известняковом надгробии

---

[18] Ю. Б. Симченко. Ук. соч., стр. 41.

[19] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. «Живая Старина», III—IV, СПб., 1896, стр. 285.

[20] В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 22.

[21] Ю. Б. Симченко. Ук. соч., стр. 39.

XVII в. башкирского племени Дувани. Известно также, что тамги башкирских племен усерген и кара-кипчаков состоят из парных или тройных черточек и называются «кабыргалар», то есть ребра [22].

Башкирские тамги с дополнительными парными черточками видны на примерах рис. 5 и на надгробиях Акзирата (рис. 5, *6, 10—12*).

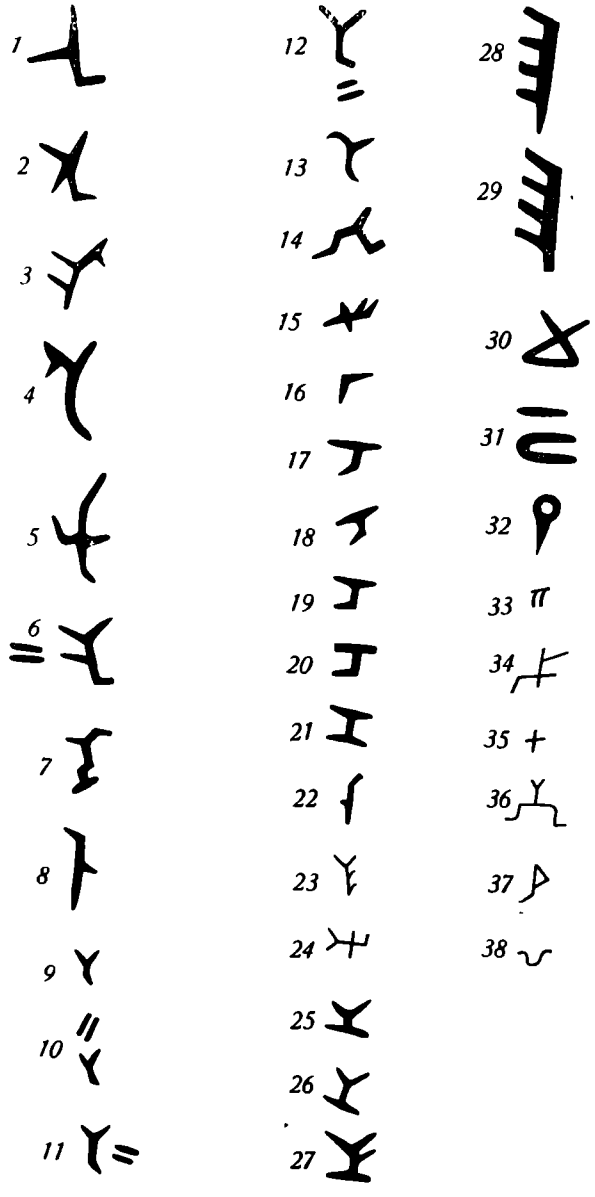


Рис. 5. Тамги надмогильных камней у мавзолея Хусаин-бека

Отсюда значение отдельных элементов в изображениях Тамга-Таша может быть трактовано несколько иначе, чем в вогульских пиктограммах и в наскальных изображениях Урала.

Сложные комбинации наскальных рисунков быть может связаны с пережитками тотемизма и магическими обрядами. В недалеком прошлом у родо-племенных групп башкир существовали атрибуты: тамга, уран (кличка — пароль), дерево и птица. Так, у племен Усерген существовали родовое дерево Миляш (рябина), птица — Торна (журавль), у племени Мин птица — Карагош (орел), дерево — Кайын (береза) и т. д. О древних религиозных представлениях башкир, связанных с культом животных, птиц и деревьев, свидетельствуют не только наличие таких родовых эмблем, как тамга, дерево, птица, но и тот факт, что нередко роды и их подразделения носят тотемические названия: Бесэй (кошка), Куян (заяц), Шамбы (налим), Буре (волк), Козгон (ворон), Тумыртка (дятел), Ябалак (сова), Карга (ворона), Кымырска (муравей), Телке (лиса), Бызау (теленок), Ылан (змея) и т. п. [23].

В свете этих фактов допустимо предположение, что истоки наскальных рисунков связаны с глубокой древностью, с пережитками тотемизма и магических обрядов, а отзвуки древних верований и обычаев в виде легенд, преданий, орнамента или родовых атрибутов сохранились до наших дней. Подтверждением тому могут служить хотя бы башкирские народные ковши, искусно вырезанные из дерева (рис. 6). По форме и фигурным изображениям ручек они очень схожи с культовыми сосудами из Горбуновского торфяника, а по трактовке сюжета их можно сопоставить с рисунками Тамга-Таша и с орнаментом вогулов. Руки башкирских умельцев придавали им схематические образцы птиц и животных.

Ковши не изготовлялись в специальных мастерских, а делались башкирами по традиции и для употребления в обыденной жизни, для разлива

---

[22] Соколов. О башкирских тамгах. Тр. ОУАК, Оренбург, 1904, стр. 27.
[23] Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, стр. 80, 99.

кумыса и молока. Резчики не могли представить, что фигурные изображения ковшей связаны с древней мифологией. Их заставила производить такую кропотливую и трудоемкую работу сила привычки и сложившиеся в течение веков приемы народного творчества. Таким образом, башкиры являются одним из тех народов, которые унаследовали искусство древних племен Прикамья и Приуралья, казавшееся погребенным в глубине веков. В то же время наличие в мансийском эпосе причудливых зооморфных сказок о похищении солнца птицей указывает на близость и взаимосвязь древних культур башкир, остяков и вогулов [24].

Среди рисунков Тамга-Таша имеется один знак в виде вил, напоминающий выпрямитель шкур,— инструмент, называемый башкирами «турала». Другой знак состоит из трех черточек, расположенных в виде следов зайца (рис. 2, *и*). Сперва нас озадачила форма этого знака, так как у башкир такие тамги нам неизвестны. Но точно такие же тамги, оказывается, существуют у вогулов и остяков, у которых называются «шайтанская рожа» [25]. Нам не совсем ясен также знак, высеченный на упомянутом выше полукруге солнца в виде дугообразной линии с четырьмя зубцами в верхнем конце (рис. 2, *к*). Быть может, это изображение лодки на озере или гребешок, из которого, по легенде башкир, вырастает лес [26]. Такие тамги-гребенки бытовали также у вогулов [27].

Экспедицией музея не найдено пока вещественных данных для датировки памятника Тамга-Таш. Но по характеру рисунков и технике исполнения есть основания считать, что знаки Тамга-Таша вырезаны до распространения ислама среди башкир, то есть до X в.

Большой интерес представляет для нас старое кладбище, которое расположено рядом с знаменитым мавзолеем Хусаин-бека, около железнодорожной ст. Чишмы. Почти на всех могилах этого кладбища поставлены известняковые плиты различной величины и формы. На некоторых камнях сохранились рельефные надписи, исполненные арабскими буквами. Однако на большинстве камней видны лишь знаки — тамги (рис. 5). На одной плите М. И. Касьянов прочитал дату, 887 год по мусульманскому летосчислению. Следовательно, кладбище берет свое начало с XV в. Когда-то башкиры называли его Акзиратом — святым местом и считали большой честью для себя, если им удавалось здесь похоронить своих умерших родственников. Захоронение на кладбище продолжалось вплоть до середины XVIII в.

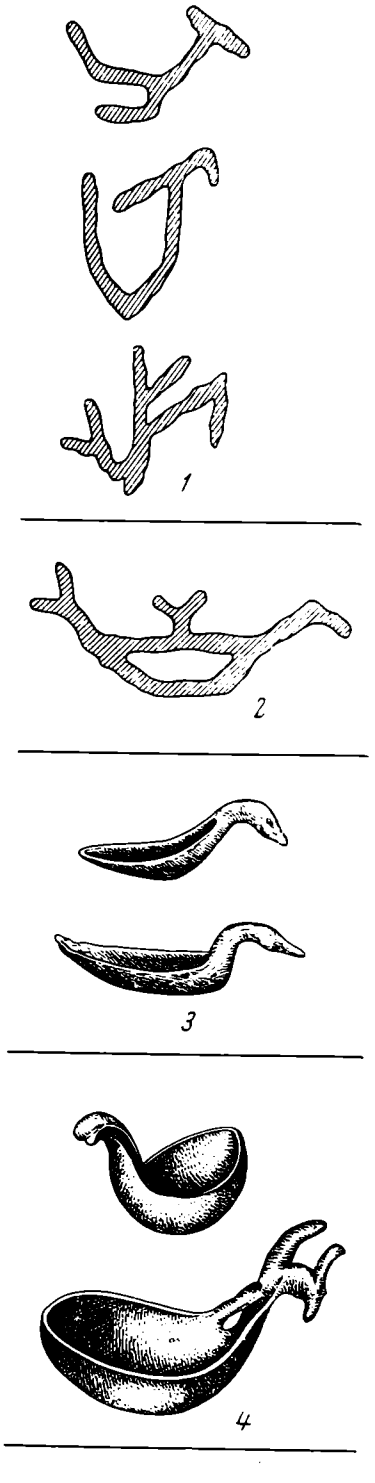


Рис. 6. Аналогии знакам Тамга-Таш

1 — рисунки Тамга-Таша; *2* — из рисунков В. Чернецова по мотивам вогульского орнамента; *3* — деревянные ковши с Горбуновского торяника по Д. Н. Эдингу; *4* — башкирские деревянные ковши

[24] В. Чернецов. Вогульские сказки. Л., 1933.
[25] Ю. Б. Симченко. Ук. соч., стр. 22.
[26] Очерки по истории Башкирской АССР. I, 1. Уфа, 1956, стр. 71.
[27] Ю. Б. Симченко. Ук. соч., стр. 20.

По историческим источникам нам известно, что в районах г. Уфы, включая и территорию Чишминского района, жили башкиры племени Мин. Следовательно, тамги Чишминского кладбища могли относиться к родовым подгруппам минцев.

М. И. Касьянов, возглавлявший в 1930 г. археологическую экспедицию музея, скопировал знаки надмогильных камней; копии нами сверены с оригиналами в 1965 г.

Значение знаков Аксирата прежде всего в том, что они исполнены на каменных плитах, то есть на таком материале, как и знаки Тамга-Таша. Такое совпадение между этими двумя памятниками едва ли случайно. Скорее всего, оно подтверждает наше предположение о том, что изображение знаков на скалах и на каменных плитах является продолжением одной и той же традиции одного народа.

Знаки чишминских камней относятся к двум или трем родовым подгруппам и являются, вероятно, символическим изображением каких-то птиц и животных, а некоторые из них, быть может, обозначают орудия труда. Думается, что эти камни сопровождены знаками для увековечения мест погребения родственников, то есть, чтобы не затерять могилы последних среди других могил. Не исключено, что знаки имели еще символическое значение,— оберегать от злых духов.

Башкирские тамги, в особенности ранние из них, пока не достаточно изучены, и поэтому настоящая публикация имеет лишь предварительный характер.

А. В. РЫНДИНА

ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМЕЯ XIII в. С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГОМАТЕРИ-ОДИГИТРИИ ИЗ НОВГОРОДА

Раскопки 1967 г. на территории Новгорода дали нам несколько первоклассных образцов прикладного искусства. Среди них выделяется своей необычностью небольшой овальный образок с рельефным изображением Богоматери-Одигитрии, найденный в слое середины XIII в. (размеры: малый диаметр 2,3 *см*, большой диаметр 2,7 *см*, толщина 0,3 *см*). Он вставлен в гладкий медный уборок, закрывающий обратную и боковые стороны иконки; вверху — ушко для подвешивания.

Миниатюрные размеры рельефа и наличие колечка для цепи говорят о том, что перед нами «тельник», предназначенный для ношения на груди. Еще Н. П. Кондаков отмечал, что погрудный образ Одигитрии предпочитался для тельных образков богоматери и в Византии, и позднее (в XV—XVI вв.) в русском мастерстве [1], хотя в виде примеров Н. П. Кондаков приводит две прямоугольные иконки XIV в., которые вряд ли могли быть тельниками (одна бронзовая из Херсонеса, другая — каменная из Британского музея). Приведение подобных примеров он объясняет малым количеством археологического материала, который сегодня дает нам возможность с большей очевидностью подтвердить мнение ученого.

Овальные образки небольшой величины были очень удобны для ношения на груди и, по-видимому, были весьма почитаемыми реликвиями. Так, иконка синего стекла с изображением «Богоматери-Одигитрии» XIII—XIV вв., хранящаяся в Краснодарском краеведческом музее, происходит из Убинского могильника (кург. № 1, погр. № 2). Сам факт пребывания такой иконки в захоронении несомненно подтверждает последний вывод.

Иконка, сделанная из коричневого камня с более светлыми оранжевыми прожилками, на первый взгляд воспринимается как литик. На подобное предположение наталкивает подчеркнуто высокий характер рельефа и особенно надпись, представленная здесь в виде первой части традиционной греческой монограммы (МР), также исполненная рельефно. Между тем опытным путем доказано, что порода, из которой сделан образок, свободно режет стекло, следовательно, предположение о том, что перед нами литик, отпадает.

На основании этого мы можем классифицировать новгородскую иконку как камею, резаную на камне из породы халцедонов, скорее всего это сердолик с прожилками, либо одна из разновидностей ископаемого угля [2].

[1] Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, II, Прг., 1915, стр. 247.

[2] Иконка была подвергнута внимательному осмотру на кафедре петрографии и минералогии МГУ. Профессор кафедры петрографии С. Д. Четвериков и проф. кафедры минералогии Г. В. Топор после микроскопического осмотра находки высказали предположение о том, что иконка сделана из стекла, а изображение не резное, а литое.

Между тем минералогический анализ произведен не был, а только этим путем

Рис. 1. Камея итальянской работы XIII в. из Новгорода

Среди византийских камей, дошедших до наших дней, чаще всего встречаются образцы, выполненные в низком рельефе, однако нам известны и другие типы камей. Так, две камеи X в., хранящиеся в Государственном Эрмитаже — одна с изображением Василия Великого, другая — с фигурами святых Георгия и Дмитрия — отличаются подчеркнутой объемностью форм и относятся, по определению А. В. Банк, к тому «неоклассическому» стилю, своеобразной эпохой которого был в византийском искусстве X в. [3]

Подобные произведения восходят, несомненно, к традициям римской глиптики, время от времени проявлявшихся в каменных миниатюрах византийских мастеров. Таким образом, наличие высокого рельефа само по себе не дает основания для отнесения новгородского тельного образка к разряду литиков.

Пожалуй, самое большое недоумение в этом плане вызывает рельефная надпись на иконке. Надписи подобного рода чаще всего встречаются именно на литых иконках, а также на печатях и монетах, т. е. на вещах, непосредственно связанных с процессом отливки и чеканки.

Действительно, на византийских камеях, резаных по ляпис-лазури, яшме, халцедону, ониксу и пр., как правило, надписи нерельефные, а, напротив, врезанные (инталье). В этом отношении новгородская иконка занимает как будто бы особое место. Однако и среди литиков и среди камей есть исключения.

В собрании Венского музея хранится, например, трехслойная камея из оникса, приблизительно датируемая началом VII в., (9,8 × 6,7 *см*), с изображением креста, окруженного фигурками апостолов Петра и Павла и с бюстом Спасителя над крестом, где надпись ЕММАNОУНЛ дана в виде рельефных букв, расположенных по вертикали, справа и слева, как на ранних иконах [4]. Не исключено, что подобный стиль написания букв также восходит к одной из традиций классицирующего стиля, как и высота рельефа в изображении фигур.

Известны, в свою очередь, и иконки-литики с резными надписями Так, круглый литик желтовато-оранжевой пасты с изображением Богоматери на престоле, итальянской работы XIII—XIV вв., из собрания Гос.

можно было бы получить более точные данные. Причиной тому — миниатюрные размеры находки.

Окончательный вывод сделать очень трудно, ибо образок, с одной стороны, свободно режет стекло, а с другой,— испытывает воздействие стальной иглы. Не исключено, что загадочным материалом является здесь один из видов ископаемого угля, которым пользовались средневековые мастера для изготовления резных иконок. Подобный образок с изображением св. Иакова Компостельского (Новгородский музей, № 632) XIV—XV вв., происходящий из Испании (Компостелла), опубликован В. П. Даркевичем. В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). САИ, Е—1—57, М., 1966, стр. 49, 50.

[3] А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.— Л., 1966, стр. 19; ее же. Несколько византийских камей из собрания Гос. Эрмитажа. ВВ, XVI, 1959, стр. 214.

[4] L'art Byzantine, 9eme exibition du conseul de l'Europe. Athènes, 1964, стр. 198, рис. 113.

Исторического музея[5] имеет резную надпись (МР ΘΥ). Почти все литики в силу особенностей их выполнения имеют зрительно-ощутимые «провалы» в объеме, образок же из новгородских раскопок, несмотря на значительную потертость поверхности рельефа, которую можно объяснить длительным пребыванием под землей, обладает чисто скульптурной объемностью, «вылепленностью» форм. Такого впечатления мог достигнуть только мастер-резчик. Прикосновение резца к поверхности камня ощущается в обработке «бусинок» по краям нимбов и креста, которые несомненно имели бы утраты и пробелы в объеме, если бы перед нами был действительно литик. Дальнейшее исследование этого миниатюрного произведения поможет, вероятно, найти следы резьбы и около рельефных букв монограммы богоматери.

Рис. 2. Византийский рельеф слоновой кости с изображением Одигитрии конца X в. из собрания Kofler-Truniger в Люцерне

Важнейшие вопросы — это датировка памятника и определение, хотя бы приблизительное, художественной школы. Сразу же отметим, что среди образцов древнерусской мелкой пластики мы не найдем аналогий «новгородской» камее. Некоторые же детали иконографии окончательно исключают возможность ее связи с русской землей. Определить камею как работу византийского мастера мы также не можем, ибо все аналогии, которыми мы располагаем, оказываются недостаточно полными, хотя по общей иконографической схеме, исключая отдельные частности, изображение Одигитрии на новгородском тельнике несомненно создано под влиянием византийских образцов.

Камея из Новгорода в целом следует схеме, сложившейся в столичной пластике уже в X столетии. Мы видим здесь еще не до конца сложившийся тип Богоматери-Одигитрии, где положение богоматери и младенца еще не достигло того «прямоличного», выражаясь языком Н. П. Кондакова, репрезентативно-статичного положения, как в памятниках XV в. Фигура богоматери дана в мягком наклоне к младенцу, лицо последнего, а также его поза не фронтальны, головка его также слегка повернута к матери. Подобный иконографический тип мы найдем в широком круге произведений византийской резьбы по кости X—XIII в. Особено характерна в этом плане костяная пластинка конца X в., из собрания Kofler-Truniger в Люцерне (рис. 2) [6], а из более поздних вещей — центральная часть костяного триптиха XII столетия из Британского музея [7]. С рельe-

[5] ГИМ, отд. драг. металлов, № 53151/70, ок. 10966, размер — диам. 2,6 *см*.

[6] Mittelalterlich Kunst der Sammlung Kofler-Truniger, Luzern, Düsseldorf, 1965, табл. 5, *14*.

[7] O. M. Dalton. Ivory Carvings of the Christian Era... of the Britisch Museum. London, 1909, табл. 14, *24*, стр. 20.

фом из Люцерна помимо иконографической общности есть общность и в деталях — это резные бусинки на нимбах, форма креста в нимбе младенца и пр. Однако подобный примитивный орнамент отмечает огромное число памятников средневекового искусства разных эпох и сам по себе не может быть отправной точкой для атрибуции камеи. В стилистическом же плане сочная живописность рельефа новгородской иконки с тяжелыми, округлыми ликами богоматери и младенца не имеет ничего общего с изысканной пластической и линейной мягкостью рафинированных византийских прототипов. Особенно конкретно это различие проявляет себя при сравнении нашей камеи с образцами глиптики столичной константинопольской школы. Такие камеи отличной работы, как камея с богоматерью в рост из Walters art Gallery в Балтиморе, X в.[8], со знамением из Государственного Эрмитажа, XI столетия[9], как камея XII в. из Dumbarton Ouks (Bliss Collection) [10], выполнены в низком рельефе с преобладанием линейно-графического начала в системе изобразительных средств, смягченного блеском камня. Их изысканный аристократизм не имеет ничего общего с тем грубоватым ощущением объемной наполненности, которое определяет образ новгородской камеи.

Необычна и форма титла в виде толстого «червячка», изогнутого в движении, обратном тому, что мы видим в большинстве известных надписей такого типа. В этом плане особый интерес представляет материал нумизматики и сфрагистики. А. В. Банк отмечала ценность подобных аналогий для исследования глиптики: «изображения на монетах и камнях часто бывали прообразами друг для друга» [11].

Интересный для сопоставления материал представляют собой две известные печати — печать афинского митрополита Николая (вторая пол. XII в.) [12], а также печать 1264 или 1279 г., привешенная к документу, хранящемуся в библиотеке Патмоса [13]. Формы титлов и характер написания букв весьма близки к надписи на новгородской камее, на указанных печатях также изображена «Богоматерь-Одигитрия», голько на печати Николая фигура дана погрудно, а на памятнике XIII столетия — в рост.

Не исключено, что мы видим здесь пример непосредственного воздействия образцов сфрагистики на творческую манеру мастера-резчика. Мы считаем возможным предположить также, что новгородский тельник, имитирующий патриаршие печати по иконографии и написанию букв, сам мог быть исполнен для какого-либо высокого духовного лица.

Где же могла быть выполнена камея и с какой школой или мастерской ее можно было бы связать? На этот вопрос помогает ответить одна существенная деталь иконографии рельефа. Правой рукой младенец двуперстно благословляет, согласно византийской традиции в изображении «Одигитрии», в левой же руке он держит какой-то шаровидный предмет. Сначала кажется, что это верхняя часть вертикально расположенного свитка, ибо в силу миниатюрных размеров камня художнику могло не хватить места для изображения его целиком. Однако если вглядеться внимательно, это предположение отпадает, так как ладонь младенца развернута по горизонтали, а не сжата в кулачок, и на ней несомненно лежит шар.

Здесь налицо иконографическая деталь чисто западного происхождения. Это либо райское яблоко, которое можно встретить в руках богоматери и младенца в многочисленных образцах романской и раннеготической

---

[8] M. A. Ross. Three Byzantine Cameos, «Greek, Roman and Byzantine Studies», III, 1, Cambridge, 1960, табл. 6, *4*.

[9] А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза, табл. 169.

[10] The Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1955, рис. 218, стр. 100—102.

[11] А. В. Банк. Несколько византийских камей..., стр. 209.

[12] Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой иконописи. СПб., 1911, рис. 287; Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери. II, стр. 383, рис. 221.

[13] Н. П. Лихачев. Печати патриархов Константинопольских. М., 1899, стр. 22, рис. 12.

пластики и миниатюры [14], либо держава, символизирующая землю, подобная державе в руках младенца с портала Амьенского собора середины XIII в. [15]. Полагаем, что здесь скорее всего надо видеть второй вариант, так как изображение в целом не отмечено жанровыми чертами, как первая группа указанных произведений романского искусства, а скорее имеет оттенок особой царственности и представительности.

Таким образом, очевидно конкретное отступление от византийского канона в изображении младенца, который должен был бы держать в левой руке свиток. Однако это касается лишь детали, ибо композиция в целом сохраняет следование указанным ранее столичным образцам X—XII вв. «Новгородская» камея не позволяет говорить ни об органичности стиля, ни о единстве иконографии. Она сочетает в себе романские черты наряду с византийскими. Причем любопытно, что если в фигуре богоматери живо чувствуются отзвуки именно последних черт, то вся фигурка младенца и иконографически, и стилистически больше тяготеет к романским образцам. Именно это не позволяет рассматривать нашу иконку как продукт сложившегося стиля. Ее надо связать, по-видимому, с кругом тех художественных явлений, в которых традиции византийской культуры помогали преодолевать романскую статичность и огрубленность пропорций.

Самые близкие художественные аналогии мы находим в итальянском искусстве XIII столетия, точнее говоря, в специфическом круге тех произведений, которые мы связываем с понятием «латинской школы», т. е. с римским искусством. С кругом ломбардских памятников сблизить «новгородскую» камею не представляется возможным по той причине, что даже самые византинизирующие произведения североитальянской скульптуры имеют в XIII столетии, очевидно, романский облик в отношении художественного языка исполнения. В качестве примера можно назвать мадонну с младенцем первой половины XIII в. на мраморном рельефе из Северной Италии (хранится в музее Альберта и Виктории в Лондоне) [16].

Итак, наиболее конкретные аналогии связаны с латинским кругом. Вспомним фреску с изображением богоматери с младенцем на престоле из крипты собора в Ананьи (1231—1255 гг.) первой половины XIII в. [17] или фреску из церкви св. Сильвестра в Тиволи близ Рима тоже XIII в. [18] (рис. 3).

В. Н. Лазарев связывает указанные произведения с теми византинизмами, которые получала римская живопись не непосредственно, а из вторых рук [19], чем и можно объяснить романизированный характер живописи в целом. То же самое можно наблюдать и в Сиене, куда византийские образцы в чистом виде проникают лишь со второй половины XIII в. [20]

Младенцы из Ананьи и из Тиволи очень близки младенцу с новгородской камеи. Чисто романская примитивность пропорций, скованность жестов, параллельное расположение угловатых ножек, крупная головка на тонкой шее, длинные волосы, разобранные на ровные пряди, — все это роднит их, хотя в целом фигурка рельефа намного примитивнее.

Именно на римской почве в пределах XIII в. можно также обнаружить богородичные надписи аналогичного начертания, как, например, на мозаике с изображением тронной богоматери из церкви св. Хризогона в Риме, на мозаике надгробия в римской церкви Санта Мария Минерва и пр. [21].

---

[14] См. P. H. Feist. Plastiken der Deutchen Romanik. Drezden, 1958, табл. 3, *17*; H. Swarzenski. Monuments of Romanesque Art. Chicago, 1953, табл. 39, 74, 67 и др.

[15] R. Hamman. Geschichte der Kunst. II, Berlin, 1955, стр. 179, табл. 175.

[15] E. Maclagan and M. H. Longhurst. Catalogue of Italian Sculpture (Victoria and Albert Museum). London, 1932, табл. 1, *в*, стр. 2.

[17] F. Bologna. Die Anfänge der Italianischen Malerei. Drezden, 1964, табл. 48.

[18] Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери. II, стр. 413, рис. 234.

[19] В. Н. Лазарев. История византийской живописи. I, М., 1947, стр. 202.

[20] В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 200.

[21] Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, II, табл. 242, ув. вклейка к стр. 432.

Рис. 3. Фреска с изображением тронной богоматери из Крипты собора в Сенаньи (1231—1255 гг.) близ Рима

Чем же объяснить сочетание в нашей иконе романизированных черт византийского типа с почти эллинистической сочностью высокого рельефа, столь несвойственного средневековой глиптике константинопольского круга этой эпохи? Итальянское, а скорее всего римское происхождение камеи и определение ее даты серединой XIII в. может дать ответ на этот вопрос.

Говоря об эволюции римского искусства с середины XIII в., В. Н. Лазарев отмечает тенденцию к преодолению византийских традиций восточного типа и «к замене их антикизирующими формами, заимствованными из современной... пластики и раннехристианских мозаических и фресковых циклов» [22]. Конкретнее всего это касается таких живописцев, как Пьетро Каваллини (упомянут в 1291—1308 гг.).

Если в живопись античное наследие попадало опосредованно, то в области глиптики его влияние могло быть прямым. Если «неоклассические» тенденции в византийском искусстве X в. были общим для столичного ис-

[22] В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 202.

кусства процессом, не выходящим за рамки средневековой системы образов, то в XIII в. на итальянской почве они стали источником собственно римской художественной школы, порвавшей с византийским образом художественного мышления.

В. Н. Лазарев пишет, что это «трезвое, ориентирующее на реализм искусство представляет прямой контраст эмоционально-насыщенному, трансцендентному искусству Византии»[23].

Новгородская камея не является примером нового стиля в чистом виде, ибо сравнительно с живописью образцы прикладного искусства долго сохраняют следование старым формам и приемам ремесла. Именно это и объясняет то сочетание мотивов и элементов византийских, романских и «неоклассических», которые определяют в своей совокупности сложный художественный образ иконки.

Как справедливо подчеркнула А. В. Банк, исследование византийской глиптики началось совсем недавно, еще позже возникли попытки выделения западноевропейских камей, считавшихся ранее византийскими[24]. Сложность атрибуции таких произведений объясняется сильным воздействием византийского искусства. Несмотря на ряд специфических особенностей стиля и иконографии, они все же ближе к византийской пластике, нежели к западноевропейской романского типа. Это в значительной степени относится и к новгородской камее.

Что касается места находки иконки, то можно с твердостью отметить, что древний Новгород был отлично осведомлен о художественной жизни Византии и Запада. На новгородской земле нам известны памятники прикладного искусства, несомненно связанные с романским искусством[25]. В живописи — это росписи Богородице-Рождественского собора Антониева монастыря, исполненные в 1125 г. Анализируя их, В. Н. Лазарев отмечает сходство суровой манеры этих росписей с памятниками романской живописи, в частности с росписями Санта Кроче ин Джерузалемме в Риме (1144 г.) и с миниатюрами рейхенаухской и регенсбургской школ[26]. Объяснение указанных черт в рамках XII столетия связано с житием Антония Римлянина, основателя монастыря, который по преданию был выходцем из Рима. Возможно, что связи с Италией по традиции продолжались и в XIII в.[27], хотя не исключено, что предметы, подобные камее, могли попасть в Новгород и другими путями.

За последние годы новгородские раскопки значительно обогатили наши представления о международных связях древнего Новгорода. То, что раньше касалось лишь живописи или уникальных созданий золотых и серебряных дел мастеров, оказывается можно проследить и в такой скромной области искусства, как мелкая пластика. Теперь можно со всей определенностью установить факт непосредственного знакомства новгородских мастеров с образцами византийской и западноевропейской резьбы. Вспомним фрагмент литика XII в. с великолепной головой Эммануила византийской работы, фрагмент светло-серой иконки с изображением Иоанна Златоуста (?) начала XIV в., также, по-видимому, столичного исполнения образок с изображением «Христа во гробе» балканской работы XIV

---

[23] Там же, стр. 203.

[24] А. В. Банк. Несколько византийских камей из собрания Гос. Эрмитажа, стр. 206.

[25] В. П. Даркевич. Ук. соч., табл. 1; 2; 3, *2*; 7, *4, 5*; 20; 23; 25, *4*; 26, *4, 5*; 27, *3*.

[26] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.— Л., 1947, стр. 25.

[27] В указанной выше работе В. П. Даркевича серебряная позолоченная ложка с изображением Троицы, Мадонны и св. Себастьяна первой половины XIII в., хранившаяся в прошлом веке в Антониевом монастыре, также связывается с итальянским искусством (т. 26, *4, 5*). Здесь мы видим аналогичный мотив игры с яблоком, однако по сравнению с резной иконкой, гравированное изображение на ложке имеет ярко выраженный готический характер, поэтому вероятнее всего можно настаивать на ее североитальянском происхождении. Неслучайным представляется и факт хранения ложки в Антониевом монастыре.

столетия и т. д.[28]. Новгородская камея дополняет список таких произведений образцом итальянского искусства XIII в.

Византийские камеи были широко известны новгородцам, новгородские ювелиры делали для них великолепные сканные обрамления, которые могут поспорить своей красотой с византийскими. Камея же итальянского происхождения — это несомненная редкость, пока аналогичных образцов не найдено, и мы по праву можем считать ее уникальной находкой.

На основании указанного круга произведений мелкой пластики мы с полным правом можем судить, с одной стороны, о широком художественном кругозоре новгородских художников, а с другой стороны, о том, что новгородское искусство, формируясь в среде обширных познаний об искусстве других стран, впитало в себя лишь те качества виденного, которые были близки демократическим вкусам новгородских мастеров. Ведь именно эти вкусы в конечном счете определили образ искусства древнего Новгорода.

---

[28] М. В. Седов. Каменные иконки древнего Новгорода. СА, 1965, 3, стр. 262—266.

Г. И. ВЗДОРНОВ

ФРЕСКА СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА В ПЕРЕЯСЛАВЛЕ ЗАЛЕССКОМ

В 1862 г. владимирский губернский архитектор Н. А. Артлебен обнаружил в Спасо-Преображенском соборе в Переяславле Залесском фрагменты древних фресок. Они скрывались под толстым слоем позднейших побелок. Лучшие по сохранности фрески находились на сводах в западной части собора под хорами, на западной стене и на прилегающих к ней арках. После удаления штукатурки Н. А. Артлебену удалось открыть следующие фрески: 1) на северном склоне свода среднего нефа — четыре фигуры сидящих апостолов и несколько фигур ангелов, стоявших позади апостолов, 2) на южном склоне свода того же нефа — часть фигуры апостола, 3) на западном склоне арки между средним и северным нефами — фигуру ангела, простирающего руку к двум другим фигурам, идущим впереди него, 4) на западном склоне арки между средним и южным нефами — остатки трех фигур в драпировках (в фелонях) [1].

Спустя семь лет, в 1869 г., Н. А. Артлебен продолжил поиски фресок в подхорной части собора, и при этом были найдены еще следующие фрагменты: 5) в шелыге свода среднего нефа — крест, поддерживаемый двумя ангелами, 6) на левой стороне средней арки, поддерживающей этот свод,— «фигура в пламени», 7) на правой стороне этой же арки — неясная фигура и ниже ее «как бы открытая гробница», 8) на своде в юго-западной угловой части собора — нижние части трех фигур и 9) местами, здесь же под хорами,— остатки орнаментальных обрамлений от утраченных композиций, цветные полосы обрамлений по краям пилястр и арок и по низу стен — остатки полотенец с узорами [2].

Фрагменты фресок, открытые Н. А. Артлебеном под хорами собора, были лучшими по сохранности, но их незначительные остатки имелись и в других местах здания. Это преимущественно орнаментальная роспись в виде полотенец с узорами в алтарной апсиде и в средней части храма [3]. Остатки фресок наблюдались и в куполе, но Н. А. Артлебен полагал, что они новые.

Н. А. Артлебен отчетливо осознавал научную и художественную ценность фресок, открытых им в соборе XII в., и своими статьями в местной печати [4] по мере сил старался обратить на них внимание ученых и широ-

---

[1] Н. А. Артлебен, архитектор. 1) Древние фрески, открытые в Спасо-Преображенском соборе в Переславле Залесском. Тр. Владимирского губернского статистического комитета. I. Владимир, 1863, стр. 77, 80—82; 2) Археологическое известие «Владимирские губернские ведомости», часть неофф., 28, 1864, стр. 162, 163.

[2] Письмо Н. А. Артлебена председателю Московского археологического общества А. С. Уварову от 4 ноября 1869 г. «Древности», III, 1, М., 1870, Протоколы, стр. 126.

[3] Там же.

[4] Кроме упомянутых специальных работ о фресках и письма к А. С. Уварову, он говорит о них в следующих статьях: Н. А. Артлебен. По вопросу об архитектуре XII века в Суздальском княжестве. Тр. I АС, I, М., 1871, стр. 297; его же. Памятники зодчества древней Суздальской области. «Ежегодник Владимирского губерн-

кой публики. Но дальнейшая судьба фресок сложилась так, что от них по существу ничего не осталось. В 1889 г. в Спасо-Преображенском соборе начались реставрационные работы, заключавшиеся, как и большинство подобных реставраций XIX в., в обновлении храма «в древнем стиле». Руководить работами был приглашен академик архитектуры В. В. Суслов. Он, как и Н. А. Артлебен, тоже заинтересовался фресками [5]. В. В. Суслов предполагал сначала «восстановить» уцелевшие фрагменты, т. е. заново переписать их по старым контурам. Но в дальнейшем, ссылаясь на плохую сохранность фресок, он решил снять их и заменить новой росписью. В связи с этим он в 1891 г. делал копии с открытых фрагментов. В 1892 г. В. В. Суслов «с чрезвычайной осторожностью» снял фрески, найденные под хорами. Снятые фрагменты укладывались им в специально для этой цели приготовленные ящики, которых таким образом оказалось около 50 [6]. Предполагая, что хранением фресок займется Исторический музей в Москве, он в 1892 г. обратился с письмом к И. Е. Забелину и для образца послал в музей «два ящика с изображениями двух апостолов» [7]. Исторический музей принял посланные В. В. Сусловым образцы, но от обязанности сохранить остальные фрески уклонился [8]. В течение последующих трех лет велась пустая межведомственная переписка, но ни у Археологической комиссии, ни у Академии Художеств, ни у Синода, ни у владимирского епархиального начальства не нашлось мизерной денежной суммы, которая требовалась для спасения фресок. Тем временем фрески, хранившиеся в пустом сарае при соборе, разрушались от сырости и плесени. В 1895 г. Археологическая комиссия признала их не заслуживающими дальнейшего сохранения, и они были вывезены на Плещеево озеро и утоплены [9].

Фрески, открытые Н. А. Артлебеном, являлись преимущественно фрагментами большой композиции «Страшный суд», который в русских и византийских памятниках изображался в западной части храма [10]. При этом в переяславском соборе Страшный суд был представлен не целиком на западной стене, как в соборе Торчелло, а размещался также на соседних арках и сводах. Подобное расположение сцен Страшного суда составляет особенность русских памятников. Оно характерно отчасти для росписей Георгиевской церкви в Старой Ладоге (около 1167 г.) и церкви Спаса на Нередице (1199 г.), где некоторые эпизоды Страшного суда написаны на боковых стенах, но главным образом для росписей Дмитриевского собора (около 1197 г.) и Успенского собора (1408 г.) во Владимире. В последних двух памятниках так же, как и в переяславском соборе, склоны центрального свода под хорами занимают изображения двенадцати апостолов, восседающих на престолах, и ангелов, которые стоят позади апостолов. Оче-

---

ского статистического комитета. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии», III. Владимир, 1880, стлб. 287.

[5] Дело о фресках Спасо-Преображенского собора, начатое Археологической комиссией 28 июня 1889 г., напечатано в ИАК, 26 (Вопросы реставрации, 1). СПб., 1908, стр. 62—74. Оригинал дела хранится в архиве Археологической комиссии в ЛОИА АН СССР (№ 68, 1889). Я излагаю историю фресок по печатному изданию, но так как несколько важных сведений не появлялось в печати, я ссылаюсь на них по архивному оригиналу.

[6] О способе снятия и укладки фресок см. в докладных записках В. В. Суслова Археологической комиссии от 11 ноября 1892 г. и 19 октября 1894 г. (ЛОИА, дело № 68, лл. 67, об., 97—98).

[7] Там же, л., 67, об.

[8] Там же, лл. 97, 101, 102 (письмо И. Е. Забелина на имя председателя Археологической комиссии А. А. Бобринского от 4 декабря 1894 г.).

[9] О судьбе фресок см.: М. И. Смирнов. Переславль Залесский. Его прошлое и настоящее. Сергиев Посад, 1913, стр. 30; Г. К. Лукомский. О памятниках архитектуры Переславля Залесского. СПб., 1914, стр. 13—19.

[10] Об иконографии Страшного суда см.: Н. В. Покровский. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства. Тр. VI АС, III. Одесса, 1887, стр. 285—381; B. Brenk. Die Anfänge der byzantinischen Weltgerichtsdarstellungen. «Byzantinische Zeitschrift», 57, 1, 1964, стр. 106—126, табл. 1—2.

Апостол Симон. Фреска из Спасо-Преображенского собора в Переяславле Залесском, около 1157 г.

видно, что фрески переяславского и владимирских соборов составляют единую группу памятников и что система росписи обоих владимирских соборов следовала системе росписи переяславского храма.

Из материалов по архитектурной реставрации Спасо-Преображенского собора известно, что перед снятием фресок В. В. Суслов делал с них фотоснимки и копии [11]. К великому сожалению, наши поиски этих материалов остались безрезультатными — их нет ни в архивах В. В. Суслова, которые хранятся в Академии Художеств и ленинградском отделении Института археологии АН СССР, ни в архивах императорской Археологической комиссии. Равным образом исчез и один из тех двух фрагментов, которые В. В. Суслов посылал в Московский Исторический музей [12]. Зато второй фрагмент сохранился (ГИМ, инв. № 1872) [13]. В настоящее время это единственный фрагмент, по которому мы можем судить о росписи Спасо-Преображенского собора (рисунок). Здесь уцелела полуфигура сидящего апостола, часть скамьи, справа позади скамьи — полуфигура ангела с мерилом и сферой (голова утрачена) и слева — незначительная часть фигуры и

[11] ЛОИА, дело № 68, л. 44 (из доклада В. В. Суслова в Археологической комиссии 6 марта 1892 г.), л. 97 (из его же докладной записки в Археологическую комиссию от 19 октября 1894 г.).

[12] В 1897 г. оба фрагмента еще хранились в музее, о чем свидетельствует А. В. Орешников. Заметка о потире Переяславль-Залесского собора. АИЗ, 11, 1897, стр. 345.

[13] Его размер: 56,6 × 71 *см*. В последнее время фрагмент был реставрирован, но его снимка после реставрации мне получить не удалось. Я пользуюсь фотоснимком из архива Н. П. Сычева, хранящимся в фототеке ЛОИА АН СССР. О реставрации см.: Б. С. Виноградов, Ф. И. Смирнова. Опыт реставрации фрагментов фресок на известковой штукатурке. Ежегодник Государственного Исторического музея. 1963—1964. М., 1966, стр. 113—116, рис. 21.

нимба еще одного ангела. Апостол держит в руках раскрытую книгу. По внешнему виду он слегка напоминает апостола Павла: у него прямая посадка, откинутая несколько назад голова, высокий лоб, твердый и ясный взгляд. Но это не Павел, борода которого имеет обычно темный цвет. Это апостол Симон (Кананиот, или Зилот), иконографический тип которого весьма похож на тип апостола Павла, но отличается от последнего светлым цветом волос, а также круглящейся бородой и неширокой полосой шевелюры, замыкающей верхний контур головы. Изображение апостола на переяславской фреске находит себе довольно точную иконографическую параллель в образе апостола Симона на аналогичной фреске Дмитриевского собора, и это совпадение подтверждает правильность нашего определения. По сообщению П. Ильинского, хорошей сохранностью отличались также фигуры апостолов Варфоломея и Филиппа [14], но они до нас не дошли.

Переяславская фреска сохранилась очень плохо. Верхний красочный слой утрачен, и повсюду стал виден предварительный рисунок. Он сделан черной краской, весьма подробно и точно. Им обозначены не только основные контуры фигуры и черты лица, но даже глаза. Этот рисунок обнаруживает руку первоклассного мастера. Он исполнен изящно, тонкой, свободно движущейся кистью. Художник ставил себе задачу и решал ее без усилий, ясно и просто. Хитоны апостола и ангела красновато-розовые, и там, где еще сохранились легкие следы высветлений, видно, что они были написаны в виде лучевидно расходящихся белых полос. Гиматий на апостоле был зеленовато-серый, а на ангеле белый. Нимбы еще сохраняют свой светло-коричневый цвет. Судя по этой фреске, роспись переяславского собора отличалась сравнительно неярким колоритом, где ведущая роль принадлежала красновато-коричневым и зеленовато-серым тонам. Степенная книга сообщает, что переяславский собор был украшен «дивно чюдною подписью» [15]. По уцелевшему фрагменту фрески трудно составить себе четкое представление о стиле росписи в целом. Ясно, однако, что она была высокого качества и имела сдержанный, благородный характер.

О времени исполнения переяславских фресок летописи ничего не сообщают. Спасо-Преображенский собор, где они были открыты, был заложен Юрием Долгоруким в 1152 г. Хотя летописи утверждают, что Юрий эту церковь «постави» и «доспе», т. е. построил [16], на деле при его жизни она, вероятнее всего, не была доведена до конца, так как под 1157 г. эти же и другие летописи приписывают завершение строительства сыну Юрия Андрею Боголюбскому [17]. А. Г. Чиняков, предполагая, что это второе сообщение относится не к переяславскому собору, а к церкви Спаса в Суздале, датировал переяславский собор 1152 г. [18] Но Н. Н. Воронин убедительно показал, что переяславский собор действительно был достроен Андреем [19].

---

[14] П. Ильинский. Преображенский собор в г. Переславле-Залесском (до реставрации 1891—1894 гг.). Владимир на Клязьме. 1894, стр. 8. прим. 3.

[15] ПСРЛ. XXI, первая половина. Книга степенная царского родословия. I, СПб., 1908, стр. 192.

[16] ПСРЛ, IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848, стр. 8; VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856, стр. 57; IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862, стр. 197; XXIV. Типографская летопись. Пгр., 1921, стр. 77.

[17] Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 гг.). Издал К. М. Оболенский. М., 1851, стр. 73; ПСРЛ, I. Лаврентиевская и Троицкая летописи. СПб., 1846, стр. 149; II, стр. 81; VII, стр. 66; IX, стр. 209; М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 241.

[18] А. Чиняков. Архитектурный памятник времени Юрия Долгорукого. «Архитектурное наследство», 2. М., 1962, стр. 43—66.

[19] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. I, М., 1961, стр. 87—90. Здесь же Н. Н. Ворониным опубликован небольшой фрагмент базы столпа

Следовательно, и фрески собора тоже были написаны при Андрее Боголюбском около 1157 г. [20]

Чтобы уточнить дату росписи переяславского собора и определить истоки ее стиля, надлежало бы сравнить ее с другими фресками Северо-Восточной Руси. К сожалению, такие фресковые циклы середины и второй половины XII в. либо совсем не сохранились, либо, как и переяславская роспись, тоже дошли до нас в крайне фрагментарном виде. Погибли фрески Георгиевской церкви во Владимире (около 1157 г.) [21], Успенского собора в Ростове (около 1162 г.) [22], собора Рождества Богородицы в Боголюбове (1159—1161 гг.) [23], церкви Покрова на Нерли (около 1165 г.) [24]. Жалкие остатки фресок уцелели в церкви Бориса и Глеба в Кидекше (после 1152 г.) [25], на северной наружной стене первого Успенского собора во Владимире (1161 г.) [26]. Сохранилось также несколько фигур святых, относящихся ко второй росписи Успенского собора, сделанной после его перестройки Всеволодом III (около 1189 г.) [27], и значительно больше — в Дмитриевском соборе (около 1197 г.) [28]. Если мы сопоставим переяславскую фреску с уцелевшими фрагментами кидекшанских и владимирских стенописей, то увидим, что кое-что общее она обнаруживает лишь с фресками Успенского собора во Владимире, причем по стилю она оказывается ближе к фрескам 1161 г., нежели к фрагментам росписи времени Всеволода III. От росписи 1161 г. сохранились две фигуры пророков со свитками в руках, изображения двух павлинов и несколько орнаментальных композиций. Состояние сохранности этих фрагментов, так же как и переяславской фрески, оставляет желать лучшего. Но видно, что и эти фрески тоже исполнены рукою опытного мастера. Они обращают на себя внимание неярким колоритом, построенным на сочетании желтовато-зеленых, синих и красных тонов. В обоих памятниках слабо выражен контурный рисунок, и красочный слой не пастозен, а жидок. Особенная черта этих фресок — их плоскостность, так как светло-теневая моделировка почти отсутствует. В аналогичном стиле написана и единственная более или менее достоверная владимирская книжная миниатюра, в Троицком кондакаре, вероятно 70-х годов XII в., изображающая явление Богоматери спящему Роману Сладкопевцу (ГБЛ, ф. 304, № 23).

Памятники живописи Владимиро-Суздальской Руси XII в., несмотря на их кажущееся стилистическое единство, образуют очень сложную кар-

---

собора с остатком фрески, имитирующей полилитию (рис. 20), он хранится в Переяславском музее.

[20] Этим же временем принято датировать серебряный потир, хранившийся в соборе, см.: А. В. Орешников. Заметка о потире Переяславль-Залесского собора. АИЗ, 11, 1897, стр. 337—345. И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. VI, СПб., 1899, стр. 83—86, рис. 109.

[21] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, I, стр. 98.

[22] Там же, стр. 190, 191, 193.

[23] Там же, стр. 228.

[24] Там же, стр. 264, 271—273.

[25] Церковь Бориса и Глеба была расписана, вероятно, сразу после завершения строительства. Фреска в аркосолии северной стены под хорами над гробницей княгини Марии исполнена позже, по мнению Н. П. Сычева,— между 1177 и 1202 гг. (Н. Сычев. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого. «Сообщения Института истории искусств [Академии наук СССР]», I. М., 1951, стр. 51—62).

[26] В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси. История русского искусства. I. М., 1953, стр. 446—448, рис. на стр. 449—451; Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, I, стр. 170, 171, рис. 61.

[27] В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси, стр. 456, 457, рис. на стр. 467 и 468; Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. I. стр. 372, 373 (фотоснимок с росписи аркатурно-колончатого пояса, обнаруженной после сломки контрфорсов XVIII века), стр. 374, 375.

[28] И. Грабарь. Фрески Дмитриевского собора во Владимире. «Русское искусство», 1923, 2—3, стр. 41—47; I. Grabar. Die Freskomalerei der Dimitrij-Kathedrale in Wladimir. Berlin, O. J.; L. Réau. Les fresques de la cathèdrale Saint Dmitrij à Vladimir. «L'art byzantin chez les slaves». II. Paris, 1932, стр. 68—76; В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси, стр. 450, 452—456 и др.

тину. Фрески церкви Бориса и Глеба в Кидекше, сделанные, вероятно, еще при жизни Юрия Долгорукого, не похожи на фрески переяславского собора Спаса Преображения, хотя их разделяет промежуток всего в несколько лет, фрески Дмитриевского собора во Владимире мало напоминают памятники 60—80-х годов того же века, хотя к моменту их исполнения фрескам Всеволода III в Успенском соборе тоже не исполнилось и десяти лет. Это стилистическое разнообразие стенных росписей, хронологические интервалы между которыми очень невелики, объясняется отчасти условиями политической жизни Владимиро-Суздальского княжества. В середине XII в. владимирские князья чаще всего прибегали к услугам художников, которых они выписывали из Южной Руси. Киев и некоторые другие южнорусские города в это время еще полностью сохраняли свое значение ведущих художественных центров. Но при Юрии Долгоруком, находившемся во враждебных отношениях с киевлянами, трудно было выписать необходимых мастеров из Киева, и художники, с помощью которых он украсил церковь в Кидекше, по мнению Н. П. Сычева, были доставлены им из Чернигова или Переяславля Южного [29].

Выписывать мастеров из Южной Руси вынужден был на первых порах и сын Юрия Андрей. По словам игумена Аристарха, автора позднейшей летописи Боголюбова монастыря, относящейся к XVIII в., церковь Рождества Богородицы в Боголюбове расписывали иконописцы, пришедшие «из других земель» [30]. Сам Аристарх считал, что это были греки [31]. Поскольку росписи церкви Рождества погибли, мы о них ничего конкретного сказать не можем, но утверждение Аристарха, что их авторами были греческие художники, сомнительно. Фрагменты фресок 1161 г. в Успенском соборе во Владимире обнаруживают чисто русское понимание формы. Русскими мастерами были исполнены и фрески переяславского собора Спаса, так как известно, что имена апостолов на этих фресках были начертаны по-русски, квадратными уставными буквами [32]. Остается принять, что мастера «из других земель» пришли в Переяславль Залесский и во Владимир не из Западной Европы, а из Южной Руси, с которой династию владимирских князей связывали тесные политические и родственные узы.

К сожалению, сказать уверенно, к какой южнорусской художественной школе принадлежали эти мастера, очень трудно. Вероятнее всего, переяславская фреска написана киевским художником или местным мастером, но опиравшимся на киевскую традицию. Правда, сохранившиеся памятники монументальной живописи XII в. в Киеве немногочисленны, и сравнительно с переяславской фреской все они имеют иной характер. Фрески Михайловского Златоверхого монастыря (около 1108 г.) [33], судя по их остаткам, были написаны очень плотно и отличались весьма архаическим стилем; фрески апсиды крещальни Софийского собора (второй половины XII в.) [34], близкие по стилю к фрескам Нередицы, вообще не имеют ничего общего с переяславль-залесским фрагментом; фрески собора Кирилловского монастыря [35], возникшие в последней трети XII в., написаны в такой

---

[29] Н. Сычев. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого, стр. 51, 52.

[30] Летопись Боголюбова монастыря с 1158 по 1770 год, составленная по монастырским актам и записям настоятелем оной обители игуменом Аристархом в 1767—1769 годах. ЧОИДР, I, 1878, стр. 3, 4.

[31] Там же, стр. 15.

[32] Н. А. Артлебен, архитектор. Археологическое известие, стр. 162.

[33] К. В. Шероцкий. Киев. Киев, 1917, стр. 114; В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Киевской Руси. История русского искусства, I. М., 1953, стр. 211, 212, рис. на стр. 213—215; Древнерусская монументальная живопись XI—XIV вв. Альбом. Сост. М. К. Каргер. М.— Л., 1964, табл. 31.

[34] Н. Окунев. Крещальня Софийского собора в Киеве. ЗОРСА, X, Пгр., 1915, стр. 113—137, табл. XXV—XXIX.

[35] А. В. Прахов. Открытие фресок Кирилловского монастыря под Киевом. ЖМНП, 1883, март, стр. 22—24; его же. Фрески Киево-Кирилловской церкви XII в. «Киевская старина», 1883, май, стр. 97—110; Киевские памятники византийско-рус-

графической, несколько скованной и жестковатой манере, следы которой в росписи собора в Переяславле Залесском, видимо, полностью отсутствовали. Но так как среди уцелевших памятников киевской живописи нет ни одного, который был бы современен переяславской фреске, то мы не можем утверждать, что она написана в стиле, не имеющем никакого отношения к Киеву. Н. П. Сычев полагает, что в Переяславле Залесском, как и Кидекше, работали мастера из Чернигова или Переяславля Южного [36]. Но факт существования особой черниговской и переяславской школ живописи хотя и вероятен, но бесспорно не установлен. Фрески «божницы» в Остёрском Городке, исполненные либо около 1098 г., либо между 1120 и 1152 гг., на которые Н. П. Сычев ссылается как на памятник местного искусства, по мнению их первого исследователя Н. Макаренко [37], а также М. К. Каргера [38], написаны киевскими художниками. Остёрский Городок расположен на расстоянии всего 45 верст от Киева, и это обстоятельство дает некоторые основания думать, что Н. Макаренко и М. К. Каргер, возможно, и правы. В. Н. Лазарев склонен видеть в переяславль-залесской фреске черты киевского искусства [39], и хотя это предположение тоже не основано на фактах, оно кажется нам весьма вероятным.

ского искусства. «Древности», 3, М., 1887, стр. 5, 9—25, табл. IV, V; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. 4, СПб., 1891, стр 163—166; К. В. Шероцкий. Киев, стр. 208—213; Ф. И. Шмит. Искусство древней Руси — Украины. Харьков, 1919, стр. 86—93; Н. П. Сычев. Искусство средневековой Руси. В кн. «История искусств всех времен и народов», 4, Л., 1929, стр. 207—209, В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Киевской Руси, стр. 214—220; Г. Логвин. Украинское искусство X—XVIII вв. М., 1963, стр. 54—56, рис. 27, 28.

[36] Н. Сычев. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого, стр. 62.

[37] Н. Макаренко. Развалины в Старогородке. «Старые годы», 1907, февраль, стр. 58—60; его же. Древнейший памятник искусства Переяславского княжества. «Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой». М., 1916, стр. 403; его же. Старогородська «божниця» та її малювання. Сб.: «Чернигів и північне лівобережжя», Київ, 1928, стр. 205—223.

[38] М. К. Каргер. Древний Киев. II, «Памятники киевского зодчества X—XIII вв.» М.— Л., 1961, стр. 420, 421.

[39] В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси, стр. 442.

В. А. МАЛЕВАННЫЙ

ХИМИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПИГМЕНТОВ

При раскопках стоянок и погребений, относящихся к каменной и бронзовой эпохам, археологи часто встречают окрашенные черепа и даже куски чистых красок. Такие находки, в частности, зарегистрированы на Кубани [1], Нижней Волге [2], Кольском полуострове [3], Сибири [4] и в других местах. Однако в соответствующих публикациях авторы редко приводят названия найденных пигментов и никогда не подтверждают эти названия результатами химических анализов описываемых образцов. В практику археологов вошел даже совершенно неверный термин «красная охра», который не позволяет делать выводы о природе описанных образцов.

Изучение пигментов, происходящих из раскопок археологических памятников, представляет большой интерес, так как производство красок, наряду с металлургией, является древнейшей областью химической технологии. Истоки химии находятся именно в области производства и применения красок и металлов. В литературе [5] приводятся результаты изучения пигментов, применявшихся в античную эпоху в государствах Малой Азии, Греции и Римской империи. Пигменты, применявшиеся в нашей стране в глубокой древности, специальному изучению не подвергались.

Ввиду большого интереса, который представляет этот вопрос для истории материальной культуры, мы провели изучение 41 образца пигментов из коллекций ЛОИА АН СССР, Эрмитажа, Гос. Исторического музея (Москва) и Областного краеведческого музея Саратова. Некоторое количество образцов было дано для изучения краеведческими музеями других городов. Полный список этих образцов приведен в табл. 2. Образец № 11 относится к верхнему палеолиту, образцы № 9 и 14 — к неолиту. Образцы № 23—28, 30, 31, 36 и 38 относятся к ямной культуре, № 1—8, 16—18, 37 и 39 принадлежат племенам катакомбной культуры. Образец № 21 принадлежит племенам майкопской культуры, № 12, 13 — к окуневской культуре. Образцы № 19, 20 найдены в скифских погребениях, № 32 — в савроматском погребении и № 33—35 в сарматских погребениях. Образец № 22 найден в погребении тюрка-гуза. Принадлежность остальных образцов неизвестна.

Исследование образцов производилось спектрофотометрическим и химическими методами. Содержание железа и алюминия определяли при помощи специально разработанных методов [6]. Содержание кальция и маг-

---

[1] Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. «Памятники культуры». Тр. ГИМ, XXXIV, 8, М., 1963.

[2] И. В. Синицын. Уч. зап. СГУ, XVII, Саратов, 1947.

[3] Н. Н. Гурина. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. МИА, 39 (1953).

[4] А. П. Окладников.. Следы палеолита в долине р. Лены. Там же, стр. 250.

[5] Г. Фестер. История химической техники. Харьков, 1937, стр. 69—83; Seeman. Über die Farbstoffe der Malerei in den verschiedenen Kunstperioden. Leipzig, 1914.

[6] В. А. Малеванный. Лакокрасочные материалы и их применение. Москва, 1963, 5.

ния определяли при помощи несколько измененной методики [7]. Кремнекислота и потеря при прокаливании (п.п.п.) определялись методами, описанными в руководстве А. И. Пономарева [8]. Ртуть и мышьяк определяли методами, изложенными в монографии В. Ф. Гиллебранда, Г. Э. Ленделя... [9] Остальные элементы определялись полуколичественным спектральным методом на спектрографе ИСП-28. Групповой анализ производился при помощи спектрофотометра СФ-10. Ввиду того, что последний метод может представить интерес для археологов, он будет описан несколько подробнее. Как известно, цвет красок и пигментов зависит от явления избирательного поглощения света [10]. Характер этого поглощения определяется наличием в данном веществе окрашивающих соединений — хромофоров. Желтый цвет охры, например, зависит от наличий в этом пигменте хромофора $Fe(OH)_3$. Все образцы охр, содержащие этот хромофор, всегда будут обладать избирательным поглощением цвета, характерным только для данного хромофора. Характер этого поглощения представ-

Таблица 1

Типовой химический состав минеральных пигментов

№ п/п	Название пигмента	Формула	Усредненный химический состав, %								№ спектрофотометрической кривой
			Fe_2O_3	Al_2O_3	CaO	MgO	SiO_2	HgO	As_2O_3	п.п.п.	
1	Киноварь	HgS	0,01	0,01	0,01	0,01	10,0	86,0	0,001	14,0	№ 1
2	Реальгар	AsS	0,01	0,01	0,01	0,01	10,0	0,001	70,0	30,0	№ 2
3	Мел	$CaCO_3$	1—2	0,01	53,0	1—2	8—10	Отсутствие	Отсутствие	35,0	№ 3
4	Охра карбонатная	—	30—60	2,0	5—10	5,0	5—10	То же	То же	30,0	№ 8
5	Охра железоокисная	—	50—85	3,0	0,01	0,01	8—0	»	»	10,0	№ 9
6	Красная глинистая	—	7—13	17—22	2,0	3,0	54—0	»	»	3—7	№ 4
7	Мумия глинистая	—	20—26	18—25	2,0	1,0	42—46	»	»	6—10	№ 6
8	Мумия железоокисная	—	40—70	5—20	3—5	0,01	8—30	»	»	3—6	№ 5
9	Мумия бокситная	—	20—30	30—50	0,01	0,01	20—25	»	»	10—15	—
10	Сурик железный	Fe_2O_3	70—90	1—10	2,0	2,0	1—10	»	»	4—9	№ 7

лен на рис. 8. Красный реальгар и красная же мумия имеют различный характер спектрофотометрических кривых, что легко объясняется различием хромофоров, присутствующих в этих пигментах. В реальгаре в качестве хромофора выступает соединение AsS, в то время как в мумии хромофором является Fe_2O_3, гидратированный адсорбционносвязанной водой. Это различие в природе хромофоров и обусловливает различный ход спектрофотометрических кривых. Эти факты позволяют производить групповой анализ минеральных пигментов в очень короткий промежуток времени без проведения длительного и дорогостоящего химического анализа. При спектрофотометрическом анализе необходимо иметь в виду то обстоятельство, что некоторые примеси способны снижать или повышать кривую относительно оси X (ось длин волн). Поэтому для анализа необходимо брать образцы пигмента, найденные в виде монолита. Порошкообразные пигменты и накраски анализировать на спектрофотометре не рекомендуется, так как значительно более точные результаты могут быть получены при помощи химического анализа.

[7] В. А. Малеванный. Химические волокна. Москва, 1964, 2, стр. 70—72.

[8] А. И. Пономарев. Методы химического анализа силикатных и карбонатных горных пород. М., 1961.

[9] В. Ф. Гиллебранд, Г. Э. Лендель, Г. А. Брайт, А. И. Гофман. Практическое руководство по неорганическому анализу. М., 1960.

[10] Н. Т. Федоров. Курс общего цветоведения. М., 1935.

Групповой анализ на спектрофотометре СФ-10 выполняется следующим образом: монолитный образец пигмента тщательно зачищается по всей поверхности при помощи скальпеля. Толщина зачищенного слоя должна быть не менее 2—3 *мм*. От зачищенного образца отбирается проба пигмента весом 3—4 *г*. Проба тщательно растирается в агатовой ступке до состояния пудры и насыпается в кювету для порошков, приложенную к спектрофотометру. Снятие спектрофотометрической кривой производится в соответствии с инструкцией, приложенной к прибору при следующих условиях: нижняя шторка прибора включена; в верхние окна интегрирующего шара вставлены черные карманы. Запись спектрофотометрической кривой производится при скорости развертки спектра № 4. Полученные записи сличаются с типовыми спектрофотометрическими кривыми, приведенными на рис. 1—9, что позволяет идентифицировать природу образца. При идентификации необходимо учитывать, что типовые кривые уменьшены по сравнению с первоначальными в 10 раз. Для идентификации пигмента по данным химического анализа полезно применять типовой химический состав пигментов, приведенный в табл. 1. Результаты групповой идентификации пигментов, полученные спектрофотометрическим методом, хорошо совпадают с результатами, полученными путем химического анализа.

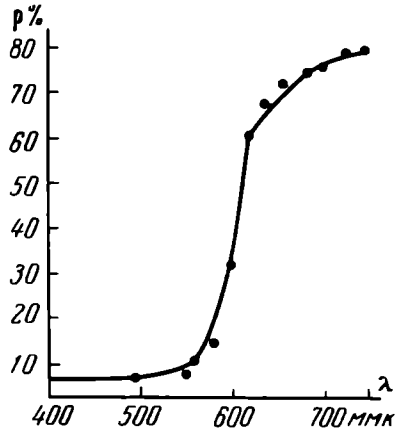


Рис. 1. Спектрофотометрическая кривая киновари (обр. № 21)

Согласно классификации пигментов Б. В. Залесского и Ю. А. Розанова [11], все пигменты делятся на следующие группы: железоокисные, глинистые, карбонатные, углистые, кремнеземистые, сульфатные и фосфат-

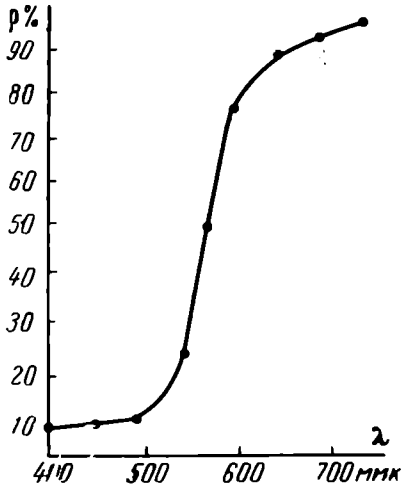


Рис. 2. Спектрофотометрическая кривая изоморфной смеси реальгара и аурипигмента (обр. № 34)

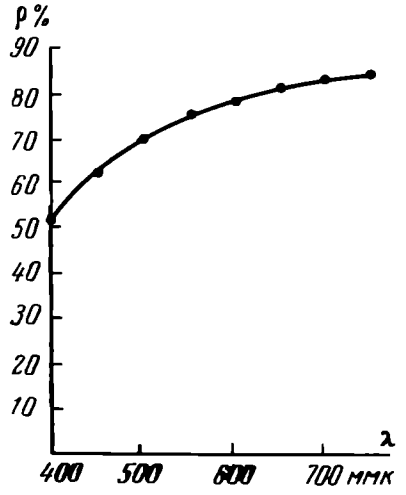


Рис. 3. Спектрофотометрическая кривая белых пигментов (обр. № 22 — магнезит)

ные. К группе сульфатных пигментов относятся редко встречающиеся на территории нашей страны разновидности желтого минерала ярозита, а к группе фосфатных пигментов — крайне нестойкий синий вивианит. Ввиду того, что пигменты этих групп, так же как углистые и кремнезе-

[11] В. В. Залесский, Ю. А. Розанов. Вопросы минералогии и петрографии. М., 1946.

мистые пигменты, не встречаются в археологической практике, в дальнейшем они рассматриваться не будут. Классификация Залесского и Розанова не предусматривает группу сульфидных пигментов, имевших большое распространение в древности, так как эта группа в настоящее время не имеет никакого практического применения.

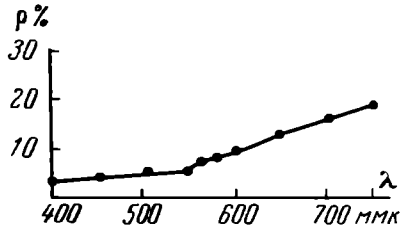


Рис. 4. Спектрофотометрическая кривая глинистой красной (обр. № 17)

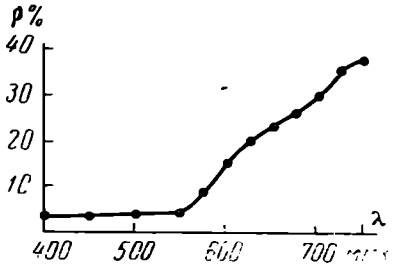


Рис. 5. Спектрофотометрическая кривая железоокисной мумии (обр. № 18)

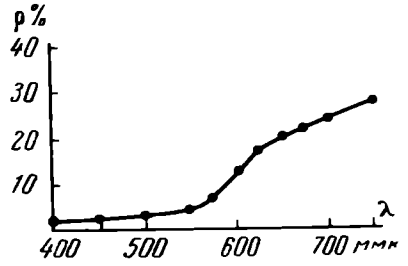


Рис. 6. Спектрофотометрическая кривая глинистой мумии (обр. № 1)

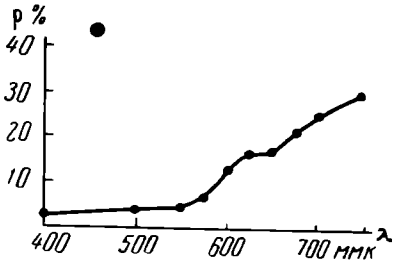


Рис. 7. Спектрофотометрическая кривая железного сурика (обр. № 12)

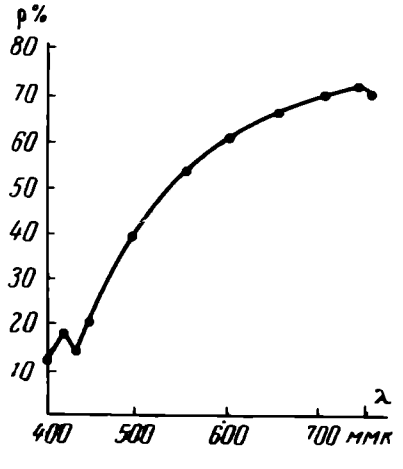


Рис. 8. Спектрофотометрическая кривая карбонатной охры (обр. № 20)

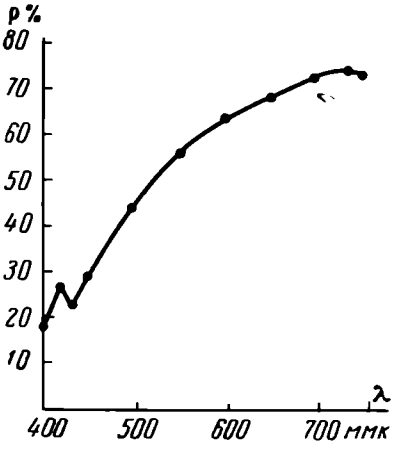


Рис. 9. Спектрофотометрическая кривая железоокисной охры (обр. № 23)

Среди изученных нами пигментов к группе сульфидных пигментов относятся киноварь и реальгар.

Киноварь представляет собою тяжелый пигмент ярко-красного цвета. Она широко применялась в античную эпоху в Римской империи, Ассирии, Египте и Китае [12]. Среди изученных образцов киноварь отмечена только один раз (обр. № 21, табл. 2). В СССР киноварь встречается на Кавказе,

[12] Г. Вагнер. Красочные пигменты. Л., 1935, 133.

Таблица 2

Химический состав изученных образцов

№ п/п	Место находки образца	Содержание компонентов, %													
		Fe_2O_3	Al_2O_3	SiO_2	CaO	MgO	PbO	CuO	ZnO	Cr_2O_3	As_2O_3	HgO	Sb_2O_3	NiO	п.п.п.
1	Хутор Кудинов Богаевского района Ростовской области. Кург. 2, погр. 6	28,75	3,95	55,62	2,49	0,88	Отсутствие	0,01	0,01	Отсутствие	0,001	Отсутствие	Отсутствие	0,01	7,62
2	Там же, кург. 1, погр. 8	70,90	5,80	18,93	1,44	Отсутствие	0,1	0,1	0,01	0,001	0,05	»	»	0,001	3,68
3	Новочеркасская ГРЭС. Ростовская обл. Кург. 7, погр. 8	15,52	9,75	66,59	4,02	0,20	0,001	0,1	0,01	0,001	Отсутствие	»	»	Отсутствие	8,58
4	Там же, кург. 7, погр. 12а	71,86	5,31	19,18	0,62	0,16	0,01	0,01	0,01	Отсутствие	0,01	»	»	»	3,63
5	Там же, кург. 7, погр. 13	53,69	3,00	35,13	1,12	Отсутствие	0,01	0,01	0,01	»	0,01	»	»	0,001	5,53
6	Там же, кург. 5, погр. 21, костяк А	25,50	4,80	64,70	1,50	0,10	Отсутствие	1,0	Отсутствие	0,001	Отсутствие	»	»	Отсутствие	5,00
7	Там же, костяк Б	25,50	4,80	64,60	1,60	0,08	0,01	0,01	»	0,001	0,001	0,001	»	»	5,10
8	Там же, кург. 7, погр. 12	78,62	0,71	9,66	0,97	Отсутствие	0,01	1,0	»	0,001	0,001	Отсутствие	»	0,001	8,56
9	Бурановская пещера. Усть-Катавский район Челябинской области	36,62	12,70	20,40	14,31	1,40	0,01	0,001	»	0,01	0,001	»	»	0,005	14,31
10	Стоянка у хутора Недвисовка Неклиновского района Ростовской области	34,91	2,90	57,13	1,25	0,08	Отсутствие	0,05	0,01	Отсутствие	Отсутствие	»	»	0,001	5,61
11	Стоянка у с. Авдеево Леменского района Курской области	10,53	2,05	85,60	0,44	0,08	»	0,01	0,01	»	»	»	»	0,001	2,20
12	Стоянка Черновая 8. Речка Черновая Ширинского района. Хакассия. Кург. 8 мог. 21, погр. шамана. Обр. № 1	82,35	1,00	14,16	0,68	0,16	0,10	0,10	Отсутствие	0,001	0,01	»	»	Сл.	4,10

Таблица 2 (продолжение)

№ п/п	Место находки образца	Содержание компонентов, %													
		$*Fe_2O_3$	Al_2O_3	SiO_2	CaO	MgO	PbO	CuO	ZnO	Cr_2O_3	As_2O_3	HgO	Sb_2O_3	NiO	п.п.п.
13	Там же, образец № 2	83,48	0,92	5,60	0,46	Отсутствие	Отсутствие	0,01	Отсутствие	Отсутствие	0,01	Отсутствие	0,01	Отсутствие	3,63
14	Карасук II. Карасук Богдановского района Красноярского края. Погребение	26,24	1,15	12,56	5,65	19,32	0,01	0,1	»	»	0,001	»	0,01	0,001	25,29
15	Куюм Эликлюнарского района Горно-Алтайской области, Мог. 14, погр. 1	15,73	3,20	—	—	0,10	Отсутствие	1,1	»	0,001	Отсутствие	»	Сл.	Сл.	5,21
16	Капитанский хутор Астраханской области. Кург. 11, погр. 3	42,45	3,50	45,89	1,72	0,18	»	1,0	0,01	0,001	»	»	Отсутствие	0,001	6,28
17	Село Жутово Астраханской обл. Кург. 21, погр. 3	14,20	3,10	68,58	1,25	1,52	0,001	0,01	Отсутствие	0,001	»	»	»	0,001	9,83
18	Там же, кург. 30, погр. 1	33,03	3,22	51,56	1,53	0,29	Отсутствие	0,1	»	0,01	»	»	»	0,001	5,83
19	Харьковка Волгоградской обл. Группа 2, кург. 4, обр. № 1	24,27	3,07	41,84	3,37	Отсутствие	0,1	Сл.	0,001	Отсутствие	0,005	»	»	Отсутствие	24,00
20	Там же, обр. № 2	33,98	0,80	6,85	11,21		0,01	0,001	0,001	0,001	0,10	»	»	»	33,50
21	Дольмен. Станица Новосвободная Майкопского района Краснодарского края	0,01	0,01	Отсутствие	—	0,05	0,01	1,2	Отсутствие	Отсутствие	Отсутствие	80,0	0,01	»	27,0
22	Алебастрова гора. Пос. Нежинский Оренбургской области. Кург. 5	1,18	Отсутствие	2,12	5,77	33,50	0,01	0,1	0,001		0,001	Отсутствие	Отсутствие	Сл.	57,0
23	Уван-Увак Илецкого района Оренбургской области. Кург. 4, погр. 2	46,66	2,80	1,65	0,25	0,06	0,001	0,1	0,001	0,12	0,001	»	»	0,001	36,92
24	Там же, кург. 13, погр. 1	13,67	5,90	74,15	2,18	0,36	0,01	0,1	0,001	0,10	0,001	»	Сл.	0,10	4,12
25	Там же, кург. 6, погр. 4	22,67	7,65	55,38	3,43	Отсутствие	0,01	0,01	0,001	0,10	0,005	»	Отсутствие	Отсутствие	11,13
26	Там же, кург. 12, погр. 4	21,59	3,48	59,24	2,18	0,20	0,001	0,10	0,001	0,10	0,001	»	»	0,10	8,06
27	Там же, погр. 6	36,04	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»	»	—	7,26

Таблица 2 (продолжение)

№ п/п	Место находки образца	Содержание компонентов, %													
		Fe_2O_3	Al_2O_3	SiO_2	CaO	MgO	PbO	CuO	ZnO	Cr_2O_3	As_2O_3	HgO	Sb_2O_3	NiO	п.п.п.
28	Новая Белогорка Сорочинского района Оренбургской области. Кург. 4, грабительская яма	45,84	17,40	3,76	0,31	0,06	0,01	0,10	0,001	0,10	0,001	Отсутствие	Отсутствие	0,01	9,36
29	Верхний Алташ Кабардино-Балкарской АССР. Мог. 7	21,56	6,80	58,62	1,40	Отсутствие	0,01	0,001	0,001	0,10	Отсутствие	»	»	0,01	8.17
30	С. Саргази Днепропетровской области. Кург.	32,52	3,06	59,36	2,13		0,01	0,10	0,001	0,50	Сл.	»	»	Отсутствие	3,60
31	Большая Белозерская Днепропетровской области. Кург. 5, погр. 6	46,40	1,80	51,48	0,28		0,01	0,10	0,001	Сл.	0,01	»	»	0.001	—
32	Горбатый Мост Оренбургской области. Кург. 5	0,01	0,05	10,0	—	0,01	0,05	0,01	0,01	0,1	60,0	»	0,001	Сл.	30,0
33	Цветочное Волгоградской области. Кург. 12, погр. 1	0,01	0,01	7,5	—	0,01	0,01	0,05	0,01	0,1	62,5	»	0,1		29,0
34	Бережновка Николаевского района Волгоградской области. 2-й Бережновский могильник. Кург. 65, погр. 6	0,01	0,01	5,7	—	0,01	0,01	0,01	0,01	0,1	61,2	»	0,1	Отсутствие	33,1
35	Там же, погр. 2	0,01	0,01	6,3	—	0,01	0,005	0,01	0,01	0,1	60,5	»	0,5		33,2
36	Там же, кург. 9, погр. 9	12,1	3,25	72,92	2,68	0,80	0,01	0,001	0,001	Сл.	Сл.	»	Отсутствие		5,62
37	Там же, кург. 80, погр. 16	61,09	9,80	27,00	1,72	Отсутствие	0,01	0,001	0,001	0,10	0,05	»	»	Сл.	3,73
38	Там же, Кирпичный бугор. Кург. 5, погр. 10	14,35	7,62	35,95	15,16		0,01	0,001	0,001	0,01	0,005	»	»	0,001	11,14
39	Там же, Лесной кордон. Кург. 1, погр. 13	52,29	4,95	29,11	0,50	0,80	0,01	0,10	0,001	0,05	Отсутствие	»	0,001	0,001	7,06
40	Бхчин-Булук Калмыцкой АССР. Кург. 6	13,72	5,55	66,64	3,28	Отсутствие	0,01	0,10	0,001	0,01	0,001	»	Сл.	0,01	7,03
41	Элиста Калмыцкой АССР. Кург. «Три брата»	59,05	3,36	21,48	5,46	0,38	0,01	0,10	0,001	0,001	0,001	»	Отсутствие	0,01	4,62

Украине и в Средней Азии. Киноварь среднеазиатских месторождений характеризуется наличием значительных количеств примеси антимонита, в то время как украинское месторождение характеризуется наличием сравнительно больших количеств железа. Состав изученного образца характеризуется высокой степенью чистоты, что характерно для киновари Хидешлепского месторождения (Грузия). Это позволяет считать, что племена майкопской культуры получали пигмент из местных месторождений.

Реальгар представляет собою оранжево-красный пигмент, превращающийся под действием света в лимонно-желтый аурипигмент. По данным Плиния [13], реальгар широко применялся в качестве пигмента под названием «сандарак». Аурипигмент также применялся в качестве пигмента под названием «арсеникон». Рельман [14] обнаружил в настенной живописи Помпеи как реальгар, так и аурипигмент. Среди изученных пигментов реальгар в смеси с аурипигментом представлен образцами № 32—35. Самые ранние находки реальгара сделаны в погребениях срубной культуры К. Ф. Смирновым [15], однако максимальное применение этого пигмента отмечается у скифских, сарматских и савроматских племен. Находки реальгара отмечены как в мужских, так и женских захоронениях, что свидетельствует о применении реальгара при погребальном обряде. Однако в литературе имеются указания [16], что аурипигмент в смеси с известью применялся в греко-римскую эпоху для своеобразного химического бритья. Как известно, такая смесь обладает способностью удалять с кожи волосяной покров. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют однозначно решить вопрос о применении реальгара скифо-сарматскими племенами. Для этого необходимо, чтобы археологи при раскопках собирали данные о том, встречается реальгар вместе с кусками извести (мела) или нет. В случае, если реальгар всегда встречается совместно с мелом, можно считать, что он использовался для уничтожения волосяного покрова. Если никакой закономерности обнаружить не удается, тогда вопрос решается в пользу применения реальгара в качестве пигмента.

Небольшие месторождения реальгара, не имеющие практического значения, известны на Кавказе, в Иране и Афганистане. Среднеазиатские месторождения реальгара содержат значительные примеси железа, сурьмы и ртути. Изученные образцы практически не содержат этих примесей. Это позволяет считать, что они связаны с Лухумским месторождением (Грузия).

Из группы карбонатных пигментов наибольшее применение в древности получил мел. Это вещество в зависимости от месторождения обладает различными цветовыми оттенками и химическим составом. Известно, что он использовался различными племенами в погребальном обряде для очищения покойников [17]. У кочевого тюркского населения Нижнего Поволжья этот обряд сохранился вплоть до XIV в. Изученный нами образец № 22 оказался не мелом, а сильно выветрившимся магнезитом.

Синий основной карбонат меди — азурит и зеленый малахит широко применялись в древности на Востоке в качестве природных пигментов. В музейных коллекциях нам не удалось обнаружить таких образцов, хотя имеются данные о нахождении в катакомбном захоронении кусочков мела, желтой охры, реальгара и зеленой и синей краски [18]. К сожалению, из описания остается неясным, специально ли положены в могилу эти краски, или они образовались в захоронении при коррозии медных или бронзовых изделий.

---

[13] Plinius, Cajus P. Secunds. Naturalis historia, XXXIII, Leipzig, 1906.
[14] Seeman. Ук. соч., стр. 15.
[15] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, 78, 1960, стр. 235.
[16] Г. Фестер. Ук. соч., стр. 82.
[17] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 263.
[18] И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.), МИА, 78, 1960, стр. 103—106.

Последним видом пигментов этой группы, применявшимся в древности, является карбонатная охра. Она представляет собою мергель, окрашенный в желтый цвет гидратированными окислами железа. Этому виду пигмента соответствует образец № 20.

Из группы глинистых пигментов в природе встречаются глинистая охра, глинистая желтая, глинистая красная и глинистая мумия. Эти пигменты представляют собой глину, окрашенную в желтый цвет гидратированными окислами железа или в красный цвет безводными окислами железа. Среди изученых образцов можно отметить глинистую красную (обр. № 3, 17 и 24) и глинистую мумию (обр. № 1, 6, 7, 14, 15, 25, 26, 29, 38 и 40).

Наиболее широко распространенными пигментами являются пигменты, относящиеся к группе железоокисных пигментов. Как и в предыдущей группе, железоокисные пигменты окрашены в желтые и красные цвета. Эти пигменты чаще всего встречаются при раскопках.

Железоокисная охра представляет собою каолин, окрашенный в желтый цвет гидратированными окислами железа. Оттенок пигмента колеблется от золотисто-желтого до темно-желтого. К этому виду пигментов относятся образцы № 19 и 23.

Наиболее распространенным пигментом этой группы является железоокисная мумия, представляющая собою каолин, окрашенный в красный цвет безводными окислами железа.

Среди изученных пигментов к этому виду принадлежат образцы № 5, 9, 10, 16, 18, 27, 28, 30, 31, 37, 39, 41 и сильно загрязненный посторонними примесями образец № 36.

Значительно реже встречается бокситная мумия, представляющая собою боксит, окрашенный в красный цвет безводными окислами железа. Из изученных образцов к этому виду относится образец № 9.

Наибольший интерес представляют образцы № 2, 8 и 12. Как показывают результаты спектрофотометрического и химического изучения этих образцов, они представляют собой железный сурик. Этот вид пигмента в природе не встречается и может быть получен путем прокалки гидрогематитовых железных руд при температуре 600—700° С. Прокаленный продукт, обладающий большой абразивностью, тщательно размельчается и растирается на простейших краскотерках. В этой связи большой интерес представляет образец № 11, состоящий из мелких кусочков гидрогематита, кусочков угля и неразмолотого железного сурика. Эта находка подтверждает факт, что уже во времена верхнего палеолита население ряда районов нашей страны знало простейшие химико-технологические приемы переработки природного сырья. В качестве сырья для изготовления железного сурика можно также использовать гематитовые руды, встречающиеся в районах Курска, Кривого Рога и Кавказа, а также болотные руды Северо-Запада страны и в Сибири.

Для археологов может представлять интерес идентификация месторождений пигментов, находимых при археологических раскопках. Выше уже приводились результаты идентификации месторождений киновари и реальгара, являющихся сравнительно редкими минералами. Из числа других пигментов идентификация возможна только для железоокисных и карбонатных охр и мумий, так как в литературе практически полностью отсутствуют данные по химическому составу глинистых пигментов различных месторождений. Скудость аналогичных сведений о месторождениях других пигментов позволяет произвести идентификацию месторождений находок в довольно редких случаях. Наиболее подробная сводка К. И. Толстихиной «Природные пигменты Советского Союза» не содержит данных по месторождениям пигментов Ростовской области, Краснодарского края, Северо-Запада, Прибалтийских республик, Белоруссии, Среднего и Северного Урала, Сибири, Дальнего Востока, Алтая, Узбекистана и других районов страны. Это обстоятельство в сильной степени осложняет прове-

дение идентификации пигментов; нам удалось идентифицировать месторождения лишь для небольшого количества образцов.

По химическому составу, и особенно по отношению Al/Fe, удалось показать, что образец № 19 происходит из месторождения Лог Ново-Бурасского района Волгоградской области. Аналогично было найдено, что обр. № 23 происходит из месторождения Ново-Киевского Халиловского рай-

Таблица 5

Сопоставление применяемости пигментов в разных странах

№ п/п	Название пигмента	Страна			№ п/п	Название пигмента	Страна		
		СССР	Рим	Египет			СССР	Рим	Египет
1	Киноварь	+	+	—	8	Ярь-медянка *	—	+	—
2	Реальгар	+	+	—	9	Египетская лазурь *	—	—	+
3	Аурипигмент	+	+	—	10	Охра	+	+	+
4	Сурик железный *	+	+	+	11	Мумия	+	+	+
5	Азурит	?	+	+	12	Мел	+	+	+
6	Малахит	?	+	+	13	Свинцовые белила *	—	+	—
7	Глауконит	—	+	—	14	Цветные глины	+	?	+

она Оренбургской области. Карбонатная охра (обр. № 20) добыта из месторождения, расположенного у с. Новиково Базарно-Карбулакского района Саратовской области. Бокситная мумия (обр. № 9) добыта из Катав-Ивановского месторождения, находящегося неподалеку от Бурановской пещеры. Два образца глинистой мумии (обр. № 1 и 6) предположительно идентифицированы с месторождением Винновка Волгоградского района Волгоградской области.

На основе результатов работы мы попытались сопоставить применение пигментов в древности на территории СССР, Египта и Рима [19].

При сопоставлении применяемости пигментов (табл. 3) бросается в глаза, что для изучаемого отрезка времени отсутствуют надежно документированные находки синих и зеленых пигментов. Это может быть объяснено тем, что в качестве таких красок использовались хлорофилл и другие растительные краски, разрушающиеся в условиях захоронения. Из числа искусственно приготовленных пигментов (в таблице обозначены значком *) на территории нашей страны применялся лишь железный сурик, однако он еще не получил массового распространения. Все красные и желтые пигменты, применявшиеся в более развитых странах, применялись и на территории СССР. Такое сопоставление позволяет считать, что уровень первичных химико-технологических знаний и ассортимент применяемых пигментов в сравниваемых странах является почти одинаковым.

Выводы

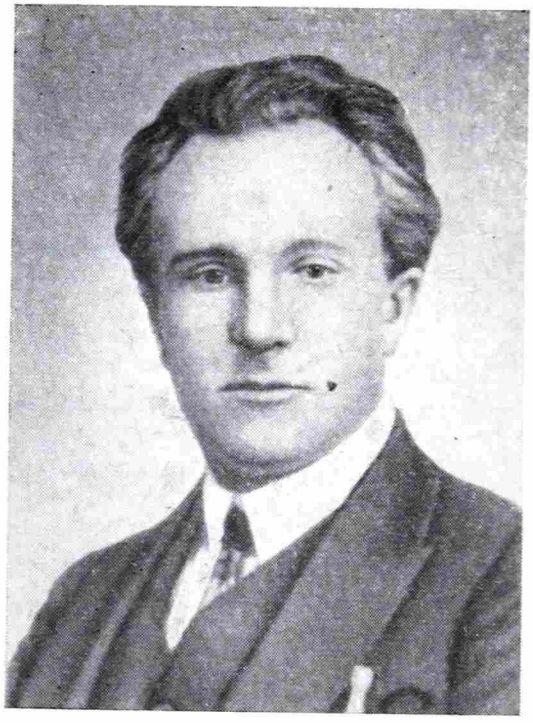
1. Проведено изучение групповой принадлежности и химического состава 41 образца пигментов, найденных на территории СССР при археологических раскопках.

2. Предложен спектрофотометрический метод групповой идентификации пигментов, находимых в виде монолитных образцов.

3. Проведена идентификация месторождений шести образцов пигментов.

4. Проведено сопоставление применяемости пигментов на территории СССР с Египтом и Римом, в результате чего установлено, что уровень первичных химико-технологических знаний народов этих стран был практически одинаков.

[19] Данные, относящиеся к Египту и Риму, взяты из приводимых выше работ Г. Фестера и Зеемана.



ПАМЯТИ БОРИСА СЕРГЕЕВИЧА ЖУКОВА

Исполнилось 75 лет со дня рождения Б. С. Жукова и 35 лет со дня его смерти (1892—1933).

Сейчас, когда думаешь и говоришь о нем, невольно ощущаешь обаяние его личности, редкой по своей силе способности заражать импульсом исследования и увлекать за собой. Борис Сергеевич был человеком большой, целеустремленной энергии и такого же организаторского таланта. Искренний патриот советской родины, он с воодушевлением отдавался родной науке и, если бы не безвременная кончина, он, без сомнения, был бы одним из крупнейших ученых современной советской археологической науки. Кроме того, он был на редкость интересным в общении человеком, добрым и благожелательным, всегда внимательным, отзывчивым и веселым, любителем и знатоком искусства, в особенности театрального, и прекрасным семьянином. Таким он и остался в памяти всех, кто его хорошо знал.

Борис Сергеевич родился 1.XII. 1892 г. в Нижнем Новгороде, в семье журналиста. После получения среднего образования в Нижнем Новгороде он поступил в Московский университет и окончил его в 1918 г. по кафедре антропологии физико-математического факультета, где под руководством акад. Д. Н. Анучина приобрел специальность антрополога с уклоном в палеоантропологию и палеоэтнологию (археологию). По окончании университета он был оставлен Д. Н. Анучиным при кафедре.

С 1918 по 1931 гг. он, окончив аспирантуру, последовательно занимал должности ассистента, доцента по палеоантропологии при кафедре антропологии и одновременно научного сотрудника, ученого секретаря и заместителя директора Научно-исследовательского института антропологии Московского государственного университета.

За это время Б. С. Жуков разработал и осуществил ряд общих и специальных курсов, практикумов и семинаров по палеоантропологии и палеоэтнологии, построенных на современном уровне, с учетом достижений мировой науки. Одновременно он опубликовал в советских и зарубежных изданиях ряд оригинальных работ, очень рано обеспечивших ему имя

видного специалиста в своей области, к голосу которого прислушивались и младшие, и старшие товарищи.

Созданные и проводившиеся им коллоквиумы привлекали специалистов из самых различных исследовательских институтов, имеющих отношение к наукам о человеке. Созданная им палеоэтнологическая лаборатория быстро стала методическим центром, куда стремились многие работники периферийных организаций, неизменно находившие в ней необходимую помощь. При ближайшем участии Б. С. Жукова был создан археологический отдел Московского областного музея краеведения. Ни одно начинание Антропологического института в указанные годы не обходилось без энергичного, инициативного участия Б. С. Жукова, умевшего привлечь к их осуществлению заинтересованные учреждения. Так, тогда был накоплен очень большой палеоантропологический и археологический материал, укрепивший солидную базу для дальнейшего развития советской науки о человеке.

Борис Сергеевич не щадил себя. Работая по ночам и систематически недосыпая, он тем не менее неизменно и аккуратно был в назначенное время на кафедре и в институте, свежий и всегда полный новых, интересных мыслей и планов.

В 1929 г. Б. С. Жуков был в научной командировке в Германии и во Франции. По возвращении он в том же году был необоснованно репрессирован и 29 мая 1933 г. умер на Алтае. 4.IV. 1959 г. он был полностью реабилитирован.

Оценивая роль Б. С. Жукова в советской археологической науке, нужно прежде всего сказать, что он был ярким представителем анучинской школы. Как известно, Д. Н. Анучин (1843—1923), будучи по специальности зоологом, антропологом и географом, стал одним из основоположников этнографии в России, много занимался археологией и внес в эти науки, тогда в основном любительские, точность научного метода. Он пропагандировал у нас достижения мировой науки, ратовал за разрушение националистических перегородок в науке о человеке, боролся за установление на археологических материалах единообразия автохтонного культурного развития человечества, выступал против огульного применения теории заимствований. В своих программных и археологических работах Д. Н. Анучин всегда настаивал на необходимости сравнительно-исторического изучения вещественных памятников в свете археологии, этнографии и письменной истории и разъяснял большое значение антропологии для истории. В этом отношении Д. Н. Анучин был подлинным основоположником современной археологической науки, не замыкающейся в себе, не проводящей резких граней между вещественными ископаемыми памятниками, этнографическими и антропологическими материалами и письменными документами. Б. С. Жуков последовательно проводил в жизнь идеи анучинской школы.

В то время, в 20-х годах это было необходимо, но и не так просто, так как в официальной археологии господствовали более узкие взгляды на нашу науку, якобы способную самостоятельно решать стоящие перед ней задачи.

Наиболее ярко сказался анучинский, широко комплексный подход Б. С. Жукова к изучению истории народов СССР в организации и проведении созданной им Антропологической комплексной экспедиции по Центрально-Промышленной области. В течение целого ряда лет эта экспедиция, в каких бы районах она ни работала, занималась одновременно изучением современного антропологического облика населения, этнографическим изучением его культуры, археологическим изучением его прошлой культуры от позднего железного века до палеолита включительно, палеоантропологией, изучением письменной истории и современных языковых диалектов. Первым крупным опытом в этом направлении явилась Ветлужская эспедиция (1925—1926 гг.). Первый том трудов Ветлужской экспе-

диции, включавший богатейший антропологический этнографичесий и археологический материал, был сдан в печать, но после репрессирования Б. С. Жукова типографский набор был рассыпан. Прекратила свое существование и Антропологическая комплексная экспедиция. Но ширококомплексный подход к изучению человека и его культуры был прочно усвоен многочисленными, воспитанными ею сотрудниками (А. Е. Алихова, О. Н. Бадер, М. В. Воеводский, Е. Н. Горюнова, Г. Ф. Дебец, П. И. Зенкевич, С. Ф. Преображенский, Г. П. Сосновский, М. В. Талицкий, С. П. Толстов, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров и др.), внесшими в дальнейшем немалый вклад в советскую науку о человеке и оказавшими известное влияние на формирование ее современного облика.

Лично Б. С. Жуковым, или под его непосредственным руководством, были исследованы следующие археологические памятники: Супоневская палеолитическая стоянка (1927 г.), мезолитические и неолитические стоянки Крыма: Ат-Баш, Юсуповская, в бухте Ласпи (1927 и 1928 гг.), стоянки эпохи неолита и бронзы: Балахнинская (1917 и 1923 гг.), Льяловская (1923—1927 гг), Больше-Козинская 1 (1925 г.), Поздняковская (1925—1927 гг.), Волосовская (1926 и 1927 гг.), Мало-Окуловская (1927 и 1928 гг.), «Паново Городище» на Ветлуге, Озимёнковская I и II Пензенской обл., Николо-Перевоз на р. Дубна (1928, 1929 гг.), Языковская на Верхней Волге (1928—1930 гг.), Сейминский памятник (1922 и 1929 гг.), Мало-Окуловский курганный могильник эпохи бронзы (1927 и 1928 гг.); Мамоновское городище в Москве (1922 и 1923 гг.); ветлужские городища Русенихинское, Одоевское, Чортово, Богородское; славянские курганные могильники под Москвой: Псаревский (1922 г.), Льяловский, Никольский, Болхашинский, Бухаровский (1924—1926 гг.); волго-финские могильники: марийский Большепольский (1925 г.) и Одошнурский (1926 г.) на Ветлуге, Перемчалкинский Лукояновского района (1926 г.), терюханские: Сарлейский (1926 и 1927 гг.) и Кужадонский (1927 г.) Арзамасского района, Погибловский в том же районе; древнемокшанские (по р. Мокше): Бутский (1927 г.), Старосогенский, (1927 г.); окско-финский Корниловский в районе Мурома и др. Кроме того, Б. С. Жуков участвовал в раскопках неолитических памятников на Святом озере в Мещере и в раскопках мустьерской стоянки Кпик-Коба в Крыму.

Очень много внимания Б. С. Жуков уделял методике археологических полевых и лабораторных исследований, стремясь привнести в нее точность естественных наук. В полевой работе он придавал первостепенное значение привлечению геологических палеозоологических, палеоботанических, палеоклиматологических данных, фиксации стратиграфических разрезов в раскопках, точному подразделению и обработке вещественного материала по слоям, исчерпывающей фиксации бытовых деталей в раскопках и расположения материала на площади. В этих целях была разработана целая система карточек различного формата, заказывавшихся в типографии. В камеральной работе использовались различные инструменты (в частности, краниографические) для зарисовки профилей керамики, орнамента. Он придавал также большое значение статистике.

Борис Сергеевич одим из перных советских археологов указал на важную роль керамических материалов для изучения этнической истории древнего населения и построил главным образом на керамике несколько обобщающих работ по древнейшей истории Волго-Окского края.

Большое место в работах Б. С. Жукова занимали вопросы культур каменного века в Прибалтике и взаимоотношение их с неолитическими культурами Центральной России. Этот интерес к Прибалтике определился еще во время изучения Льяловской торфяниковой стоянки, изучение и публикация которой может служить также примером комплексного подхода Б. С. Жукова к исследованию археологических памятников.

Большую роль в науке сыграли и работы Б. С. Жукова по каменному веку Крыма, продолженные московскими и ленинградскими археологами.

При ближайшем участии Б. С. Жукова были организованы и проведены три совещания археологов Центрально-Промышленной области, в которую входило тогда десять центральных губерний; в 1926 и 1928 гг. в Москве и в 1927 г. в Костроме.

Немало сил отдал Борис Сергеевич популяризации науки. Это выразилось в многочисленных лекциях и в опубликовании нескольких научно-популярных книг: «Происхождение человека» (выдержала пять изданий), «Первые шахтеры и металлисты», «Древнейшие строители из дерева и камня», «Как люди расселялись по земле» и др.

Как преподаватель университета, Б. С. Жуков, обладавший широкой эрудицией, отличавшийся простотой в обхождении и вниманием к молодежи, легко находил общий язык со студентами и неизменно пользовался их любовью.

Преждевременная смерть оборвала короткую, но плодотворную жизнь.

О. Н. Бадер

Список печатных работ Б. С. Жукова

1. Организация институтов и курсов по подготовке работников краеведения. (Тезисы доклада). В кн. «Дневник Всерос. конференции научных обществ по изучению местного края», 1, М., 1921. Прилож.: Примерная программа археолого-этнологических курсов.
2. Неолитическая дюнная стоянка близ гор. Балахны. «Русск. антроп. журн.», 12, 1—2, 1922.
3. Об изучении местного края в этнографическом отношении. «Шатурстрой», 1922.
4. Об организации институтов и курсов по подготовке работников краеведения. «Вопросы краеведения», М., 1923.
5. Происхождение человека. Прг.— М., 1923, 2-е изд. испр. и доп. Л.— М., 1925; 3-е изд., доп. М.— Л., 1928; 5-е изд., М.— Л., 1930; 5-е изд., перераб. и доп. М.— Л., 1931.
6. Рецензия на книжку В. Т. Илларионова «Обзор археологических открытий в Нижегородской губ.», Н.-Новгород, 1922. «Русск. антроп. журн.», 13, 3—4, 1923.
7. Редактирование книги М. Нестурха, М. Шишкевича и В. Бойчевского «Происхождение человека и его первые культурные завоевания». М., 1924.
8. Стоянка культуры Маглемозе, открытая на о. Зеландии в 1917 г. «Русск. антроп. журн.», 13, 1—2, 1924.
9. К вопросу о древнейших насельниках Прибалтики в связи с некоторыми проблемами неолита Восточной Европы. «Русск. антроп. журн.», 13, 3—4, 1924.
10. Первые шахтеры и металлисты. М., 1924.
11. Очерк эволюции культуры и техники доисторического человека. М., 1924.
12. Неолитическая стоянка близ с. Льялова. Моск. у. «Тр. Антроп. н.-и. ин-та при I МГУ», 1, 1925.
13. Доисторические культуры Нижегородского края. «Нижегородск. краеведч. сборник», Тр. Нижегородск. пед. ин-та, 1, 1925.
14. Древнейшие строители из дерева и камня. М., 1925.
15. Редактирование книги Д. Н. Анучина «Происхождение человека», М., 1925.
16. Методическое введение и объяснение картин к серии диапозитивов по теме «Древнейшие земледельцы и скотоводы доисторической Европы» (с библиографией). М., 1925.
17. То же по теме «Культура бронзовой эпохи Европы» (с библиографией). М., 1925.
18. То же по теме «Культура древнейших обитателей Европы» (с библиографией). М., 1925.
19. То же по теме «Охотники-звероловы новокаменного века Северной Европы» (с библиографией). М., 1925.
20. Рецензия на книгу В. А. Городцова «Археология, I, Каменный период», М., Прг., 1923, «Печать и Революция», 8, М., 1925.
21. Рецензия на книгу Б. Н. Вишневского «Происхождение и древность человека». «Русск. антроп. журн.», 14, 1—2, 1925.
22. Рецензия на работу П. С. Рыкова «Сусловский курганный могильник» (с прилож. ст. П. Д. Степанова «Изделия из дерева в курганах Сусловского могильника»). Уч. зап. СГУ, 4, 3, 1925; «Русск. антроп. журн.», 14, 3—4, 1926.
23. Работы по палеоэтнологии в СССР за 1918—1925 гг. «Этнография», 1—2, 1926.
24. Человек Ветлужского края (по данным Ветл. антр. компл. экспедиции 1925 г.). Сб. «Производительные силы Нижегородской губернии», 3, Нижний Новгород, 1926.

25. Как люди расселялись по земле. М.— Л., 1927.
26. К вопросу о стратиграфии и культуре неолитической стоянки близ с. Льялова Московского уезда. «Русск. антроп. журн.», 16, 1—2, 1927.
27. Раскопка и обследования стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской яйле в июне 1927 г. «Крым», 2 (4). Симферополь, 1927.
28. Из методологии изучения культур стоянок и городищ. (Автореферат). Сб. «Материалы к доистории ЦПО», М., 1927.
29. Палеоэтнологическая деятельность Антропологического института I МГУ. Там же.
30. Палеоэтнологическая работа нижегородских научных учреждений. Там же.
31. Редактирование (совместно с О. Н. Бадером) сборника «Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. 1-е совещание палеоэтнологов Ц.-П. о. 27—29 мая 1926 г.», М., 1927.
32. Инструкция к «открытому листу» на право производства археологических раскопок. М., 1927.
33. «Археология». Сборник в ознаменование 10-летия Октября «Общественные науки СССР, 1917—1927 гг.», М., 1928.
34. Задачи изучения национальных меньшинств Нижегородского края. «Произв. силы Нижегородской губ». 8, Н.-Новгород, 1928.
35. Очерк трехлетних работ Антропологической комплексной экспедиции по ЦПО Антропологического научно-исследовательского института (1925—1927 гг.). Известия Ассоц. н.-и. ин-тов при физ.-матем. факультете МГУ, I, 1—2, М., 1928.
36. К вопросу о переходе от камня к металлу доисторического населения Нижегородского края (по данным новейших раскопок). В кн. «Второй год работы Нижегор. научн. о-ва по изуч. местного края». 1926. Н.-Новгород, 1928.
37. Предварительные данные о результатах работы Антропологической комплексной экспедиции по ЦПО по изучению погребенных волго-финских культур. «Четвертая губернская конференция по изучению производительных сил Нижегородской губернии 23—26 марта 1928 г.». Тезисы докладов. Н.-Новгород, 1928.
38. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп (по материалам волго-финских погребенных культур). Сб. «Культура и быт населения Центрально-Промышленной области» (Тр. II Совещания этнологов ЦПО), М., 1929.
39. Sur les modificationes chronologiques et locales des cultures de l'age de pierre dans la region centrale de l'URSS. ESA IV, Helsingfors, 1929.
40. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. «Этнография», 1929, 1.
41. Отчет о работах Антропологической комплексной экспедиции Антропологического н.-и. ин-та при I МГУ в Марийской авт. области, 1929, «Марий Млыш» («Марийская жизнь»), 3, 1930.
42. Tardenoisien in der Krim, Neolithicum im Wolgagebiet. «Archäologisches Institut des Deutsches Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier», 1929. Berlin, 1930.
43. Sur certains traits du silex maglemosien. «L'Anthropologie», Париж, 1930.
44. О некоторых морфологических чертах кремня Маглемозе по отношению к вопросу о древней каменной индустрии Северо-Западной Европы. «Этнография», 3, 1930.
45. Первые металлисты. М., 1931.
46. Maglémosien et neolithique forestier. Etude tipologique.— «L'Antropologie», 49, 1—2, Paris, 1939.

Кроме опубликованных работ остался ряд неизданных рукописей.

О. Н. Бадер

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА СМИРНОВА

В октябре 1966 г. исполнилось 25 лет со дня смерти Василия Ивановича Смирнова — выдающегося деятеля советской культуры, одного из вдохновителей и руководителей краеведческого движения 20—30-х годов. Чрезвычайно разносторонними были интересы В. И. Смирнова. Собирание этнографических материалов, археологические раскопки, изучение полезных ископаемых, музейное, архивное и библиотечное дело, библиографическая работа, учет и охрана памятников архитектуры — вот неполный перечень того, чем занимался В. И. Смирнов. И при этом он отнюдь не являлся краеведом-любителем; его труды неизменно приводили к серьезным научным результатам. Свыше 70 работ, опубликованных в изданиях Костромского научного общества, в центральных археологических, этнографических и геологических журналах, в изданиях, вышедших в г. Архангельске, где прошли последние годы жизни В. И. Смирнова,— вот то обширное наследие, которое он оставил. Ниже речь пойдет лишь об одной из сторон его деятельности, не главной, но особенно им любимой — об исследованиях археологических памятников неолита и периода раннего металла.

Свои археологические работы В. И. Смирнов начал в Костромской области в 1921 г., и они сразу же обратили на себя внимание. Через несколько лет благодаря этим работам Кострома превратилась в значительный археологический центр. Сюда не раз приезжали А. А. Спицын, Б. С. Жуков, О. Н. Бадер. Костромские материалы изучал А. М. Тальгрен, внимательно следивший за работами В. И. Смирнова и долгое время находившийся с ним в переписке. В 1927 г. в Костроме состоялось Второе совещание палеоэтнологов Центральной Промышленной области, сыгравшее большую роль в развитии археологических знаний в нашей стране. Древние поселения, обнаруженные и обследованные В. И. Смирновым, раскапывались В. А. Городцовым и А. Я. Брюсовым, а позднее, уже после его смерти,— М. Е. Фосс, Н. Н. Гуриной, Д. А. Крайновым.

Чем же объяснить большие успехи археологических исследований В. И. Смирнова и то, что за короткий срок он стал признанным знатоком

памятников неолита и периода раннего металла лесной зоны европейской части СССР? Нам представляется, что помимо неутомимой энергии В. И. Смирнова и его широкого кругозора, в частности его геологических познаний, особую роль сыграло здесь и его прекрасное понимание народной жизни и ее истории. Исследуя древние памятники — места неолитических поселений, он нередко видел в них такие детали и особенности, каких не замечали археологи-профессионалы. Недаром А. А. Спицын не раз говорил, что он сам многому научился у В. И. Смирнова.

Первым древним памятником, на котором произвел раскопки В. И. Смирнов, было поселение у с. Туровского на Галичском озере, где в начале прошлого столетия был найден знаменитый Галичский клад. В 1909 г. небольшие исследования провел там А. М. Тальгрен, ошибочно считавший это поселение фатьяновским. Работы В. И. Смирнова в 1921 г. преследовали очень скромную цель: они должны были дать материал, который дополнил бы хранящуюся в Костромском музее небольшую коллекцию вещей из клада. Результаты раскопок оказались, однако, настолько интересными (были найдены разнообразная орнаментированная керамика и многочисленные изделия из камня), что раскопки продолжались и в последующие годы, вплоть до больших работ на этом поселении, осуществленных в 1924 г. В. А. Городцовым.

Раскопки у с. Туровского определили круг археологических интересов В. И. Смирнова и вдохновили его на поиски других древних памятников — неолитических и относящихся ко времени раннего металла. В течение 20-х годов им было отыскано множество пунктов с остатками древних поселений. На Галичском озере это были неолитические стоянки на полуострове Фрола и Лавра и у истоков р. Ваксы. На Чухломском озере в 1923 г. В. И. Смирнов вместе с Л. Н. Казариновым отыскал и исследовал Федоровскую стоянку, на которой в 1925 г. производил раскопки А. Я. Брюсов. Особенно интересные результаты дали раскопки В. И. Смирнова на этой стоянке в 1926 г., когда раскоп был заложен у подножия возвышенности, где в культурном слое сохранились костяные изделия и были встречены остатки погребений. В 1928 г. В. И. Смирновым была найдена, а затем и исследована неолитическая стоянка на Половчинском озере, раскопки которой позднее продолжала Н. Н. Гурина. В эти же годы В. И. Смирнов вместе со своим братом М. И. Смирновым — основателем музея в г. Переяславле-Залесском обследовал берега Плещеева озера, где также были найдены остатки нескольких древних поселений.

Наиболее значительные археологические исследования были осуществлены В. И. Смирновым в 20-х годах в районе г. Костромы, в пределах обширной низменности, примыкающей к левому берегу Волги, там где в нее впадает р. Кострома. Эти места интересовали В. И. Смирнова с разных точек зрения. Судя по старым документам, в XIV в. здесь находился один из «Мерских станов» — районов с мерянским населением, позднее обрусевшим. На это же указывала местная топонимика: название селений — Шунга, Саметь, Тепра и др. Низменность изобиловала озерами, реками и протоками, а весной настолько заливалась полыми водами, что селения оказывались на островах. Все это обусловило многочисленные особенности в быту и хозяйстве местного населения. Большое значение в хозяйстве приобрело в этих местах рыболовство, было очень развито скотоводство. Многочисленные особенности имела крестьянская архитектура: здесь встречались, например, постройки на сваях.

Еще до работ В. И. Смирнова в пределах Костромской низменности было известно несколько археологических памятников. Это были дюнные позднемезолитические и неолитические стоянки, на поверхности которых постоянно находили кремневые наконечники стрел, ножевидные пластины, каменные топорики и другие изделия. В Костромском музее имелись значительные коллекции этих предметов из деревень Святое (теперь Некрасово), Стрельниково, Оганино и др. В. И. Смирнов не раз посещал эти

стоянки, развеянные ветром, и собирал подъемный материал. Но когда он познакомился со стоянкой у с. Туровского и с остатками других древних поселений на Галичском и Чухломском озерах, сохранившими культурный слой, он предпринял поиски аналогичных памятников и в пределах Костромской низменности, сразу же увенчавшиеся успехом. На озерах Борисовом, Волоцком, Великом, Стойке и др., на речках и протоках было найдено свыше 20 пунктов с остатками поселений времени неолита и раннего металла. Среди них важнейшее место занимает по праву известная стоянка Борань на р. Касть около д. Вежи. Она была найдена В. И. Смирновым в 1924 г. и исследовалась им в течение нескольких лет, вплоть, до 1927 г.

В те годы группа московских археологов, возглавляемая Б. С. Жуковым, предприняла большие работы по изучению волго-окского неолита, главным образом по его хронологической и культурно-территориальной классификации. Исследования В. И. Смирнова на многослойной стоянке Борань явились крупным вкладом в эту проблематику. Нижний, основной слой Борани принадлежал к культуре ямочно-гребенчатой керамики балахнинского типа. Его перекрывал слой с керамикой, похожей на волосовскую, среди которой встречались обломки сосудов фатьяновского облика, а еще выше лежала текстильная керамика. Такая же точно последовательность слоев оказалась на стоянке Станок I на Борисовом озере, найденной В. И. Смирновым в 1927 г. и частично раскопанной в следующем 1928 г. Разница между стоянками заключалась лишь в том, что на Станке основным, наиболее мощным слоем был не неолитический, а волосовский, покрытый сверху незначительным горизонтом с остатками культуры древней текстильной керамики. Для более углубленного изучения культуры текстильной керамики В. И. Смирнов в 1927 г. произвел раскопки на стоянке Ватажка, находящейся поблизости от Станка, на северном берегу Борисова озера. Представление о последующем за Ватажкой этапе в развитии местной культуры дали раскопки Б. И. Смирнова на Минском городище на левом берегу Волги под Костромой.

Подобная же культурно-хронологическая картина наблюдалась В. И. Смирновым на упомянутых выше стоянках на берегах Плещеева озера, а также на Половчинской стоянке, где над основным неолитическим слоем с ямочно-гребенчатой керамикой, близкой керамике из Борани, находились незначительные и плохо сохранившиеся горизонты с волосовской и текстильной керамикой.

Таким образом, результатом исследований В. И. Смирнова явилась обоснованная стратиграфически культурно-хронологическая шкала древних поселений восточной части Верхнего Поволжья. Позднее, в 50-х годах, выводы В. И. Смирнова были подтверждены работами Н. Н. Гуриной, производившей раскопки на этом участке Поволжья в связи со строительством Горьковской ГЭС, плотина которой значительно подняла уровень воды в пределах Костромской низменности.

Однако не все верхневолжские древние поселения укладывались в обрисованную выше культурно-хронологическую шкалу. В 1925 г. В. И. Смирнов отыскал на оз. Стойка, около с. Самять, сильно разрушенную стоянку с каменными орудиями и орнаментированной керамикой особого типа, на упомянутых выше стоянках не встречающегося. Культурный слой с подобной же керамикой был обнаружен в том же году над Говядиновским фатьяновским могильником на правом берегу Волги, напротив г. Костромы. Эти находки очень заинтересовали В. И. Смирнова. Но свое место в археологической шкале восточной части Верхнего Поволжья они нашли только недавно, когда выяснилось, что они принадлежат к северному варианту так называемой поздняковской культуры конца II тысячелетия до н. э. и должны занять место между поселениями с волосовской и ранней текстильной керамикой. Горизонт с такой керамикой был обнаружен в 1954 г. Н. Н. Гуриной на многослойной стоянке Станок II на Борисовом

озере. На Плещеевом озере к этой культуре относится могильник Дикариха, исследованный в 50-х годах А. Л. Никитиным.

Иначе обстояло дело со стоянкой у с. Туровского на Галичском озере. В. И. Смирнову было ясно, что этот памятник принадлежит к особой культуре, в Костромском Поволжье не представленной. Он не был согласен с поздней датой стоянки, предложенной В. А. Городцовым на основании находки во время раскопок железных шлаков. С целью выяснения этих вопросов В. И. Смирнов в 1927 г. возобновил исследования стоянки у с. Туровского. Большой удачей было открытие в том же году другой аналогичной стоянки, расположенной на урочище Пески около с. Умиленья на северном берегу Галичского озера. Помимо основного слоя, содержавшего каменные орудия и керамику, подобную посуде из Туровского, на Песках был обнаружен хорошо отделяющийся верхний слой с текстильной керамикой и железными шлаками. А так как отдельные фрагменты такой же текстильной керамики были встречены и в Туровском, стало ясно, что найденные там шлаки, на основании которых В. А. Городцов датировал стоянку, не имеют отношения к основному слою.

Последующие раскопки, проведенные на берегах Галичского озера М. Е. Фосс, полностью подтвердили эти соображения. Теперь известно, что стоянки Туровское и Пески представляют собой памятники, принадлежащие к одному из вариантов восточной, прикамской или волго-камской культуры периода бронзы, испытавшей на себе некоторое влияние со стороны фатьяновских или балановских племен.

С результатами своих археологических исследований В. И. Смирнов неоднократно знакомил научную общественность во время разного рода совещаний и конференций, происходивших в Москве, Костроме и других городах. Он подготавливал публикацию своих материалов, завершить которую, однако, не смог, так как в конце 1929 г. вследствие несправедливых обвинений, ему предъявленных, В. И. Смирнов оказался вынужденным оставить работу в Костромском музее и переехать сначала в Иваново, где он в течение года работал в Областном краеведческом музее, а затем в Архангельск, где он и прожил последние 10 лет своей жизни, работая в системе Северного геологического управления и в Северном краевом музее. В 1960 г., посмертно, с В. И. Смирнова были сняты все предъявленные ему обвинения.

Но в 1929 г. археологическая биография В. И. Смирнова отнюдь не завершилась. Летом следующего года он предпринял археологические обследования в южной части Ивановской области, во время которых была найдена замечательная «костеносная» стоянка неолитической и волосовской культур, находящаяся в урочище Малый Островок на берегу р. Койки, в окрестностях оз. Сахтыш. На этой стоянке (Сахтыш I) в 60-х годах большие раскопки произвел Д. А. Крайнов.

В 1934—1936 гг. по поручению Северного краевого музея В. И. Смирнов осуществил археологические обследования Зимнего и Летнего берегов Белого моря, во время которых были осмотрены многочисленные неолитические стоянки, известные ранее и обнаруженные им впервые. Итогом этой работы явился «Обзор археологических памятников Беломорского побережья», опубликованный в 1937 г. в IV вып. «Советской археологии». В 1938 г. им были произведены раскопки поздненеолитической торфяной стоянки на р. Кузнечихе в черте Архангельска. Там были сделаны очень интересные находки, в том числе уникальная: обломок еловой доски, покрытой выполненным краской сложным, ромбическим орнаментом. Здесь же был найден обломок глиняного сосуда с изображением лебедя. Не менее удачными были небольшие раскопки, произведенные В. И. Смирновым в 1940 г. на известной стоянке Кубенино на оз. Лача. Здесь был найден обломок неолитического сосуда с изображением плывущих лебедей.

Не забывал В. И. Смирнов и костромской тематики. В Архангельске им были подготовлены к печати материалы Говядиновского фатьяновского могильника. Работа эта была опубликована посмертно в 1947 г.

Умер В. И. Смирнов на 60-м году жизни, 21 октября 1941 г., когда наша страна была охвачена войной. Он не завершил свои археологические работы, но успехи советской археологии в области неолита и периода бронзы в Верхнем Поволжье и на Севере, достигнутые в настоящее время, во многом были подготовлены его многолетними трудами.

Л. С. Китицына, П. Н. Третьяков

Список печатных работ В. И. Смирнова по археологии и этнографии

1. Программа для собирания этнографических предметов. Кострома, 1912.
2. Каменный век и курганная эпоха в Костромской губ. В отчете о деятельности Костромского научного общества за 1913 г. Кострома, 1914.
3. Крестьянская изба и ее резные украшения в Макарьевском уезде Костромской губ., Труды Костромского научного общества по изучению местного края (в дальнейшем Тр. КНО), III, 1915.
4. Народные похороны и причитанья в Костромском крае. Тр. КНО, XV, 1920.
5. Клады, паны и разбойники. Этнографические очерки Костромского края. Тр. КНО, XXVI, 1921.
6. Этнографические заметки и записи. I. Потонувшие колокола. II. Черт родился. Тр. КНО. XXIX, 1923.
7. Предисловие к сборнику народных песен Костромской, Вологодской, Нижегородской и Ярославской губ., собранных Ф. Н. Лаговским. Тр. КНО, XXIX, 1923.
8. Из вопросов и фактов этнологии Костромского края. Тр. КНО, XXXIII, 1924.
9. Материалы по библиографии Костромского края. Антропология и этнография. Тр. КНО, XXXV, 1925.
10. Краткий путеводитель по Костромскому музею. Кострома, 1925.
11. Население Костромского края в прошлом и настоящем. Справочная книга по Костромской губ., 1926.
12. Программа по собиранию этнографических сведений о средствах передвижения (в соавторстве с Н. Беляевой). Кострома, 1926.
13. Предисловие к альбому Н. А. Калиткина. Орнамент шитья костромского полушубка. Тр. КНО, XXXVIII, 1926.
14. Крестьянские земельные переделы и народные меты. Программа для собирания этнографических материалов. Кострома, 1926.
15. Народные гаданья в Костромском крае. Тр. КНО, XII, 1927.
16. Итоги 15-летней краеведной работы в Костромском крае. «Краеведение», 1927, 3.
17. Анкета по собиранию материалов для народного словаря (в соавторстве с Л. С. Китицыной). Кострома, 1927.
18. Какие у вас употребляются пряха или гребень? (Анкета для собирания этнографических материалов). Кострома, 1929.
19. Какие у вас строятся избы и дворы (Анкета для собирания этнографических материалов). Кострома, 1929.
20. Программа по изучению быта рабочих (в соавторстве с Л. С. Китицыной). Кострома, 1929.
21. Программа по изучению труда и быта рабочих на лесозаготовках и лесосплаве. Кострома, 1928.
22. Древнейшие поселения Зимнего берега Белого моря. «Новый Север», 1934, 4, Архангельск.
23. Обзор археологических памятников Беломорского побережья. СА, IV, 1937.
24. Следы древнего человека в г. Архангельске. «Советский Север», 1938, 3, Архангельск.
25. Костромской декоративный топорик. СА, V, 1940.
26. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе. СА, VI, 1940.
27. Русское узорное тканье (костромские пояски). СЭ, III, 1940.
28. Свайные постройки Костромского района. СЭ, IV, 1940.
29. Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске, КСИИМК, IX, 1941.
30. Орнаментальный фриз на сосуде из стоянки Кубенино. КСИИМК, X, 1941.
31. Побережье Белого моря. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», 1941.
32. Говядиновский могильник. СА, IX, 1947.
33. С 1912 по 1928 гг. В. И. Смирнов был автором регулярно публикуемых «Отчетов о деятельности Костромского научного общества», которые содержат краткие сведения об археологических и этнографических исследованиях.

Заметки

Ю. А. МОЧАНОВ, С. А. ФЕДОСЕЕВА

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ИХИНЕ В ЯКУТИИ

Открытие на Алдане сумнагинской культуры (VIII—V тысячелетие до н. э.) сделало настоятельно необходимым поиски более древних археологических памятников, залегающих в плейстоценовых отложениях [1].

Обследование обнаруженных А. П. Окладниковым [2] на р. Лене ниже устья р. Витим стоянок, отнесенных им к палеолиту, показало, что те из них, которые характеризуются четкой стратиграфией, залегают в голоценовых отложениях. Они, очевидно, принадлежат к сумнагинской культуре.

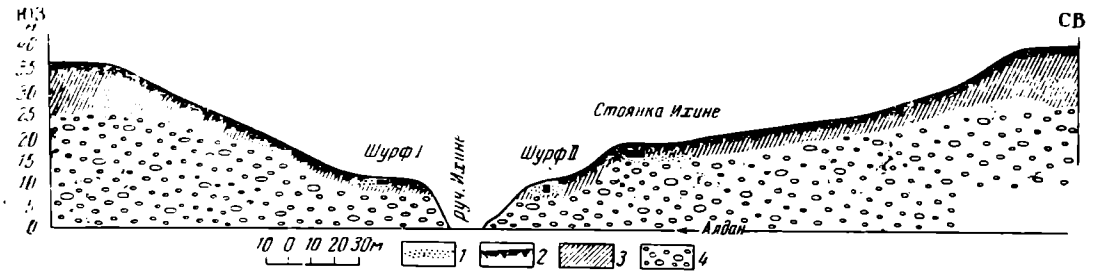


Рис. 1. Схематический профиль правого берега р. Алдана в районе стоянки Ихине

1 — песок; *2* — дерн; *3* — суглинки; *4* — галечник

Остальные, большей частью подъемные находки А. П. Окладникова в настоящее время датировать трудно. Они могут иметь любой возраст, вплоть до железного века включительно.

3 июля 1963 г., во время поездки авторов данной статьи на Мамонтову Гору, на бечевнике правого берега Алдана, в 284 *км* от его устья, был обнаружен кремневый отщеп. Последующие работы показали, что здесь находится древнейшая в Якутии стоянка.

Она расположена в распадке, который местные жители называют Ихиненским (рис. 1). В этом месте небольшая, ныне почти пересыхающая речушка Ихине прорезает 40-метровую террасу, тянущуюся вдоль правого берега Алдана. Некогда р. Ихине была значительно полноводнее. На своем приустьевом участке она сумела сформировать три сегментовидных террасы. С левого берега р. Ихине над галечным бечевником возвышается 10-метровая терраса (здесь и дальше высота дается от меженного уреза Алдана). Она причленяется к 17-метровой террасе, окаймленной 40-метровой алданской террасой, которая является коренным берегом

[1] Ю. А. Мочанов. Палеолит Алдана. Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. IV, Якутск, 1966, стр. 209—221; его же. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. Автореф. канд. дис., М., 1966.

[2] А. П. Окладников. Следы палеолита в долине р. Лены. МИА, 39, 1953.

р. Ихине. 40-метровая терраса подходит к 17-метровой пологим склоном. Тыловой уступ 17-метровой террасы четко не просматривается. Он замаскирован мощным делювиальным шлейфом, сползающим сверху.

С правого берега р. Ихине 10-метровая терраса не прослеживается. Здесь над бечевником возвышается 12-метровая терраса, окаймленная делювиальным шлейфом 40-метровой террасы.

Стоянка приурочена к 17-метровой террасе. По мере удаления от Ихине и Алдана площадка террасы постепенно поднимается до 20 *м* за счет увеличения мощности делювиального суглинка. На мысовидной стрелке террасы был заложен раскоп площадью 74,5 $м^2$ (рис. 2).

Раскопки выявили следующую стратиграфию стоянки (рис. 3):

	мощность в *см*
1. Дерн	5—10
2. Светло-коричневый, рыхлый, комковатый, иногда горизонтально-слоистый за счет вытаивания льда, делювиальный суглинок . . . . . Этот суглинок по морозобойным трещинам проникает на некоторых участках в более низкие отложения.	30—40
3. Пачка равномерно переслаивающихся пылеватых серовато-голубоватых и плотных коричневых суглинков. Прослойки их мощностью 2—5 *см* залегают горизонтально-волнисто. На воздухе прослойки бледнеют, и вся пачка приобретает серый оттенок. В суглинках обоих видов изредка встречаются мелкие зерна гравия. Пачка скорее всего имеет аллювиальное происхождение. Общая мощность ее	40—45
4. Аллювиальная пачка равномерно переслаивающихся голубовато-серых пылеватых и красновато-коричневых плотных суглинков и серых разнозернистых хорошо отмученных песков. Мощность прослоек суглинка 0,5—4 *см*. Мощность песчаных прослоек 0,5—25 *см*, причем она увеличивается в основном вниз по разрезу. В раскопе эта пачка наслоений была пройдена на 25—30 *см*, до глубины 1—1,05 *м* от дневной поверхности. Затем по линиям В и Г была забита контрольная траншея шириной 1,5 *м*. Она позволила установить, что четвертая пачка отложений продолжается до глубины 1,45 *м* от дневной поверхности. Общая мощность ее	70
5. Разнозернистый серый песок, насыщенный галькой и гравием (вскрыт только в контрольной траншее). Пройден на 15—17 *см* до глубины 1,6—1,62 *м* от дневной поверхности.	

Остатки деятельности человека обнаружены только во втором и третьем геологических слоях.

В светло-коричневом суглинке, лежащем под дерном (I культурный слой), обнаружено очень мало находок. В кв. $И_4$ на глубине 22 *см* от дневной поверхности (рис. 2, *4*) был встречен один небольшой кремневый отщеп черного цвета (рис. 4, *6*). В кв. $Г_5$ на глубине 13 *см* (рис. 2, *17*) найдена грифельная кость лошади (Equus Caballus subsp.) [3], а в кв. $Д_1$ на глубине 20 *см* (рис. 2, *15*) — неопределимый обломок кости крупного животного, по-видимому, с искусственным срезом.

Находок из I слоя явно недостаточно для его датировки и определения культурной принадлежности. Для этого необходим более многочисленный и выразительный материал.

Большинство материалов со стоянки Ихине происходят из второго культурного слоя. Они залегали в нижней части переслаивающихся пылеватых и плотных суглинков на глубине 65—75 *см* от дневной поверхности (рис. 3).

[3] Определение остатков фауны проведено Э. А. Вангенгейм и О. В. Егоровым.

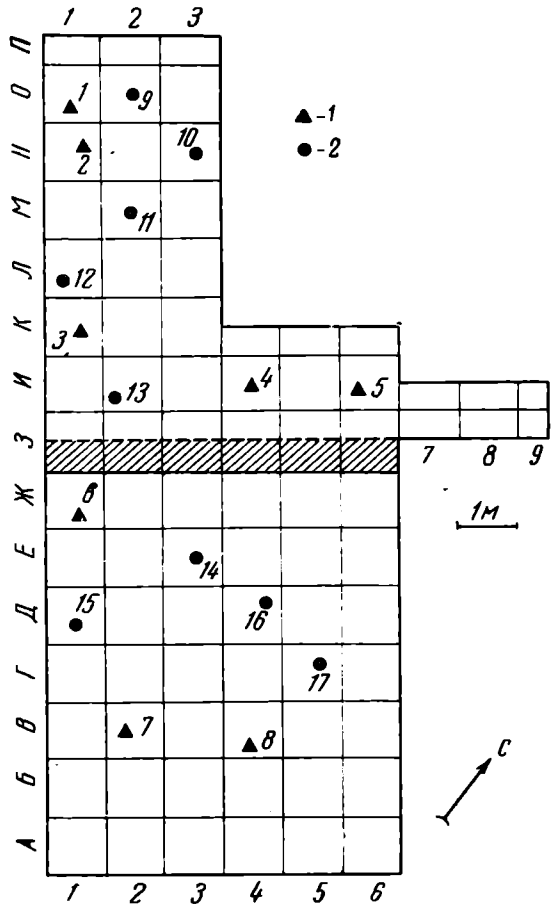


Рис. 2. Стоянка Ихине, план раскопа с находками:

1 — каменные изделия; *2* — фауна

На тех участках, где слоистость обладала наибольшей четкостью, удавалось проследить, что находки кремней и остатков фауны были приурочены главным образом к прослойкам серовато-голубоватого суглинка. Но эти наблюдения необходимо еще раз проверить при дальнейших работах.

Наиболее интересная находка из II слоя — удлиненный клиновидный нуклеус, сделанный из серовато-зеленого сильно патинизированного кремня (рис. 5). Он обнаружен в кв. $В_4$ на глубине 72 *см* от дневной поверхности (рис. 2, *8*). Длина нуклеуса 4,9 *см*, высота рабочей части, с которой снимались микропластинки,— 3,3 *см*. Продольное и поперечное сечения нуклеуса имеют подтреугольную (клиновидную) форму. Обе широкие боковые стороны тщательно обработаны отжимной ретушью. Отжимная площадка имеет вид почти правильного равнобедренного треугольника, основание которого достигает ширины всего 1,2 *см*. Она расположена диагонально, примерно под углом 60° к плоскости снятия пластин. Площадка образована одним продольным сколом и дополнительной обработке не подвергалась. Ребровидное основание нуклеуса с фасетками от снятия пластин сильно обизвествлены.

В кв. $В_2$ на глубине 68 *см* (рис. 2, *7*), на расстоянии 1,73 *м* к юго-западу от нуклеуса было обнаружено долотовидное орудие, сделанное из отщепа зеленоватого кремня (рис. 4, *7*). Лезвие его обработано крутой отжимной ретушью, направленной с брюшка на спинку. Ширина его 1,4, длина 3, толщина 0,6 *см*. На боковых гранях частично сохранилась галечная корка. Большая часть спинки уплощена отжимной ретушью, фасетки которой частично покрыты известковыми натеками.

В кв. $И_6$ на глубине 75 *см* (рис. 2, *5*), на расстоянии 6,25 *м* к северо-западу от нуклеуса было обнаружено третье орудие — скребок. Он сделан из голубовато-зеленого кремневого отщепа, имеющего неправильно округлую форму (рис. 4, *5*). Размеры скребка 3×2,8 *см*. Лезвие его расположено почти по всей окружности отщепа. Оно образовано мельчайшей краевой отжимной ретушью, направленной с брюшка на спинку. Особенно тщательно обработаны три примерно одинаково отстоящих друг от друга участка лезвия, где ретушь заходит и на плоскость спинки. На отдельных участках последней сохранились следы известковых натеков.

В квадратах $О_1$, $Н_1$, $К_1$ (рис. 2, *1, 2, 3*) на глубине 65—75 *см* было найдено три небольших кремневых отщепа зеленого цвета (рис. 4, *1, 3, 4*). Эти отщепы не имеют ни следов вторичной обработки, ни следов сработанности.

В кв. $Ж_1$ на глубине 65 *см* (рис. 2, *6*) обнаружен обломок грубой кремневой пластинки черного цвета (рис. 4, *2*). Длина его 1,6, ширина 0,7 *см*. На брюшке пластины имеются следы известковых натеков.

Кроме обработанных человеком кремней, во II слое встречены остатки

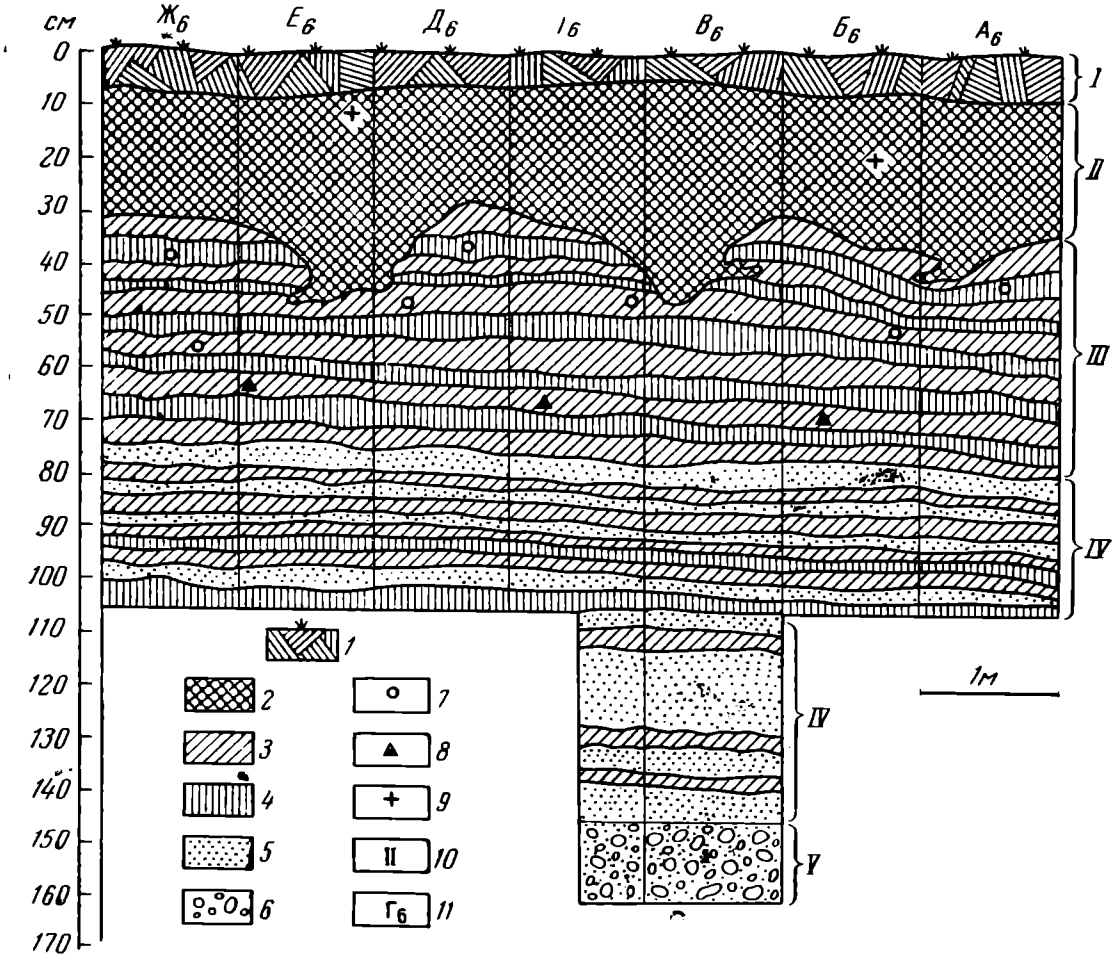


Рис. 3. Стоянка Ихине, стратиграфический разрез стенки раскопа по линии $А_6$—$Ж_6$

1 — дерн; *2* — рыхлый делювиальный суглинок; *3* — пылеватый суглинок; *4* — плотный суглинок; *5* — песок; *6* — песок с галькой и гравием; *7* — гравий; *8* — находки II культурного слоя; *9* — находки I культурного слоя; *10* — номер геологического слоя; *11* — наименование квадрата

плейстоценовой фауны. В кв. $Д_4$ на глубине 70 *см* (рис. 2, *12*, *16*,) обнаружена пяточная кость лошади Equus Caballus subsp. (мелкая форма, типичная для сартанского времени). В кв. $Е_3$ на глубине 67 *см* (рис. 2, *14*) найден обломок шейного позвонка мамонта Mammuthus primigenius (Blum.). В кв. $Н_2$ на глубине 75 *см* (рис. 2, *13*) обнаружен верхний эпифиз бедра бизона Bison priscus deminutus. В кв. $Н_3$ и $О_2$ на глубине 65 и 70 *см* обнаружены две мелкие неопределимые кости животных (рис. 2, *10*, *9*).

В кв. $М_2$ на глубине 71 *см* был найден почти целиком сохранившийся скелет суслика Citellus undulatus fossilus, близкого к верхнеплейстоценовому суслику Citellus glacialis Vinogradov [4]. Скелет суслика лежал в небольшом углублении, образованном в пылеватом суглинке. По-видимому, это углубление является остатком норы, но ее вход в вышележащих слоях не просматривался.

Характер расположения находок и отсутствие в слое следов каких-либо жилищ заставляют предположить, что стоянка Ихине была кратковременным охотничьим стойбищем. По геологическим условиям залегания II культурного слоя, составу фауны и облику кремневых изделий стоянку Ихине можно отнести к заключительным этапам верхнего плейстоцена — к сартанскому оледенению, время которого в абсолютных датах составляет 22—10 тысяч лет тому назад [5].

[4] Определение И. М. Громова.

[5] Н. В. Кинд. Абсолютная хронология основных этапов истории последнего оледенения и послеледниковья Сибири (по данным радиоуглеродного метода). Сб. «Четвертичный период и его история», М., 1965, стр. 157—171.

Сравнение стоянки Ихине с другими палеолитическими памятниками Сибири показывает, что наибольшее сходство она имеет со стоянками Красный Яр (VII—VI слои) на Ангаре[6] и Икарал в Забайкалье[7], которые также залегают в сартанских отложениях.

На стоянке Ихине впервые в Якутии зафиксированы бесспорные следы охотников на мамонтов и других ископаемых животных. Огромное значе-

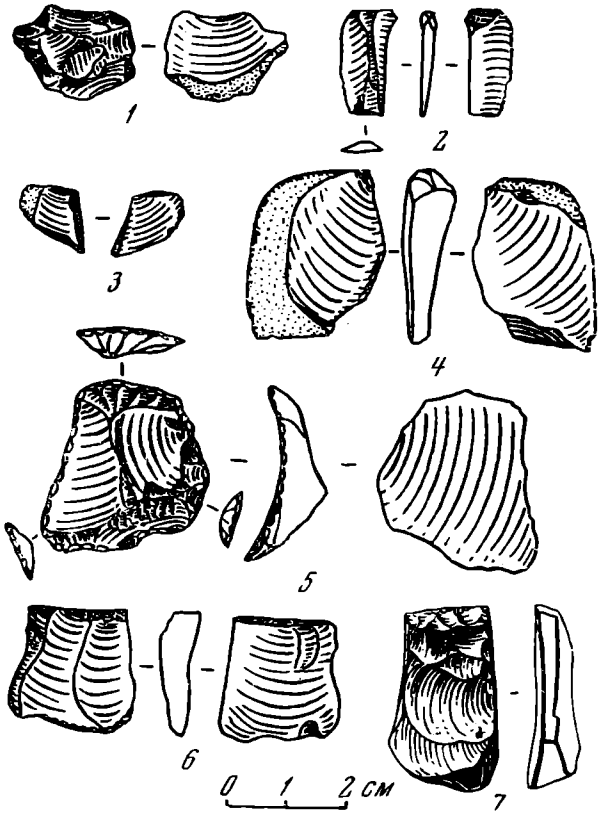


Рис. 4. Каменный инвентарь стоянки Ихине

1, 3, 4, 6 — отщепы; *2* — пластина; *5* — скребок; *7* — долотовидное орудие

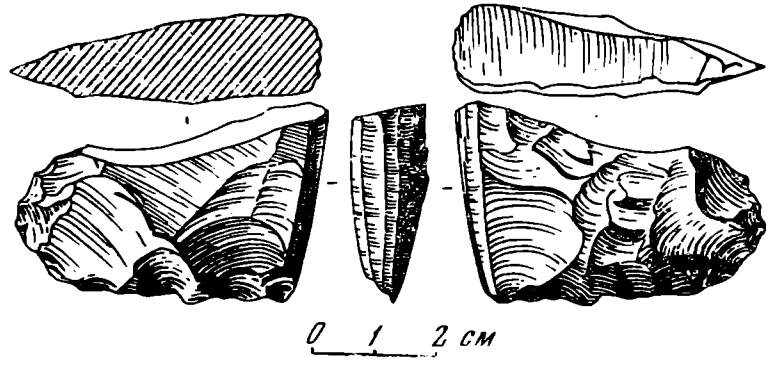


Рис. 5. Клиновидный («гобийский») нуклеус со стоянки Ихине

ние стоянки Ихине, расположенной на 63° с. ш., почти у Полярного круга, состоит также в том, что на сегодня она — самый северный палеолитический памятник Азии.

---

[6] Г. И. Медведев. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре. Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг. Иркутск, 1966, стр. 5—25.

[7] В. Х. Шамсутдинов. Новая верхнепалеолитическая стоянка в Забайкалье. БКИЧП, 32, М., 1966, стр. 128—133.

С. В. ОШИБКИНА

КОСТЯНЫЕ РУКОЯТИ ИЗ ПОЗДНЕКАРГОПОЛЬСКИХ СТОЯНОК

Впервые костяные рукояти дьяковского типа были найдены М. Е. Фосс на стоянке Веретье. Две рукояти с так называемым грибовидным навершием (рис. 1, *4*, *5*) были отнесены М. Е. Фосс к позднему слою — Верхнему Веретью, две другие (рис. 1, *6*, *7*) к раннему — Нижнее Веретье [1]. Нижнее Веретье представляет собой памятник без керамики, с большим

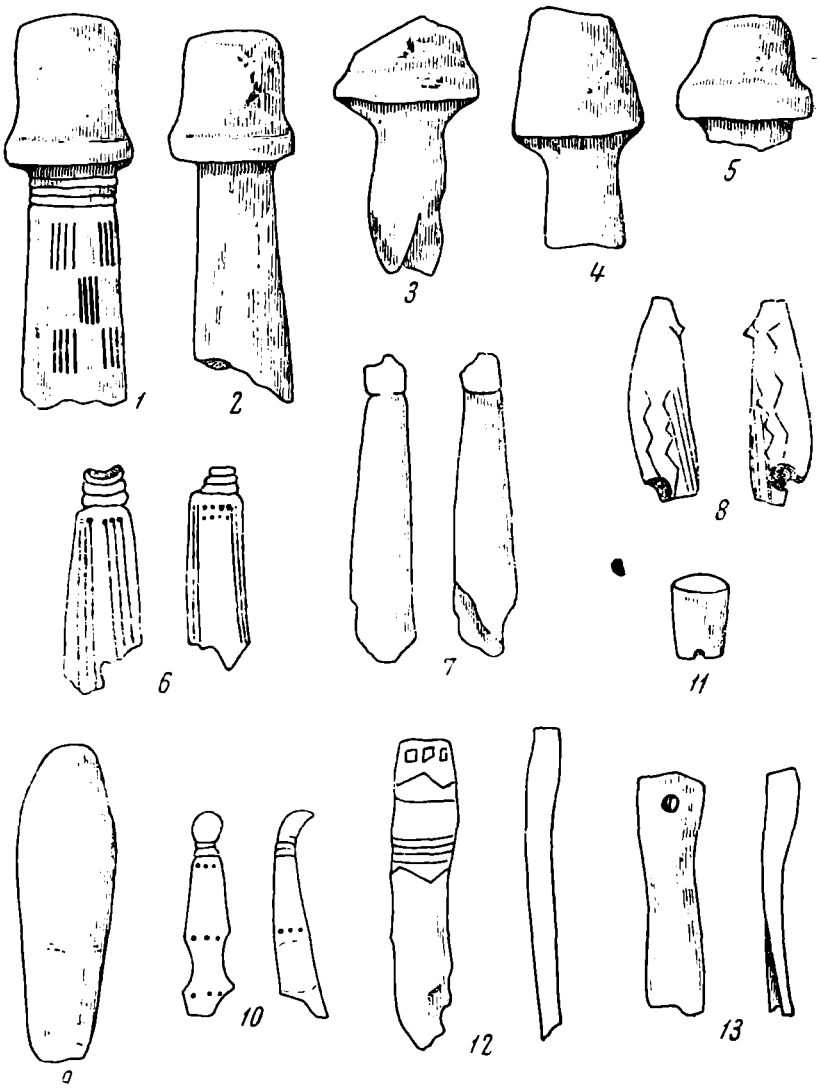


Рис. 1. Костяные рукояти ножей и шильев с позднекаргопольских поселений.

Селище — *1*, *2*, *10—13*; Кубенино II — *3*, *8*; Верхнее Веретье — *4—7*, *9*

количеством костяных орудий древнего типа и, по мнению М. Е. Фосс, может быть датирован 2500—2300 гг. до н. э. [2] Верхнее Веретье отнесено к каргопольской культуре, а костяные рукояти — к ее III этапу, т. е. ко времени VII—V вв. до н. э. [3] Обе стоянки находятся в слое торфа и разделены почти стерильной прослойкой, с редкими находками кремневых отщепов и костей животных [4]. При толщине стерильного слоя в 10—15 *см* в условиях торфяника вполне возможно проникновение вещей из верхнего слоя в нижний. Вероятно, поэтому одну из рукоятей, найденных в нижнем

[1] М. Е. Фосс. Стоянка Веретье. Тр. ГИМ, XII, М., 1941, табл. IX, *1*; X, *6*; V, *7*, *8*.
[2] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, 29, 1951, стр. 54.
[3] Там же, рис. 68.
[4] М. Е. Фосс. Стоянка Веретье, стр. 25.

слое, М. Е. Фосс относит к Верхнему Веретью и сопоставляет с костяными рукоятями дьяковских городищ [5].

Материалы Нижнего Веретья сопоставимы с Шигирским торфяником, с прибалтийскими стоянками Лубана и Кунда, где костяные рукояти неизвестны. С другой стороны, для городищ дьяковской культуры костяные рукояти металлических орудий представляют обычное явление. И если три рукояти стоянки Веретье отнесены к эпохе металла, то вряд ли четвертая может быть датирована серединой III тысячелетия до н. э., тем более, что аналогии этому предмету есть в дьяковской культуре.

За последнее время коллекция позднекаргопольских костяных рукоятей пополнилась находками со стоянок Селище и Кубенино II. Таким образом, сейчас насчитывается одиннадцать предметов этого рода, не считая костяных обкладок для ножей.

Наиболее распространенной формой следует считать рукояти с грибовидным навершием. Известно пять таких предметов: два на стоянке Селище (рис. 1, *1*, *2*), одна из Кубенино II (рис. 1, *3*), две со стоянки Верхнее Веретье (рис. 1, *4*, *5*). По размерам и пропорциям все они почти одинаковы; незначительные различия наблюдаются лишь в оформлении навершия. Например, одна из рукоятей Верхнего Веретья имеет навершие в виде простого блока (рис. 1). Аналогичные предметы известны на Кафтинском [6], Дьяковском [7], Щербинском [8], Пекуновском [9], Старшем Каширском городищах [10].

Позднекаргопольские рукояти с грибовидным навершием отличаются меньшими размерами, но в остальном почти идентичны дьяковским.

У трех рукоятей навершия обломаны. Две из них имеют круглое сечение и суживаются под навершие (рис. 1), что позволяет сравнивать их с подобными рукоятями с дьяковских и смоленских городищ, которые, как правило, имеют конусовидное навершие. Дьяковские рукояти этого вида отличаются большим разнообразием формы и орнаментального оформления. Они известны с городищ Гремячее [11], Кузина гора [12], Мамоново [13], Щербинское [14], Прислон [15]. Если рукояти с грибовидным навершием не выходят за пределы дьяковской культуры, то экземпляры с конусовидным и круглым навершием распространены и западнее. Они найдены на смоленских городищах Тушемля и Новые Батеки [16].

В Прибалтике один экземпляр костяной рукояти с конусовидным навершием найден на городище Даугмале, расположенном в низовьях Даугавы [17].

Рукоять со стоянки Кубенино II тоже не сохранилась целиком (рис. 1, *8*). Судя по овальному сечению и остаткам навершия, можно

---

[5] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера..., рис. 107, *1*.

[6] А. А. Спицын. Из собрания А. К. Рериха. ЗОРСА РАО, VII, 2, 1907, рис. 24.

[7] В. Н. Сизов. Дьяково городище близ Москвы. Тр. IX АС, II, 1897, табл. XXIII, *5*.

[8] И. Г. Розенфельдт. Щербинское городище. СА, 1964, 1, рис. 3, *14*.

[9] О. Н. Бадер. Древнее городище на Верхней Волге. МИА, 13, 1950, рис. 41, *1*.

[10] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, 85, 1937, рис. VIII, *3*.

[11] А. А. Спицын. Городища дьякова типа. ЗОРСА, V, рис. 91, 92.

[12] А. Е. Алихова. Городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962, рис. 5, *5*.

[13] В. А. Качанова. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Тр. МИРМ, V, 1954, рис. 14, *13*.

[14] И. Г. Розенфельдт. Ук. соч., рис. 3, *19*.

[15] Л. А. Евтюхова. Городище у дер. Прислон. Тр. СА РАНИОН, IV, 1929, стр. 217, рис. 5.

[16] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, рис. 10, *5*; 14, *7*.

[17] Я. Я. Граудонис. Поздний бронзовый и ранний железный век на территории Латвийской ССР (I тысячелетие до н. э.). Канд. дис., 1962, архив ЛОИА, альбом, рис. 7, *5*.

предположить, что она имела форму, близкую рукоятям с отогнутым концом с Мамонова [18] и Щербинского [19] городищ.

Предметы подобной формы встречены только на собственно дьяковских городищах. Они выполнялись из кости и бронзы, например, рукояти с городищ Топорок [20], Старшее Каширское [21], Мамоново.

Закругленный и отогнутый ложковидный конец довольно характерен для дьяковских рукоятей ножей и шильев и, возможно, имел фунциональное назначение. Среди позднекаргопольских особенно интересна рукоять шила с боковыми углублениями для пальцев со стоянки Селище (рис. 1, *10*). Могут быть указаны три совершенно аналогичных предмета. На Пекуновском городище на Верхней Волге обнаружена точно такая же рукоять шила со следами железного острия [22]. От орудия сохранилась средняя орнаментированная часть с боковыми углублениями. От рукояти из Селища она отличается более крупным размером.

Орудие этого типа найдено на селище Красный Холм под Ярославлем [23].

Третий экземпляр шила с перехватом опубликован А. А. Спицыным среди вятских древностей [24]. По форме, пропорциям и орнаментации эта рукоять совершенно аналогична дьяковским орудиям и может считаться для Приуралья импортом.

На позднекаргопольских стоянках найдены шилья простой цилиндрической формы. На одном из них, из Селища, по линии слома сохранились следы отверстия, служившего, видимо, для скрепления с острием. На дьяковских городищах рукояти шильев простой формы встречены неоднократно — на Старшем Каширском [25], Дьяковском [26], Огубском [27], причем последнее отличается массивной укороченной формой и обработано срезами без последующей обработки. Вообще простые рукояти шильев разнообразны, строгого стандарта в этом виде предметов нет. В то же время рукояти ножей, особенно с навершием грибовидной формы и в виде блока, отличаются редким постоянством оформления и орнаментации.

На позднекаргопольских стоянках встречены костяные обкладки для рукоятей ножей (рис. 1, *12*, *13*). Они имели иногда отверстие для скрепления с рукоятью, но, возможно, и просто привязывались.

Некоторые из позднекаргопольских костяных рукоятей орнаментированы. У одной из них под самым навершием проходит пояс из четырех резных линий, а тулово украшено группами коротких резных линий, расположенных в шахматном порядке (рис. 1, *1*).

На рукояти из Верхнего Веретья те же резные полосы дополнены полоской углублений треугольной формы и продольными резными линиями (рис. 1, *6*). На дьяковских рукоятях встречаются почти идентичные узоры. На рукояти с Кафтинского городища продольные линии сгруппированы по три и разделены треугольными ямками. Полосы резных линий под навершием украшают рукоять из Щербинского и Пекуновского городищ. Позднекаргопольская рукоять из Кубенино II (рис. 1, *8*) украшена зигзагообразными и прямыми линиями, что отчасти напоминает орнамен-

---

[18] В. А. Качанова. Ук. соч., рис. 22, *а*.

[19] И. Г. Розенфельдт. Ук. соч., рис. 3, *20*.

[20] Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок, Тверской губ., Корчеватовского уезда. Тр. Тверского обл. АС, Тверь, 1906.

[21] В. А. Городцов. Ук. соч., рис. IX, *6*.

[22] О. Н. Бадер. Ук. соч., рис. 42, *5*.

[23] П. Н. Третьяков. ИГАИМК, 109, 1, 1935. Работы на строительстве Ярославской ГЭС. Участок Молога — Норское, рис. 106, *6*.

[24] А. А. Спицын. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. МАВГР, 1, М., 1893, табл. XI, *33*.

[25] В. А. Городцов. Ук. соч., рис. VIII, *1*, *8*.

[26] Коллекция ГИМ, 63.

[27] Коллекция ГИМ, 81/28.

тацию аналогичного изделия из Щербинского городища. Поразительное сходство наблюдается в орнаментации шильев с перехватом.

Костяные рукояти редко встречаются за пределами дьяковской культуры. Отдельные экземпляры с круглым или конусовидным навершием найдены на смоленских городищах и в Прибалтике, но они отличаются большим своеобразием. Смоленские рукояти орнаментированы поперечными поясками нарезных линий, промежутки между линиями иногда заполняются косыми нарезками. Этот орнаментальный мотив встречается на костяных булавках со шляпкой с городищ Латвии [28]. Это своеобразие свидетельствует о местном изготовлении смоленских рукоятей и влиянии прибалтийских мотивов в орнаментации.

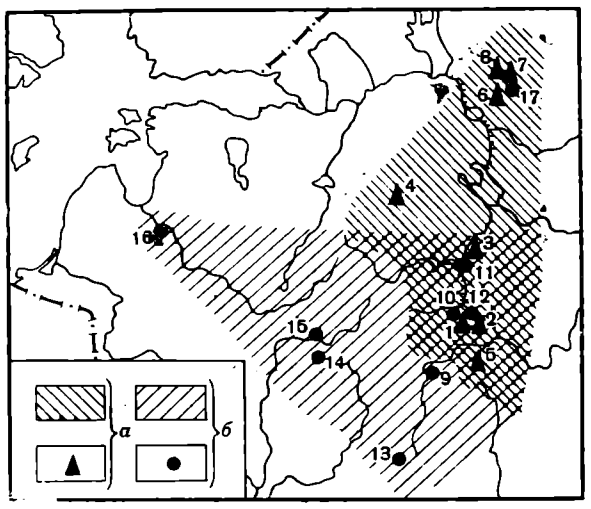


Рис. 2. Карта распространения рукоятей ножей с грибовидным навершием и памятники, где они найдены

а — зона распространения рукоятей *1* — Щербинское, *2* — Дьяковское, *3* — Пекуновское, *4* — Катжинское, *5* — Старшее Каширское, *6* — Селище, *7* — Верхнее Веретье, *8* — Кубенино II (*1—5* — дьяковские городища, *6—8* — позднекаргопольские поселения). *б* — зона распространения рукоятей с конусовидным навершием. *9* — Гремячее, *10* — Щербинское, *11* — Прислон, *12* — Мамоново, *13* — Кузина гора, *14* — Тушемля, *15* — Новые Батеки, *16* — Даугмале, *17* — Верхнее Веретье (*9—13* — дьяковские городища, *14—15* — верхнеднепровские городища, *17* — позднекаргопольская стоянка)

На восток, в Прикамье, проникают лишь отдельные экземпляры рукоятей дьяковского типа.

Но в Восточном Приокожье эти изделия получили широкое распространение. Их появление может быть объяснено или ввозом железных ножей и шильев с дьяковских городищ, или их местным изготовлением по привозным образцам. Исключительное сходство формы и орнаментации как будто говорит о ввозе готовых орудий. Но для позднекаргопольской культуры характерны уменьшенные размеры рукоятей, что позволяет предположить их местное изготовление. Это тем более вероятно, что металлургия железа была освоена позднекаргопольскими племенами, о чем свидетельствуют находки железных изделий и крицы на Селище и железоплавильного горна на стоянке Ольский мыс [29].

Так или иначе находки рукоятей дьяковского типа в Восточном Приокожье свидетельствуют о существовании тесных связей между дьяковской и позднекаргопольской культурами. Это подтверждается также появлением в керамике Восточного Приокожья элементов орнамента, свойственных дьяковской культуре.

Сложным вопросом является определение времени этих связей. Нижняя дата дьяковской культуры определяется VIII—VII вв. до н. э. Последние раскопки больших дьяковских городищ (Щербинское, Троицкое) показали, что костяные рукояти встречаются не в самых нижних слоях. К тому же эти городища возникли, по мнению исследователей, не ранее IV в. до н. э.

По этим данным нижняя дата костяных рукоятей — не ранее IV в. до н. э. С другой стороны, на Старшем Каширском городище найдены костяные рукояти, а время существования его определяется VII—V вв. до н. э. [30] Следовательно, можно считать, что костяные рукояти были из-

[28] Я. Я. Граудонис. Ук. соч.

[29] О. В. Овсянников, Г. В. Григорьева. Железоплавильный горн на стоянке Ольский мыс. КСИА АН СССР, 102, 1964.

[30] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 45.

вестны уже в период возникновения городищ и существовали довольно долго, до последних веков до нашей эры.

Возникновение активной связи между позднекаргопольской и дьяковской культурами совпадает с проникновением на территории этих культур ананьинских вещей, а следовательно, может быть датировано VII—V вв. до н. э.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

ЕЩЕ ОБ ОДНОМ МИНУСИНСКОМ НОЖЕ [1]

Бронзовые южносибирские ножи со скульптурным изображением головы животного на рукоятке представляют большую редкость. Из Хакасско-Минусинской котловины известно всего семь ножей со звериными навершиями, относимых к карасукскому времени [2], однако до сих пор они не были предметом специального изучения. Тем больший интерес представляет нож с головою быка на рукоятке, найденный в 1936 г. на пашне в Ширинском районе Красноярского края и никогда ранее не публиковавшийся [3]. Это прекрасный экземпляр ножа из золотистой бронзы, покрытой темно-зеленой патиной. Рукоятка и клинок плавной дугой переходят друг в друга, гарда отсутствует. Рукоять увенчана реалистически исполненной головой быка, в чем убеждает тупоносая морда, намеченная холка, а также явное сходство с изображением быка на ноже из улуса Красный Яр. Однако отдельно стоящие, круто загибающиеся назад рога животного напоминают рога горного козла; они сливаются остриями со спинкой ножа, образуя два кольца (рис. 1, *2*). Сделан нож путем многоформенного литья, подобно аньянским ножам со звериными навершиями [4]; причем несовпадение створок литейных форм привело к некоторой асимметрии головы животного (рис. 1, *2*, *а*).

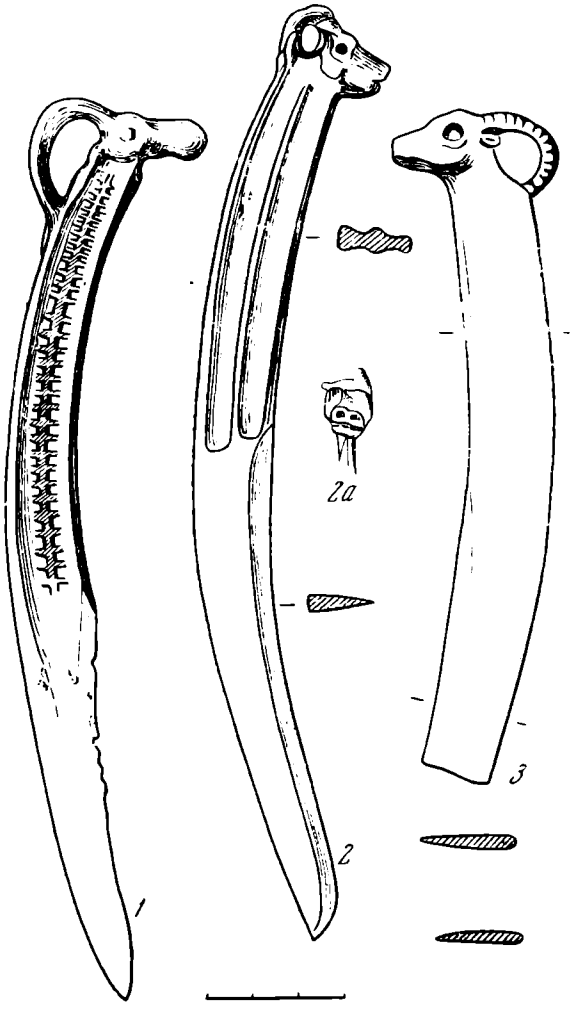


Рис. 1. *1* — нож из Ордосской пустыни; *2* — нож из Ширинского р-на Красноярского края; *3* — нож из с. Табат

Трудно ожидать каких-либо абсолютных аналогий нашему пред-

[1] К 40-летию работы С. Р. Цыганкова. С. Р. Цыганков. Описание некоторых уникат археологической коллекции Минусинского музея. Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова. Минусинск, IV, 1, 1926.

[2] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XI, *1*, *2*, *5*; табл. XII, *62*, *63*; М. П. Грязнов. Бронзовый кинжал с оз. Кото-кёль. Верхне-Удинск, 1929; А. Н. Липский. Карасукские погребения (1200—700 лет до н. э.) в г. Абакане. Краеведческий сборник. 1, Абакан, 1956, табл. 3, *2*; И. П. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности. 1, Томск, 1908, табл. IX, *6*.

[3] Хранится в Гос. минусинском музее им. Н. М. Мартьянова, инв. № 12522.

[4] Li Chi. The Beginnings of Chinese Civilisation. Washington, 1957.

мету среди ножей с головами животных: каждый такой нож являлся уникальным художественным изделием, делавшимся, скорее всего, с учетом запросов его будущего владельца. Близкую параллель ширинской находке представляет бронзовый изогнутый нож из Ордосской пустыни, двояковогнутая рукоятка которого украшена реалистически трактованной головой лося с большими, круто загнутыми в два кольца рогами, напоминающими рога горного козла. Вдоль рукоятки, составляющей с клинком единую дугу, нанесена рельефная «лесенка» [5] (рис. 1, *1*). На двух других ножах, также случайных находках из Ордоса, имеются стилистически очень близкие изображения — навершия в виде головы лося с отогнутыми назад козлиными рогами [6]. И хотя первый нож из Ордоса имеет забайкальский облик, а два других обладают чисто ордосской чеканностью форм, время существования их можно с уверенностью синхронизировать с карасукской эпохой на Среднем Енисее.

Изогнутость и характерное сечение рукояти сближают нож из Стокгольмского музея с обширной группой изогнутых карасукских ножей с навершием в виде кольцевого расширения [7]. Образцы такого рода найдены в классических карасукских могильниках на р. Кара-сук (раскопки М. П. Грязнова) и у Окунева улуса (раскопки С. А. Теплоухова) [8]. Один из них обнаружен вместе с петельным тагарским ножом в погребении Райкова улуса, имеющем раннетагарский облик. Местный вариант ножей с кольцевым расширением абсолютно преобладает в среднебронзовом веке Забайкалья, и хотя близкие по форме ножи эпизодически встречаются в Ордосе, все же такая форма имеет, по-видимому, именно забайкальское происхождение [9]. Поскольку карасукские ножи со звериными навершиями могут быть присоединены к той или иной группе коленчатых или изогнутых ножей, из среды которых они выделяются только своеобразием своего навершия, можно говорить о близости ширинского ножа к минусинским ножам с кольцевым расширением, в особенности к их забайкальским аналогам. Следовательно, ширинский нож, по всей вероятности, надлежит датировать временем расцвета классической, батеневской ветви карасукской культуры на Среднем Енисее.

Далее, отметим, что если признать правильными отождествления скульптурных наверший ножей с определенным видом животного, которые делают различные авторы, возникает любопытный вопрос о сочетании в некоторых изображениях черт различных животных. Существуют разноречивые мнения относительно определения одних и тех же наверший на карасукских изогнутых ножах как лося и горного козла, быка и горного козла, что вызывается отнюдь не аморфностью, а преднамеренной эклектичностью изображения. Так, нож из улуса Красный Яр имеет изображение зверя с удлиненной вислой мордой, очевидно лосиной, однако дуга рогов может принадлежать только горному козлу [10]. Лосиные головы на многих ордосских ножах украшены рогами козлов; аналогичные скульп-

---

[5] Хранится в Стокгольмском музее дальневосточных древностей. См. B. Karlgren. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty. BMFEA, 1945, XVII, рис. 224. Установить сибирское или северокитайское происхождение такого оригинального орнамента, встреченного на Енисее только на коленчатых ножах, преимущественно с шипом, а в областях юго-востока на изогнутых ножах (коленчатые там, как известно, отсутствуют), представляется пока затруднительным.

[6] B. Karlgren. Some Weapons..., рис. 223; M. Loehr. Ordos Daggers and Knives. II Part: Knives. «Artibus Asiae», XIV, 1951, стр. 92, 93, 151, 152, рис. 41.

[7] Неоднократно издавались. См., например, В. В. Радлов. Сибирские древности. I, 1, СПб., 1888, табл. IV, *17*, *18*, *21*; табл. VI, *2*; F. Martin. L'age du bronze au musee de Minoussinsk. Stockholm, 1893, табл. 13, *1—3*, *6—8*, *10*, *11*.

[8] Материалы хранятся в Гос. Эрмитаже.

[9] А. Н. Липский. Археологические раскопки в Хакассии. КСИИМК, 64, 1956, рис. 53; Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. XXV, *11*, *17*, *22*; M. Loehr. Ordos Daggers and Knives..., рис. 75, 76, 82, 85.

[10] F. Martin. L'age du bronze..., табл. 11, *1*.

турки венчают рукояти ряда ордосских кинжалов [11]. Эту же особенность мы находим и на ширинском ноже, где бычья морда имеет рога козла. По-видимому, все это нельзя относить за счет причуд мастерства древних литейщиков; здесь следует видеть определенную закономерность, отражающую известный этап развития художественного литья в степях Южной Сибири и Внутренней Монголии. В этих эклектических образах можно, пожалуй, видеть первые ростки восточносибирского варианта «звериного стиля», зародившиеся в пору наибольшего расцвета карасукской культуры и синхронных ей очагов развитой бронзы. Эти изделия еще лишены характерных для «звериного стиля» неестественных, чисто орнаментальных построений отдельных частей изображения, ножи и кинжалы имеют пока лишь голову животного, хотя в Ордосе встречаются достаточно вычурные образцы. Тем более к «звериному стилю» не могут быть отнесены примитивно реалистические изображения животных на коленчатых ножах, принадлежащих местной ветви карасукской культуры на Среднем Енисее: голова барана на двух ножах из с. Беллык, голова быка на ноже из улуса Красный Яр, голова лошади на ноже из бассейна р. Беи [12]. В этих скульптурах видны реалистические, в полном смысле этого слова, изображения, вылившиеся в мощную струю цветущего реализма тагарской эпохи. Неясно, насколько близки им стилистически головки на изогнутых ножах. По всей видимости, последние войдут в одно семейство с ордосскими ножами. Однако сказанное отнюдь не означает отрицания генетической связи первой и второй групп «звериных скульптур». Просто пока невозможно с полной убедительностью установить корни происхождения ордосского очага бронзовой культуры в смысле его взаимосвязи с южносибирскими металлургическими центрами. Возможно, будущее подтвердит правомерность утверждения Сибири, и в частности Хакасско-Минусинской котловины, в роли родоначальника сибирско-монгольского варианта «звериного стиля» тагарской эпохи. Во всяком случае, основу тагарского реализма можно видеть еще в карасукское время на скульптурках коленчатых ножей, характеризующих местную линию культурного развития, истоки которой уходят в местные раннебронзовые и позднеэнеолитические культуры. В основе этого искусства лежат древнейшие сибирско-азиатские реалистические изображения животных, в частности, окуневские.

Наконец, еще один штрих в истории развития карасукских ножей украшенных головами животных. Имеется небольшая группа дуговых ножей, оканчивающихся навершиями, сходными с головками на коленчатых ножах. Сюда относятся: известный нож с головой барана, найденный в плиточной могиле близ Нерчинска, нож с головой козерога из с. Табат (Средний Енисей) (рис. 1, *3*) и происходящий оттуда же нож с головой лошади или мула [13]. У всех этих ножей голова животного располагается под прямым углом к рукоятке, в отличие от расположения голов животных на классических тагарских изделиях. Их навершия имеют объемные решения, что опять-таки отличает их от тагарских. Рукоятки всех трех ножей полностью сливаются с клинками, составляя единую гладкую поверхность, сечение рукояток пластинчатое. На нерчинском экземпляре рукоять выделяется орнаментом в виде идущих людей; орнамент из ряда живых существ, реже растений, типичен для ордосских ножей начала I тысячелетия до н. э. [14] Рассмотренные ножи не могут быть причислены ни

---

[11] A. Salmony. Sino-Siberian Art. Paris, 1933, табл. XXXVI, *4, 5*; B. Karlgren. Some Weapons..., рис. 182.

[12] С. Р. Цыганков. Ук. соч., стр. 86, 88; В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, рис. 5; С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XI, *1, 5*, табл. XII, *63*; И. П. Кузнецов-Красноярский. Ук. соч., табл. IX, *6*; F. Martin. Ук. соч., табл. 12, *1*; B. Karlgren. Ук. соч., рис. 237.

[13] Г. П. Сосновский. К истории добычи олова на востоке СССР. ПИМК, 1933, 9—10, стр. 16; И. П. Кузнецов-Красноярский. Ук. соч., табл. X, *12*; B. Karlgren. Some Weapons..., рис. 236.

[14] M. Loehr. Ordos Daggers and Knives..., табл. V—VII.

к изогнутым карасукским, ни к раннетагарским. Если их навершия говорят о близкой преемственности манеры исполнения скульптурок на коленчатых карасукских экземплярах, то особенность формы сближает эти ножи с байновскими образцами. По всей видимости, оба ножа из с. Табат и могут быть отнесены к байновскому кругу памятников Хакасско-Минусинской котловины, сохранивших и развивших в себе многие черты местной ветви карасукской культуры, характеризовавшейся, в частности, коленчатыми ножами. Будущие раскопки покажут правомерность высказанного соображения, которое, однако, может уже сейчас способствовать заполнению пробела в деле изучения памятников типа Байнова улуса, далеко не полностью опубликованных. Схематично реалистические изображения на ножах, предположительно отнесенных нами к байновским, позднекарасукский нож с головою быка и рогами горного козла из Ширинского района Красноярского края, ножи со звериными навершиями, происходящие из других сел и улусов долин Среднего Енисея, еще не раз должны явиться предметом детального изучения при составлении достаточно полной истории развития древнего искусства Южной Сибири.

И. А. ЛУНЕГОВ

САСАНИДСКОЕ БЛЮДО ИЗ ПРИКАМЬЯ

В мае 1967 г. в Чердынский краеведческий музей им. Пушкина поступил интересный предмет, приобретенный у местной колхозницы Могильниковой Таисьи Яковлевны, проживающей в д. Аниковской Чердынского района Пермской области. Она нашла на своем приусадебном участке на глубине 40 *см* серебряную тарелку весом 841 *г*. На обратной стороне ее хорошо виден кружок диаметром 6,9 *см*, разделенный на сектора линиями, идущими от центра и расходящимися на восемь прямых линий, упирающихся концами в круг.

Диаметр тарелки 21 *см*, глубина ее 2,9 *см*. По краю идет небольшой бортик шириной 0,9 и толщиной 0,4 *см*. Бортик гладкий, со слегка сохранившейся позолотой.

С лицевой стороны тарелки, на ее днище, сохранился барельефный рисунок со следами позолоты, изображающий сцену охоты. В центре, верхом на лошади, всадник с короной на голове и в пышном одеянии. Вокруг его головы изображен нимб, на диске которого — точечные украшения. Волосы подобраны и подвязаны, в правом ухе серьга, на голове легкая повязка, скрытая короной. Концы повязки развеваются на ветру. Лицо у всадника молодое, на щеках и нижней челюсти заметна небольшая курчавая борода. Грудь его прикрыта панцирем в форме четырехугольника с полукругом на шее.

Всадник подпоясан ремнем, к которому прикреплен другой ремешок с футляром для хранения запасных дротиков. На футляре — орнамент в форме сердца. За спиной всадника видна рукоять меча с шаровидным навершием и прямым перекрестьем. Около шарика гравировкой изображен небольшой флажок. Поверх короны заметен полумесяц, рога которого обращены кверху.

Правая рука всадника с дротиком отведена назад для броска в раненого медведя. Вытянутой лапой зверь готов схватить наездника. Зубами медведь рвет древко второго дротика, пронзившего его левый локоть. Второй медведь лежит около фантастического дерева, вершина которого кончается тремя широкими листьями. Медведь сражен дротиком и в предсмертных судорогах сжимает в пасти его древко. Около задних ног этого медведя видны два небольших фантастических деревца. Вершины деревь-

ев увенчаны ромбовидными украшениями, сучья на их стволах изображены в три ряда.

Всадник прочно держится в седле. Шея лошади изогнута, с густой гривой, выше которой три небольших выступа, расположенных симметрично вдоль гривы. Челка лошади завязана в пучок. На голове лошади уздечка с мелкими, круглыми бляшками в местах соединения уздечных ремней. С левой стороны изогнутой шеи лошади обозначены два древка с остриями

Рис. Серебряное иранское блюдо из д. Аниковской Чердынского района Пермской области

наверху, а правее их развевающаяся лента. Над крупом лошади видны два, рядом находящихся цветка. Передние ноги и весь корпус лошади подтянуты так, как будто она вместе с всадником, броском, хочет придавить стоящего на задних ногах медведя.

Композиция охотничьей сцены выполнена искусно. Нетрудно угадать и охотника, изображенного на блюде. Судя по короне, это Хозров I.

Эта тарелка попала в Прикамье из Ирана не как бытовая вещь, а как предмет, необходимый местным шаманам для религиозных целей. В пользу такого предположения говорят два небольших отверстия, пробитые на краю тарелки, для подвешивания. Расстояние между ними 8,5 *см*. Диаметр первого отверстия 3, а второго — 2 *мм*. Не исключено, что диск тарелки символизировал солнце. Известно, что культ его был широко распространен в древности. На тарелке сохранились и магические рисунки, нанесенные местным художником, по-видимому шаманом. Они прочерчены острием как на лицевой стороне тарелки, так и на обороте. На лицевой

стороне нам удалось выявить изображения двух рыб, лося, двух мифологических зверей, три человеческих фигуры и два небесных светила.

На обратной стороне тарелки сохранились изображения трех мифологических зверей и трех мифологических существ в виде человеческих фигур, с саблями и луками.

Назначение и смысл рисунков пока еще не разгаданы. Несомненно, что они были нужны шаману при совершении языческих обрядов.

В окрестности д. Аниковской еще в 1909 г. была найдена тарелка иранского происхождения, датируемая V в. (осада башни). В 1936 г. автору этих строк удалось приобрести три серебряных блюда также из д. Аниковской [1], публикуемое блюдо — четвертое, происходящее из этой деревни.

Новая находка восточного серебра, поступившая в Чердынский краеведческий музей им. Пушкина, является произведением иранского мастера, и, судя по изображениям, ее можно датировать серединой или концом VI в.

[1] К. В. Тревер. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. Л., 1937.

С. П. БУРЛАЦКАЯ, Т. Б. НЕЧАЕВА

ДАТИРОВАНИЕ ОБРАЗЦОВ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ АРХЕОМАГНИТНЫМ МЕТОДОМ

В настоящее время можно считать законченным первый этап в развитии археомагнетизма, когда необходимо было утвердить правомочность метода, т. е. доказать, что по намагниченности обожженных глин можно получать достоверные данные о магнитном поле Земли в прошлые эпохи и использовать эти данные для решения обратной задачи археомагнетизма — археомагнитного датирования.

Большинство зарубежных и отечественных работ посвящено решению прямой задачи археомагнетизма — восстановлению истории древнего магнитного поля Земли [1].

Практическое решение обратной задачи — археомагнитного датирования — является весьма сложным при достаточно простой принципиальной постановке задачи. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что попытки датирования конкретных археологических объектов пока крайне малочисленны и впервые начинают осуществляться лишь в нашей стране.

Первый опыт археомагнитного датирования относился к средневековым памятникам архитектуры Кавказа. Результаты оказались удачными и были опубликованы [2].

[1] R. L. Du Bois, N. Watanabe. Preliminary Results of Investigations Made to Study the Use Indian Pottery to Determine the Paleointensity of the Geomagnetic Field for United States 600—1400 A. D. «Journal of Geomagnetism and Geoelektricity», 1965, 17, 5—6, стр. 417; R. L. Du Bois. Some New Archeomagnetic Results from Southwestern United States. Transactions Amer. Geophys. Union., 1965, 46, 1, стр. 64; N. Kawai, K. Hirooka, S. Sasajima, X. Yaskawa, H. Ito, S. Kume. Archeomagnetic Studies in Southwestern Japan. Ann. Geophys., 1965, 21, 4, стр. 574; T. Nagata, K. Koboyashi, E. Schwarz. Archeomagnetic Intensity Studies of South and Central America. «Journal of Geomagnetism and Geoelektricity», 1965, 17, 3—4, стр. 399; S. Sasajima, J. Manaka. Intensity Studies of the Geomagnetic Field for the Past 2000 Years in West Japan. 1964 Annual Progress Report of the Rock Magnetic Research Group in Japan. Tokio, 1964, стр. 44.

[2] С. П. Бурлацкая. Археомагнетизм. Исследование магнитного поля Земли в прошлые эпохи. М., 1965; С. П. Бурлацкая, Т. Б. Нечаева. Датирование археологических объектов археомагнитным методом. Сб. «Археология и естественные науки», М., 1965, стр. 50; С. П. Бурлацкая, Т. Б. Нечаева, Г. П. Петрова. Оценка западного дрейфа векового хода наклонения и изменения магнитного момента Земли по археомагнитным данным. Изв. АН СССР, Физика Земли, 1965, 6, стр. 31; Е. Н. Тархов. Изучение векового хода геомагнитного поля археомагнитным мето-

Когда речь идет о том или ином методе датирования, естественно, возникает вопрос о разрешающей способности метода. К сожалению, нельзя назвать конкретной цифры, характеризующей точность археомагнитного метода датирования в целом, поскольку возможная погрешность определения даты зависит от вида опорной кривой векового хода (амплитуды, скорости изменения). Таким образом, можно говорить лишь о средней точности для данного района. Так, для Кавказа средняя ошибка датирования для последнего тысячелетия была оценена величиной 25 лет (с учетом всех возможных ошибок, включая инструментальную) [3].

После опробования метода перед нами была поставлена задача более широкого исторического плана — определение хронологии некоторых памятников черняховской культуры. Поскольку поселения этой культуры распространены на большой территории (Украина, Молдавия), то нужно было получить единую для всей этой территории кривую вариаций геомагнитного поля, служащую основой для датирования. В этом состоит принципиальная трудность решения данной конкретной проблемы, а также задач археомагнитного профиля вообще.

Дело в том, что кривые вековых вариаций магнитного поля, служащие эталоном для сравнения при археомагнитном датировании, имеют региональный характер, т. е. описывают изменения поля только внутри ограниченной области (области одинакового векового хода). Поэтому, строго говоря, мы имеем право строить такие кривые только для узко локальных территорий. Поскольку в одном и том же географическом пункте трудно собрать коллекцию образцов, охватывающих значительный интервал времени (несколько сот лет), то для построения кривой вековых вариаций приходится использовать материал, полученный с больших территорий. В этом случае необходимо, во-первых, убедиться, что данная территория представляет одну и ту же область векового хода, и, во-вторых, ввести соответствующие поправки на широту и долготу места, т. е. привести все результаты к одной и той же широте и долготе. Это возможно лишь тогда, когда известны хотя бы в первом приближении закономерности распределения элементов земного магнетизма по поверхности Земли и законы их изменения во времени в прошлые эпохи. Анализ прямых наблюдений за магнитным полем Земли не дает возможности выявить такие закономерности. Поэтому постановка геофизической задачи — изучение характера распределения и изменения во времени магнитного поля Земли в прошлые эпохи — необходимый этап в разработке археомагнитного метода датирования керамики.

В этом отношении достигнуты следующие результаты.

1. Установлен планетарный характер изменения напряженности геомагнитного поля.

2. Показано, что по крайней мере в последние 700 лет существовал западный дрейф магнитного поля со скоростью порядка 0,2 градуса в год (по наклонению). Это позволяет вводить поправку на долготу при построении кривых вариаций.

3. Установлено, что зависимость средней величины наклонения от географической широты имеет дипольный характер.

Имея такую геофизическую основу, можно было приступить к построению кривой вековых вариаций наклонения для исследуемой территории. Решение этой задачи нужно было начать с подбора коллекции образцов, хорошо датированных и охватывающих интересующий нас интервал времени. С этой целью была предпринята специальная экспедиция для сбора коллекций на территории Украины и Молдавии.

дом. Настоящее и прошлое магнитного поля Земли. М., 1965, стр. 63; его же. Некоторые результаты археомагнитных исследований на Западе Советского Союза. «Геомагнетизм и аэрономия», 1965, V, 1, стр. 134.

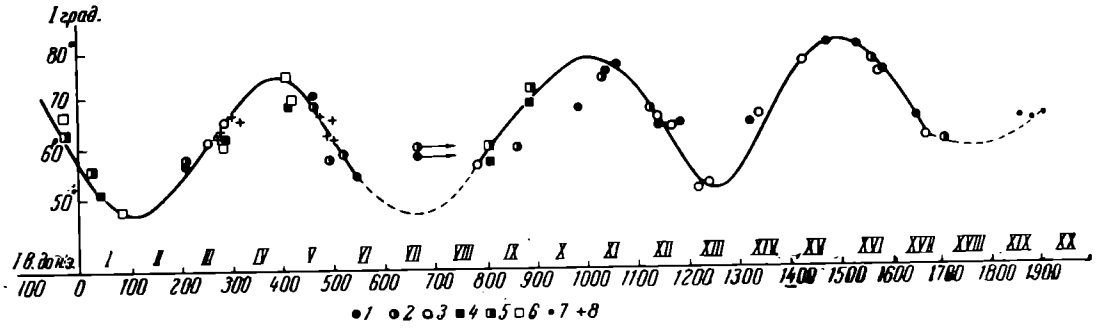
[3] С. П. Бурлацкая. Ук. соч., стр. 99; С. П. Бурлацкая, Т. Б. Нечаева. Ук. соч., стр. 50.

Таблица I

Географический пункт	Объект	Археологическая дата	Географический пункт	Объект	Археологическая дата
Тарпанчи (Крым)	Гончарная печь, фрагмент	I в. до н. э.	Киев	Десятинная церковь	989—996 гг.
Симферополь (Неаполь Скифский)	Фрагменты жаровни	I в. до н. э. I в. н. э.	»	Софийский собор	1037 г.
Парутино (Ольвия)	Агора, гончарная печь под домом Агрота, фрагменты пода топки	I в.	Чернигов	Церковь Спаса	1036 г.
»	Гончарная печь за оборонительной стеной. фрагменты пода обжигательной камеры	I—III вв.	Киев	Киево-Печерская Лавра, Успенский собор	1073—1078 гг.
Белгород-Днестровский (Тира)	Черепица с клеймом римского легиона	Середина II в.	Канев	Успенский собор	1144 г.
Козырка	Городище римского времени; кирпичи	Середина II в. — середина III в.	Киев	Кирилловский собор	1146 г.
Парутино (Ольвия)	Преторий, кирпичи	I—III вв.	Чернигов	Церковь Благовещения	1185 г.
»	Печь для выпечки хлеба в Нижнем Городе, плитки пода	Конец III в.	Вышгород (Киевской обл.)	Церковь Бориса и Глеба	Конец XII в.
Тамань (Фанагория)	Гончарная печь, фрагменты стенок и пода	Вторая половина IV в.	Оргеев (Старый Орхей)	Фундамент жилого дома	30-е годы XIV в.
Севастополь (Херсонес)	Склеп, кирпичи	V в.	Острог (Ровенской обл.)	Замок, литовский кирпич	XIV в.
»	Храм-усыпальница, кирпичи	V — начало VI в.	Львов	Кафедральный собор	1370 г.
»	Базилика 28, кирпичи	V—VI вв.	Олеско	Замок Яна Собеского	1412 г.
»	Северная базилика, кирпичи	VI в.	Белгород-Днестровский	Турецкая крепость	XV в.
»	Крещальня, кирпичи	VI в. (возможно, VII в.)	Каменец-Подольский	Крепость	XV в.
»	Западная базилика, кирпичи	VII в. (или позже)	Межирич-Острожский (Ровенской обл.)	Троицкий монастырь. Башня	XV в.
Канакская балка (Крым)	Гончарная печь, фрагменты стенок, топки	VIII—IX вв.	Чернигов	Елецкий монастырь, восточные кельи	Конец XVI в.
Чобан-Кале (Крым)	Гончарная печь, фрагменты стенок топочного канала	VIII—IX вв.	Каменец-Подольский	Кирпичи из арочного пояса на башне крепости	1672—1692 гг.
Мисхор (Крым)	Гончарная печь	IX в.	Киев	Андреевская церковь	1746—1761 гг.

В Северном Причерноморье был собран материал, относящийся к первым векам нашей эры (Херсонес, Ольвия, Козырка, Фанагория и др.). В Киеве, Чернигове, Львове и других городах были отобраны образцы кирпичей из хорошо датированных памятников архитектуры.

В табл. 1 перечислены основные объекты, использованные для получения опорных точек на кривой. При обработке коллекции использовался метод термомагнитной чистки и метод последовательных нагревов [4].



Кривая вековых вариаций геомагнитного наклонения на территории Украины и Молдавии

1 — термоизмерения кирпичей, *2* — температурная чистка кирпичей, *3* — изотермические измерения кирпичей, *4* — термоизмерения печей, *5* — температурная чистка печей, *6* — изотермические измерения печей, *7* — обсерваторные измерения, *8* — результаты датирования

Для тех образцов, на которых был проведен полный цикл последовательных нагревов, были получены значения напряженности древнего поля.

На рисунке представлена полученная кривая наклонения геомагнитного поля для изучаемой территории. Правая часть кривой вариаций наклонения (XI—XX вв.) построена по материалу, отобранному в основном на территории средней, северной и западной Украины (см. таблицу), а также Молдавии. Достаточно большое количество образцов и надежная их датировка позволили легко определить ход кривой наклонения для этого промежутка времени. Этого нельзя сказать о левой части кривой (от начала нашей эры до X в.), поскольку небольшое количество образцов и широкие пределы их датировки затрудняли проведение кривой. Материал для построения этой части кривой относится к территории Крыма и Северного Причерноморья. Ряд опорных точек, полученных по результатам исследований образцов из надежно датированных печей (Фанагория, Ольвия, Чобан-Кале, Мисхор и др.), позволил определить вид кривой наклонения для этого периода. Некоторые участки кривой (VI—VII вв.) проведены условно из-за недостатка данных.

Сопоставление характеристик левой и правой частей кривой, а именно абсолютных величин наклонения, амплитуд и периодов его изменения, показало их единство. В результате была построена общая кривая для территории Украины—Крыма—Молдавии с учетом соответствующих поправок на широту и долготу (все результаты приведены к широте и долготе Киева). Это позволило уточнить ход наклонения на некоторых участках в левой части кривой.

Следует напомнить, что точность археомагнитного датирования в значительной степени зависит от достоверности археологического материала, используемого для построения эталонных кривых, т. е. от того, насколько часто и точно расставлены по оси времени «магнитные вехи». Особое значение при построении археомагнитных кривых приобретает статистика. Так, одним из источников ошибок является негоризонтальность пода обжигательных печей, что может внести ошибку в значение наклонения до

[4] Е. Телье, О. Телье. Об интенсивности магнитного поля Земли в историческом и геологическом прошлом. Изв. АН СССР, сер. геофиз., 9, 1959; С. П. Бурлацкая. Ук. соч.

5—7°. Такая ошибка легко исключается, если из одного объекта отбирается 5—10 образцов. Еще лучше, если один и тот же момент времени представлен несколькими разными объектами.

С помощью полученной кривой вариаций наклонения геомагнитного поля мы попытались сделать первые оценки возраста четырех поселений черняховского времени.

При определении возраста по кривой наклонения естественно возникает многозначность датировки, связанная с периодичностью кривой (одному и тому же значению наклонения будут соответствовать несколько точек на оси времени). Выбрать из нескольких значений одно помогают величины напряженности поля, а также соображения исторического порядка. Еще лучше, если в распоряжении экспериментатора есть значения третьего компонента геомагнитного поля — склонения. Но такие случаи редки.

Здесь мы сочли возможным не использовать для датировки значений напряженности поля, потому что, во-первых, мировая кривая напряженности в интересующем нас интервале времени идет почти параллельно оси абсцисс, т. е. ее разрешающая способность к датировке практически равна нулю, и, во-вторых, поскольку речь идет о культуре, ограниченной определенными хронологическими рамками, многозначность датировки сокращается до минумума.

В качестве исследуемых образцов послужили фрагменты гончарных печей из четырех различных черняховских поселений: Журавки, Тарасовки, Рипнева и Калиновки. Два из этих поселений — Журавка и Тарасовка — считаются позднечерняховскими. Все образцы были взяты на месте раскопок и ориентированы in situ по горному компасу. Образцы подвергались в лаборатории полному циклу нагревов по методике Телье, в результате чего для каждого из них были получены значения древнего наклонения и напряженности поля, соответствующие данному географическому пункту. Затем в полученные значения поля вносилась поправка на западный дрейф (сдвиги по оси времени) и на разницу широт [5], чтобы привести результаты к широте и долготе Киева. После этого их можно было сопоставить с эталонной кривой и выбрать наиболее вероятные значения.

Таблица 2

Географический пункт	Журавка	Рипнев	Калиновка	Тарасовка
Количество образцов	2	2	3	2
J	65°	65°	61°	60°
Поправки				
ΔJ	+1	0	+1	+1
Δt	0	+28 лет	0	0
Вероятные значения возраста	Конец III в. — начало IV в. Вторая половина V в.	Первая половина IV в. Конец V в. — начало VI в.	Вторая половина III в. Конец V в. — начало VI в.	Вторая половина III в. Конец V в. — начало VI в.

В табл. 2 приводятся значения наклонения с соответствующими поправками и два вероятных значения возраста для четырех упомянутых объектов.

Определить возраст однозначно, т. е. сделать окончательный выбор между этими двумя значениями, можно будет лишь тогда, когда будет накоплено достаточное количество данных по напряженности и склонению геомагнитного поля в районе распространения черняховской культуры.

[5] С. П. Бурлацкая. Ук. соч.; С. П. Бурлацкая, Т. Б. Нечаева, Г. П. Петрова. Ук. соч., стр. 31.

Напомним, что когда речь идет об археомагнитном определении возраста печей, то имеется в виду время их последнего использования. Таким образом, значение возраста, определенное нами для изучаемых объектов, следует рассматривать как верхнюю временную границу существования данной печи.

Работы по датированию памятников черняховской культуры отнюдь нельзя считать законченными. Наоборот, это только начало предполагаемых работ, однако уже первые шаги свидетельствуют о том, что археомагнитный метод может быть рекомендован для решения больших исторических задач.

А. И. РОССАДОВИЧ, Н. А. ЩЕТКИНА, Т. Н. ДАМАСКИНА

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАСКОПОК НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

Археологические раскопки селищ и поселений на Среднем Урале, относящихся к железному веку, выявили ряд мест, связанных с древней металлургией. Исследование памятников в Лае, Мурино, Горбуново, на горе Пихтовая, на Синей Горе и Голом Камне показало, что плавильные места располагались далеко за пределами селищ. Обычно это небольшие площадки на береговых мысах или горных вершинах. При раскопках здесь обнаружены горны глинобитные или сложенные из камня [1]. В завалах горнов и рядом с ними найдены изделия из металла черного и цветного.

В настоящей работе мы публикуем результаты металлографического и химического исследования ряда этих изделий [2]. Металлографическое исследование состояло из изучения микроструктур и определения твердости [3]. Химический состав определялся химическим и физико-химическим методами, содержание углерода у некоторых предметов определялось по структурным составляющим при металлографическом анализе.

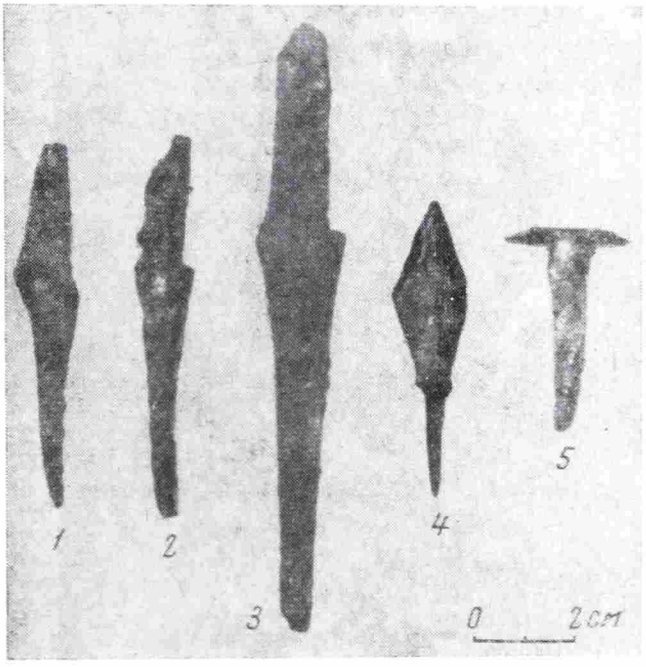


Рис. 1. Железные изделия из Лая

1—3 — ножи, *4* — наконечник стрелы, *5* — гвоздь

Первая группа исследованных предметов происходит из раскопок близ Нижнего Тагила и относится к периоду II—III вв. [4]. Это ножи, меч, наконечники стрел.

[1] Отчет об археологических раскопках Нижне-Тагильского музея за 1952—54 гг. Архив ИА, № 727, № 1063.

[2] Анализы выполнены в Центральной лаборатории Нижне-Тагильского металлургического комбината инженерами Н. А. Щеткиной и Т. Н. Дамаскиной.

[3] Определение твердости производилось на приборе Роквелла шариком 1,588 *мм* при нагрузке 100 *кг*, шкала В.

[4] Раскопки проводились Нижне-Тагильским музеем под руководством А. И. Россадович.

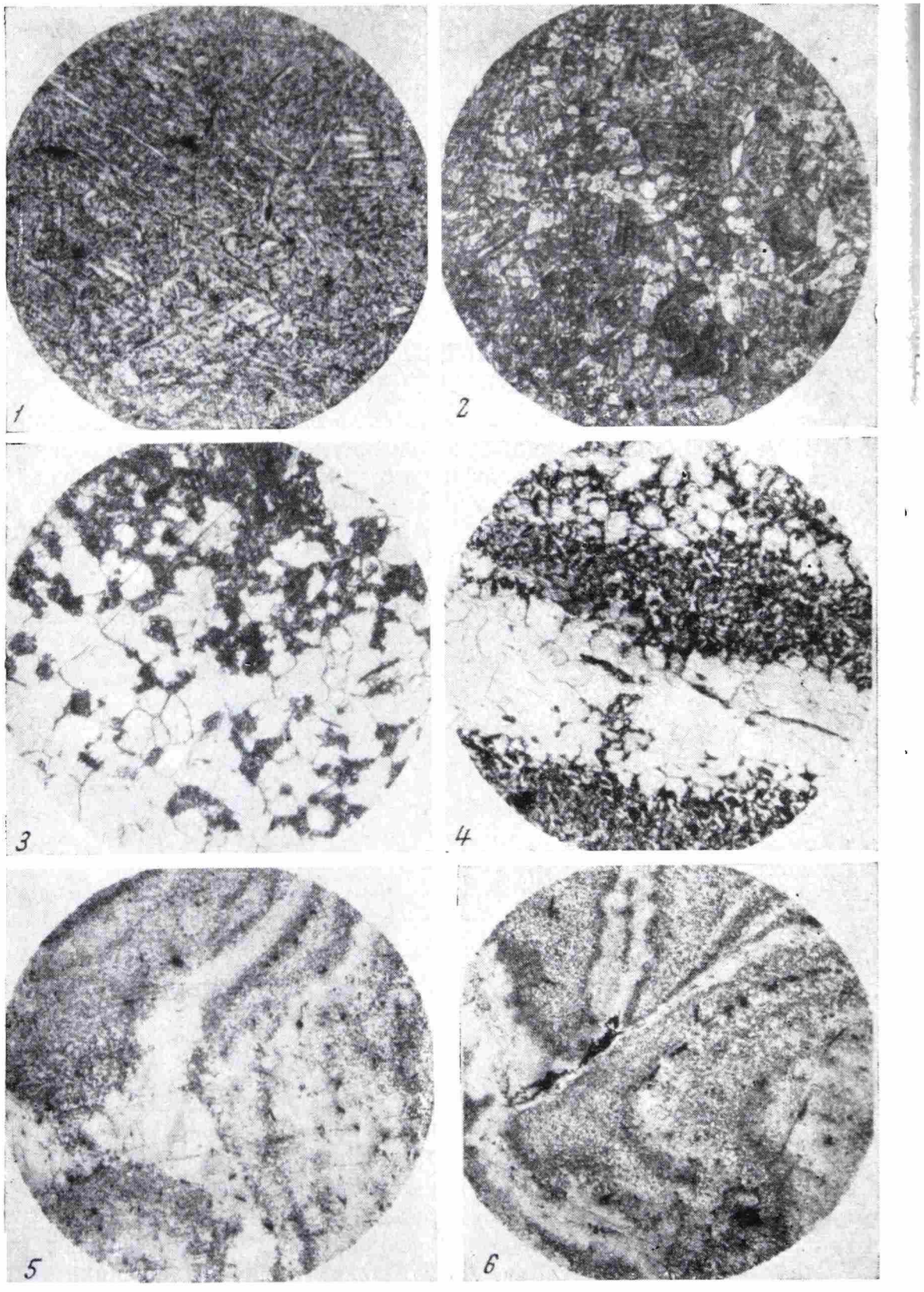


Рис. 2. Фотографии микроструктур

1, 2 — нож № 2 из Лаи, *3* — нож № 1 из Лаи, *4—6* — нож № 3 из Лаи

Три ножа найдены в завалах плавильных печей в Лае[5]. Они различаются лишь размерами, по форме же приблизительно одинаковы. Со стороны спинки, между рукояткой и лезвием, имеется почти прямоугольный уступ. С противоположной стороны также есть выступ, но более плавный. Ножи датируются II—III вв. Клинок длинный, спинка широкая, лезвие тонкое (рис. 1, *1—3*). Микроструктура второго ножа изучалась по по-

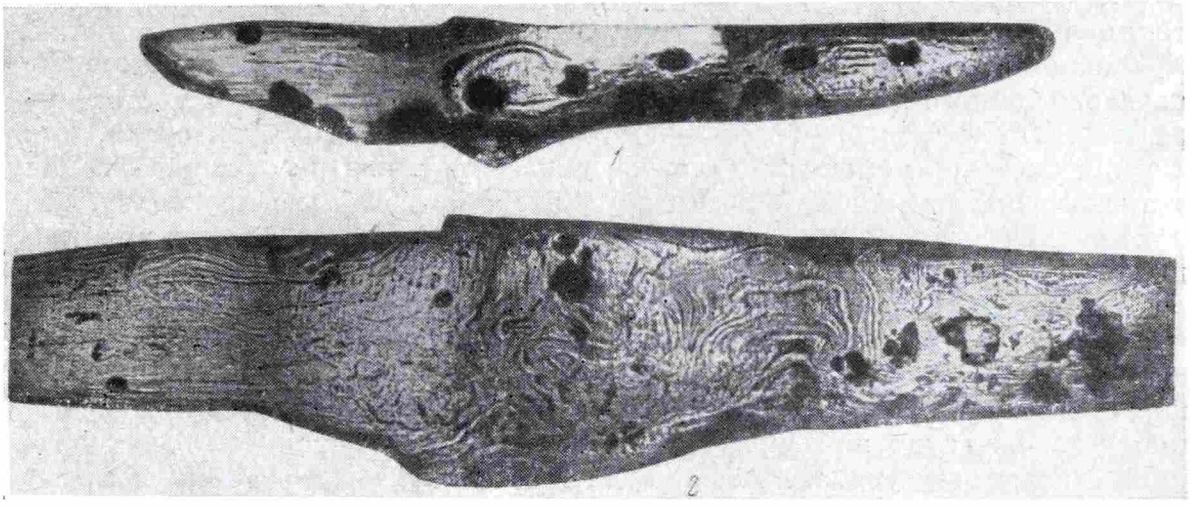


Рис. 3. Мпкроструктура ножей из Лаи

1 — нож № 1, *2* — нож № 3

перечному сечению клинка (место выреза шлифа отмечено на рисунке). Микроструктура представляет собой игольчатый феррит и перлит, а также феррит в виде зерен (рис. 2, *1*, *2*). Твердость ножа 149—166 $H_в$. Химический анализ показал содержание (в %): углерода — 0,19, марганца — 0,02, кремния — 0,00. Судя по результатам анализа, нож изготовлен из полосы малоуглеродистой стали путем ковки с последующим резким охлаждением. При исследовании первого и третьего ножа (рис. 1, *2, 3*) для изучения микроструктуры было произведено травление полированной их поверхности специальным медным реактивом Розенгейна. В результате травления на поверхности ножей выявлен своего рода узор. Он концентрируется в самой широкой части ножа. Этот же «рисунок» выступает и на рукоятке ножа, и более узкой части клинка. После неоднократного повторения операции шлифовки, полировки, травления «рисунок» сохранился (рис. 3).

Микроструктура, исследованная на поверхности ножей, показала неоднородную структуру металла, состоящую из чисто ферритных полос с содержанием углерода 0,01—0,03% и полос с перлито-ферритной и перлитной структурой с содержанием углерода 0,3—0,8% (рис. 2, *5*).

Для полного изучения структуры был произведен поперечный разрез в самой широкой части лезвия ножей. Микроструктура оказалась полосчатой, неоднородной (рис. 2, *3*, *4*). Ферритные участки с углеродом до 0,03% чередуются последовательно с участками перлито-ферритными, содержащими углерод в количестве до 0,3—0,5%. В центральной части сечения количество перлита больше, ближе к поверхности ножа — меньше. Полосчатость повторяет конфигурацию сечения ножа.

Расположение полос (рис. 2, *4*) в микроструктуре повторяет рисунок, выявленный на поверхности ножей микротравлением (рис. 2, *5*). Грани-

[5] Отчет об археологических раскопках Нижне-Тагильского музея за 1955 г. Архив ИА.

ца переходов в структурах от перлито-ферритной к чисто ферритной на большинстве участков сопровождается шлаковыми включениями.

На других участках включений нет, границы переходов структур плотные.

Химический состав ножей определялся методом спектрального анализа, который показал наличие следов марганца, кремния, хрома, никеля.

По данным макро- и микроструктурного анализов можно сказать, что техника изготовления ножей этих была одинакова.

На изготовление их пошли заготовки из неоднородного, неравномерно науглероженного металла, в котором есть участки стальные и чисто ферритные. Такие заготовки могли получиться или из сырцовой стали, или же при сквозной цементации бруска, полосы и т. п. При отковке изделия эта заготовка или полоса была согнута вдвое и тщательно прокована. Это и дало полосчатую микроструктуру. Термическая обработка не производилась.

Кроме ножей из Лаи, были исследованы найденные там же гвоздь и наконечник стрелы — трехлопастной с длинным черешком. Наконечник датируется II—III вв. Он из железа низкого качества (структура ферритная с большим количеством шлаковых включений) (рис. 4, *1*). Содержание углерода, судя по структуре,— 0,03—0,04%. Рабочая часть наконечника стрелы не изучена, поэтому судить о способе изготовления всего наконечника нет возможности.

Гвоздик (рис. 1, *5*) представляет собой пластинчатый стержень, расширяющийся кверху и заканчивающийся узенькой шляпкой. Изучение структуры проводилось на шляпке гвоздя. Микроструктура феррито-перлитная. Перлит каогулированный, близкий к зернистому (рис. 4, *2*); структура соответствует медленно охлажденной стали. Твердость по стержню гвоздя 51 Н ($95\ H_в$).

Судя по структуре, содержание углерода до 0,1—0,2 %. Спектральный анализ показал наличие в металле следов марганца, кремня, хрома, никеля. Гвоздь откован из малоуглеродистой стали с последующим медленным охлаждением, возможно подвергался отжигу.

При раскопках близ Кокшарово в комплексе позднего железа найден меч[6]. Он датируется II—III вв. по своей сарматовидной форме (рис. 5, *1*). Полоса, или клинок меча длинный, ребристый, обоюдоострый, рукоятка пластинчатая, кверху суживается, к клинку расширяется в виде треугольника. Рукоятка имела обкладку. Об этом свидетельствует небольшой гвоздик. Рукоять и клинок, по-видимому, изготовлены из одного куска. Химический состав меча (в %): углерод — 1,49, марганец — 0,00, кремний — 0,04, фосфор — 0,082, сера — 0,010.

Микроструктура изучалась по поперечному сечению клинка и по рукоятке. Микроструктура по сечению клинка, а также по рукоятке состоит в основном из перлита и цементита, выделенного по границам зерен перлита в виде сетки разной толщины и игл (рис. 4, *3—5*). Зерна имеют вытянутую направленность. Такие участки чаще встречаются у поверхности клинка. Твердость по поверхности клинка и рукоятки колеблется от 190 до 280 $H_в$.

Судя по анализу, меч изготовлен из заэвтектоидной стали. Высокое содержание углерода в стали получено, по-видимому, в ходе самого металлургического процесса. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что наиболее грубые выделения цементита наблюдаются в центре толщины изделия, а не у периферии. Термическая обработка не зафиксирована, структур, характерных для закаленной стали, нет.

Итак, мы рассмотрели несколько железных предметов, относящихся ко II—III вв. н. э. Все они, за исключением наконечника стрелы, изготов-

---

[5] Раскопки А. И. Россадович в 1957—1960 гг. Архив № 1195, № 1689 и архив музея.

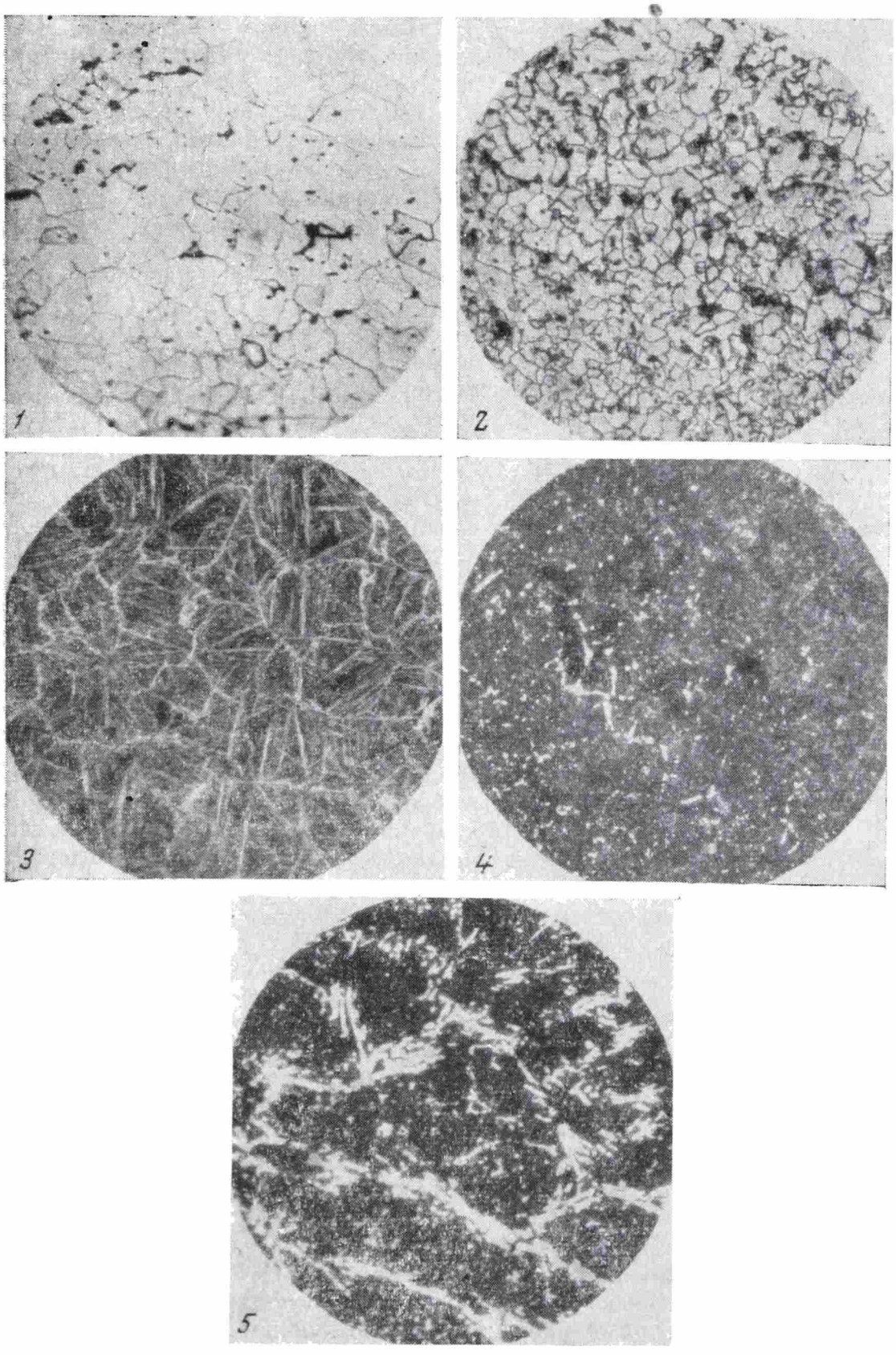


Рис. 4. Микроструктуры

1 — наконечник стрелы из Лаи, *2* — гвоздь, *3—5* — железный меч из Кокшарово

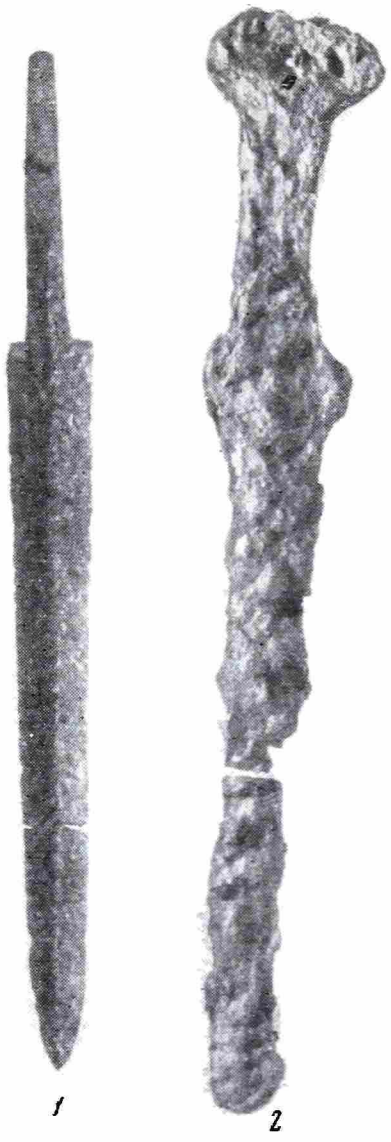


Рис. 5.
1 — меч из Кокшарово, *2* — меч из Воробьевского могильника

лены из стали, в основном малоуглеродистой. Сталь могла быть получена или непосредственно в горне (путем науглероживания крицы — сырцовая сталь) или же методом сквозной цементации заготовки.

На изготовление ножей с полосчатой структурой, скорее всего, пошла именно такая заготовка, которая неравномерно процементировалась, что и дало при многократной проковке соответствующую полосчатую структуру.

Меч же изготовлен из высокоуглеродистой сырцовой стали. Повышенное содержание углерода, по-видимому, объясняется просто случайностью. Важно подчеркнуть, что угрские металлурги знали преимущества стали и сознательно добивались получения ее.

Чтобы выяснить, насколько подобная технология традиционна, мы привлекли для анализа несколько железных предметов из других районов Среднего Урала, относящихся как к более раннему времени, так и к периоду более позднему, чем рассмотренные выше вещи.

На анализ были взяты шесть предметов из раскопок В. Ф. Генинга, В. Е. Стоянова и Ю. П. Кутакова. Это меч-акинак из Воробьевского могильника V—IV вв. до н. э. (рис. 5, *2*). Нож с городища Алтен-Тау IV в. до н. э. Наконечник стрелы, два обломка ножей и мотыжка с Пылаевского могильника, датируемого XII в.

Нож с городища Алтен-Тау[7] имеет общую длину 7,9 *см*, длина лезвия 5,3 *см*, длина рукоятки 2,6 *см*. Толщина спинки 3,5 *см*. Максимальная ширина лезвия ножа 1 *см*. Микроанализ проведен по поперечному сечению лезвия ножа. Микроструктура в сечении полосчатая, многослойная, ферритные полосы чередуются с перлито-ферритной структурой (рис. 6, *1*, *2*). Судя по структуре, содержание углерода по сечению колеблется от 0,05 до 0,3—0,4%. При травлении полированной поверхности ножа специальным медным реактивом выявлен такой же «узор», как на лайских ножах.

Техника изготовления ножа также аналогична, т. е. проковка скрученной или сложенной в несколько раз полосы неоднородного по содержанию углерода металла.

Меч-акинак из Воробьевского могильника имеет плоскую, обоюдоострую полосу, сердцеобразное перекрестие, плоскую пластинчатую рукоятку, оканчивающуюся овальным навершием с изогнутыми волютами (рис. 5,

[7] Городище Алтен-Тау Пермской области Верхнемулинского района, д. Башкультаево, р. Нижняя Шулянка. Раскопки В. Ф. Генинга 1959 г. Архив Свердловского университета. Отчет.

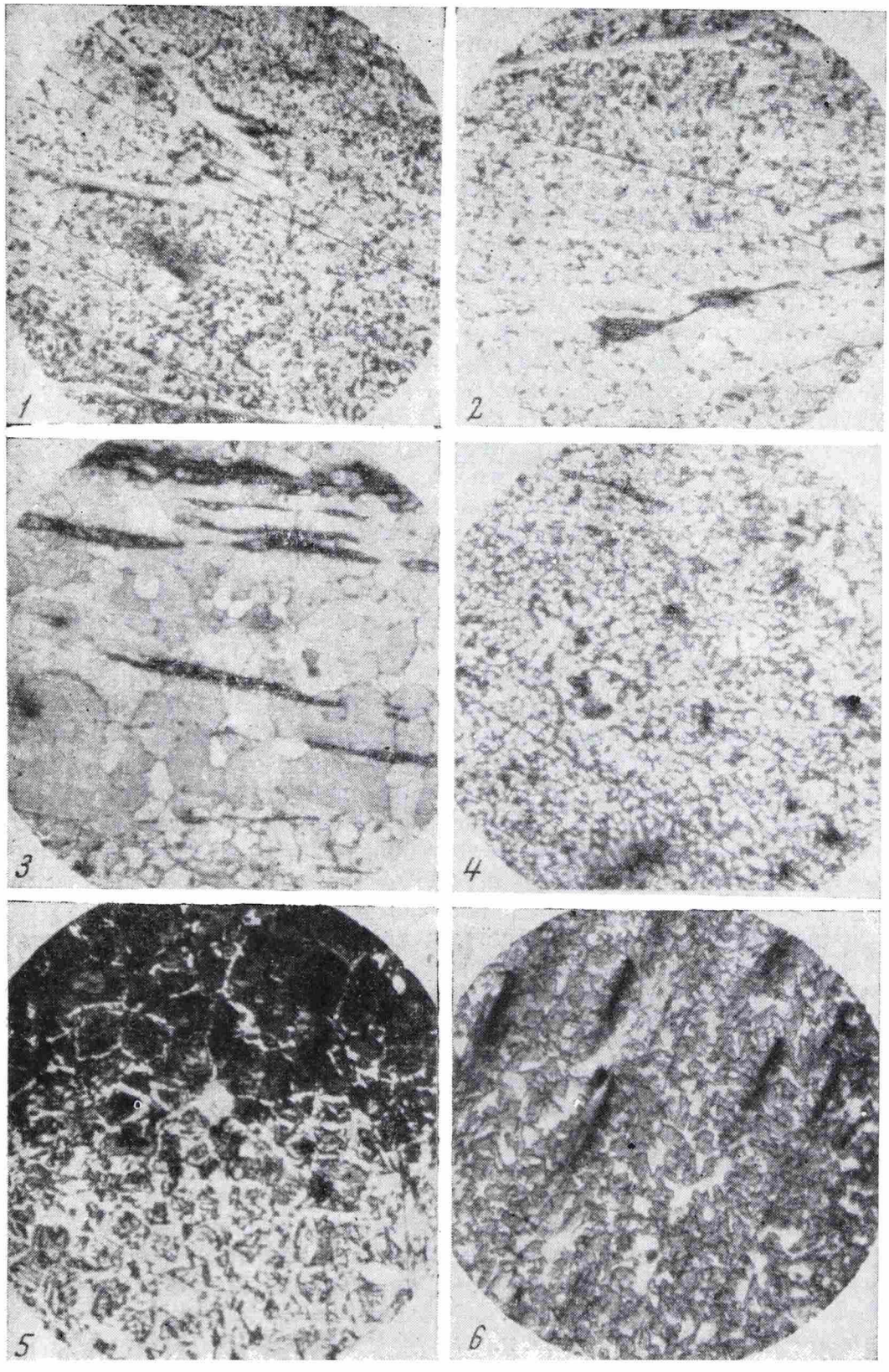


Рис. 6. Микроструктуры

1, 2 — нож с городища Алтен-Тау, *3—4* — меч из Воробьевского могильника ув. 100, *5* — нож из Пылаевского могильника, *6* — мотыжка оттуда же

2) [8]. Микроструктура изучалась на лезвии, она неоднородная, полосчатая, среднезернистая (рис. 6, *3*, *4*). Ферритная структура чередуется с феррито-перлитной (рис. 6, *3*, *4*). Содержание углерода, судя по структуре, меняется от 0,02—0,3% до 0,2—0,3%. В металле наблюдается большое количество шлаковых включений. Судя по результатам анализа, меч откован из неоднородного по содержанию углерода металла путем неоднократных перегибов полосы.

Следующая группа поздних железных предметов происходит из Пылаевского могильника [9].

У обоих ножей рукоятки отломаны, сохранились лишь лезвия с узкой спинкой, с едва заметным уступом к рукоятке.

Микроструктура обоих ножей изучалась по сечению лезвия. Структура — одинаковая, в основном ферритная с небольшим количеством перлита (содержание углерода до 0,8—0,7% (рис. 6, *5*).

Судя по результатам анализа, ножи откованы из малоуглеродистой стали. Отдельные науглероженные участки могут быть либо сохранившимися следами специального науглероживания — цементации, либо это результат случайного науглероживания во время нагрева под ковку в раскаленном угле.

Следующий образец — мотыжка. Это прямоугольная железная пластина со слегка загнутыми боковыми сторонами и острым лезвием на конце (длина 9,5, ширина 4, максимальная толщина 0,3 *см*).

Микроструктура изучалась вблизи лезвия (перлитная с небольшим количеством феррита, рис. 6, *6*). Содержание углерода, судя по структуре, 0,5%, но имеются участки с содержанием углерода не более 0,3%. По результатам анализа можно предполагать, что лезвие мотыжки соответствует углеродистой стали.

Из Пылаевского могильника происходит также наконечник стрелы. Он плоский, кверху слегка закруглен и заострен, черенок также плоский пластинчатый. Размеры: общая длина 8,8, черенка — 3,8, пера — 0,5 *см*. Толщина пера 1—2 *мм*. Максимальная ширина пера 0,2 *см*.

Микроанализ проводился по сечению пера, микроструктура однородная, состоит из мелких зерен феррита с небольшим количеством перлита. Перлит сотообразный. В металле большое количество шлаковых включений. Судя по структуре, содержание углерода в металле составляет 0,05—0,03%. Наконечник стрелы откован из малоуглеродистой стали. Судя по состоянию (перлит составляющий), наконечник подвергался замедленному охлаждению после нагрева (типа обжига).

Мы рассмотрели технологию трех хронологически разных групп железных изделий, происходящих с территории распространения угрских племен.

Подводя итоги нашим наблюдениям, следует отметить общность технологических приемов: науглероживание железной заготовки с последующей отковкой изделия, отсутствие термической обработки.

Обращают внимание изделия с так называемой «полосчатой» структурой.

Технологически такие изделия очень целесообразны: они тверды и гибки. Может быть не случаен тот факт, что они встречаются на протяжении длительного времени на одной территории (ножи с городища Алтен-Тау — IV в. до н. э., меч из Воробьевского могильника — V—IV в. до н. э., ножи из Лаи — II—III вв. н. э.)

---

[8] Воробьевский могильник расположен в окрестностях деревни Воробьево, на левом берегу реки Исети в Шадринском районе, Курганской области. В. Е. Стоянов и В. Н. Фролов. Курганные могильники у д. Воробьево. ВАУ, 1962, 4, стр. 53.

[9] Пылаевский могильник находится в Свердловской области, в Камышловском районе, близ д. Пылаево, на берегу Пышмы. Автор раскопок Ю. М. Кутаков. Раскопки 1963 г. См. Отчеты о раскопках. Архив Свердловского университета.

Критика и библиография

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕОЛИТА ПРИБАЛТИКИ

Рец. на книгу Н. Н. Гуриной «Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам Нарвской экспедиции)». МИА, 144, 1967, 207 стр.

Новая монография Н. Н. Гуриной, излагающая развитие культуры и историю формирования древних племен восточной Прибалтики, несомненно привлечет внимание историков и археологов. Книга состоит из четырех глав и приложения Н. М. Ермоловой о костных остатках из костерезной мастерской со стоянки Нарва I. В первых двух главах дано подробное изложение материала раскопанных Н. Н. Гуриной стоянок — Нарва I, II, III. В третьей главе содержатся соображения о хозяйстве, быте и верованиях обитателей упомянутых поселений. Четвертая глава посвящена общим вопросам неолита Прибалтики и смежных областей — выделению нарвской и прибалтийской культур.

В 1953 г. в работе Л. Ю. Янитса на основании изучения материалов со стоянки Акали были определены основные признаки древнейшей в Прибалтике неолитической керамики, которая легла впоследствии в основу выделения нарвской культуры [1].

Автор рецензируемой книги в 1955 г. предварительно описала аналогичную керамику со стоянок Нарва I и III. Сейчас, по прошествии двенадцати лет, Н. Н. Гурина, подробно публикуя свои материалы, вновь ставит вопрос о нарвской археологической культуре.

Керамика — основной компонент нарвской культуры — изготовлялась из хорошо отмученной глины, в качестве примеси добавлялась толченая раковина. Сосуды имели прямой или слегка загнутый внутрь венчик, острое дно. Узоры располагались, как правило, только в верхней части, остальная часть сосуда носит на себе черты сглаживания, после чего оставались характерные штрихи. Часть нарвской керамики украшена ямчатым орнаментом. Ямки имеют круглые, овальные, подчетырехугольные или неправильные очертания. Они располагаются горизонтальными рядами вокруг сосуда или же под углом к венчику. Второй вид орнамента — различные узоры из отпечатков гребенчатого штампа. Чаще всего это сравнительно короткие оттиски, нанесенные рядами вокруг шейки сосуда. Изредка они располагаются елочкой, сочетаясь с рядами ямок. Наиболее интересным орнаментом этого типа является узор «шагающая гребенка». Еще один вид орнамента — узоры из насечек и прочерченных линий. Насечки располагаются рядами, иногда горизонтально, иногда наискось от венчика вниз. Интересен орнамент в виде «елочки», выполненный прочерчиванием. Примечателен мотив, сделанный способом редко поставленной «отступающей лопаточки».

Вторым компонентом нарвской культуры являются орудия труда. Они изготовлялись в основном из кости и рога. Из камня — серого, некачественного кремня — делались лишь единичные изделия. Среди костяных и роговых предметов представлены различные типы острий, наконечников, шильев, долот, орудий «под углом в 45°».

Пытаясь проследить территорию распространения нарвской культуры, Н. Н. Гурина относит к ней Приладожские стоянки и часть материалов с поселения Усть-Рыбежна I в Ленинградской области, стоянки Акали, Каапа и в г. Нарва на территории Эстонии, поселения Оса, Пиестиня, Крейчи, Ича, Сарнате и др. в Латвии, Усвяты IV в Псковской области, предположительно, материалы, собранные В. С. Передольским на побережье оз. Ильмень, и некоторые др.

Вряд ли можно говорить в настоящее время о культурной принадлежности находок, сделанных около ста лет назад В. С. Передольским. Эти материалы утеряны,

[1] Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в районе устья р. Эмайыги. Автореф. канд. дис. Тарту. 1953.

их никто не видел, в том числе и автор рецензируемой работы. Описание, сделанное В. С. Передольским, очень короткое и лишено иллюстраций.

Нам хотелось бы остановиться на оценке Н. Н. Гуриной материалов остальных памятников, причисляемых ею к нарвской культуре. С данными материалами мы имели возможность познакомиться по коллекциям, хранящимся в Ленинграде, Таллине и Риге. При этом основное внимание мы будем уделять керамике, ибо этот вид находок — наиболее четкий показатель данной культуры, поскольку орудия труда не дали полноценного комплекса изделий, бесспорно связанных с нарвской керамикой (на поселении Нарва III, где вся керамика, за исключением нескольких фрагментов, нарвская, обнаружена лишь небольшая серия орудий труда).

Вызывает сожаление тот факт, что в рецензируемой книге не упомянуты некоторые работы, в которых были опубликованы материалы ряда памятников, относимых Н. Н. Гуриной к нарвской культуре. Так, вне поля зрения Н. Н. Гуриной остались работы Ф. А. Загорскиса, посвященные раскопкам поселений Крейчи [2] и Пиестиня [3], статья Л. Ю. Янитса о неолите Эстонии, в которой несколько страниц посвящено анализу находок из Каапы [4], исследование Л. В. Ванкиной о поселении Сарнате [5] (мы находим упоминание об этой работе лишь на стр. 159 и 174, где не говорится об этнокультурной принадлежности этого памятника), работа И. Лозе о памятниках Лубанской низменности [6] и некоторые другие. Анализ упомянутых исследований был бы желателен, поскольку в них поставлен ряд общих вопросов, в частности разработана хронология неолита восточной Прибалтики, т. е. тема, поставленная в рецензируемой книге.

Разумеется, Н. Н. Гурина, не упомянув эти работы, не смогла учесть и точку зрения их авторов и согласиться с ними или отвергнуть их мысли. Отметим, что некоторые исследователи пришли к выводу об однокультурности латвийских и других памятников с нарвскими стоянками (например Ф. Загорскис), так что Н. Н. Гуриной и не пришлось бы спорить с ними, но другие не согласны с нею и высказали иную точку зрения. Изложение мнений упомянутых авторов, несомненно, пошло бы только на пользу обстоятельной монографии Н. Н. Гуриной и подкрепило бы ее выводы.

Наше знакомство с литературными материалами и непосредственно с коллекциями перечисленных выше памятников позволяет несколько иначе, чем это сделала Н. Н. Гурина, оценить их этнокультурную принадлежность. Нам кажется, что материалы поселения Сарнате отличаются от нарвских. Обитатели этой стоянки не украшали свои сосуды отпечатками зубчатого штампа, «шагающей гребенки», «отступающей лопаточкой» и др. Вместо этих узоров они употребляли такие мотивы, как многорядные вертикальные зигзаги из мелких ямок и прочерков, ромбы, длинные овальные неглубокие вдавления, напоминающие отпечаток пальца, положенного плашмя. Общим в керамике нарвских стоянок и Сарнате является лишь примесь толченой раковины.

Отличается от нарвской и керамика остальных поселений, исследованных на территории Латвии (Оса, Ича, Пиестиня, Крейчи и др.). Несмотря на одинаковую с нарвской технику изготовления посуды (способ налепа глиняных лент, характер примесей), древние обитатели Латвии при украшении сосудов пользовались совершенно иными орнаментальными мотивами. Им не были известны такие узоры, как «шагающая гребенка» и «отступающая лопаточка», распространенные у носителей нарвской культуры. В то же время в ранненеолитическую эпоху на территории Латвии при украшении керамики использовались ромбы, всевозможные зигзаги из многорядных линий, сложные геометрические фигуры, представляющие собою сочетания четырех- и шестиугольников, сетку из перекрещивающихся линий и т. п., что не было известно носителям нарвской культуры.

Ф. А. Загорскис, анализируя материалы памятников типа Оса, Пиестиня и др., рассматривает названные поселения в качестве варианта нарвской культуры [7]. С нашей точки зрения, с этой гипотезой в какой-то мере можно согласиться лишь в отношении поселений с керамикой типа Оса, поскольку остальные стоянки, особенно Сарнате и Крейчи, дают совершенно другие материалы. Керамика поселения Оса отличается от нарвской главным образом отсутствием узоров в виде «шагающей гребенки», «отступающей лопаточки» и сочетаний рядов кружков и прочерченных линий. Как предполагает Л. Ю. Янитс, обитатели нарвских стоянок в Эстонии позна-

---

[2] F. Zagorskis. Kreicu neolita spmetne. Изв. АН ЛатвССР, 4, 1963, стр. 23—35.

[3] F. Zagorskis. Yauni materiali par neolitu latviyas anstrumudela. Изв. АН ЛатвССР, 6, 1965, стр. 35—50.

[4] L. Jaanits. Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetestland. FM. LXXII, 1965, стр. 5—46.

[5] Л. В. Ванкина. Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР). Сб.: «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 138—152.

[6] И. Лозе. О новых неолитических памятниках Лубанской низменности. Изв. АН ЛатвССР, 12, 1965, стр. 15—24.

[7] Ф. А. Загорскис. Ранний и развитой неолит в восточной части Латвии. Автореф. канд. дис. Рига, 1967.

комились с этими мотивами у камско-уральских племен, с которыми у них были какие-то связи [8]. На территории Латвии влияние восточного населения, по-видимому, не сказалось.

Отличается от нарвской и керамика поселения Усвяты IV на юге Псковской области, также причисляемого Н. Н. Гуриной к памятникам нарвской культуры. Автор раскопок Усвяты IV, А. М. Микляев, писал по этому поводу: «Керамика с ракушечной и растительной примесями в тесте позволяет сопоставить этот памятник с рядом стоянок Восточной Прибалтики, но техника изготовления сосудов и своеобразная орнаментация говорят о том, что он, возможно, принадлежит к какой-то ранее неизвестной неолитической культуре» [9].

По-видимому, более осторожно следовало бы определять и этнокультурную принадлежность керамики с раковинной примесью со «стоянки» А. А. Иностранцева на берегу Ладожского озера. Н. Н. Гурина полагает, что данная керамика позволяет отнести этот памятник к нарвской культуре. Но «сравнивая данную керамику с посудой «нарвского типа», можно отметить, что их сближает лишь раковинная примесь в глине, а также штриховка на стенках сосудов. Черт различия гораздо больше. Керамика «стоянки» А. А. Иностранцева не орнаментирована, за исключением одного фрагмента, да и орнамент последнего не имеет ничего общего с орнаментикой нарвской керамики. Следы сглаживания поверхности сосудов пучком травы на нарвской керамике прослеживаются гораздо чаще, чем на керамике со стоянки А. А. Иностранцева. Примесь раковины в тесте ладожской керамики также вряд ли может служить доводом в пользу родства ее с керамикой нарвского типа, так как раковинная примесь известна не только в Прибалтике и Приладожье, но и в других местах европейской части СССР.

Н. Н. Гурина подкрепляет свое мнение о сходстве нарвских и ладожских материалов указанием на однотипность некоторых орудий из нарвских стоянок и коллекций А. А. Иностранцева. Однако неизвестно, какие орудия из нарвских стоянок принадлежат к нижнему (нарвскому) слою. Да и коллекция А. А. Иностранцева не представляет собой единого археологического комплекса. Нельзя сказать, какие орудия из этой коллекции относятся к керамике с раковинной примесью.

Вопрос о связи керамики с раковинной примесью со стоянки А. А. Иностранцева с керамикой нарвского типа не может быть в настоящее время должным образом разрешен и потребует дальнейших археологических исследований» [10].

Настораживает и отнесение к нарвской культуре в данной работе части фрагментов посуды со стоянки Усть-Рыбежна I в Ленинградской области (стр. 188). Описывая керамику и орудия труда с этого памятника в 1961 г. [11], Н. Н. Гурина отмечала единый «чистый» характер найденных там материалов [12], среди которых «не обнаружено ни одного черепка второй группы приладожской керамики» (по Н. Н. Гуриной, нарвской керамики.— *В. Т.*) [13]. В те годы Н. Н. Гурина была уже хорошо знакома с нарвской керамикой [14]. Как нам кажется, отмеченная группа керамики с поселения Усть-Рыбежна I сходна с нарвской лишь примесями в тесте и наличием штриховки (что, кстати, встречается лишь на части этой керамической группы). Толщина сосудов (1—2 *см*, у нарвской — менее 1 *см*), волнистый венчик и орнаментальные мотивы, выполненные четкими оттисками гребенки и крупными ямками [15], не находят себе аналогий среди материалов нарвской культуры.

Таким образом, ареал нарвской культуры нам представляется несколько иным по сравнению с тем, что писала Н. Н. Гурина. Различие наших точек зрения с Н. Н. Гуриной объясняется тем, что автор рецензируемой работы уделил, по нашему мнению, недостаточное внимание анализу орнаментации древнейшей керамики со стоянок Эстонии, Латвии и прилегающих областей, обратив главное внимание лишь на технологию ее изготовления. Но ведь орнаментация керамики является наиболее надежным этнокультурным показателем [16], с чем, по-видимому, согласна и Н. Н. Гурина [17]. Ссылки на то, что нарвская керамика почти сплошь не орнаментирована,

---

[8] Л. Ю. Яниц. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959, стр. 332.

[9] А. М. Микляев. Некоторые результаты изучения стоянки Усвяты IV (по материалам раскопок 1964—1966 гг.). Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1966 г. Л., 1967, стр. 36, 37.

[10] В. П. Третьяков. К вопросу о керамике нарвского типа. Археологический сборник. Л., 1964, стр. 36, 37.

[11] Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА, 87, 1961, стр. 370, рис. 139, *1—12*.

[12] Там же, стр. 386.

[13] Там же, стр. 400.

[14] Первая публикация Н. Н. Гуриной материалов нарвской культуры увидела свет в 1955 г.; Н. Н. Гурина. Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии. Сб.: «Древнейшие поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 153—175.

[15] Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада..., стр. 370.

[16] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 64—77.

[17] Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада..., стр. 58, 73, 74.

вряд ли являются бесспорными, поскольку цифровые данные, приведенные в работе Н. Н. Гуриной, основаны на подсчетах отдельных черепков, иногда очень мелких, а не целых сосудов. Между тем посуда нарвской культуры украшалась, как правило, лишь у венчика, и если бы существовала возможность подсчитать целые орнаментированные и неукрашенные нарвские сосуды, то их соотношение было бы, несомненно, иным.

Н. Н. Гурина не скрывает, что памятники определяемой ею нарвской культуры неоднородны, напротив, в самом начале книги она подчеркивает, что, судя по нарвским стоянкам (Нарва I и III), характерные черты новой культуры встречаются на других поселениях не в полном объеме. Автору книги следовало бы сказать, почему же все-таки эти памятники можно считать однокультурными. Ведь известно, что прочие группы археологических памятников лесного неолита, например льяловская, отличаются исключительной однородностью, однотипностью основных ее черт: даже переселившись из Волго-Окского междуречья в Карелию, льяловцы упорно сохраняли те же самые элементы орнамента, орнаментальные мотивы и композиции, ту же форму глиняной посуды. Имевшая место дискуссия о значении разных элементов для выделения археологических культур не привела к общепринятому понятию в этом вопросе. Точка зрения А. Я. Брюсова, разделившего единую льяловскую культуру на ряд самостоятельных культур и, напротив, соединявшего воедино памятники с ямочно-гребенчатой и волосовской керамикой в одну культуру в качестве ее хронологических этапов, явно ошибочна. Не нашла поддержки и концепция М. Е. Фосс, посвященная этому же вопросу.

Общим недостатком многих работ, где затрагивается эта тема, является пренебрежение к формально-типологическому методу. Иначе нельзя объяснить, почему разные типы керамики относятся к одной культуре. Для тех, кто признает родовой характер изучаемых обществ, должно быть аксиомой, что стиль украшения посуды определялся традициями той или иной группы родственных племен. Если рассмотреть возможные варианты украшения посуды — элементы, мотивы и композиции — и сравнить с возможными вариантами, например теста глиняной посуды, то будет очевидно, что возможностей варьировать в первом случае во много раз больше, чем во втором. Следовательно, сходные мотивы или композиции украшения посуды могли появляться независимо в разных археологических культурах гораздо реже, чем другие технологические стороны культуры: например, листовидные наконечники стрел, употребление раковины в качестве примеси, остродонная форма посуды.

Возвращаясь от этих общих вопросов к рецензируемой работе, повторяем, что, на наш взгляд, в определении признаков нарвской культуры Н. Н. Гурина не только уравняла морфологические, технические и стилистические признаки керамики, но, более того, двум первым отдала предпочтение.

Большое место в книге Н. Н. Гуриной отведено описанию и интерпретации прибалтийской ямочно-гребенчатой керамики. Автор выделяет две ее группы: а) с неорганической и б) с органической примесью в тесте посуды. Вторую группу керамики, которая, судя по исследованиям Л. Ю. Янитса, является более поздней, Н. Н. Гурина считает «гибридной», т. е. производной от нарвской и ямочно-гребенчатой керамики с неорганической примесью. Другими словами, этот тип посуды появился в восточной Прибалтике, по Н. Н. Гуриной, в результате взаимодействия местного приплого населения. От нарвской «гибридная» керамика заимствовала такие черты, как органическую примесь, расчесы, технику налепа глиняных лент при формовке посуды, орнамент на внутренней стороне, тип венчика; от ямочно-гребенчатой керамики — орнаментацию, толстостенность, форму венчика и днищ (стр. 172).

Мы не отрицаем возможности влияния обитателей нарвских стоянок на носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики, в результате чего смог бы появиться какой-то «смешанный» тип культуры. Однако следует отметить, что все черты нарвской керамики, якобы заимствованные пришельцами у аборигенов (кроме техники налепа), характерны для волосовской культуры, распространившейся во II тысячелетии до н. э. далеко на северо-запад. Как известно, волосовская керамика изготовлялась с добавлением органической примеси в тесте, на черепках нередко можно видеть следы расчесов, и очень часто у волосовских сосудов орнаментировалась внутренняя их часть. Типично волосовской является Т-образная форма венчиков, найденных на поселении Нарва II (стр. 50, рис. 26). Этот тип венчиков характерен для посуды волосовских стоянок верхнего Поволжья и более северных районов (Холомониха, на оз. Сахтыш и многие другие). Безусловным свидетельством контактов с волосовскими племенами служит и украшение некоторых сосудов оттисками «рамчатого» штампа в различных сочетаниях (стр. 100, рис. 63). Таким образом, особенности прибалтийской ямочно-гребенчатой керамики с органической примесью, с нашей точки зрения, возникли не в результате влияния нарвской культуры, а явились итогом контактов носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики в этой области с древними волосовцами [18]. Иногда приходится слушать возражения, заключающиеся в том, что якобы между поселениями с ямочно-гребенчатой керамикой на северо-

[18] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, стр. 59 сл.

западе европейской части СССР и памятниками волосовской культуры имеется хронологический разрыв, не позволяющий их сопоставлять. Однако ряд общих элементов в упомянутых материалах (причем элементов характерно волосовских), факт доживания ямочно-гребенчатой керамики на интересующей нас территории вплоть до эпохи культуры одиночных погребений, а также «сетчатой» и «асбестовой» керамики, что было установлено Л. Ю. Янитсом, Н. Н. Гуриной и др.[19], наличие остатков бронзолитейного производства на некоторых стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой[20] свидетельствуют о том, что культура ямочно-гребенчатой керамики на северо-западе европейской части СССР существовала не только в III, но и в первой половине II тысячелетия до н. э. и, следовательно, была синхронна с волосовскими древностями.

Что касается хронологии, то Н. Н. Гурина целиком полагается на радиоуглеродный метод. Слов нет, этот метод очень соблазнителен (сразу дается абсолютная дата) и объективен (поскольку выполняется счетчиком, равнодушным к проблемам и спорам). Но на примере стоянки Усть-Рыбежна I, где полученная абсолютная дата не была подтверждена исследованиями геологов (П. М. Долуханов, Г. Н. Лисицына), очевидно, что он не заменяет археологических способов датировки.

Все поселения с ямочно-гребенчатой керамикой на исследуемой территории Н. Н. Гурина объединяет под общим понятием прибалтийской культуры, которая охватывает Эстонию, Латвию, Ленинградскую и Новгородскую области, а также южную Финляндию (стр. 191). Однако в рецензируемой работе мы не находим обоснования необходимости выделить прибалтийскую культуру, автор почему-то не показывает ее специфики среди остальных неолитических памятников лесной полосы европейской части СССР (нет ни сравнительных, ни корреляционных таблиц). Впервые мысль о возможности определить прибалтийскую, а также карельскую культуры с ямочно-гребенчатой керамикой Н. Н. Гурина высказала в 1961 г. в своей монографии по археологии Северо-Запада европейской части СССР[21]. Однако и в этой работе не дается ее иллюстративного обоснования. Для нас непонятно, почему Н. Н. Гурина, поднимая такой серьезный вопрос, обошла стороной мнение М. Е. Фосс, Л. Ю. Янитса и Ф. А. Загорскиса, отмечавших идентичность, «поразительное сходство» материалов поселений с ямочно-гребенчатой керамикой в Прибалтике, Карелии, Финляндии и т. д.[22]. В свое время мы отмечали общие черты, которые имеет ямочно-гребенчатая керамика в Карелии, Прибалтике и прилегающих областях, что сказывалось в технологии ее изготовления и орнаментации. Общим здесь является, в первую очередь, комплекс орнаментальных мотивов — так называемый «геометрический стиль»[23]. Вместе с тем мы допускаем мысль, что некоторые группы неолитических памятников на очерченной территории могут иметь свои особенности. Но это положение следует доказать с помощью таблиц, графиков и т. п., а этого до сих пор никто не сделал.

Таковы замечания, возникшие у нас при чтении работы Н. Н. Гуриной. Хотим отметить, что мы коснулись лишь некоторых вопросов истории древних племен, поставленных в рецензируемой книге, которая читается в целом с интересом и, несомненно, привлечет внимание исследователей. Мы приветствуем выход в свет данной книги, поскольку это может положить начало дискуссии, в ходе которой будет установлена истина. Уже сам по себе обильный материал нарвских поселений является большим вкладом в изучение прошлого Прибалтики. Бесспорно, шагом вперед является попытка осмыслить накопленные материалы и представить доказательства существования прибалтийской, а также нарвской археологических культур для территории Латвии, Эстонии, Псковской и Ленинградской областей. Как бы не относиться к этим построениям, их нельзя обойти молчанием, и всякий, кто возьмется за решение вопросов истории упомянутых территорий в III—II тысячелетии до н. э., должен будет либо соглашаться с Н. Н. Гуриной, либо привести аргументы, опровергающие эти построения.

В. П. Третьяков, Г. П. Григорьев

---

[19] Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла...; Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада...

[20] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, 20, 1951, стр. 125—128.

[21] Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада..., стр. 72—78.

[22] М. Е. Фосс. Древняя история Севера Европейской части СССР, стр. 165 сл.; Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла, стр. 335, 336; Ф. А. Загорскис. Ранний и развитой неолит в восточной части Латвии, стр. 16, 17.

[23] В. П. Третьяков. Культура ямочно-гребенчатой керамики на Севере и Северо-Западе Европейской части СССР. СА, 1968, 3; его же. Об уральских элементах на ямочно-гребенчатой керамике «геометрического стиля». КСИА АН СССР, 111, 1967.

Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний (рецензия на кн. А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. Издательство «Наука», М., 1964).

Судьба замечательной книги А. М. Золотарева сложилась на редкость несчастливо. Законченная в 1941 г., эта монография долго оставалась в рукописи и была издана лишь через 21 год после смерти автора (1964 г.) под измененным заглавием и без трех заключительных глав, составляющих около трети книги. Опубликованная малым тиражом (1500 экземпляров), она сразу же стала библиографической редкостью. Непреходящая ценность этой книги, намного опередившей науку своего времени, заставляет с опозданием вернуться к оценке этого труда.

Подлинное название книги было без всяких оснований заменено при ее издании ее прежним подзаголовком — «Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний (исследование по истории родового строя и первобытной мифологии)». А. М. Золотарев поставил перед собой задачу изучить следы дуальной организации у народов различных частей света и установить отражение этой организации в соответствующих космогонических (в частности, близнечных) мифах. Для этого он подверг анализу этнографические описания и исторические документы, относящиеся к очень большому числу обществ. Из приведенных ниже отдельных примеров (число которых легко было бы умножить) видно, насколько проницательным был А. М. Золотарев не только при анализе социальной организации таких народов, которые он самостоятельно изучал по первоисточникам, но и при осмыслении зачастую скудных данных, содержавшихся в доступной ему литературе. Многие из высказанных им догадок подтверждены позднейшими изысканиями.

В настоящее время общепризнанной следует считать мысль об универсальности запрета инцеста (и сопряженного с этим запретом экзогамного деления общества), обосновываемую в третьей главе книги. Этот тезис был позднее раскрыт на широком этнографическом материале К. Леви-Строссом [1], чья монография о системах родства во многом (в частности, в главе о дуальной организации) совпадает по фактическому материалу и по некоторым обобщениям с книгой Золотарева (написанной почти десятилетием раньше). Золотарев предполагал, что экзогамное деление обычно вводилось в своей простейшей форме посредством организации общества из двух дуальных половин — фратрий, которую он реконструировал для целого ряда обществ в качестве архаизма. Но можно думать, что более универсальным, чем организация из двух половин, является дуальный принцип деления на две социальные единицы, которые, в свою очередь, могут делиться на две единицы и т. д. При этом исследования последних лет в области дуальной организации показывают, что эта организация не всегда является архаизмом, она может возникать в результате позднейшего развития и иногда выступает не в качестве единственного принципа общественного устройства, сосуществуя с другими [2]. Поэтому для обоснования гипотезы Золотарева о первоначальности дуальной организации в каждом конкретном случае требуется доказать, что все остальные черты данной социальной организации развились позднее, наслоившись на более древнюю, дуальную, или развившись из нее.

Такой анализ сам Золотарев попробовал провести на примере Австралии — этой классической «страны половин», где дуальная организация и связанные с ней двоичные системы классификации всех предметов и явлений выступают в наиболее отчетливом виде. По этой причине австралийский материал постоянно служил отправным пунктом для описания подобных систем классификаций [3]. Золотарев также начинает свой обзор дуальной организации разных народов с Австралии, стремясь показать, что здесь более мелкие подразделения (тотемические кланы и локальные группы) вторичны по отношению к дуальным фратриям (половинам). При объяснении тотемических делений Золотарев указывал на их связь с локальными группами. Но при этом он считал несвязанными между собой тотемическую организацию и брачные

[1] C. Lévi-Strauss. Les structures élémentaires de la parenté. Paris, 1949 (объявлено о выходе в свет 2-го издания книги); его же. Vingt ans après. «Les temps modernes», 23 année, 1967, 256, стр. 387.

[2] C. Lévi-Strauss. Anthropologie structurale, Paris, 1958, особенно главы I, VII, VIII; его же. On manipulated sociological models. «Bijdrage tot de Taal-, Land- en Volkenkunde» (сокращенно «Bijdragen»), d. 116, 1960, a. 1; D. Maybury-Lewis. The Analysis of Dual Organizations: A Methodological Critique. «Bijdragen», d. 116, 1960, a. 1; его же. Structural Anthropology and the Problem of Comparison. Тр. VII МКАЭН, IV, М., 1967.

[3] В этом отношении характерна сохраняющая до настоящего времени значение работа E. Durkheim et M. Mauss. De quelques formes primitives de classifications. «Année sociologique», 6, 1903 (статья отсутствует в очень полном библиографическом списке Золотарева, хотя первая ее часть, написанная на австралийском материале, разбирает именно двоичные системы, см. особенно стр. 9—10). Ср. также отчетливую формулировку роли дуальных половин в Австралии (по сравнению с другими частями света): Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический Эгейский мир. М., 1958, стр. 53.

классы у аранта, выделявшихся им по этому признаку среди других племен Австралии. Однако, как показывают новейшие исследования замкнутых областей, njnjana, на которые делилась вся территория аранта, эти области закреплены в мифах о путешествиях тотемических предков (и в соответствующих ритуальных действах) и в то же время служат основой для системы восьми классов: каждая из таких замкнутых областей считается родиной двух патрилинейных классов [4]. Поэтому можно высказать гипотезу, по которой, в конечном счете, все эти деления (и локальные, и тотемические) у таких племен, как аранта, связаны с последовательным делением каждой части племени на две половины и, следовательно, объясняются тем же дуальным принципом, который регулирует отношения между фратриями (ср. ниже о меланезийских и американских индейских племенах). У аранта, как и у других австралийских племен, тотемическая организация прямо соотнесена с классами, что согласуется с обосновываемой в последнее время точкой зрения, согласно которой тотемическая классификация является лишь частным случаем систем, разносящих все явления по определенным классификационным рядам [5] (часто, хотя и не всегда, прямо соотносящимся с социальной организацией).

При анализе австралийской мифологии Золотарев приходит к выводу, согласно которому «для австралийцев дуальная организация является исходным пунктом взгляда на мир, основой всякой классификации, первоначальной и важнейшей из известных им логических концепций. Австралиец не мыслит ни одной вещи, ни одного предмета, ни одного явления природы вне классификации, построенной на дуально-родовом базисе» (стр. 91) [6].

Противопоставление правой и левой стороны у некоторых племен Новой Гвинеи Золотарев рассматривал как след дуальной организации, указывая, что последняя «отчетливо выражена в устройстве поселка. Каждая деревня делится большой площадкой для танцев на две части. По левую сторону площадки располагаются дома одной патрилинейной фратрии, по правую сторону — другой» (стр. 117). Предложенная Золотаревым интерпретация подобных новогвинейских (папуасских) данных согласуется с другими (оставшимися неизвестными Золотареву материалами), показывающими, что у меланезийских племен Новой Гвинеи противопоставлялся вождь правой стороны, связанный с миром, и вождь левой стороны, который может быть связан с военными функциями [7] (ср. исследованное Золотаревым различие фратрий войны и мира у многих североамериканских индейских племен). Особая роль левой руки в этих новогвинейских двоичных системах классификации и им подобных [8] системах в других частях света, как представляется, могла бы разъяснить ритуальную роль отпечатка левой руки в искусстве многих народов [9], находящую типологическое соответствие и в искусстве верхнего палеолита [10].

---

[4] F. G. H. Strehlow. Culture, Social Structure and Environment in Aboriginal Central Australia. «Aboriginal man in Australia. Essays in Honour of Emeritus Professor A. P. Elkin», Sydney, 1965, стр. 138.

[5] C. Lévi-Strauss. Le totemisme aujourd'hui. Paris, 1960; его же. La pensée sauvage. Paris, 1962, стр. 83. Следует подчеркнуть необходимость учета этой точки зрения всеми исследователями, противопоставляющими тотемическую организацию другим видам первобытной социальной организации.

[6] В скобках здесь и далее указываются страницы рецензируемой книги.

[7] C. G. Seligman. The Melanesians of British New Guinea. Cambridge, 1910, стр. 28, 216, 227, 229, 338, 342; A. M. Hocart. Kings and Councillors. Cairo, 1936, стр. 161, 178, 265.

[8] См. об Африке: R. Needham. The Left Hand of the Mugwe: an Analytical Note on the Structure of Meru Symbolism. «Africa», vol. 30, 1960, 1; T. O. Beidelman. Right and Left Hand among the Kaguru: a Note on Symbolic Classification, «Africa», 31, 1961, 3; из более ранних работ см. в особенности R. Hertz. La prééminence de la Main Droite: Étude sur la Polarité Religieuse. «Revue philosophique de la France», 34, 1909; J. A. MacCulloch. Hand. «Encyclopaedia of Religion and Ethics». Edinburgh, 1913, стр. 492.

[9] См. статистические данные о преобладании отпечатков левой руки: V. J. Smith. The Human Hand in Primitive Art. IV, Austin, 1925, стр. 90, рис. 11; A. T. Jackson. Picture-Writing of Texas Indians. «Anthropological papers», II, Austin, 1938, стр. 376; N. W. G. Mackintosh. Archaeology of Tandanjal Cave, Southwest Arnhem Land. «Oceania», XXI, 1951, 3, стр. 190; его же. Painting in Beswulk Creek Cave. Northern Territory. «Oceania», XXII, 1952, стр. 258; об отпечатках рук в Новой Гвинее ср. G. Pilchofer. Felszeichnungen in ehemals deutschen Teil von Neu Guinea. «Archiv für Anthropologie», XXIV, 1937; C. L. Tichelmann. De Handsilhouetten der Niew Guineesche Rotschilderingen. «Cultureel Indie», II, Leiden, 1940.

[10] См. данные, по которым на 23 отпечатка правой руки в пещерах Гаргас и Эль Кастильо приходится 159 левых отпечатков: P. J. Ucko, A. Rosenfeld. Paleolithic Cave Art. New York — Toronto, 1967, стр. 99. Для соотнесения с указанными системами двоичной классификации, где левая рука обычно выступает в том же классификационном ряду, что и признак «женский», особенно важна гипотеза об использовании отпечатка руки в верхнем палеолите в качестве женского символа: A. Leroi-Gourhan. Les religions de la préhistoire (paléolithique), Paris, 1964, стр. 102,

Изучая дуальную организацию меланезийцев, представляющую, по словам Золотарева, «излюбленную тему этнографических исследований» (стр. 101), он касается структуры поселений, каждая составная часть которых состоит из нескольких «жилых хижин, мужского дома, места для коммунальной варки пищи» (стр. 103). При обсуждении проблем дуальной организации меланезийцев поселения этого типа представляют особый интерес потому, что некоторые черты этой организации обнаруживаются в самой их концентрической структуре [11]. В Полинезии Золотарев отметил некоторые пережитки дуальной организации, подтвердившиеся последующими изысканиями: в легендах о-ва Пасхи (стр. 120), где с гипотезой Золотарева согласуется и роль двух первых поселенцев или двух соперничавших братьев (Хоту Матуа и Орои) [12], в обычаях маори (стр. 120), мифы которых о Матаора и Ниварекe выявляют наличие двоичной классификации [13].

При исследовании следов дуальной организации в Океании Золотарев в существенной степени опирался на работы Хокарта (стр. 113 и 118, 119). Позднее Хокарт в трудах, вновь привлекших внимание этнологов (вместе с теми трудами Хокарта, которые Золотарев оценил раньше других ученых), на основании своих конкретных наблюдений на Фиджи и других островах Океании и Цейлоне и обобщения ряда сходных этнологических данных пришел к выводам, во многих отношениях близким к идеям Золотарева. В частности, оба ученых обобщили вывод о той взаимосвязи дуальной организации с наличием двух вождей, которая на островах Лау была открыта Хокартом. По словам Золотарева, «двойственная власть на островах Тонга и Лау непосредственно вытекала из дуальной организации» (стр. 119). В своей посмертной публикации Хокарт объяснил не только двойные, но и более сложные структуры высших (ритуальных) званий на Фиджи как результат последовательных дихотомических делений (т. е. делений на две части), связанных с общим законом, по которому «каждая социальная единица разделена на две единицы» [14], связанных «взаимным обслуживанием», браками и ритуальной враждой. Хокарт показывает, как многократное применение этой дихотомии приводит к сложным системам (например пятичленным), где дуальный принцип уже не столь очевиден. Связь дуальной организации на Фиджи, где, по фиджийской пословице, «все соединено попарно», с близнечным мифом, исследованным Золотаревым, подтверждается преданием о близнецах, которые были духами (tevoro), и упоминаются в связи с отношением touvu (ритуальной фратриальной вражды) между двумя группами [15]. Последнее отношение, как и несколько отличное от вражды ритуальное соперничество фратрий, детально изучено Хокартом с точки зрения того, что «основной целью дихотомии было образование двух ритуально соперничавших групп» [16], вступавших в брак друг с другом. Эти данные полностью подтверждают те выводы о ритуальных спорах, вражде и состязаниях дуальных фратрий, которые сделаны в книге Золотарева, и

---

103. В этих фактах можно было бы видеть подтверждение гипотезы о наличии уже в верхнем палеолите двоичной классификации, предполагающей запрет инцеста и экзогамное деление общества. Но окончательное решение вопроса затрудняется ввиду многочисленности объяснений, предполагаемых для палеолитического знака руки: A. R. Verbrugge. Le symbole de la main dans la préhistoire. Milly — la-Forêt, 1958.

[11] C. Lévi-Strauss. Les organisations dualistes existent-elles? «Bijdragen», d. 112, 1956, 2a, стр. 102—104.

[12] A. Métraux. Easter Island. London, 1957, стр. 208—211; Ю. В. Кнорозов. Легенды о заселении острова Пасхи. СЭ, 1963, 4, стр. 146—151.

[13] A. W. Reed. Myths and Legends of Maori-land. London, 1950; В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 194.

[14] A. M. Hocart. The Northern States of Fiji. Royal Anthropological Institute, Occasional Publication, 11, London, 1952, стр. 33. Полная библиография печатных и рукописных работ Хокарта (из которых многие, относящиеся к социальной структуре народов Океании, остались до сих пор неизданными) есть в кн. R. Needham. A Bibliography of Arthur Maurice Hocart (1883—1939). Oxford, 1967. Из посмертных публикаций Хокарта для анализа дуальной организации в Океании особенно существенны замечания в кн. A. M. Hocart. Caste. London, 1950, стр. 113, 114.

[15] A. M. Hocart. The Northern States of Fiji, стр. 80—81. Относительно подтверждения мысли Золотарева о происхождении племени от двух соперничавших братьев ср. также A. M. Hocart. Lau Islands, Fiji. (Bernice P. Bishop Museum, Bulletin 62). Honolulu, 1929, стр. 4 и 26. Возражая Л. А. Файнбергу, полемизирующему в комментарии к рецензируемой книге (стр. 323) с выводом Золотарева о типичности института двух вождей у полинезийцев (стр. 121), следует указать и на сохранившееся на о-ве Мангарева известие о совместном правлении братьев Акарики-теа (Белый царь) и Акарики-пангу (Черный царь): Те Ранги Хироа. Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959, стр. 166, 167.

[16] A. M. Hocart. The Northern States of Fiji, стр. 37, ср. также стр. 101, 255 и др.; ср. его же. Lau Islands, Fiji..., стр. 235; ср. включение антагонизма в число основных признаков дуальной организации: A. M. Hocart. Kings and Councillors, стр. 273.

согласуются с полярной противоположностью рядов двоичных классификационных систем. Это следует особенно подчеркнуть потому, что модель вражды недавно была предложена в качестве альтернативного способа описания некоторых южноамериканских индейских обществ с дуальной организацией [17]. Однако нельзя сомневаться в том, что вражда (связанная у этих южноамериканских племен со спортивными состязаниями) может быть во многих случаях выведена из дуальной организации. Поэтому две модели (вражды и дуальной организации) нельзя считать альтернативными с исторической точки зрения.

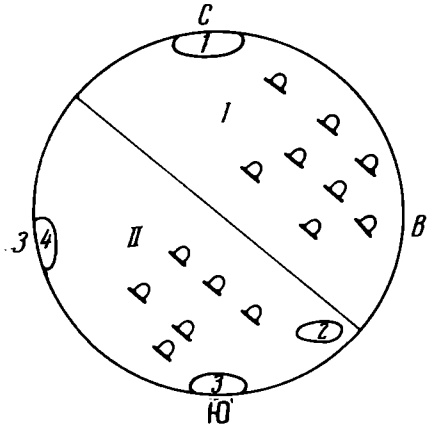


Рис. 1. План селения виннебаго (согласно информанту из фратрии Верха)

I — дома членов фратрии Земли (manegi); *II* — дома членов фратрии Верха (wangeregi); *1* — дом клана медведя; *2* — дом клана буйвола; *3* — дом клана громовой птицы; *4* — дом клана воинов (указаны только названия кланов, дома которых соотнесены со сторонами света)

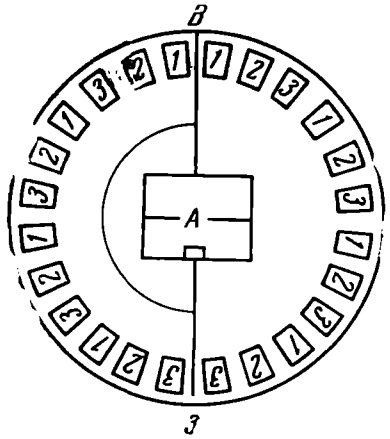


Рис. 2. План селения бороро

А — мужской дом (Báimannaguegué); *1* — высший брачный класс внутри клана; *2* — средний брачный класс внутри клана; *3* — низший брачный класс внутри клана

Весьма подробный обзор дуальной организации индейцев Северной Америки, которая и после Золотарева многократно привлекала внимание исследователей [18], содержит существенный и для археолога анализ структуры поселений, подобный упоминавшемуся выше в связи с Австралией, Новой Гвинеей и Меланезией: «Дуальная организация определяла весь ход жизни этих племен. У омаха, понка, виннебаго лагерный круг разделялся на две части воображаемой линией, проходившей с юго-востока на северо-запад» (стр. 141). Эта структура, которая у виннебаго осложняется дальнейшими делениями на 12 кланов, из которых 4 приурочены к сторонам света (см. рис. 1) [19], представляет исключительный интерес для выяснения того, как четырехчленная (или кратная 4) структура племени (где к половине земли отнесено 4 клана, к половине верха — 8) образуется посредством последовательного применения того же дуального принципа, который регулирует отношения между фратриями (половинами) [20] (ср. выше об аранта и Фиджи). Точно так же можно объяснить и концентрическую структуру поселения у бороро (см. рис. 2) [21], где каждый из 8 кланов (разделенных на две фратрии осью, идущей с востока на запад) делится на 3 класса, образуя в целом систему из 24 классов (в два раза больше числа кланов

---

[17] См. работы Д. Мэйбери-Льюиса (D. Maybury-Lewis), указанные выше, примеч. 2.

[18] Из последних работ следует отметить A. Ortiz. Dual Organization as an Operational Concept in the Pueblo Southwest. «Ethnology», 4, 1965, 4, стр. 389—396.

[19] Рисунок дан согласно P. Radin. The Winnebago Tribe. 37th Annual Report, Bureau of American Ethnology (1915—1916), Washington, 1923, рис. 33; ср. C. Lévi-Strauss. Les organisations dualistes..., стр. 100.

[20] Эта точка зрения по отношению к виннебаго впервые обоснована в работе A. M. Hocart. Winnebago Dichotomy. «Man», 33, 1933, стр. 169; его же. Kings and Councillors, стр. 50, 175, 176, 246 (там же о роли числа 4 у виннебаго).

[21] Рисунок дан по P. C. Albisetti. Contribuçoes missionarias. Publicaciones da Sociedade brasileira de Anthropologia e Ethnologia. Rio-de-Janeiro, 1945, 2, рис. 1; ср. C. Lévi-Strauss. Les organisations dualistes..., стр. 108—110; ср. также сходный план селения бороро в кн. C. Lévi-Strauss. Tristes tropiques. Paris, 1955, стр. 188, рис. 11. Из новейших работ (кроме отмеченных выше, примеч. 2, статей Д. Мэйбери-Льюиса) следует указать на E. Huestis. Bororo Spiritism as Revitalization. «Practical Anthropology», 10, 1963, 4, стр. 188; ср. также C. Lévi-Strauss. Mythologiques. I—III, Paris, 1964—1968.

у виннебаго). По проницательному замечанию Золотарева, у восточных бороро «расположение жилищ отражает социальную организацию племени: дома образуют круг, в центре которого находится мужской дом» (стр. 172). Связь дуальной организации, концентрической структуры поселения и наличия системы двоичной классификации явлений Золотарев прослеживает на примере «живого этнографического музея» — поселка восточных тимбира, «обитавших в квадратных хижинах, расположенных кругом с выходом, обращенным на центральную площадь. Все племя делится на две матрилинейные экзогамные половины, одна из которых называется «людьми Солнечного Восхода», другая — «людьми Солнечного Заката»... Все явления природы поделены между двумя половинами племени: к половине Солнечного Восхода принадлежат восток, солнце, день, сухой сезон, огонь, земля, красный цвет, красные растения и животные, маис, маниок; в половине Солнечного Заката — запад, луна, ночь, дождливый сезон, дерево для добывания огня, вода, черный цвет, черные растения и животные, сладкий батат, тыква. Одна фратрия татуируется красной краской, другая — черной. Каждая фратрия имеет свой военный клич и образует партию во всех состязаниях, соревнованиях, церемониях. Когда племя уходит на охоту, то каждая фратрия выступает отдельно, в сопровождении женщин. По возвращении устраивается обмен женщинами. С началом жатвы маиса мужчины обеих фратрий в сопровождении сыновей своих сестер собираются на центральной площади деревни; люди Запада бросают на площадь связки стеблей маиса, люди Востока — початки; затем они хвастаются друг перед другом своими племянниками» (стр. 170—171). Из последующих работ Нимуендажу, на ранние статьи которого опирался Золотарев в цитированном описании, известно, что двоичные классификационные ряды основаны на противопоставлении kamakra 'относящийся к центральной площади селения' (восток, солнце и т. д.) и atukmakra — 'относящийся к периферии' (запад, луна и т. д.) [22]. Для мужчин, входящих в шесть групп «площади», существует запрет на приготовление пищи в центральном очаге; очаги для готовки пищи располагаются у периферийных хижин, связываемых с женщинами [23]. Во время сезона дождей церемонии сосредотачиваются на центральной площади, тогда как во время сухого сезона они перемещаются к круговой аллее, проходящей перед дверьми периферийных хижин. Эти факты представляются особенно важными для археологов, так как они позволяют, как и другие аналогичные, указанные выше, установить закономерные соотношения между пространственной структурой поселения (доступной для изучения и при археологическом анализе исчезнувших культур), дуальной организацией и двоичной классификацией явлений.

Леви-Стросс, исследовавший во время полевой работы структуру поселений бороро и других бразильских племен, предложил в связи с этим истолкование некоторых древнеамериканских археологических материалов (хоупуэлльской эпохи, Тиахуанако и Куско) на основании той же пространственной (концентрической и «диаметральной») структуры поселения у племени с дуальной организацией [24]. Та же мысль за 16 лет до Леви-Стросса была высказана Золотаревым о Куско-древней столице царства инков, дуальная организация которого была детально изучена Золотаревым (стр. 185—193), и в этом перекликающимся с Хокартом [25]. С многочисленными

---

[22] C. Nimuendaju. The Eastern Timbira. «University of California Publications in American Archaeology and Ethnology», 41, 1946.

[23] Леви-Стросс при анализе этой системы, состоящей из 2 половин (востока и запада), 8 патронимических классов (6 = 3 × 2 мужских, делящихся на две половины востока и запада, и 2 женских) и 4 (= 2 × 2) возрастных групп, отмечает сходство запрета приготовления пищи с меланезийскими обычаями: C. Lévi-Strauss. Les organisations dualistes..., стр. 114—116 (и рис. 6); ср. в этой связи наблюдения Хокарта о связи приготовления пищи внутри дома и вне дома с противопоставлением мужчин и женщин на Фиджи. A. M. Hocart. Caste, стр. 96. В выводе, который Хокарт предлагал после формулировки шестого из положений его системы точных законов, он определил отношение друг к другу двух дуальных единиц как отношение «правого к левому, внутреннего к внешнему» (руководители внутренних и внешних ритуалов сидели от царя справа и слева: A. M. Hocart. The Nortern states of Fiji, стр. 31). Этот вывод по существу и был доказан в цитируемой работе Леви-Стросса (не знавшего о выводах Хокарта), где установлено, что при образовании трехчленной системы из наложения друг на друга двоичных противопоставлений (как в одинаковых тибетском и фиджийском примерах) концентрическая структура (с противопоставлением внутреннего и внешнего, центра и периферии) оказывается дополнительной по отношению к диаметральной (с противопоставлением правого и левого, востока и запада), как у виннебаго. О происхождении обрядов приготовления пищи в Бразилии см. C. Lévi-Strauss. Mythologiques, III.

[24] C. Lévi-Strauss. Les organisation dualistes..., стр. 102 и 109.

[25] См. анализ структуры царства инков: A. M. Hocart. Kings and Councillors, стр. 250, 261, 262, 275, где, однако, в строке 9 «периодической системы» признаков, построенных Хокартом для обществ с дуальной организацией, неоправданно прочеркнуто противопоставление мужского и женского, см. о различении двух фратрий по этому признаку в мифологии инков у Золотарева, стр. 195 и 198.

данными о дуальной организации царства инков Золотарев сопоставил упоминания старинных испанских источников «о делении города Куско, а одновременно и всех прочих городов империи инков, на два квартала: Ханан — Верхний квартал и Хурин — Нижний квартал. Каждый город империи состоял из двух четко ограниченных кварталов, разделяемых широкой дорогой или площадью. В особенности подробно описано это деление для города Куско, архитектура и планировка которого тщательно изучены археологами» (стр. 187). Для археологического подтверждения мысли Золотарева о ритуальной и религиозной роли фратрий в древней Центральной Америке (которую в этом смысле он сближал с древним Перу, стр. 150) особый интерес могут представить многочисленные данные, относящиеся к структуре квадратных площадок (plazuela) для ритуальных игр [26], истолкование которых легко можно дать благодаря наличию в древнемексиканских кодексах изображений и описаний этих площадок, игр и соответствующих мифов, сохраняющих отчетливо двоичный характер с обычным для развитых систем этого типа четырехчленным делением, внутри которого обнаруживаются двоичные различения цветов, сторон света, солнца и луны [27] и т. п. Золотарев обосновывает на американском материале тезис, согласно которому «чем больше фратрия утрачивала значение брачной и гражданской единицы, тем сильнее возрастала ее церемониально-символическая роль... В Америке... классификация, связанная с символикой сторон света и цветов, была развита гораздо сильнее, чем в Австралии» (стр. 149). Возможно, что этот вывод связан и с более широким распространением в Америке четырехчленных социальных систем (и систем, число членов которых кратно четырем, см. выше о виннебаго и бороро), в отличие от преимущественной роли дуальных противопоставлений половин в Австралии. Проведенный Золотаревым обзор символических двоичных противопоставлений (обычно соединяемых в четырехчленные системы или в семичленные, где $7 = 4 + 2 + 1$, как у зуньи) в Америке представляет большой интерес для общей типологии подобных символических систем двоичной классификации [28].

К выдающимся предвосхищениям выводов современной науки следует отнести и мысль Золотарева о сохранении в Древнем Египте и в некоторых других африканских обществах явных черт дуальной организации (стр. 202). Приходится выразить недоумение по поводу того, что это открытие Золотарева, опередившее одну из главных идей известной книги Фрэнкфорта [29], в рецензируемом издании лишилось доказывающих его аргументов, содержащихся в рукописи Золотарева, из которой при публикации были изъяты весь раздел о дуальной организации в Египте и раздел о близнечном культе в Африке. Фрэнкфорт, почти дословно совпадающий с Золотаревым (стр. 202) в сопоставлении дуальной организации Древнего Египта и других народов Африки [30], делал вывод об отсутствии исторических оснований у египетской дуальной монархии, отвергая (как и Золотарев) традиционный взгляд на причины двойственности всех египетских должностей и титулов. Но Фрэнкфорт остановился перед окончательным объяснением, данным Золотаревым в неизданной части его книги. Согласно Золотареву, некогда «Египет делился на две фратрии — фратрию Верхнего и фратрию Нижнего Египта; счет наследования в этих фратриях был матрилинейным; между фратриями существовала обрядовая вражда; двойственность чиновничьих должностей и царской титулатуры, так же как и символика цветов, объясняется из фратриального дуализма» [31]. С этой точки зрения в неизданной части книги Золотарев проанализировал и миф о Горе и Сете [32], видя в нем следы близнечного мифа.

[26] См., например, J. E. Thompson. Archaeological Investigations in the Southern Cayo District, British Honduras. Chicago, 1931, стр. 233—237.

[27] В этом отношении до сих пор сохраняет свое значение работа E. Seler. Einiges über die natürlichen Grundlagen mexikanischer Mythen. «Zeitschrift für Ethnologie», 39, Jahrgang, 1909, I und II (перепечатано также в издании E. Seler. Gesammelte Abhandlungen zur amerikanischen Sprach- und Altertumskunde, Graz, 1960). См. там же воспроизведение соответствующих изображений из кодексов.

[28] См. предварительные данные относительно такой типологии двоичных классификационных систем, в большей степени основанной на материалах и выводах А. М. Золотарева: В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы, стр. 192—217; ср. также C. Lévi-Strauss. La pensée sauvage, стр. 55—57 и 183 (там же библиография).

[29] H. Frankfort. Kingship and the Gods. Chicago, 1948, особенно стр. 20, 21 (двоичная титулатура фараона), 69 (двойник фараона), 93 (дуализм монархии Менеса), 129, 130 (дуализм ритуального действа). См. также популярное изложение выводов Фрэнкфорта. Дж. Томсон. Первые философы. Исследования по истории древнегреческого общества. II, М., 1959, стр. 70—75.

[30] H. Frankfort. Ук. соч., стр. 350 и 365. Относительно дуалистической мифологии баганда, с которыми Фрэнкфорт сравнивает Древний Египет, см. в книге Золотарева, стр. 212.

[31] Цитирую по рукописи рецензируемой книги, хранящейся в архиве Ин-та этнографии АН СССР.

[32] По сходному пути в интерпретации этого мифа шел и Хокарт, насколько можно судить по его беглым замечаниям: A. M. Hocart. Kings and Councillors, стр. 57, 90, 155.

Специальный раздел книги Золотарева, посвященный культу близнецов в Африке, остался также неизданным, что особенно вызывает недоумение потому, что многочисленные подтверждения его мысли об Африке как «классической стране культа близнецов» (стр. 209) были обнаружены в самое последнее время [33]. Исследование следов дуальной организации и двоичных систем классификации в Африке существенно продвинулось за последние два десятилетия [34]. Особенно следует отметить детальный анализ двойного царствования у таких народов, как йоруба, где параллельное функционирование царя-жреца и его светского двойника — башоруна обыкновенно сравнивается с японской парой микадо и сёгуна [35], а система двоичной ритуальной классификации явлений, связывающая символику цветов, дней пятичленной недели и детали обрядов с противопоставлением левый — правый [36], аналогична другим описанным Золотаревым системам, во все большем количестве обнаруживающимся в Африке [37]. Значительный интерес представляет двоичная религиозная классификация у нуер, где противопоставлены признаки левый — правый, женский — мужской, слабый — сильный, злой — добрый [38].

В отношении Индии и Индонезии выводы Золотарева были столь же продуманны и осторожны. Он отмечал отсутствие там примитивных форм дуальной организации. Силу его проницательности можно оценить в особенности по беглому заключению, касающемуся отражения дуальной организации древнеиндийского общества в «Махабхарате»: «Позволительно высказать предположение, что Куру и Пандавы, солнечная и лунная династия, война которых была описана в «Махабхарате», были не чем иным, как древнеиндийскими фратриями» (рис. 217). Эта идея была доказана в серии этнологических и историко-культурных работ [39], с которыми Золотарев не мог быть знаком. В них было установлено, что этот мифологический сюжет можно рассматривать как отражение ритуальной вражды между фратриями. Отмеченное Золотаревым (стр. 216) индийское деление каст левой и правой руки было детально изучено Хокартом в связи с проблемой дуальной организации в Индии [40]. Соединение занятий археологией Цейлона с анализом социальной дуальной и кастовой организации позволило Хокарту дать образцы исторического толкования четырехчленной

---

[33] См., например, литературу о культе близнецов у бамилеке (Центральный Камерун), указанную в заметке автора настоящей рецензии: В. В. Иванов. Об одном семантическом архаизме в бамилеке. «Языки Африки», М., 1966, стр. 260.

[34] T. Mc. Vicar. Wangura Religion. «Primitive man», XIV, 1941, стр. 18—22; M. Jeffreys. Dual Organization in Africa. «African studies», V, 1946, стр. 82—104, 157—176; E. Colson. Marriage and the Family among the Plateau Tonga. Manchester, 1958; H. Cory. Religions Beliefs and Practices of the Sukuma / Nyamwesi Tribal Groups. «Tanganyika Notes and Records», 54, 1960, стр. 14—26. См. также статьи, указанные выше, примеч. 8.

[35] Это типологическое сопоставление, впервые данное Хокартом в связи с анализом проблемы двойных царей (A. M. Hocart. Kings and Coucillors, стр. 161, 162), независимо от него недавно повторено в содержательном исследовании: Н. Б. Кочакова. Города-государства йорубов. М., 1968, стр. 148, примеч. 30.

[36] L. Frobenius. Und Afrika Sprach..., Berlin, 1913, стр. 190 и 280.

[37] См. статьи, указанные выше, примечания 8 и 34. Наличие таких систем двоичной классификации явлений в Африке было впервые открыто в несправедливо забытой книге: M. Dennett. At the Back of the Black Man's Mind. London, 1896. Из последующих работ см. особенно: M. Griaule. Dieu d'eau. Entretiens avec Ogotêmmêli. Paris, 1948. Ср. анализ противопоставления социальных названий Земля и Гора: J. Pouillon. La structure du pouvoir chez les Hadjerai (Tchad). «L'homme», 1964, septembre — décembre, стр. 48.

[38] E. E. Evans-Pritchard. Nuer Religion. Oxford, 1956. В качестве особенно яркой параллели в Африке можно назвать противопоставление левый — правый, определяющее некоторые черты социальной организации и строения жилищ у зулусов: А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953, стр. 90, 91 и 97 (разделение на левую женскую и правую мужскую половины дома), гл. XI (титул первой жены «Дом левой руки», соотношение «левой руки крааля» и правой как женской и мужской линии), ср. также ритуальный запрет резать левой рукой у хауса, совпадающий с обычаями нуер: Д. А. Ольдерогге. Язык хауса. Л., 1954, стр. 58; см. также в работе автора, указанной выше, примеч. 33, о роли противопоставления левый — правый у бамилеке и яунде (Камерун), по отношению к социальной организации и структуре сигнальных барабанов (в этом смысле сходных с сибирскими шаманскими бубнами, отражение двоичной классификации в которых рассмотрено в цитированном ниже месте книги Золотарева).

[39] G. J. Held. The Mahābhārata, an Ethnological Study. Amsterdam, 1935; F. D. K. Bosch. The Golden Germ. An Introduction to Indian Symbolism. 'S-Gravenhage, 1960, особенно стр. 86, 87.

[40] A. M. Hocart. Caste, стр. 64, 65. Относительно следов дуальной организации и двоичной классификации в кастах Южной Индии ср. L. Dumont. Une sous-caste de l'Inde du Sud. Paris, La Haye, 1957, стр. 139 (происхождение вождей от двух братьев), стр. 366 (два жреца, два вида богов и два типа готовки пищи); его же. Homo hierarchicus. Paris, 1966, стр. 111, примеч. 35d.

структуры индийских и сингальских археологических комплексов, в частности древних городов, монастырей и храмов, до сих пор сохраняющие методическое значение [41]. В этих работах осуществлено исследование пространственной структуры (которая часто выступает и в роли ритуального изображения всей Вселенной) в связи с социальной организацией и символической классификацией. Сходный подход к памятникам архитектуры и изобразительного искусства древнего Цейлона, Индии и Юго-Восточной Азии, обнаруживающий в самой их структуре отражение представлений, связанных с двоичной символической классификацией, развит в целом ряде работ последних десятилетий [42]. При этом выявлено, что в искусстве стран Южной и Юго-Восточной Азии многие последующие двойные повторения символов, некогда входивших в двоичные системы классификации, уже могли иметь чисто орнаментальный характер, не соотносясь ни с какими конкретными представлениями, как и удвоение ритуальных и государственных должностей в сингальском храме и цейлонском государстве [43]. Но и самые древние системы символов, предшествовавшие такому почти механическому применению двоичного деления, в культурных традициях этих стран чаще оказываются четырехчленными (ср., например, символы четырех животных, соотнесенных со сторонами света, начиная уже с изображений на печатях из Мохенджо-Даро и вплоть до позднейших археологических свидетельств на Цейлоне и в Малайе). Однако наряду с четырехчленными системами на Цейлоне (и лишь отчасти в Индии), в Бирме, древней Камбодже и Сиаме представлены двучленные [44], в которых можно видеть прямой (а не опосредованный, как в четырехчленных) след дуальной организации. Мысль Золотарева о том, что «в некоторых государствах Южной Азии сохранилась двойственность власти, объясняемая только из дуальной организации» (стр 217), по отношению к упоминаемому им в этой связи древнему Сиаму (стр. 217, 218) была подтверждена весьма детально в работах, которых Золотарев еще не знал [45].

Подкреплена новейшими изысканиями [46] и мысль Золотарева об отражении в «Махабхарате» древнеиндийского близнечного мифа (стр. 217), причем установление сфер скотоводческой деятельности древнеиндийских обожествленных близнецов (из которых один связан с лошадьми, а другой — с быками) может помочь в выявлении соотношений между этими близнецами (по Золотареву, символизирующими дуальную организацию) и упомянутым выше четырехчленным индийским рядом животных-символов.

Дуальная организация в Индонезии, о следах которой Золотарев говорит с осторожностью, в настоящее время обнаружена во многих случаях, как и связанная с ней двучленность поселения, например Амбоина, где засвидетельствована и двоичная классификация, противопоставляющая признаки левый — правый, женский — мужской, берег или море — суша или гора, внизу (вниз) — вверху (вверх), земля — небо,

---

[41] A. M. Hocart. Archaeological Summary. «Ceylon Journal of Science», section G., Archaeology and Ethnology, I, 1924, стр. 50; II, 1928, стр. 10 сл., рис. XLIII и LXIII; его же. The Temple of the Tooth in Kandy. «Memoirs of the Archaeological Survey of Ceylon», IV, London, 1931; его же. Kings and Councillors, стр. 247, 248 (с опорой на древнеиндийские трактаты), стр. 250 (там же о Камбодже).

[42] J. Przyluski. Pradaksina et prasavya en Indochine. «Festschrift M. Winternitz.» Prag, 1933, стр. 326 сл.; В. Н. Топоров. К реконструкции некоторых мифологических представлений на материале буддийского изобразительного искусства. «Народы Азии и Африки», 1964, 3; его же. Заметки о буддийском изобразительном искусстве в связи с вопросом о семиотике космологических представлений. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 181, «Труды по знаковым системам, Σημειωτική» (в дальнейших ссылках сокращено «Σημειωτική»), там же сравнение с сибирскими шаманистскими представлениями; F. D. Bosch. The Golden Germ; его же. Aśvin-goden en de epische tweelingen in de oudjavaanse Kunst en Literatuur. «Bijdragen», D. 123, 1967, 4a, стр. 427—441; Е. С. Семека. Опыт типологического истолкования некоторых символов раннего цейлонского буддизма. IV сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов. М., 1968, стр. 87—90.

[43] В отличие от Фиджи, см. A. M. Hocart. Duplication of Office in Indian State. «Ceylon Journal of Science», Section G, I, 1928, стр. 205; его же. Caste, стр. 40, примеч. 2.

[44] Отмечено как пережиток дуальной организации в работах: A. M. Hocart. Indo-European Kingship System. «Ceylon Journal of Science», Section G, I, 1924—1928, стр. 205 (перепечатано в сб.: A. M. Hocart. The Life-Giving Myth and other Essays. London, 1952); его же. Buddha and Devadatta. «Indian Antiquary», LIV, 1925, стр. 98; его же. Caste, стр. 67.

[45] H. G. Quaritch Wales. Siamese State Ceremonies. London, 1931; его же. Ancient Siamese Government. London, 1934 (ср. о Непале и Бутане: A. M. Hocart. Kings and Councillors, стр. 163).

[46] S. Wikander. Pāndavasagan och Mahābhāratas mystiska förutsättningar. «Religion och Bibel», 6, 1947; его же. Nakula et Sahadeva. «Orientalia Suecana», 6, 1957. Ср. также работы Босха, названные выше в примеч. 42. Относительно пар богов в древней Индии ср. замечания: A. M. Hocart. Caste, стр. 38.

духовный — мирской, кожура — сердцевина, внешний — внутренний, сзади — спереди, запад — восток, младший — старший [47].

Глава книги Золотарева, посвященная дуальной организации народов Сибири, написана на основании материалов, частично впервые собранных самим автором и другими нашими исследователями. Основные выводы этой главы до сих пор остаются в силе [48]. Примером проницательности Золотарева может служить его анализ дуальной организации кетов (стр. 230, 231), где, как верно отметил в своем комментарии Л. А. Файнберг (стр 326), Золотарев исправил ошибку Б. О. Долгих, позднее отказавшегося от своей неверной точки зрения. Следует заметить, что экзогамное правило (так называемого вторичного типа, т. е. без указания фратрии или рода, в пределах которого должен осуществляться брак) у кетов (даже у молодежи) до настоящего времени сохраняется в афоризме qonɨmdiŋ napal qimsuɣus 'на (буквально: из) чужих женюсь' [49]; при малочисленности самих кетов это правило, видимо, способствует смешанным (особенно кетско-селькупским) бракам. Огромный интерес представляет то, что при сохранении явных следов дуальной организации кеты (как и некоторые другие народы Сибири) обнаруживают отчетливые двоичные противопоставления (типа верх — низ, мужской — женский) в названиях фратрий, во всей своей мифологии [50], делении шаманов на белых и черных («птичьих» и «медвежьих»), шаманском ритуале, рисунках на бубнах и других предметах шаманского культа, орнаменте и шапках [51] (где, как и в кетском орнаменте, проведено противопоставление мужских и женских двоичных символов). Кетские и другие сибирские факты дают поэтому косвенное подтверждение мысли Золотарева о том, что «на самом бубне... заметны следы символического деления мира и цветов между фратриями» (стр. 230). Эта гипотеза приобретает особую силу после выхода в свет фундаментальной монографии С. В. Иванова, который, в частности, посредством анализа всех имеющихся материалов доказал «предположение о делении сторон бубна на верхнюю — светлую, солнечную, дневную, красную, небесную, и на нижнюю — темную, лунную, ночную, черную части» [52] и проанализировал структуру овальных бубнов, разделенных на четыре сектора, заполненные изображениями животных и духов или людей, у нганасан [53], эвенкийских бубнов с концентрической структурой [54] и других символов Вселенной или Земли, типологически близких к упоминавшимся выше памятникам Южной и Юго-Восточной Азии. Замечание Золотарева о возможных следах двоичной классификации на юкагирской дощечке, левая сторона которой окрашена в черный цвет, а правая — в красный (стр. 252), приобретает особую значимость благодаря обнаружению С. В. Ивановым функции мамонта, изображенного на левой (черной) стороне этой дощечки и обычно выступавшего как животное нижнего (подземного или подводного) мира [55].

---

[47] J. M. van der Kroef. Dualism and Symbolic Antithesis in Indonesian Society. «American anthropologist», 56, 1954, 1, стр. 852; ср. о дуальной организации в Индонезии: C. Lévi-Strauss. Les organisations dualistes..., стр. 104, 105.

[48] О современном состоянии вопроса см. обзорный доклад: Б. О. Долгих. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири. VII МКАЭН, IV.

[49] Записано автором рецензии со слов 30-летнего кета Ф. Максунова в с. Бахлаиха в июле 1962 г. во время экспедиции по изучению кетского языка.

[50] В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К описанию некоторых кетских семиотических систем. «Σημειωτικ-», II, Тарту, 1965, стр. 116—141. Фратрию огня представляется возможным соотнести с богом солнца Эсем, фратрию лыжного посоха кольца — с Хоседэм, приуроченной к северу. Ср. также предания о связи двух легендарных шаманов с двумя экзогамными половинами: Е. А. Алексеенко. Кеты. Л., 1967, стр. 194 (см. об экзогамии и ее отражении в культе там же, стр. 34, 35, о «медвежьих» шаманах, стр. 190—193).

[51] В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Лингвистические вопросы этногенеза кетов в связи с проблемой вхождения их в циркумполярную область. VII МКАЭН. М., 1964. Указанная здесь же аналогия с шашками из Мохенджо-Даро может быть дополнена ссылкой на недавно найденные фишки того же типа в древней культуре Южной Туркмении.

[52] С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.— Л., 1954, стр. 72 (о селькупском бубне; другие подобные выводы даны в разделах о кетах и многих других народах).

[53] Там же, стр. 81. Ср. о структурах ритуальных символов этого типа литературу, приведенную выше, примеч. 41 и 42. Следует отметить дихотомическое деление на 4 (= 2 × 2) экзогамных группы у предков нганасан в XVII в.: Б. О. Долгих. Родовая экзогамия у нганасан и ненцев. Тр. ИЭ, 78, М., 1962.

[54] С. В. Иванов. Там же, стр. 168, 169 сл.

[55] Там же, стр. 529—531; С. В. Иванов. Мамонт в искусстве народов Сибири. Сб. МАЭ, XI, М.— Л., 1949; ср. о символе мамонта и лося: А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА 18. 1950, стр. 285 и сл.; А. Ф. Анисимов. Космологическое представление народов Севера. Л., 1959. О возможности типологического сравнения с упомянутым символом слона в Индии ср. Е. С. Семека, Ук. соч., стр. 89 (ср. там же о древней Мексике).

В разделе, посвященном дуалистическим двоичным мифам Сибири и Восточной Европы, Золотарев проанализировал границы распространения мифа о нырянии птицы за землей (стр. 278, 279) и здесь опередил науку своего времени [56], показав, в частности, что одним влиянием богомильских воззрений нельзя объяснить славянских представлений, имеющих широкие евразийские параллели. Данный Золотаревым анализ славянской мифологии, например характера противопоставления Перуна Велесу, подтверждается новейшими исследованиями, доказывающими наличие закономерной связи Перуна с возвышенностью и княжеской дружиной [57]. Несомненным является и вывод Золотарева о наличии двоичных противопоставлений типа Чернобог — Белобог у славян (стр. 282), на основании которого делается заключение относительно двоичной системы славянской мифологии, что принято и рядом современных славистов, предлагающих для объяснения этого гипотезу о древней дуальной организации [58]. Поэтому в свете приведенных выше типологических данных может представить интерес вывод археологов и лингвистов о древности поселений концентрической структуры у славян [59].

В заключительной главе Золотарев, суммируя изложенное выше и кратко останавливаясь на отдельных вопросах, не вошедших в предшествующие главы (например, отмечая близнечные представления в древнегерманских сагах [60]), делает общий вывод: «Будучи первой упорядоченной формой общества, дуальная организация оказала глубочайшее влияние на мировоззрение человечества. В дуальной организации первобытный человек нашел готовый трафарет, которым он пользовался при классификации внешнего мира» (стр. 291). «Оглядываясь назад, на пройденный путь, можно сказать, что в дуальной организации и близнечном мифе мы нашли чудесный корень жизни, от которого произросли многообразные разветвления социального, религиозного, мифологического, эпического и сказочного творчества человечества...» (стр. 297).

Эти заключительные слова книги, верно определяющие огромное ее значение для истории культуры, в печатном тексте недостаточно подготовлены предшествующим изложением, потому что рукопись книги была урезана. Из нее были исключены части, показывающие все эти «разветвления», в частности глава, включающая боль-

---

[56] Ср. из работ, с которыми Золотарев не был знаком: W. Schmidt. Das Tauchmotiv in Erdschöpfungsmythen Nordamerikas, Asiens und Europas. «Mélanges de linquistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken», Paris, 1937, стр. 111; I. Paulson, A. Hultkranz, K. Jettmar. Die Religionen Nordeurasiens und amerikanischen Arktis. Stuttgart, 1962, стр. 313.

[57] Ср. В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы, стр. 22, примеч. 42. Ср. также более раннюю работу автора настоящей рецензии: В. В. Иванов. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома. «Вопросы славянского языкознания», 3, М., 1958. Лингвистические данные, в частности связь имени Перуна с хеттским peruna = «скала» и славянские и балтийские названия возвышенностей, образованные от этого же имени бога, представляют особый интерес в свете археологического материала: В. В. Седов. Древнерусское святилище в Перыни. КСИИМК, 50, 1953; его же. Новые данные о языческом святилище Перуна. КСИИМК, 53, 1954.

[58] E. Gasparini. L'orizzonte culturale del «mir». «Ricerche slavistische», X, 1962 (ср. также рецензию на эту книгу H. Przesławska, SA, XIV, 1966, стр. 497); В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы, стр. 12—181. Ритуальная значимость связи противопоставлений женский — мужской и левый — правый, в частности при захоронениях у славян, подтверждаемая многочисленными фольклорными данными (В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Там же, стр. 94, 95, ср. выше, примеч. 38, о типологических параллелях), может быть прямо соотнесена с археологическим материалом; ср. М. Х. Алешковский. Парные погребения в русских курганах XI—XIII в. «Тезисы докладов на научной сессии Эрмитажа», Л., 1964, стр. 22, 23.

[59] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 324 сл.; О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства, 1959, стр. 167, 168 и 267 (ср. о соотношении терминов 'общий, обширный' и 'круглый': *ob-tjo- > старославянск. обьшть *'κοινός' 'общий', сербск. *ȍuħū* при польск. obcy 'чужой' с полярным изменением значения и *obь-lъ- > чешск. oblý 'круглый' в работе автора настоящей рецензии: В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 208); W. Hensel. Kształtowanie się osadnictwa słowiańskiego. SA., II, 1949—1950, стр. 6; его же. Słowiańszyzna wszesnośredniowieczna. Warszawa, 1956, стр. 301 сл.; J. Kostrzewski. Kultura prapolska. Poznan, 1949, стр. 80 сл.; его же. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955, стр. 288, 289.

[60] Правильность вывода о древности этих представлений доказана в новейших работах: N. Wagner. Dioskuren, Jungmannschaften und Doppelkönigtum. «Zeitschrift für deutsche Philologie», LXXIX, 1960, 1 u. 3 (где рассмотрен и вопрос с двойном царствовании); D. J. Ward. The Rescue of Kudrun; a Dioscuric Myth. «Classica et mediaevalia» XXVI, Copenhague, 1965, стр. 334—353. Ср. об индоевропейском близнечном культе названные работы Викандера, выше примеч. 46.

шой раздел о Египте, о котором речь шла выше, раздел о вавилонской и библейской мифологии, характеристика зороастрийского дуализма, к которому вновь и вновь обращаются исследователи [61], раздел о Риме и Греции. Раздел о Риме, написанный на основании римских источников, изученных Золотаревым в латинском подлиннике, представляет собой блестящий этюд, доказывающий отражение дуальной организации во взаимоотношении экзогамных латинской и сабинских фратрий, культе близнецов — основателей Рима, двойственности римских должностей, обряде Луперкалий. Накопившиеся за последнее время данные, подтверждающие древность италийского культа божественных близнецов, в частности в Пренесте, и далеко идущее сходство этого культа с древнеиндийским [62], делают публикацию этого раздела неотложной необходимостью. То же можно сказать и о греческом разделе книги, поскольку доводы в пользу принятой Золотаревым вслед за Штернбергом древности греческого близнечного мифа все увеличиваются [63].

Из книги Золотарева изъяты также большая обобщающая глава о близнечном культе, развивающаяся идея Штернберга и Харриса и занимающая центральное место как обобщение всего анализа мифов в книге (выше говорилось о разделе этой главы, посвященном Африке), и глава о дуалистических мотивах в кавказских легендах.

Ему было известно, что кавказский нартский (героический) эпос также отражает прошлое бытование у народов Кавказа и культа близнецов (Ахсар и Ахсартаг) и идеи борьбы добра со злом (борьбу нартов с великанами, чудищами — эретхойцы и великаны у вейнахов и др.). Золотарев был немало удивлен, когда узнал, что нартским эпосом прекрасно подтверждается былое существование у народов Кавказа древнего типа семьи (Урызмаг и Сатана и др.).

Будучи в составе Северо-Кавказской археологической экспедиции АН СССР в 1938 г., Золотарев, пользуясь содействием бывшего директора Ингушского музея краеведения Мурата Куркиева, путем опроса стариков в с. Алхасте и др. собрал интереснейшие данные о дуализме у ингушей, у которых сохранились явные признаки дуальной организации. К сожалению, и данные о кавказской мифологии и их анализ были изъяты из опубликованной книги А. М. Золотарева. Некоторые небольшие неоправданные купюры сделаны и в тексте заключительной главы (в частности, из нее изъята ссылка на обращение «римляне-квириты» на стр. 289). Все эти искажения текста тем менее оправданы, что идея постепенного отделения двоичной символической классификации от дуальной организации общества, на которой основано изложение в этих изъятых главах, становится все более действенным средством восстановления истории древнейших концептуальных систем. Золотарев в этом отношении является предшественником целой серии работ по культурной и структурной антропологии, этнологии, семиотике. Его роль в истории науки должна быть определена по достоинству.

Необходимо подготовить в краткий срок новое полное издание книги под ее подлинным заглавием, без купюр и пропусков, разрушивших композицию книги и исказивших ее замысел; вероятно, имело бы смысл сопроводить ее более обширным справочным и библиографическим комментарием. Только этим можно восполнить ущерб, нанесенный книге искажением текста. Нельзя обойти молчанием и то, что за время, пока рукопись Золотарева оставалась неизданной, в популярной литературе появились ссылки на его концепцию без указания автора или с упоминанием других имен. После выхода в свет этой книги в ее полном виде это уже станет не только недопустимым, но и невозможным.

---

[61] См. J. Duchesne-Guillemin. Ormazd et Ahriman, l'aventure dualiste dans l'antiquité. Paris, 1953; его же. La religion de l'Iran ancien. Paris, 1962.

[62] G. Dumézil. La religion romaine archaique. Paris, 1966. стр. 68, 69, 252—254. Для доказательства гипотезы Золотарева важны также собранные Дюмезилем данные о связи Пенатов Рима с Диоскурами — близнецами (там же, стр. 348), сходное представление о Ларах Рима (там же, стр. 338), близких по своим атрибутам и к двум группам, восходящим к двум gentes (там же, стр. 341, 564, 565, 591) в упомянутых Золотаревым Луперкалиях. Особенно существенно наличие двух ритуальных групп в обряде October Equus, родственном древнеиндийскому aśvamedha 'принесение в жертву лошади' (там же, стр. 227—228), так как древнеиндийские близнецы Ашвины (как и греческие Диоскуры) связаны с лошадью. Двоичный характер носит латинский титул duumviri sacrorum (там же, стр. 576) и деление жрецов на две группы — Salii Марса и Квирина (стр. 152—158); само название последнего бога, связанного с сабинской фратрией, по легенде, давшей римлянам жен, разъясняется из дуального названия * co-uir 'совместно с мужчинами'.

[63] R. Schilling. Les Castores romains à la lumière des traditions indo-européennes. «Collection Latomus», 45. Paris, 1960. Ср. об индоевропейском близнечном культе выше, примеч. 49, 60, 61, 62. Важная с точки зрения обсуждаемых концепций концентрическая структура древнегреческих городов и огней как ритуальных символов детально изучена в археологических и историко-культурных работах последних лет, см. J.-P. Vernant. Mythe et pensée chez les grecs. Paris, 1965, стр. 99, 102, 122, 180.

Золотарев принадлежит к числу этнологов, чьи работы (прежде всего рецензируемая книга) будут долго служить науке. За вторым исправленным изданием рецензируемой книги должно последовать и издание других работ Золотарева, многие из которых (так или иначе связанных с темой этой книгой), например работа о социальной организации в Австралии, остаются в рукописи, а другие давно стали труднодоступными (или изданы лишь в английском переводе, как опубликованная в 1937 г. работа о медвежьем празднике, русский оригинал которой хранится в архиве Института этнографии АН СССР). Издание двух или трех томов избранных трудов А. М. Золотарева, одним из которых должна стать рецензируемая монография, станет большим событием в нашей науке.

Вячеслав Иванов

В. В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критический очерк отечественных теорий колонизации), Изд-во «Наукова думка», К., 1966.

Сложный комплекс методологических проблем связан с исследованием вопросов греческой колонизации Северного Причерноморья. В связи с этим несомненный интерес вызывает недавно вышедшая из печати работа В. В. Лапина, посвященная этой теме. Главную задачу своего исследования В. В. Лапин видит в постановке важнейших вопросов греческой колонизации: ее причин, характера и конкретной истории. Как указывает автор, он стремился наметить методические пути решения этой проблемы (4 стр.) [1]. Плодотворное решение указанных вопросов, по мнению автора, возможно лишь при условии внесения большей ясности в основные методологические положения теорий греческой колонизации, а это, в свою очередь, вызывает «необходимость критической проверки существующих концепций колонизации» (стр. 7). На критическую направленность работы указывает и ее подзаголовок. Особое внимание В. В. Лапин уделил в работе критическому разбору двух отечественных теорий греческой колонизации: теории двухсторонности и обязательности эмпориального периода, рассматривая их как конкретные варианты теории торговой колонизации (стр. 7). В. В. Лапин пытался выяснить методологические посылки (стр. 8) и истоки (стр. 13, 22) указанных теорий. И при проверке правильности анализируемых им теорий автор снова подчеркивает важнейшее значение «четкого методологического подхода к проблеме» (стр. 23). Слов нет, сама постановка и попытка решения этих сложнейших задач заслуживает самой положительной оценки.

Как же справился автор с этими ответственнейшими задачами?

При решении вопроса о причинах греческой колонизации В. В. Лапин исходит из известных положений Маркса о причинах вынужденных эмиграций в древнем мире. Трудно переоценить значение этого сформулированного Марксом закона для правильного понимания причин древних колонизаций вообще и греческой колонизации в частности. Причины греческой колонизации едины, универсальны для любого колонизационного потока, независимо от того, куда бы он ни устремлялся, ибо обусловлены они внутренними закономерностями развития самого греческого общества. В этом смысле совершенно правильно автор говорит об имманентном, одностороннем их содержании. Естественно, поэтому всякие попытки поисков причин греческой колонизации вне самой Греции глубоко ошибочны, и в этом отношении В. В. Лапин прав, обращая внимание на эту сторону критикуемых им концепций.

Однако не менее ошибочно на основании правильного утверждения об имманентности причин греческой колонизации делать вывод об односторонности колонизационного процесса вообще. Между тем именно «в отказе от одностороннего рассмотрения греческой колонизации только с точки зрения развития греческого общества» (стр. 8) автор усматривает ошибочность основной методологической посылки теории двухсторонности. В данном случае В. В. Лапин явно путает два различных понятия: п р и ч и н и у с л о в и й греческой колонизации, перенося признаки одного понятия на другое. Следует напомнить пространно цитируемые В. В. Лапиным (стр. 23) положения Маркса о вынужденной эмиграции, в том числе и греческой, представляющей собой процесс переселения, принимавший «форму периодического основания колоний». Уже сам процесс переселения предполагает как его исходные пункты, с одной стороны, так и конечные пункты, объекты колонизации, с другой. Переселение невозможно и без самих переселенцев-колонистов, т. е. субъектов колонизации. В этом смысле исходные центры, субъекты и объекты колонизации являются непременными условиями любого переселения, любой колонизации, без которых они немыслимы. Нельзя представить себе какое-либо переселение без наличия какого-либо из этих условий, в частности цели колонизации колонизируемых земель, основания на них колоний. Можно ли после этого, вслед за автором, осуждать основную методологическую посылку теории двухсторонности за ее отказ от одностороннего рассмотрения греческой колонизации только с точки зрения развития

[1] Здесь и далее в скобках указаны страницы работы В. В. Лапина.

греческого общества? Разве само наименование проблемы и работы В. В. Лапина «Греческая колонизация Северного Причерноморья» не указывает наилучшим образом не только на двухсторонность этого колонизационного процесса, но и говорит о конкретной ее направленности? Показательно также и то, что поводом для пересмотра автором существующих концепций греческой колонизации Северного Причерноморья явились не факты истории самой Греции, а материалы исследования колонии на о. Березани. Об этом же свидетельствуют сами наименования глав работы В. В. Лапина — «Северное Причерноморье накануне греческой колонизации», «Начальный этап колонизации Нижнего Побужья», «Взаимоотношения с варварским миром». Горячо отстаивая рассмотрение греческой колонизации с точки зрения развития греческого общества, В. В. Лапин, однако, ни одной главы собственно Греции не посвятил. И, наконец, как совместить бескомпромиссную концепцию односторонности В. В. Лапина с его же утверждением о необходимости «изучения процесса колонизации в конкретных территориальных границах» (стр. 34)? Никак. Между тем имманентность причин колонизации и необходимость ее изучения в конкретных географических условиях не только не противоречат, а с необходимостью дополняют друг друга, как два непременных условия рассматриваемого двухстороннего исторического процесса. В этом отношении «условия» оказываются понятием более широким по своему содержанию, нежели понятие «причин». При изучении содержания, характера греческой колонизации важно отметить некоторые особенности этих понятий. Причины всегда постоянны, неизменны, универсальны для всех колонизационных потоков. Объекты же колонизации различны в той мере, как различны их конкретные местные условия. Именно эти конкретные условия придают каждому колонизационному потоку свой неповторимый характер, что позволило автору сделать совершенно правильный вывод о том, что «единой схемы колонизации не может быть» (стр. 34). Вот почему односторонняя имманентность причин не отрицает двухсторонности колонизаций в целом, а изучение конкретных местных географических и исторических условий приобретает в связи с этим решающее значение.

Не различает автор и такие понятия, как условия и содержание колонизационного процесса. Как видно из всей работы В. В. Лапина, он отождествляет двухсторонность (условия) колонизации с ее торговым характером (содержанием). Всякое расчленение двухсторонности и торгового характера колонизации, как утверждает автор, имеет искусственный характер (стр. 22). С этим согласиться нельзя. Конечно, торговля всегда процесс двухсторонний, но из этого еще никак не следует, что всякий двухсторонний процесс следует объяснять его торговым содержанием. По своему содержанию они могут быть и торговыми, и аграрными, и аграрно-ремесленными, и смешанными. Задача исследователя в том и состоит, чтобы на основании глубокого изучения материала раскрыть их конкретное содержание.

Четкое различение понятий имеет важное методологическое значение в каждом исследовании. Поэтому прав В. В. Лапин, когда, анализируя причины греческой колонизации, обращал внимание на то, что «современный историк должен о т л и ч а т ь непосредственные п о в о д ы о т п р и ч и н (разрядка наша.— *Ю. З.*), их породивших» (стр. 19—20). Добавим от себя — не только поводы от причин, но и причин от условий, условий от содержания исторических процессов. Отсутствие четкого разграничения этих понятий с неизбежностью сказалось на противоречивости самой работы. Вот, например, с одной стороны, автор утверждает, что процесс колонизации, будучи имманентным и не имея характера двухсторонности, «протекал независимо от уровня общественно-экономического развития племен, в районы обитания которых направлялся колонизационный поток» (стр. 234). С другой стороны, автор не отрицает «двухсторонности отношений двух сталкивающихся в процессе колонизации общественных коллективов — пришлого и аборигенного» (стр. 234). Можно ли серьезно говорить об односторонности процесса колонизации при «двухсторонности отношений»? Никакие терминологические ухищрения на тему о различиях «двухсторонности взаимодействия» и «двухсторонности взаимозависимости» не спасают концепцию односторонности колонизации.

Обращаясь далее к вопросу об истоках теорий двухсторонности и эмпориального периода, В. В. Лапин отмечает, что они являются «гиперболизация роли торговли в развитии общества» (стр. 22). Давая соответствующую оценку этим концепциям, В. В. Лапин подчеркивает их «сугубо модернистский подход», который «категорически отвергнут и осужден советской историографией» (стр. 22). Между тем несколькими страницами ранее автор отмечал, что «явно неудовлетворительные методологические основы теории двухсторонности, хорошо сознаваемые всеми, не отбрасываются, не подвергаются глубокому анализу» (стр. 11). Спрашивается, как совместить и чем объяснить такие противоречивые оценки методологических основ указанных концепций?

Согласно глубокому убеждению автора, теории торговой колонизации зиждятся на немарксистском положении «от торговли к производству», в то время как автор придерживается иной схемы — («от производства к торговле», стр. 18). В данном случае мы сталкиваемся уже с двумя различными аспектами проблемы. Одно дело, когда речь идет о том, что является основой экономики общества — производство или торговля, другое дело — вопрос о роли торговли в колонизации греков. В первом случае это вопрос, касающийся компетенции политической экономии, а в другом —

конкретно-исторического исследования. В первом случае это вопрос не дискуссионный, ибо никто из советских исследователей не придерживается заведомо ошибочного положения «от торговли к производству», как это пытается утверждать автор. Во втором случае это вопрос конкретно-исторический, и его решение предполагает глубокое и тщательное изучение всего относящегося к данной теме историко-археологического материала всех античных колоний Северного Причерноморья в целом. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что признание примата производства над торговлей не только не отрицает роли торговли в жизни общества, но даже существования торговых городов и даже народов, занимающихся посреднической торговлей. Как это хорошо известно всем советским антиковедам, на существование таких городов и народов указывал и К. Маркс [2]. Сама постановка вопроса о роли торговли, о торговых городах, о народах, занимающихся посреднической торговлей, правомерна с точки зрения марксистской методологии. Не отрицает торговли в жизни Березанского поселения и автор (стр. 140). Речь идет, следовательно, не о том, какая схема правильна — «от производства к торговле» или «от торговли к производству», а в том, чтобы выяснить действительное место торговли на Березанском и других античных поселениях, а также в процессе греческой колонизации в целом. Задача вполне определенная и четкая. Подмена ее рассуждениями на тему об основах экономики только уводит исследователя от решения этой задачи. О том, что это действительно вопрос конкретно-исторический, свидетельствует та высокая оценка, которую даст автор материалам Березанского поселения в решении этого вопроса (стр. 3).

На чем же основано категорическое утверждение автора, отвергающее положение «о преимущественно торговом значении Березани, как ничем не доказуемое и базирующееся исключительно на теоретических установках теории „торговой колонизации“» (стр. 122). По мнению автора, об этом свидетельствует прежде всего культурный слой, который «характеризуется большим количеством золы, углей, керамических, железных и медных шлаков и изделий, специфическим интенсивно темным цветом земли» (стр. 122). В свою очередь, непосредственно аграрный характер Березанского поселения доказывается на основании многочисленных находок каменных зернотерок (стр. 125), каменных ступ (стр. 125), рабочей части двухсторонней мотыги (стр. 125). К числу косвенных доказательств земледелия относится железный лемех первых веков нашей эры (стр. 127) и «многочисленные следы земледельческого культа» (стр. 127). Трудно согласиться с тем, что эти данные свидетельствуют об аграрном характере поселения на Березани. Каменные зернотерки и зернохранилища не решают вопрос о том, какое зерно, произведенное самими жителями или ими приобретенное, хранилось в ямах и растиралось на зернотерках. Поэтому следует признать, что прямые доказательства аграрного характера Березанского поселения оказываются весьма бедными. Предположим, однако, что автору удалось на основании полноценного археологического материала доказать наличие земледелия на Березанском поселении. Достаточно ли этого для утверждения о его ведущей роли? По-видимому, нет. Для этого необходимы данные и о других видах деятельности населения, и, что самое важное, найти критерии для такого сопоставления. К сожалению, такие четкие объективные критерии вообще отсутствуют. Не предлагает их и В. В. Лапин.

Предположим еще раз, что автору удалось доказать ведущее значение земледелия на Березанском поселении. Достаточно ли этого для обобщающего вывода об аграрной направленности греческой колонизации Северного Причерноморья в целом? Наверное, нет. А вот что пишет по сему поводу автор: «Итак, рассмотрение материалов Березанского поселения позволяет признать несостоятельным представления о Березани как торговой фактории, как эмпории. Тем самым, как нам представляется, решается (разрядка наша.— *Ю. З.*) и вопрос об эмпориальном периоде в Северном Причерноморье» (стр. 147). Так ли прямолинейно и категорично он решается? Напомним, что автор в другом месте этой же работы с иных, более правильных позиций оценивал в этой связи значение материалов Березанского поселения. Он указывал: «Березанское поселение является ключом — конечно, далеко не единственным (разрядка наша.— *Ю. З.*) — к решению вопроса о причинах (?) и характере греческой колонизации вообще, колонизации Северного Причерноморья в частности» (стр. 85). Это уже иное дело. Правда, следует сделать оговорку, что к причинам греческой колонизации Березань, равно как и другие античные колонии, никакого отношения не имеет. Как ни важны сами по себе материалы Березанского поселения, они проблему характера греческой колонизации в целом не могут решить. Для этого необходимо привлечь всю совокупность материалов всех античных колоний Северного Причерноморья. Исторический процесс всегда очень сложен, и его пути и формы многообразны, наверное, не будет ничего удивительного в том, если окажется, что часть колоний имела характер эмпориев, часть аграрный или аграрно-ремесленный, а часть смешанный характер. Окончательные ответы на эти вопросы дадут только их конкретные исследования.

Весьма показательны также применяемые автором методы критики своих оппонентов. Для того, например, чтобы окончательно дискредитировать положение о роли торговли в жизни Березанского поселения, В. В. Лапин иронизирует по поводу

[2] К. Маркс. Капитал. III, кн. 3, М., 1954, стр. 342.

того, что трудно поверить, «что торговля стала той чудодейственной силой», которая устранила такие «весьма весомые и объективные препятствия», как малый размер острова, трудность получения пресной воды и т. п. (стр. 89). Между тем, когда речь зашла о доказательстве земледелия на Березани, этих «весомых и объективных препятствий» уже не оказалось, они превратились не более не менее как в «недоразумение» (стр. 137). Березань из острова стала полуостровом. Появилась питьевая вода и т. п. Вот, оказывается, какие чудодейственные превращения происходят с Березанью в работе В. В. Лапина. Трудно согласиться с такими приемами критики и аргументации.

Не удалось автору сколько-нибудь убедительно с точки зрения его концепции аграрной колонизации объяснить причины возникновения наряду с поселениями аграрного типа также и одновременно возникших с ними городов (стр. 235), тем более что сельские поселения, по мнению автора, являются основным продуктом и содержанием колонизационного процесса (стр. 235). Правда, автор утверждает, что «для этого периода вряд ли можно говорить о существовании заметной противоположности между городом и деревней» (стр. 235). Он считает возможным предположить, «что греческие поселения сразу же с момента их возникновения носили производящий, аграрно-ремесленный, а не торговый характер» (стр. 235). Конечно, предположить можно. Но суть-то проблемы как раз в том, чтобы изучить этот вопрос конкретно и конкретно его решить.

В работе В. В. Лапин не дал определенного ответа на принципиально важный вопрос о том, что представляло собой Северное Причерноморье накануне греческой колонизации. Вместо конкретного ответа на него автор в итоге проведенного им исследования вынужден был ограничиться только определением двух вероятных ситуаций в указанном районе (стр. 58, 234). Естественно, что при таком положении автор не мог с должным обоснованием решить главную задачу исследования — выяснить конкретный характер, содержание греческой колонизации в Северном Причерноморье.

В. В. Лапину, как уже отмечалось, не удалось внести большей ясности в основные методологические положения теорий греческой колонизации, равно как и мало результативными оказались его попытки наметить методические пути решения проблемы. При решении главной задачи работы важное значение, например, приобретает вопрос об этническом составе населения античных колоний и их окружения. Решение его безусловно требует, на что указал и автор, выработки и оттачивания методов «выяснения этноса по памятникам материальной культуры» (стр. 237). Между тем сам автор не предложил сколько-нибудь четких и плодотворных принципов его методического решения.

Автор не подверг глубокому и объективному анализу современное состояние отечественных теорий и концепций по теме. Глубоко ошибочно и несправедливо объяснять причины существующих разногласий во взглядах советских исследователей на проблему греческой колонизации в Северном Причерноморье немарксистской методологией одних или большинства и марксистской методологией других или одного. Вне всякого сомнения, все советские исследователи искренне стремятся к глубокому марксистскому освещению этой сложнейшей проблемы античной истории и археологии.

Мы остановились только на методологических и методических аспектах рецензируемой работы, совершенно не касаясь других ее сторон. Работа В. В. Лапина «Греческая колонизация Северного Причерноморья» наилучшим образом свидетельствует о том, как отсутствие четких, правильно понимаемых методологических позиций и необходимых выработанных методических приемов неизбежно сказывается самым отрицательным образом на решении конкретных задач историко-археологического исследования.

Ю. Н. Захарук

В. В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критический очерк отечественных теорий колонизации). Издательство «Наукова думка», Киев, 1966

Книга В. В. Лапина состоит из пяти глав. В первой из них рассматриваются отечественная историография вопросов греческой колонизации северного побережья Черного моря и некоторые стороны методологии проблемы. Свою основную задачу автор книги видит в том, чтобы, «овладев подлинно научной марксистской методологией», повести борьбу против «рецидивов идеализма, вульгаризации и модернизации». Недостатки советского антиковедения он усматривает в том, что оно «некритически воспринимает устаревшие концепции и допускает неправильную интерпретацию археологических материалов» (стр. 6).

Главный недостаток почти всех своих предшественников В. В. Лапин видит в том, что они переоценивали роль торговли в греческой колонизации. В этом он одинаково обвиняет как дореволюционных, так и советских ученых. Основное внимание в этой главе уделяется критике «теории торговой колонизации», главными выра-

зителями которой называются А. А. Иессен и В. Д. Блаватский. Отвергается взгляд А. А. Иессена, который объясняет колонизацию не только интересами греков метрополии, но и наличием местных предпосылок, экономическими интересами исконного населения Северного Причерноморья и определяет, таким образом, что греческая колонизация имела «двусторонний характер». Ошибка В. Д. Блаватского, как считает В. В. Лапин, заключается в его периодизации колонизации, согласно которой греки в Северном Причерноморье первоначально создают торговые фактории (эмпориальный период), а позднее обосновываются и колониями.

Во второй главе В. В. Лапин приводит данные, которые, по его мнению, опровергают заключение А. А. Иессена о наличии в Северном Причерноморье местных, постепенно нарастающих предпосылок греческой колонизации в бронзовом веке; более того, он утверждает, что в период колонизации на данной территории не было такого населения, с которым греки могли бы вступать в какие-нибудь связи вообще.

В третьей главе имеются два раздела: первый посвящен вопросу об эмпориальном периоде в трудах наших антиковедов и изложению собственных взглядов автора на характер колонизации; во втором разделе описывается древнейший памятник античности в Северном Причерноморье — поселение на о. Березань. При этом доказывается, что здесь изначально было аграрно-ремесленное поселение, а не эмпорий, как, например, считает В. Д. Блаватский, а вместе с тем вообще отрицается существование особого эмпориального периода в истории колонизации Северного Причерноморья.

В четвертой главе рассматриваются данные античной литературной традиции и археологии, относящиеся к Нижнему Побужью. Здесь отвергается принятый в науке взгляд на население этой территории как эллино-скифское, каллипидское, и доказывается, что оно было собственно греческим. В том, что поселения Нижнего Побужья были земледельческими и довольно многочисленными, В. В. Лапин видит прямое подтверждение главного своего вывода, согласно которому греческая колонизация Северного Причерноморья была преимущественно аграрной, массовой и кратковременной: «Города уже на этом (раннем.— *А. Т.*) этапе колонизации не были единственными и изолированными поселениями греков. Одновременно с их возникновением основывались поселения хоры. Именно эти-то сельские поселения и являлись основным продуктом и главным содержанием имманентного колонизационного процесса» (стр. 183).

В последней главе освещаются вопросы ономастики и погребального обряда греков, на основе которых автор вновь приходит к выводу, что античная цивилизация появилась и развивалась в Северном Причерноморье совершенно изолированно от внешнего «варварского мира», вне каких-либо связей с местным населением. Последнее, как утверждает В. В. Лапин, «прослеживается пока лишь в современной историографии», но не может быть подтверждено для древности (стр. 235). «Связи с так называемым «местным населением» — это пока лишь область чистых гипотез...» (стр. 142).

Приступая к разбору книги, приходится прежде всего отметить, что она находится далеко не на уровне поставленных в ней задач. Как видно из изложенного, ни заглавие, ни подзаголовок не соответствуют фактическому содержанию книги. В ней нет достаточно полной характеристики греческой колонизации северного побережья Черного моря, о чем, впрочем, имеется надлежащая оговорка и в ее предисловии (стр. 3); книга полемична, но все же нельзя назвать ее и «критикой отечественных теорий» в значительной степени потому, что «теорий» таких мало и писать о них специальную книгу, по-видимому, еще преждевременно. Содержание книги другое: в основном она посвящена тому, как автор сам понимает проблему греческой колонизации Северного Причерноморья и места античности в древней истории нашей страны.

Причины греческой колонизации, с чем вполне можно согласиться с В. В. Лапиным, целиком обусловлены внутренним социально-экономическим развитием греческих метрополий. Однако, когда он попытался объяснить греческую колонизацию Северного Причерноморья, то допустил необъяснимое смешение таких различных понятий, как причины и предпосылки колонизации (стр. 7 и сл.).

Недостатком книги являются многочисленные социологизаторские рассуждения, встречаются в ней и обвинения, обращенные в адрес теоретических противников. Так например, В. В. Лапин, выступая против торговых теорий «двусторонности» и эмпориального периода, утверждает: «Истоком обеих теорий, имеющих глубокие корни в западной историографии, является гиперболизация роли торговли в развитии общества, степени развития товарного производства; при этом игнорируется историческая обусловленность торговли, и последняя выступает как неотъемлемое свойство любого человеческого общества. Этот сугубо модернизаторский подход, характерный для западной науки, категорически отвергнут и осужден советской историографией» (стр. 22). Он выступает и против тех отечественных ученых, которые придерживаются «торговой теории», поскольку они будто бы впадают в крайнюю методологическую ошибку, так как следуют схеме «от торговли к производству», а не единственно правильной схеме «от производства к торговле» (стр. 18).

Негативные стороны книги отчетливее всего обнаруживаются в тех случаях, когда В. В. Лапин пытается научно обосновать такие свои положения, как отсут-

ствие в Северном Причерноморье местного населения в период колонизации, изолированность здесь греков от внешнего мира и этнически греческую принадлежность поселений Нижнего Побужья.

В. В. Лапин много пишет о позднем бронзовом веке в Северном Причерноморье (стр. 35), но осведомлен он в нем очень слабо. Так, он пишет о памятниках сабатиновской ступени срубной культуры как о непосредственных предшественниках памятников греков (стр. 44), но ничего не знает о действительных предшественниках последних, относящихся ко времени белозерской ступени, и лишь смутно упоминает о памятниках группы Новочеркасского клада 1939 г. Далее, В. В. Лапин делает вывод, что ко времени колонизации в Северном Причерноморье наступило обезлюдение и, следовательно, никакой речи не может быть о наличии каких-либо местных предпосылок этой колонизации. Он с глубоким удовлетворением констатирует: «В таком случае отсутствие в Северном Причерноморье к началу его колонизации оседлого местного населения, своеобразный interregnum..., облегчал грекам проникновение в Северное Причерноморье. Другими словами, отсутствие «предпосылок колонизации» в том направлении, какое это имеет место у сторонников торговой колонизации, могло явиться благоприятным фактором для развития колонизации» (стр. 54). Ситуация, как ее воссоздает автор, явно неизненная. Непосредственно предколонизационное время было ознаменовано не разрывом связей населения Северного Причерноморья с Эгеидой (стр. 38), а их укреплением. У нас еще мало археологических источников, которые точно бы относились к этой поре, но их недостаток восполняется свидетельствами древних авторов о больших походах киммерийцев в страны Восточного Средиземноморья. Такого рода контакты должны были иметь огромные последствия, но о них даже не упоминается в книге В. В. Лапина. Со временем ранней греческой колонизации хронологически совпадает установление скифского господства в степях Северного Причерноморья, образование Скифии. Смена оседлого быта кочевым, происходящая в эту пору, вопреки утверждениям В. В. Лапина (стр. 52 и сл.), никак не позволяет нам снимать проблему взаимоотношений между греками и местным населением: кочевники, что общеизвестно, значительно более заинтересованы в постоянных контактах с городскими центрами ремесла и торговли, чем оседлые народы. Раскрытие характера взаимных связей между греками и местным населением, скифским миром,— одна из главных заслуг отечественной археологии.

Зоологи устанавливают, что в Северном Причерноморье крупный длиннорогий скот, свойственный бронзовому веку, в раннем железном веке сменяется скифским комолым и короткорогим скотом, кости которого одинаково встречаются как на античных, так и скифских поселениях. В. В. Лапин нашел этому явлению свое объяснение: «Исходя из положения,— пишет он,— что порода домашнего животного в древних культурах — это явление прежде всего географическое, В. И. Цалкин ищет решение вопроса в том, что комолый скот приведен сюда скифскими племенами, и исключает другую, не менее вероятную возможность — поступление скота из греческой метрополии в процессе колонизации... При учете аграрного характера колонизации гипотеза о поступлении не известных ранее для этих мест пород скота в процессе греческих переселений представляется отнюдь не фантастичной.

Допускаем непривычность и необычность подобной мысли. Нам могут заметить, что автор мыслит корабль греческих переселенцев по образцу библейского ковчега. Но, во-первых, реальный ход колонизации пока настолько не ясен, что мы не можем даже сказать, двигалась ли волна переселенцев по морю... или по суше, как это обычно было у большинства народов древности. Далее, даже допустив, что переселение осуществлялось морским путем, мы не можем полностью исключить такую ситуацию, при которой переселенцы могли бы забрать с собою часть своего скота. Если скот вывозился из окружающих Понт мест, как это следует из сообщения Полибия, то он мог и ввозиться туда» (стр. 49). Не приходится доказывать, что в данном случае В. В. Лапин затеял излишний спор: античные писатели потому именно и обратили внимание на комолую породу скота в Скифии, что она была необычна для их родины [1].

Много места уделяет В. В. Лапин в своей книге и вопросу о лепной глиняной посуде, которая встречается в культурных слоях античных городов и поселений северного побережья Черного моря. В ранних памятниках она представлена горшками с расчлененными ямками валиком, а иногда и проколами по краю, и чернолощеной посудой, которая бывает украшена резным орнаментом с белой инкрустацией. Керамика этого рода в ее локальных проявлениях является достаточно хорошо изученной и в Скифии, и на Северном Кавказе. Устанавливается, что она имеет местное происхождение в культурах позднего бронзового века.

Все это не устраивает В. В. Лапина, так как наличие и той и другой посуды в греческих памятниках явно свидетельствует о существовании определенных связей между античным и скифским миром. Ситуация сложная, но и из нее, оказывается, можно найти выход. Автор разделил органический комплекс и объявил, что черно-

---

[1] В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, 53, 1960, стр. 26.

лощеная керамика относится к доколонизационному времени, а принадлежащие к одному с ней комплексу простые лепные горшки определены в качестве античных, составляющих органический элемент собственно греческой материальной культуры (стр. 55 и сл.).

В. В. Лапин утверждает, что на античном Березанском поселении, в ходе производившихся им лично раскопок в 1960—1964 гг., чернолощеная керамика встречалась лишь в качестве механической примеси, попавшей из наслоений доколонизационного периода. «Отсюда следует,— пишет он,— что чернолощеная инкрустированная керамика на Березани, как и другие предметы догреческой материальной культуры, не может рассматриваться как органический составной элемент раннегреческого культурного слоя и по отношению к последнему составляет случайное явление. Население, которому принадлежала эта керамика, жило на Березани до появления здесь греков, но с самими греками не имело никаких контактов» (стр. 57). Читатель заверяется в том, что чернолощеная керамика никогда не встречалась в «закрытых» комплексах вместе с греческими вещами, что неизвестна соответствующая ей простая кухонная лепная посуда, что чернолощеная посуда еще вообще плохо изучена в памятниках Украины и ее абсолютный возраст не установлен.

Все написанное В. В. Лапиным о лощеной керамике вряд ли можно считать справедливым. Прежде всего следует отметить, что совместное нахождение чернолощеной и кухонной лепной керамики с ранней греческой посудой на Березани подтверждается раскопками, которые производил на этом памятнике М. Ф. Болтенко [2]. К. С. Горбунова в своем отчете о раскопках на Березани в 1966 г., хранящемся в архиве Института археологии АН УССР, специально отмечает находку в яме комплекса, в состав которого входит большое количество обломков простых лепных горшков, крупные обломки чернолощеных сосудов и античная посуда последней четверти VII в. до н. э. Кстати, следует сказать, что лощеная керамика из старых раскопок на Березани [3] имеет очень хорошую сохранность, какая не свойственна таким вещам из перерытых слоев. С. И. Капошина твердо устанавливает, что такая керамика происходит из Березани из слоев с греческой керамикой конца VII в. до н. э. [4]. Частично лощеная керамика с Березани, как правильно устанавливает А. М. Лесков, тождественна столовой посуде VI в. до н. э. у тавров в Крыму [5].

В 1949 г. в Ольвии была открыта яма, в которой находились 14 целых и фрагментированных амфор середины VI в. до н. э., обломки чернолощеных сосудов и бронзовый наконечник стрелы [6]. Напрасно В. В. Лапин пытается оспорить ольвийскую находку в качестве комплекса, называя входящий в нее наконечник стрелы доскифским (стр. 58): он, как и аналогичный ему наконечник из кургана № 38 у с. Гуляйгород, относится к VI в. до н. э. Сопоставление этих наконечников стрел с наконечниками из предскифского кургана Малая Цимбалка, предложенное С. И. Капошиной, является, на наш взгляд, ошибочным.

Обычность находок простой и лощеной лепной посуды в ранних слоях античных памятников на Боспоре общеизвестна и никогда не вызывала сомнений у исследователей [7].

Совместное и строго комплексное нахождение лощеной и кухонной лепной посуды с античной хорошо засвидетельствована для многих памятников Скифии. Среди них первое место по концентрации находок родосско-ионийской посуды конца VII — начала VI в. до н. э. занимает, как известно, Немировское городище — памятник времени расцвета чернолощеной посуды в Побужье. Чернолощеная посуда с резным орнаментом хорошо изучена по материалу Жаботинского поселения VII—VI вв. до н. э., с которого также происходит обломок раннего родосско-ионийского сосуда [8]. Тем не менее, автор пишет: «Из работы И. И. Ляпушкина, например, следует, что на городищах Поворсклья эта (чернолощеная.— *А. Т.*) керамика находится в слоях, не содержащих греческого материала, из чего логично делается вывод, что слои эти относятся к той поре, когда связи Поворсклья с греческим миром или еще совсем не имели места, или были настолько слабы, что не оставляли заметных следов» (стр. 58). Как видим, приведенный текст внешне выглядит убедительно. Однако, обращаясь к книге И. И. Ляпушкина, из которой Б. В. Лапин извлек приведенную цитату, без особого труда убеждаемся, что в ней в данном случае речь идет о древности первоначального поселения на месте Бельского городища, а не конкретно о

---

[2] М. Болтенко. Розкопки на острові Березані в 1946 р. АП, II, Київ, 1949, стр. 32.

[3] С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, 50, 1956, стр. 226, рис. 6.

[4] С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, 50, 1956, стр. 159.

[5] А. М. Лесков. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965, стр. 161.

[6] С. И. Капошина. О скифских элементах..., стр. 160, рис. 5.

[7] В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 51, 52.

[8] М. І. Вязьмітіна і Е. Ф. Покровська. Поселення VII—VI ст. до н. е. в околицях с. Жаботина. АП, VI, Київ, 1956, а также другие статьи

возрасте чернолощеной керамики[9]. Истинное представление И. И. Ляпушкина об абсолютном возрасте памятников с чернолощеной керамикой — другое, притом достаточно хорошо обоснованное. В том же месте, на которое мы ссылались, но несколько ниже, И. И. Ляпушкин относит эту керамику к VII—IV вв. до н. э., т. е. как раз ко времени ранней греческой колонизации. Вот что, например, пишет И. И. Ляпушкин о поселении у с. Пожарная Балка: «Общий облик материалов, а также отдельные вещи, например, бронзовые наконечники стрел скифского типа, некоторые поделки из кости (головка грифона), комплекс керамических остатков, содержащих черную лощеную, с врезным орнаментом, инкрустированную белой пастой посуду, обломок сосуда родосско-милетского типа и т. д. дают основание датировать поселение у Пожарной Балки VII—VI вв. до н. э.»[10].

Вопрос о чернолощеной керамике получил в книге довольно необъективное освещение. Особенно странно то, что основой аргументации автора послужили личные наблюдения В. В. Лапина при раскопках на Березани, которые не поддаются сейчас непосредственной проверке.

Ошибочное, на наш взгляд, истолкование дается и кухонной посуде скифского типа, определенной В. В. Лапиным в качестве античной. Так как такая керамика типична для поселения Нижнего Побужья, то и эти поселения, наряду с городами, считаются в книге собственно греческими. Объявив лепную керамику греческой, В. В. Лапин доказывает, что находки ее в античных городах не связаны с общением греков с местным населением, а вместе с тем, что поселения Нижнего Побужья появились в результате массовой миграции греческого земледельческого населения из метрополий. Сохранение у греков лепной керамики объяснено тем, что у них в Северном Причерноморье имелось много пережитков натуральных форм экономики (стр. 150 и сл.). В заключении о лепной керамике он счел нужным написать следующее: «Лепная керамика — необходимый составной элемент материальной культуры этого (греческого.— *А. Т.*) населения, являющийся показателем натуральности его экономики. Она существует на всех этапах северопричерноморской античной цивилизации и разделяет с последней ее судьбу. Имея самобытные истоки, идущие из глубины веков, она вместе с тем с ранних этапов греческой причерноморской цивилизации выступает как вспомогательная, дополняющая группа керамической продукции и подвержена общим с нею эволюционным закономерностям. Этой двойственностью ее природы — генетической самобытностью и зависимостью от кружальной керамики — определяется ее промежуточное положение между варварством и цивилизацией. В ее сущности — варварское прошлое цивилизации и цивилизованное будущее варварства» (стр. 168).

Назвать керамику скифского типа античной и сделать из этого далеко идущие выводы легко. Однако требуется еще доказать путем сравнительного анализа и с привлечением аналогий их археологических материалов собственно греческой метрополии, что такая керамика является греческой. В. В. Лапину сделать этого не удалось. Отсутствие необходимых фактов он попытался восполнить лишь ссылками на наличие подобной лепной посуды в Олинфе и Сицилии (стр. 164, 165). Такой прием доказательства греческой принадлежности причерноморской лепной посуды с помощью морфологически близких фракийских и италийских («rozzo») материалов никого удовлетворить не может.

Поскольку заключения В. В. Лапина относительно лепной лощеной и простой кухонной посуды оказались слабо обоснованными, то нельзя принять и всех основных выводов, к которым он приходит в своей книге.

Остановимся еще на одной попытке В. В. Лапина доказать, что население Нижнего Побужья было греческим, а не эллино-скифским. Для этого он привлек курганы у Марицина (близ Аджигола и Петуховки), раскопанные М. Эбертом. Признаками, которые, по мнению автора, позволяют считать курганы конца VI—V в. до н. э. у Аджигола греческими, а не местными, являются следующие: ориентировка погребенных головой на восток, обилие греческих вещей в могилах, отсутствие в составе заупокойных приношений конской узды и остатков напутственной мясной пищи (стр. 170). Как эти черты, так и наличие в могилах у Петуховки монет, положенных в качестве «оболов Харона», не позволяют определять Марицинские курганы в качестве греческих. В. В. Лапину ни в какой степени не удалось поколебать заключения И. В. Яценко об этих курганах (что они принадлежат скифскому эллинизованному населению) (стр. 168 и сл.). Конечно, для скифов более обычна западная ориентировка, но почти повсеместно у них встречается и восточная. Нельзя отвергать скифскую принадлежность Марицинских курганов на основании наличия в них большого количества греческих вещей, так как такие вещи клались в могилы в изобилии в Скифии всюду, куда проникал массовый античный импорт. Отсутствие в могилах Марицина уздечек и мясной пищи тоже несколько преувеличивается. В пользу скифской принадлежности курганов Аджигола говорит факт устройства в них гробниц с деревянными перекрытиями, а также наличие в составе сопровож-

---

[9] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 36.

[10] И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 123.

дающих вещей исключительно скифских предметов вооружения, таких как акинаки, наконечники копий с железными подтоками, колчанных наборов наконечников стрел и железного панциря. В. В. Лапин же доказывает, например, греческую принадлежность погребенных в Аджиголе на основании того, что найденные при них наконечники стрел скифских типов ближе всего стоят к скифским же наконечникам стрел, тип которых был распространен в Ольвии и Березани (стр. 171). Кухонные ножи, бронзовые ворворки и гвоздевидные булавки из курганов — также сплошь скифские, а никак не греческие. Чисто скифскими являются и два бронзовых сакральных ножа из курганов у Аджигола. В. В. Лапин напрасно пытается преуменьшить значение этой находки для установления местной этнокультурной принадлежности данных курганов. Неверно его утверждение, что в курганах у Марицина «нигде не прослежено, в отличие от других территорий Скифии, следов мясной пищи» (стр. 170). В двух из них, например, она точно засвидетельствована наличием костей животных с ножами, т. е. в том именно виде, какой был свойствен скифскому погребальному обряду [11].

Таким образом, принадлежность курганов у Марицина местному, по-видимому каллипидскому (эллино-скифскому), а не собственно греческому населению совершенно очевидна.

В книге В. В. Лапина прилагается много усилий, чтобы опровергнуть «эмпориальную гипотезу». Прежде всего он занялся подробным рассмотрением термина «эмпорий» (стр. 60 и сл.). Отрицая обычный принятый его перевод как «торжище», он в конечном счете вынужден был признать, что термин этот только так и мог употребляться в V в. до н. э. в «применении к пунктам с ярко выраженной торговой специализацией» (стр. 70). После этого очень непонятным остается, зачем здесь был предпринят большой спор с обширными филологическими истолкованиями данного термина, уводящими нас вплоть до времен Гомера?

«Эмпориальная гипотеза» опровергается В. В. Лапиным в основном на рассмотрении находок старейшего античного импорта, известных для юга европейской части СССР. В начале, исходя из того, что количество таких находок крайне ограниченно, он заключает, что в них нельзя видеть свидетельство существования каких-либо торговых сношений первых греческих поселенцев в Северном Причерноморье с местным населением (стр. 71 и сл.). Так как вещи эти встречаются как бы случайно и преимущественно в отдалении от побережья, то В. В. Лапин предлагает объяснять появление их на нашей территории не торговым путем, а результатами межплеменных связей и различными передвижениями кочевников. Между прочим, каким путем могли попадать античные изделия в руки последних, в книге не объясняется.

Однако таким способом нельзя истолковать наличие большого количества находок родосско-ионийской посуды второй половины VII — начала VI в. до н. э. на Немировском городище. В связи с этим В. В. Лапин нашел возможным предложить иное решение вопроса о проникновении античных архаических вещей в зону лесостепи, которое даже по его собственному признанию является еще «более гипотетичным», чем первое. Для этой цели он возрождает взгляды И. В. Фабрициус о гелонах-эллинах, переселившихся из античных городов Причерноморья в Среднее Поднепровье и создавших там свои торжища в виде городищ Пастерского, Шарповки, Бельского и др. «Уже для раннего этапа колонизации,— пишет В. В. Лапин,— можно допустить вероятность проникновения греков в глубь страны, освоение отдельных лесостепных районов Причерноморья. Одним из таких пунктов внутренней колонизации могло быть Немировское поселение в Побужье... Этим можно объяснить массовость греческого материала в Немирове, как импортного, так и местного греческого... Архаическая греческая керамика в Днепровское правобережье (Жаботин, Болтышка, Пастерское) могла попасть из Немировского греческого городища или из Ольвии. Однако не исключена и другая возможность: возникновение в раннеколонизационное время в бассейне Тясмина неизвестного еще нам греческого поселения (или поселений), подобного Немировскому. Последнее предположение можно поставить в связь с возникновением в бассейне Тясмина в середине VI в. до н. э. городищ с отчетливо выраженным греческим характером материальной культуры...» (стр. 74).

Если в первом случае, акцентируя внимание на крайней спорадичности находок античных архаических вещей, В. В. Лапин категорически отвергает возможность любых торговых связей греков побережья Понта с местным населением, то во втором все обстоит совсем иначе: ввиду «массовости» находок таких вещей и «отчетливо выраженного греческого характера материальной культуры» населения городищ Среднего Поднепровья, оказывается, можно уже говорить о пребывании самих греков в глубине страны, о массовой греческой колонизации внутренних территорий Восточной Европы!

Весьма существенная деталь: нашему оппоненту удалось открыть среди материалов из Немировского городища не только импортные, но и местные греческие изделия! В качестве образчика такого рода вещей им уверенно назван «прежде всего изданный Б. Н. Граковым сосуд с греческим graffiti». При этом В. В. Лапин не

---

[11] M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. «Praehistorische Zeitschrift», V, 1913, стр. 44, 48.

заметил, что этот сосуд представляет собой обычную для времени скифской архаики во всей лесостепи к западу от Днепра лепную чернолощеную корчагу [12], входящую именно в тот круг чернолощеной посуды, которую он же сам в других местах книги относит к доколонизационному периоду. Этот казус еще раз подтверждает ту простую истину, которая напрасно забыта автором рецензируемой книги, что пренебрегать археологией при решении историко-археологических проблем нельзя.

Производственный, аграрно-ремесленный (в основном аграрный) характер ранней греческой колонизации в книге В. В. Лапина подтверждается материалами Березанского поселения. Действительно, существование в нем ремесел выяснено на основании остатков мастерских. Несравнимо хуже обстоит положение с земледелием, хотя В. В. Лапин счел возможным специально подчеркнуть то обстоятельство, что «сельскохозяйственная жизнь Березанского поселения представлена обильным и многогранным комплексом материальных остатков» (стр. 122). Фактически он подтверждает земледельческий характер поселения только тем, что на нем имеется много ям, среди которых могут быть и зерновые, зернотерки, обломок железной мотыги, орудия неизвестного назначения с искривленным лезвием, ойнохои с пшеном и, наконец, железный лемех от плуга. Относительно зернотерок сообщается, что они здесь «многочисленны», тогда как находки их на самом деле достаточно редки, как о том можно судить по следующему сообщению самого автора: «По нескольку экземпляров их обязательно находят ежегодно. Так, только в 1960 г. было обнаружено 4 больших фрагмента» (стр. 125). Очевидно, что подобным скромным количеством находок зернотерок можно лишь подтвердить, что и на Березани производился размол зерна, но не более. Плуг же для доказательства земледельческого характера Березанского поселения второй половины VII—VI вв. до н. э. привлечен в книге совсем напрасно, так как его лемех, чего в данном случае не скрывает и сам В. В. Лапин, относится к неизвестному времени, к римской или к древнерусской поре или даже к XVII в. (стр. 125—127). Вот что он пишет об этой находке: «Как бы то ни было, даже при условии датировки березанского лемеха первыми веками нашей эры, он может служить косвенным свидетельством аграрного профиля поселения; если даже в римское время здесь было возможно земледелие, то тем более оно было возможно в более раннее время» (стр. 127). Приведенные строки убеждают нас совсем в другом, а именно в том, что у В. В. Лапина не было никаких данных, опираясь на которые, он мог бы подтвердить сугубо аграрный характер первоначального поселения на Березани. Чтобы чем-то подкрепить свою позицию, В. В. Лапин предпринял попытку доказать, что в пору греческой колонизации Березань была не островом, а полуостровом (стр. 128 и сл.). Но ведь совершенно очевидно, что как при островном, так и при полуостровном положении поселения на Березани это место остается по своему географическому положению и почти полной безводности одним из числа наименее удобных пунктов для ведения земледелия.

К глубокому сожалению, поселение на Березани продолжает оставаться в научных трудах наименее освещенным античным памятником. Не получил он должного описания и в книге В. В. Лапина. Чтобы подтвердить производственный характер греческой колонизации, автор охотно пишет, например, о жилищах-землянках на острове, которые характеризуются им в качестве «концентрированной материализации нищеты народа», беспощадно подгоняемого к переселениям из метрополии воплями голодного брюха (стр. 122, 156). Однако он предпочел не замечать основных находок, получаемых при раскопках на Березани, какие представляет собой массовая импортная керамика, прежде всего родосско-ионийская, количество которой в виде обломков и целых сосудов здесь «исчисляется многими тысячами экземпляров» (стр. 140, 141). Керамика же эта с Березани, по словам В. М. Скудновой, выделяясь в основной части высокими художественными достоинствами (в том числе и лучшими образцами), была дорогой, а ввоз ее был громадным [13]. Подобным же образом обойден и амфорный материал, представленный в находках на Березани особенно огромным количеством, приблизительное представление о котором можно составить, например, по тому, что на участке раскопок всего в 200 $м^2$ было найдено свыше 80 тысяч обломков амфор (стр. 94). В свете таких данных раннее поселение греков на Березани выступает в качестве важного центра посреднической торговли греков метрополии с местными племенами Северного Причерноморья. Выводы этого рода неминуемы и сделаны в науке давно. Попытки пересмотреть эти взгляды и отказаться от них, сделанные В. В. Лапиным, не дали убедительных результатов. Чтобы писать о торговле объективно, он должен был бы широко осветить все относящиеся к ней источники и прежде всего массовый керамический импорт, а этого он сделать не мог, так как источники эти вынудили бы его отказаться от большинства выдвинутых им в книге своих положений.

Проблема греческой колонизации Северного Причерноморья освещена еще недостаточно, главным образом, как пишет В. Д. Блаватский, в виду неполноты письмен-

---

[12] Б. Н. Граков. Греческое граффито из Немировского городища. СА, 1959, 1, стр. 259, рис. 1.

[13] В. М. Скуднова. Родосская керамика с о. Березани. СА, 1960, 2, стр. 167.

ных и археологических источников. В рецензируемой книге предложены явно нежизненные решения этой проблемы, обоснование которых построено на системе неверного истолкования фактических материалов. Книга В. В. Лапина — труд незрелый и плохо продуманный. Трудно найти объяснение тому, что книга В. В. Лапина, недостатки которой так очевидны, в качестве научного труда могла быть изданной Институтом археологии Академии наук Украинской ССР.

А. Тереножкин

Archaelogical research of north-eastern Poland and east Europe. Acta Baltico-Slavica, IV. Bialystok, 1966, 259 стр.

Acta Baltico-Slavica — ежегодник, посвященный балто-славянской тематике. Инициатором и организатором этого издания является Белостокское научное общество во главе с Е. Антоневичем. На страницах ежегодника публикуются статьи по различным вопросам взаимоотношений славянских и балтских племен и народов, начиная с далекого прошлого вплоть до настоящего времени. В издании ежегодника принимают участие археологи и лингвисты, этнографы и антропологи, медиевисты и историки нового времени. Начиная с первого тома, Acta Baltico-Slavica охотно представляет свои страницы не только польским авторам, но исследователям других стран. В частности среди публикаций первых томов ежегодника есть и статьи ученых Литвы, Белоруссии, Эстонии, Москвы и Ленинграда. Большое внимание редакция этого издания уделяет рецензированию и реферированию книг и статей по балто-славянской проблематике. При отсутствии какого-либо другого специального издания по этой тематике, Acta Baltico-Slavica стала по существу международным издательским органом по актуальным вопросам балто-славистики.

Рецензируемый четвертый том ежегодника Acta Baltico-Slavica посвящен VII Международному конгрессу доисториков и протоисториков, который состоялся в Праге в 1966 г. В связи с этим основные статьи ежегодника напечатаны на английском, немецком и французском языках.

Открывает том интересная статья Е. Антоневича «Балтская племенная территория в эпоху гальштата-латена и в римское время по данным археологии и топонимики». Автор исследует древний балтский ареал на основе сопоставлений гидронимики с результатами археологических изысканий. На базе координации археологии и гидронимии Е. Антоневич пытается изучить племенную дифференциацию древних балтов.

На основе анализа гидронимического материала, произведенного К. Бугой, М. Фасмером, К. Фальком, В. Н. Топоровым, О. Н. Трубачевым и другими исследователями, автор очерчивает этническую территорию древних балтов от нижней Вислы на западе до верхней Оки на востоке и от западнодвинского бассейна на севере до правобережья Припяти на юге. В настоящее время широкие границы древнего балтского гидродинамического ареала уже не вызывают каких-либо серьезных возражений. Вместе с тем, представляется несомненным, что водные названия балтского происхождения имеются и за пределами этого ареала. Разрешение вопроса о происхождении этой гидронимики является одной из первостепенных задач топонимистов и археологов, работающих над балтской проблематикой.

Так, появление гидронимики балтского происхождения в Среднем Поочье и в восточной части Волго-Окского междуречья объясняется миграцией балтов на территорию расселения поволжско-финских племен в первой половине I тысячелетия н. э. [1], а может быть, отчасти и в более раннее время [2]. Изолированные балтские водные названия, выявленные А. С. Стрыжаком в левобережной части Среднего Поднепровья [3], по всей вероятности, связаны с расселением отдельных (немногочисленных) групп балтоязычного населения на аланской территории в середине I тысячелетия н. э. Отдельные балтские гидронимы в Новгородско-Псковской земле обусловлены колонизационным потоком славян — предков кривичей и словен новгородских, в составе которого оказалась и часть балтского населения [4].

На западе ареал балтской гидронимии Е. Антоневич ограничивает низовьями Вислы и р. Наревом. Между тем, значительный слой водной номенклатуры балтского происхождения выявляется исследователями и за пределами этого ареала. Еще в конце 30 — начале 40-х гг. XX в. Л. Килиан и Г. Крае описали балтские топогидро-

[1] В. В. Седов. Из гидронимии Волго-Окского междуречья. Питання ономастики. Київ, 1965, стр. 288—290; его же. Рязанско-окские могильники. СА, 1966, 4, стр. 86—104.

[2] Ф. И. Гордеев. Балтийская гидронимия Волго-Окского междуречья. Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений, Рига, 1966, стр. 103—106.

[3] О С. Стрижак. Назви річок Полтавщіни. Київ, 1963, стр. 48, 59, 60, 78.

[4] Е. М. Поспелов. О балтийской гипотезе в северорусской топонимике. Вопросы языкознания, 1965, 2, стр. 29, 30; В. В. Седов. Гидронимика и археология. Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений, Рига, 1966, стр. 17.

нимы в междуречье нижней Вислы и Эльбы [5]. Недавно Г. Шалл анализировал большую группу гидронимов балтского происхождения в юго-восточной части Мекленбурга [6]. В. Н. Топоров отмечает, что следы балтской гидронимии имеются и южнее исторической ятвяжской территории, южнее Нарева и на левом берегу Западного Бута [7]. Тот же исследователь пишет о присутствии древнего гидронимического слоя, объясняемого только из балтского материала, на обширной территории, примыкающей к историческому балтскому ареалу с запада и юго-запада (Поморье, Мекленбург, Гольштейн и несколько южнее по Эльбе и Одеру) [8].

К сожалению, вопрос о западных границах расселения балтских племен в древности не рассмотрен Е. Антоневичем. Топонимические работы о более широком расселении западных балтов в эпоху, предшествующую раннему средневековью, остались вне поля зрения этого исследователя. Положение Е. Антоневича, что в эпоху гальштата-латена балты на западе занимали исключительно ту же территорию, что и в раннеисторическое время, ничем не оправдано. Оно находится в противоречии с топонимическими материалами и не находит подтверждения в материалах археологии. В распоряжении исследователей нет никаких данных, свидетельствующих о стабильности западной границы балтского ареала, начиная с эпохи гальштата вплоть до первых веков II тысячелетия н. э. Данные топонимики и языкознания вполне определенно говорят о более широком (по сравнению с той областью, где они зафиксированы письменными источниками раннего средневековья) расселении древнебалтских племен на западе [9]. Задача исследователей состоит в том, чтобы попытаться объяснить присутствие балтских следов на части современных польской и немецких территорий. То обстоятельство, что ареал лужицкой культуры в эпоху гальштата вплотную примыкал к нижней Висле и нижнему течению Западного Буга, не дает оснований перечеркнуть тополингвистические свидетельства. К тому же славянская атрибуция лужицких древностей пока не доказана.

Данные гидронимики дают возможность для определения этнической принадлежности археологических культур, начиная с эпохи раннего железа. К числу балтских древностей Е. Антоневич относит прусо-судавскую группу, культуру штрихованной керамики, группу смоленских городищ, верхнеокскую и юхновскую культуру и группу москворецких городищ. Балтская принадлежность всех этих культур была обоснована Х. А. Моора [10] и ныне, пожалуй, ни у кого не вызывает серьезных возражений. Иначе стоит вопрос о племенной принадлежности носителей милоградской культуры. Е. Антоневич допускает возможность исключения этой культуры из числа балтских, однако не приводит для этого никаких оснований. Между тем, территория милоградской культуры целиком входит в балтский гидронимический ареал, а своеобразие ее по сравнению с соседними балтскими культурами (юхновской культурой штрихованной керамики и т. п.) может быть объяснено тем, что носители милоградской культуры принадлежали к отдельной племенной группе древних балтов [11]. На

---

[5] L. Kilian. Baltische Ortsnamen westlich der Weichesel? Altpreußen, IV, 2, Königsberg, 1939; H. Krahe. Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel. Altpreußen, VIII, 3, Königsberg, 1943.

[6] H. Schall. Baltische Sprachreste zwischen Elbe und Weichsel. Forschungen und Fortschritte, 36, Heft 2, Berlin, 1962, стр. 56—61; его же. Baltische Gewässernamen im Flußsystem «Obere Havel» (Südost — Mecklenburg). Baltistica, II (1), Vilnius, 1966, стр. 7—42.

[7] В. Н. Топоров. Две заметки из области балтийской топонимики. Rakstu krājums veltijums akad. prof. dr. Jānim Eldzelīnam vina 85 drives un 65 darba gadu atcerei. Rīgā, 1959, стр 251—261.

[8] В. Н. Топоров. К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы. Baltistica, I (2), Vilnius, 1965, стр. 103—111.

[9] Помимо топонимики о широком расселении древних балтов на западе свидетельствуют некоторые материалы польского языка, в которых Я. Отрембский видит балтское субстратное воздействие (J. Otrzembski. Udział jaćwingow w ukształtowaniu języka polskiego. Acta Baltico-Slavica, I. Bialystok, 1964, стр. 207—216).

[10] Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, 2, стр. 9—33.

[11] О. Н. Мельниковская пытается исключить милоградскую культуру из балтских древностей на том основании, что на территории этой культуры (особенно на юг от Припяти) водные названия балтского происхождения встречаются реже, чем в северных районах Верхнего Поднепровья (О. Н. Мельниковская. Место милоградской культуры среди других культур лесной зоны Приднепровья. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 145, 147). Но разве из того факта, что иранская гидронимия Нижнего Поднепровья сохранилась хуже, чем, например, в левобережной части Среднего Поднепровья, можно делать вывод о неиранской принадлежности скифов-кочевников и скифов царских? Плохая или хорошая сохранность субстратной гидронимии может быть объяснена самыми различными историческими обстоятельствами. Малочисленность балтской гидронимии в южной части милоградского ареала не дает основания для отрицания того факта, что в Гомельском Поднепровье и в поречье Припяти до прихода славян обитали балты.

конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий Е. Антоневич высказал догадку о промежуточном («буферном») балто-славянском характере милоградской культуры [12]. Но такое предположение имело бы основание, если бы милоградские древности по своему облику занимали срединное (промежуточное) положение между славянскими и балтскими, или же если бы в гидронимии милоградского ареала обнаруживались какие-либо следы древнего балто-славянского контакта. В действительности ни того, ни другого не наблюдается.

На рис. 1 в статье Е. Антоневича помещена карта археологических культур балтов и их соседей около V в. до н. э. (по П. Н. Третьякову с дополнениями автора). К сожалению, на карте имеются неточности, которые невозможно оставить без внимания. Так, включение Полоцкого Подвинья в ареал культуры штрихованной керамики явно ошибочно. Городища эпохи раннего железа северной Белоруссии принадлежат не к культуре штрихованной керамики, а характеризуются гладкостенной посудой, идентичной с керамикой смоленских городищ [13]. Вместе со смоленскими западнодвинские городища ныне объединяются в единую днепро-двинскую культуру [14]. Из единого ареала культуры штрихованной керамики, видимо, нужно исключить и нижнее Подвинье. Штрихованная керамика, встречаемая на территории Латвии, Эстонии, Финляндии, а также на отдельных памятниках Волго-Окского междуречья, относится к иному кругу древностей, чем белорусско-литовские городища. Штрихованная керамика Латвии характеризуется совсем иными формами сосудов. Типичные для белорусско-литовского ареала остроребериые сосуды здесь не встречаются вовсе [15].

Нуждаются в уточнениях и ареалы верхнеокской и юхновской культур. Так, памятники верхнеокской культуры на юге доходят только до Орла, а не опускаются до Сейма, как это показано на карте Е. Антоневича. На той же карте юхновский ареал на юго-западе достигает Киева, между тем как юхновских городищ в низовьях Десны (ниже устья Сейма) неизвестно вовсе. Большинство перечисленных неточностей были допущены П. Н. Третьяковым [16], картой которого некритически воспользовался Е. Антоневич.

Значительный интерес представляет попытка Е. Антоневича реконструировать древнее диалектное, а следовательно и племенное членение балтского этнического массива. Попытки изучения диалектной дифференциации древних балтов исключительно лингвистическими приемами пока не являются успешными. Предложенное М. Фасмером членение восточной части балтской территории на две группы в зависимости от распространения компонентов *ape и *upe подверглось критике со стороны В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева [17]. В свою очередь исследователи верхнеднепровской гидронимии при изучении этого вопроса столкнулись со многими трудностями и не смогли прийти к определенным результатам. Тем интереснее попытка Е. Антоневича произвести реконструкцию племенного членения древних балтов на основе археологическо-топонимических материалов.

Наибольшую трудность вызывает диалектная дифференциация древней восточной части балтского ареала. Вслед за рецензентом Е. Антоневич делит эту территорию на два обширных диалекта. При этом лингвистические наблюдения корреспондируются с археологической дифференциацией. В основе топонимического членения положено различное географическое положение гидроформантов -ея и -ия. Действительно, последние являются весьма надежными признаками для древней дифференциации балтского массива. Картография других гидронимических суффиксов и лексические наблюдения подтверждают правильность подобного членения [18].

Однако намеченные Е. Антоневичем ареалы водных названий на -ея и -ия нуждаются в корректировке. Гидронимы на -ея известны не только на Смоленщине и в левобережной части Верхнего Поднепровья, как это очерчено на карте Е. Антоне-

---

[12] Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 327. То же в рецензии на книгу Э. М. Загорульского «Археология Белоруссии» (настоящее издание, стр. 190).

[13] Результаты изучения западнодвинских городищ до недавнего времени не были опубликованы. О характере керамики этих памятников можно судить по публикации Л. В. Алексеева «Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины» (Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», М., 1959, стр. 273—315). Недавно специально западнодвинским городищам была посвящена статья К. П. Шута «Памятники раннего железного века на севере Белоруссии» (Древности Белоруссии, Минск, 1966, стр. 166—182).

[14] Э. М. Загорульский. Археология Белоруссии. Минск, 1965, стр. 107—112.

[15] Э. Д. Шноре. Асотское городище, Рига, 1961, стр 110—112.

[15] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 8, рис. 1.

[17] В. Н. Топоров. О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962, стр. 236, 237.

[18] В. В. Седов. Гидронимика и археология. Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений, Рига, 1966, стр. 14—16.

вича (рис. 2), но в большом количестве встречаются и в западнодвинском бассейне. При составлении этой карты автор воспользовался только работой В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». Между тем, западнодвинский бассейн представлен такими бесспорными гидронимами, как Арлея, Орлея, Сертея, Усвея, Крупея, Авлея, Полонея, Выдрея, Загбея, Освея, Корклея, Нидрея и многими другими, которые заставляют продолжить ареал названий на -ея на северо-западе вплоть до низовьев Западной Двины. Современная Латвия включена Е. Антоневичем в ареал гидронимов с суффиксом -ия также ошибочно. В целом Латвия представляет собой область, где балтские форманты -ия и -ея сосуществуют [19].

Представляется ошибочным и положение Е. Антоневича о том, что ареал с балтским гидронимическим суффиксом -ия является областью расселения летто-литовских племен в древности. Носители белорусско-литовской культуры штрихованной керамики, которые занимали этот ареал, к этногенезу древнелатышских и западнолитовских племен не имеют никакого отношения. Данные литовской этнографии и диалектологии выявляют глубокие и давние различия между западнолитовскими и восточнолитовскими районами, что в комплексе с археологическими материалами позволило Х. А. Моора сделать вывод о различном происхождении восточнолитовских и западнолитовских племен раннего средневековья [20]. В этногенезе восточных литовцев помимо потомков носителей культуры штрихованной керамики приняли участие пришельцы с северо-запада (другое балтское племя) [21]. Таким образом, носители культуры штрихованной керамики (древнее население ареала с гидронимическим суффиксом -ия) являются одним из компонентов (по-видимому, основным) формирования восточных литовцев (аукштайте) и поэтому не могут быть названы древними летто-литовцами. Сформировавшиеся уже в историческое время литовцы и латыши не являются прямыми наследниками древних балтских племен, так же как, например, современное членение славянства на восточных, западных и южных не находит корней в диалектной дифференциации праславянского языка.

Третий диалектный ареал древних балтов образуют водные названия с компонентом -да. Он охватывает как собственно ятвяжские (судовские) области, так и часть территории культуры штрихованной керамики, которая была позднее занята западными балтами. В диалектной принадлежности водных названий на -да не приходится сомневаться.

Еще два балтских диалектных ареала выделяются исследователями на территории древних пруссов — помезанской (название с элементом апе) и самбийский (гидронимы с элементом -упе). Однако в настоящее время невозможно сказать, является ли такое членение прусской территории достаточно древним. Очень возможно, что выделяемые прусские диалектные области являются продуктом раннеисторической эпохи. Распространение компонента -упе на самбийской территории, скорей всего, отражает влияние литовского языка в сравнительно позднее время. А если это так, то нанесение самбийского и помезанского диалекта на одну карту вместе с древними диалектными зонами балтов не является оправданным.

В заключение статьи Е. Антоневич ставит вопрос о балтском субстрате в славянских языках, образовавшихся на территории расселения древних балтов. Материалы археологии, данные гидронимии и некоторые другие наблюдения вполне определенно свидетельствуют о том, что балтское население Верхнего Поднепровья и Белоруссии не было вытеснено славянами, а приняло участие в формировании славянства, в частности в этногенезе белорусов. В этой связи вопрос о возможной зависимости диалектного членения белорусского языка от племенной дифференциации субстратного населения, поставленный Е. Антоневичем, вполне актуален. Но сопоставление диалектологической карты белорусского языка с картой племенных ареалов древних балтов можно производить только после внесения тех поправок к последней, которые предложены выше. После этого предположение, что юго-западный диалект белорусов своими корнями восходит к древнему балтскому диалекту, выделяемому на основе гидронимического суффикса -ия (культура штрихованной керамики), а северо-восточный белорусский диалект к древнему диалекту, очерчиваемому по распространению гидронимов на -ея (днепровско-двинская и юхновская культуры), кажется весьма вероятным.

Следующая статья реценаируемого ежегодника «Захоронения с конями в Пруссии и Судовии в первом тысячелетии н. э.» написана белостокским археологом Я. Ясканисом. Статья посвящена интересному ритуалу — погребениям лошадей вместе с умершими, весьма популярному в среде балтских племен в первом и начале II тысячелетий н. э. Автор собрал, картографировал и проанализировал все материалы, связанные с этим ритуалом, с территории западнобалтских племен. Наблюдения, сделанные в процессе изучения материала, и выводы статьи представляются безупречными. Суть последних заключается в следующем. Погребения с конями распро-

[19] J. Endzelin. Die lettländischen Gewässernamen. Zeitschrift für slavische Philologie. B. XI, d. 1/2, Leipzig, 1934, стр. 127.

[20] Х. А. Моора. Ук. соч., стр. 31—32.

[21] Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.— Л., 1962, стр. 33—36; СА, 1966, стр. 307, 308.

странены в Самбии, Натангии и Судовии в течение I тысячелетия н. э., при этом количество их несколько возрастает во второй половине этого тысячелетия, когда обычай конских захоронений появляется и в области великомазурских озер. Сравнительный анализ судовских и прусских погребений с конями позволил автору наметить некоторые особенности первых как в устройстве могил, так и в ориентировке и локализации человеческих и конских захоронений. Большинство погребений, сопровождавшихся конями, лишено оружия. Распространение обычая захоронений с конями у балтских племен, прежде всего, обусловлено языческими представлениями, исходящими из идеологии населения, занимавшегося земледелием и скотоводством. Вместе с тем, среди погребений с конями открыты и богатые («княжеские») захоронения, свидетельствующие о начале процесса социального расслоения общества в это время.

Статья Я. Ясканиса имеет большое значение для изучения погребений с конями в восточных районах древней балтской территории. Если погребениям с конями на территории Литвы и в западнобалтских землях посвящены специальные работы, то материалы по аналогичному ритуалу в памятниках Верхнего Поднепровья и окского бассейна до сих пор не привлекали специального внимания исследователей. Между тем, анализ этих материалов и сравнение с данными по западнобалтским и литовским областям может оказать существенную помощь в изучении племенной принадлежности населения восточных окраин древнего балтского ареала.

А. Кемписты в статье «Некоторые вопросы изучения римского периода в Мазовии и Подляшье анализирует археологические материалы, относящиеся к так называемой готско-гепидской культуре. Изучение погребального инвентаря позволило автору распределить могильники на две хронологические группы. Датировка их основана, главным образом, на фибулах (согласно классификации Альмгрена). Могильники раннего времени (группа А) датируются I—II вв. н. э., могильники поздней стадии (группа С) III — первая половина IV вв. Кроме того, выделяется еще группа В, куда входят могильники, основанные в ранний период, но существовавшие и позднее. Могильники римского времени Мазовии (восточнее Вислы) и Подляшья по своему облику и материальной культуре принадлежат к «готско-гепидской» или восточнопоморанской культуре и свидетельствуют о миграции сюда населения из Польского Поморья. Распределение мазовских и подляшских могильников на две хронологические стадии позволило автору высказать положение, что в Мазовии и Подляшье имели место два потока миграции носителей восточнопоморанской культуры. Первый поток колонистов приходится на раннеримский период, а более интенсивный происходил в позднее римское время. Между первой и второй фазами миграции восточнопоморанской культуры в Мазовии обнаруживается влияние пшеворской культуры. Выделение двух фаз движения части нижневисленского населения через Мазовию и Подляшье является весьма интересным наблюдением, существенно уточняющим прежние представления.

Три следующие статьи ежегодника посвящены результатам полевых работ в северо-восточной Польше. М. Качинский в статье «Могильники римского времени и эпохи переселения народов в области Великих Августовских озер» публикует материалы раскопок могильника III—VII вв. в Нетте. Раскопки последнего дали интересные сведения для характеристики всей культуры населения августовского межозерья III—VII вв. н. э. Сравнение этой культуры с синхронными сувалкскими древностями обнаруживает значительные различия и в устройстве могил, и в керамике, и в металлических изделиях. В связи с этим М. Качинский считает, что древности III—VII вв. н. э. из района августовских озер необходимо исключить из судовских (ятвяжских). По мнению этого автора различия между могильниками типа Нетта и сувалкскими настолько значительны, что не могут быть объяснены племенными особенностями внутри судовской этнической единицы. Автор оспаривает мнение рецензента, что ятвяги-судовы в I тысячелетии н. э. занимали более широкую территорию, по сравнению с той областью, где они были зафиксированы средневековыми письменными источниками [22]. В заключение М. Качинский ссылается на работу Е. Налепы «Ятвяги» [23], в которой на основе лингво-топонимических изысканий на средневековой ятвяжской территории определяются четыре ятвяжских племени (ятвяги, судовы, дайнова, полексяне), ни одно из которых не распространяется на район августовских озер. Не определив этнической принадлежности памятников типа Нетта, исследователь пишет, что территория августовских озер находится на пограничье судавов и славян и эта территория в культурном отношении отражает влияние различных племен — балтов, славян и возможно готов.

Полностью с предложенной М. Качинским исторической интерпретацией памятников III—VII вв. в районе августовских озер согласиться невозможно. Данные гидронимии неоспоримо свидетельствуют, что ятвяги (раньше XII—XIII вв.) занимали обширную территорию, включавшую не только Сувалкию, но и значительную часть Верхнего Понеманья и бассейн Нарева [24]. Район августовских озер находится в самом центре ятвяжского гидронимического ареала. Исследователю, отрицающему ятвяж-

[22] В. В. Седов. Курганы ятвягов. СА, 1964, 4, стр. 36—51.

[23] J. Nalepa. Jaćwięgowie Białystok, 1964.

[24] См. статью Е. Антоневича в рецензируемом издании, рис. 2 и 3.

скую принадлежность памятников I тысячелетия н. э. в этом регионе, нужно было бы попытаться объяснить, когда же в таком случае этот край заселяли ятвяги. Всякие попытки локализовать здесь ятвягов в более раннее время не оправданы археологическим материалом. Между тем, отнесение памятников III—VII вв., исследованных в районе августовских озер (могильники типа Нетта), к ятвяжским не является чем-то невероятным. Этот вывод безусловно не исключает того очевидного обстоятельства, что культура памятников типа Нетта в большей степени, чем синхронные сувалкские древности, испытывает сильное влияние со стороны соседних иноплеменных культур.

Что же могут дать археологические материалы для определения этнической принадлежности памятников III—VII вв. в районе августовских озер? Могильные сооружения этого региона (грунтовые могильники с каменными вымостками или без них и каменные курганы), как подчеркивает М. Качинский, несколько отличны от сувалкских, но ближайшие аналогии им находятся среди древностей соседнего западнобалтского племени — галиндов. Эволюция погребальной обрядности в районе августовских озер совершенно аналогична той, которая наблюдается в Сувалкии (в III—IV вв. наряду с кремацией появляются трупоположения, с V в. и там и здесь безраздельно господствует обряд трупосожжения) [25]. Металлические изделия, найденные при раскопках памятников августовского поозерья, обнаруживают аналогии также в балтских (в частности литовских) древностях. Таким образом, памятники типа Нетта должны быть отнесены к числу балтских, а учитывая характер гидронимики этого района, к ятвяжским.

Подчеркнутое М. Качинским различие керамики сувалкских курганов и памятников типа Нетта в V — VI вв. может быть объяснено племенной дифференциацией ятвягов. Если обратиться к материалам соседних групп балтов, то здесь уже в первой половине I тысячелетия н. э. обнаруживается отчетливая племенная дифференциация. Так, балтские племена, населявшие современную территорию Литвы, значительно разнятся между собой. Археологические материалы обнаруживают членение древнепрусской группы балтов (древности Самландии, Надровов, Шалавов). Вполне допустимы и археологические различия внутри ятвяжского ареала. Расселившиеся по широкой территории ятвяжские племена должны были дифференцироваться в культурном отношении. Ятвяжские памятники Верхнего Понеманья заметно выделяются при сравнении с сувалкскими. Памятники августовского поозерья обнаруживают различие как с первыми, так и со вторыми. Е. Нелепа исследовал племенное деление только на исторической ятвяжской территории. В I тысячелетии н. э. упомянутые Е. Налепой ятвяжские племена могли занимать более широкие ареалы, чем в первых столетиях II тысячелетия н. э. К тому же в раннее время и число ятвяжских племен было большим. Уже давно исследователи связывают р. Слину с ятвяжским племенем злинцев. Были, по-видимому, и другие ятвяжские племена.

Не определяя этнической принадлежности изучаемых памятников района августовских озер, М. Качинский отмечает, что эти древности отражают влияние различных племен — балтов, славян и возможно готов. Больше оснований имеется для того, чтобы считать изучаемые древности как балтские (точнее ятвяжские при учете материалов гидронимии), испытавшие заметное влияние со стороны так называемой готско-гепидской и в меньшей степени пшеворской культур.

Белостокские археологи Данута и Ян Ясканисы в статье «Судавский комплекс поселений позднеримского периода и эпохи переселений народов в Осове Сувалкского округа» публикуют результаты раскопочных изысканий на расположенных по соседству на правом берегу Черной Ганчи могильнике и селище III—V вв. Авторы детально анализируют итоги изучения осовского могильника, состоящего из каменных курганов типичной судавской (ятвяжской) культуры, и публикуют материалы о земляных работах, произведенных на синхронном поселении.

Следующая статья ежегодника принадлежит В. Землинской-Одоевой («Некоторые вопросы в связи с раскопками могильника Неданово Нидзицкого округа в Мазурии»). Анализируемый ею могильник представляет значительный интерес в связи с тем, что он находится на стыке двух культурных массивов — северо-восточного, представленного культурами балтских племен, и юго-западного, представленного пшеворской культурой. Автор приходит к выводу, что недановский могильник принадлежит к мазурской культуре, но несет в себе заметные элементы пшеворского влияния.

Статья Вл. Шафранского «Об укрепленных поселениях раннего железного века в древней Пруссии», помещенная в разделе «Полемика», написана в связи с книгой Е. Антоневича «Osiedla obronne okresu wczesnożelaznego w Prusach» (Swiatowit, XXV, 1964). Автор сосредоточил внимание на некоторых дискуссионных и нерешенных вопросах археологии древнепрусских земель в эпоху раннего железа (время появле-

---

[25] Появление среди ятвяжских могильников Сувалкии погребений несожженных трупов вряд ли является следствием исключительно внутреннего развития общества. Тот факт, что в начале V в. обряд ингумации бесследно исчезает как в Сувалкии, так и в районе августовских озер, говорит в пользу внешнего происхождения этого ритуала.

ния укрепленных поселений на северо-востоке Польши, реконструкция оборонительных сооружений, анализ керамических коллекций и др.).

Большое место уделено в ежегоднике рецензиям на книги и некоторые археологические и этнографические статьи по балтистике и балто-славянским взаимоотношениям, изданным в последние годы (стр. 175—237). Е. Антоневич и К. Слаский поместили обстоятельный разбор монографии М. Гимбутас «Балты» (M. Gimbutas. The Balts. London, 1963). Книга М. Гимбутас является первым обобщающим археологическим исследованием по истории древних балтских племен и безусловно нуждается в серьезном анализе специалистов. Давая в целом высокую оценку этому исследованию, рецензенты вместе с тем детально анализируют некоторые спорные моменты.

Е. Антоневичу принадлежит также рецензия на книгу Э. М. Загорульского «Археология Белоруссии» (Минск, 1965). Выход в свет этой книги, в которой подытожены все последние достижения археологов, работающих на территории БССР, является событием в белорусской археологии, тем более, что белорусские исследователи длительное время не печатали своих работ. Рецензия Е. Антоневича является полезной научной критикой, которая необходима автору как в работе над курсом лекций по археологии, так и при подготовке нового издания учебника по белорусской археологии. Впрочем, не со всеми замечаниями рецензента можно согласиться (например, с балто-славянской принадлежностью тшинецкой и сосницкой культур или с балто-славянской атрибуцией носителей малоградской культуры и другими).

Далее в том же разделе ежегодника анализируются автореферат кандидатской диссертации В. Д. Будько «Палеолит Белоруссии» (М. Марчак), книги Я. Стасяк «Исследования древнего ландшафта Сувалкского Поозерья в районе Швайцарии» (Белосток, 1965), Э. М. Загорульского «Древний Минск» (Минск, 1963) и Е. Антоневича «Судовы» (Белосток, 1962). Рецензируются также отдельные статьи археологов Литвы, Латвии и Польши и этнографические издания.

В разделе «Хроника» напечатаны информации о работах Второго международного финно-угорского конгресса, состоявшегося в Хельсинки в августе 1965 г., и Симпозиуме польских и советских исследователей по балто-славянским взаимоотношениям в раннем средневековье, происходившем в сентябре 1965 г. в Белостоке. На последних страницах ежегодника помещены некрологи польского антрополога Я. Чекановского, польского археолога В. Голубовича, латышского археолога Р. Шноре и литовского археолога П. Тарасенко.

В. В. Седов

М. М. ТРАПШ

24 февраля 1968 г. безвременно скончался от инфаркта сердца талантливый ученый, первый абхазский археолог, член КПСС с 1942 г., заслуженный деятель науки Абхазской АССР Михаил Мамедович Трапш.

М. М. Трапш родился в 1917 г. в с. Куланурхва Гудаутского района Абхазской АССР в крестьянской абхазской семье. В 1939 г., по окончании Сухумского государственного педагогического института, он был призван в ряды Советской Армии. Началась война. В бою под Ленинградом М. М. Трапш получил тяжелое ранение. После выздоровления он работал в военном училище, подготавливая снайперов.

В 1949 г. М. М. Трапш заканчивает аспирантуру при Институте истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР и начинает работать в Абхазском научно-исследовательском институте им. Д. И. Гулиа АН ГрузССР.

В 1957 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Куланурхвинский древний могильник», которая в 1961 г. была издана в переработанном и расширенном виде отдельной монографией под названием «Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР».

С 1962 г. М. М. Трапш руководит отделом археологии Абхазского научно-исследовательского института, одновременно читая лекции в Сухумском государственном педагогическом институте.

М. М. Трапш неоднократно избирался членом пленума Сухумского городского комитета партии и депутатом Сухумского городского Совета депутатов трудящихся. С момента основания Абхазского Совета Грузинского общества охраны памятников культуры он был членом его Президиума и активно участвовал во всех мероприятиях по охране памятников Абхазии.

Первая же печатная работа М. М. Трапша о древнем Куланурхвинском могильнике привлекла внимание археологов. Среди типичных погребений колхидской культуры он нашел три скифских погребения, одно из них с конем. Таким образом, впервые для этой части Кавказа был установлен контакт скифской и колхидской культур, а также возможное участие местного населения в походах скифов. Подобное же присутствие отдельных скифских погребений установил М. М. Трапш и в могильнике колхидской культуры у с. Красный Маяк. Раскопки этого могильника, расположенного на окраине Сухуми, продолжавшиеся с 1956 по 1960 г., положили начало большой теме о возникновении и развитии поселения городского типа на берегах Сухумской бухты.

М. М. Трапш доказал, что могильник у с. Красный Маяк принадлежал солеварам, выпаривавшим соль из морской воды. Отпечатки шерстяных и льняных тканей на стенках солеварных сосудов говорят о ткацком промысле, который обслуживал не только местный, но и внешний рынок.

На Сухумской горе и ее второй вершине Гуад-иху были обнаружены следы большого, по-видимому укрепленного деревянными стенами поселения, служившего убежищем на случай войны. Рядом расположен могильник, охватывающий время от эпохи поздней бронзы до раннеантичного времени. Там были найдены также остатки медеплавильного производства.

Таким образом, М. М. Трапш обосновал предположение о существовании на берегах Сухумской бухты, задолго до появления прославленной Диоскурии, поселения городского типа, созданного местным населением. В 1952 г. он устанавливает наличие раннеантичного слоя, принадлежавшего окраинам Диоскурии, в основании стен Сухумской крепости.

М. М. Трапш дал предварительное описание мраморного надгробия-стелы, найденной в 1953 г. на дне моря, близ устья р. Беслетки. В 1954 г. он раскопал башню II в. в районе Сухумского железнодорожного вокзала.

Участие в совместной грузино-абхазской археологической экспедиции по исследованию остатков римской крепости Севастополиса в 1959 г. дало М. М. Трапшу возможность подытожить свои многолетние труды в виде большой сводной монографии «Древний Сухуми». Она охватывает промежуток времени от конца II тысячелетия до н. э. вплоть до средневековья.

Следующей задачей М. М. Трапша было освещение жизни сельского населения позднеантичной эпохи, т. е. времени существования Севастополиса — римской крепости-города, стоявшей на месте нынешнего Сухуми. В 1960 г. он приступает к раскопкам большого могильника, расположенного к юго-западу от горного селения Цебельда на площади около 200 *га*.

Культура Цебельдинских могильников представляется весьма ярким и своеобразным явлением. Все же М. М. Трапшу удалось указать ряд аналогий отдельным вещам на Северном Кавказе, в особенности среди предметов так называемого «сарматского вооружения». В обрядах погребения устанавливается несомненная связь с культурой полей погребений черняховского типа в Северном Причерноморье. Общие черты этих культур объясняются, с одной стороны, сильным влиянием греко-римских колоний Черноморского побережья, с другой стороны — историческими связями. Абхазские племена — апсилы и абазги, создавшие эту культуру, были активными участниками событий времени ирано-византийских войн.

В этом заключается большое историческое значение раскопок М. М. Трапша в районе с. Цебельда, подытоженных в его большой монографии «Культура Цебельдинских некрополей». Эта работа находится сейчас в издательстве.

М. М. Трапш ставил перед собой большие, трудоемкие задачи, проявляя при решении их огромное трудолюбие и настойчивость. Описывая результаты своих раскопок он не удовлетворялся поверхностным обзором, а стремился к наиболее полной характеристике раскопанных объектов, к точному описанию и датировке найденного археологического инвентаря.

Эта высокая требовательность к себе отчасти послужила причиной того, что основные труды М. М. Трапша до настоящего времени еще не были изданы. С другой стороны, она облегчает посмертное опубликование этих капитальных работ, которые послужат достойным памятником научной деятельности М. М. Трапша. Они явятся ценным вкладом в разработку важнейших вопросов советской науки, в частности истории абхазского народа, верным сыном которого М. М. Трапш был всегда и во всем, оставив добрую память в сердцах товарищей по работе и всех, кто его знал.

Л. Н. Соловьев, В. Пачулиа

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки
АГСП — Античные города Северного Причерноморья
АП — Археологічні пам'ятки Украинской РСР
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БЕНЭС — Брокгауз и Ефрон. Новый энциклопедический словарь
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВИ — Вопросы истории
ВИУ — Вопросы истории Урала
ВФ — Вопросы философии
ВХУТЕМАС — Высшие государственные художественно-технические мастерские. (1918—1922 гг.)
ДП — Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗапМНИИ — Записки Мордовского научно-исследов. института социалистической культуры
ЗАО — Записки Археологического общества
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗСОРГО — Западносибирское отделение Русского географического общества
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИЖ — Исторический журнал
ИЗ — Исторические записки
Изв. НВИК — Известия Нижне-волжского института краеведения
ИКДР — История культуры древней Руси
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников
СОАН — Сибирское отделение Академии наук
Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
» ИЭ — Труды Института этнографии
» ИААЭ — Труды Института антропологии, археологии и этнографии
» МИРМ — Труды Музея истории и реконструкции Москвы
» VII МКАЭН — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук
» ОВЭ — Труды Отдела Востока Эрмитажа
» ОУАК — Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии
» СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
» ХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского государств. университета
» » ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследоват. института языка, литературы и истории
Уч. зап. ХНИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследоват. института языка, литературы и истории
ЦПО — Центральная промышленная область
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
AAH — Acta archaeologia hungaricae
AAL — Acta archaeologica lundensia (Sweden)
AS — Anatolian studies
BCH — Bulletin de correspondance hellenique
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)
FM — Finskt Museum (Helsinki)
JNES — Journal of Near Eastern Studies
IRS — Roman Syrien Glass
MDP — Memoires de la deligation en Perse
RL — W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie
SA — Slavia antiqua
SCIV — Studii si cercetari de istorie veche
SMYA — Suomeu Muinais-muistoyhdistyksen ackakauskirja
SPA — A Survey of Persian Art

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» за 1968 год

Статьи

	№	стр.
Л. В. Алексеев. Белорусская археология и историческое краеведение во второй половине XIX — начала XX в.	3	85
М. И. Артамонов. Происхождение скифского искусства	4	27
Т. Б. Барцева, Е. Н. Черных. О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры	2	93
Н. С. Белова. К надписи IosPE, III, 8	3	43
А. Я. Брюсов. Проблема происхождения культур каменного века в северной части европейской территории СССР	4	3
В. Г. Брюсова. О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде (XI — нач. XII вв.)	1	103
Н. М. Булатов. Классификация калинной поливной керамики золотоордынских городов	4	95
А. А. Быков. Р. Р. Фасмер	3	105
С. М. Васюткин. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия н. э.	1	56
В. Б. Виноградов. Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э.— I в. н. э.	1	48
В. П. Даркевич. Романские элементы в древнерусском искусстве и их переработка	3	70
В. И. Довженок, Ю. Н. Захарук, А. И. Тереножкин. К 60-летию С. Н. Бибикова	3	101
М. А. Дэвлет. Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее	1	28
И. П. Засецкая. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья	2	52
М. А. Ильин. О единстве домонгольского русского зодчества	4	87
Л. С. Клейн. О типичных приемах современной критики марксизма в археологии	4	138
И. Э. Клейненберг. Новгородский вощаной берковец XV в.	4	110
П. М. Кожин. Гобийская квадрига	3	35
С. И. Кочкуркина. Оятские могильники X—XI вв.	2	72
Ю. А. Краснов. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы	2	3
Л. Р. Кызласов. Низами о древнехакасском государстве	4	69
Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. О древнейшей металлургии Кавказа	4	16
Т. В. Николаева. Икона-складень 1412 г. мастера Лукиана	1	89
А. П. Окладников. Из предыстории искусства амурских народов (петроглифы на рр. Кия, Уссури)	4	46
О. М. Рапов. Знаки рюриковичей и символ сокола	3	62
К. В. Сальников Итоги изучения памятников эпохи бронзы на Южном Урале	1	3
И. К. Свешников. О символике вещей Михалковских кладов	1	10
В. В. Седов. Заселяли ли ятвяги Южную Литву?	2	82
А. П. Смирнов. Об археологических культурах Среднего Поволжья	2	63
В. П. Третьяков. Культура ямочно-гребенчатой керамики на северо-западе Европейской части СССР	3	3
П. Н. Третьяков. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне	4	58
Б. А. Тургунов. Приемы фортификации античного Чаганиана	1	39
А. А. Формозов. О наскальном рельефе близ с. Буша в Поднестровье	2	103
А. Х. Халиков. Приказанская культура	2	23
Е. А. Цепкин, В. А. Могильников. Рыболовство у населения лесного Прииртышья в эпоху железа	3	54

	№	стр.
А. В. Циркин. О культурных связях мордвы с вятичами в VIII—XII вв.	4	77
И. Н. Шарафутдинова. К вопросу о сабатиновской культуре	3	16
И. Ш. Шевелев. Строительная метрология и построение формы храмов Древнего Новгорода конца XII в.	1	73
К. К. Шилик, Б. Г. Федоров. Геоакустическое исследование подводной Ольвии	4	126
М. Б. Щукин. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор	2	41
К 70-летию М. И. Артамонова	4	151
К 60-летию А. П. Окладникова	4	157
К 60-летию Б. Б. Пиотровского	1	115
К 60-летию Б. А. Рыбакова	2	111
К 60-летию А. Л. Якобсона	1	118

Публикации

Х. П. Абдуллаев. Гильгильчайская оборонительная стена и крепость Чирах-Кала	2	196
М. П. Абрамова. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии	3	114
Н. К. Анисюткин. Два комплекса Ильской стоянки	2	118
Р. Б. Ахмеров. Скала Самга-Таш в Башкирии	4	199
О. Д. Балдина. Две иконы ростовской школы живописи	3	172
Ю. Ф. Буряков. Пскентские наусы	3	131
Г. И. Вздорнов. Фреска Спасо-Преображенского собора в Переяславле-Залесском	4	217
В. Д. Викторова. Сосновый остров-стоянка неолита и бронзы Среднего Зауралья	4	161
Ж. Н. Выжарова. Памятники Болгарии конца VI—XI вв. и их этническая принадлежность	3	148
Т. Н. Высотская. Позднескифские городища и селища Юго-западного Крыма	1	185
Ю. С. Гришин. О плиточных могилах Восточного Забайкалья	1	177
П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Яндашевская стоянка	2	126
М. П. Зимина. Стоянки позднего неолита и бронзы в Новгородской и Калининской областях	2	136
В. А. Кузнецов. Средний Зеленчукский храм	3	137
А. М. Лесков. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма	1	158
О. Д. Лордкипанидзе. Сухумская стела	1	166
С. Б. Лунина. Некоторые археологические данные по истории Мерва в XIII—XIV вв.	2	220
В. А. Малеванный. Изучение археологических пигментов	4	224
С. Н. Орлов. Археологические исследования в низовьях р. Мсты	3	160
М. Р. Полесских. Боевое оружие и снаряжение из могильников армиевского типа	1	198
А. Д. Пряхин. Памяти Г. В. Подгаецкого	2	233
Р. Л. Розенфельдт. Пушкаревское городище на р. Десне	1	194
А. В. Рындина. Итальянская камея XIII в. с изображением богоматери Одигитрии из Новгорода	4	209
Ю. А. Савватеев. Петроглифы новой Залавруги	1	134
И. К. Свешников. Богатые погребения комаровской культуры у с. Иванья Ровенской обл.	2	159
Т. Н. Сенигова. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня	1	208
Н. П. Сорокина. Фигурный стеклянный сосуд из Кеп	4	181
Э. А. Сымонович, А. З. Яровой. Поселение Викторовка II в устье Сосицко-Березанского лимана	2	169
Д. Л. Талис. Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища	2	184
Е. М. Тимофеев. Усть-Куломская мустьерская стоянка на Вычегде	3	107
Г. А. Тирацян. Золотая пекторали из Армавира	4	190
Г. А. Федоров-Давыдов, А. В. Циркин. Поселение эпохи бронзы и раннего железа в Мордовии	4	174
А. А. Щепинский. О неолите и энеолите Крыма	1	121
Х. Юсупов. Средневековые крепости на Большом Балхане	2	210
Памяти Б. С. Жукова	4	234
Памяти В. И. Смирнова	4	239

Заметки

И. Б. Брашинский. Материалы к изучению торговых связей Ольвии	2	260
С. П. Бурлацкая, Т. Б. Нечаева. Датирование образцов черняховской культуры археомагнитным методом	4	258
Л. Л. Галкин. Несколько изразцов из Селитренного городища	3	238

Ю. С. Гришин. О некоторых забайкальских медно-бронзовых изделиях эпохи средней бронзы (карасукского времени) 3 180
Е. А. Давидович. Новый среднеазиатский монетный двор Мухаммада хорезмшаха (1200—1220 гг.) 1 277
Р. Г. Джадтиев. Склепы верховьев р. Лиахвы 3 243
Р. М. Джанполадян. Резное стекло из Двина 1 268
Г. Джингов. Городище эпохи раннего средневековья у с. Стырмен в Болгарии 2 277
С. А. Есаян. Амулеты, связанные с культом солнца из Армении . . . 2 255
Л. А. Иванова. О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культур 2 251
О. Ш. Исмизаде. О Девичьей башне в Баку 2 290
В. И. Кадеев. Средневековые граффити из Херсонеса 2 288
А. А. Калантарян. Ампула с изображением Св. Андрея из Двина . . . 1 274
И. С. Каменецкий. Новый меотский могильник в Приазовье 2 264
А. И. Комеч. Построение вертикальной композиции Софийского собора в Киеве 3 232
Г. А. Кошеленко. Серебряная «ваза с Диоскурами» 2 266
А. И. Лаврентьев. Курганы и речная сеть юго-запада Прикаспийской низменности 3 248
А. С. Лазари. Паста для получения слепков 2 300
И. А. Лунегов. Сасанидское блюдо из Прикамья 4 256
П. Ф. Лысенко. Каменная иконка из Пинска 2 295
К. Маевский. Польские археологические исследования в Нове (Болгария) в 1966 году 1 242
К. Маевский. Польские археологические исследования в Нове (Болгария) в 1967 году 3 194
В. М. Массон. Открытие монументальной архитектуры эпохи бронзы в Южном Туркменистане 2 246
Г. Н. Матюшин. О нижневолжских «микролитах» 2 237
А. Н. Мелентьев. Две узды из Мингечаура 1 226
А. М. Микляев, Н. Г. Герасимова. Опыт применения метода фосфатного анализа при разведке древних поселений на территории Псковской области 3 251
Т. М. Минаева. Новые находки на городище Маджара 1 284
Н. В. Минкевич-Мустафаева. Производственные сооружения ремесленного квартала Байлакана 3 214
В. К. Михеев. Клад железных изделий с селища салтовской культуры . 2 297
В. А. Могильников. Елыкаевская коллекция Томского университета . . 1 263
Ю. А. Мочаов, С. А. Федосеева. Палеолитическая стоянка Ихине в Якутии 4 244
О. Я. Неверов. Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея . . 1 235
С. В. Ошибкина. Костяные рукоятки из позднекаргопольских стоянок . . 4 249
А. Д. Пряхин. Воргольское поселение срубной культуры 3 182
Н. В. Пятышева. Восточные шлемы с масками в Оружейной палате Московского Кремля 3 227
А. И. Россадович, Н. А. Щеткина, Т. Н. Дамаскина. Исследование металлических изделий из раскопок на Среднем Урале 4 263
И. Г. Розенфельдт. Детали колчанов на городищах дьякова типа . . . 2 272
А. П. Рунич. Катакомбный могильник VII—VIII вв. около г. Кисловодска 3 208
Л. М. Рутковская. Бронзовая статуэтка из Беговата 1 255
И. И. Саверкина. Пальмирский портрет собрания Эрмитажа 3 206
А. И. Салов. Случайные находки в Анапе и ее окрестностях 3 202
В. М. Скуднова. Надгробие из Нимфея 1 239
С. С. Сорокин. Древние каменные изваяния Южного Алтая 1 260
П. Н. Старостин. Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме 1 251
Б. Г. Тихонов. Новогеоргиевский клад клиновидных топоров 2 242
Г. Тончева. Одесос и Маркианополь в свете новых археологических исследований 1 230
М. Н. Федоров. Ферганский клад караханидских дирхемов (1034—1043) . 3 221
А. М. Хазанов. Сарматский кинжал из Саратовского музея 1 249
М. Д. Хлобыстина. Еще об одном минусинском ноже 4 253
П. П. Хороших. Наскальные рисунки Большого Кадинского порога . . . 3 198
В. И. Цехмистренко. Керченский склеп 1961 г. 3 189
В. Ф. Штейн. Пряжка с изображением ежей из сибирской коллекции Эрмитажа 2 269

Критика и библиография

Д. Т. Березовец. М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янської державності 3 279
Евг. Богословский. Mit Rahineh 1956 . . . . . 2 310
С. П. Борисковская. Corinth Results of exavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. v. XIII 3 284

	№	Стр.
Ю. Н. Захарук. В. В. Лапин. «Греческая колонизация Северного Причерноморья»	4	287
В. В. Иванов. А. М. Золотарев. «Родовой строй и первобытная мифология»	4	275
М. А. Итина, А. В. Виноградов. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы	1	286
Е. Е. Кузьмина. Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана	2	302
М. П. Кучера. К вопросу о Плеснеске	1	301
Л. И. Лавров. А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники	3	270
В. И. Марковин. В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятники эпохи бронзы Горного Дагестана	2	312
А. А. Мартиросян, Р. М. Мунчаев. С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении	3	255
О. Н. Мельниковская, Л. В. Алексеев. Э. М. Загорульский. Археология Белоруссии	3	291
А. П. Окладников. В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток	1	295
В. В. Седов. I. Herrmann. Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz	3	288
В. В. Седов. Archaeological research of north-eastern Poland and east Europe Acta Baltico-Slavica, IV	4	297
Э. А. Сымонович. М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янскоі державності	3	274
А. И. Тереножкин. В. В. Лапин. «Греческая колонизация Северного Причерноморья»	4	290
В. П. Третьяков, Т. П. Григорьев. Н. Н. Гурина. «Из истории древних племен западных областей (по материалам Нарвской экспедиции)»	4	271
А. Л. Якобсон. Г. Н. Чубинашвили. Разыскание по армянской архитектуре	3	262

Хроника

О. Н. Бадер. Международный симпозиум по проблеме селета в Венгрии	1	309
В. А. Булатович. Четвертое собрание Одесского археологического общества	2	315
В. А. Джорбенадзе. На археологических сессиях в Тбилиси	3	302
Н. М. Лосева, Н. А. Сидорова. Конференция по греческим вазам в ГДР	1	314
В. Г. Петренко. Вторая московская конференция по вопросам скифо-сарматской археологии	3	297
Р. Л. Розенфельдт. Сессия археологов в Кишиневе в 1967 г.	1	316

Некрологи

Ян. Айзнер	1	322
В. В. Веселов	3	305
Б. А. Латынин	1	323
Памяти Яна Петерсена	3	306
М. М. Трапш	4	

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. Я. Брюсов (Москва). Проблема происхождения культур каменного века в северной части европейской территории СССР . . . 3
Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. (Баку, Москва). О древнейшей металлургии Кавказа . . . 16
М. И. Артамонов (Ленинград). Происхождение скифского искусства . . . 27
А. П. Окладников (Новосибирск). Из предыстории искусства амурских народов (петроглифы нар. Кия, Уссури) . . . 46
П. Н. Третьяков (Ленинград). Зарубинецкая культура и поднепровские славяне . . . 58
Л. Р. Кызласов (Москва). Низами о древнехакасском государстве . . . 69
А. В. Циркин (Саранск). О культурных связях мордвы с вятичами в VIII—XII вв. . . . 77
М. А. Ильин (Москва). О единстве домонгольского русского зодчества . . . 87
Н. М. Булатов (Москва). Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов . . . 95
И. Э. Клейненберг (Ярославль). Новгородский вощаной берковец XV в. . 110
К. К. Шилик, Б. Г. Федоров (Ленинград). Геоакустическое исследование подводной Ольвии . . . 126
Л. С. Клейн (Ленинград). О типичных приемах современной критики марксизма в археологии . . . 138
К 70-летию М. И. Артамонова . . . 151
К 60-летию А. П. Окладникова . . . 157

Публикации

В. Д. Викторова (Свердловск). Сосновый остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья . . . 161
Г. А. Федоров-Давыдов, А. В. Циркин (Москва, Саранск). Поселение эпохи бронзы и раннего железа в Мордовии . . . 174
Н. П. Сорокина (Москва). Фигурный стеклянный сосуд из Кеп . . . 181
Г. А. Тирацян (Ереван). Золотая пектораль из Армавира . . . 190
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Скала Тамга-Таш в Башкирии . . . 199
А. В. Рындина (Москва). Итальянская камея XIII в. с изображением богоматери-Одигитрии из Новгорода . . . 209
Г. И. Вздорнов (Москва). Фреска Спасо-Преображенского собора в Переяславле Залесском . . . 217
В. А. Малеванный (Челябинск). Химическое изучение археологических пигментов . . . 224
Памяти Б. С. Жукова . . . 234
Памяти В. И. Смирнова . . . 239

Заметки

Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева (Якутск). Палеолитическая стоянка Ихине в Якутии . . . 244
С. В. Ошибкина (Москва). Костяные рукояти из позднекаргопольских стоянок . . . 249
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Еще об одном минусинском ноже . . . 253
И. А. Лунегов (Чердынь). Сасанидское блюдо из Прикамья . . . 256
С. П. Бурлацкая, Т. Б. Нечаева (Москва). Датирование образцов черняховской культуры археомагнитным методом . . . 258
А. И. Россадович, Н. А. Щеткина, Т. Н. Дамаскина (Нижний Тагил). Исследование металлических изделий из раскопок на Среднем Урале . . . 263

Библиография

В. П. Третьяков, Г. П. Григорьев (Ленинград). Некоторые вопросы неолита Прибалтики (Рец. на книгу Н. Н. Гуриной. «Из истории древних племен западных областей СССР») . . . 271
В. В. Иванов (Москва). Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний, рец. на кн. А. М. Золотарева «Родовой строй и первобытная мифология» . . . 276
Ю. Н. Захарук (Киев). В. В. Лапин. «Греческая колонизация Северного Причерноморья» . . . 287
А. И. Тереножкин (Киев). В. В. Лапин. «Греческая колонизация Северного Причерноморья» . . . 290
В. В. Седов (Москва). Archaeological research of north-eastern Poland and east Europe Acta Baltico-Slavica, IV . . . 297

Хроника

М. М. Трапш . . . 304
Указатель статей, опубликованных в журнале за 1968 г. . . . 307

SOMMAIRE

Articles

A. I. Brusov (Moscou): Probléme de l'origine des civilisations de l'âge de pierre dans la partie du Nord du territoire de l'U.R.S.S 3
F. A. Makhmoudov, R. M. Mountchaev, I. G. Narimanov (Bakou, Moscou): Sur la métallurgie la plus ancienne du Caucase 16
M. I. Artamonov (Léningrad): L'origine de l'art scythigue 27
A. P. Okladnikov (Novosibirsk): Dela préhistoire de l'art des peuples de la région de l'Amour (pétroglyphes sur les rivières Kaia e Oussouri) 46
P. N. Tretiakov (Léningrad): La civilisation Zaroubinetskaia et les Slaves du Dniepr 58
L. R. Kyzlasov (Moscou): Nisami sur l'Etat ancien des Khacasses 69
A. V. Tsirkine (Saransk): Sur les relations culturelles ontre Mordva et Viate tchi aux VIII—XII siécles 77
M. A. Ilyine (Moscou): Sur l'nuité de l'architecture russe prémongole 87
N. M. Boulatov (Moscou): Classification de céramique des villes de l'Horde d'Or 95
I. E. Kleinenberg (Iaroslav): Berkovetz ciré de Novgorod 110
K. K. Chilik, B. G. Fedorov (Léningrad): Geoakouztique exploration soumarine d'Olbia 126
L. S. Klein (Léningrad). Sur les procédés typiques de la critique moderne du marxisme dans l'archéologie 138
Au 70-e anniversaire de M. I. Artamonov 151
Au 60-e anniversaire d'A. P. Okladnikov 157

Publications

V. D. Victorova (Sverdlovsk): Sosnovy Ostrov — station de néolithe et de l'âge de bronze de Transouralié Moyen 161
G. A. Fedorov-Davydov (Moscou), **A. V. Tsyrkine** (Saransk): Un établissement de l'âge de bronze et de l'âge de fer avancé en Mordovie 174
N. P. Sorokina (Moscou): Un vase de veree sculpté trouvé à Kepoi 181
G. A. Tiratzian (Erevan): Pectoral d'or d'Armavir 190
R. B. Akhmerov (Oufa): Le rocher Tamga-Tache en Bachkirie 199
A. V. Ryndina (Moscou): Cameé italienne du XIII-e siècle á l'image de la Mére de Dieu d'Odiguitry de Novgorod 209
G. I. Vzdornov (Moscou): Une fresque de la cathédrale Spaso-Préobragenski á Péréyaslavle-Zalesski 217
V. A. Malevanny (Tcáliabinsk): L'etude des pigments archéologiques . . . 224
O. N. Bahder (Moscou): A la mémoire de B. S. Juokov 234
L. S. Kitzina, P. N. Tretiakov (Léningrad): A la mémoire de V. I. Smirnov . 239

Notes

I. A. Motchanov, S. A. Fedoséeva (Iakoutsk): Station paléolithique Ikhiné en Iakoutie 244
S. V. Ochibkina (Moscou): Manches en os des stations de Kargopol 249
M. D. Khlobystina (Léningrad): Encore sur un couteau de Minoussinsk . . . 253
I. A. Lounegov (Tcherdyn): Plate sassanide de la région de la Kama 256
S. P. Bourlatskaia, T. B. Netchaéva (Moscou): Datation des objects de la civilisation Tcherniakhovskaa par méthode archéomagnétique 258
A. I. Rossadovitch, N. A. Stchetkina, T. N. Damaskina (Nijny Taguile): Etude des objects en métal á l'Oural Moyen 263

Bibliographie

V. P. Tretiakov, T. P. Grigoriev (Léningrad): Quelques questions du néolithe de la Baltique 271
V. V. Ivanov (Moscou): L'organisation dualiste des peuples préhistoriques et l'origine des cosmogonies dualistes 276
I. N. Zakharouk (Kiev): V. V. Lapine. La colonisation grecque de la Pontide du Nord 287
A. L. Térénojkine (Kiev): V. V. Lapine. La colonisation grecque de la Pontide du Nord 290
V. V. Sédov (Moscou): Archaeological research of north-eastern Poland and east Europe 297

Chronique

M. M. Trapch 304
Index des articles publiés dans la revue «Sovetskaia archéologia» au cours de l'année 1968 307

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/VII-1968 г. Т-13660 Подписано к печати 26/IX-1968 г. Зак. 839
Форм. бум. 70×108¹/₁₆ Бум. л. 9¾ Усл.-печ. л. 27,3 Уч.-изд. л. 30,3 Тираж 2310 экз.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редколлегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2-х экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная. Сноски печатаются также через 2 интервала.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2-х экземплярах.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2-х экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в 2-х экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавита, должны быть сдублированы на кальке для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.